

ISSN 2411-1503

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XXXI

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2411-1503

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, С.П. Грушин, К.Ю. Кирюшин,
Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Т.С. Паршикова,
В.П. Семibrатов, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов*

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.**
2025. Вып. XXXI. — 408 с.

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXXI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения и сохранения памятников археологии, истории, архитектуры и этнографии, а также с использованием объектов наследия в музейной деятельности и в сфере культурного туризма.

*Издание подготовлено
в рамках реализации госзадания
«Тюркское наследие Большого Алтая:
история и современность»
(паспорт проекта №6666-25)*

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Афанасьев П.А.</i> Графическое наследие П.К. Фролова: реконструкция состава и атрибуция	7
<i>Ахмедова Г.А.</i> Свадебные обряды узбеков Оша в контексте межкультурного взаимодействия	14
<i>Бородовский А.П.</i> Возможности идентификации объектов археологического наследия и отдельных артефактов, изученным по данным первой четверти XVIII столетия, на территории Новосибирской области	18
<i>Васильев А.А., Кондратенко А.Ю., Устинова И.М.</i> Маршрут по следам Петра Фролова (Змеиногорск)	25
<i>Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Загородникова Д.П., Корусенко М.А., Павлов Д.Н.</i> Некоторые итоги археологического изучения каторжного острога Омской крепости	32
<i>Кальченко С.С.</i> Памятники и памятные места, посвященные коммунарскому движению, в с. Родино Шипуновского района	39
<i>Кокоулин В.Г.</i> Дискуссионные проблемы ранней истории сибирских (енисейских) кыргызов	44
<i>Мукаева Л.Н.</i> Река Катунь — духовный символ народов Алтая	50
<i>Осмонова С.К.</i> Природные символы и их значение в воспитании детей в традиционной кыргызской семье (по материалам юго-запада Ферганской долины)	57
<i>Рубцов Р.В.</i> Памятники и памятные места в исторической памяти р.п. Сузун	64
<i>Сариева Г.А.</i> Наследие Джусупа Баласагына и современность	71
<i>Сатыбалдиева Ч.Т.</i> Функциональные особенности традиционных ворсовых ковров кыргызов	76
<i>Ташалиева М.М.</i> Формирование и развитие традиционного хозяйства памирских кыргызов в условиях социально-экономических трансформаций (конца XIX — начала XX в.)	80
<i>Токторова Н.К.</i> Формирование и тенденции развития древних религиозных верований кыргызов	87
<i>Целищева М.А.</i> Дом Пепеляева в Бийске: история и современное использование	94
<i>Целищева М.А.</i> Здание гостиницы краевой партшколы в Барнауле — памятник архитектуры советского периода в формах неоклассицизма	99

<i>Целищева М.А.</i> Гостиница Вершинина в Барнауле — памятник истории, связанный с событиями Великой Отечественной войны	104
<i>Шастина Т.П.</i> Река Катунь как образ в русской литературе XX века	112

РАЗДЕЛ 2

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Белюсов Р.В.</i> Курганный могильник «Каменьторг» (по материалам работ 2024 г.)	119
<i>Бородовский А.П.</i> Новая находка сейминско-турбинского кинжала с зооморфным декором из Притоболья	128
<i>Головченко Н.Н., Назаров К.А., Бекетов А.В.</i> Продолжение обследования русловой отмели реки Обь на границе Первомайского и Тальменского районов Алтайского края	142
<i>Горбунов В.В.</i> Случайная находка деталей пластинчато-клепаного доспеха в Центральном Алтае	148
<i>Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Цэнд Д., Бондаренко С.Ю., Эрдэнэпурэв П., Уянга Х., Энхзул Ж., Лихачева О.С., Тишкин А.А.</i> Продолжение исследований тюркских оградок на памятнике Хужирт-1 (Монгольский Алтай)	155
<i>Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Сайберт В.О., Тишкин А.А.</i> Археологические исследования памятника Аккаин-2 в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточный Казахстан)	163
<i>Дашковский П.К., Ожиганов А.Н., Шершинева Е.А.</i> Исследование кургана №37 пазырыкской культуры на могильнике Ханхаринский Дол: предварительные результаты	173
<i>Иванов Г.Е.</i> Случайные находки косарей позднего бронзового века в Верхнем Приобье	178
<i>Илюшин А.М.</i> Раскопки 2009 года на Торопово-7	183
<i>Кунгуров А.Л.</i> Архаичное каменное орудие из с. Манжерок (Горный Алтай)	189
<i>Лихачева О.С.</i> Железный кинжал с дисковидным навершием из Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки	192
<i>Маркова К.Ю.</i> Религиозная терпимость тюрков (по материалам археологии Семиречья и Южного Казахстана)	199
<i>Марсадалов Л.С., Серегин Н.Н.</i> История каменного изваяния из Джумалы на Алтае, хранящегося в Государственном Эрмитаже (по материалам С.С. Сорокина)	206
<i>Мороз Ю.М.</i> Керамические сосуды с ручками из памятников афанасьевской культуры Горного Алтая	214

<i>Му Цицэ.</i> Об «оленных» камнях монголо-забайкальского типа в Синьцзяне	221
<i>Плотников Д.Р.</i> Находка костяного наконечника гарпуна в северных предгорьях Алтая	227
<i>Плотников Д.Р., Козликин М.Б.</i> Костяные орудия из голоценовых комплексов Денисовой пещеры	234
<i>Радовский С.С., Радовская Е.А.</i> Вклад С.И. Руденко и С.В. Киселева в изучение памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени ..	240
<i>Роговских В.С., Илюшин А.М., Ковалевский С.А.</i> К юбилею открытия поселения Красная Горка в Касьминском археологическом микрорайоне	247
<i>Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф.</i> Молоток-напильник из раннесредневекового некрополя Горный-10 (северные предгорья Алтая)	254
<i>Серегин Н.Н., Цэнд Д., Уянга Х., Отгонтуяа Ц., Болормаа Л., Отгонжаргал Э.-А., Жаргал Б., Даваадорж Г.</i> Раннее стрема из Южно-Гобийского аймака Монголии	261
<i>Телегин А.Н., Бекетов А.В.</i> Планиграфия курганных групп скифо-сакского времени Приобского плато (по материалам 2024 г.)	268
<i>Телегин А.Н., Головченко Н.Н.</i> Результаты работ сотрудников Алтайского государственного педагогического университета по определению границ объектов археологического наследия Алтайского края за 2020–2024 гг.	274
<i>Тишкин А.А., Киреев С.М.</i> Два древних копья из фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина: комплексный анализ	279
<i>Тишкин А.А., Симонов Е.В., Филиппова О.Г.</i> Случайные находки из Угловского района Алтайского края	289
<i>Фролов Я.В.</i> Находка наконечника стрелы кулайской культуры на востоке Кулунды	296
<i>Юй Лян.</i> Начало изучения на Алтае археологических памятников булан-кобинской культуры	302

РАЗДЕЛ 3 МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

<i>Адышева Н.К.</i> Роль музеев в образовательной деятельности	307
<i>Алексеева В.Е.</i> Антропологическая коллекция периода раннего средневековья из могильника Чумыш-Перекат в Верхнем Приобье	312
<i>Егорова Ю.В.</i> Особенности экспонирования предметов духовной культуры в музеях г. Барнаула	319

<i>Марсадоллов Л.С.</i> О сохранении древнего «Сада камней» в Семисарте на Алтае	324
<i>Отгонтуя Ц., Цэнд Д., Уянга Х., Болормаа Л., Отгонжаргал Э., Жаргал Б., Даваадорж Г.</i> Об истории и современной деятельности музея природы и истории Гоби (Южно-Гобийский аймак, Монголия)	331
<i>Пилипенко С.А., Мушинская Ю.С.</i> Новые поступления в Хужирский краеведческий музей им. Н.М. Ревякина	338
<i>Плотников Д.Р., Краснова Е.Л.</i> Гравированное изображение постройки с реки Кырлык	343
<i>Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С.</i> Об этнокультурном наследии алтайцев в развитии туризма Республики Алтай (на примере парка «Хранитель Большого Алтая» на курорте «Манжерок»)	348
<i>Тихонов С.С.</i> Музейные коллекции и изучение современных проблем археологии	353
<i>Тишкин А.А., Климук Я.А., Бондаренко С.Ю., Филиппова О.Г.</i> Каменные орудия труда начала эпохи палеометалла из Бурлинского района Алтайского края	357
<i>Тишкина Т.В., Тишкин А.А. (мл.)</i> Монумент на могиле Н.М. Ядринцева	365
<i>Умарова Р.Т.</i> Основные направления использования наследия в культурном туризме Кыргызстана	371
<i>Федорук А.С., Тишкин А.А., Чайка Н.В.</i> Кинжал эпохи бронзы из Табунского районного краеведческого музея	377
<i>Филипенко В.А., Шмидт А.В.</i> «Северный gambit» — музейная выставка об истории русских средневековых шахмат (по мотивам археологических коллекций)	386
<i>Целищева М.А.</i> Бюст С.И. Гуляева в Барнауле — объект культурного наследия регионального значения Алтайского края	393
<i>Эрдэнэпурэв П.</i> «Оленные» камни в музеях и парках Центральной Монголии: проблемы сохранения и перспективы использования	397
Список сокращений	406

РАЗДЕЛ 1

ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК: 908(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.01

EDN: XFSEPA

ГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ П.К. ФРОЛОВА: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА И АТРИБУЦИЯ

Павел Алексеевич Афанасьев

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье предпринята попытка определить круг чертежной графики, составленной алтайским горным офицером и новатором Петром Козьмичем Фроловым. Чертежное дело было одной из ярких граней его творчества, способствовавших его карьерному росту. Выделяется четыре комплекса чертежей, связанных со служебными заданиями П.К. Фролова, дается общая характеристика качественного и количественного состава каждой группы, отмечаются значимые особенности техники исполнения чертежей, указываются особенности отнесения чертежей к авторству П.К. Фролова. В заключение на основе внешнего анализа выявленной чертежной графики выделяются общие признаки атрибуции ее авторства, принадлежащего П.К. Фролову, необходимые для дальнейшего ее выявления и изучения.

Ключевые слова: Кольвано-Воскресенские горные заводы, Байкал, Иртыш, Петр Козьмич Фролов, чертежная графика

Для цитирования: Афанасьев П.А. Графическое наследие П.К. Фролова: реконструкция состава и атрибуция // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 7–13. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.01

THE GRAPHIC LEGACY OF P.K. FROLOV: COMPOSITION RECONSTRUCTION AND ATTRIBUTION

Pavel A. Afanasiev

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article attempts to determine the range of drawing graphics compiled by the Altai mining officer and innovator Peter Kozmich Frolov. Drawing was one of the bright facets of his work, which contributed to his career growth. Four sets of drawings related to P.K. Frolov's official assignments are identified, a general description of the qualitative and quantitative composition of each group is given, significant features of the drawing technique are noted, and the specifics of attributing drawings to P.K. Frolov's authorship are indicated. In conclusion, based on an external analysis of the identified drawing graphics, the author identifies the general signs of its attribution to P.K. Frolov, necessary for its further identification and study.

Keywords: Kolyvan-Voskresensk mining plants, Baikal, Irtysh, Peter Kozmich Frolov, drawing graphics

For citation: Afanasiev P.A. The Graphic Legacy of P.K. Frolov: Composition Reconstruction and Attribution. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:7–13. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.01

Личность Петра Козьмича Фролова известна историкам и краеведам благодаря его многогранной деятельности, сопряженной со званием горного офицера. Служа на Кольвано-Воскресенских заводах, уже в первом десятилетии XIX в. он заявил о себе как о незаурядном новаторе. Однако описания деятельности Петра Фролова, как правило, почти не касаются его чертежно-графических работ, являвшихся неотъемлемой частью служебных обязанностей.

Открытие и введение в научный оборот подписных чертежей П.К. Фролова произошло в 1-й половине 1950-х гг. Усилиями В.В. Ламакина и Н.Я. Савельева были изучены и опубликованы карты озера Байкал и речных путей, составленные П.К. Фроловым в связи с его изучением доставки свинца из Восточного Забайкалья на Алтай (Ламакин, 1953, с. 225, 227; 1955, с. 194; Савельев, 1956, с. 160, 170, 175). Было заявлено об открытии «более 250 неопубликованных карт и планшетов со съемками Оби и Ангары» (Карты сибирских рек, 1955, с. 3). Тогда же стали известны отдельные карты, относящиеся к разработке П.К. Фроловым проектов транспортных коммуникаций на Алтае (Крылов, 1957, с. 75–76). Однако чертежи и карты рассматривались лишь как интересный, но вспомогательный источник для изучения новаторской деятельности их автора. Всплеск интереса к графике П.К. Фролова наблюдался в 2010-е гг. в связи с комплексным изучением истории Сузунского завода. Исследователи ввели в оборот подписные чертежи, относящиеся к предприятию, проведя научный анализ изображений и выдвинув ряд предположений о чертежной деятельности П.К. Фролова в период их создания (Воротникова, Шаповалов, 2015, с. 42–49). Единичные образцы графики с подписью П.К. Фролова ввиду высокого качества ее исполнения изредка публикуются как источник-иллюстративный материал, не сопровождаясь при этом указанием на ее комплексный характер (Кузбасс в документальных памятниках..., 2021, с. 78). Обращаясь к малоизученной деятельности П.К. Фролова-чертежника, настоящая публикация призвана раскрыть состав и систематизацию его графического наследия, а также определить исходные принципы атрибуции принадлежности авторства чертежно-графических материалов П.К. Фролову.

Способность Петра Козьмича Фролова к выполнению чертежно-графических работ вряд ли может быть поставлена под сомнение. Программа обучения в Горном училище Петербурга предусматривала освоение курса рисования. В 1798 г. в ответ на запрос Кабинета Его Императорского Величества (далее — Кабинет) руководство Горного училища сообщало, что Фролов

и другие алтайские выпускники 1793 г. в числе прочих предметов обучались «рисовать». При этом ни один из алтайских выпускников этого года не был отмечен в исключительном познании какого-либо предмета: «При экзамене оказали довольно знание в оных, в каких же более себя усовершенствовали по делам не видно» (ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 162. Л. 2–2 об.). Поэтому склонность Петра Фролова к чертежным занятиям можно лишь предполагать по косвенным данным. Вернувшись в 1793 г. на Кольвано-Воскресенские предприятия, выпускник несколько лет занимал на рудниках Змеиногорской группы должности «по маркшейдерской части», связанные с проведением съемочных работ в рудниках и на поверхности и их последующим картографированием. Позже, будучи в 1822 г. в Петербурге как начальник заводов, П.К. Фролов преподнес в дар alma mater свою готовальню. Обладая к тому времени богатой личной библиотекой, в т.ч. научно-технического профиля, имея по должности начальника горнозаводского региона возможность пополнения минеральной коллекции Горного музея, П.К. Фролов, тем не менее, подарил музею свой скромный набор чертежных инструментов. Видимо, подарок имел для него символическое значение, отмечая вклад учебного заведения в формирование и развитие выдающихся чертежных способностей П.К. Фролова, послуживших в свое время трамплином для его карьерного роста.

Все чертежно-графические работы П.К. Фролова были связаны с его служебной деятельностью. Первые из них были связаны с результатами его командировки в составе группы на Нерчинские заводы в 1798–1800 гг. Представителям Кольвано-Воскресенских заводов поручалось изучить условия и пути доставки свинца, необходимого для плавки серебряных руд, из Восточного Забайкалья на Алтай. Предписание предусматривало создание «карты с надлежащим описанием» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 197. Л. 207). В сентябре 1799 г. Кабинет именно П.К. Фролову отдал новое предписание, чтобы «карта всему тому путеследованию с принадлежащим описанием приведена была к окончанию и в Кабинет доставлена» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 197. Л. 206).

Составление «частных и генеральных карт» по итогам нерчинской экспедиции не было результатом деятельности только П. Фролова. Вероятно, равнозначную роль выполнял его коллега по экспедиции Н. Корелин. «В воздаяние понесенных ими трудов в снятии карт и описании пути» в 1801 г. оба они получили одинаковое вознаграждение от Кабинета в виде повышения в чине и пожизненной ежегодной пенсии в 280 рублей каждому (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 344. Л. 92). Введенные в научный оборот карты экспедиции составляют лишь малую толику этого результата. В формулярном списке П.К. Фролова особо отмечена его инициатива по описанию Нерчинских предприятий, включая создание «рисованных видов рудников и заводов» (РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 1639. Л. 12об.). Это подтверждает ведущую роль Фролова в составлении итоговых картографических материалов нерчинской поездки.

Всего в Петербург было отправлено 150 карт и 11 видов (РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 520. Л. 202–203). Комплекс нерчинской графики включает две груп-

пы. В первую входят выполненные тушью черно-белые карты, представляющие крупные части изученного пути. Их характеризует наличие подписей Фролова и Корелина, одинаковая манера подписей в легенде. Вторую группу составляют детальные карты русел рек. Они выполнены в цветной акварельной технике с упрощенной манерой рисунка. В столице все карты были приобщены к комплексу карт «водяной коммуникации Российского государства», а для нужд Кабинета уже к январю 1802 г. были изготовлены копии. Позже, к началу 1806 г., П.К. Фролов вторично скопировал 145 карт нерчинской экспедиции, которые также были отправлены в Кабинет. По-видимому, частично сохранились все три варианта этого комплекса карт, о чем свидетельствует различие в чине у подписи Фролова. Копии изготовлялись уже в несколько упрощенном оформлении с сохранением основных элементов. Однако явное стилистическое единство исполнения с указанием на создание последнего варианта копий самим Фроловым дает возможность говорить о нем как об исполнителе всех вариантов. На сегодняшний день листы нерчинской серии разных вариантов выявлены в фондах ГААК, РГИА, РГБ и ГИМ, что ставит задачу дальнейшей работы по атрибуции этого интереснейшего комплекса.

Второй комплекс графики, связанный с П.К. Фроловым, включает планы, чертежи и виды Колывано-Воскресенских предприятий. Известный благодаря публикации его отдельных листов в качестве иллюстраций, этот комплекс в то же время является наиболее загадочным. Кроме подписи «Бергмейстер 8 класса Фролов», многие листы серии не имеют других явных датирующих признаков. Исследователи Сузунского завода датировали листы, относящиеся к предприятию, сопоставлением изображений с документальными описаниями. Все листы серии имеют первоначальную авторскую нумерацию, единый формат и стилистику оформления. Это даже позволило выдвинуть ошибочную гипотезу о бытовании альбома этих чертежей применительно к Сузунскому заводу (Воротникова, Шаповалов, 2015, с. 45–47).

Нами установлено, что выполнение этой серии осуществлялось по заданию Кабинета в последней трети 1801 г., и уже в январе 1802 г. серия была отправлена в столицу. Всего было выполнено 65 чертежей и планов. Их дополняли восемь видов рудников и заводов «в александрийский лист». Серия предназначалась для поднесения императору, поэтому Кабинет предписывал выполнить их «самою чистою работою» с возможным помещением «действующих лиц работою», для чего требовались «искусные рисовальщики» (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 344. Л. 122–126об.). Хотя это задание лишь предполагало завершить работу, начатую еще в 1798 г., сопоставление имеющихся чертежей 1798 и 1801 гг. говорит о фактически заново проделанной работе. Нами выявлено 47 разрозненных листов планов и чертежей и шесть видов. Но это не снимает вопросов к серии 1801 г. Во-первых, малый срок для исполнения значительного количества чертежей вряд ли мог быть выполнен одним человеком. Однако на всех листах присутствует только подпись П.К. Фролова. Возможно, он, уже руководивший в это время окружной чертежной, лишь визировал

готовые листы. В пользу их создания одним человеком свидетельствует явно одинаковая манера в оформлении, шрифтовых надписях, легендах и акварельной подцветке чертежей. Не лишено элементов художественности очень искусное исполнение видов рудников и заводов, особенно заметное в сравнении с простоватыми видами 1798 г. (Воротникова, Шаповалов, 2015, с. 14, 42; Кузбасс в документальных памятниках..., 2021, с. 75). Поэтому графическая серия 1801 г., предположительно отождествляясь с П.К. Фроловым, еще требует значительных атрибуционных и источниковых исследований.

Третья серия графики П.К. Фролова связана с его работами по изучению сплава руд по реке Иртыш в 1804 г. В течение лета были проведены промеры фарватера, опыты сплава судов с рудой. Результатом стали подробные описания нового способа перевозки сырья в труднодоступном районе, дополненные детальными картами русла Иртыша. Всего была создана 31 карта, выполненная в акварельной технике. Помимо русла Иртыша, на листах располагался профиль глубин реки соответствующего места плана. «Изюминкой» карт стало помещение в них сплошной миниатюрной панорамы правого берега Иртыша, выполненной также в технике акварели. Карты были созданы П.К. Фроловым, имели его подпись. Манера их исполнения, очень близкая к технике предыдущих серий, служит одним из доказательств принадлежности обоих комплексов авторству П.К. Фролова.

В 1805 г. описание и карты опытного сплава по Иртышу были представлены в Кабинет, получили там высокую оценку и были представлены императору (РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1391. Л. 6–60б.). Вероятно, не только заводская польза сплава руд, но и визуальный эффект карт произвели яркое впечатление. Решением императора 9 сентября 1805 г. П.К. Фролов «за открытие плаванья в больших судах по Иртышу...» был пожалован первым орденом в его служебной карьере, св. Владимира 4-й степени (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 646. Л. 80). Как и нерчинские карты, иртышская серия также была передана в собрание карт Российской империи. В январе 1806 г. П.К. Фролов выполнил копию иртышских карт для Кабинета (РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 520. Л. 209). Почти полный комплект карт иртышской серии отложился в фондах РГИА. Он требует сопоставления с описательными материалами иртышского сплава 1804 г. для изучения этой деятельности П.К. Фролова.

Четвертая графическая серия работ П.К. Фролова связана с его исследованиями по транспортному освоению речных путей Алтая. Карты этой серии посвящены нивелированию местностей региона для возможных прокладок новых путей сообщения, в том числе чугунно-рельсовых дорог, и промерам глубин рек Алей, Чарыш и Обь. Результатом этих работ 1806–1807 гг. стала группа нескольких общих карт нивелируемых мест и множество детальных планов русел промеряемых рек. Представление о первой группе дает карта, выявленная в ГААК Н.Я. Савельевым. Она выполнена акварелью, высокохудожественной манерой напоминая не столько карту, сколько рисунок местности. Деревни на карте изображены избами, заводы обозначены плавильным цехом, а Барнаульский завод как центр региона отмечен зданием Канцелярии

горного начальства (ГААК. Ф. 50. Оп. 10. Д. 283). Вторая группа детальных карт русел рек выполнена в стилистически единой манере с иртышской серией. Также показаны русла и профили рек, схематически обозначена прилегающая к ним местность, но нет видовых вставок. Сравнение с картой устья Алея того же исследования, подписанной Х. Вецелем, свидетельствует о явном качественном отличии в манере исполнения в пользу фроловских карт (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 524. Л. 150).

Карты этой серии легко атрибутируются. Помимо подписей П.К. Фролова и единообразного акварельного оформления, они имеют двойную нумерацию: общий порядковый номер и порядковый номер карты в группе одной из рек. Несмотря на такую однозначность, карты этой серии и деятельность П.К. Фролова по их созданию остались без внимания. В эти годы в биографии их создателя более привлекательным для исследователей является строительство чугунно-рельсовой дороги, прославившее П.К. Фролова.

Кроме выделенных серий чертежной графики в наследии П.К. Фролова имеются единичные подписные чертежи. Они связаны с проектами постройки рудовозных судов, проектом Демидовского обелиска, различными зарисовками и др. Не выделяя их в отдельную группу, можно отметить их высокоточную манеру исполнения в чертежной технике с акварельной подцветкой. Это, безусловно, визуально выделяет данные чертежи из массы текущей чертежной документации того времени. Вероятно, часть подобных единичных чертежей и рисунков авторства П.К. Фролова еще может быть выявлена или неточно атрибутирована. Примером подобного неоднозначного отнесения к авторству П.К. Фролова может быть атрибуция забайкальских рисунков без авторской подписи, хранящихся в отделе рукописей РНБ и традиционно связываемых с П.К. Фроловым (Бакшеева, 2021, с. 104–105).

На сегодняшний день графическое наследие П.К. Фролова, насчитывающее около 230 листов, рассредоточено в нескольких местах. Небольшая часть в виде подготовительных чертежей сохранилась в фондах ГААК. Значительная часть подлинников отложилась в фондах РГИА. Отдельные карты как приложения к исследовательским материалам П.К. Фролова оказались в рукописных и картографических фондах РГБ и ГИМ. Во многом такая особенность связана с тем, что большинство графических работ создавалось как часть отчетных документов, представлявшихся высшему руководству горными заводами Алтая. Однако особенности архивного фондирования привели к оторванности графических материалов от исторически связанных с ними отчетов, затрудняя их выявление и изучение.

Подводя итоги, к основным атрибутирующим элементам графических материалов П.К. Фролова можно отнести следующие. Во-первых, наличие на большинстве листов собственноручной подписи П.К. Фролова и отсутствие других подписей. Хотя этот признак не может однозначно утверждать авторство (подпись могла быть заверкой его как руководителя), однако все выявленные чертежи и рисунки с подписью обладают вторым атрибутирующим

признаком. Им следует считать высококачественную и тончайшую манеру исполнения тонкого перьевого рисунка с элементами акварельной подцветки, явное единообразие исполнения шрифтов курсивных и прямых надписей. В целом изящная манера исполнения отличает подписную фроловскую чертежно-видовую графику, резко выделяя из от большинства горнозаводских чертежей того времени. Безусловным основанием атрибуции может выступать документальное подтверждение авторства П.К. Фролова. Хотя документы свидетельствуют о его важной роли в изготовлении чертежей, но его авторство однозначно указывается лишь для некоторых их серий. Таким образом, в выявлении состава и атрибуции авторства фроловской чертежной графики выделенные на основе внешнего анализа признаки могут служить основой для дальнейшей работы по изучению и уточнению как состава графического наследия П.К. Фролова, так и развития чертежного дела на Алтае в первое десятилетие XIX в.

Список источников

Бакшеева С.Е. Первые планы средневековых монгольских городищ Забайкалья по неопубликованным источникам: П.К. Фролов // Археология евразийских степей. 2021. №4. С. 96–109.

Воротникова Е.Ю., Шаповалов А.В. Сузунский медеплавильный завод и монетный двор на рубеже XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2015. 86 с.: ил.

Карты сибирских рек // Вечерний Ленинград. 1955. 24 декабря.

Крылов Г.В. К истории создания первой лесной карты с проектом транспортных путей на юге Сибири // Известия Новосибирского отдела географического общества. Вып. 1. Новосибирск, 1957. С. 75–78.

Кузбасс в документальных памятниках: 300 уникальных и значимых документов по истории Кузбасса XVII — начала XXI века. Кемерово, 2021. 400 с.: ил.

Ламакин В.В. Первая геологическая съемка р. Ангары // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 2. М., 1953. С. 225–230.

Ламакин В.В. Исследования южно-сибирского водного пути в конце XVIII века // Труды института истории естествознания и техники. Т. 3: История геолого-географических наук, горной и металлургической науки и техники. М., 1955. С. 190–203.

Савельев Н.Я. Исследование пути на восток по притокам Оби, Енисея и Амура на рубеже XVIII–XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. 1. Барнаул, 1956. С. 156–178.

Информация об авторе / Information about the Author

Павел Алексеевич Афанасьев, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, доцент; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-7672-8012>, pavel_afanasev@mail.ru

Pavel. A. Afanasiev, Altai State Pedagogical University, Department of National History, Docent; 656031, Barnaul, Russia, Molodezhnaya st. 55; Candidate of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0001-7672-8012>, pavel_afanasev@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article
УДК: 392.5:316.7
DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.02
EDN: XQOGTS

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ УЗБЕКОВ ОША В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гулида Абдраимджановна Ахмедова (Охунова)

*Кыргызско-Узбекский Международный университет им Б. Сыдыкова,
Ош, Киргизия*

Резюме: В статье рассматриваются свадебные обряды узбеков Оша в контексте межкультурного взаимодействия. Проанализированы традиционные элементы свадебной церемонии, а также их изменения под влиянием соседних народов и процессов глобализации. Особое внимание уделяется адаптации заимствованных обрядов, их трансформации и возникновению новых, гибридных форм свадебных ритуалов. Исследование показывает, как свадебные традиции служат индикатором этнокультурных процессов, отражая и сохранение уникальности местных традиций, и внедрение элементов других культур. В работе акцентируется внимание на укреплении межэтнических связей, а также на важности свадебных обрядов для сохранения культурного наследия узбекского народа в условиях современной глобализации.

Ключевые слова: свадебные обряды, узбеки Оша, межкультурное взаимодействие, этнокультурные процессы, традиции, глобализация, адаптация, культурный синтез

Для цитирования: Ахмедова Г.А. Свадебные обряды узбеков Оша в контексте межкультурного взаимодействия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 14–18. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.02

WEDDING RITES OF THE UZBEKS OF OSH IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION

Gulida A. Akhmedova (Okhunova)

Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. This article examines the wedding rites of the Uzbeks of Osh in the context of intercultural interaction. The traditional elements of the wedding ceremony are analyzed, as well as their changes under the influence of neighboring peoples and globalization processes. Special attention is given to the adaptation of borrowed rites, their transformation, and the emergence of new hybrid forms of wedding rituals. The study demonstrates how wedding traditions serve as indicators of ethno cultural processes, reflecting both the preservation of the uniqueness of local traditions and the introduction of elements from other cultures. The paper emphasizes the strengthening of interethnic relations and the importance of wedding rites for the preservation of the cultural heritage of the Uzbek people in the context of modern globalization.

Keywords: wedding rites, Uzbeks of Osh, intercultural interaction, ethnocultural processes traditions, globalization, adaptation, and cultural synthesis

For citation: Akhmedova G.A. Wedding Rites of the Uzbeks of Osh in the Context of Intercultural Interaction. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:14–18. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.02

Межкультурное взаимодействие — это процесс обмена традициями, обычаями, ценностями и социальными практиками между различными этническими и культурными группами. Оно играет важную роль в формировании культурных идентичностей и способствует взаимопониманию между народами. В сфере свадебных обрядов межкультурное взаимодействие проявляется через заимствование элементов, их адаптацию и трансформацию в соответствии с местными традициями.

Свадьба, как одно из ключевых событий в жизни человека, отражает культурные ценности общества, его исторические связи и современные тенденции. В регионах с этническим разнообразием, таких как Ош, свадебные традиции становятся площадкой для культурного синтеза, где можно наблюдать влияние соседних народов и глобальных тенденций (Ахмедова, 2024, с. 1–5).

В современном мире сталкиваются две тенденции: унификация культуры и стремление к сохранению традиционных ценностей. Исследование традиционной культуры, в частности свадебных обрядов, имеет первостепенное значение для понимания процессов этнокультурного взаимодействия (Лобачева, 1990, с. 27–50).

Ош — один из древнейших городов Центральной Азии, находящийся на пересечении культурных путей. В свадебных обрядах узбеков этого региона прослеживаются как традиционные элементы, так и влияние соседних народов: кыргызов, таджиков, уйгуров, русских, а также дальних этносов, таких как турки и татары. Это влияние выражается в заимствовании и адаптации элементов, что приводит к формированию новых, гибридных форм свадебных церемоний (Ахмедова, 2025, с. 20–29).

Многовековая близость узбеков и кыргызов в Оше способствовала формированию схожих элементов в семейно-бытовой культуре. Одним из примеров такого взаимодействия является традиция свадебных подарков. Исторически у узбеков существовал обычай дарить невесте цепочку во время помолвки и кольцо на свадебной церемонии. Однако под влиянием кыргызской традиции сегодня все чаще дарят полный набор золотых украшений (браслет, серьги, ожерелье и кольцо), что стало символом статуса и благосостояния молодоженов (Информаторы, Алиева Т.К.).

**Сравнение свадебных традиций узбеков и кыргызов:
этапы и современные трансформации**

Tab. 1

**Comparison of Wedding Traditions of Uzbeks and Kyrgyz:
Stages and Modern Transformations**

Этап свадебной церемонии	Традиция у узбеков	Традиция у кыргызов	Современная трансформация
Помолвка	Дарение цепочки	Дарение комплекта украшений	Распространение дарения полного набора украшений
Свадебная церемония	Дарение кольца женихом	Дарение кольца женихом	Популяризация полного комплекта украшений
Влияние культурного обмена	Обычай сохраняется	Заемствование практики отдельными семьями	Формирование новой нормы свадебных подарков

Важной частью свадебной церемонии является введение молодоженов в свадебный дом (тойхона). У узбеков этот ритуал сопровождается символическим покрывалом над головами жениха и невесты, символизирующим защиту и благословение. У кыргызов же этот момент чаще сопровождается национальными песнями и музыкальным сопровождением, а акцент делается на праздничной атмосфере и торжественном приветствии гостей. Это изменение обусловлено современными тенденциями, влиянием городской культуры и глобализации. Современные свадьбы в Оше все чаще объединяют элементы обеих культур (Информаторы, Махмудова Л.И.). Например, некоторые семьи предпочитают сохранять традицию покрытия для символики благословения. Обряд «*Келин Салом*» является важной частью свадебных традиций узбеков, символизируя уважение невесты к семье мужа. Она, облаченная в национальный наряд, под музыкальное сопровождение совершает церемониальное приветствие, кланяясь перед гостями. Этот ритуал встречается и у кыргызов, но у них он не является строго обязательным (Информаторы, Шокирова Ш.И.). В семьях, где он практикуется, его форма часто схожа с узбекским вариантом, что свидетельствует о культурном взаимодействии. Еще одной интересной традицией, объединяющей узбеков и кыргызов, является обряд *сажания ребенка на колени жениха*. Этот ритуал символизирует пожелание паре иметь многочисленное потомство и крепкую семью (Информаторы, Муратова А.И.). В некоторых случаях он сопровождается благословением старейшин. В современных условиях эта традиция все чаще сохраняется в сельских районах, тогда как в городах она может видоизменяться или вовсе отсутствовать.

Сегодня молодые пары, выбирающие смешение традиций, подчеркивают важность уважения к культуре обеих сторон. Они считают, что такие свадьбы укрепляют межэтнические связи и помогают сохранить культурное наследие.

Таблица 2

Динамика изменения свадебных традиций у узбеков Оша

Tab. 2

The Dynamics of Changes in Wedding Traditions among the Uzbeks of Osh

Традиция	1950–1980 гг.	1980–2000 гг.	2000–2020 гг.
Одежда невесты	Традиционный национальный наряд	Европейское белое платье	Традиционный национальный наряд и белое платье
Музыкальное сопровождение	Живое исполнение национальной музыки	Комбинация живой и записанной музыки	Преобладание записанной музыки, современные DJ-сеты
Подарки невесте	Небольшие украшения и одежда	Цепочка, серьги, кольцо	Полный набор золотых украшений
Место проведения	В доме семьи жениха	Частично в доме, частично в ресторане	В доме семьи жениха, иногда в ресторане

Интернет и социальные сети способствуют распространению новых идей, позволяя молодежи изучать традиции других народов и интегрировать их в свои обряды. Современные свадьбы становятся платформой для взаимного уважения и диалога между этническими группами.

Таблица 3

Влияние глобализации на свадебные обряды

Tab. 3

The Influence of Globalization on Wedding Rituals

Свадебный элемент	Традиционная форма	Современная форма	Влияние глобализации
Свадебные приглашения	Лично передавались родным и друзьям. Утром на машине кричали «на нонушта» в махаллях	Рассылаются по WhatsApp, соцсетям	Упрощение процесса, экономия времени, исчезновение старых традиций
Музыкальное сопровождение	Национальные инструменты, живое исполнение	DJ-сеты, микс национальной и зарубежной музыки	Влияние западной культуры и технологий
Фото и видео	Обычные фотографии	Профессиональные фотосессии и клипы	Рост популярности свадебных видеороликов в Instagram и TikTok
Свадебный торт	Не было традиции	В единичных случаях вводится торжественный свадебный торт	Западное влияние, символ праздничного банкета

Свадебные обряды узбеков Оша демонстрируют сложный процесс межкультурного взаимодействия. Заимствованные элементы не просто копируются, а адаптируются, приобретая новый смысл в местной традиции. Это свидетельствует о гибкости культуры и ее способности эволюционировать, сохраняя свою идентичность. В условиях глобализации подобные процессы становятся все более заметными, однако ключевым остается стремление к сохранению традиций через их адаптацию к современным реалиям.

Список источников

Ахмедова (Охунова) Г.А. Влияние процессов глобализации на трансформацию предсвадебных обрядов узбеков города Ош (Киргизия) // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2024. Т. 26, №5 (98). С. 1–5.

Ахмедова Г.А. Интеракция культурных влияний в соседних обрядах узбеков Оша влияние соседних культур и народов // Известия Национальной Академии Наук Кыргызской Республики. 2025. Вып. 1. С. 20–29.

Информаторы: Алиева Турсунай Кудайбердиевна, ул. Мирсаатова, №42.

Информаторы: Махмудова Луиза, ул. Аскар Шакиров.

Информаторы: Муратова Александра Игорьевна, Привокзальная Турсунбаева, №180.

Информаторы: Шокирова Шоира Ибрагимовна, Амир Темур, мкр. Мадинский, №6.

Лобачева Н.П. Социальные институты древности в жизни современной семьи народов Средней Азии // Семья: традиции и современность. М., 1990. С. 27–50.

Информация об авторе / Information about the Author

Гулида Абдраимджановна Ахмедова (Охунова), Кыргызско-Узбекский Международного университета им. Б. Сыдыкова, кафедра истории и философии, старший преподаватель; 723500, Киргизия, г. Ош, ул. Г. Айтиева, 27, gulida@mail.ru

Gulida A. Akhmedova (Okhunova), Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Department of History and Philosophy, Senior Lecturer; 723500, Kyrgyzstan, Osh, Aitiev St., 27, gulida@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 904(571.14)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.03

EDN: XWGNUO

ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ОТДЕЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ, ИЗВЕСТНЫХ ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII СТОЛЕТИЯ, НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Андрей Павлович Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья посвящена анализу идентификации объектов археологического наследия в Новосибирском Приобье, описанных в XVIII столетии. Путевые записи Д.Г. Мессершмидта И.Г. Гмелина являются одним из первых источников по археоло-

гическому наследию Новосибирской области. Данные о различных археологических памятниках (курганах, городищах) и случайных находках, расположенных вдоль старого Московского тракта и его окрестностей, вполне приемлемы для их идентификации с ныне известными объектами археологического наследия. Не менее значимым является установление оперативности распространения сведений об отношении российского государства в начале XVIII в. к древним предметам историко-культурного значения, обнаруженным на юге Западной Сибири.

Ключевые слова: археологическое наследие, научные изыскания XVIII столетия, Верхняя Обь, Новосибирская область, идентификация, археологические объекты, артефакты

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке в рамках госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2025-0004 «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков».

Для цитирования: Бородовский А.П. Возможности идентификации объектов археологического наследия и отдельных артефактов, изученных по данным первой четверти XVIII столетия, на территории Новосибирской области // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 18–25. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.03

THE POSSIBILITY OF IDENTIFYING OBJECTS OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE AND INDIVIDUAL ARTIFACTS KNOWN ACCORDING TO THE DATA OF THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY ON THE TERRITORY OF THE NOVOSIBIRSK REGION

Andrey P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the identification of archaeological heritage sites in the Novosibirsk Ob region described in the 18th century. The travel notes of D.G. Messerschmidt and I.G. Gmelin are one of the first sources on the archaeological heritage of the Novosibirsk region. Data on various archaeological sites (mounds, hillforts) and accidental finds located along the old Moscow highway and its environs are quite acceptable for their identification with currently known objects of archaeological heritage. Equally important is the establishment of the efficiency of dissemination of information about the attitude of the Russian state at the beginning of the 18th century to ancient objects of historical and cultural significance discovered in the south of Western Siberia.

Keywords: archaeological heritage, scientific research of the 18th century, Upper Ob, Novosibirsk region, identification, archaeological sites, artifacts

For citation: Borodovskiy A.P. The Possibility of Identifying Objects of Archaeological Heritage and Individual Artifacts Known According to the Data of the First Quarter of the 18th Century on the Territory of the Novosibirsk Region. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025; XXXI:18–25. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.03

Для севера Верхнего Приобья 1-й четверти XVIII столетия в путевых дневниках Д.Г. Мессершмидта (1721 г.), С.Л. Владиславича-Рагузинского (1726 г.), И.Г. Гмелина (1741 г.) неоднократно присутствует информация о наличии объектов археологического наследия (городищ, курганов, артефактов) на

территории будущей Новосибирской области. Эти данные в настоящее время достаточно актуальны в рамках идентификации и сопоставления с современными археологическими данными по историко-культурному наследию. Исследования этой тематики ведутся как в историографическом контексте (Борисенко, 2022; Автушкова, 2023), так и в рамках локализации конкретных археологических памятников (Археологические раскопки..., 2017; Автушкова, 2017; Горохов, Бородовский, 2018), идентификация которых длительное время была затруднительна или неоднозначна. Одним из таких примеров является «Уеньское городище», опубликовано И.Г. Гmeliным в 1752 г. (Gmellin, 1752, s. 82, 83) (рис. 1.-1).

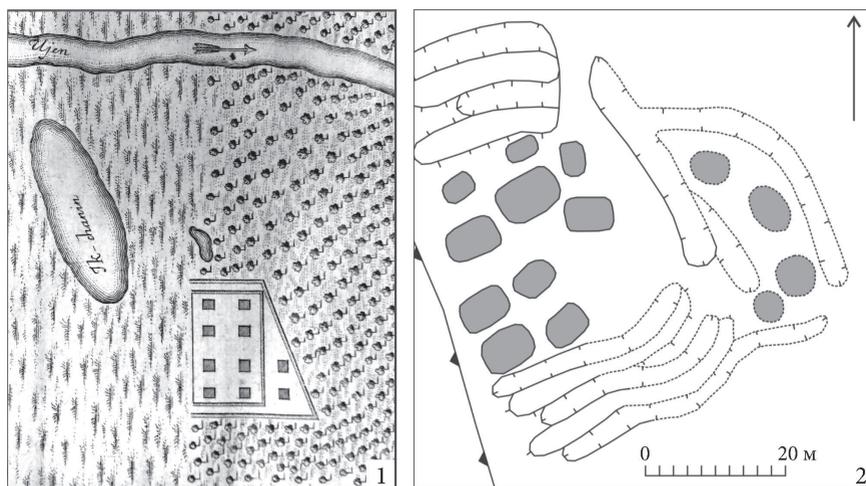

Рис. 1. Идентификация «Уеньского городища»: 1 — глазомерный план городища по И.Г. Гмелину, 1752 г.; 2 — городище Дубровинский Борок-6 (инструментальный план)
 Fig. 1. Identification of the “Uyensky Hillfort”: 1 — An eye dimensional plan of the hillfort according to I.G. Gmelin, 1752; 2 — the Dubrovinsky Borok-6 hillfort (instrumental plan)

Атрибуция реального существования этого объекта растянулась более чем на 250 лет (Уманский, 1972; Романцова, Троицкая, Матвеева, 1973; Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996; Горохов, Бородовский, 2018). Пока в начале этого столетия не удалось наконец идентифицировать его реальный археологический прототип — городище Дубровинский Борок-6 (рис. 1.-2) в Мошковском районе Новосибирской области (Бородовский, Горохов, 2020, с. 201). Причина длительности процедуры идентификации «Уеньского городища» заключалась не только в проблемности установления его реального месторасположения, но и соотношения его изображения XVIII в. с глазомерным планом (выполненным геодезистом В. Худорожкиной) 2-й половины XX в. (Троицкая, 1979, с. 82, табл. VI.-2). Затруднения в такой процедуре сводились не только к различной инструментальной основе этих планов (в пер-

вом случае схема, составленная после осмотра, а во втором — глазомерная съемка), но и в явном влиянии стереотипов представления и восприятия объектов фортификации в XVIII столетии. В частности, один из острых углов внешнего рва «Уеньского городища» явно соответствует выступу «гласису», типичному для фортификации Раннего Нового времени. Тогда как в действительности эта часть внешнего рва городища имеет по данным глазомерной съемки совершенно иные очертания (Бородовский, Горохов 2020, с. 201, рис. 145, 146). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что возможности глазомерной съемки второй половины прошлого столетия далеко не всегда безупречны. Примером тому наличие «бастинированных выступов» на городище Барсов Городок-1/18 в Сургутском Приобье, якобы выявленных в ходе глазомерной съемки в 70-х гг. прошлого столетия (Борзунов, 2002). Однако данные современной топографической съемки этого городища не подтвердили на этом объекте археологического наследия наличие таких выступов (Чемякин, 2019).

Кроме «Уеньского городища» в районе Абаханского зимовья в левобережной обской пойме И.Г. Гмелин упоминает о курганах. Скорее всего, эти свидетельства относятся к хорошо видимым с дороги курганам Березового острова и Дубровинскому бугру (Мошковский район Новосибирской области).

Другим примером идентификации объектов, описанных в начале XVIII столетия для Новосибирского Приобья, являются археологические памятники в окрестностях с. Юрт-Оры Колыванского района, описанные Д.Г. Мессершмидтом. Этот исследователь упоминает о наличии курганов и укрепления у юрта Or-Karagai (с. Юрт-Оры). На расстоянии 4–5 верст (4,2–5,3 км) после курганных групп им были описаны защитные валы городка или крепости, о котором упоминали жители вышеупомянутого юрта, как о временно пребывании Кучума (Messerschmidt, 1962. s. 52, 63). В этом случае археологические исследования, проведенные на этой территории в конце XX в. и начале нового столетия, позволили установить реальные и мнимые памятники древности. Курганы, упоминаемые Д.Г. Мессершмидтом, соответствуют некрополю Почта-3 (Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 85, рис. 115). Они располагались вдоль старого Московского тракта, состояли из 11 насыпей диаметром 6–10 м, высотой от 0,7 до 1 м, хорошо видимых с дороги. Тогда как рельеф «городища» у юрта Or-Karagai (с. Юрт-Оры) оказался археологическим памятником. Полевые исследования, проведенные в 2016 г. А.А. Присекайло, на этих «валах» не выявили признаков культурного слоя и наличия оборонительного сооружения — «городища» (Археологические раскопки..., 2017, с. 47). Это был естественный донный рельеф обской поймы, осмысленный и мифологизированный местным населением — чатскими татарами. В этой связи необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, в основе этнонима чатских татар лежит топоним «чатъ», обозначающий мыс, который традиционно используется как площадка для сооружения мысовых городищ. Во-вторых, хан Кучум как исторический персонаж является частью генеалогической легенды чатов. По свидетельствам Г.Ф. Миллера, чаты по-

сле изгнания хана Кучума (шейбанида, потомка кочевых узбеков) жили некоторое время в верховьях р. Оби. Здесь будто бы им было дано имя «чать», которое, если исходить из народной этимологии, переводилось на русский язык как «мыс». Такой этноним они получили якобы потому, что их главный улус находился когда-то на мысе. В дальнейшем такие представления могли быть спроецированы на естественный рельеф, напоминающий укрепления городища, в месте длительного и компактного проживания этой локальной этнотерриториальной группы тюркского населения севера Верхней Оби.

Не менее любопытны сведения Д.Г. Мессершмидта об индивидуальных находках. В своих путевых описаниях этот исследователь указывает, что многие «языческие могилы» по берегам Оби в своей общей массе уже разграблены, и нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно найти еще что-нибудь ценное. Однако при посещении Чаусского острога Д.Г. Мессершмидт упоминает о двух артефактах.

Одним из них является предложение о несостоявшемся приобретении золотых сережек. Судя по описанию Д.Г. Мессершмидта, речь шла о так называемых «петельчатых» серьгах эпохи раннего железа, вес которых составлял не больше 1,5–2,5 г. Локализация находки этого украшения не уточнена. Тогда как для другого предмета — бронзового идола сохранилось упоминание о находке у с. Орда. Этот артефакт, скорее всего, происходил с обширного археологического комплекса Ордынское-1, локализованного в районе древней переправы через р. Обь. В этой связи следует заметить, что подобные артефакты недавно были выявлены в районе традиционной переправы через эту реку в черте г. Новосибирска у с. Старо-Кривошекова (Бородовский, 2021).

Другая информация по артефакту, упомянутому Д.Г. Мессершмидтом при посещении Чаусского острога, еще более любопытна. 20 июня 1721 г. ему сообщили что у дворянина Вишневецкого из Томска, ныне пребывающего в Чаусском остроге, имеется идол из меди в виде козла, на которого прыгает лев. Информаторы (прапорщик Цоймем и Петр) Д.Г. Мессершмидта после неудачной попытки приобретения этого предмета стали упрекать Вишневецкого, говорить о значении этого артефакта для «науки», на что он ответил, что сам бы мог доставить этот предмет в Петербург в Кунсткамеру Его Царского Величества.

Такой факт достаточно любопытен по целому ряду причин. Во-первых, это описанная бляха. Такая разновидность изделий достаточно хорошо идентифицируется как бляха со сценой терзания копытного животного кошачьим хищником в скифо-сибирском зверином стиле. Эти предметы широко распространены (рис. 2) на юге Западной Сибири от Верхнего Приобья, Нижней Катуня и Среднего Енисея и Центральной Азии (Богданов, 2006) (рис. 2). Во-вторых, еще следует обратить внимание на упоминание дворянина Вишневецкого о том, что он сам мог бы доставить бляху с терзанием самостоятельно в Кунсткамеру. Учитывая, что это первое музейное учреждение России было основано в 1714 г., а Сенатский указ о покупке в Сибири курьезных вещей и о присылке оных в Берг- и Мануфактур-коллегию вышел 16 февраля

Рис. 2. Картография находок блях со сценой терзания кошачьим хищником копытного животного: 1 — Томское Приобье; 2 — Агролес (Бердск); 3 — Юбилейный-2; 4 — Семипалатинск (Казахстан); 5 — Майма-VII; 6 — Барангол-1; 7 — коллекция Лопатина; 8, 9 — Минусинская котловина; 10 — Кежма; 11 — Дужерлик-Ховузу-1; 12 — Даган-Тели-1 (Тува); 13 — Ордос; 14 — Айдингху; 15 — коллекция Харрисон; 16 — Шихуйгою; 17 — Ченьянь Чунь; 18 — Чуу

Fig. 2. Cartography of the finds of plaques with a scene of torment by a feline predator of a hoofed animal: 1 — Stepanovskoye settlement; 2 — Agroles (Berdsk); 3 — Yubileyny-2; 4 — Semipalatinsk (Kazakhstan); 5 — Maima-VII; 6 — Barangol-1; 7 — Lopatin collection; 8, 9 — Minusinsk basin; 10 — Kezhma; 11 — Duzherlik-Khovuzu-1; 12 — Dagan-Teli-1 (Tuva); 13 — Ordos; 14 — Aidinghu; 15 — Harrison Collection; 16 — Shihuigoyu; 17 — Chenyan Chun; 18 — Chiu

Рис. 3. Бляха из окрестностей г. Бердска (местонахождение Агролес)
Fig. 3. Plaque from the vicinity of Berdsk (location of Agroles)

1721 г. (Полное собрание..., 1830, №3738; Музееведческая мысль..., 2010, с. 857), то дата контакта (20 июня 1721 г.) с Вишневецким по поводу бляхи достаточно любопытна. Дело в том, что временные интервалы между этими событиями явно свидетельствуют о достаточно оперативном распространении информации об отношении к предметам древности из Сибири в начале XVIII столетия, принятом в Российском государстве. Не менее важно другое обстоятельство. Несмотря на достаточно широкое территориальное распространение блях (рис. 2) эпохи раннего железа со сценой терзания копытного (полной и парциальной), контекст, который соответствует описанию предмета дворянина Вишневецкого из Чаусского острога, более всего соответствует изделиям именно с Верхней Оби (рис. 2.-1, 2, 6). Ближайшей территориальной аналогией такого предмета, описанного Д.Г. Мессершмидтом, является случайная находка в окрестностях г. Бердска (рис. 3) (Бородовский, 2002, с. 33, рис. 18). На этой территории кроме такой случайной находки явно присутствуют разрушенные погребальные объекты эпохи раннего железа (Бердский залив). Поэтому можно с полным основанием предполагать происхождение артефакта из Чаусского острога с территории Новосибирского Приобья.

Список источников

Автушкова А.Л. Сведения об археологических памятниках на территории Новосибирского Приобья в труде И.Г. Гмелина // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]. Барнаул, 2017. С. 37–38.

Автушкова А.Л. Изучение археологических памятников барабинской лесостепи и Новосибирского Приобья в XVIII — первой половине XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2023. 25 с.

Археологические раскопки на территории деревни Юрт-Ора (Новосибирская Область). Новосибирск, 2017. 70 с.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии: скифо-сибирская художественная традиция. Новосибирск, 2006. 239 с.

Борисенко А.Ю. Изучение древних и традиционных культур народов Сибири и прилегающих к ней районов Центральной Азии европейскими учеными в конце XVII — начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2022. 48 с.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. №3. С. 79–97.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской Области. Новосибирск, 2002. 210 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 6)

Бородовский А.П. Предмет восточной торевтики из окрестностей г. Новосибирска. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, №5: Археология и этнография. С. 96–103. doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-82-90

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог: результаты археологических исследований 2010–2017 годов. Новосибирск, 2020. 220 с.

Горохов С.В., Бородовский А.П. Локализация Абаханского зимовья и Уеньского городища по данным из путевого дневника И.Г. Гмелина // Археология и этнография. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, №5. С. 37–39.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск, 1996. 192 с.

Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков. М., 2010. 960 с.
Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е]. Т. 6, кн. 2. СПб., 1830. 817 с.

Романцова В.Д., Троицкая Т.Н., Матвеева В.И. Археологическая карта побережья реки Уень // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1973. С. 55–75.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.

Уманский А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ — «кокуев» // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972. С. 47–59.

Чемякин Ю.П. Городище Барсов городок I/18 и ранний железный век Сургутского Приобья // Universum Humanitarium. 2019. №1, С. 38–55.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, 1752. 700 s.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. В., 1962. Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. 380 s.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Павлович Бородовский, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник; 630090, Россия, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева 17, доктор исторических наук, профессор, [https://orcid.org/\(0000-0002-6312-1024\)](https://orcid.org/(0000-0002-6312-1024)), altaicenter2011@gmail.com

Andrey Pavlovich Borodovskiy, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ak. Lavrentieva Ave., Doctor of Historical Sciences, Professor, [https://orcid.org/\(0000-0002-6312-1024\)](https://orcid.org/(0000-0002-6312-1024)), altaicenter2011@gmail.com

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 904(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.04

EDN: XYDBWI

МАРШРУТ ПО СЛЕДАМ ПЕТРА ФРОЛОВА (ЗМЕИНОГОРСК)

Александр Алексеевич Васильев¹, Аркадий Юрьевич Кондратенко²,

Ирина Михайловна Устинова³

^{1,2}*Музей истории развития горного производства им. А. Демидова,
Змеиногорск, Россия*

³*Комитет по культуре и туризму, Змеиногорск, Россия*

Резюме. В век информационных технологий и с развитием мобильных технологий все больше становится популярным самостоятельный туризм. Люди сами планируют свое затраченное время на экскурсию. Для такого вида туризма формируются электронные базы данных исторических документов, геометок для построения маршрута, аудиогиды, фотоальбомы старинных фотографий. Каждый пользователь базы, любитель истории и краеведения, сможет выбрать для себя нужный объем

исторической информации согласно своему запросу. Данные базы позволяют юным краоведам изучать историю своей малой родины, делать новые открытия, проводить научно-практическую работу, тем самым пополняя саму базу новыми документами. Нужно помнить, что ни одна электронная база данных не заменит живого общения с профессиональным экскурсоводом. Электронные базы данных позволяют сотрудникам музея разрабатывать новые интересные туристические маршруты. Маршрут по следам Петра Фролова — один из них.

Ключевые слова: самостоятельные туристы, системы информационно-экскурсионного обслуживания

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта Губернатора Алтайского края Томенко В.П.

Для цитирования: Васильев А.А., Кондратенко А.Ю., Устинова И.М. Маршрут по следам Петра Фролова (Змеиногорск) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 25–32. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.04

ROUTE IN THE FOOTSTEPS OF PETER FROLOV (ZMEINOGORSK)

Alexander A. Vasiliev¹, Arkady Y. Kondratenko², Irina M. Ustinova³

^{1,2}*Museum of History of Mining Development named after A. Demidov, Zmeinogorsk, Russia*

³*Committee on Culture and Tourism, Zmeinogorsk, Russia*

Abstract. In the age of information technology and with the development of mobile technology, independent tourism is becoming increasingly popular. People plan their own time spent on excursions. Electronic databases of historical documents, geo-locations for route setting, audio-guides, photo albums of old photos are formed for this type of tourism. Every user of the databases, history and local history lovers, will be able to choose the amount of historical information they need according to their cognitive demand. These bases allow young local historians to study the history of their homeland, make new discoveries, and write scientific and practical works by doing so replenishing the base with new documents. It should be remembered that no one electronic database is able to replace live communication with a professional guide. Electronic databases allow the museum staff to create new interesting tourist routes. The route in the footsteps of Peter Frolov is one of such routes.

Keywords: independent tourists, information and excursion service system

Acknowledgments: The work was carried out with the support of the grant of the Governor of Altai Krai V.P. Tomenko.

For citation: Vasiliev A.A., Kondratenko A.Yu., Ustinova I.M. Route in the Footsteps of Peter Frolov (Zmeinogorsk). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:25–32. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.04

Змеиногорск — город памятников, город-памятник (В.М. Тихомиров). На территории нашего города находится более 50 объектов культурного наследия. В честь 250-летия со дня рождения нашего земляка, талантливого инженера, начальника Колывано-Воскресенских заводов и томского гражданского губернатора, основателя нашего музея Петра Козьмича Фролова (1775–1839) Музей истории развития горного производства имени Акинфия

Демидова Змеиногорского района Алтайского края и Комитет по культуре и туризму Администрации Муниципального округа Змеиногорского района Алтайского края реализуют новый историко-туристический проект «Маршрут по следам Петра Фролова». Проект осуществлен при поддержке гранта Губернатора Алтайского края.

В 2024 г. совместно с общественной туристической организацией «Туристический информационный центр» Змеиногорского района Алтайского края были пересмотрены туристические маршруты в городе Змеиногорске. Невозможно за 1–2 часа в обзорной экскурсии показать всю историю Змеиногорского рудника и селения при нем. Были проведены эксперименты, нескольким заинтересованным группам туристов была показана вся история и памятники нашего города. На это ушло два дня, по семь часов в день на каждую группу. Было принято решение разработать различные туристические маршруты по городу с различной тематикой: «Архитектура города Змеиногорска»; «Православие в Змеевых горах»; «Некрополь Змеиногорского рудника»; «Легенды и были горы Змеиной»; «Передовые технологии горного дела»; «Восхождение на Караульную сопку» и др. Это позволяет предоставить туристическим группам выбор темы маршрута и не перегружать гостей города информацией.

В 2025 г. в честь годовщины нашего земляка появилась идея создать отдельный туристический маршрут с рассказом о жизни и деятельности Петра Козьмича Фролова в Змеиногорске. Были выбраны 11 обзорных точек из жизни Петра Козьмича. От его рождения до могильного камня его жены Марьи Ивановны Фроловой (1785?–1857) на старом Змеиногорском кладбище. Основными объектами были выбраны: 1) здание Змеиногорского музея, которое было построено по заказу Петра Фролова специально для музея в 1823–1825 гг.; 2) памятник Петру Козьмичу Фролову в Змеиногорске (1980 г.); 3) место усадьбы Петра Фролова с лиственницами; 4) Дом горных офицеров, построенный в 1825 г. по заказу П.К. Фролова; 5) бергамт (контора Змеиногорского рудника). Памятник архитектуры XIX в. Здание главного горного правления Кольвано-Воскресенских заводов, связано с жизнью и деятельностью К.Д. Фролова и П.К. Фролова; 6) большой разнос, место, где стояло большое водоотливное колесо Вознесенского куншттата. В 1794 г. Петр Козьмич помогал своему отцу с ремонтом и установкой нового кривошипа колеса; 7) памятный знак начала первой в России чугунно-рельсовой дороги, построенной в 1806–1809 гг. по проекту П.К. Фролова; 8) городской парк с Екатерининским куншттатом, в прошлом это рудное поле, где, возможно, Петр Козьмич Фролов, будучи ребенком, занимался разбором руды; 9) плотина Козьмы Дмитриевича Фролова (1786 г.). В 1793 г. Петр Козьмич Фролов помогал своему отцу в укреплении этой плотины; 10) остатки участка чугунно-рельсовой дороги П.К. Фролова на улице Ленина, между домами 88–92; 11) могильный камень Марьи Ивановны, вдовы Петра Козьмича Фролова, на старом Змеиногорском кладбище.

Маршрут по следам Петра Фролова — это не только пеший туристический маршрут по городу. Основной целью проекта является создание информацион-

ной, электронной базы данных о жизнедеятельности Петра Козьмича Фролова в Змеиногорске. Она поможет туристам самостоятельно погрузиться в историю нашего города, а юным исследователям — проводить свои изыскания.

В 2023 г. наш музей принял участие, совместно с региональной краеведческой общественной организацией «Наследие Алтай» под руководством доктора исторических наук, профессора, директора Научно-образовательного центра «Историко-культурное наследие Большого Алтая» Ольги Николаевны Труевцевой, в создании в г. Змеиногорске локальной системы информационно-экскурсионного обслуживания «Змеиногорск исторический» (zmeinogorsk-historical.ru).

Индивидуальные QR-коды получили 21 объект культурного наследия города Змеиногорска. В процессе считывания этих кодов с помощью смартфона каждый посетитель объекта культурного наследия, любитель истории и краеведения может выбрать нужный ему объем информации.

В течение 2024 г. мы проводили мониторинг работы системы с помощью «Яндекс метрики». Изучали целевую аудиторию посетителей, ее возрастные категории, интересы, время посещения, какие объекты культурного наследия интересуют больше всего. Анализ этих данных показал, что мы упускаем самую интересную группу посетителей. Это самостоятельные туристы и путешественники.

За 2024 г. число посетителей системы составило 91 тыс. и продолжает расти. За аналогичный период Змеиногорский музей посетило 13 тыс. чел. Анализ показывает, что данная система востребована туристами. Они предварительно изучают историю посещаемого места, планируют свое время на знакомство с тем или иным объектом, не ограничены временем экскурсии и временем работы музея. Могут в спокойной обстановке изучить предлагаемые им исторические материалы.

Оценив все плюсы и минусы проекта «Змеиногорск исторический», мы решили создать совершенно новый продукт «Маршрут по следам Петра Фролова». Использовать вместо QR-кодов геометки «Яндекс карт» для построения маршрута к контрольной точке с помощью мобильных устройств. В качестве хранилища исторических документов и публикаций использовать «Яндекс диск». Это позволит нам отслеживать количество просмотров и скачивания определенных документов. Создать резервные копии этих документов на случай уничтожения того или иного сайта источника. Продублировать работу сайта проекта в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте». Это позволит расширить целевую аудиторию нашего проекта; с помощью таргетированной рекламы и тематических статей расширить популяризацию объектов культурного наследия, связанных с жизнью и деятельностью Петра Фролова в Змеиногорске; привлечь внимание туристов к нашему городу.

При формировании базы исторических документов было изучено более 50 научных изданий краеведов и историков XIX–XX вв. о жизни и деятельности П.К. Фролова. Основное внимание было уделено ссылкам на исторические документы, взаимосвязи между ссылками историков друг на друга.

В результате анализа были выявлены «мертвые» ссылки на не существующие в наше время документы. Была составлена хронология публикуемых материалов историков. Запрошены в архивах и музеях цифровые копии исторических документов, на которые ссылались историки.

Совместная работа с архивами и музеями нашей страны, получение от них цифровых копий исторических документов позволили пополнить научно-вспомогательный фонд нашего музея, по-новому пересмотреть имеющуюся у нас информацию, сделать новые интересные открытия.

Электронная база проекта позволяет редактировать ее с учетом изменений и уточнений в реальном времени, что невозможно сделать в печатном издании. Допущенные неточности в книге остаются в ней до переиздания или навсегда. Электронная база позволяет скорректировать информацию на реальный момент. Это позволяет посетителям электронной экскурсии получить достоверную и современную информацию.

К примеру, в 2007 г. в исторический мир была введена дата смерти жены Петра Козьмича Фролова Марьи Ивановны — 29 февраля 1857 г. На основании могильного камня. Это было отражено в научном издании: «...Марии Ивановны Фроловой (ум. 29.02.1857 г.), дата смерти и место погребения которой ранее не были известны» (Алехин, Кунгуров, Шевская, 2013, с. 148). Изучив труды историков 30–90 гг. XX в., мы увидели, что они знали год смерти Марьи Ивановны, указывали его в своих трудах и не называли точной даты (Виргинский, 1968, с. 188; Гришаев, 1999, с. 154). Ссылки на первоисточники они не указывали. Что интересно, 29 февраля в 1857 г. не существовало. 28 февраля — крайняя дата, невисокосный год. И никого это не насторожило.

Изучая труды современников, лишь один историк, Алексей Анатольевич Пережогин, указал дату смерти 29 ноября 1857 г. Он нам подсказал: «Год рождения Марии Ивановны 1785 определен по самому раннему упоминанию ее возраста (9 лет) в формулярных списках ее отчима В.С. Чулкова. Дата смерти 29.11.1857 указана в метрической книге Змеиногорска за 1857 г., запись 114: ГАТО Ф. 170. Оп. 9. Д. 603. Л. 114об.–115». Мы запросили Государственный архив Томской области на получение цифровой копии записи о смерти Марьи Ивановны. Они подтвердили нам: «...По ссылке действительно имеется запись №114 о смерти 29 ноября и погребении 2 декабря 1857 года вдовы тайного советника Фролова. ... Умерла от старости ...».

Совместная работа и объединение исторических документов в одну базу позволили нам определить точную дату смерти супруги Петра Козьмича Фролова. Остался вопрос с датой рождения. Согласно формулярному списку за 1827 год (ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 1об–2), Марья Ивановна было 39 лет. Марья Ивановна родилась ориентировочно в 1788 (?) году. Окончательный ответ может дать запись о смерти Марьи Ивановны, в которой указывается количество лет на момент смерти. Соответствующий запрос о получении оцифрованной записи был сделан в Государственный архив Томской области. Более точный ответ может дать запись о рождении Марьи Ивановны. Но для этого нужно знать место и точный год рождения, в какой церкви ее крестили.

Также был сделан запрос в Государственный архив Томской области о получении оцифрованной записи из метрической книги Змеиногорского рудника за 1775 г. о рождении Петра Козьмича. Данная запись позволит ответить на вопросы: даты рождения и крещения Петра Козьмича, кто его родители, кто восприемники, кто из священнослужителей совершал таинство крещения. Поскольку выписка из метрической книги является юридическим документом, титульный лист данной книги позволит нам ответить на самый главный вопрос: где родился Петр Козьмич? Рудник, крепость, село или поселок? Дело в том, что на всех изученных метрических книгах Змеиногорска XVIII в. до 1894 г. стоит название Преображенской церкви Змеиногорского рудника! И никак иначе! С 1894 по 1917 г., в течение 23 лет, Змеиногорск как только не называли. Окружной город, заштатный город, безуездный город, село, селение, и в 1917 г. ему был присвоен статус города. В метрической книге стали писать «граждане города Змеиногорска» вместо «обыватели», а на титульной странице появилась надпись «город» (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 3247). Рабочим поселком город Змеиногорск стал в советское время. В 1952 г. снова стал городом. Петр Козьмич Фролов родился не в крепости, не в селе и не в поселке, он родился на Змеиногорском руднике. Ответ кроется в метрической книге церкви Преображения Господня на Змеевском руднике за 1775 г. Работая совместно с Центральным музеем железнодорожного транспорта Российской Федерации и Государственным музеем городской культуры в Санкт-Петербурге, мы смогли определить точное место захоронения Петра Козьмича Фролова на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

«В хронологическом списке особ погребенных в Александро-Невской лавре. Часть I (фонд Редкая книга ГК 8759975 КП-1850 РК-1) под номером 1975 сделана запись от 13 декабря 1839 г. о погребении Фролова П.К.: «Петр Кузьмич Фролов, Тайный Советникъ, Сенаторъ и Кавалеръ, скончался 10 декабря 64-х лет. На Новом кладбище».

«Согласно плану Тихвинского кладбища Александро-Невской лавры (ГК-34856003 ГМГС КП-7206, Гр-2544) место захоронения П.К. Фролова располагалось близ существующих и поныне могил А.Н. и Е.М. Олениных, А.М. Сухаревой (ур. Полторацкой)».

Появилась и новая тема для исследования. Петр Козьмич был похоронен вместе с девицей Верой Ивановной Шангиной (1825–1839). Она умерла через 19 дней после смерти Петра Козьмича в возрасте 14 лет и была похоронена в одной ограде. Сейчас мы изучаем, кто такая Вера Ивановна, кем она приходилась Петру Козьмичу и отчего умерла.

«В “Перечне могил и надгробий Тихвинского кладбища” (1935 г.) на стр. 84 под №7 запись: “Тайный советник Фролов Петр Кузьмич, 1839; Вера Ивановна Шангина, 29 декабря 1839 г. Чугунная ограда. Памятник”».

Дату рождения Веры Ивановны мы взяли из справочника: «...Шангина, Вѣра Ивановна, дѣвица, р. 23 мая 1825 † 29 декабря 1839. Съ Петромъ Козьмичемъ Фроловым (Александро-Невская лавра. Тихвинское кладбище)». (Сайтов, 1913, с. 502).

Мы знаем про трех Иванов Шангиных на Алтае, в частности на Змеиногорском руднике: 1) Шангин Иван Иванович (1827 г.р.), статский советник; 2) Шангин Иван Петрович (1785–1822), горный офицер, родился в Змеиногорске; 3) Шангин Иван Семенович (1793 г.р.), горный офицер, заведовал Барнаульской лабораторией. Только два последних могли быть отцом Веры Ивановны. Если только есть неточность в дате рождения Веры Ивановны (1825). Больше всех подходит Иван Семенович. Но что интересно! Петр Козьмич Фролов был косвенно причастен к смерти Ивана Петровича, обвинив его в растрате казенных денежных средств.

«...А тяжба тянулась. П.К. Фролов в 1821 г. настаивал, что 2239 р. расходов И.П. Шангина сомнительны и должны быть обоснованы, а 439 р. следует взыскать бесспорно. Пишут о взыскании с него 500 р. К нему приехала жена; возросли заботы и расходы. Его положение было неясным. Долг не превращался в прямое обвинение в растрате, чреватое военным судом (это ждало его в Барнауле), вероятно, благодаря Е.И. Мечникову, ставшему сенатором. Напряженность его жизни росла. И, наконец, рапорт: “Маркшейдер Шангин, быв одержим болезнию, умер 1822 года октября 25 дня...” . Ему было 37–38 лет» (Бурштейн, 2013, с. 191).

Обвинение довело Ивана Петровича до смерти. Скончался в Санкт-Петербурге. Предположительно Петр Козьмич мог чувствовать свою вину и удочерил Веру Ивановну или взял под свою опеку. Ведь жена Петра Козьмича, Марья Ивановна Фролова, тоже была удочерена. Марья Ивановна, урожденная Дегаррига, — штаб-офицерская дочь и приемная дочь начальника заводов В.С. Чулкова. Поскольку у Фроловых не было собственных детей, они могли взять опеку над девицей Шангиной. Возможно, простудное заболевание свело в могилу Петра Козьмича и Веру Ивановну за короткий промежуток времени. Смерть двух близких людей могла повлиять на решение Марьи Ивановны вернуться на Алтай, в Змеиногорск. Над этой версией мы продолжаем работать, делаем соответствующие запросы.

Мы привели два небольших примера работы проекта «Маршрут по следам Петра Фролова». Благодаря архивам и музеям нашей страны пополняется электронная база проекта. Постоянное ее пополнение историческими документами позволяет по-новому взглянуть на историю жизни и деятельности Петра Козьмича. Убрать неточности в истории, задать новый курс поиска информации. Собирая электронную базу документов, музеев не только пополняет свой научно-вспомогательный фонд. Он занимается непосредственной деятельностью музеев: пополнение, приумножение, сохранение, изучение и популяризация исторических документов. Доступность базы позволяет юным краеведам изучать историю своей малой родины. Гостям города — ознакомиться с объектами культурного наследия Змеиногорска. Почерпнуть для себя необходимую информацию. Неизученные вопросы заставляют искать ответы, находить новые документы, проводить изыскания, сохранять культурное наследие Алтая.

Список источников

- Алехин Ю.П., Кунгуров А.Л., Шевская О.В. Достояние земли Змеиногорской. Барнаул, 2013. 182 с.
- Бурштейн Е.Ф. Дела и судьбы Шангиных. Ч. 2. Младшее поколение // Пространство и Время. 2013. №4. С. 185–194.
- Виргинский В.С. Петр Козьмич Фролов (1775–1839). М., 1968. 189 с.
- Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. 250 с.
- Саитов В.И. Петербургский Некрополь. Том четвертый (С — Ф). СПб., 1913. 748 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Алексеевич Васильев, Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова Змеиногорского района Алтайского края, директор музея; 658480, Россия, г. Змеиногорск, ул. Щорса, 13, ya.doker62@yandex.ru

Alexander A. Vasiliev, Museum of the History of Mining Development named after Akinfiy Demidov, Zmeinogorsk District, Altai Territory, Director of the Museum; 658480, Russia, Zmeinogorsk, Shchorsa str., 13, ya.doker62@yandex.ru

Аркадий Юрьевич Кондратенко, Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова Змеиногорского района Алтайского края, редактор электронных баз данных музея; 658480, Россия, г. Змеиногорск, ул. Щорса, 13, arkady.kondratenko@yandex.ru

Arkady Yu. Kondratenko, Museum of the History of Mining Development named after Akinfiy Demidov, Zmeinogorsk District, Altai Territory, Editor of the Museum's Electronic Databases; 658480, Russia, Zmeinogorsk, Shchorsa str., 13, arkady.kondratenko@yandex.ru

Ирина Михайловна Устинова, Комитет по культуре и туризму Администрации Муниципального округа Змеиногорского района Алтайского края, председатель; 658480, Россия, г. Змеиногорск, ул. Ленина, 3, z.kulttur@yandex.ru

Irina M. Ustinova, Committee on Culture and Tourism of the Administration of the Municipal District of the Zmeinogorsky District of the Altai Territory, Chairperson; 658480, Russia, Zmeinogorsk, Lenin St., 3, z.kulttur@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2:623.1(571.13)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.05

EDN: YCYVVO

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАТОРЖНОГО ОСТРОГА ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

Юрий Викторович Герасимов, Максим Юрьевич Здор, Дарья Петровна Загородникова, Михаил Андреевич Корусенко, Дмитрий Николаевич Павлов
Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

Резюме. В статье представлены основные результаты археологических полевых работ, организованных на территории каторжного острога второй Омской крепости. Исследование и раскопки памятника ведутся на протяжении четырех лет. К настоя-

щему времени обнаружены остатки кирпичных фундаментов двух строений, интерпретированных как кухня и жилая казарма ссыльных каторжан, одним из которых был Ф.М. Достоевский, проведена их полевая экстренная консервация. Выявлены интересные элементы обустройства территории острога и конструктивные особенности фундаментов. Собранную в процессе раскопок коллекцию можно увидеть в Омском музее просвещения. По завершении археологических работ предполагается создание объекта музейного показа.

Ключевые слова: Омская крепость, каторжный острог, фундамент, консервация, находки

Благодарность: работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Для цитирования: Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Загородникова Д.П., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Некоторые итоги археологического изучения каторжного острога Омской крепости // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 32–39. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.05

SOME RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE CONVICT PRISON OF THE OMSK FORTRESS

Yuri V. Gerasimov, Maksim Yu. Zdor, Daria P. Zagorodnikova,

Michael A. Korusenko, Dmitry N. Pavlov

Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. The article presents the main results of archaeological field work organized on the territory of the convict prison of the second Omsk fortress. The study and excavations of the site have been carried out for four years. To date, the remains of the brick foundations of two buildings have been discovered, interpreted as the kitchen and residential barracks of exiled convicts, one of whom was F.M. Dostoevsky. Their emergency field conservation has been carried out. Interesting elements of the arrangement of the territory of the jail and the design features of the foundations are revealed. The collection, gathered during the excavations, can be seen in the Omsk Museum of Education. Upon completion of archaeological work, it is planned to create an object of museum display.

Keywords: Omsk fortress; a convict prison; foundation; conservation; remains

Acknowledgments: The work was carried out according to the state task of the Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

For citation: Gerasimov Yu.V., Zdor M.Yu., Zagorodnikova D.P., Korusenko M.A., Pavlov D.N. Some Results of the Archaeological Study of the Convict Prison of the Omsk Fortress. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:32–39. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.05

Каторжный острог Омской крепости получил широкую известность благодаря роли, которую он сыграл в судьбе Ф.М. Достоевского. Наиболее представительным текстовым источником по данной теме остаются «Записки из Мертвого дома», в которых Ф.М. Достоевский приводит описание конструктивных и архитектурных особенностей строения, где ему пришлось провести четыре тяжелых года (Достоевский, 2022). Абрисы каторжного острога, представленные на картах и планах Омской крепости разных лет,

позволяют получить представление о его конфигурации и местонахождении, но крайняя схематичность изображений не дает возможности детального изучения строений. В.С. Вайнерман обнаружил и опубликовал чертеж крепостного острога, выполненный в 1847 г. «кондуктором второго класса Ершовым» (Вайнерман, 1991). Позже этот чертеж и рисунок неизвестного автора с изображением Омского острога были включены в комплект открыток «Ф.М. Достоевский в Омске» (Достоевский Ф.М., 2020, л. 1, 2), что дало возможность широкого использования этих материалов в качестве изобразительных источников. Опираясь на анализ указанных изображений и тексты «Записок из Мертвого дома», В.С. Вайнерман охарактеризовал некоторые особенности архитектуры построек острога. Отдельные сюжеты, преломленные сквозь призму пребывания в Омске Ф.М. Достоевского, рассмотрены Е.Е. Огородниковой (2020). Опираясь на картографические данные и нарративные материалы, она, используя методы математического моделирования, рассчитала размеры строений, предположила функциональное назначение и обустройство отдельных помещений, а также общие характеристики острога. Новый импульс исследовательского интереса к истории каторжного острога начинается в 2021 г.

В первый год работ на территории объекта культурного наследия были открыты конструктивные элементы фундаментов зданий и ограды каторжного острога. Фрагменты столбов и следы столбовых ям, по которым определена линия ее прохождения и соответственно граница территории острога на доступном к изучению участке. Установлено, что ограда представляла собой частокол на прожилинах, опорные столбы которых были вкопаны более чем на 1 м.

В 2022 г. исследован фундамент жилой казармы острога. Вдоль юго-восточного края фундамента была обнаружена забутовка спрессованной кирпичной крошкой толщиной около 3–4 см, она покрывала дно раскопа сплошной площадью (местами с утратой из-за техногенных траншей). Ниже залегала прослойка серо-коричневой супеси с вкраплениями мелкодробленого кирпича, самана, извести, мощностью 5–6 см, сформированная, вероятно, при строительстве Степного бастиона и каторжного острога. Указанные слои расположены на непо потревоженном слое погребенной почвы.

В 2023, 2024 гг. был установлен контур кухни каторжного острога. Обнаружено три угла фундамента; достраивая четвертый угол, можно предположить, что фундамент строения расположен в границах части сквера и не попадает под плитку пешеходного тротуара. Однако велика вероятность разрушения этого угла, так как на предполагаемом месте его расположения зафиксирована линия современных коммуникаций.

С северной стороны фундамента кухни, перед обнаруженной линией ограждения острога, зафиксированы кирпичные плитки, уложенные на песчаную основу. Место их обнаружения — между фундаментом здания и ограждением острога — позволяет предположить, что зафиксированная плитка является сохранившейся частью караульной тропы.

Вдоль южного и западного контура фундамента исследована забутовка, аналогичная обнаруженной в 2022 г. Анализируя ее расположение и структу-

ру, можно сделать вывод, что подобным образом делали отсыпку внутренне-го двора острога, вдоль зданий, чтобы избежать грязи в непогоду.

Во внутреннем контуре фундамента кухни зафиксированы два объекта в виде частично разрозненного плотного скопления спрессованного битого кирпича. Опираясь на чертеж каторжного острога Омской крепости 1847 г. и изучив структуру объектов, можно предположить, что данные конструкции являются основанием для глинобитных печей. Изначально основание печей представляло собой своего рода раму/фундамент из кирпича, обмазанного глиняным раствором, внутреннее пространство которого заполнялось целыми кирпичами и кирпичным ломом со следами известкового раствора. После упразднения острога здание кухни демонтировали, разрушенные остатки оснований печей и были обнаружены в раскопе.

Конструкция, исследованная в 2022 г., представляет собой остатки ленточного фундамента разрушенного здания казармы арестантов. Внешняя и внутренняя версты образованы чередованием ложковых и тычковых рядов кирпичей коричнево-оранжевого цвета, пространство между которыми забутовано кирпичным ломом на известковом растворе. Сохранившаяся часть фундамента казармы имеет Г-образную форму, длина его лент составляет 2,9 и 4,32 м, ширина — до 0,95 м. Нижний ряд кирпичей уложен на забутовку, представленную кирпичным дробом с небольшой прослойкой серо-желтой супеси с вкраплением дробленого кирпича, извести, мелкого строительного мусора (Герасимов и др., 2023, с. 310).

В 2023 г. в центральной части раскопа исследован фундамент кухни каторжного острога. Объект имеет прямоугольную форму, длинной стороной ориентирован по линии ВСВ–3ЮЗ, длина 21,4 м, ширина 7,15 м. Фундамент скреплен известковым раствором, насчитывает три ряда кирпичей коричнево-оранжевого цвета, уложенных горизонтально, которые образуют внешние контуры конструкции. Пространство между рядами забутовано кирпичным ломом на известковом растворе. Нижний ряд кирпичей уложен на забутовку, аналогичную фундаменту казармы (Загородникова, 2024, с. 213).

Для сооружения фундаментов была вскрыта траншея шириной до полу-сажени ($\approx 1,05$ м), дно которой забутовано кирпичным ломом, укрепленным известковым раствором, и уже на подготовленное таким образом основание уложены вышележащие элементы. Затем траншея была засыпана землей, а на фундаменте возведено деревянное здание казармы.

В 2024 г. проведены работы по консервации фундаментов. Перед началом работ проводилась детальная очистка поверхности фундамента, параллельно были прослежены схемы кладки и создан ее чертеж. После этих процедур оценивалось состояние кирпича с целью установления возможности его сохранения. Удалению подлежали только крайние кирпичи, находящиеся в сильно раскрошенном или порошкообразном состоянии. Удаленный кирпич заменялся на подготовленный кирпич XIX в., устанавливаемый в кладку на цементно-известковый раствор. Раствором также заполнялись швы с глубокими утратами.

Для консервации кладки использовался лак на органическом растворителе. Консервация проводилась в два этапа: пропитка кладки и ее покрытие лаком. В зависимости от поглощающей способности кладки участки пропитывались с кисти или проливом.

При детальной расчистке кладки кухни был выявлен ряд конструктивных особенностей. Качество кладки верхних слоев сильно отличается от нижних. Нижние слои выполнены из целого кирпича, с минимальными швами (0,3–0,8 см). Кладка имеет четкую схему, кирпичи уложены с минимальным смещением по горизонтали (смещение из-за небольшой разницы в размерах, характерной для кирпича, изготовляемого вручную). Кирпичи имеют одинаковый оранжевый цвет и качество обжига. Кладка казармы имеет аналогичную схему. Раствор содержит небольшое количество извести. Некоторые кирпичи имеют закопчение, характерное для кирпича из печных труб, что может указывать на их повторное использование.

Кладка верхних слоев на разных участках сильно отличается по качеству исполнения. На юго-восточном участке верхний слой выполнен из фрагментарного кирпича, преобладают половинки. Небольшие фрагменты заполняют крупные промежутки в кладке. Фрагменты уложены плотно, параллельно краю, швы толщиной 0,4–2 см. Раствор содержит большое количество крупнодробленой извести.

Верхний слой юго-западной перемычки выполнен как из целого кирпича, так и из фрагментарного. Целый кирпич использован на отдельных участках края, формируя схему кладки, аналогичную нижним слоям. Центр заполнен фрагментами кирпича — от небольших фрагментов до $\frac{3}{4}$, заполняющих крупные промежутки. Фрагменты уложены плотно, параллельно краю, швы толщиной 0,4–3 см. Раствор содержит большое количество крупнодробленой извести. Верхний слой на 35 см уже нижнего, за счет чего образует ступеньку вдоль внутренней стороны.

Кладка двух верхних слоев северо-восточной перемычки отличается отсутствием схемы кладки. Юго-западный край кладки схему примерно соблюдает, но в целом кладка выполнена хаотично. Основная часть выполнена из половинок кирпича, расположенных без системы, швы толщиной 0,3–5 см. Раствор содержит небольшое количество крупнодробленой извести. Кроме того, между верхними слоями кладки зафиксирована прослойка земли мощностью 1–2 см. Кирпич верхних слоев отличается качеством обжига и имеет цвет от желто-оранжевого до красно-фиолетового. Вероятно, верхние слои кладки формировались при перестройке кухни или ее поднятии.

Помимо технических особенностей, при расчистке фундаментов были выявлены клейма в виде сильно заглубленных небольших кругов, квадратов и треугольников, характерные для кирпичей XVIII в. Кроме того, обнаружено два необычных клейма: небольшой слабо заглубленный квадрат с буквой «И» и большой слабо заглубленный круг с буквой «К».

Фундамент кухни серьезно поврежден траншеями коммуникаций. Кроме траншей кладку юго-западной перемычки нарушают пять столбовых ям,

расположенных на удалении друг от друга с шагом в 70–90 см, квадратные в плане, размером 0,4×0,4 м, разрушают нижние ряды кладки фундамента. Описанные ямы вписываются в систему опорных столбов пола, зафиксированную в центральном помещении, и предположительно образовались в результате перестройки кухни.

В настоящее время полностью расчищен и законсервирован обследованный участок фундамента казармы в 11 м² и около 50 м² кладки кухни с одним основанием печи.

На протяжении четырех лет полевой работы собрана интересная и внушительная коллекция находок. Основу ее составляет массовый материал, представленный фрагментами гончарной керамики, относящейся к плоскодонным сосудам баночной и горшковидной формы. Интересен ряд индивидуальных находок, датируемых XVIII и XIX вв., таких как обломок светца (подставка для горящей лучины), железное било (сигнальный инструмент, возможно, используемый для подачи различных сигналов для ссыльных каторжан), самодельная глиняная чернильница. На памятнике обнаружено несколько пуговиц, самая интересная изготовлена из серебра, диаметром 2,3 см. Изнаночная сторона двусоставной (дутой) пуговицы с надписями «LABOR» и «1 СОРТЪ». Подобные пуговицы изготавливались на предприятии LABOR, располагавшемся в Москве. Датируются серединой XIX в.

Представительная нумизматическая коллекция, в границах раскопа собрано 46 монет различного номинала и датировки. Особый интерес вызывает стопка монет номиналом по 10 копеек времен Екатерины II, обнаруженная в заполнении столбовой ямы с внутренней стороны острога. Подобные монеты чеканились в пределах 1764–1781 гг. По положению монет можно предположить, что они были уложены в кошелек, в котором и были закопаны возле столба ограды, возможно, кем-то из арестантов каторжного острога.

Сегодня мы можем констатировать, что археологическое изучение фундаментов зданий каторжного острога Омской крепости вступает в заключительную стадию. Продолжение работ осложняют некоторые препятствия технического характера, но основания для оптимистической оценки перспектив вполне достаточны. В восточной зоне раскопа после удаления кустарника будет расчищен третий угол и примыкающие к нему ленты фасадов, а в южной — после переноса кабеля связи мы надеемся выявить четвертый угол и сохранившиеся ленты фундамента здания кухни-столовой. На этом этапе актуальность приобретает вопрос музеефикации объекта, который уже вызвал активную дискуссию в краеведческой среде. Позиция авторов статьи по этому поводу, уже высказывавшаяся в публикациях, однозначна: необходимо максимально сохранить идентичность руин, которые и должны выступать объектом музеефикации (Герасимов, 2023, с. 311). Прогнозируемые результаты работ позволят представить сохранившиеся части фундаментов как центральный, наиболее аттрактивный объект показа в составе музеефицированного комплекса.

Список источников

- Вайнерман В.С. Достоевский и Омск. Омск, 1991. 125 с.
- Герасимов Ю.В., Загородникова Д.П., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Каторжный острог Второй Омской крепости: археология и история в музеефикации объекта культурного наследия // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3. Барнаул, 2023. С. 308–312.
- Достоевский Ф.М. в Омске: комплект открыток / авт.-сост. В.С. Вайнерман. Омск, 2020. 21 л.
- Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. М., 2022. 352 с.
- Загородникова Д.П. Исследование каторжного острога второй Омской крепости в 2023 году // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 2. Братск; Омск, 2024. С. 212–215.
- Огородникова Е.Е. Каторга Достоевского в математическом исчислении // Известный Достоевский. 2020. №1. С. 101–117.

Информация об авторах / Information about the Authors

Юрий Викторович Герасимов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Yuri V. Gerasimov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave. 15, PhD in History, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Максим Юрьевич Здор, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Maksim Yu. Zdor, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, master, <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Дарья Петровна Загородникова, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, <https://orcid.org/0000-0003-1748-8535>, Darja2007@mail.ru

Daria P. Zagorodnikova, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, master, <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, Darja2007@mail.ru

Михаил Андреевич Корусенко, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Michael A. Korusenko, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Research Fellow; 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, PhD in History, <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Дмитрий Николаевич Павлов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

Dmitry N. Pavlov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Omsk, Russia Karl Marx Ave. 15, master, <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК 94(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.06

EDN: ZJPSAF

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА, ПОСВЯЩЕННЫЕ КОММУНАРСКОМУ ДВИЖЕНИЮ, В С. РОДИНО ШИПУНОВСКОГО РАЙОНА

София Сергеевна Кальченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. С приходом советской власти появилось коммунарское движение, что привело к появлению памятников, посвященных коммунарам, начиная с 1970-х гг. На территории Алтайского края установлено порядка 10 памятных знаков, однако в Шипуновском районе фокус оказался смещенным в сторону памятников, посвященных Гражданской и Великой Отечественной войнам, а также Героям Социалистического Труда. В этом контексте особенно интересен памятник первым коммунарам в селе Родино — единственный памятник, посвященный коммунарскому движению в районе. Сегодня многие из таких памятников находятся в аварийном состоянии. Они ушли из коммеморативных практик и находятся под угрозой исчезновения.

Ключевые слова: политика памяти, коммунарское движение, памятник коммунарам

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Сельское общество и власть в 1950-е — середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)», №23-28-01443. Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Т.К. Щеглова.

Для цитирования: Кальченко С.С. Памятники и памятные места, посвященные коммунарскому движению, в с. Родино Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 39–44. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.06

THE MONUMENTS AND MEMORIALS DEDICATED TO THE COMMUNAL MOVEMENT IN THE RODINO VILLAGE, THE SHIPUNOVSKY DISTRICT

Sofia S. Kalchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. With the advent of Soviet power, the commune movement appeared, which led to the appearance of monuments dedicated to communards, starting in the 1970s. About ten commemorative signs have been installed on the territory of the Altai Territory, but in

the Shipunovsky district the focus has shifted towards monuments dedicated to the Civil and Great Patriotic Wars, as well as to the heroes of socialist labor. In this context, the monument to the first communards in the village of Rodino, which is part of a former collective farm and the only monument to the communal movement in the area, is particularly interesting. Today, many of the monuments of the communal movement are in disrepair. They have withdrawn from commemorative practices and are in danger of extinction.

Keywords: memory policy, communal movement, monument to communards

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project “Rural Society and Government in the 1950s — mid 1980s: Communication and Social Memory (using the example of the regions of Western Siberia)”, No. 23-28-01443. Scientific supervisor — Doctor of Historical Sciences, Professor T.K. Shcheglova.

For citation: Kalchenko S.S. The Monuments and Memorials Dedicated to the Communal Movement in the Rodino Village, the Shipunovsky District. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:39–44. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.06

Тема памяти занимает центральное место в этнолого-антропологических исследованиях. Ее важность заключается в передаче культурных ценностей. «Сорок лет — рубеж эпох в коллективном воспоминании: срок, по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом» (Ассман, 2004, с. 11). Социальная память существует до тех пор, пока она поддерживается и подпитывается индивидуальными воспоминаниями людей, поэтому она нуждается во внешних точках фиксации и напоминания, таких как памятники и музеи.

С приходом советской власти стали формироваться новые формы жизни общества, в том числе и коммунарное движение. С 1970-х гг. стали появляться памятники коммунарам. На территории Алтайского края в целом находится около 10 памятных знаков.

Цель данной статьи — рассмотреть состояние социальной и культурной памяти о коммунарах на территории Шипуновского района на примере с. Родино. Для ее достижения было проведено полевое исследование культурного ландшафта. Оно показало, что в районе преобладают памятники, посвященные Гражданской и Великой Отечественной войнам, Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда. Такая ситуация характерна для всех районов Алтайского края. Поэтому интересен памятник первым коммунарам, который представлен только в одном селе Шипуновского района — в известном в прошлом колхозе, ныне одноименном селе Родино. В основе исследования лежат полевые материалы историко-этнографической экспедиции 2024 г. под руководством доктора исторических наук, профессора Т.К. Щегловой: визуальные источники и проведенные интервью, в том числе с местным краеведом, учителем истории И.Я. Яблоковой.

В результате удалось восстановить историю самой коммуны и памятника коммунарам. Выходцами из с. Зеркалы этого же Шипуновского района в основном были бедняки, в 1921 г. на территории Аверьянова лога была обра-

зована коммуна «Новый свет». Обратимся к воспоминаниям И.Я. Яблоковой: «...в первом доме, прям осенью они его перевезли, и зимовали несколько семей. Вот в этом домике, там всего-то две комнатенки» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2024 г.: Шипуновский район, с. Родино, И.Я. Яблокова), которые свидетельствуют о том, что переселенцы были не из зажиточных. Первую зиму коммунарам жилось тяжело. Во-первых, их хозяйство было небольшим: домашний скот был не у каждого, а у кого и был, и то не в большом количестве, зачастую одна корова или лошадь. Во-вторых, были проблемы с посевом, не было ни технического оснащения, ни самого зерна. Первое время коммунарам оказывало помощь, как говорила И.Я. Яблокова, «...районное, краевое начальство... привезли несколько пудов зерна и засеяли».

В это же время строится элеватор — «...первую капитальную постройку сделали из своих домов». Большую роль в заселении коммуны сыграло появление в 1924 году трактора, первого в округе, что значительно облегчило засеивание полей и уборку урожая, переселенцев привлекало также то, что коммуна довольно-таки быстро стала развиваться, получать поощрение со стороны власти. Однако этот фактор устраивал далеко не всех жителей близлежащих сел. Сохранилось много воспоминаний, свидетельствующих о том, какими способами жителей коммуны пытались изгнать крестьяне из соседних сел. Так, краевед И.Я. Яблокова говорит: «...вот, значит, травили скот, отравили колодцы... подожгли, кулаки, представляете, эти снопы, сгорело все, не то что там семена, есть нечего было, и вот в 24-м году вот такая проблема была, в 27-м году еще даже...». «Новый свет» в 1920-е переживал тяжелые времена, урожайность была невысокая, корм скоту заготавливать было сложно, в частности из-за налетов кулаков. Есть также свидетельство о том, что во время таких налетов банд страдали не только посева, животные, но и сами люди: по словам И.Я. Яблоковой, «...некоторых первых коммунаров в один из налетов летом убили у нас». Но коммуна расширялась, развивалась инфраструктура, вследствие чего решили «...в 1927 году построить кирпичный завод», который действовал до 1990-х гг. Важную роль в развитии коммуны сыграл Ф.М. Гринько, который стал в 1929 г. председателем. При нем село активно застраивалось не только хозяйственными постройками, но и культурными. Уже в 1934 г. коммуна стала сельхозартелью им. Молотова, а в 1957 г. — колхозом «Родина» (Кальченко, 2024, с. 134). При этом семьи первых коммунаров также оставались в селе и работали в сельхозартели, а затем в колхозе.

К 50-летию села в 1979 г. был создан памятник первым коммунарам. Справа налево: К.П. Поликарпов, Л.И. Климова и И.Г. Котов. Позади имитированная стена деревянного дома, на ней портрет В.И. Ленина, как главного идеолога создания коммун на территории Советского Союза (рис. 1).

Продолжением формирования места памяти о коммунаром движении в советское время стало строительство «дома коммунаров» (рис. 2). По воспоминаниям местных жителей сам дом был перевезен из села Зеркалы, предположительно бывший «кулацкий» — кулацкий дом. Пятистенок был бревенчатый, состоял из двух комнат. Первая — это спальня, в ней были кро-

Рис. 1. Памятник первым коммунарам, с. Родино
Fig. 1. Monument to the first communards, the 'Rodino village

Рис. 2. «Дом коммунаров», с. Родино
Fig. 2. "House of communards", the 'Rodino village

вать, стол, стул, лавка, зеркало, прялка. Вторая — кухня, в которой располагалась русская печь, стол, лавки, навесные полочки. Рядом с домом был установлен колодец, а точнее его верхняя часть — деревянный сруб. Территорию памятника и дома огородили забором, посадили ели и сосны. По воспоминаниям И.Я. Яблоковой можно сказать, что дом установлен на месте первого

дома коммунаров: «вот в этом домике [первый дом коммунаров], там всего-то две комнатенки. Где памятник, вот где» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2024 г.: Шипуновский район, с. Родино, И.Я. Яблокова).

Благодаря тому, что в 1980-е гг. дом коммунаров был преобразован в музей, это «коммунарское место памяти» получило перспективу на долгую жизнь. Ответственность за его сохранность было возложено на Родинскую школу. В советское время оно включалось в школьную жизнь: здесь проводились экскурсии для школьников с воспитательной и учебной целями. Школьники и сельчане регулярно проводили субботники, на территории памятного комплекса поддерживалась чистота.

Но в 1990-х гг. в ходе перестройки, изменения политики и прокатившейся волны разрушений школьных музеев, в том числе ленинских комнат, дом коммунаров был заброшен. На сегодняшний день дом коммунаров как музей не функционирует и находится в аварийном состоянии. Во-первых, окна, на которых установлены решетки от проникновения вандалов, разбиты. Стекло периодически заменяется местной администрацией. Во-вторых, многие экспонаты были украдены, а те, что остались, находятся в плачевном состоянии: разбросаны по дому, полуразрушены. В-третьих, дверь заблокирована (по всей ее высоте приколочена гвоздями): с одной стороны, это сохраняет состояние экспонатов, с другой — при возможном восстановлении музея дверь нужно будет менять. Колодец находится в относительно нормальном состоянии, деревянный сруб немного подгнил. На памятнике коммунарам появились сколы, трещины — пока незначительные, но это свидетельствует о том, что косметический ремонт не делался давно.

Способствует запустению памятного места затухание социальной памяти о первых коммунарах. В ходе историко-этнографической экспедиции было выявлено, что большинство сельчан не владеют информацией о коммунарах и их вкладе в развитие села. Несмотря на то что в культурном ландшафте села Родино сохранились «места памяти» о коммунарах: дом-музей коммунаров и памятник первым коммунарам, — они являются «мертвым» звеном в сохранении памяти. Их основная функция — это передача знаний о том, чему они посвящены. Молодое поколение не знает основателей своего населенного пункта. Сами «места памяти» забываются. Единственное, что способствует сохранению памятника и дома-музея, — это крестьянская ментальность с сакральным отношением к сельскому ландшафту и памятным местам (Щеглова, 2024, с. 226).

Таким образом, на сегодняшний день памятник находится под охраной администрации сельского совета с. Родино. Основной уход за его состоянием возлагается на учителя истории Родинской СОШ, а также школьников, в рамках весенних и осенних субботников. Коммуны — это один из этапов становления и развития сел, память и памятные знаки в честь которых не должны утрачиваться. Поэтому важно поддерживать не только состояние памятников, но и социальную память о них. В советское время коммунарскому движению придавалось огромное значение. На сегодняшний день ак-

туален вопрос о сохранности данных памятников, часть из которых находятся в аварийном состоянии. Помимо этого, появляется проблема отсутствия знаний о тех, кому посвящен тот или иной памятник.

Список источников

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2024 г.: Шипуновский район, с. Родино, И.Я. Яблокова.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

Кальченко С.С. Ф.М. Гринько в социальной и культурной памяти жителей Шипуновского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2024 г.: Вып. 19. Барнаул, 2024. С. 133–241.

Щеглова Т.К. «Не дай Бог памятник потерялся, тогда хоть вешайся. Сейчас я не знаю как, а тогда было так»: память и памятники в контексте государственно-общественных практик меморации и коммеморации в 1960–2020-х гг. (по материалам полевых исследований 2023–2024 гг.) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2024 г.: Вып. 19. Барнаул, 2024. С. 202–228.

Информация об авторе / Information about the Author

София Сергеевна Кальченко, Алтайский государственный педагогический университет, студент 3 курса Института истории, социальных коммуникаций и права; 656031, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодёжная, 55; love.sosa2004@mail.ru

Sofia S. Kalchenko, Altai State Pedagogical University, 3rd year student, Institute of History, Social Communications and Law; 55 Molodezhnaya str., Barnaul, Altai Territory, 656031; love.sosa2004@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 94(571)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.07

EDN: ZKРРЕУ

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ (ЕНИСЕЙСКИХ) КЫРГЫЗОВ

Владислав Геннадьевич Кокоулин

*Томский государственный университет, Новосибирский
юридический институт (факультет), Новосибирск, Россия*

Резюме. В статье рассматриваются три дискуссионные проблемы ранней истории сибирских (енисейских) кыргызов: время и обстоятельства их появления в Минусинской котловине, общественный строй и хозяйственная деятельность. Проанализированы научные работы, выпущенные в разные годы, начиная с 1951 г. Автор

анализирует концепции, которые формулируют ученые, в историческом контексте их появления. Критикуются подходы, которые применяют ученые для решения данных проблем. Отмечается, что решению этих проблем препятствуют псевдонаучные дискуссии, которые идут на страницах научных публикаций, а также выявляются причины подобных дискуссий. Обращается внимание на наличие неизученных проблем, в частности соотношения языков орхонских и енисейских надписей.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, дворец Ли Лина, орхоно-енисейский язык, таштыкская археологическая культура, Большой Алтай

Для цитирования: Кокоулин В.Г. Дискуссионные проблемы ранней истории сибирских (енисейских) кыргызов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 44–50. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.07

DEBATABLE PROBLEMS OF EARLY HISTORY OF SIBERIAN (YENISEI) KYRGYZ

Vladislav G. Kokoulin

Tomsk State University, Novosibirsk Law Institute (faculty), Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to three debatable problems of the early history of the Siberian (Yenisei) Kyrgyz: the time and circumstances of their appearance in the Minusinsk Basin, the social system and economic activity. Scientific works published in different years, starting from 1951, have been analyzed. The author analyzes the concepts that scientists formulate in the historical context of their appearance. The approaches that scientists use to solve these problems are criticized. It is noted that the solution to these problems is hampered by pseudoscientific discussions that take place on the pages of scientific publications, and the reasons for such discussions are also identified. Attention is also drawn to the unstudied problems, in particular the relations between the languages of the Orkhon and Yenisei inscriptions.

Keywords: Yenisei Kyrgyz, Li Lin's Palace, Orkhon-Yenisei language, Tashtyk archaeological culture, Great Altai

For citation: Kokoulin V.G. Debatable Problems of Early History of Siberian (Yenisei) Kyrgyz. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:44–50. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.07

Изучение истории енисейских (сибирских) кыргызов по-прежнему остается одной из сложнейших проблем исторического сибиреведения. Можно выделить несколько причин: чрезвычайно малое количество источников, которые достаточно сложно интерпретировать; трудности исторической интерпретации достаточно обильного археологического материала; методологические установки авторов; внеаучные факторы, когда вступают в дискуссию или выдвигают новое объяснение только потому, что нужно отчитаться по гранту, написать статью для отчета, повисить цитируемость в РИНЦ или даже в интересах пропаганды очередной политической идеи. С учетом этих предварительных замечаний попробуем выявить как дискуссионные проблемы истории енисейских (сибирских) кыргызов, так и разобрать, какие решения этих проблем предлагаются и какие решения относятся к области научной дискуссии, а какие продиктованы внеаучными факторами.

Прежде всего необходимо уточнить, что термин «сибирские кыргызы» употребляется в качестве синонима термина «енисейские кыргызы», а также в сопоставлении сибирских кыргызов и Тяньшанских кыргызов / кыргызов (см., напр.: Козодой, 2023). В дальнейшем будет употребляться словосочетание «енисейские (сибирские) кыргызы», независимо от того, как их называли авторы.

Пожалуй, самой обсуждаемой проблемой является происхождение енисейских (сибирских) кыргызов. И здесь имеется две точки зрения: енисейские (сибирские) кыргызы изначально жили на территории Минусинской котловины или они пришли в Минусинскую котловину с территории Восточного Туркестана или какой-то либо иной территории. В работе С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» излагается версия, что енисейские кыргызы сформировались в Минусинской котловине из смешения «дин-линов с алтайскими тюрками и гянь-гунями» (Киселев, 1951, с. 560). Но буквально на следующей строчке выясняется, что «гянь-гуни» издавна называются «кыргызами» и что они передали енисейским кыргызам свое имя, а обитали эти «гянь-гуни» к юго-востоку от Алтая и к югу от Енисея и вообще были тюркоязычными. И перешли они в Минусинскую котловину под давлением хунну, а на Енисее смешались с «таштыкскими динливами». А еще чуть ниже член-корреспондент пишет, что пришлый элемент был побежден элементом местным (Киселев, 1951, с. 561). С точки зрения сегодняшнего дня подобное изложение выглядит эклектичным и нелогичным. Но ученый в данном случае был в непростом положении. Тогда господствовали представления о том, что развитие происходит путем смены одной археологической культуры другой на одной и той же территории, а изменения связаны с «разложением родового строя и формированием раннеклассового общества». Соответственно миграционные процессы плохо вписывались в эту схему.

Посмотрим теперь, как описывается происхождение енисейских (сибирских) кыргызов в классическом пятитомном издании «Истории Сибири» (История Сибири, 1968). В данном издании «классовый подход» прослеживается более четко, чем в предыдущей работе. О кыргызах рассказывается в разделе, который называется «Племенные союзы и первые государства». При этом таштыкская культура отнесена к главе «Сибирь в раннем железном веке. Первые племенные союзы», а кыргызы — к главе «Тюрки Сибири в VI–X вв. Первые государства». Что касается происхождения кыргызов, то автор данного параграфа Н.А. Мальцева излагает ту же схему, что и С.В. Киселев: кыргызы образовались в результате смешения динлинов (которые жили в Минусинской котловине) и гянь-гуней, которые переселились туда под давлением «гуннов» (данная автор употребляет этот термин вместо хунну), но в то же время они произошли от гянь-гуней, и одновременно они произошли от динлинов. Все три версии излагаются последовательно в шести параграфах в качестве единственно верных, и никаких комментариев по поводу противоречий этих версий автор не приводит. Единственное — она замечает, что смешение гянь-гуней и динлинов нашло отражение в таштыкских

масках (История Сибири, 1968, с. 297). Однако если обратиться к параграфу, посвященному таштыкской культуре (автор — А.И. Мартынов), то там сообщается, что таштыкская культура появилась в результате смешения гуннов с «тагарцами», причем в составе гуннов было «значительное количество других народов, прежде всего древних тюрков» (История Сибири, 1968, с. 258). Но уже через несколько страниц А.И. Мартынов сообщает, что гунны оказались не в земле «тагарцев», а среди «древних хягасов», потомками которых автор называет «енисейских кыргызов в середине I тыс. н.э.» (История Сибири, 1968, с. 261). Если у С.В. Киселева эклектичность и нелогичность изложения еще может быть хоть как-то объяснена (но не оправдана!), то в данном академическом (!) издании, выпущенном уже в те годы, когда можно было писать научные тексты и не бояться репрессий, нелогичность и эклектичность может быть объяснена разве что тем обстоятельством, что в годы сталинских репрессий, когда всякие аналитические работы могли оказаться «неправильными», а их авторы — среди «троцкистов» или «врагов народа», у археологов сформировался своеобразный стиль изложения, который они сохранили вплоть до сегодняшнего дня: как можно подробнее описывать археологические культуры (что нормально для отчета о раскопках, но в научных работах отбивает всякое желание их читать), с мельчайшими деталями, сравнивать между собой археологические культуры, но совершенно избегать каких-либо исторических обобщений или повторять готовые схемы. Если в работах еще 1950-х гг. попытки исторических обобщений хоть в каком-то виде присутствуют, то потом они исчезают совсем. И первый том «Истории Сибири» является ярким образцом подобного подхода. Кстати, второй том издания, которое по какому-то недоразумению называется «История Сибири», выпущенного в 2019 г., доводит эту традицию уже до логического конца: об истории там речь не идет не только в тех случаях, когда имеются дискуссии насчет, например, характера древнекыргызского государства, но даже в тех случаях, когда государство в Сибири уже точно было. Речь идет, разумеется, о Сибирском ханстве, которое авторы издания 2019 г. даже не упоминают, заменяя его изложением этнографии сибирских татар.

В последующие годы данная проблема также не получила удовлетворительного разрешения, поскольку вместо научных дискуссий по данной теме начался спор двух ученых — Л.Р. Кызласова и Ю.С. Худякова. Первый ученый из политических или «патриотических» соображений превратил енисейских (сибирских) кыргызов в «древних хакасов» и выстроил (вместе со своим сыном И.Л. Кызласовым) «генеалогию» от этих самых «древних хакасов» вплоть до сегодняшнего населения Республики Хакасия. Ю.С. Худяков, выступая против построений Л.Р. Кызласова, перенес дискуссию в межличностный спор, при котором все аргументы противника отбрасывались только на том основании, что их выдвигал «противник». В итоге енисейские кыргызы у Ю.С. Худякова вообще появляются в Минусинской котловине в середине I тыс. н.э. неизвестно откуда и неизвестно каким образом (Подробнее см.: Кокоулин, 2024). Поскольку в современных академических изданиях в каче-

стве авторов для освещения данной проблемы (и в целом истории кыргызов) привлекали И.Л. Кызласова или Ю.С. Худякова (см.: Кыргызы, 2016; История России, 2024), то соответственно и трактовки проблем в целом сохраняются в прямой зависимости от автора.

Второй важной проблемой ранней истории енисейских (сибирских) кыргызов является характер общественного строя и наличие государственности. С.В. Киселев подходит к этой проблеме очень осторожно. Он отмечает, что у кыргызов выделилась родовая аристократия, объединявшаяся вокруг вождя, и были рабы; а также что у кыргызов «обнаруживается военная организация, опирающаяся на родовую знать» (Киселев, 1951, с. 598). Однако все это относится уже к VI–VIII в. Каково было общественное устройство енисейских (сибирских) кыргызов, автор не раскрывает, ограничиваясь общим термином «племена».

В «Истории Сибири» 1968 г. авторы более четко акцентируют внимание на том, что «расслоение кыргызского общества зашло довольно далеко»: верхний слой составляла аристократия, «во владении которой были многочисленные стада и имущество», а на другом полюсе были рабы, которых кыргызы «захватывали в плен во время набегов на соседние таежные племена». Далее Н.А. Мальцева перечисляет основные признаки кыргызского общественного устройства, которые определяются термином «военная демократия», но сам этот термин она не называет, сосредоточив внимание на разложении родовых отношений и «все возрастающем имущественном неравенстве» (История Сибири, 1968, с. 301).

Л.Р. Кызласов дает следующую трактовку проблемы. «Древнехакасское государство» (напоминаю, что он называет енисейских кыргызов «древними хакасами» без всяких научных оснований) возникает в VI в., когда «сложились классовые отношения, возникла монополярная собственность господствующего класса на землю, появилось зависимое крестьянство». Государство эксплуатировало и свободных общинников, и подчиненные племена. А далее «общественное развитие в государстве древних хакасов привело к формированию в нем в IX в. феодальных отношений» (Степи Евразии..., 1981, с. 51, 52). «Зависимое крестьянство» у Л.Р. Кызласова явно взято из марксистской схемы, поскольку до этого он пишет о свободных общинниках в «древнехакасском государстве».

Ю.С. Худяков в своем очерке, посвященном истории енисейских (сибирских) кыргызов, в академическом издании «Кыргызы» об общественном строе кыргызов не сообщает ничего, ограничиваясь время от времени неопределенными терминами вроде «государственность» и «государство», причем последний термин, судя по тексту относится только к «Кыргызскому каганату» (Кыргызы, 2016, с. 73–82).

Интересно, что археологи никак не комментируют сведения китайских источников о династии Ли Лина у кыргызов с I в. до н.э. вплоть до XIII в. (Бичурин, 2015, с. 51, 52; Бартольд, 1927, с. 7). Причины очевидны — они рассматривают как появление (или формирование) кыргызов в Минусинской

котловине, так и наличие государственности у кыргызов с VI в., поэтому «династия Ли Лина» никак не вписывается в их схемы и по этой причине просто игнорируется.

Обратимся к третьей проблеме — хозяйственным занятиям енисейских (сибирских) кыргызов. С.В. Киселев характеризует его как примитивное земледелие с чертами кочевничества. Но потом он все же сообщает о том, что было найдено большое количество плугов (как китайских, так и местного производства), однако их использованием занимались не только кыргызы, но и некие «минусинские племена». Сообщает он и о функционировании оросительных каналов у кыргызов (Киселев, 1951, с. 570–572). В «Истории Сибири» хозяйственные занятия кыргызов характеризуются тоже как «скотоводство и земледелие», правда, теперь уже скотоводство характеризуется как полностью кочевое. Как это сочетается с развитым земледелием, о чем пишет дальше Н.А. Мальцева, не раскрывается никак (История Сибири, 1968, с. 297–299).

Л.Р. Кызласов характеризует хозяйство «древних хакасов» как сочетание высокоразвитого плужного и орошаемого земледелия с пастушеским скотоводством со стойловым содержанием скота (Степи Евразии..., 1981, с. 52). Следует отметить, что подобная оценка полностью соответствует всем данным, полученным как в результате археологических раскопок, так и скудных письменных источников китайского происхождения, лишь с тем уточнением, что речь идет все же не о «древних хакасах», а о енисейских (сибирских) кыргызах.

Ю.С. Худяков характеризует кыргызов как «небольшой по численности тюркоязычный кочевой народ» (Кыргызы, 2016, с. 79), не приводя никаких аргументов. Впрочем, подобная характеристика вытекала не из научного изучения имеющихся данных, а была простым отвержением выводов Л.Р. Кызласова, сделанным, повторю еще раз, не из научных соображений, а по личным мотивам.

К сожалению, подобные дискуссии о проблемах истории енисейских (сибирских) кыргызов не служили плодотворному изучению данной темы. Более того, в тени этих псевдоспоров остались и другие проблемы, которые следует относить уже не к дискуссионным, а просто к незамеченным. Например, проблему соотношения языка енисейских и орхонских надписей и ряд других, о которых следует поговорить отдельно.

Список источников

- Бартольд В. Киргизы: исторический очерк. Фрунзе, 1927. 57 с.
Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 2015 (репринт издания, выпущенного в Санкт-Петербурге в 1851 г.). Ч. 1. 382 с.
История России: в 20 т. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI — середине XIII в. Становление и развитие Руси. М., 2024. 1055 с.
История Сибири. Т. 1: Древняя Сибирь. Л., 1968. 454 с.
История Сибири. Т. 2: Железный век и средневековье. Новосибирск, 2019. 643 с.

- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 635 с.
Козодой В.И. Князь сибирских кыргызов Эренек. Новосибирск, 2023. 160 с.
Кокоулин В.Г. Ранняя история енисейских кыргызов в работах Ю.С. Худякова // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований. Барнаул, 2024. С. 44–48.
Кыргызы. Серия: Народы и культуры. М., 2016. 623 с.
Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. 304 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Владислав Геннадьевич Кокоулин, Томский государственный университет, Новосибирский юридический институт (факультет), профессор; 630007, Россия, г. Новосибирск, ул. Советская, 7, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-6375-0173>, kwladislaw@yandex.ru

Vladislav G. Kokoulin, Tomsk State University, Novosibirsk Law Institute (faculty), Professor; 630007, Russia, Novosibirsk, Sovetskaya st., 7; Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0001-6375-0173>, kwladislaw@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 94(571.15)(282)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.08

EDN: IZSXGN

РЕКА КАТУНЬ — ДУХОВНЫЙ СИМВОЛ НАРОДОВ АЛТАЯ

Лариса Николаевна Мукаева

*Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова,
Горно-Алтайск, Россия*

Резюме. Статья посвящена Катуню — реке, являющейся одним из основных духовных символов народов Алтая. В статье подробно рассказывается о мифах и легендах, связанных с Катунью: сказания об алтайских богатырях-мостостроителях Сартакпае и его сыне Адучи, они же творцы нового русла реки. До нашего времени дошли мифы о Бии и Катуню и спорах между ними. Научный и познавательный интерес представляют малоизученные старообрядческие легенды об истоках Великой реки. Алкыши — благопожелания, произносимые коренными жителями Алтая в обрядово-ритуальной практике поклонения Катуню, подчеркивают сакральное отношение населения к главной реке Горного Алтая. Почитание Катуню народами Алтая является неотъемлемой частью алтайской духовной культуры и идентичности.

Ключевые слова: Горный Алтай, река Катунь, духовный символ

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке ПФКИ (№25-1-003158, этнокультурный проект «Катунь: от истоков до устья»).

Для цитирования: Мукаева Л.Н. Река Катунь — духовный символ народов Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 50–56. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.08

THE KATUNY RIVER — A SPIRITUAL SYMBOL OF THE ALTAI PEOPLES

Larisa N. Mukaeva

National Library Named after M. V. Cevalkov, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article is devoted to the Katun, a river that is one of the main spiritual symbols of the peoples of Altai. The article describes in detail the myths and legends associated with Katun: tales of the Altai heroes - bridge builders Sartakpai and his son Aduchi, they are also the creators of the new riverbed. The myths about the Biya and the Katun and disputes between them have survived to this day. Little-studied Old Believer legends about the sources of the Great River are of scientific and educational interest. Alkyschi-good wishes, pronounced by the indigenous people of Altai in the ritual practice of worshiping the Katun, emphasize the sacred attitude of the population to the main river of the Altai Mountains. The veneration of Katun by the peoples of Altai is an integral part of the Altai spiritual culture and identity.

Keywords: Altai Mountains, Katun river, spiritual symbol

Acknowledgments: The work was carried out with the financial support of the PFCI (No. 25-1-003158, ethnocultural project "Katun: from Sources to the Mouth").

For citations: Mukaeva L.N. The Katun River — a Spiritual Symbol of the Altai Peoples. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:50–56. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.08

Природно-климатическая среда Алтайских гор во многом определила хозяйственно-практическую деятельность населения, его материальную и духовную культуру, повлияла на религиозные представления и его картину мира. Основу мировоззрения коренных жителей (алтайцев) составляет культ природы, из которых главнейшим является почитание гор, а второй составляющей поклонения природе стал культ вод, согласно которому все водоемы Горного Алтая: реки, озера, источники-аржаны, родники священны (Мукаева, 2020а, с. 32).

Сибирский исследователь-этнограф Г.Н. Потанин очень тонко подметил суть мировосприятия алтайцев — одухотворение природы. Формировавшиеся веками одухотворение природы и ее почитание коренными жителями региона стали неотъемлемой частью алтайской духовной культуры и идентичности. Согласно алтайским представлениям, горы, реки, озера живут своей духовной жизнью, имеют своих покровителей — духов (ээзи), чье отношение к человеку может колебаться от доброжелательного до угрожающего. Любая горная река представляется алтайцу одухотворенным существом, жизнь которого он может, по словам Г.Н. Потанина, проследить «от ледяной или снежной ее колыбели на вершине белка (т.е. высокой заснеженной вершины) до слияния ее с другой рекой (Потанин, 1884, с. 259).

Главной рекой Горного Алтая является Катунь, обладающая как созидющей, так и огромной разрушительной силой. К ней полностью относится характеристика, данная Г.Н. Потаниным горным рекам Алтая: «весь свой жизненный путь река отмечает следами своей могучей деятельности, перед которыми силы человека кажутся слабыми: она подкапывается под берега, обваливает их, роняет старый лес, гложет скалы, перекатывает камен-

ные глыбы, разрушает здесь, воздвигает постройки там — настилает новые острова, наваливает груды валежника» (Потанин, 1884, с. 259). Мощными по своей силе были разливы Катуня в XX в., из них следует отметить самые разрушительные наводнения 1959 г., 1969 г. и 2014 г., когда река сметала дома и хозяйственные постройки, уносила домашних животных и переворачивала мосты. И в предшествующие столетия Катунь в полной мере являла свою мощь во время весенне-летних половодий. Ученый и путешественник П.А. Чихачев в 1842 г. был поражен силой и мощью реки: «...от дождя вода в Катуню сильно поднялась, и я решил отложить переправу до следующего дня. <...> К несчастью, дождь лил всю ночь, и в минуту нашего пробуждения река представляла собой действительно грандиозную картину. С быстротой молнии по пенным волнам мимо нас проносились вырванные с корнем деревья. Среди всего прочего мы разглядели труп оседланной лошади, отданный во власть стихии, как лист воле ветра. <...> Редкое лето, когда волны Катуня не обгаются кровью какого-нибудь живого существа. Часто даже трупы людей увеличивают число жертвоприношений неистовому потоку» (Чихачев, 1974, с. 53–54).

Если на вершинах высоких гор местные жители старались не бывать без особой нужды, избегая наказаний от «духов гор», то, осваивая берега Катуня на всем ее протяжении, они вынуждены были адаптироваться к ее режиму, чутко отслеживать особенности повышения и понижения уровня воды в весенне-летнее время, приспособившись к сезонным разливам. Отсутствие надежных речных переправ во многом являлось препятствием для коммуникации с друг другом этнотерриториальных групп, проживавших на разных берегах Катуня. С другой стороны, алтайцы, старообрядцы и старожилы, отличавшиеся хорошим знанием своего края и его ресурсов, умело использовали Катунь как транспортную артерию в зимнее время, знали удобные броды и в случае необходимости находили новые.

Там, где бродов не было, исторически сложились лодочные переправы, но их было немного. Переправы через Катунь были очень опасными, не случайно кустарники и деревья на берегах реки в Кор-Кечу всегда были увешаны светлыми лентами в знак «благодарственной жертвы» за «счастливую» переправу (Бунге, 1993, с. 215). Переправа эта (Кор-Кечу на Катуню) — писал в своем путевом дневнике ученый-флорист А.А. Бунге в 1826 г. «предприятие рискованное <...> мы чуть не пошли ко дну» (Бунге, 1993, с. 179, 215). С трудом переправилась на другой берег экспедиция П.А. Чихачева в 1842 г. (Чихачев, 1974, с. 55–56). О трудностях переправы через Катунь писал и тюрколог В.В. Радлов (Радлов, 1989, с. 30–31).

В переводе топоним «Катунь» (алт. — Кадын), означающий «госпожа», «повелительница», тесно связан с древним обычаем тюркских народов «возвеличивать и преклоняться перед большими реками», что подчеркивает исследовательница О.Т. Молчанова (2018, с. 469). П.А. Чихачев, прекрасно владевший турецким языком, переводил топоним «Катунь» как «женщина высокого происхождения, владычица», или, в более широком смысле, «ца-

рица рек» (Чихачев, 1974, с. 52). В монгольских сказаниях слово «хатан (хатун)» связывает наименования рек с «образом женщины, матери», наделяя их глубинной символикой (Молчанова, 2018, с. 467). Современная исследовательница Н.Р. Ойноткинова топоним трактует как «жена правителя» или «жена знатного человека» (Ойноткинова, 2022, с. 347). Традиционное название Катуня в алтайском социуме — это «Кадын», а Белухи, с южного склона которой она берет начало, — «Кадын-Бажи» (дословно «голова Катуня»), что, как уже отмечалось в современной исследовательской литературе, «соответствует неразрывной сакральной связи двух духовных символов Алтая: самой высокой горы и главной священной реки» (Мукаева, 2020а, с. 37).

В «традиционной мифологии Катуня принадлежит самое почетное место», а ее образ в алтайской духовной культуре окутан мифами, легендами, былями, быличками (Мукаева, 2020а, с. 32). В алтайском фольклоре сохранилось много мифологических сюжетов, посвященных главной реке Алтая, среди которых особо выделяется миф о творении нового русла Катуня. В фольклорных текстах, записанных исследователями в 1937 г., говорится о том, что широко известный от Хангая до Катуня богатырь Сартакпай задумал проложить путь алтайским рекам, которые не могли сквозь горы и скалы пробиться к океану. Пока он творил новые русла рекам на востоке Горного Алтая, его сын Адучи повел с горы Белухи борозду на запад, по которой потекли белые воды Катуня. Узнав от посланника, что отец его ждет в Артыбаше, он резко поворачивает русло на восток, а затем на север. Сартакпай повел из Телецкого озера реку Бию, а Адучи — Катунь до слияния рек (Гарф, Кучияк, 1939, с. 4–5).

Богатыря Сартакпая и Катунь связывает еще один цикл легенд, объединенных общим сюжетом возведения мостов через бурные воды реки (Потанин, 1881, с. 51; Мукаева, 2020а, с. 32, 37). Легенду об устройстве переправы через Катунь в урочище Кор-Кечу алтайскими богатырями первым записал натуралист А.А. Бунге (1826). В ней повествовалось, что «два могучих богатыря, отец и сын, искали себе новое место для поселения. Они подошли к Катуня, преградившей им путь. Тогда они решили ее запрудить. Но у них вышли все продукты, и отец послал сына обратно домой, где ждали жены богатырей, чтобы запастись едой, строго наказав ему не разговаривать ни с кем из встречных, так как в противном случае не будет надежды на то, что удастся построить плотину. Долго молчал сын, но, прощаясь с женой, сказал несколько слов. Между тем отец почти уже заканчивал работу, оставалось только выломить из горы огромную глыбу и кинуть ее в реку, и плотина была бы готова. Но для этого требовалась помощь сына. Когда тот пришел, им удалось общими усилиями низринуть скалу, но так как сын не послушался отцовского предостережения, то утратили свою силу чары, нужные для завершения плотины, и сброшенная скала разрушила всю плотину. Отец, узнав таким образом о непослушании сына, гневно топнул ногой о скалу и покинул его. От могучего удара отпечатался след на скале. Долго сидел на месте опечаленный сын, и там, где он сидел, образовались два круглых углубления в другой скале неподалеку от первой» (Бунге, 1993, с. 178–179). Камни со следами

пребывания Сартакпая ниже перевоза Кор-Кечу Г.Н. Потанину показывали жители Центрального Алтая (Потанин, 1881, с. 171). Обращают на себя внимание такие мифологические мотивы, как непослушание сына отцу, его глубокая печаль из-за своего необдуманного поступка, обрушение переправы, уход главного героя в другие земли.

Немного отличные легенды о строительстве моста в Кор-Кечу сообщили Г.Н. Потанину две чуйские теленгитки. По одной версии Сартакпай хотел построить мост через Катунь, он носил камни к реке, но поссорился с сыном, собрал камни в подол и высыпал их выше устья р. Яломан; по другой — «Сартапай со своим сыном прудил Катунь камнями, немного уже осталось доложить. Вечером Сартакпай наказал сыну, чтобы он спал один без жены. Тот нарушил завет. На следующий день Сартакпай не смог поднять камень, он рассердился и ушел к монголам» (Потанин, 2005, с. 286). Алтайский просветитель М.В. Чевалков записал похожее предание о попытке Сартакпая построить мост через Катунь, ниже устья р. Эдиган; и в этом месте на камнях сохранились следы его ног и его сиденья» (Потанин, 2005, с. 286).

Интересную легенду о Сартакпае записал и опубликовал в трудах РГО известный художник Г.И. Гуркин, который в начале XX в. увлекался этнографией и сбором алтайского фольклора, черпая из них сюжеты для своих картин. В обретенной им легенде повествуется о том, что Сартакпай дошел до Тельдекпенских порогов на Катунь. И здесь, в самом узком и глубоком месте реки, он решил возвести мост. Как и в других сказаниях, ему помогал сын Адучи-Мерген, нарушивший наказ отца не оставаться на ночь с женой; в результате наутро мост развалился. Остатки камней Сартакпай разбросал по долине. Сын и невестка Сартакпая за непослушание превратились в горы Ак-кая, которые находятся на левом берегу Катунь, ниже долины Тельдекпена, напротив устья р. Чоба; сам же Сартакпай ушел в Монголию (Гуркин, 1916, с. 145).

Как видно, мифы о возведении переправ над Катунью закрепились в разных локациях речного бассейна, они со временем превратились в легенды, дошедшие до XX столетия. Об удивительной живучести и популярности мифов о богатырях-мостостроителях Сартакпае и Адучи писал литературовед С.С. Каташ (1978, с. 30–31).

Не менее популярными на Алтае являются сказания, в которых слияние двух больших рек региона преобразуется в легенды о вступлении в брак Катунь и Бии, из которых первая является женщиной (госпожой-хатуной), вторая — мужчиной (князем-бием) (Потанин, 1884, с. 259). В них отложились, как справедливо отмечал С.С. Каташ, мифические сюжеты о «превращении героев-богатырей в реки и закреплении их имен за названиями этих рек» (Каташ, 1978, с. 23). В мифе говорится, что когда-то реки были супругами: сварливой женой Катунью и тихим Бием. Бий пребывал в мире с другими реками, горами, а ссорящаяся со всеми Катунь не давала ему покоя. Остальные реки и горы советовали Бию вызвать Катунь на состязание: кто быстрее достигнет горы Бабырган, тот становится главным в семье. Когда реки побежали, то перед Бием горы и тайга раздвигались, а перед Катунью, наоборот,

сдвигались. В итоге сварливая Катунь проиграла, а Бий закрепил свое главенство в семье. В этом сказании С.С. Каташ увидел отголоски древнего мифа о борьбе патриархального и матриархального начал, утратившего в с течением времени свой первоначальный, древний смысл и принявшего бытовой характер в виде спора между тихим мужем и сварливой женой (Каташ, 1978, с. 23–24).

«В других алтайских легендах и сказаниях прослеживается путь Катунь от подножья самой высокой вершины Алтая — горы Белухи; описывается ее неукротимый, бурный нрав, <...> необыкновенная мощь движущейся с огромной скоростью воды, разбивающей любые препятствия. <...> древние и средневековые сказители поведали о реке многое, что наверняка бы ускользнуло от внимания современного человека» (Мукаева, 2020а, с. 37).

Свою лепту в создание легенд о Катунь (ее истоках) внесли старообрядцы (самоназвание — каменщики), обитавшие на правом берегу реки на Уймонской степи. Осваивая район Верхней Катунь, уймонские старообрядцы обращали внимание на бело-мелочный цвет воды, который они объясняли тем, что река вытекает из Белого озера, расположенного у подножья Белухи. Для сравнения, в алтайском эпосе отложились представления о горе Сумер (Белухе) и молочном озере Сут-кол. Ученому К.Ф. Ледебур в 1826 г. уймонские раскольники сообщили, что «расстояние до истоков Катунь по самой короткой дороге составляет 120 верст. Там, говорят, из-под снега вытекают два источника, несущие светлую воду. Один из них впадает в озеро, находящееся у подножья горы, вода его молочно-белого цвета и густая (ее сравнивали со сливками или брагой); она клокочет и пузырится. Другой ручей, вытекающий из светлого источника, сливается с молочно-белым ручьем, который, в свою очередь, вытекает из озера; после слияния он также кажется окрашенным в белый цвет» (Ледеbur, 1993, с. 90).

Желая проверить эти сведения, К.Ф. Ледеbur и А.А. Бунге попытались подняться к этому Белому озеру, дающему начало Великой реке, но безуспешно. В исследовательской литературе подробно описаны экспедиции к истокам Катунь: К.Ф. Ледебур в августе 1826 г. и А.А. Бунге в июне 1829 г. (Мукаева, 2020б, с. 182–190; 2021, с. 130–138).

В настоящее время образ Катунь как Великой реки Алтая, как и в старину окружен многочисленными запретами: на ее берегах нельзя шуметь, произносить бранные слова, смеяться, в наше время — еще и слушать музыку, захламывать ее берега, не приветствуется купание в ее водах. Перед переправой через Катунь (на лодке, пароме и даже по мосту) коренные жители произносят алкыши — благопожелания реке с элементами восхваления, подчеркнуто уважительно обращаясь к реке как одухотворенному существу с просьбами: «дай нам (мне) дорогу, дай нам (мне) путь», «если эта река бурная, пусть даст мелкий брод!» «текущие реки дадут переправу!» (Каташ, 1978, с. 60, 64).

Возвышенное отношение и поклонение Великой реке Алтая в полной мере выразил художник и эссеист Г.И. Гуркин «...празднует свою весну красавица Катунь, <...> торжествует с ней величавый, царственный, могучий

Алтай! И кажется, что на празднике их и торжестве присутствует сам Бог, творец Алтая» (Гуркин, 1912).

Список источников

Бунге А.А. Путешествие по восточной части Алтайских гор. Дневник путешествия по восточной части Алтайских гор летом 1826 г. // Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 157–217.

Гарф А.Л., Кучияк П.В. Алтайские сказки. М.; Л., 1939. 96 с.

Гуркин Г.И. Алтайские сказания о Сартакпае // Записки ЗСОРГО. Т. XXXVIII. Омск, 1916. С. 145–148.

Гуркин Г.И. Праздник реки Катуня. Этюд // Жизнь Алтая. 1912. №70. 31 марта.

Каташ С.С. Мифы, легенды Горного Алтая (мифы, легенды, предания, благопожелания). Горно-Алтайск, 1978. 112 с.

Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорья Алтая // Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 14–156.

Молчанова О.Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая: в 2 т. Т. 1. А–К. Шецин, 2018. 598 с.

Мукаева Л.Н. Священные воды Алтая // Культура в Евразийском пространстве: традиции и новации. 2020а. №1(4). С. 32–41.

Мукаева Л.Н. Гора Белуха, величайшая вершина Азиатской России, как главнейший сакральный символ историко-культурного и природного наследия народов Алтая // Малый город: технологии развития. Котлас, 2020б. С. 182–190.

Мукаева Л.Н. Роль водных артерий Горного Алтая в естественнонаучном изучении региона в досоветское время // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Вып. 4. Котлас, 2021. С. 130–138.

Ойноткинова Н.Р. Мифология алтайцев: этнолингвистический словарь: в 2 т. Т. 2. Новосибирск, 2022. 464 с.

Потанин Г.Н. Инородцы Алтая // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11: Западная Сибирь. СПб., 1884. С. 253–272.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. СПб., 1881. 182 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск, 2005. 1026 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 752 с.

Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай: Центр. Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века. М., 1974. 358 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Лариса Николаевна Мукаева, Национальная библиотека имени М.В. Чевалкова, научно-методический отдел, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, пр-т Коммунистический, 32, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000000194093217>, larnika777@yandex.ru

Larisa N. Mukaveva, National Library Named after M.V. Chevalkov, GornoAltaysk, Russia, Scientific and Methodological Department, Research Associate; 649000, Russia, Gorno-Altaysk, 32 Kommunisticheskiy Ave, PhD (History), Associate Professor, <https://orcid.org/0000000194093217>, larnika777@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article
УДК: 39(575.2):37.018.7
DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.09
EDN: JCUKMI

ПРИРОДНЫЕ СИМВОЛЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КЫРГЫЗСКОЙ СЕМЬЕ (по материалам юго-запада Ферганской долины)

Самара Курбаналиевна Осмонова

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

Резюме. В статье на основе этнографических материалов и источников были исследованы природные символы и их значение в воспитании детей в традиционной кыргызской семье. Бережное отношение кыргызского народа к окружающей среде ярко отражено в устном народном творчестве, которое оказывало сильное влияние на детей, передавая им глубокий моральный потенциал. Люди наблюдали за заходом солнца и луны, за полетом птиц, чтобы предсказать погоду на следующий день, месяц или год. Они наблюдали за природой в горах, степях, лесах и на берегах рек, расширяя свои знания. Пение птиц, закаты солнца, особенности деревьев и трав становились предметом изучения. Разговоры и рассказы о различных природных явлениях, связанные с народным календарем, были основными методами передачи знаний молодому поколению.

Ключевые слова: природа, экология, воспитание, культура, традиция, труд, поверья, представления

Для цитирования: Осмонова С.К. Природные символы и их значение в воспитании детей в традиционной кыргызской семье (по материалам юго-запада Ферганской долины) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 57–64. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.09

NATURAL SYMBOLS AND THEIR SIGNIFICANCE IN CHILD-REARING IN TRADITIONAL KYRGYZ FAMILIES (Based on Materials from the Southwest of the Fergana Valley)

Osmonova S. Kurbanaliyeva

Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. This article, based on ethnographic materials and sources, explores natural symbols and their significance in child-rearing within traditional Kyrgyz families. The Kyrgyz people's respectful attitude toward the environment is vividly reflected in their oral folk traditions, which had a profound influence on children, imparting deep moral values. People observed the setting of the sun and the moon, the flight of birds, and other natural phenomena to predict the weather for the next day, month, or year. They studied nature in the mountains, steppes, forests, and along riverbanks, expanding their knowledge. The songs of birds, sunsets, and the unique characteristics of trees and plants became subjects of study. Conversations and stories about various natural phenomena, linked to the folk calendar, served as the primary methods of transmitting knowledge to the younger generation.

Keywords: nature, ecology, upbringing, culture, tradition, labor, beliefs, perceptions

For citations: Osmonova S.K. Natural Symbols and Their Significance in Child-Rearing in Traditional Kyrgyz Families (Based on Materials from the Southwest of the Fergana Valley). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:57–64. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.09

Традиционная система воспитания детей в кыргызской семье тесно связана с народной метеорологией, народным календарем, фенологией и другими природными явлениями, которые играли важную роль в повседневной жизни. Человек является частью природы и не может существовать без нее. Он дышит воздухом, питается, получает свет, тепло и жилье от природы. Поэтому человек должен относиться к природе гуманно и бережно. Отношение человека к природе зависит от его идейно-нравственных качеств. С древних времен наши предки почитали природу и относились к ней с глубоким уважением.

Воспитание детей в кыргызских семьях в духе бережного отношения к природе начиналось с раннего возраста, так как они с детства были вынуждены находиться в непосредственном контакте с природой, растениями и фауной. Такое воспитание осуществлялось в тесной связи со взрослыми членами семьи, при активном участии детей в трудовой деятельности. Часто старшие, особенно пожилые, члены семьи рассказывали детям о различных событиях и явлениях, связанных с природой, которые происходили с ними самими или их родственниками.

Традиции взаимодействия с природой кыргызского народа уходят корнями в далекое прошлое. И это не случайно: кыргызский край славится своими озерами, лесами, родниками, реками, растительным и животным миром (Апыш, 2006, с. 67).

Остановимся немного на природе и богатствах этого региона. Природа этого края невероятно красива. Долины и равнины простираются с запада на восток вдоль Алайского или Туркестанского хребтов, подножий Памира и Катыранских гор. Местные жители называют эти горы Алтын-Бешик. Шесть рек текут через этот регион: Исфайрам, Шаймерден, Кок-Дарыя, Исфара, Козу-Баглан и Ак-Суу. Название Лейлекского района также связано с птицами. Местные жители говорят: “Илек-илек канаты, эзелкинин санаты” — дословном переводе «Крылья илека, память предков». Лейлекский район богат природными ресурсами: бурый уголь, мрамор, белый и красный песок. Здесь также находятся всемирно известные Кадамжайский сурьмяный комбинат и Айдаркенский ртутный комбинат. В Бургендинской долине добывают нефть и газ. Местные жители говорят, что Кадамжайский район богат как наземными, так и подземными ресурсами. Кроме того, в этом регионе есть священные места, названные в честь гор, камней и воды, которые рассказывают о природе этого края.

Согласно народным представлениям, природа — это живое существо, подобное человеку, и к ней нужно относиться как к живому организму. Запрещалось загрязнять воду, реки, озера, ручьи, бесосновательно рубить де-

ревя, особенно плодовые. Защита природы, сохранение окружающей среды от загрязнения основывались на мифологических верованиях и запретах, направленных на сохранение природных ресурсов. Внимательное отношение к природе воспитывало в детях трудолюбие и бережливость, что имело большое значение в условиях жизни кыргызов.

Повзрослевшие дети знали календарные данные, подтвержденные многовековым опытом повседневной жизни, предупреждения аксакалов о снежных лавинах, камнепадах, солнечных затмениях и других явлениях. Молодежь учили активно участвовать в очистке горных дорог, спасении скота и людей во время селей, устранении последствий стихийных бедствий. Источники иногда засорялись, и вокруг образовывались болота. Подростки очищали места, заваленные мусором и отходами, а также расчищали путь воде, открывая родники. «Если увидишь родник, открой его — тебе будет благодать», — говорили в народе. В дом родителей приносили воду из чистого родника. Люди часто приходили к очищенному роднику, чтобы поделиться своими мечтами и секретами. Старшие советовали молодежи: «Расскажи свои сны, мечты, мысли и фантазии текущей воде» (Осмонова, 2023).

Посвященные животным, растениям или неназванным явлениям природы песни были связаны с внимательными наблюдениями за природой, миром животных и растений. Все это говорило о добровольном, невидимом, искреннем единстве с природой. Кыргызы считали себя частью природы, частью вселенной, заботились о каждом дереве, не убивали скот без необходимости. Они ориентировались на солнечный и лунный календари, знали повадки животных, возможные землетрясения, отмечали все праздники, уважали их и связывали важнейшие события своей жизни с ритмами природы.

Люди верили, что тепло, красота, искренность окружающего мира — животных, птиц, растений — понимают их, помогают и защищают. Поэтому человек, как часть природы, был обязан защищать ее и сохранять ее жизненную силу.

Кыргызы верили, что тот, кто разрушает гнездо птицы, останется без потомства, а тот, кто рубит дерево без нужды, останется без дома. Природу тщательно изучали, познавали, доверяли ей и заботились о ней. Имена птиц, деревьев, цветов давались с искренней верой в их силу, долголетие и красоту, которые будут принадлежать тем, кто их носит.

Весеннее равноденствие с 21 на 22 марта считалось началом нового года, а летнее равноденствие приходилось на 21 и 22 июля. Перед праздником Нооруз готовили сумалык, забивали скот для жертвоприношения, разводили костры, убирали дом, одевались в чистую одежду, читали молитвы и просили прощения друг у друга. Кыргызы верили, что через уважение к природе можно получить благословение Бога и избавить мир от стихийных бедствий, трудностей и неурожая.

У кыргызов, как и у других народов, было много примет, пословиц и поговорок, связанных с весной. Для земледельца и скотовода груд с древних времен был основой жизни, а для сельских жителей весна — самое важное время.

Приметы изменения погоды позволяли предсказать, каким будет урожай, а пословицы и поговорки описывали весну как самое быстротечное время года.

В процессе совместной работы с взрослыми членами семьи дети приобретают трудовые навыки и учатся понимать значение выполняемой работы. Старшие показывают методы трудовых операций, знакомят детей с окружающим миром во время перекочевок (на другие пастбища и т.д.), учат, как извлекать пользу и богатство из природы. Один из информаторов вспоминает, как его отец, отправившись в лес на место своего старого кочевья, начал рассказывать о каждом дереве, о том, как его можно использовать на практике. Например, увидев арчу (можжевельник), он сказал, что из нее можно сделать хорошую колыбель для ребенка (Осмонова, 2023).

Отец или старшие учили подростка, что если деревья шумят, то это предвещает изменение погоды, а если животные быстро бегают по полю, то можно ожидать дождя. Если мыши глубоко роют свои норы, то это предвещает сильные холода (Осмонова, 2023).

Народные приметы различаются по своему содержанию. Например, скотоводство и земледелие связаны с различными религиозными верованиями и обрядами. Земледельцы в первую очередь учили своих детей обрядам, связанным с обработкой земли, а скотоводы — правилам ухода за скотом. Считалось, что такие обряды и правила способствуют хорошему урожаю и защищают скот от различных бедствий и болезней.

В жизни кыргызского народа этого региона фенологические приметы, наблюдения и обряды, связанные с весенними полевыми работами, имели большое значение, так как люди зависели от природы, природных явлений и климатических условий. Поэтому старшие стремились передать детям знания и опыт о природе, накопленные предыдущими поколениями.

Согласно информации наших информаторов, в народе говорили: “кантар ооду кар кетти, байдын көзү жарк этти” — («растаял лед — снег ушел, глаза богача загорелись»), предвещая приход весны. Наблюдение за изменениями погоды, правильный расчет времен года, знание того, какой будет зима и год, заложили основы астрономии среди народа. Такие наблюдения привели к появлению поговорок: “Ай кыроолосо айгыр минип тойго чап, күн кыроолосо күрөк кармап койго чап”, «Если луна красная — садись на жеребца и скачи на праздник, если солнце красное — бери лопату и копай», “Ай сары болсо жаанчыл, ак болсо кургакчыл”, «Если луна желтая — будет дождливо, если белая — сухо», “Ай чалкалап чыкса ташбиштүү (убарачыл) болот”, «Если луна выходит лежа — будет ветрено», “Күн кызарып батса ысык, кызарып чыкса нымдуу”, «Если солнце садится красным — будет жарко, если восходит красным — влажно», “Турналар бийик өтсө суук, жапыз өтсө жылуу” «Если журавли летят высоко — будет холодно, если низко — тепло». По цвету новой луны, появлению утренней звезды, расположению Млечного Пути и созвездий определяли, каким будет месяц или год. Наблюдая за поведением насекомых, овец, изменением их шерсти и аппетита, предсказывали, какой будет зима. Туман, иней, жара или холод тщательно запоминались, и через

шесть месяцев (180 дней) люди могли предсказать изменения в погоде. Они точно определяли самый короткий и самый длинный день в году, равноденствие и середину зимы. Середину зимы, т.е. середину 90-дневного периода, называли «кантар ооду», с этого момента снег начинал таять. «Кантар ооду кар кетти, байдын көзү жарк этти» — «Кантар ооду — снег ушел, глаза богача загорелись», то есть зима уже не опасна, солнце начинает пригревать, и дни становятся длиннее. Это соответствует ночи с 12 на 13 января. В селе Маргун жил человек по имени Ибраим Мурза уулу, который очень точно вел счет годам и говорил: «Мир меняется в одно мгновение, все на земле тает, и если я воткну нож в камень, он войдет, а потом замерзнет, и в следующем году в это же время я смогу его вытащить» (Осмонова, 2023). Можно сказать, что у народа этого региона был огромный опыт в исчислении времени.

Хронологически и по названиям есть некоторые различия (в Лейлеке). Летосчисление велось по солнечному (шамсия) и лунному (камария) календарям. По солнечному календарю год состоит из 365 дней, в високосные годы — из 366 дней, а по лунному — из 354 дней, при этом каждый месяц рассчитывается с точностью до нескольких часов, и в итоге добавляется 11 или 12 дней, чтобы получить 365 дней. Названия месяцев были арабскими. Первый месяц — амал. 21 марта — последний день амала, то есть амал соответствует марту. Животные, растения и земля начинают новую жизнь в зависимости от того, как приходит амал. В этом месяце каждый день имеет свое значение. В этом месяце проходят такие дни, как суксур шубат (шаан), абурахат (тепло), Нооруз каракчы (птицы). Каждый из них длится три дня — всего девять дней. Нооруз каракчы означает, что приходит новый год. В этом месяце начинают прилетать различные птицы. Каждая птица имеет свое значение. 18 марта — день прилета калжуртчу. С его прилетом люди узнают, что весна пришла окончательно. Увидев эту птицу, пастухи начинают перекочевку с зимних пастбищ на весенние. В прошлые годы один богач спрашивал своих детей: «Видели ли вы калжуртчу?» Дети смотрели на вершины гор, но птицы не было. Устав ждать, дети нашли способ обмануть отца. Они поставили на вершину горы череп козы и сказали: «Отец, отец, калжуртчу прилетел!» Обрадованный старик разрешил перекочевать на весенние пастбища. Однако через несколько дней прилет калжуртчу принес сильные холода, и скот, едва переживший зиму, погиб. Эта история передается как поучительный пример для детей. Наконец, прилет ачакуйрук означает конец месяца амал и наступление 21 марта. Нооруз — новый день, отмечается очищением окружающей среды, собирают старую траву и разводят костры, прыгают через огонь. В день нового года люди одеваются в новую и чистую одежду. Это считается священным днем. В селах Арка, Кулунду, Аксуу, Маргун и Бешкент раньше новый год отмечали 7 марта, провожая старый год и прося благословения. Это связано с началом сельскохозяйственных работ по лунному календарю. В этих местах весенний сев начинался с середины февраля. Второй месяц — соор. Природа оживает, становится светлее, и жизнь входит в свои права. Им нужно тепло солнца и дождь, чтобы на полях было изобилие. «Соор түштү —

доор түштү» — говорят в народе. Гром начинается в этом месяце. Когда впервые слышат гром, женщины разбрызгивают молоко или айран, чтобы год был дождливым и урожайным. Если гром гремит в горах — это год гор, и скоту будет изобилие, если в степи — это год земледелия, фруктов и урожая. Это подтверждается жизненными наблюдениями. Третий месяц — жооза. На арабском это слово означает, что ячмень созрел. Весна приходит к живым существам, и с этого момента начинается изобилие. Саратан соответствует июню, это арабское слово означает начало жары. Саратан поет, солнце кипит. Следующий месяц — асат. Асат — это тигр, символ жары. Люди говорят: «Асат — расат». Расат означает полноту, все созревает под силой жары. Шестой месяц — сумбула. В этом месяце ночи становятся холодными. Говорят, что в сумбула вода замерзает. В этом месяце есть примета, связанная с птицей перепелом, — с его прилетом начинаются холода. Месяц мыйзам. Этот месяц называют с птицей кыргыз, потому что в этом месяце, по точным расчетам жителей села, с 21 августа по 1 сентября прилетает кыргыз. Испуганные мелкие птицы и воробьи собираются в стаи и улетают. В эти дни, особенно с 25 августа по 1 сентября, люди ждут дождя и смотрят на небо. Если в эти дни упадет хотя бы одна капля, это большая радость, потому что это означает, что год будет дождливым и урожайным, что подтверждается многолетним опытом. Усилия людей в осенних и весенних посевных работах зависят от того, как прилетает кыргыз. В этом месяце солнце начинает остывать. «Кыштын башы кыргыз» — «Начало зимы — кыргыз», — говорят, и зима начинает чувствоваться. Восьмой месяц — акырап, затем кабыс. Кабыс — это переходный месяц между теплом и холодом. Это конец осени, переход к зиме. Десятый месяц — токсон. Это самый холодный период зимы, длится 90 дней. Чил на арабском означает сорок. Чил состоит из сорока дней, и он берет по пять дней от предыдущего и следующего месяцев, то есть длится с 17 декабря по 1 февраля, или, по нашему календарю, с 25 декабря по 5 февраля. Последний месяц — үт. «Жалгап калса үт, жалгабаса жут». «Жалгабаса үттү көр, казан толо сүттү көр, каарына алса жутту көр, сайсайда жаткан бүттү көр» «Если үт затянется, то будет жут». «Если үт не затянется, то увидишь молоко в котле, если рассердится, то увидишь жут», — говорили в старину. Потому что если этот месяц наступит хорошо, то весна начнется и скот начнет набирать вес, а если зима будет долгой и холодной, то скот может погибнуть от голода. Месяц үт длится 17 дней. Затем следуют восемь дней, которые называют азиз. Это слово означает, что зима уже не может причинить вреда.

Однако в эти дни бывает очень холодно. В течение девяти дней прилетает чанделеч (азиз кампир), маленькая птичка, поэтому этот холод называют амалом этой птицы, и ее называют азиз чымчык. Из-за сильных холодов птица говорит: «Токсон, бир күнүмчө жоксун» — «Пусть не будет меня в течение девяти дней». Однако, как бы ни было холодно, эти дни быстро проходят, и зима уступает место весне, и снова начинают прилетать перелетные птицы. С весной жизнь снова оживает, и человек продолжает жить (Осмонова, 2023).

Обычаи и традиции кыргызов сопровождали их от рождения до смерти и формировались из обрядов и ритуалов. Каждый человек считал свою жизнь даром Бога и верил, что Бог дал жизнь на земле, со всеми ее радостями и печалью, до определенного времени. В народе говорили: “Күнүн, суун түгөнсө кетебересин” — («Если твой день закончится, ты уйдешь»). Люди верили, что все, что происходит в жизни, предопределено. Жизнь считалась внутренней ценностью, священной свободой, и в повседневной жизни определялись этапы защиты от природных и неожиданных опасностей, так как в этом регионе часто происходили различные бедствия. Они считали войны и климатические опасности наказанием за нарушение гармонии жизни с природой.

Работая на земле, человек жил в гармонии с природой, изучал многообразие растений, жизнь птиц и животных. Для кыргызского народа прекрасный и могучий мир природы (животные, растения) стал неотъемлемой и понятной частью жизни ребенка и его семьи.

Имели мифологические представления о многих явлениях окружающей среды, например, считалось, что успех или неудача на охоте зависят от покровительства Кайберена — духа горных копытных (олень). Число «тысяча» считалось магическим, и говорили, что нельзя убить больше тысячи оленей. Нарушившего это правило строго наказывали, он мог ослепнуть, попасть в беду или умереть. По словам охотников этого региона, после того как убьешь тысячу оленей, тысячный олень встанет с рогами вниз. Если охотник выстрелит в него, то с ним случится беда, например, он упадет и умрет или его ружье сломается и не выстрелит.

Это поверье подтверждается и в исследованиях этнографа Т. Баялиевой: существовало магическое число «тысяча» — добывать больше дичи не имел права никто. «В народе говорится, что более тысячи кийиков убивать нельзя. Тот же, кто нарушит это предначертание, будет жестоко наказан: либо он ослепнет, либо его настигнет несчастье. В конце концов он погибнет. А в отдельных случаях — убивает своего сына, приняв его за кийика» (Баялиева, 1969, с. 11).

Было также запрещено охотиться во время гона. Олени начинают размножаться в марте. В это время охота запрещена. Кто ослушается, может навлечь на себя проклятие (Осмонова, 2023).

Мифологизируя окружающую действительность, древние кыргызы свято верили, что удача на охоте полностью зависит от воли духа покровителя животных, в частности покровителя горных копытных животных (кийиков) — Кайберена (Алимбеков, Байтова, 2016, с. 73).

Таким образом, верования воспитывали в детях любовь и уважение к природе, а также понимание того, что любое зло, направленное против природы, возвращается к человеку.

Обязательным было знакомить детей с приметами, связанными с дождем, так как жизнь земледельцев и скотоводов полностью зависела от природных явлений, и в первую очередь от количества осадков. Если туман покрывал горы, считалось, что погода испортится. А также те, кто жили

у подножья гор, считали, что если тополь шумит в верхнем течении, то будет хорошая погода (Осмонова, 2023).

Таким образом, можно сказать, что важность воспитания заключалась в гармонии с природой, в том, чтобы никогда не причинять ей вреда. Это проявлялось в повседневной жизни, во время полевых работ, ухода за скотом и т.д., в разговорах и рассказах о природных явлениях, которые служили методами передачи соответствующих знаний. Фенологические приметы и наблюдения, связанные с весенними полевыми работами, имели практический характер.

Список источников

Алимбеков А., Байтова Ф. Идея воспитания совершенной личности в традиционной педагогической культуре кыргызов. Вестник науки и образования. 2016. №2 (14). С. 72–74.

Апыш Б. Тарбия жараяны [Текст] окуу куралы. Ош, 2006. 230 б (на кырг. яз.).

Баялиева Т.О. О тотемистических представлениях киргизов // Религия и религиозные пережитки. Фрунзе, 1969. С. 11–17.

Осмонова С.К. Полевые материалы. Тетрадь №3. Кыргызстан. Баткенская обл. 2023.

Информация об авторе / Information about the Author

Самара Курбаналиевна Осмонова, Ошский государственный университет, кафедра истории Кыргызстана и археологии, этнологии, доцент; 723500, Кыргызстан, г. Ош, ул. Ленина, 331; кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0004-8965-316X>, osk_8182@mail.ru

Samara K. Osmonova, Osh State University, Department of History of Kyrgyzstan and Archaeology, Ethnology, Associate Professor; 723500, Kyrgyzstan, Osh, Lenin st., 331; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0009-0004-8965-316X>, osk_8182@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 94(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.10

EDN: JGIANW

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ Р.П. СУЗУН

Роман Владимирович Рубцов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена анализу практик сохранения историко-культурного наследия и исторической памяти в меморативном ландшафте поселка Сузун (Новосибирской области), выявлению следов исторического наследия в топонимике улиц, памятниках, музеях и их роли в формировании коллективной памяти. Анализируется также роль топонимики, памятников и музеев в формировании коллективной памяти, уделяется особое внимание горнозаводскому наследию XVIII в., включая

медеплавильный завод и монетный двор. Рассматриваются процессы музеефикации с использованием современных технологий для интерактивного представления истории, а также участие местного населения в сохранении памяти. Освещены ключевые памятники и музеи, такие как памятник Сибирской монете и музейно-туристический комплекс «Сузунский монетный двор».

Ключевые слова: Сузун, горнозаводское наследие, культурный ландшафт, музеефикация, историческая память, монетный двор

Для цитирования: Рубцов Р.В. Памятники и памятные места в исторической памяти р.п. Сузун // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 64–71. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.10

MONUMENTS AND MEMORIALS IN THE HISTORICAL MEMORY OF SUZUN

Roman V. Rubtsov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the practices of preserving historical and cultural heritage and historical memory in the commemorative landscape of the village of Suzun (Novosibirsk region) and identifies traces of historical heritage in the toponymy of streets, monuments, museums and their role in the formation of collective memory. The role of toponymy, monuments and museums in the formation of collective memory is also analyzed, special attention is paid to the mining heritage of the 18th century, including the copper smelter and the mint. The article examines the processes of museification using modern technologies for interactive presentation of history, as well as the participation of the local population in memory preservation. Key monuments and museums are highlighted, such as the monument to the Siberian Coin and the museum and tourist complex “Suzunsky Mint”.

Keywords: Suzun, mining heritage, cultural landscape, museification, historical memory, mint

For citation: Rubtsov R.R. Monuments and Memorials in the Historical Memory of Suzun. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:64–71. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.10

Сузун был основан в 1763 г. на реке Нижний Сузун, а в 1764 г. по указу Екатерины II были построены единственные в Сибири медеплавильный завод и монетный двор (ГАНО. СПб., 1909. Т. XIII. №286. С. 380–381). Благодаря заводу и монетному двору на реке Нижний Сузун появилась промышленность, впервые начали внедряться инновационные инженерные технологии, появились регулярные планировки в строительстве, была своя горнозаводская больница, школа, церковь и даже ярмарка, которая была известна не только в Сибири, но и за ее пределами.

Важным является выявление и сохранение объектов культурного наследия Сузуна, памятников архитектурного наследия, названий старинных улиц, которые являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия горнозаводского производства Алтайского горного округа. Актуальным для жителей Сузуна остается сохранение памяти о единственном в Сибири монетном дворе и связанных с ним местах памяти в культурном ландшафте. С целью

изучения сохранения следов памяти горнозаводского прошлого было проведено исследование, в том числе для того, чтобы выявить следы истории поселка Сузун в названиях улиц, проанализировать место музеев в сохранении исторического наследия поселка. Основным способом изучения была работа с информацией, которую хранит культурный ландшафт поселка. Ее можно сгруппировать: топонимика, памятники и памятные места, музейные площадки.

Пути и формы презентации памяти и ее сохранение в улицах Сузуна

Рабочий поселок Сузун разделен на две части рекой Сузункой — на правый и левый берег; медеплавильный завод и монетный двор находились на правом берегу. Никольская ярмарка проходила на левом берегу, недалеко от церкви, рядом с районом Богатая Слободка, где жили офицеры, служившие на заводах (Воротникова, Шаповалова, 2015, с. 45, 46).

В 2024 г. в Сузуне насчитывалось 112 улиц, 17 из них были учреждены еще во времена Колывано-Воскресенских заводов. Из них свое историческое наименование сохранили только две улицы: Малышевская, которая идет в сторону села с одноименным названием, и Луговая. Сохранились архивные данные о переименовании улиц исполкомом Сузунского поселкового Совета, и благодаря этому можно узнать, как когда-то назывались первые улицы. Процессы переименования происходили длительно. В 1935 г. улица Островского (Остров) еще есть, но уже в 1957 г. переименована в честь 40-й годовщины Великого Октября и памяти павших борцов за Советскую власть. Улицу Лесопильную в поселке Сузун переименовали в улицу Старикова, Омская переименована в улицу Братьев Поповых, которые жили на этой улице и погибли в 1919 г. в числе большой группы партизан от рук колчаковцев (Отдел архива администрации Сузунского района. Ф. 60. Оп. 1. Д. 153а. Л. 82, 83).

Улицы хоть и потеряли свои старые наименования, но их расположение и старинная застройка в значительной степени сохранилась и по сей день. И для сохранения исторической памяти была проведена своеобразная музеефикация рабочего поселка Сузун. В 2014 г. прошел Всероссийский конкурс проектов «Культурная мозаика малых городов и сел», и по инициативе Артема Готлиба, начальника отдела маркетинга Новосибирского государственного краеведческого музея, был осуществлен проект «Траст Трехсот дворов», в котором принял участие и Сузун. «Авторы проекта решили познакомить местных жителей с их поселком — распространить среди населения информацию о медеплавильном заводе, о монетном дворе XVIII в., о городской застройке. Для этого были созданы триста информационных меток, соответствующих тремстам домовладениям, проведена информационная кампания среди нынешних владельцев этих домов, создан мультимедиа контент, размещенный и на центральных улицах поселка, и в сети Интернет» (Коган-Лернер, Сергазина, 2014, с. 12–13).

Использованные во Всероссийском конкурсе IT-технологии, а именно qr-code, позволяют каждому желающему, будь то обычный прохожий или гость рабочего поселка Сузун, отсканировать с помощью смартфона qr-code, размещенный на фасаде дома. QR-code переводит пользователя на сайт проекта «Траст Трехсот дворов»; открывается карта 1798 г., ее автор — Андрей

Безносков, чертежник Алтайского горного управления. На экране появляется изображение с местоположением дома на карте XVIII в. Авторы проекта также указывают, кто мог проживать в данном доме. Например, отсканировав qr-code на доме Тамары Афанасьевы Рубцовой, бабушки автора статьи, узнали, что предположительно в этом доме в XVIII–XIX вв. могла жить семья ученика кузнеца 2-й статьи.

Памятные места рабочего поселка Сузун

В поселке существуют несколько памятников, посвященные истории Сузуна как части Колывано-Воскресенских заводов Алтая. Среди них памятник Сибирской монете и памятник купцу.

Идея создания памятника Сибирской монете привлекла не профессиональных дизайнеров и скульпторов, а всех представителей Сузунского района, кто занимается творчеством. Был объявлен конкурс на создание эскиза памятника. Из 19 представленных вариантов победителем стал эскиз 12-летнего воспитанника Сузунской детской художественной школы Юры Волкова. Помогал ему одноклассник Андрей Байкалов, оба они — учащиеся Сузунской средней школы №1. Памятник стал местной достопримечательностью, визитной карточкой поселка. Из монолита горной породы как бы вырастает монета номиналом 10 копеек. Памятник установлен рядом с гидросооружением, где стоял Монетный двор, на котором чеканились монеты подобного номинала, была благоустроена площадь, получающая название Монетная. Появились скамейки, фонари, клумбы. Здесь встречается молодежь, проводятся свадебные фотосессии. Сюда приезжают экскурсии со всей Новосибирской области (рис. 1).

Средства на строительство памятника собирали «всем миром». Всего удалось собрать около 400 тыс. руб. Торжественное открытие памятника состоялось 17 октября 2013 г. Право открыть памятник получили создатели концепции Юрий Волков, Андрей Байкалов и председатель Совета депутатов Сузунского района Валерий Кузьмич Теряев. Памятник Сибирской монете стал мостом между прошлым и будущим для современного поколения жителей Сузуна и понимания ими особого исторического места на карте России.

В 2023 г. был открыт памятник купцу в честь Никольской ярмарки. Расположен памятник на правом берегу Сузуна, на старой базарной площади. Памятник представляет собой фигуру купца, который сидит на сундуке с сибирскими монетами, на коленях у него кот сибирской породы. На сундуке можно посидеть рядом с купцом, погладить кота на счастье, посчитать монетки и загадать желание (рис. 2).

Презентация горнозаводского историко-культурного наследия в музеях Сузуна

Из четыре пяти музеев имеют экспозиции, посвященные горнозаводскому прошлому поселка. Самым большой из них — «Сузунский краеведческий музей. Центр исторической информации». Он находится в историческом центре поселка. В этом культурном центре один из трех залов имеет название «События», и именно он посвящен истории Сузуна как части Колывано-Воскресенских горнорудных производств на Алтае. Он содержит ин-

*Рис. 1. Памятник Сибирской монете
Fig. 1. Monument to the Siberian coin*

*Рис. 2. Памятник «Купец» в память о Никольской ярмарке
Fig. 2. Monument "Merchant" in memory of the Nikolskaya Fair*

струменты с медеплавильного завода и лесного хозяйства, материалы и предметы горного госпиталя, местных школ и церкви, а также колокол, отлитый на Сузунском медеплавильном заводе (Центр исторической информации...).

В 2014 г. открылся историко-промышленный музей «Толчельня». К началу XX в. от Сузунского медеплавильного завода остались лишь фрагменты декоративного пояса, полов и скатной кровли. Воссоздание практически утраченного объекта культурного наследия осуществлялось на региональные средства, проведены его реконструкция и музеефикация. На данной территории были проведены раскопки с участием Андрея Валерьевича Шаповалова — кандидата исторических наук, директора Новосибирского государственного краеведческого музея. «В первом раскопе мы обнаружили значительный фрагмент ограждения завода. Во втором мы попали в угол прорезного цеха монетного двора (собственно, только этот угол и был доступен). И наконец, мы раскопали большой фрагмент капитального ларя. Это, к слову, просто колоссальное сооружение! Мы до этого не понимали ни его размеров, ни его мощи — и вот увидели своими глазами», — вспоминал А.В. Шаповалов (Акимова и др., 2019, с. 84–85). Раскопки помогли более полно закончить реконструкцию «Толчельни». После проведения раскопок было решено поставить на данном месте музей «Толчельня», который находится в реконструированном здании середины XIX в. (рис. 3).

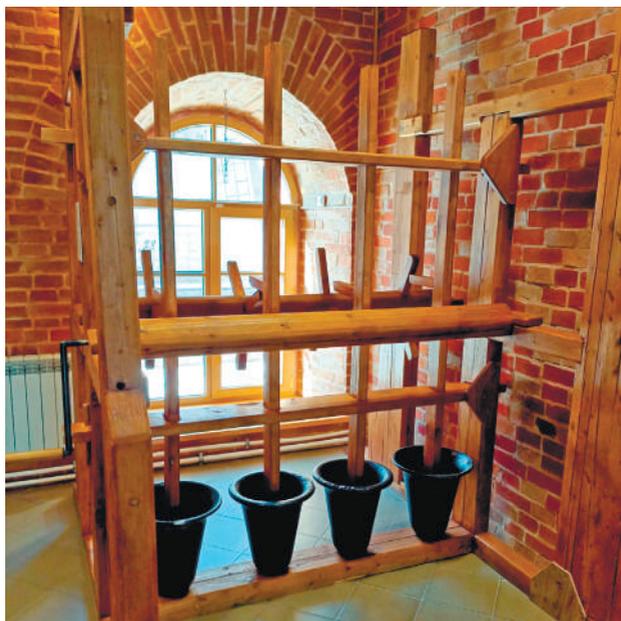

Рис. 3. Толчельня для перемалывания руды
Fig. 3. Ore grinding mill

Музейно-туристический комплекс «Сузунский монетный двор» был построен в 2016 г. и состоит из двух залов (Бондаренко, 2015, с. 4). Первый рассказывает о чеканке монет на территории рабочего поселка Сузун, в нем представлены станки для чеканки монет: гуртильный стан, прорезной стан, обрешной стан, плющильный стан и др. Представлены схемы, чертежи и планы Завод-Сузуна с гидротехническими сооружениями. Второй зал посвящен нумизматике. В нем описывается история денежного производства в России начиная с Петра I и представлены коллекции монет, купюр разных лет, в том числе сибирские деньги, которые выпускал Завод-Сузун, а также два клада, найденные на территории Новосибирской области.

В 2021 г. после реставрации был открыт музей «Дом и контора управляющего» на улице Ленина — памятник истории и архитектуры, построенный во 2-й половине XIX в. В 2019–2021 гг. в здании проходила комплексная реконструкция, после чего была подготовлена новая экспозиция, которая рассказывает о жизни и работе А.А. Черкасова, управляющего Сузунским медеплавильным заводом с 1872 по 1883 г. В экспозиции воссоздан интерьер, где широко представлена коллекция мебели, фарфора, оружия, костюмы и документы конца XIX — начала XX в.

В заключение можно отметить, что за последние два десятилетия была проведена значительная работа по изучению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия рабочего поселка Сузун и монетного производства в нем, в том числе с использованием интерактивных способов презентации исторической памяти. Особенностью этой работы было участие всего населения поселка, от учащихся и предпринимателей до профессиональных археологов, айтишников и музейщиков.

Список источников

Акимова М., Шукин М., Титов В., Вялкова О. Сузунский медеплавильный завод // Сибирские огни. 2019. Специальный выпуск. 95 с.

Бондаренко О.В. Изучение, реставрация и музеефикация значимых объектов культурного наследия Сузунского района Новосибирской области. 2015. 7 с.

Воротникова Е.Ю., Шаповалова А.В. Сузунский медеплавильный завод и монетный двор на рубеже XVIII–XIX веков. Новосибирск, 2015. 86 с.

ГАНУ. Именной указ Екатерины II от 7 ноября 1763 года Сенату // Сенатский архив. СПб., 1909. Т. XIII. №286. С. 380–381.

Коган-Лернер Л.Б., Сергазина К.Т. Всероссийский конкурс проектов «Культурная мозаика малых городов и сел». М., 2014. 109 с.

Отдел архива администрации Сузунского района. Протокол заседания исполкома Сузунского поссовета депутатов трудящихся Сузунского района Новосибирской области №13 от 05.11.1957. Ф. 60. Оп. 1. Д. 153а. Л. 82–83.

Центр исторической информации Сузунского района: официальный сайт. URL: <https://center-istorii.nsk.muzkult.ru/exposition> (дата обращения: 23.01.2025)

Информация об авторе / Information about the Author

Роман Владимирович Рубцов, Алтайский государственный педагогический университет, студент Института истории, социальных коммуникаций и права; 656031, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; gor21_04@inbox.ru

Roman V. Rubtsov, Altai State Pedagogical University, 3rd -year Student at the Institute of History, Social Communications and Law; 55 Molodezhnaya str., Barnaul, Altai Territory, 656031; ror21_04@inbox.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 37.013.43

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.11

EDN: JKAЕUM

НАСЛЕДИЕ ДЖУСУПА БАЛАСАГЫНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гульмайрам Араповна Сариева

*Кыргызско-Узбекский международный университет им. Б. Сыдыкова, Ош,
Кыргызская Республика*

Резюме. Джусуп Баласагын — выдающийся мыслитель XI в., чье произведение «*Кутадгу Билиг*» с течением времени приобретает все большую значимость. Особенно в условиях глобализации мудрые наставления, наполненные общечеловеческими ценностями, становятся сегодня особенно актуальными. «*Кутадгу билиг*» — энциклопедический труд, написанный на родном языке тюркских народов после ассимиляции в мусульманскую культуру. В нем он затронул вопросы справедливого правления, морали, знаний и общественного устройства. Его идеи о мудром государственном управлении, честности и образованности правителя находят отражение в современных политических и философских концепциях. Наследие Баласагына важно для изучения тюркской культуры, литературы и нравственных ценностей, а его труды продолжают вдохновлять ученых, политиков и общественных деятелей.

Ключевые слова: справедливость, истина, счастье, разум, верховенство закона, знание, образованность правителя

Для цитирования: Сариева Г.А. Наследие Джусупа Баласагына и современность // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 71–76. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.11

THE LEGACY OF ZHUSUP BALASAGYN AND MODERNITY

Gulmairam A. Sarieva

*Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov,
Osh, Kyrgyz Republic*

Abstract. Yusuf Balasaguni is an outstanding thinker of the 11th century, whose work “*Kutadgu Bilig*” is gaining increasing significance over time. Especially in the context of globalization, wise teachings filled with universal human values are becoming particularly relevant today. “*Kutadgu Bilig*” is an encyclopedic work written in the native language of the Turkic peoples, and not in Arabic, after the assimilation of the Turkic peoples into the Muslim culture. There he addressed issues of just governance, morality, knowledge, and

social organization. His ideas on wise state leadership, honesty, and the education of rulers are reflected in modern political and philosophical concepts. Balasagyn's legacy is essential for the study of the Turkic culture, literature, and moral values, while his works continue to inspire scholars, politicians, and public figures.

Keywords: justice, truth, happiness, reason, rule of law, knowledge, enlightenment of the ruler

For citation: Sarieva G.A. The Legacy of Zhusup Balasagyn and Modernity. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:71–76. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.11

В X–XI вв., в эпоху Восточного Ренессанса, когда были созданы благоприятные условия для развития культуры, науки и образования, наш великий предок Джусуп Баласагын написал поэму «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Этот труд является великим памятником мирового духовного наследия, тюркской литературы, культуры и науки. Кыргызы и другие тюркские народы считают «Кутадгу билиг» первым тюрко-мусульманским шедевром своей письменной литературы. В мировой культуре классическое произведение Джусупа Баласагына, получило различные названия, такие как «Свод благочиний», «Радетель держав», «Украшение правителей», «Книга шахов», «Благодатное знание» (Юсуф Баласагуни, 1983, с. 63). Это выдающееся творение ставит Джусупа из Баласагына в число ведущих деятелей средневековой культуры тюркских народов.

Историческое значение личности Джусупа Баласагына, его огромный вклад в формирование тюрко-мусульманской культуры, а также роль эпохи Караханидов в истории Кыргызстана и Центральной Азии подчеркивают актуальность его наследия. Кроме того, для укрепления кыргызской государственности, единства народа, воспитания нового поколения кыргызстанцев в духе патриотизма и нравственности необходимо распространение идей великого мыслителя, что делает его наследие особенно значимым в современном мире (Жусуп Баласагын..., 2004, с. 8).

Посвящая свое произведение Богра-хану, автор четко обозначил его истинную ценность. «Дары те не вечны — удел их таков, А мой будет вечен во веки веков» (Юсуф Баласагуни, 1983, 113-бейт). В этих строках он подчеркнул, что поэма является наследием, которым будут пользоваться многие поколения. Она служит наставлением для правителей, помогая им развивать справедливость, мудрость и управленческую компетентность.

Глубокие и многогранные мудрые мысли, изложенные в поэме «Кутадгу билиг», представляют собой неисчерпаемое сокровище народного воспитания и нравственного наследия. Великий писатель XX в. Чингиз Айтматов писал: «Поэзия Юсуфа Баласагуни наряду с эпосом “Манас” является истинным национальным достоянием, подтверждающим общую лингвистическую основу и взаимосвязь двух культур, существовавших веками в духовной жизни наших предков: оседлой и устно-кочевой» (Айтматов, 1986). Исходя из этого, важно подчеркнуть современное звучание и актуальность поэмы «Кутадгу билиг» как духовного памятника нашего народа.

Поэму называют этическим кодексом своего времени, так как она содержит наставления по морали и нравственности. Говоря о ключевых вопросах, затронутых в поэме, профессор А. Касымжанов отмечает: «Герои поэмы — это символы придворных титулов, религиозные знаки природных и общественных сил, выражение определенных жизненных позиций. Они являются участниками совместного поиска и осмысления смысла жизни. В поэме подробно раскрываются такие темы, как жизнь придворной знати, обязанности визиря, главного советника (хас-хаджиба), военачальника, посла, писаря, повара, казначея. Также затрагиваются важные вопросы: как принимать и провожать гостей, выбор спутника жизни, воспитание детей, освобождение от мирских забот, тайны жизни и смерти, суть человеческого достоинства, место человека в этом мире, значение науки и знаний. Кроме того, в поэме воспеваются труд представителей различных профессий» (Касымжанов, 1986, с. 4).

Поэма «Кутадгу билиг» Джусупа Баласагына была создана в эпоху Караханидов и стала основой государственной идеологии в новом формирующемся государстве. Это произведение сыграло ключевую роль в укреплении статуса кочевого государства, прославлении его правителей и интеграции народа в мусульманский мир. Будучи преданным сторонником государства Караханидов, автор обобщил опыт предыдущих правителей и использовал его для укрепления власти династии Караханидов.

Основной идеологический стержень поэмы «Кутадгу билиг» заключается в принципах управления государством, его законах, правилах, а также в общественно-политических, социально-экономических и морально-этических нормах. Произведение подробно раскрывает вопросы поведения членов общества, их взаимоотношений, духовных и нравственных ценностей, а также значение различных профессий, науки и образования. Особое внимание уделяется их роли в укреплении государства и необходимости их развития для благополучия общества (Сариева, 2017, с. 70).

Поэма строится на диалогах между четырьмя персонажами, каждый из которых символизирует ключевые аспекты успешного государства: Кюнтгоды элиг (Справедливость, правитель) — символизирует власть и справедливость. Айтолды (Счастье, визирь) — олицетворяет благополучие и процветание. Огдюльмыш (Разум) — означает мудрость, знания и рассудительность. Одгурмыш (Непритязательность) — отражает нравственность и духовное развитие (Кононов, 1990; Юсуф Баласагуни, 1983). Этот философский труд сочетает в себе наставления для правителей и моральные принципы, применимые в повседневной жизни. Он призывает к честности, мудрости, соблюдению законов и ответственности перед обществом.

В поэме изложены принципы управления государством, основанные на мудрости, справедливости, добродетели и гармонии. Этот трактат является энциклопедией государственного управления и наставлением для правителей, чиновников и подданных. По мнению автора, власть должна основываться на справедливости, он подчеркивает, что правитель должен быть

справедливым, чтобы удерживать народ в мире и согласии. Без справедливости власть превращается в тиранию, а народ страдает. Особенно важно, чтобы правитель своим нравственным обликом и образованностью служил примером для других. Главный герой поэмы, Кюнтогды, управляет государством справедливо и заботится о будущем своих подданных:

И если всесветный властитель умен,
Он станет всем странам земли властелином.

(Юсуф Баласагуни, 1983, с. 224–225)

Будучи образованным и образцовым правителем, он, управляя государством, прислушивается к советам придворных, выбирая демократический путь правления на основе законности:

Спокоен весь мир, дан закон ему правый
Законность венчает властителя славой.

(Юсуф Баласагуни, 1983, с. 103).

Джусуп пишет, что государство должно управляться разумом и мудростью, что правитель должен быть образованным, мудрым и дальновидным. Он должен уметь предвидеть последствия своих решений, опираться на знания и советы мудрецов. Важным условием благополучного государства является доверие между правителем и народом (Жусуп Баласагын..., 2004, с. 135).

Если правитель заботится о благе своих подданных, они будут ему верны и преданны. Баласагын говорит о важности законов, регулирующих жизнь общества. Законы должны быть справедливыми, последовательными и одинаковыми для всех — как для бедных, так и для богатых. «Сколь благостен в доброе время народ, Когда властелин справедливость блюдет» (Юсуф Баласагуни, 1983, с. 455). Мудрый мыслитель показывает, что власть без знаний ведет к хаосу, а богатство без нравственности — к разрушению. Поэма учит, что истинное счастье — не во внешних благах, а в душевном покое и справедливом служении народу. Джусуп подчеркивал, что правитель должен быть не только справедливым, но и мудрым, образованным, способным анализировать ситуацию и принимать взвешенные решения. В современном мире значимость знаний в управлении государством стала еще более очевидной.

Джусуп Баласагын верил, что повышение уровня образования членов общества ведет к улучшению нравственности. Через свою поэму он передает идею о том, что просвещенный человек обладает чистой душой, воспитывает себя и служит примером для других. По его мнению, «знание — это нравственность», оно обогащает внутренний мир человека и приносит ему благополучие (Сариева, 2018, с. 149). В «Кутадгу билиг» процветание идеального государства напрямую зависит от разума, знаний и нравственных качеств правителя и его окружения. В своем произведении автор делает шаг вперед от традиций тюркских племен и призывает народ к получению знаний. Мыслитель рассматривает обучение и образованность как основной путь к познанию мира. Ученый исходит из мысли, что если каждый гражданин государства будет образованным и сумеет применять свои знания в жизни, общество достигнет благополучия.

Ученым дано благородными слыть,
Лишь знающий может правителем быть.

(Юсуф Баласагуни, 1983, с. 301)

Поэтому он советует правителю окружать себя учеными и мудрыми людьми, подчеркивая их проницательность и дальновидность. Баласагын призывает относиться к ним с уважением и использовать их советы в управлении государством.

Автор в «Кутадгу билиг» рисует образ идеального правителя, который сочетает в себе справедливость, мудрость, честность, мужество и заботу о народе. Он должен быть не просто властителем, а служителем справедливости, защищать народ, развивать государство, держать власть не силой, а разумом и добродетелью (Эралиев, 2000, с. 111). Эти качества актуальны и в современном мире, так как без мудрого и честного руководства любое государство сталкивается с хаосом и несправедливостью.

В поэме «Кутадгу билиг» уделяется большое внимание воспитанию детей, так как от этого зависит будущее государства и общества. Автор рассматривает воспитание как процесс формирования моральных качеств, знаний и умений, необходимых для успешной и достойной жизни. Если дети с раннего возраста приучены к учению, труду, справедливости и нравственности, то они вырастут достойными людьми, способными принести пользу обществу.

Знание всегда было и остается одним из главных инструментов эффективного управления государством. Баласагын утверждал, что знание делает человека свободным и способным принимать правильные решения. Эти принципы важны в XXI в., когда мир сталкивается с вызовами дезинформации и недостатка критического мышления.

Наследие Джусупа продолжает вдохновлять современное поколение. Его философия справедливости, мудрости и морали актуальна как в государственном управлении, так и в образовании и общественной жизни. Его труды помогают понять, что успех общества строится на знании, ответственности и честности. В условиях глобализации и технологического прогресса идеи Баласагуни остаются универсальными принципами для построения справедливого мира.

Список источников

- Айтматов Ч.Т. Рухий дөөлөттүн башаты // Кыргызстан маданияты. 1986. 6 февраля.
Жусуп Баласагын тууралуу баян. Бишкек, 2004. 348 с.
Касымжанов А. Рухий маданияттын башатында // Кыргызстан маданияты. 1986. 7 августа.
Кононов А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. Л., 1990. 560 с.
Сариева Г.А. Эпос «Манас» и «Кутгуу билим»: исторические параллели // Известия вузов Кыргызстана. 2017. №4. 220с.
Сариева Г.А. Даанышман ойчул Жусуп Баласагындын билим тууралуу ойлору // Известия вузов Кыргызстана. 2018. №5. 236 с.
Эралиев Закирбек. Жусуп Баласагын. Бишкек, 2000. 128 с.
Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. М., 1983. 560 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Гулмайрам Араповна Сариева, Кыргызско-Узбекский международный университет им. Б. Сыдыкова, кафедра истории и философии, старший преподаватель; 723500, Кыргызская Республика, г. Ош, ул. Г. Айтиева, 27, arapova_gul@mail.ru

Gulmayram A. Sariyeva, Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Department of History and Philosophy, Senior Lecturer; 723500, Kyrgyz Republic, Osh city, G. Aitiev Street-27, arapova_gul@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.04(575.2):677.054.542

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.12

EDN: JKDZSL

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ВОРСОВЫХ КОВРОВ КЫРГЫЗОВ

Чыныхан Топчубаевна Сатыбалдиева

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

Резюме. В статье традиционное ковроткачество рассматривается как одно из важных культурных достояний кыргызского народа. Это художественное ремесло имеет огромное значение как ценный историко-этнографический источник, способный дать сведения об экономике, культуре, социальных отношениях кыргызов, их материальном и духовном мире. Однако традиционное кыргызское ковроткачество, обработка шерсти, многовековой опыт и народные знания, социально-культурные связи кыргызского народа, мировоззрение, отраженное в ковровых узорах, эстетические ценности, значение ковровых изделий в традиционном быту кыргызской семьи, функциональные особенности тканых традиционных ковров, обычаи и традиции, связанные с их изготовлением, до сих пор не стали объектом и предметом специальных исследований в кыргызской этнологической науке. Кроме того, впервые выяснены причины широкого распространения ковра «араби» — особого вида ковров, встречающегося в быту кыргызов и служившего дополнительным приданым при выдаче девушки замуж.

Ключевые слова: кыргызы, традиционное ковроткачество, ковер, ковер араби, ковровые изделия, культура, шерсть, ткачество

Для цитирования: Сатыбалдиева Ч.Т. Функциональные особенности традиционных ворсовых ковров кыргызов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 76–80. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.12

FUNCTIONAL FEATURES OF TRADITIONAL PILE CARPETS OF THE KYRGYZ PEOPLE

Chynykhan T. Satybaldieva

Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. The article presents traditional carpet weaving as one of the important cultural heritages of the Kyrgyz people. This artistic craft has deep significance as a valuable

historical-ethnographic source capable of providing information about the economy, culture, social relations of the Kyrgyz people, their material and spiritual world. However, traditional Kyrgyz carpet weaving, wool processing, centuries-old experience and folk knowledge, socio-cultural ties of Kyrgyz, worldview reflected in carpet patterns, aesthetic values, importance of carpet products in the traditional daily life of Kyrgyz family, functional features of woven traditional carpets, customs and traditions associated with their production, have not become the object and subject of special research in Kyrgyz ethnological science. In addition, for the first time, the reasons for the widespread distribution of the “Arabic” carpet — a special type of carpet found in Kyrgyz culture, and which is an additional dowry for a girl who is being married - have been clarified for the first time.

Keywords: Kyrgyz, traditional carpeting, carpet, Arabic carpet, carpet products, culture, wool, weaving

For citation: Satybaldieva C.T. Functional Features of Traditional Pile Carpets of the Kyrgyz People. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:76–80. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.12

Веяния глобализации в первую очередь коснулись традиционных ремесел. Ее влияние особенно остро ощутилось во второй половине XX в.: ряд ремесел, развивавшихся на основе природных ресурсов, сузился, народные традиции стали забываться. В то же время возникла тенденция к стремлению каждого этноса сохранить свою индивидуальность. В настоящее время в нашей стране на государственном уровне поднимаются вопросы сохранения и возрождения традиционной культуры. Было отмечено, что национальные ценности являются неотъемлемой частью духовной культуры, они основаны на особых идеях и устойчивых народных традициях¹. Домашнее производство кыргызов, сочетающее индивидуальное творчество и народные традиции, отличалось такими древними благородными качествами, как взаимопомощь, взаимоподдержка, гостеприимство, и в то же время укрепляло их. Изготовление традиционных ковров не стало исключением.

Ковер — предмет, который кыргызы использовали в своих домах с древних времен. Ковры и ковровые изделия являются отражением кыргызского прикладного искусства. Красота ковра определяется особенностями ткачества и цветовыми сочетаниями (Каратаев, Эралиев, 2003, с. 237).

Этимология слова «килем» схожа с турецкими словами *кивиз*, *кувур* и *кигиз*. А в английском языке, по версии Макса Фармера, *koвер* означает «покрытиe» (Фасмер, 1986, с. 270–271).

Искусство ковроткачества отражает древнейшие архаичные элементы кыргызского народа и является одним из ремесел, сохранявшихся из поколения в поколение до наших дней. Считается, что слово «ковер» пришло в древнерусский язык из кипчакского языка, где ковер — это древнетюркское *кивиз*, *кидиз*, *кедз сарай кииз*, киргизское *килем*, узбекское *гилам* и т.д., *kiv-*, *kev-* произошли от слова, обозначающего одежду (Шанский, 2004).

¹ В соответствии с Указом Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова №303, принятым 30 августа 2022 г., «Об утверждении Национальной программы сохранения национальных ценностей и развития на 2022–2027 годы».

Кыргызские ковры, которые изготавливаются для тепла и кладутся на пол, ткются продольно и имеют прямоугольную форму. Однако со временем происходит эволюция ковроделия, например, методы изготовления, подготовки шерсти, окрашивания красителями и прядения пряжи начинают упрощаться. По конструкции кыргызские ковры очень похожи на ковры соседних народов, которые более массивны и имеют длинный ворс, но несколько отличаются от них узорами. Цвета в орнаментах кыргызских ковров, как и каракалпакских и туркменских, варьируются от красного до темно-красного, черного, синего, бирюзового, светло-зеленого, насыщенно-зеленого, желтого и оранжево-желтого. Красные цвета в ковре в основном используются для общего цвета, а черный цвет идет по краям саженцев в качестве контура. В некоторых дизайнах встречаются также синие цвета, но они используются сравнительно редко.

Однако влияние новейших аксуйских и хотанских ковров, ввозимых в большом количестве из Кашгара (Китай), было заметно сильнее, а местные ковры из-за своей дешевизны и качества красок не получили широкого распространения не только среди сартских племен и русского населения края, но даже и среди самих кыргызов (Отчет С.М. Дудина..., 2021, с. 518).

Средний размер кыргызских ковров составлял 1,8 м в длину и 3 м в ширину, с разницей в 10 или 20 см. В истории ковроткачества известны и случаи ткачества очень больших ковров. Например, ковер Аксарай (ковер Ордо), размер этого ковра был 23×6,5. Для его тканья было нанято около 20 искусных ткачей. Этот ковер был заказан купцом из города Асаке (Узбекистан) (Мошкова, 1970, с. 88). Иногда для нужд народа изготавливались очень большие ковры, и только кыргызские мастера могли ткать особенно большие ковры. Как отметил барон А.Е. Фелькерзам, самые большие ковры в Средней Азии были сотканы кыргызами в Ферганской долине (Фелькерзам, 1915, с. 24). У кыргызов ковры также назывались по-разному в зависимости от их размера: ордо килем, калы килем, зор килем, джайлоо килем и т.д. (Антипина, 1962, с. 71).

Почти во всех селах Лейлекского и Баткенского районов ткали ковры двух видов: «джюль-килем» и «араби килем» (ПМА №1). «Араби килем» был соткан методом основоплетения, что делало его безворсовым, относительно легким по весу и простым в ткачестве (Антипина, 1962, с. 95). В качестве дополнительного сырья использовались нити хлопкового волокна (Мошкова, 1970, с. 19).

Для ковроткачества используются такие инструменты, как ткацкий станок, колотушка (тохмак), нож, ножницы, ткацкий станок, а для ковроткачества требуется 3–5 человек.

Когда ковер выставляется на продажу, его цена устанавливается на основе его площади. Очень большой по площади ковер назывался «ордо килем» (Антипина, 1962, с. 70). Он был настолько большим, что превышал ширину комнаты, в которой находился. Между тем для сохранения тепла на стенах домов и строилах юрт часто делают «толстые ковры» и «ковры туштуки» (аналог войлока (туш кийиз), изготовленный в технике ковротка-

чества). «Квадратный ковер» также выпускался в больших размерах, его всегда стелили на землю, он был очень прочным и должен был прослужить долгое время. Узбеки также ткали ковры, пригодные для покрытия верблюжьих грузов на оживленных улицах, которые ослепляли зрителей своим великолепием и отражали пышность и богатство своих хозяев. Этот тип тканого ковра назывался «верблюжьим ковром» (туя килем). Очень красиво выглядит и небольшой коврик «жайлоо килем», сотканный для использования во время кочевки (Антипина, 1962, с. 70). Когда средняя длина ковра составляла 3,5–2,5 м, для укрепления и скрепления краев использовали хлопчатобумажные нити (жороп). Значительная часть шерсти в ковре уходит на его ворс, на прядение и скручивание его уходит 45–50 кг шерсти. А для изготовления подушек использовалась некоторая часть отходов шерсти, оставшихся после ткачества, прядения, выпрямления, чистки и стрижки ворса (ПМА №2).

Традиции ковроткачества продолжают и сегодня среди кыргызов Лейлекского, Баткенского, Кадамжайского, Алайского, Ноокатского регионов Кыргызстана, а также в Таджикистане и Узбекистане. Постепенно они начали распространяться из юго-западного региона Кыргызстана в северо-восточные районы. Имеются ценные исторические сведения о кыргызском красном ковре (Антипина, 1962, с. 81).

В заключение следует отметить, что кыргызское ковроткачество, основанное на древнейших традициях, прошло долгий путь развития и сегодня является наиболее признанным объектом этнографических и искусствоведческих исследований. Об искусстве кыргызского ковроткачества можно говорить бесконечно, но весь процесс, от прядения нити до ее финальных петель, создается искусными ковровщицами, и новые грани этого удивительного искусства продолжают открываться и передаваться из поколения в поколение как часть кыргызской художественной традиции.

Список источников

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов (по материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизский ССР). Фрунзе, 1962. 288 с.

Каратаев О.К., Эралиев С. Кыргыз этнографиясы боюнча сөздүгү. Бишкек, 2003. 265 б. (на кырг. яз.)

Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX веков (материалы экспедиций 1929–1945 гг.). Ташкент, 1970. 254 с.

Отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. М., 2021. 600 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М., 1986. 672 с.

Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. Старые годы. Петроград, 1915. 80 с., 22 л. ил.

Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2004. 399 с.

Полевые материалы автора

Полевая тетрадь (ПМА) №1; полевая тетрадь №2; полевая тетрадь №3.

Информация об авторе / Information about the Author

Чыныхан Топчубаевна Сатыбалдиева, Ошский государственный университет, кафедра истории Кыргызстана и археологии, этнологии, доцент; Кыргызская Республика, г. Ош, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0009-0001-7484-841X>, satybaldieva@oshsu.kg

Chynykhan Topchubaevna Satybaldieva, Osh State University, Department of History of Kyrgyzstan and Archaeology, Ethnology, Associate Professor; Kyrgyz Republic, Osh, Doctor of Historical Sciences, <https://orcid.org/0009-0001-7484-841X>, satybaldieva@oshsu.kg

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 39:316.7(575.1)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.13

EDN: JMGJJ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА ПАМИРСКИХ КЫРГЫЗОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (конца XIX — начала XX в.)

Мукарам Мурзакуловна Ташалиева

*Кыргызско-Узбекский Международный университет им Б. Сыдыкова,
Ош, Кыргызстан*

Резюме. Исследование направлено на выявление особенностей традиционной хозяйственной системы, обусловленной специфическими природными условиями высокогорья, а также анализ влияния имперской политики, колониальных амбиций и процессов модернизации на экономическую жизнь данного региона. Методологическая база исследования включает историко-экономический и сравнительный анализ, использование архивных материалов, этнографических данных и результатов современных междисциплинарных исследований. Основное внимание уделено исследованию структуры хозяйства, его основных отраслей — скотоводства, земледелия и ремесел, а также механизмов организации труда и самоуправления в традиционных общинах. Анализ показал, что, несмотря на давление внешних факторов и необходимость адаптации к новым экономическим реалиям, традиционное хозяйство сохранило свои ключевые элементы, способствующие поддержанию этнической идентичности и культурного наследия памирских кыргызов.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, социально-экономические трансформации, этническая идентичность, традиционные общины, скотоводство, земледелие, ремесла

Для цитирования: Ташалиева М.М. Формирование и развитие традиционного хозяйства памирских кыргызов в условиях социально-экономических трансформаций (конца XIX — начала XX в.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 80–87. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.13

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONAL ECONOMY
OF THE PAMIR KYRGYZ PEOPLE IN THE CONDITIONS
OF SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS
(Late 19TH — Beginning of the 20TH Centuries)**

Mukaram M. Tashalieva

Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. The study is aimed at identifying the characteristics of the traditional economic system, determined by the specific natural conditions of the highlands, as well as analyzing the influence of imperial policy, colonial ambitions and modernization processes on the economic life of this region. The methodological base of the research includes historical-economic and comparative analysis, the use of archival materials, ethnographic data and the results of modern interdisciplinary research. The main attention is paid to the study of the structure of the economy, its main sectors — cattle breeding, agriculture and crafts, as well as the mechanisms of labor organization and self-government in traditional communities. The analysis showed that, despite the pressure of external factors and the need to adapt to new economic realities, the traditional economy has retained its key elements that contribute to maintaining the ethnic identity and cultural heritage of the Pamir Kyrgyz.

Keywords: traditional economy, socio-economic transformations, ethnic identity, traditional communities, cattle breeding, agriculture, crafts

For citations: Tashalieva M.M. Formation and Development of Traditional Economy of the Pamir Kyrgyz People in the Conditions of Socio-Economic Transformations (Late 19th — Beginning of the 20th Centuries). *Sohranenie i izuzhenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:80–87. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.13

Традиционное хозяйство памирских кыргызов конца XIX — начала XX в. требует комплексного исследования процессов, происходивших в горных регионах Центральной Азии в период значительных социально-экономических трансформаций. Именно на этом историческом этапе наблюдаются столкновение традиционных форм хозяйствования с влиянием внешних экономических и политических процессов, что породило уникальные модели адаптации и сохранения этнической идентичности. Изучение хозяйственной системы памирских кыргызов позволяет глубже понять не только специфику местного хозяйственного устройства, но и механизмы сопротивления и адаптации традиционных сообществ в условиях модернизации.

В конце XIX в. на территории Памира наблюдались заметные изменения, связанные с расширением влияния имперских держав, развитием торговых связей и внедрением новых хозяйственных отношений. Эти процессы оказали существенное воздействие на традиционные методы ведения хозяйства, сформированные веками в условиях сурового горного климата и ограниченных природных ресурсов. Понимание характера этих преобразований требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы экономической истории, этнографии и социальной антропологии. Традиционное хозяйство памирских кыргызов представляет собой уникальную систему,

в которой традиционные формы производства и распределения ресурсов тесно связаны с культурными и социальными особенностями этнической общности. Эти особенности во многом определяли способность населения адаптироваться к меняющимся внешним условиям и сохранять свою идентичность (Каримов, 2008, с. 47).

Исследование данного вопроса способствует не только устранению существующих пробелов в отечественной и зарубежной историографии, но и формированию новых интерпретационных подходов к анализу процессов этногенеза. В частности, оно предполагает детальное изучение ключевых этапов становления и эволюции традиционного хозяйства памирских кыргызов в контексте социально-экономических трансформаций конца XIX — начала XX в.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу хозяйственной системы памирских кыргызов, что обеспечивает интеграцию данных из различных источников и применение междисциплинарных методологических подходов.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения полученных результатов для дальнейших междисциплинарных исследований, посвященных изучению традиционных хозяйственных систем в условиях глобальных экономических перемен. Результаты работы могут быть использованы для разработки программ сохранения культурного наследия и поддержки традиционных форм хозяйствования в горных регионах, где сохранение этнокультурных традиций является важным элементом социальной стабильности (Петров, 2015, с. 112).

Таким образом, представленное исследование направлено на всесторонний анализ специфики хозяйственной деятельности памирских кыргызов в период значительных социально-экономических трансформаций. Это позволяет не только внести существенный вклад в развитие отечественной исторической науки, но и обеспечить более комплексное понимание механизмов взаимодействия традиционного уклада и модернизационных процессов в условиях периферийных регионов.

Актуальность: изучение традиционного хозяйства памирских кыргызов в условиях социально-экономических преобразований конца XIX — начала XX в. является важным направлением в отечественной исторической науке. В указанный период наблюдалось столкновение устоявшихся традиционных методов хозяйствования с новыми экономическими и политическими реалиями, обусловленными процессами модернизации и влиянием внешних факторов. Характерные особенности хозяйственной деятельности памирских кыргызов, детерминированные суровыми природными условиями и специфической социальной структурой, позволяют выявить механизмы адаптации традиционных общин к изменяющимся условиям.

Кроме того, исследование данных процессов способствует устранению существующих пробелов в отечественной историографии, а также углубленному анализу взаимосвязи между экономической деятельностью, культурной идентичностью и социальными отношениями в регионах Центральной Азии.

Это имеет значительную научную ценность для современных исследований, посвященных вопросам сохранения культурного наследия и обеспечению устойчивого развития традиционных сообществ.

Цель работы — выявить и проанализировать основные этапы формирования и развития традиционного хозяйства памирских кыргызов в условиях социально-экономических преобразований конца XIX — начала XX в., а также определить влияние этих процессов на сохранение культурной и этнической идентичности общины.

Социально-экономический контекст региона в конце XIX — начале XX в. характеризовался активной динамикой геополитических и колониальных процессов, обусловленных стратегическими интересами ведущих мировых империй в Центральной Азии. Россия и Британская империя активно стремились расширить свое влияние в регионе, что привело к установлению новых административных структур и изменению традиционных границ. Имперская политика, ориентированная на укрепление стратегических позиций и установление контроля над ключевыми торговыми маршрутами, оказала значительное влияние на политическую стабильность и социальную структуру региона. Эти изменения затронули не только государственное управление, но и повлияли на традиционные общественные институты, в том числе систему хозяйствования, характерную для местного населения. Период конца XIX — начала XX в. характеризуется глубокими социально-экономическими преобразованиями, связанными с процессами модернизации и экономических реформ. Внедрение новых технологий, развитие инфраструктуры, транспорта и коммуникаций способствовали ускорению обмена товарами и информацией. Традиционные хозяйственные системы, сформировавшиеся на протяжении столетий, столкнулись с необходимостью адаптации к условиям интеграции в мировую экономику. Реформы, направленные на обновление сельскохозяйственного производства и развитие ремесел, изменили характер распределения ресурсов и труда, что привело к появлению новых социальных слоев и трансформации общественных отношений в традиционных обществах региона (Петров, 1998, с. 73).

Горные регионы Центральной Азии, несмотря на свою относительную изолированность, активно подвергались влиянию внешнеэкономических процессов. Развитие международных торговых путей и активизация внешнеторговых связей способствовали интеграции даже удаленных территорий в глобальную экономическую систему. Торговые маршруты, проходившие через горные перевалы, служили каналами для обмена не только товарами, но и идеями, технологиями и культурными традициями. Эти внешние факторы стимулировали развитие ремесел, сельского хозяйства и скотоводства, одновременно создавая условия для конфронтации традиционных методов хозяйствования с новыми экономическими моделями. В результате традиционные общины вынуждены были искать пути адаптации, сохраняя при этом свою этническую идентичность и специфические хозяйственные практики. Так что историко-политические процессы, социально-экономические

трансформации и влияние внешних факторов формировали условия для развития традиционного хозяйства в регионах Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. стали объективным и неизбежным процессом.

Этнокультурный контекст памирских кыргызов

Понимание традиционного хозяйства памирских кыргызов невозможно без учета их этногенеза и культурных традиций. Исторически сложившаяся идентичность данного этноса формировалась под влиянием миграционных процессов, смешения различных племенных сообществ и адаптации к суровым условиям высокогорья. Фольклор, обряды, мифологические представления и устная традиция играли важную роль в формировании мировоззрения памирских кыргызов, определяя их отношение к природе, труду и коллективной жизни. Культурные особенности — от традиционных праздников до ритуалов, связанных с земледелием и скотоводством — оказывали прямое влияние на организацию хозяйственной деятельности (Ташалиева, 2021, с. 105).

Эти традиции служили не только способом выражения духовных ценностей, но и выполняли практическую функцию, регулируя распределение труда, межпоколенческую передачу знаний и укрепление социальных связей в общине. Экономическая система памирских кыргызов базировалась на нескольких ключевых отраслях, адаптированных к экстремальным природным условиям региона. Основу хозяйства составляло животноводство, которое развивалось с учетом сезонных миграций пастбищ, позволяя оптимально использовать ограниченные ресурсы. В условиях высокогорья скотоводство становилось неотъемлемой частью жизни, обеспечивая продовольственную безопасность и социально-экономическую стабильность общин (Ахметов, 2010, с. 65).

Помимо животноводства, земледелие играло дополнительную роль. Ограниченные, но плодородные долины использовались для выращивания зерновых и овощных культур, что позволяло обеспечивать рациональное питание населения в период, когда пастбищные ресурсы были недоступны. Ремесла и кустарное производство также имели важное значение: изготовление инструментов, текстиля и керамики способствовало не только удовлетворению внутренних потребностей, но и развитию обменных отношений между общинами. Традиционные формы торговли, основанные на бартерных отношениях, способствовали интеграции различных хозяйственных секторов и установлению стабильных экономических связей в условиях изолированности региона. Организация хозяйственной деятельности памирских кыргызов была тесно связана с особенностями социальной структуры и традиционными механизмами самоуправления. Традиционные общинные формы организации, основанные на принципах коллективного труда и взаимопомощи, позволяли эффективно справляться с трудностями, обусловленными суровыми климатическими условиями и ограниченностью ресурсов. Распределение труда осуществлялось с учетом возрастных, половых и квалификационных признаков, что обеспечивало стабильное функционирование хозяйственных процессов.

Влияние социально-экономических преобразований на традиционное хозяйство в конце XIX — начале XX в.

Традиционные формы хозяйствования памирских кыргызов претерпели существенные изменения под влиянием как внутренних, так и внешних социально-экономических процессов. Масштабные реформы и модернизация, сопровождавшиеся внедрением новых технологий, транспортных и торговых сетей, привели к изменению традиционных экономических отношений. Ранее устоявшаяся система, основанная на коллективном труде и обменных отношениях, оказалась под давлением централизации и рационализации хозяйственных процессов. Эти изменения затронули не только методы производства и распределения труда, но и структурные особенности местной экономики, что создало предпосылки для последующей адаптации традиционных общин к новым экономическим реалиям.

Несмотря на значительные изменения в экономическом ландшафте, памирские кыргызы сумели сохранить ключевые элементы своего традиционного хозяйства. Адаптация происходила через интеграцию новых методов и технологий в устоявшиеся практики, что позволяло совмещать инновационные подходы с традиционными нормами. Важную роль играли межпоколенческая передача знаний и опыт, позволяющие адаптировать методы скотоводства, земледелия и ремесел к изменившимся условиям. Общинные формы самоуправления и коллективный характер распределения труда способствовали выработке устойчивых стратегий, обеспечивающих не только выживание, но и развитие хозяйственной системы в условиях модернизации.

Традиционное хозяйство являлось неотъемлемой частью этнической идентичности памирских кыргызов. Хозяйственная практика, передаваемая из поколения в поколение, служила важным элементом культурного наследия и способствовала укреплению социальных связей внутри общины. Традиционные методы ведения хозяйства отражали мировоззрение и ценности народа, способствуя сохранению уникальных обычаев и ритуалов, связанных с производственной деятельностью. Таким образом, хозяйственная деятельность не только удовлетворяла материальные потребности, но и играла ключевую роль в поддержании культурной целостности и самобытности народа, позволяя сохранить связь с историческими корнями даже в условиях внешнего давления и социальных преобразований. Сопоставление традиционных форм хозяйствования и нововведенных экономических моделей выявляет как синтез, так и потенциальные конфликты между ними. Традиционные практики, основанные на коллективном труде, самоуправлении и устоявшихся культурных нормах, обеспечивали устойчивость и адаптивность общин к экстремальным природным условиям. В то же время новые модели, внедряемые под влиянием имперских реформ и глобальных экономических процессов, предлагали централизованные подходы, ориентированные на рационализацию производства и распределения ресурсов (Фролов, 2018, с. 112). Сравнительный анализ свидетельствует о том, что эффективная интеграция традиционных хозяйственных практик в новые экономические

структуры способствовала не только сохранению культурного наследия, но и формированию инновационных механизмов адаптации. В результате это обеспечивало устойчивость традиционного хозяйственного уклада в условиях динамичных социально-экономических трансформаций.

Традиционное хозяйство памирских кыргызов, основанное на коллективном труде, самоуправлении и глубоких культурных традициях, продемонстрировало высокую устойчивость и адаптивность в условиях модернизации и внешнего давления. Несмотря на значительные социально-экономические преобразования, наблюдалась интеграция традиционных и новых методов ведения хозяйственной деятельности, что позволило сохранить устойчивость общин и обеспечить их развитие. Хозяйственная практика выступала важным элементом сохранения культурного наследия памирских кыргызов, подтверждая гипотезу о том, что экономическая деятельность и этническая идентичность находятся в тесной взаимосвязи. Исследование выявило, что традиционные общины обладали гибкими механизмами адаптации к изменяющимся экономическим условиям, это позволяло им успешно интегрировать инновационные подходы без утраты культурных особенностей. Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методологии изучения традиционных хозяйственных систем современного мира, что способствует углублению понимания взаимосвязей между экономическими и культурными процессами. Результаты работы обогащают отечественную историографию по вопросам этнических и региональных исследований, а также вносят вклад в теоретическое осмысление процессов адаптации традиционных обществ к глобальным изменениям. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов для разработки программ сохранения культурного наследия и поддержки традиционных форм хозяйствования в горных и отдаленных регионах. Таким образом, проведенное исследование не только эмпирически подтверждает гипотезы о взаимосвязи культурных и экономических процессов в традиционных обществах, но и создает новые возможности для дальнейших научных изысканий в данной области.

Список источников

- Ахметов Б.К. Этнические традиции памирских кыргызов. 2010.
Karimov N. Traditional Livestock Practices in Pamir. Ташкент, 2008.
Петров А.В. Экономика и культура: традиционное хозяйство в современных условиях. СПб., 2015.
Петров Н.Н. Традиционные хозяйственные системы горных народов: опыт сравнительного анализа. СПб., 1998.
Ташалиева М.М. Памир ёрөөнүндөгү кыргыздардын үйлөнүү тою салты (XIX кылымдын аягы — XX кылымдын башы): дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2021. 27 с.
Фролов В.П. Хозяйственные практики памирских кыргызов: традиции и инновации. Душанбе, 2018.

Информация об авторе / Information about the Author

Мукарам Мурзакуловна Ташалиева, Кыргызско-Узбекский Международный университета им. Б. Сыдыкова, кафедра Истории и философии, заведующий кафе-

дрой; 723500, Кыргызстан, г. Ош, ул. Насирдина Исанова, 79, корп. 2, кандидат исторических наук, доцент, mukaram7171@mail.ru

Mukaram M. Tashalieva, Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Head of the Department of History and Philosophy, Head of Department; 723500, Kyrgyzstan, Osh, Nasirdin Isanov str. 79, building 2, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, mukaram7171@mail.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 291.1:256(575.2)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.14

EDN: KKTQAU

ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ КЫРГЫЗОВ

Нуржан Кудайбердиевна Токторова

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

Резюме. В статье рассматриваются тенденции развития древних религиозных верований кыргызов. Если мы обратимся к истории человечества, то можно утверждать, что не было времени, общества или человека, лишённого веры. В мире существует множество различных религиозных верований. Однако некоторые из них уходят корнями в глубокую древность, в то время как другие появились позднее. Некоторые из этих религий исчезли с течением времени, а другие сохранились до наших дней. Люди нуждаются в религии как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Религиозные чувства существовали с древних времен и продолжали развиваться до появления эры технического прогресса, потому что человек состоит как из тела, так и из души. Как птица не может летать без крыльев, так и душа не может быть без тела, а тело — без души. Отмечено, что у кыргызов есть особые черты в развитии религиозных верований, отличающие их от других народов Центральной Азии.

Ключевые слова: анимизм, дух, тотемизм, фетишизм, зороастризм, суфизм, шаманизм

Для цитирования: Токторова Н.К. Формирование и тенденции развития древних религиозных верований кыргызов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 87–94. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.14

FORMATION AND DEVELOPMENT TRENDS OF ANCIENT RELIGIOUS BELIEFS OF THE KYRGYZ PEOPLE

Nurzhan K. Toktorova

Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. The article examines the development trends of ancient religious beliefs of the Kyrgyz. If we look at the history of mankind, there has been no time, society or person without faith. There are many religious beliefs in the world. However, some of them date

back to ancient times, while others appeared later. Some of these religions have disappeared over time, while others have survived to this day. People need religion both on an individual level and in society. Religious feelings have existed since ancient times and before our era of technical progress. Because man consists of spirit and body. Just as a bird cannot fly without a wing, so the soul cannot exist without a body, and the body cannot exist without a soul. It is noted that the Kyrgyz have certain peculiarities in the tendencies of development of religious beliefs in comparison with other peoples of Central Asia.

Keywords: animism, spirit, totemism, fetishism, Zoroastrianism, Sufism, shamanism
For citation: Toktorova N.K. Formation and Development Trends of Ancient Religious Beliefs of the Kyrgyz People. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* = *Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:87–94. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.14

Буквальное значение термина «религия» содержится в понятиях «обычай, правило, наказание и послушание». «Религия есть закон разумных людей, добровольно избранный ими для лучшего и наиболее полезного и определенный повелением Бога», — так утверждает в научной литературе по теологии. Другое утверждение со схожим значением: «Религия есть вера в духовные существа», — поясняет ученый Э. Тайлор. Чтобы еще раз проиллюстрировать нашу точку зрения, приведем следующее высказывание другого философа и ученого, Рудольфа Отто: «Религия — это связь людей с вещами, которые они считают священными». Цель этой статьи — кратко коснуться религиозных верований в истории кыргызского народа и обсудить их влияние. Кыргызы, как и вся человеческая цивилизация, жили в соответствии с верованиями анимизма и тотемизма, которые считаются зачатками религий в древнейших обществах.

Обсудим, как наука интерпретирует значения этих терминов. Термин «анимизм» происходит от латинского слова *anima* — «душа» и используется в значении «дух». Анимизм — это вера в то, что природа и силы природы имеют духов. Существует поверье, что все в мире, как одушевленное, так и неодушевленное, имеет духовное качество. Например, люди признают, что животные, растения, горы, реки и звезды — по сути, все вокруг нас — имеют душу. Если умирал богатый человек, у которого в подчинении было несколько рабов, то вместе с ним хоронили его рабов и вещи, которые он больше всего любил при жизни. Духи умерших могут посещать людей и причинять им вред или приносить пользу. Поэтому в честь усопших приносятся многочисленные жертвы, а к могилам умерших предков всегда относятся с уважением. Некоторые из упомянутых выше анимистических практик существуют и сегодня, но под влиянием ислама практика жертвоприношения умершим была прекращена.

В своей работе «Кыргызы» К. Жусупов отмечает: «В мифическом понимании кыргызов все во вселенной имеет «душу» ... поэтому слово “убить” выражалось в выражениях “взять душу, отнять душу, вынуть душу”» (Жолдошбай, 2016). В кыргызском мировоззрении мир, окружающий всех людей, считается живым и к нему относятся с уважением.

Например, если оглянуться на историю, то в 576 г., когда хоронили Истеми-хана, были убиты «четыре гуннских военнопленных», которые должны были сопровождать его в загробную жизнь.

Тотемизм происходит от греческого слова «тотем», что в переводе означает «начало, основа», а его терминологическое значение — мифологические представления людей на начальном этапе человеческого общества. Другое значение слова «тотем» — «знак, подсказка», считает кандидат богословских наук, доцент Б. Мурзараимов, отметивший, что в ранних общинных обществах тотем считался родоначальником племени. Вот почему люди, верившие в один и тот же тотем, не вступали в брак, не выдавали друг другу жен и не ели мяса животных, которые были символами их тотемов. Мало того, они верили, что эти тотемные животные защитят людей этого племени от всякого зла и несчастий. Правда, остатки этой веры все еще существуют среди некоторых кыргызских племен и сегодня. Например, племя оленей, племя антилоп, племя волков и т.д.

Тотемные верования как форма мировоззрения проникли в сознание многих народов и прочно укоренились в их повседневной жизни. Они также очень распространены среди кыргызов. В представлении наших предков практически не существует случаев, когда у животных или какого-либо предмета не было бы покровителя или духа-хранителя. Например, «Отец птицы Буудайык», «Отец собаки Кумайык» и «Отец оленя Кайберен» являются святыми в вере кыргызского народа. В строках эпоса «Манас» широко отражены верования, связанные со львом (львом), тигром, синим волком, кумайыком, белым волком, гигантской черной птицей, змеей (драконом), кыбереном, кирк чилтеном и другими тотемными животными.

Тотемизм, являясь одной из древнейших форм религии, трансформировался в ходе формирования эпоса. В ранний период истории кыргызы очень сильно верили в тотемы. В орхоно-енисейских надписях зафиксировано, что вожди племен, воины и герои синих тюрков не убивали тигра, считая его священным (тотемом). На памятнике, найденном в Багре, от имени героя написано: «Я приручил семерых волков, но не убил ни леопарда, ни оленя». «Барс» — племенной тотем. Согласно надписям VIII в. упоминается знаменитый каган Барсбек, а также этот тотем встречается в именах некоторых представителей знаменитой киргизской знати, утверждают историки (Худяков, 2013). Да, речь идет о леопарде, но и тигр мог быть тотемом, поскольку, по словам историка Молдобаева, и леопарды, и тигры являются представителями семейства кошачьих (Молдобаев, 1995).

Тотем волка широко распространен у тюрко-монгольских народов. Из трудов историка О.К. Каратаева мы узнаем, что слово «волк» часто встречается в названиях кыргызских племен, например, часть племени адыгэ носит название «волк», родоплеменные подразделения племен кушчу и солто имеют название «аксакские волки», слово «волк» встречается и в других родоплеменных названиях.

Из страниц истории мы знаем, что тотемные верования существовали у разных народов. Известно, что у древних тюркских народов и в раннем арабском обществе племена назывались в честь животных, например племя бени эсед (племя львов), бени кельбин (племя собак) и другие.

В эпосе «Кожожаш», входящем в устное творчество кыргызов, можно привести пример истории о проклятии Кожожаша козлом Суром. Другими словами, он был наказан самым суровым наказанием за убийство животного, которое считалось священным для этого племени. В результате козел Сура был проклят и умер.

Изучавший этнографию и религиозно-мифологические представления народов Саяно-Алтая связывает происхождение алтайского (теленгитского) этнонима «бурут» с древним тотемным животным — оленем. Одним из самых распространенных тотемов среди кыргызов является олень, или кыберен, мясо которого использовалось в качестве лекарства, а его шкура — как оберег от глаза. Кроме того, «обычай класть на могилу рога архара или кулла также связали с поклонением умершему», — говорит этнограф Т.Д. Баялиева (1972). Это убеждение отчетливо сохранилось в кыргызских легендах. Легенда о горном козле, покровителе коз, рассказана в кыргызских легендах и эпосе «Кожожаш» о злоключениях охотников, убивших бесчисленное количество животных. Также материнский образ оленя, то, что этноним «олень» происходит от древнейших тотемических представлений кыргызов, и отношение к нему его потомков ярко отражены в произведении «Ак кеме» великого писателя кыргызского народа Ч.Т. Айтматова.

«Фетишизм — это беспрекословное подчинение объекту без каких-либо доказательств или остатков языческой религии», — говорит этнограф С. Атокуров (1996). В материалах эпоса «Манас» подробно описываются обряды, связанные с фетишистскими верованиями. Ч. Валиханов в своей работе утверждает, что поклонение фетишам (онгонам) определенных предметов некогда существовало у казахов и киргизов: «...второстепенные божества, изображения которых считались священными, особенно имеющие изображения, как, например, боги земли и идолы-зиягачи, были совершенно забыты, вероятно, потому, что с введением ислама ненавистные мусульманам идолы стали подвергаться все большим гонениям».

Зороастризм — религиозное верование, возникшее в Иране в VII в. Оно происходит от имени Зороастра, основателя этой религиозной веры. Имя Зороастр в переводе с греческого означает «владелец прекрасных верблюдов», а в переводе с персидского — «живая звезда». В зороастризме богом считается «Ахура Мазда». Зороастрийцы считают огонь священным — он считается земным символом света, бесконечности и святости (Амангельды уулу Сабыр, 2015). Они верили, что огонь — самое величественное, чистое в мире, он способен создать все, а все остальное считалось «грязным» и «нечистым». Огонь считался светом Ахура Мазды.

В верованиях нашего кыргызского народа огню также придавалось большое значение. Например, до наших дней сохранились такие понятия,

как «семейный огонь», «домашний огонь», «не гаси семейный огонь», «приглашать молодоженов к огню» родственниками, «прыгать через огонь» на свадьбах и праздниках. Практический смысл этой концепции в том, что она используется и сегодня, поскольку стояние возле горящего огня символизирует продолжение этого поколения. Вот почему до сих пор звучат поговорки типа «не тушите огонь водой» и «не плюйте в огонь».

Также традиция приветствовать невесту по прибытии сохранилась в традиционном понимании нашего народа с древних времен. Отметим, что в настоящее время подобное явление наблюдается в некоторых районах южного региона.

В древнетюркских верованиях: «Огонь очищает от различных злых и негативных духов»; «В огонь плевать нельзя»; «Не бросайте вынутый вами гвоздь в огонь»; «Не лейте воду на огонь, это принесет неудачу»; «Демоны не приходят туда, где горит огонь» и т.д.

Шаманизм. Существуют споры о происхождении слова «шаман». Большинство ученых утверждают, что это слово заимствовано из тунгусского языка и означает «человек, поддерживаемый призраком», в то время как некоторые утверждают, что оно переводится как «человек, потерявший себя» (Мурзараимов, 2014). Шаманы — посредники между Богом и человеком, избранные духами. Большую роль играет домбура шаманов, которая, как говорят, обладает магической силой, и их головные уборы, украшенные оленьими или бычьими рогами и птичьими перьями.

Шаман проводит определенные ритуалы и заставляет духов войти в его домбуру. В это время шаман выполняет различные движения, танцы и медитирует. Потеряв себя, т.е. находясь в состоянии медитации, он путешествует по раю и аду, пытаясь получить послания от духов предков. Шаманы предсказывают будущее, занимаются колдовством, открывают для себя двери в иной мир, а если они страдают от серьезной, неизлечимой болезни, то используют ритуалы, чтобы вылечиться.

Исторические события, связанные с кыргызским народом, происходили на обширной территории: от Тянь-Шаня до Енисея и Алтая. Сложность изучения этногенеза кыргызов обусловлена тем, что большинство архивных материалов находится за пределами Кыргызстана. Однако практически все исследователи отмечают, что кыргызы являются одним из древнейших народов Средней Азии. На эту тему существует множество версий и гипотез, в том числе и версия о том, что североамериканские индейцы являются потомками енисейских кыргызов, пересекших Берингов пролив и обосновавшихся в Америке.

Следует рассматривать с древнейших времен, с начала второго тысячелетия до нашей эры и с бронзового века, когда индоевропейские племена начали распространяться на восток и запад. В это время в Центральной Евразии развивается андроновская культура, связанная с индоиранцами. Племена этой культуры занимали обширную территорию в Центральной Евразии. Европейские переселенцы с Запада оказали влияние на развитие

культуры местных племен Южной Сибири, в это же время в Закавказье стали развиваться карасукском (хуннская) и тагарская культуры енисейских кыргызов.

От племен андроновской, тагарской и карасукской культур отделились предки древних динлинов, кипчаков, кангюйцев, енисейских кыргызов, усуннов и гуннов. Арабы и персы в своих источниках называли население Минусинской котловины киргизами, греки — хырхизами или херкисами, а древние тюрки и согдийцы — кыргызами. Последняя версия более точно отражает название народа.

По данным генеалогических исследований, современные кыргызы имеют неоднородный генотип, что свидетельствует об их этногенезе, произошедшем из различных племенных военно-политических союзов, образовавшихся в районе верхнего Енисея примерно в IV–V вв. н.э.

На формирование кыргызского этноса оказали влияние палеоевропейские племена, расселявшиеся на Южном Алтае, в частности сако-усуни с Северо-Китайской равнины и монголоидные племена хунно-сянги. Среди кыргызских племен прослеживается генетическая связь с финно-угорским населением Верхнего Енисея, формировавшим саянское и прибайкальское население в эпоху пазырыкской и афанасьевской археологических культур.

Данные генетических исследований свидетельствуют о том, что генофонд кыргызов частично сформировался 5–6 тыс. лет назад на территории Южного Алтая, а также в Саянах и по древней отцовской линии несет в себе характерные генетические черты южносибирского и восточноазиатского происхождения. Древние кыргызы, крупное тюрко-монгольское племя, не были полностью ассимилированы своими предками, носителями восточноазиатской гаплогруппы C3s, и сохраняли свою этническую идентичность со II в. до н.э.

Реконструкция панорамной истории кыргызского этноса показывает, что для древнейших времен были характерны индоевропейские и индоиранские языки. Здесь этническая принадлежность была протоевропейской и индоевропейской. В этот исторический период преобладали протоевропейская и европейская расы, а основной религией древних кыргызов были анимизм и поклонение солнцу.

Как мы все знаем, в настоящее время есть случаи, когда наши люди путают религию и традиции и уже не в состоянии отличить одно от другого. В то время как некоторые из нас следуют традиции как религии, другие воспринимают религию как традицию. Наследие, оставленное предками, стало традицией, глубоко укоренившейся в массах, передаваемой из уст в уста и до сих пор пересказываемой.

Поэтому нам необходимо ясно понимать смысл традиций, обычаев, ритуалов и религии, переданных нам предками. Итак, давайте сначала сосредоточимся на значении традиций, обычаев и ритуалов. Традиция передается из поколения в поколение. Элементы социального и культурного наследия, сохраняющиеся в течение длительного периода времени, определенный социальный порядок, правила поведения, ценности, идеи, обычаи и привычки.

Таким образом, традиция — это элемент общественного наследия, который непрерывно передается из поколения в поколение и сохраняется в течение длительного периода времени. Традиция неизбежно повторяется. То, что не повторяется, не может быть традицией. Но старая сцена не повторится в новом поколении. В какой-то момент она обязательно будет дополнена новыми сценами и новыми вещами.

В своей истории мы, кыргызы, прошли и через шаманизм, и через тенгрианство. В конечном итоге мы принимаем ислам и живем как мусульмане. Традиции, возникшие под влиянием этих древних религий, практикуются и сегодня, хотя и в меньшей степени. Что означают традиции, которые мы используем? Мы не знаем. Как будто этого мало, мы еще и считаем это религиозной заповедью. Поэтому мы верим, что если каждый из нас будет изучать и исповедовать свою религию правильно и если мы не будем смешивать религию и традиции, то для нашего народа и на нашей земле воцарятся счастье, гармония, мир и благословение.

В Центральной Азии, как и в других странах, суфизм испытывает влияние других религий и культур. Суфии Средней Азии были потомками живших здесь шаманов, манихеев, огнепоклонников и пантеистов, которые продолжали распространять свои доисламские языческие культы под видом ислама. Суфизм кочевников вобрал в себя древнетюркские, шаманские и теистические верования, тогда как суфизм оседлого населения был связан с персидской огнепоклоннической религией зороастризма. Шииты, как и суфии, придерживаются древней доисламской веры, реформированной на мусульманский лад. Таким образом, одной из характерных исторических черт развития религии в Центральной Азии, Кыргызстане является процесс диалога, ассимиляции и своеобразного синтеза взаимодействия различных верований, язычества, политеистической и монотеистической религии, доисламской и исламской религии.

Например, даже сегодня все еще распространено обращение к огню, воде, деревьям, горам и камням и молитвы им. Однако здесь есть только одно: правильно и научно, в рамках мировой практики, обучать широкую общественность, в том числе и молодое поколение, которое является будущим, не только исламу, но, может быть, и истории всех религий, существовавших на земле, — это стало единственным требованием настоящего времени. В заключение хочу сказать, что независимо от того, какие религии исповедует кыргызский народ, их следы сохранились в истории, культуре, обычаях, традициях, этнографии, во всех аспектах жизни нашего народа, и, по моему мнению, они сохранятся и впредь.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что религиозные представления кыргызского народа с древних времен основывались на тесной связи с природой и верой в ее силы. Такие формы верований, как анимизм, шаманизм, культ огня и почитание духов предков, играли ключевую роль в духовной жизни народа. Эти традиции формировали мировоззрение и поведение предков, определяли нормы в быту и общественной жизни. Даже

после принятия ислама многие элементы древних верований органично вплелись в религиозные и культурные практики кыргызов, сохранив свое значение. Таким образом, религиозное наследие кыргызского народа представляет собой синтез древних верований и новых религиозных влияний, что делает его уникальным и многослойным.

Список источников

Абрамзон С.М. Избранные труды по Кыргызстану и истории Кыргызстана / ктор. С. Мамбеталиев, Д. Сулайманкулов, С. Макенов. Бишкек, 1999. 355 с.

Амангельды уулу Сабыр. Эпос «Манас» и мировоззрение кыргызов. Бишкек, 2015. 155 с.

Аттокуров С. Киргизская этнография. Бишкек, 1996. 138 с.

Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у кыргызов. Фрунзе, 1972. 32 с.

Жолдошбай кызы Аймомол. Эволюция верований кыргызов // Известия вузов Кыргызстана. 2016. №11. С. 206.

Молдобаев И.Б. «Манас» — историко-культурный памятник кыргызского народа. Бишкек, 1995. 225 с.

Мурзараимов Б. История религий. Бишкек, 2014. 77 с.

Худяков Ю.С. История энесайских кыргызов: краткий очерк. Бишкек, 2013. 77 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Нуржан Кудайбердиевна Токторова, Ошский государственный университет, цикл документационного обеспечения управления, архивоведения и общественных наук, преподаватель; 723500, Кыргызстан, г. Ош, ул. Ленина, 331, toktorova1986@bk.ru

Nurzhan K. Toktorova, Osh State University, Cycle of Documentation Support for Management, Archival Science and Social Sciences, Teacher; 723500, Kyrgyzstan, Osh, st. Lenina, 331, toktorova1986@bk.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 72 (571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.15

EDN: KOQRXD

ДОМ ПЕПЕЛЯЕВА В БИЙСКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. На основе архивных документов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Алтайского края автор впервые приводит данные о собственнике жилого дома, построившего в конце XIX в. этот объект, рассматривает историю и современное использование объекта культурного наследия. После му-

ниципализации здания в 1922 г. в нем долгое время находились жилые однокомнатные квартиры. В 2019 г. власти г. Бийска признали дом аварийным. Решение бийского городского суда о наложении обязательств по ремонту дома на администрацию города осталось в силе после рассмотрения апелляции. В настоящее время здание не используется, выполнена проектная документация для проведения комплексной реставрации дома.

Ключевые слова: жилой дом, Пепеляев, памятник архитектуры, объект культурного наследия, реставрация памятника

Для цитирования: Целищева М.А. Дом Пепеляева в Бийске: история и современное использование // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 94–99. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.15

THE HOUSE OF PEPELYAEV IN BIYSK: THE HISTORY AND MODERN USE

Marina A. Tselishcheva

*Altai regional local history non-government organization «Altai Heritage»,
Barnaul, Russia*

Abstract. Based on archival documents of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Altai Krai, in the article first cites data on the owner of a residential building that was built at the end of the 19th century and considers the history and modern use of this cultural heritage site. For a long time, after the building was municipalized in 1922, there were residential one-room apartments in it. In 2019, the authorities of Biysk recognized the house as dilapidated. The Biysk city court decided to obligate the city administration to repair the house, and this decision remains in force after considering the appeal. Currently, the building is not in use, but project documentation for a comprehensive restoration of the building has been completed.

Keywords: residential building, Pepelyaev, cultural heritage site, listed building, restoration

For citation: Tselishcheva M.A. The House of Pepelyaev in Biysk: the History and Modern Use. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:94–99. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.15

С оживлением экономики в последней трети XIX в. г. Бийск начинает приобретать характерные черты сибирского торгового города. Как раз в это время начинается активное строительство жилых, торговых, административных и культурных зданий. Застройка велась по проектам, утвержденным в строительном отделении Томского губернского управления.

Двухэтажное кирпичное здание с подвалом расположено в г. Бийске на пересечении ул. Крепостной и пер. Мопровского (до 1929 г. — пер. Екатерининский, протокол №1 заседания бийского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 6 октября 1929 г., назван в честь Международной организации помощи борцам революции (МОПР)). Было построено в 1898 г. как жилой дом. По данным инвентарной описи бийской городской Управы на недвижимое имущество за 1911 г. по ул. Крепостной, 5 находился двухэтажный каменный дом, одноэтажный полукаменный амбар и деревянная баня. Дом

принадлежал бийскому мещанину Т.В. Пепеляеву, облагаемая доходность на недвижимое имущество составила 403,2 руб., налог — 24,19 руб., городская оценка — 100 руб. (ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 398. Л. 7об.). Рядом, по ул. Крепостной, 7, находился его же двухэтажный кирпичный дом, 1896 г. постройки.

Возможно, Т.В. Пепеляев являлся родственником знаменитого горожанина Бийска В.Н. Пепеляева (1885–1920) и принимал его в своем доме. Нам известно, что в 1909 г. В.Н. Пепеляев с семьей переезжает из Томска в Бийск. Здесь он преподавал историю в женской и мужской гимназиях. В 1912 г. он избирается депутатом 4-й Государственной Думы по Бийскому уезду. Его депутатская деятельность была посвящена в основном вопросам народного образования. В 1914 г. к нему обратился с ходатайством купец Н.И. Ассанов о включении в проект сметы на 1914 г. отпуска из казны кредита на постройку здания гимназии (ГААК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 14. Л. 15–15об.). В дальнейшем Пепеляев хлопотал о постройке для Бийской мужской гимназии собственного здания, ходатайствовал о выдаче правительственной субсидии для ремонта Чуйского тракта. В начале Первой мировой войны в 1914 г. возглавил 3-й сибирский санитарный отдел Всероссийского союза городов. В 1917 г. В.Н. Пепеляев был назначен комиссаром Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства в Кронштадте, позднее он — доброволец в корниловских частях 8-го Сибирского мортирного дивизиона, участник предпарламента. После Октябрьской революции — член Московского отдела кадетской организации «Национальный центр». Он один из организаторов колчаковского переворота в 1918 г. С 1919 г. Пепеляев — министр внутренних дел, член Совета Верховного правителя. 23 ноября 1919 г. был назначен премьер-министром правительства А.В. Колчака. В феврале 1920 г. Виктор Пепеляев был расстрелян вместе с Колчаком в Иркутске (Бийская крепость, 2009, с. 500).

В 1922 г. дом Т.В. Пепеляева был муниципализирован, в нем находились жилые квартиры. По данным Государственного архива Российской Федерации (г. Москва) два дома по ул. Крепостной, 5 и 7, принадлежали Пепеляеву, были муниципализированы 29 декабря 1922 г. (№27276/3) (ГАРФ. Р. 4041. Оп. 4. Д. 940). В 1932 г. дом принадлежал городскому коммунальному хозяйству (Горкомхоз), был закреплен на балансе Домоуправления. В 1960-х гг. передан на баланс исполкому бийского городского Совета. С 1980 г. дом находился в ведении Производственно-жилищного эксплуатационного треста (ПЖЭТ), использовался как многоквартирный жилой дом, в нем было восемь квартир. Рядом, в двухэтажном каменном здании по ул. Крепостной, 7, находится станция Скорой помощи. В 1994 г. здание поставили на государственную охрану как памятник архитектуры. На момент постановки на государственный учет оно было на балансе ПЖЭТ, указано как жилой дом. В этом же году на здание был составлен технический паспорт, в котором указано, что общая площадь дома составляет 290,6 кв. м, в том числе полезная — 233,6 кв. м, из них жилая площадь — 157,6 кв. м. На момент составления паспорта в здании было девять однокомнатных квартир. Инвентаризационная стоимость на 2012 г. составляла 462 152,7 руб. (Техпаспорт, 1994). В 1998 г.

здание находилось на балансе муниципального унитарного предприятия «Жилтрест» №1. В марте 2019 г. власти признали дом аварийным и подлежащим реставрации, поскольку физический износ колебался от 50% до 70%. Охранное обязательство на памятник было утверждено Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 23 августа 2019 г. №200. В 2020 г. приказами Алтайохранкультуры были утверждены зоны охраны (от 03.08.2020 №643) и границы территории объекта культурного наследия регионального значения «Жилой дом» (от 19.11.2020 №1166). В 2021 г. был составлен Акт государственной историко-культурной экспертизы проекта корректировки границ зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Жилой дом», расположенного по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Крепостная, 5, разработанной ООО «РМ «Ренессанс».

В 2022 г. жители дома потребовали от властей г. Бийска отремонтировать аварийный дом, в котором они живут. Алтайский краевой суд обязал бийские власти отремонтировать аварийный дом 1898 г. постройки, который является памятником архитектуры. Ранее мэрия Бийска отказывалась от проведения капитального ремонта в доме в связи с его предполагаемым расселением к 2030 г. Решение Бийского городского суда о наложении обязательств по ремонту дома на ул. Крепостной, 5 осталось в силе после рассмотрения апелляции. В дальнейшем администрация Бийска опубликовала тендер на разработку проекта капитального ремонта памятника архитектуры на ул. Крепостной, 5.

В 2024 г. ООО «ФАЛЬКОН» выполнило научную проектно-сметную документацию на реставрацию и капитальный ремонт объекта культурного наследия регионального значения «Жилой дом», расположенного по адресу: Алтайский край, город Бийск, ул. Крепостная, 5. При обследовании здания было выявлено следующее: фундаменты кирпичные на естественном основании, с дворовой части присутствуют просадки. Отмостка отсутствует, цоколь кирпичный, окрашен эмалью, местами наблюдается отслоение кирпичной кладки. Стены выполнены из кирпича, с дворовой части пристрой выполнен деревянным, частично установлен на кирпичную стену. С дворовой части наблюдается вымывание кирпича и раствора из стены, трещина в оконном проеме под деревянным пристроем, деревянный пристрой имеет сквозные отверстия, следы гниения и биопоражения. Также присутствует просадка стены, граничащая с деревянным пристроем. Крыша вальмовая, покрыта металлической фальцевой кровлей. Имеются выходы дымовых труб. Стропильная конструкция деревянная из бревен, местами наблюдаются следы намокания. Металлическая фальцевая кровля имеет нарушение целостности покрытия — протечки, свищи, пробоины, нарушение примыкания к выступающим частям. Фасад здания украшен декоративными элементами — пилястры, узоры из кирпича, межэтажный карниз, декорированный кирпичный карниз под кровлей. Окна украшены наличниками из кирпича. В подвале перекрытие кирпичное в виде сводов «Монье», в части помещений по дере-

ванным балкам с накатом из досок. Наблюдаются трещины, прогибы и иные дефекты по сводам, перекрытия по деревянным балкам имеют поражения в местах примыкания к стене, разрушения опорной части балок. Перекрытие между первым и вторым этажом деревянное по деревянным балкам, присутствуют просадки. Чердачное перекрытие по деревянным балкам с накатом из досок. Оконные заполнения выполнены из дерева, остекление отсутствует. Дверь главного входа — деревянная, в квартиры двери деревянные и металлические. Лестница на второй этаж деревянная, по деревянному каркасу, ступени с просадками и отклонением от вертикали. Покрытие полов в подвальном помещении — из грунта. Полы первого и второго этажа — из дощатого настила. В помещениях сохранились потолочно-стеновые тяги и потолочные розетки, видны трещины, локальные утраты. Инженерные сети отсутствуют.

Проектом, выполненным ООО «ФАЛЬКОН», предусматривается сохранение всех элементов, представляющих историческую и архитектурно-художественную ценность. Проектной документацией предусматривается проведение следующих работ: полное восстановление деревянной пристройки, переборка просевшего угла кирпичной стены под деревянной пристройкой. Необходимо провести гидроизоляцию фундамента, частичную замену балок перекрытия, очистку фасада от загрязнений и старой краски, восстановление швов, замену оконных и дверных заполнений, кровельного покрытия, части мауэрлата. Обработку стропильной конструкции огнебиозащитой. Ремонт всех внутренних помещений. Замену полов, лакокрасочного покрытия, восстановление лепнины в интерьерах. Ремонт электропроводки и печного отопления.

Объект культурного наследия «Жилой дом», 1898 г., по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Крепостная, 5 / пер. Мопровский, 5. Общий вид. Фото 2022 г.
Cultural Heritage Site The Residential Building, 1898, at: Krepostnaya ul. 5 (Moprovskii per. 5), Biysk, Altai Krai. General view. Photo by 2022

В конце 2024 г. эксперты выполнили Акт историко-культурной экспертизы, в котором дали положительное заключение на выполненную научную проектно-сметную документацию на реставрацию и капитальный ремонт объекта культурного наследия.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Крепостная, 5 / пер. Мопрровский, 5, является объектом культурного наследия регионального значения «Жилой дом», 1898 г., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 12 сентября 2016 г. №40445-р объект включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регистрационный номер 221610464850005.

Список источников

Бийская крепость — город Бийск. К 300-летию образования. Барнаул, 2009. 530 с. Технический паспорт БТИ от 09.08.1994.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтай» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage” (Barnaul), Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 728.5(571.150-25)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.16

EDN: KXGQYM

ЗДАНИЕ ГОСТИНИЦЫ КРАЕВОЙ ПАРТШКОЛЫ В БАРНАУЛЕ — ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ФОРМАХ НЕОКЛАССИЦИЗМА

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. В статье представлены сведения на основании архивных документов о начале строительства четырехэтажного с подвалом кирпичного, оштукатуренного здания гостиницы для слушателей краевой партийной школы, расположенной на углу пр. Ленина и ул. Чкалова в Барнауле. Строительство объекта осуществлялось в соответствии с утвержденным проектом детальной планировки магистральной линии города — пр. Ленина. После 1990-х гг. здание закрепили в собственности Алтайского

края и передала под офисы краевых организаций и учреждений. В 2015 г. были отремонтированы фасады и цоколь здания, в настоящее время в несколько этапов в помещении проводят капитальные ремонтные работы. Является объектом культурного наследия регионального значения.

Ключевые слова: гостиница краевой партшколы, административное здание, памятник архитектуры, объект культурного наследия

Для цитирования: Целищева М.А. Здание гостиницы краевой партшколы в Барнауле — памятник архитектуры советского периода в формах неоклассицизма // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 99–104. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.16

THE BUILDING OF THE REGIONAL COMMUNIST PARTY SCHOOL' HOTEL IN BARNAUL — A MONUMENT OF SOVIET ARCHITECTURE IN NEOCLASSICISM

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage",
Barnaul, Russia*

Abstract. Based on archival documents, the article tells about the beginning of the construction of a four-story brick hotel building with a basement, created for students of the Regional Communist Party school located on the corner of Lenin pr. and Chkalov St. in Barnaul. The facility's construction works were carried out following the permitted project of the city's main thoroughfare — Lenin Prospekt. After the 1990s, the building became the property of the Altai Krai administration for the offices of regional organizations and institutions. In 2015, the facades and basement of the building were repaired; currently, major repairs are being carried out in several stages on the premises. This is an object of cultural heritage of regional significance.

Keywords: regional communist party school, office building, cultural heritage site, listed building

For citation: Tselishcheva M.A. The Building of the Regional Communist Party School' Hotel in Barnaul — a Monument of Soviet Architecture in Neoclassicism. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:99–104. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.16

Генеральный план г. Барнаула 1937 г., составленный архитектором В.К. Александровым в «Запсибпроекте», перестал соответствовать изменившимся условиям градостроительства, и в 1950 г. был утвержден второй план. Работа по составлению второго проекта планировки и застройки г. Барнаула была выполнена ленинградским отделением «Гипрогора» в архитектурно-планировочной мастерской №3. Важными задачами второго генерального плана Барнаула стали увеличение плотности застройки, более экономное использование городской площади путем постройки многоэтажных домов и продолжение создания административно-культурного комплекса столицы Алтайского края. Главной улицей города по-прежнему являлся пр. Ленина (ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 4. Д. 1. Л. 27–28). В 1951 г. под руководством архитектора Я.Н. Додица в московском «Горстройпроекте» на основе второго генераль-

ного плана Барнаула был разработан проект детальной планировки пр. Ленина, который вошел в состав плана строительства ближайших лет. Правила застройки пр. Ленина в г. Барнауле были утверждены Приказом Управления по делам Архитектуры при Совете Министров РСФСР от 21 декабря 1951 №233 (Г.А.А.К. Ф.Р. 490. Оп. 4. Д. 13. Л. 40, 43). Застройку в первую очередь планировалось производить крупными жилыми зданиями повышенного качества, а также важнейшими общественными зданиями (вузы, техникумы и др.) с применением отделочных материалов — цветной штукатурки и облицовочных плит. Этажность застройки по пр. Ленина устанавливалась в 4–5 этажей с повышением этажности отдельных зданий до шести и выше этажей в соответствии с разработанными в проекте развертками фасадов зданий.

30 мая 1952 г. исполком барнаульского городского Совета депутатов трудящихся на своем заседании рассмотрел вопрос (№216а) об отводе земельного участка финхозсектору Крайкома ВКП(б) земельного участка для строительства краевой партшколы и общежития. Было принято решение: для строительства учебного корпуса краевой партшколы отвести земельный участок размером 3 га (кв. 314) в центральной части города по пр. Ленина (№61) и для строительства здания общежития слушателей отвести земельный участок 0,5 га (кв. 217) по ул. Чкалова и пр. Ленина (Г.А.А.К. Ф.Р. 166. Оп. 4. Д. 7. Л. 40; Ф.Р. 312. Оп. 5. Д. 21. Л. 163). По данным техпаспорта БТИ здание было построено в 1955 г. В 1998 г. здание поставили на государственную охрану как памятник архитектуры. На момент постановки на государственный учет оно находилось на балансе администрации края. В 2000-х гг. номера гостиницы были переделаны под офисы государственных учреждений. В 2007 г. специалисты НПЦ «Наследие» обследовали здание и составили акт технического состояния, в котором отметили, что оконное заполнение менялось в 1980-х гг. На момент составления акта объект находился на балансе Управления делами администрации Алтайского края. В заключение специалисты центра рекомендовали провести усиление стен и реставрацию фасадов (Акт технического состояния..., 2007). По данным кадастрового паспорта от 31.08.2012 год постройки здания также указан 1955, кадастровый номер земельного участка, в пределах которого расположен объект недвижимого имущества, 22:63:050203:27.

Четырехэтажное с подвалом, Г-образное в плане, кирпичное, оштукатуренное здание формирует угол квартала. Уличные фасады оформлены штукатурным и лепным декором с советской символикой. Угол здания выделен ризалитами, каждый из которых имеет пять оконных осей. По центральной оси ризалита, обращенного на пр. Ленина, в уровне первого этажа расположен парадный вход, в уровне третьего — четвертого располагается портик с колоннами круглого сечения и пилястрами, портик завершен аттиком. Ризалит, обращенный на ул. Чкалова, не имеет входного узла, но также членен пилястрами в уровне третьего — четвертого этажей. Фасады имеют равномерное членение пилястрами в уровне третьего — четвертого этажей. Междуэтажный пояс разделяет первый, второй и третий этажи. Первый и второй

этажи обработаны штукатурным рустом, плоскость первого этажа выделена темным цветом. По центральной оси фасада по ул. Чкалова расположен парадный вход. Крыло по ул. Чкалова со стороны дворового фасада имеет трехгранный эркер и ризалит с отделкой штукатурным рустом в уровне первого — второго этажей. Здание имеет карниз большого выноса с фризом, по которому расположены лепные элементы. Композицию фасадов венчает металлическое ограждение по кирпичным столбикам. Объект культурного наследия является памятником архитектуры советского периода в формах неоклассицизма.

В 2015 г. в рамках программы капремонта были отремонтированы фасады здания, цоколь и крыльца со стороны ул. Чкалова и пр. Ленина. В 2016 г. объект был включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. №33416-р, регистрационный номер 221610411400005. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 21 апреля 2017 г. №33 утверждено охранное обязательство на объект культурного наследия (ОКН). В 2019 г. составлен Акт государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в г. Барнауле, где под №40 проходит здание памятника архитектуры «Гостиница». В это же время Алтайохранкультура утвердила проект размещения информационной таблички на ОКН. В 2020 г. Алтайохранкультура приняла два приказа: от 18 августа 2020 г. №694 «Об установлении зоны охраны объекта культурного наследия регионального значения «Гостиница», 1950-е гг., расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 41 / ул. Чкалова, 64, утверждении режима использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территории данной зоны» и от 3 сентября 2020 г. №764 «Об утверждении границ территории и режима использования территории объекта культурного наследия регионального значения «Гостиница», 1950-е гг., расположенный по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 41 / ул. Чкалова, 64». Приказом Алтайохранкультуры от 20 апреля 2023 г. №234 утвержден предмет охраны ОКН.

В 2023 г. был объявлен тендер на капитальный ремонт здания. Заказчиком выступило Краевое государственное бюджетное учреждение «Учреждение по содержанию административных зданий». Общая площадь четырехэтажного здания — 4766,8 кв. м. Реконструкция должна была проводиться два года, работы разделили на два этапа. Первый прошел в 2023 г. В этот период рабочие сделали коридоры на 2–4-м этажах, провели демонтажные и общестроительные работы. К демонтажным работам относились такие виды работ, как разбор элементов облицовки потолков, покрытий полов и их оснований, перегородок, облицовки стен и перегородок, сантехнических приборов и туалетов, демонтаж трубопроводов и радиаторов отопления, снятие дверных полотен и коробок дверных блоков, погрузка строительного

мусора и его вывоз на полигоны ТБО. Затем подрядчик должен был сделать лестничные клетки, провести отделку стен, обустроить лестничные марши и площадки, обновить тамбур. Второй этап прошел в 2024 г. Рабочие продолжили ремонтировать коридоры на 2–4-м этажах, установили двери, обновили лестничные клетки и тамбур в других осях, отреставрировали кабинеты. Внутри здания выравнивали поверхности стен сухими смесями, прогрунтовали их акриловыми составами, оклеили обоями, установили дверные блоки, сделали потолки. Рабочие смонтировали внутренние трубопроводы, установили новые унитазы, умывальники, раковины, смесители и чугунные радиаторы отопления, а также обновили напольные покрытия. Часть работ по капитальному ремонту административного здания перешла на 2025 г. Краевые власти также благоустроили территорию.

*Объект культурного наследия «Гостиница», 1950-е гг., по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 41 / ул. Чкалова, 64. Общий вид. Фото 2024 г.
Cultural Heritage Site “The Hotel”, 1950s, at: Lenin Pr. 41 (Chkalov St. 64),
Barnaul, Altai Krai. General view. Photo by 2024*

В настоящее время здание является краевой собственностью, в нем размещены различные краевые учреждения и организации, такие как представительство МИД России в Барнауле, Министерство культуры Алтайского края, Управление региона по развитию туризма и курортной деятельности, Управление имущественных отношений и др.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 41/ул. Чкалова, 64, является объектом культурного наследия регионального значения «Гостиница», 1950-е гг., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 11 марта 1998 г. №83.

Список источников

Акт технического состояния памятника истории и культуры и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории от 02.07.2007 // Архив НПЦ «Наследие».

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage" (Barnaul), Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 72(571.150-25):94(47).084.8

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.17

EDN: LAUWWG

ГОСТИНИЦА ВЕРШИНИНА В БАРНАУЛЕ — ПАМЯТНИК ИСТОРИИ, СВЯЗАННЫЙ С СОБЫТИЯМИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия*

Резюме. В статье представлены сведения об истории и первом владельце торгового здания, а также о дальнейшем использовании данного объекта культурного наследия с начала XX в. и до наших дней. Здание горело в пожарах 1914 и 1917 гг. В середине 1920-х гг. его отреставрировали. В разные годы в нем размещались гостиница и магазин, затем до конца 1940-х гг. находились различные конторы и жилые квартиры, в годы Великой Отечественной войны помещения отдали под военный госпиталь для раненых на фронтах, позже в здании разместили туберкулезный диспансер, в настоящее время его занимает краевая клиническая психиатрическая больница. Здание поставлено на государственную охрану как памятник истории, связанный с Великой Отечественной войной (1941–1945).

Ключевые слова: гостиница, военный госпиталь, Великая Отечественная война, туберкулезный диспансер, клиническая психиатрическая больница, памятник истории

Для цитирования: Целищева М.А. Гостиница Вершинина в Барнауле — памятник истории, связанный с событиями Великой Отечественной войны // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 104–112. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.17

VERSHININ HOTEL IN BARNAUL — HISTORICAL MONUMENT RELATED TO THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage",
Barnaul, Russia*

Abstract. The article relates the history and the first owner of the commercial building and the further use of this cultural heritage site from the beginning of the twentieth century to the present day. The building burned several times in the fires of 1914 and 1917. In the

middle of 1920, it was restored. In different years, it housed a hotel and a store. Then until the end of the 1940s, various offices and residential apartments were situated there. During the Great Patriotic War, the premises were given to a military hospital for the wounded at the fronts and then — to a tuberculosis dispensary. Currently, it is occupied by the regional clinical psychiatric hospital. The building is under state protection as a historical monument associated with the Great Patriotic War (1941–1945).

Keywords: hotel, military hospital, Great Patriotic War, tuberculosis dispensary, clinical psychiatric hospital, cultural heritage site

For citation: Tselishcheva M.A. Vershinin Hotel in Barnaul — Historical Monument, Related to the Events of the Great Patriotic War. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:104–112. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.17

Город Барнаул знаменит многими местными достопримечательностями, в том числе своим положением на берегу реки Обь. В связи с развитием пароходства, строительством пристаней, скупкой и вывозом за пределы Алтайской губернии сливочного масла, продажей принадлежностей молочного хозяйства, сельхозмашин связано развитие прибрежных улиц г. Барнаула, таких как 1-я Луговая (ул. Прибрежная), 2-я Луговая (ул. Чехова), 3-я Луговая, (современное название ул. Луговая), ул. Набережная р. Оби и др. Со 2-й половины XIX в. — в начале XX в. строились дома, которые в дальнейшем стали сдавать в аренду под постоянные дворы, меблированные комнаты, чайные-столовые, частные небольшие магазины для хлебно-бакалейной торговли, а также здесь торговали шубами и валяной обувью. Складские помещения предназначались для закупленного у населения сливочного масла и продажи на Алтае сельскохозяйственных машин и оборудования для маслодельных заводов, ввозимых в 1910-х гг. зарубежными компаниями, такими как Датско-Сибирская экспортная фирма, датская торговая фирма «Сибирская Компания», фирма «Теодор Лунд и Петерсен», английская фирма французского гражданина Е.Е. Фиента, а также датскими подданными А.Ф. Ланге, И.И. Линдом, В.В. Кнудсенем, Э.В. Мортенсенем. На трех Луговых улицах имели свои дома барнаульские купцы братья Козловы, мещанин Смердин и купец Сбитнев, которые сдавали их под пивные лавки, сам Г.П. Смердин в своем доме торговал шубами и валяной обувью. Т/д «Бр. Ворсины» в нескольких домах на улицах Луговых также держал пивные лавки, Т/д «Бр. Волковы в Барнауле» в доме на 2-й Луговой проводил хлебные операции.

Кирпичное здание постройки начала XX в. расположено в исторической части города на ул. Луговой (бывш. ул. 3-я Луговая), принадлежало барнаульскому купцу 2-й гильдии Михаилу Васильевичу Вершинину. В 1900 г. М.В. Вершинин торговал шапочными и картузными изделиями (Сибирский торгово-промышленный..., 1900, с. 178). С 1904 г. купец еще и держал меблированные комнаты (Сибирский торгово-промышленный..., 1904, с. 256, 257). В 1905 г. вдобавок к сдаче меблированных комнат и торговле купец М.В. Вершинин становится агентом Северного страхового общества (Сибирский торгово-промышленный..., 1905, с. 251, 252). На карте г. Барнаула за 1907 г.

в здании указана гостиница «Вершинина». В 1908 г. М.В. Вершинин торговал галантерейными товарами, держал меблированные комнаты, торговал шапками и шляпами (Москва-Сибирь..., 1908, с. 177–179). В 1909–1910 гг. часть помещений собственник сдавал в аренду фирме «Теодор Лунд и Петерсен» (ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 19. Л. 100–101; Оп. 1. Д. 5. Л. 63–64). В 1910 г. его сын В.М. Вершинин открыл в городе типографию, начал издавать газету «Жизнь Алтая» (Скубневский, Старцев, Гончаров, 1996, с. 43). В этом же году в Сибирском торгово-промышленном календаре была опубликована реклама о том, что Михаил Вершинин торгует шляпами, шапками, фуражками, обувью и военными вещами. Фирма существует с 1880 г. (Сибирский торгово-промышленный..., 1910, с. 10). В заявлении по квартирному налогу за 1911 г. Вершинин указал, что в его доме по 3-й Луговой, 19 находится контора фирмы «Лунд и Петерсен», которая занимается скупкой сливочного масла и продажей земледельческих машин, а также на первом этаже находится магазин Вершинина (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1912. Л. 19; Д. 12. Л. 90–91, 95). В 1913–1914 гг. фирма «Лунд и Петерсен» занималась лишь скупкой сливочного масла (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 166, 183; Д. 1859. Л. 53). Вследствие пожара в ночь с 22 на 23 июля 1914 г. многие строения на улицах Луговых были уничтожены и на 1915 г. городской Управой была оценена одна земля по 1,5 руб., пострадало от пожара и здание М.В. Вершинина (ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17. Л. 79). В 1914–1915 гг. купец Вершинин торговал валяной обувью, галантерейными и меховыми товарами, обувью, шапками, шляпами и фуражками на ул. Пушкинской, в своем доме (Сибирский торгово-промышленный..., 1914, с. 58–59, 62, 65). В заявлении по квартирному налогу на 1916 г. М.В. Вершинин указал, что в его доме по 3-й Луговой, 19 квартир нет, так как дом представляет собой развалины от погрома призывников летом 1914 г. (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1940. Л. 27). В то же время на 1 января 1917 г. М.В. Вершинин по ул. Малой Олонской, 6 имел одну квартиру и постоянный двор, его сын В.М. Вершинин, член Государственной Думы, владел домом по ул. Гоголевской, 73, в котором часть помещений было отведено под жилье, а в другой части находилась редакция газеты «Жизнь Алтая» (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 91. Л. 50, 53). В списках построек г. Барнаула, сгоревших 2 мая 1917 г., значится и здание по ул. 3-й Луговой, 19 (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 322. Л. 53). В дальнейшем городская Управа составила списки владельцев недвижимого имущества и полученной Управой суммы дохода в 1917–1919 гг. По ул. 3-й Луговой, 19 имущество В.М. Вершинина было оценено в сумму 60 800 руб., оклад составил 291,84 руб., в графе «Доходность принятая Управой» стоял прочерк, как и у большинства собственников домов на этой улице (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 62. Л. 5–6). В 1925 г. был выполнен проект реставрации горелых домов, предназначенных для конторы Госельсклада, в том числе указано и здание по ул. 3-й Луговой, 19. В Государственном архиве Алтайского края сохранились поэтажные в цвете планы двухэтажного каменного здания (ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 149, Д. 42). В апреле 1925 г. комиссия, осмотрев горелые здания, предложила у дома по ул. 3-й Луговой, 19 разобрать переднюю

наружную стену до цоколя (ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 107. Л. 43). В 1926 г. после осмотра вновь выстроенных и капитально отремонтированных и отреставрированных зданий барнаульского Райгосельсклада по ул. 3-й Луговой, 19, 21 и 23 было предложено каменный двухэтажный дом использовать под жилые квартиры, склад и магазин запасных частей, кирпичный одноэтажный, отремонтированный капитально, — под контору Госельсклада (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 18. Л. 19–20). В акте от 24 августа 1926 г. комиссия, созванная барнаульским районным Госельскладом под председательством и.д. окружного инженера Филатова, осмотрев отреставрированное здание, отметила следующее: в нескольких местах на фасаде двухэтажного каменного дома отвалилась штукатурка, некоторые оконные переплеты и дверные полотна из-за перекоса следует заменить, зимние рамы застеклены, брандмауэры сверх крыши и каменная стена со стороны фасада не покрыты железом. В потолке склада обнаружена одна доска с гнилью, печь в магазине отошла от кирпичной стены, не побелены дымовые трубы на чердаке, не укреплены перила парадной лестницы. Работы в здании были выполнены Сибгосстроем (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 16. Л. 28). В 1927 г. в здании размещалось барнаульское отделение АКЦ общества «Сибсельсклада» (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 112). В дальнейшем здание перешло краевой конторе Сельхозснаба. Так, в октябре 1938 г. в барнаульскую городскую планировочную комиссию обратились с просьбой в целях обеспечения сотрудников Крайсельхозснаба квартирами разрешить построить деревянный жилой дом на участке Сельхозснаба (кв. 4) по 3-й Луговой, 19, а также произвести надстройку второго этажа над каменным одноэтажным зданием, находящемся на этом же участке. Но в данной просьбе Сельхозснабу было отказано (ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 1. Д. 1. Л. 280). На основании Приказа по Наркомзему СССР от 1 сентября 1941 г. №399 Алтайская краевая контора «Сельхозхимснаб» объединилась с конторой Сельхозснабжения, адрес конторы указан: ул. 3-я Луговая, 23.

В годы Великой Отечественной войны в Барнауле было развернуто 16 госпиталей, в которые эвакуировали из походных подвижных госпиталей и медсанбатов раненых солдат и офицеров для продолжения лечения в глубоком тылу. Большинство пациентов барнаульских госпиталей, поправив здоровье, возвращались в строй. С 1941 по 1943 г. в здании по ул. 3-й Луговой размещался госпиталь №384 для раненых на фронтах Великой Отечественной войны. Госпиталь был основан в 1873 г. как Харьковский военный госпиталь 1-го класса, с 1919 г. стал называться «Харьковский головной военный №1», с 1926 г. — «Харьковский окружной военный госпиталь Украинского военного округа». С первых дней Великой Отечественной войны госпиталь стал называться «Харьковский военный госпиталь №384», он был расширен до 600 койко-мест. Вместе с больными Харьковского гарнизона госпиталь обслуживал и обеспечивал в медицинском отношении раненных и больных фронта. 18 сентября 1941 г., когда части Красной армии отступали, госпиталь в полном составе заблаговременно и организованно был эвакуирован в г. Барнаул Алтайского края, где занял несколько зданий, в том числе по ул.

3-й Луговой, ул. Л. Толстого, 22 и ул. Л. Толстого, 32 (ГААК. Ф.Р. 834. Оп. 1. Д. 142. Л. 463; Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 77. Л. 177). Самым сложным в 1941–1942 гг. было привести здания в соответствующее состояние: многим из них требовался ремонт систем отопления, побелка, установка внутренних перегородок. Обеспечение госпиталей инвентарем, топливом, продуктами питания и медикаментами было делом сложным и постоянно требующим внимания начальников госпиталей и шефских организаций. Но главным было обеспечить госпитали специалистами. 3 мая 1943 г. госпиталь в Барнауле был передан в распоряжение начальника санитарного управления Воронежского фронта и с июня по сентябрь был развернут на 300 койко-мест в с. Верхняя Хава Воронежской области и стал выполнять функции одного из эвакуогоспиталей Воронежского фронта. 23 августа 1943 г. Харьков был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. А 11 ноября 1943 г. госпиталь возвратился на место своей постоянной дислокации, снова был развернут на 600 койко-мест и начал исполнять функции Окружного госпиталя Харьковского военного округа и гарнизонного лечебного учреждения г. Харькова. За годы войны (1941–1945) медперсоналом Харьковского военного госпиталя была предоставлена высококвалифицированная медицинская помощь многим больным и раненым бойцам, офицерам и генералам Красной армии, проведено большое количество простых и сложных хирургических операций.

12 марта 1943 г. барнаульский городской Совет депутатов трудящихся принял Решение №91 ранее переданный дом госпиталю №384 по 3-й Луговой, принадлежащий Алтайской краевой конторе Сельхозснаба, возвратить последней в связи с отъездом госпиталя (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 129). А в апреле 1943 г. барнаульский городской Совет депутатов трудящихся рассмотрел вопрос «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом» от 5 апреля 1943 г. (протокол №14) и принял решение к 15 апреля 1943 г. перевести туберкулезную больницу в предоставленное ей здание по 3-й Луговой, бывшее Сельхозснаба, развернуть в нем дополнительно 40 коек (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75. Л. 186об.). В акте от 17 июля 1948 г. было указано, что в здании городской туббольницы по 3-й Луговой, 19 нет канализации, а в акте от 12 октября 1948 г. отметили, что на момент осмотра туберкулезной больницы, расположенной в двухэтажном здании, проведен ремонт крыши, но по-прежнему оно нуждается в проведении канализации (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 183, Л. 175, 250, 270–271, 281). В составленной справке от 28 октября 1948 г. о ремонте туберкулезной больницы, занимающей арендуемое здание по 3-й Луговой, 19, было отмечено, что здание кирпичное, двухэтажное с пристроенным крылом, со сгнившими потолками и полами. Контора «Алтайпроект» составила смету на 159,0 тыс. руб. и добавочно на проведение канализации на 38,0 тыс. руб. Изначально было отпущено только 100,0 тыс. руб., ремонт должен был проводиться хозспособом. Ремонт начался 18 августа с замены полов, балок, перегородок, потолков, ванных комнат. Был проведен ремонт фасадов и всего здания снаружи, оштукатурены стены и потолки внутри, отремонтировали двери и окна (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 183. Л. 281–281об.).

В конце 1940-х гг. название улицы изменилось. В 1955 г. в здании уже по ул. Луговой, 19 размещался городской противотуберкулезный диспансер, который находился в подчинении у Горздравотдела, главным врачом в больнице работал Турусов (ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 3. Д. 5. Л. 2, 22). В октябре 1962 г. была составлена смета на ремонт здания тубдиспансера, необходимо было отремонтировать систему отопления, кровлю, пол, двери и др. В 1963 г. главным врачом в диспансере работал П.М. Гассан, в 1964 г. — главный врач Мухина (ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 3. Д. 5). Решением Крайисполкома от 27 декабря 1965 г. №732 здание передали Алтайской краевой психиатрической больнице №2. В 1977 г. исполком Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся принял Решение от 2 декабря 1977 г. №757/7 о прирезке земельного участка Алтайскому краевому психоневрологическому диспансеру под благоустройство территории диспансера по ул. Луговой, 19 и строительства лечебно-трудовых мастерских и дневного стационара (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 607. Л. 175). В этом же году здание было оценено в сумму 221 767 руб. (в ценах 1939 г.). В 1994 г. здание было поставлено на государственную охрану как памятник истории. На момент постановки на гос. учет в нем находился краевой психоневрологический диспансер. В 2000 г. диспансер был объединен с краевым государственным учреждением здравоохранения «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича». В 2011 г. часть дворовых фасадов была зашита конструкциями сайдинга. В октябре 2011 г. специалисты НПЦ «Наследие» осмотрели здание и составили акт технического состояния объекта, где отметили, что первоначальный вид памятника искажен, к торцевому фасаду со стороны северо-востока примыкает небольшая пристройка в один этаж. К юго-западному фасаду в настоящее время примыкает современный трехэтажный объем из силикатного кирпича, равный по высоте основному корпусу. В заключение было указано, что необходимо выполнить проект реставрации фасадов первоначальной части здания, устранить протечки в местах примыкания кровли, выполнить реставрацию фасадов первоначальной части здания (Акт технического состояния..., 2011). В 2012 г. была подана заявка на право заключения договора на выполнение работ по капитальному ремонту горячего водоснабжения в здании диспансера по ул. Луговой, 19.

Здание состоит из нескольких разновременных и разноэтажных объемов. Первоначальный объем, являющийся объектом культурного наследия, — это двухэтажное кирпичное здание, прямоугольное в плане, расположенное вдоль красной линии улицы Луговой. Главный фасад симметричен, имеет два композиционных акцента. Фланги фасада, в один оконный проем выделены небольшими ризалитами, которые отделены лопатками, рустованными в уровне 1-го этажа. По левой оси устроен вход. В ризалитах в уровне второго этажа более широкие оконные проемы, здесь расположены балконы. Ограждение балконов выполнено из кованого металлического прута. Ризалиты возвышаются над уровнем карниза и акцентированы аттиками сложной конфигурации с лепной гербовой композицией в тимпане. Между аттиками

установлены парапетные тумбы, ограждения кровли утрачены. Основная плоскость фасада (между ризалитами) в уровне 1-го этажа имеет четыре широких оконных проема, между которыми расположены плоские лопатки. Над окнами устроен штукатурный декор в виде квадратов. В уровне 2-го этажа восемь узких оконных проемов. Горизонтальное членение всех фасадов подчеркнуто тяннутым карнизом, украшенным кронштейнами и пояском между этажами. Произведена перепланировка внутренних помещений. Имеются поздние пристройки к основному зданию. В глубине двора перпендикулярно основному объему расположена трехэтажная пристройка из красного кирпича, часть которой существовала на период 1941–1945 гг.

Объект культурного наследия «Здание, где размещался госпиталь раненных на фронтах Великой Отечественной войны» 1941–1945 гг. Алтайский край, г. Барнаул, ул. Луговая, 19. Общий вид. Фото 2022 г.

Cultural Heritage Site “The Building Where the Hospital of the Wounded on the Fronts of the Great Patriotic War was Located”, 1941–1945, at: Lugovaya ul.19, Barnaul, Altai Krai. General view. Photo by 2022

В 2018 г. была подана заявка на выполнение работ по текущему ремонту (промывка и опрессовка систем отопления) в зданиях, занимаемых КГБУЗ АККПБ имени Эрдмана Юрия Карловича, в том числе по ул. Луговой, 19. Такие же заявки подаются ежегодно до настоящего времени. В 2018 г. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 22 ноября 2018 г. №144 утвердили охранное обязательство на памятник истории. Приказом Алтайохранкультуры от 29 сентября 2020 г. №801 утвердили границы территории и режим использования территории объекта культурного наследия (ОКН). В 2021 г. был составлен Акт государственной историко-культурной экспертизы: Ме-

роприятия по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, включенных в реестр, при проведении земляных работ для объекта: г. Барнаул, строительство здания поликлиники на 150 посещений в смену КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича», расположенного по адресу: ул. Луговая, 19. Заказчиком выступило АО Проектный институт «Алтайкоммунпроект». В этом же году Алтайохранкультура согласовала проект размещения информационной таблички на ОКН. В 2022 г. был объявлен тендер на выполнение работ по разработке проектно-сметной документации на капитальный ремонт фасадов и кровли диспансерного отделения КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича» по адресу: г. Барнаул, ул. Луговая, 19, но из-за замечаний в поданной документации тендер не состоялся.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Луговая, 19, является объектом культурного наследия регионального значения «Здание, где размещался госпиталь раненных на фронтах Великой Отечественной войны», 1941–1945 гг. согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169, является памятником истории, связанным с событиями Великой Отечественной войны. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. №33047-р объект включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регистрационный номер 221610412510005.

Список источников

Акт технического состояния памятника истории и культуры и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории от 26.10.2011 // Архив НПЦ «Наследие».

«Москва-Сибирь»: Адресная и справочная книга: Посредник — указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1909 г. М., 1908. 586 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск, 1900. 944 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 год. Томск, 1904. 1057 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 год. Томск, 1905. 965 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 год. СПб., 1910. [2]. 128 с.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. Пг., 1914. 1597 с.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: энциклопедия. Барнаул, 1996. 112 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage" (Barnaul), Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardejskoj divizii, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 821.161.1»19»

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.18

EDN: LBRNOZ

РЕКА КАТУНЬ КАК ОБРАЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Татьяна Петровна Шастина

*Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова,
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
Горно-Алтайск, Россия*

Резюме. В статье представлен опыт рассмотрения «образного взгляда» на реку Катунь как один из основных маркеров географического пространства Горного Алтая; в ней вычлняются три этапа эволюции этого образа в художественных и иных текстах XX в., адресованных широкому кругу читателей: 1) пропаганда научной информации о Катунь в первых путеводителях (начало XX в.); 2) формирование художественного образа реки в живописных и словесных произведениях Г.И. Чорос-Гуркина и литераторов его круга; 3) переход образа в статус сибирского природоохранного топоса в творчестве В.Г. Распутина. Источниковая база статьи расширяет ставший хрестоматийным перечень текстов, на которых базируется описание и интерпретация образа Катунь в современных исследованиях геоэтики Алтая.

Ключевые слова: образ, река Катунь, Горный Алтай, Г.И. Чорос-Гуркин, В.Г. Распутин, путевой очерк

Для цитирования: Шастина Т.П. Река Катунь как образ в русской литературе XX века // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 112–118. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.18

THE KATUN RIVER AS AN IMAGE IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY

Tatiana P. Shastina

*National Library of the Altai Republic named after M. V. Chevalkov,
National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin,
Gorno-Altai, Russia*

Abstract: The article reveals the experience of imagery perception of the Katun River as one of the general markers of the geography of the Altai Mountains. The author singles out three stages in the evolution of this image in fiction literature and other texts of the 20th century, addressed to a wide range of readers: 1) promotion of scientific information about

the Katun in first guidebooks (the beginning of the 20th century); 2) construction of the literary image of the river in paintings and literary works by G.I. Choros-Gurkin and other artists of his circle; 3) transition of the image into the status of the Siberian nature-reserving topos in works by V.G. Rasputin. The resources of the research widen the standard list of texts, on which descriptions and interpretation of the image of the Katun in modern research works on geopoetics of the Altai are based.

Keywords: image, River Katun, Gorny Altai, G.I. Choros-Gurkin, V.G. Rasputin, travel diary

For citation: Shastina T.P. The Katun River as an Image in the Russian Literature of the 20th Century. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:112–118. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.18

Первые упоминания реки Катуня встречаются в описаниях научных путешествий, совершенных на Алтай в XVIII — 1-й половине XIX в., благодаря которым развенчивалось представление о Сибири в целом как о terra incognita; такие тексты относились к категории специальной литературы и вряд ли могли влиять на формирование даже в образованных слоях населения России образа этой территории в целом и Русского Алтая в частности как части имперских пространств. Исключением в ряду ученых записок, путевых дневников и отчетов можно считать опубликованный в «Отечественных записках» очерк видописца Е.Е. Мейера «Поездка по Алтаю», написанный художником по впечатлениям от работы в Восточном Алтае с П.А. Чихачевым и отнесенный В.Г. Белинским к числу «оригинальных, более или менее замечательных статей» журнала за 1843 г. (Белинский, 1905, стлб. 226). В нем читающая публика впервые прочла эмоциональное описание алтайского высокогорья и узнала, что Катунь — это «страшная царица», которая «то водопадами, то страшными порогами, выбрасывая камни, мчится на с лишком 600 верст» (Мейер, 1843, с. 19–20). Перед картинами высокогорья художник на Алтае не раз чувствовал свое ничтожество; величественность же открывшегося с Сальджарского перевала пейзажа заставила его при описании использовать топоним Катунь и его прямое значение в тюркских языках — «царица, госпожа»; стоя на этой высоте, он понял точность гидронима — не горы (Катунья сайланг — Катунские столбы, Белуха) царят над пространством, а шестисотверстная страшная река, пронизывающая его с юга на север.

В 1-й половине XIX в. подобные редкие описания мало способствовали развитию массового интереса россиян к Горному Алтаю. Таковой начинает отчетливо проявляться в конце века, когда Алтай активно изучался экспедициями Императорского Томского университета. Так Н. Яблонский в «Путеводителе по Алтаю» (первом из посвященных отдельной местности губернии), не преминув подчеркнуть, что Катунь по-алтайски — это «жена», «хозяйка», пространно описал весь ее огромный бассейн (Яблонский, 1902, с. 23–51) на основе ранее опубликованных работ В.В. Сапожникова (1897, 1901); через год он выпустил второе издание и анонсировал третье. Реклама томского фотографа И.Р. Томашкевича «Стереоскопические виды Горного Алтая» в первом

и втором издании путеводителя позволяет читателю убедиться в том, что маршруты, пройденные профессором Сапожниковым (позднее сам Сапожников адаптирует их для массового туриста в путеводителе «Пути по Русскому Алтаю», Томск, 1912, в котором подчеркнет эстетическую составляющую Алтая в целом и его отдельных природных объектов), вполне доступны для путешественников: «Желая ознакомить наглядно интеллигентную публику с Горным Алтаем, вполне справедливо и удачно названным Русской Швейцарией, я предпринял в 1900 и 1901 гг. две экскурсии, во время коих мною сделано до 200 фот. снимков, приспособленных для стереоскопа, причем я, руководствуясь почтенными трудами профессора В.В. Сапожникова, Вербицкого и др. <...> избрал для своего маршрута более выдающиеся по красоте и разнообразию местности, а именно: Катунские Альпы, Белуху с ее многочисленными ледниками, долины горных рек и потоков: Катунь, Н. Курагана, Аргута...» (Яблонский, 1902, б/с.). В рекламном тексте фотохудожник подчеркнул эстетическое значение сделанных им снимков; что, в свою очередь, могло акцентировать редкие оценочные эпитеты, использованные Яблонским при описании бассейна Катунь: *громadнейший горный великан, одно из красивейших горных озер, красивые скалистые вершины, великолепные насаждения пихт и тополей, суровый вид, прекраснейший парк лиственниц, тесная долина, интересные образования — «земляные пирамиды», знаменитый бом, дикие и неприступные берега, гигантская россыпь* и др. (заметим, что ни в популярных томских путеводителях В. Долгорукова, ни позднее в столичном издании для переселенцев в Томскую губернию таких подробностей и таких оценок не встречается (Описание Томской губернии, 1916).

Стереоскопические снимки, даже раскрашенные вручную, не могли передать всего обаяния Алтая и его главной реки. Истинное представление о Катунь томская публика получила зимой 1907–1908 гг. на первой персональной выставке художника Г.И. Гуркина. В экспозиции было шесть картин — пейзажей Катунь: «Река Катунь (начало весны)», «Зимний вечер (р. Катунь близ Аноса)», «Катунь освобождается ото льда», «Вечерние тени (Катунь)», «Зимнее утро на Катунь», «На берегу реки Катунь»; на многочисленных этюдах река была запечатлена в разные времена года, в разное время суток («Ледоход на Катунь», «Вечер (Катунь против Куюма)», «Паром под снегом», «Утро на Катунь» др. (Каталог выставки..., 1907). Такое внимание художника к Катунь объясняется его жизненными обстоятельствами: после возвращения из Петербурга Гуркин поселился практически на берегу Катунь — в Аносе, постепенно достроил и обустроил там свою усадьбу, становившуюся на лето, по выражению Г.Н. Потанина, «Мюнхеном или Геттингеном» — там кипела интеллектуальная жизнь (Шастина, 2020).

Живший в Аносе летом 1909 г. Георгий Вяткин, один из ярчайших сибирских поэтов Серебряного века, создал незабываемый образ Катунь в лирическом цикле «Алтайские пейзажи», посвященном Гуркину: «*Вся в торжествующем движении, / Вся в беспредельном напряженьи, / Вся в белой пене, как в снегу, / Как буйный зверь она несется / И в тесных скалах гордо бьется, /*

Свергая камни на бегу...». Река схвачена поэтом в неге дневного зноя и в гневе «стихий беспощадной, безумной, как она сама», в умиротворении летнего вечера (Вяткин, 1909а). В прозаических этюдах Вяткина «В горах Алтая» есть фрагмент, являющийся стихотворением в прозе — «Прекрасны и загадочны ночи твои, царственный Алтай», где Катунь — неотъемлемая часть романтического пейзажа. Сидящие у костра на ее высоком берегу оказываются между небом и водой в окружении «вечно-недвижных, вечно-молчаливых гор, вечно и ревниво хранящих одну и ту же тайну». Как бы призывая реку в свидетели, персонаж базаровского типа Макс Краюхин произносит у костра обличительный монолог о том, что на фоне «дикой, мощной, красивейшей природы, с ее бодрой, яркой, цельной жизнью» хорошо заметно отсутствие в людях «чего-то весьма ценного и независимо-прекрасного». В уста этого персонажа автор вложил свои натурфилософские размышления об Алтае: «...Я беру для примера Алтай, потому что он еще свеж, дик, девственен, пошлость культуры еще не загрязнила его, как загрязнила Кавказ, Крым, Италию, Швейцарию <...> Алтай, как и Байкал, как и ряд других интереснейших и красивейших местностей Сибири — еще весь полон ничем не заменимой прелести, дикости, свежести, нетронутой девственности; от него так и веет живыми, яркими сказками, странными полуживыми — получеловеческими песнями, здоровой и мощной цельностью, являющейся для нас такой освежающей, обновляющей...», призывая погружать разум и душу «в тайну и красоту этой богатой природы». И собравшимся у костра кажется, что река знает и может выдать «великую тайну человеческого счастья» (Вяткин, 1909б).

Между Гуркиным и Вяткиным установились дружеские отношения, основанные на понимании равновеликости талантов и любви к Алтаю, — об этом свидетельствует дарственная надпись Гуркина на картине, подаренной Вяткину: «Поэту-писателю Сибири Г.А. Вяткину. Худ. Алтай Чорос Гуркин» (частное собрание А.Е. Зубарева, г. Омск). Если полотна Гуркина вдохновили поэта Вяткина на создание литературного образа реки, то стихи и проза Вяткина, смеем предположить, вдохновили художника Гуркина на написание стихотворения в прозе, первоначально опубликованного под названием «Алтайцы и Катунь» (в качестве вступления к каталогу выставки 1915 г. оно дано под названием «Алтай и Катунь»). Общая тональность и образный строй этого произведения отличаются от трактовки Катунь Вяткиным лишь включением этнопоэтического компонента и художественным временем — осень (на картинах и этюдах Гуркина Катунь — чаще весенняя или зимняя, в тот период образ Катунь постоянно развивается в живописи Гуркина; на второй его персональной выставке, Томск — Красноярск — Иркутск — Барнаул, 1910–1911, было представлено несколько работ, посвященных Катунь: картина «Зимний пейзаж (на Катунь близ Аноса)», восемь этюдов и четыре карандашных рисунка). Как и Вяткин, художник обращается к «людям ли, живущим в далеких, пыльных, душных городах: рабам ли пошлого шума, будничных, мелких забот, погрязшим в сутолоке повседневной жизни», и призывает их: «Оставьте все и хотя бы на крыльях Вашей мысли перенеси-

теть в эту долину. Взгляните на таинственный Алтай, на его красавицу, волшебную Катунь! Она врачует вашу душу, облагородит чувства и даст вам силу. В ней вы увидите красоту природы, в ее волне ощутите биение жизни и почувствуете, что дух вселенной бодрствует в ней от создания мира...». Из алтайской мифологии переходит в это литературное произведение художника страстное женское начало в образе красавицы-реки: «Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно с шумом течет вперед <...> Она есть счастье и украшение Алтая» (Гуркин, 1911). Этот образ Гуркин разовьет в очерке 1912 г. «Праздник реки Катунь» (Гуркин, 1912).

Самые проникновенные строки о Катунь Вяткин написал в 1915 г. в период развития романтических отношений с дочерью улалинского купца К.В. Юргановой (в будущем известным монголоведом), они были напечатаны в первом в истории литературы лирическом сборнике, в названии которого был топоним Алтай. Пожалуй, никто не сказал о реке столь лирично и высоко, как Вяткин в сонете «Катунь»: «Царица рек, в немеркнувшей короне, / Рожденная неведомо когда / В снегах вершин, в их непорочном лоне, / Светла Катунь, быстра ее вода... (Вяткин, 1917, с. 4). *Река-царица, родная Катунь, голубая Катунь* в стихах Вяткина этого периода гармонически соответствует центральному образу сборника — *царственному Алтаю, царю величавому с душою ребенка, его царственной шири*.

В известном сборнике рассматриваемого периода — «Алтайском альманахе» — есть стихи, посвященные Катунь. Пиотровский, посвящая стихотворение «По Алтаю» Г.И. Гуркину, описывает реку в романтической стилистике, как отрезок пути, приводящего лирического героя к усадьбе Гуркина в Аносе: «А вот и шум, как пред грозой... / Вдали, сливаясь в водопады, / Катунь, блистая бирюзой, / Несется буйно чрез преграды... / И над провалом тесных гор, / Бурля прозрачной глубиной, / Волной вскипая за волною, / Она ведет гремучий спор» (Алтайский альманах, 1914, с. 40). Не менее романтичен и П. Казанский в стихотворении «Рождение Оби»: «Меж вершин седой Белухи, где в тиши гремят обвалы, / Где метели завывают погребальные хоралы, / Ледяным впоен туманом, снеговою вскормлен тучей, / В царстве смерти зародился ледяной поток могучий; / В грозном медленном движеньи с высоты сошел холодной / И под жгучей лаской солнца стал Катунью многоводной» (Алтайский альманах, 1914, с. 163).

Процитированные произведения Г.И. Гуркина и его друзей, бывавших в Аносе, позволяют утверждать, что образ Катунь стал одной из составляющих литературного образа Алтая и творчески развивался вплоть до 1917 г. (сборник Вяткина). Томичи и жители других регионов Сибири до начала Первой мировой войны стекались в Чемал, устраивали экскурсии в Анос, в мастерскую художника, где он готовился к третьей персональной выставке. На ней было представлено 13 картин с пейзажами Катунь, отдельный щит этюдов «Катунь и ее берега» с 23 работами и около десятка этюдов на других щитах. А на щите под названием «Иллюстрации к былинам и сказкам» к работе под номером 420 художник дал объяснение сюжета: «Одна алтайская

женщина, лишившись любимого супруга, взъехала на утес и завязав коню глаза, ринулась в бездну. Утес назван — Катунь, что значит женщина» (Указатель выставки..., 1915, с. 15).

В раннесоветскую эпоху на нижнюю Катунь стали собираться «воздушники» совсем «нового, невиданного образца»: ученические и рабочие экскурсии, рабочие-курортники. Изображаемая по законам «красной нови» Ойратия старается подчинить природу, о чем свидетельствуют отчеты многочисленных пионерских, комсомольских, научных экспедиций, материалы о Всесоюзной альпиниаде 1935 г. (типичными их образцами можно назвать очерки С. Мара «Обновленные племена», 1929; А. Коптелова «Ойратия», 1930; С. Кожевникова «Машина идет в Кош-Агач», 1937). От достаточно большой обоймы среднестатистических раннесоветских текстов о Горном Алтае, на наш взгляд, яркой художественностью отличаются поэма в прозе В. Итина «Каан-Кэрэдэ» (1926) и очерки Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия» (1936) и И. Катаева «Под чистыми звездами» (1936). Итин впервые описывает Катунь с высоты птичьего полета, река у него — «нить Ариадны», выводящая авиаторов из лабиринта гор на пути из Монголии в Россию и место столкновения природного (шаман) и цивилизационного (пропаганда Авиахима). Столичные же литераторы Зарудин и Катаев, вместе с Павлом Кучияком, зачинателем алтайской советской литературы, летом 1935 г. проехали весь Горный Алтай, увидели его новь, но описали ее в прямолинейной соцреалистической парадигме, как, например, Марк Эгарт в «Переправе», а в сложной и яркой системе мифологических, природных и социальных знаков, создав гимн красоте этой земли и таланту Ит-Кулака — Кучияка, ее нового певца — см. републикации названных текстов: (Ойротия в зеркале литературы, 2022).

Венчает развитие образа Катунь в литературе XX в., на наш взгляд, очерк В.Г. Распутина «Горный Алтай», в котором реке посвящена отдельная часть под названием «Хозяйка». По степени осмысления физических характеристик реки он соотносится с путеводителями начала XX в., по шокирующему автору потрясению величию пейзажей — с очерком Мейера, по внутреннему сибирскому пониманию природы — с литературным произведениям о Катунь Гуркина и Вяткина [жаль, что это произведение не вошло в число источников при описании топоса «Катунь» в словаре «Литературно-туристический Алтай» (Литературно-туристический Алтай..., 2018, с. 30–37), где черновой набросок стихотворения в прозе Г. Гуркина «Мой Алтай голубой» из записной книжки 1918 г. ошибочно назван очерком и датирован 1917 г.]. Очерк В. Распутина в целом — о защите реки Катунь от строительства каскада гидроэлектростанций [подробности проекта см. в очерке горно-алтайского прозаика В.Г. Бахмутова (2007)]. Часть «Хозяйка» может быть названа смыслообразующей основой всего произведения: «...Словно отсюда и отсюда по капле тебя выносила Катунь и где-то затем что-то сбирало в душу, хоть и рожден ты в другой стороне... Но Родина — это не одно лишь место рождения, но и место родительства и предтечества. И сразу, как оказался я впервые на Катунь пятнадцать лет назад, потянулась моя память так, буд-

то и я в далекой древности кочевал тут, да ушел по соседству и забыл. Так и должен, вероятно, чувствовать себя россиянин всюду по древней России. А уж нам в Сибири, где вся земля от края в край была под одной братьенью — кочевнической волей, и вовсе грех не узнавать пути переходов» (Распутин, 1991, с. 164). Впервые прозвучал на всю страну писательский призыв не к переходу сибирской реки, а к спасению — и он был услышан!

Список источников

- Алтайский альманах. СПб., 1914. 202 с.
- Бахмутов В.Г. Катунская ГЭС: двадцать пять лет спустя // Сибирские огни. 2007. №7. С. 134–140.
- Белинский В.Г. Русская литература в 1843 году // Белинский В.Г. Сочинения: в 4 т. Т. 3. СПб., 1905. Стлб. 177–228.
- Вяткин Г.А. Алтайские пейзажи // Сибирская жизнь. 1909а. №129.
- Вяткин Г.А. В горах Алтая // Сибирская жизнь. 1909б. №172.
- Вяткин Г.А. Алтай. Лирика. Омск, 1917. 23 с.
- Гуркин Г.И. Алтайцы и Катунь // Жизнь Алтая. 1911. №36.
- Гуркин Г.И. Праздник реки Катунь // Жизнь Алтая. 1912. №7.
- Каталог выставки картин Г. Гуркина. 1907–8. Томск, 1907. 9 с.
- Литературно-туристический Алтай: топосы — мифы — имена: словарь. Барнаул, 2018. 179 с.
- Мейер Е.Е. Поездка по Алтаю // Отечественные записки. 1843. №11. С. 18–23.
- Ойротия в зеркале литературы: антология / 2-е изд. Горно-Алтайск, 2022.
- Описание Томской губернии. Петроград, 1916. 68 с.
- Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... М., 1991. 304 с.
- Сапожников В.В. По Алтаю: дневник путешествия 1895 г. Томск, 1897. 127 с.
- Сапожников В.В. Катунь и ее истоки: путешествия 1897–1899 годов. Томск, 1901. 271 с.
- Указатель выставки картин Г.И. Гуркина. Томск, 1915. 15 с.
- Шастина Т.П. «Гений местности» — Г.Н. Потанин об усадьбе художника Г.И. Гуркина на Алтае // Вестник ТомГУ. Филология. 2020. №66. С. 276–297.
- Яблонский Н.В. Путеводитель по Алтаю. Томск, 1902. 148 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Татьяна Петровна Шастина, Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова, научно-методический отдел, научный сотрудник; 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, пр-т. Коммунистический, 32; Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, научный сотрудник; Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46; кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-2687-8036>, tshliteratura@mail.ru

Tatiana P. Shastina, National Library of the Altai Republic named after M.V. Chevalkov, Research and Methodological Department, Researcher; 649000, Russia, Gorno-Altai, Kommunistichesky Prospekt, 32; National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin, Researcher, Gorno-Altai, Choros-Gurkin str, 46; Candidate of Sciences in Philology, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-2687-8036>, tshliteratura@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

РАЗДЕЛ 2

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Научная статья / Article

УДК: 903.53

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.19

EDN: LIEFNI

КУРГАНЫЙ МОГИЛЬНИК «КАМЕНЬТОРГ» (по материалам работ 2024 г.)

Роман Владимирович Белоусов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В публикации представлены результаты исследований, проведенных в 2024 г. Каменским отрядом археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета. Экспедиция была направлена на изучение курганного могильника «Каменьторг», выявленного в 1960-е гг., материалы которого не были введены в научный оборот. В ходе работ установлено предполагаемое место расположения курганного могильника и обнаружены археологические материалы, связанные с этим памятником. В статье анализируется размещение курганных некрополей скифо-сакской эпохи в районе города Камень-на-Оби. Делается вывод, что одни курганные группы располагались на склонах Каменского Увала, в то время как другие, такие как «Каменьторг», находились на невысокой обской террасе и ее протоках. Обнаруженные материалы дополняют научные знания об археологических объектах, расположенных на левобережье Каменского Приобья.

Ключевые слова: археологический микрорайон, археологические памятники, курганный могильник, Каменское Приобье, ранний железный век, эпоха средневековья, эпоха поздней бронзы

Для цитирования: Белоусов Р.В. Курганный могильник «Каменьторг» (по материалам работ 2024 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 119–128. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.19

THE "KAMENTORG" KURGAN BURIAL GROUND (Based on the Materials of the Works of 2024)

Roman V. Belousov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This publication presents the results of research conducted in 2024 by the Kamensky detachment of the archaeological expedition of Altai State Pedagogical University. The expedition aimed to study the Kamentorg burial mound, discovered in the 1960-s and the materials of which have not been put into scientific circulation. During the work, the alleged

location of the burial mound was established and archaeological materials related to this site were discovered. The article analyzes the location of burial mounds of the Scythian-Saka era in the area of the city of Kamen-na-Ob. It is concluded that some burial mounds were located on the slopes of the Kamensky Ridge, while others, such as Kamentorg, were located on the low Ob terrace and its channels. The discovered materials complement scientific knowledge about archaeological sites located on the left bank of the Kamensky Ob region.

Keywords: archaeological microdistrict, archaeological sites, burial mound, Kamenskoye Ob, early Iron Age, the Middle Ages, the Late Bronze Age

For citation: Belousov R.V. The "Kamentorg" Kurgan Burial Ground (Based on the Materials of the Works of 2024). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:119–128. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.19

Одной из ключевых задач археологического микрорайонирования является выявление закономерностей в расположении древних объектов. Исследователи, изучающие различные аспекты этой темы, неоднократно подчеркивали, что географическое окружение оказывало значительное влияние на возникновение археологических памятников, их тип и культурную принадлежность (Большаник, Жук, Матющенко, 2001, с. 45–48).

Отсюда имеет принципиальное значение разделение географо-исторических макрорегионов, таких как Верхняя Обь, на регионы и участки со своей физико-географической характеристикой, что позволяет полнее понимать специфику культурно-исторических процессов в древности, средневековье и в Новое время.

Одной из наиболее значимых для проживающего в данной местности населения морфологических единиц речной долины, несомненно, является пойма — участок речной долины, затопляемой в половодье или во время паводков. По расположению поймы относительно направления течения реки, характеру и виду террас, долину р. Обь в пределах Алтайского края можно разделить на три региона:

- 1) Бийское Приобье;
- 2) Барнаульское Приобье;
- 3) Каменское Приобье.

Каменское Приобье — это обширный регион, который простирается от сел Кучук и Киприно (Алтайский край) до Спирина бора (с. Антоново, Новосибирская область), охватывая примерно 100–120 км. В административном плане это Каменский, Крутихинский, Шелаболихинский районы Алтайского края и Сузунский район Новосибирской области. По физико-географическому принципу его можно разделить на два участка: южный — от с. Киприно до г. Камень-на-Оби и северный — от г. Камень-на-Оби до с. Антоново.

Главная особенность этого региона — наличие широкой поймы на левом, западном берегу реки Обь. Местами она достигает ширины 30–40 км, что делает ее самой обширной среди всех перечисленных регионов Верхней Оби. Коренная терраса находится далеко от современного русла реки, она не

обрывистая, как, например, в Барнаульском Приобье, а пологая и к западу переходит в Кулундинскую низменность (Алтайский край..., 1978, с. 50, 57).

Еще одной характерной чертой этого участка Верхней Оби является наличие отчетливой и обширной второй надпойменной террасы (Алтайский край..., 1978, с. 57). Она практически не затопляется, но при этом сильно заболочена и имеет множество водных потоков — ручьев, проток и т.п.

У города Камень-на-Оби широкая левобережная пойма сужается и переходит в Каменский Увал, возвышающийся над долиной реки Оби на десятки метров (Алтайский край..., 1978, с. 50, 57). При этом обская пойма с остатками террас остается значительной, с многочисленными и разветвленными водотоками. Из-за затопления этого участка Каменского Приобья водами Новосибирского водохранилища древние террасы образуют крупные острова и полуострова, расположенные к северу от г. Камня-на-Оби (Белоусов, 2006, 2022).

В Каменском Приобье проводились археологические исследования пойменных участков в районе сел Киприно, Гонохово, Обское, Плотниково (Комарова, 1956; Рудометов, 1991; Памятники истории и культуры..., 1990, с. 31–36; Шамшин, 1998; Кирюшин, Шамшин, 1998; Горбунов, Рудометов, 2003; Белоусов, Запрудский, Кулагина, 2005; Бородовский, 2022; Казаков, Тишкин, Рудометов, Степанова, 2022; Рудометов, Кирюшин, Тишкин, 2023; Белоусов, 2024).

В административных границах Каменского района Алтайского края в пойменной части левобережья р. Оби в едином государственном реестре объектов культурного наследия Российской Федерации стоит на учете семь объектов археологического наследия: «Обское-1, поселение»; «Обское-2, курганная группа»; «Плотниково-2, курганная группа»; «Мыски-1, курганная группа»; «Мыски-2, курганная группа» (Каменский район, в 2 км на юго-восток от пос. Мыски); «Мыски-3, курганная группа» (Каменский район, в 2 км на восток-юго-восток от пос. Мыски); «Гонохово-1, курганная группа». Все они находятся на бровке незатопляемой надпойменной террасы р. Оби (второй надпойменной террасы). В вышедшем в 1990 г. сборнике «Памятники истории и культуры Северо-западного Алтая», являющемся до настоящего времени наиболее полным сводом археологических объектов в северных районах Алтайского края, содержатся сведения о семи курганных могильниках, одном поселении и двух местонахождениях археологических предметов (Памятники истории и культуры..., 1990, с. 31–33, 53–55). При этом данные указанного сборника требуют уточнения, проверки и фиксации современными методами. При проведении данных работ выявление новых объектов археологии в пойменной части Каменского Приобья представляется несомненным (Белоусов, 2024, с. 14–21).

Картографический анализ размещения курганных могильников в окрестностях г. Камень-на-Оби демонстрирует их своеобразную локализацию. Часть из них находится на склонах Каменского Увала — коренного берега реки Обь, который возвышается над окружающей местностью на 10–

20 м. К таким некрополям относятся курганные группы: Татарские Могилки (курганы по дороге в с. Корнилово); Камень-Южный (группа курганов, по дороге из г. Камень в с. Верхне-Телеутское); Камень-I, Камень-II, Плоская-I, Плоская-II (Археологические работы..., 1941; Уманский, 1980; Могильников, Куйбышев, 1982; Уманский, 1982; Памятники истории и культуры..., 1990, с. 31–36; Белоусов, Кадничанский, 2007).

Другая часть могильников расположена в пойменной части района, на месте бывшей речной террасы реки Оби (вторая надпойменная терраса), которая возвышается над местностью на 3–4 м. К ним относятся курганные группы: Обское-II; Мыски-I; Мыски-II (Каменский район, в 2 км на юго-восток от пос. Мыски); Мыски-III (Каменский район, в 2 км на восток-юго-восток от пос. Мыски); Гонохово-I; Красный Камень-1, Красный Камень-2, Красный Камень-3 (Памятники истории и культуры..., 1990, с. 31–36; Белоусов, Кадничанский, 2007; Белоусов, 2024).

Следует отметить, что местоположение могильников на склонах Каменского Увала (коренного берега Оби) хорошо видно с курганных групп, расположенных в пойме, и наоборот.

Некрополи на склонах увала неоднократно исследовались: Татарские Могилки (курганы по дороге в с. Корнилово), Камень-Южный (группа курганов, по дороге из г. Камень в с. Верхне-Телеутское), Камень-I, Камень-II (Археологические работы..., 1941; Могильников, Куйбышев, 1982; Памятники истории и культуры..., 1990, с. 31–36). При изучении выявлен археологический материал раннего железного века и эпохи средневековья. Могильники в «пойме» не изучались с помощью раскопок, что делает фактические данные для этой группы некрополей весьма интересными для понимания этнокультурной ситуации в регионе.

Одним из таких могильников, расположенных в черте г. Камень-на-Оби, является курганный могильник «Каменьторг». Сведений о нем практически не имеется в специальной литературе, лишь краткое упоминание о нахождении в городе и получении археологического материала при строительстве складских помещений (базы) торгового объединения «Каменьторг» в 1961 г. (по другим данным — в 1960 г.). Основные данные по этому некрополю содержатся в коллективной статье 1973 г., посвященной итогам изучения памятников археологии по берегам Новосибирского водохранилища: «Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища» (Грязнов и др., 1973, с. 22). Идентичные сведения приводятся в своде «Памятников Северо-Западного Алтая» 1990 г. (Памятники истории и культуры..., 1990, с. 5). В публикации 1973 г. некрополь фигурирует под названием «Камень-на-Оби-1 — курганный могильник», в «Памятниках...» — как «Каменьторг. Курганный курганный могильник», в «Памятниках...» — как «Каменьторг. Курганный курганный могильник», состоящую из сооружений диаметром 10–12 м и высотой до 0,5 м, расположенную в районе «хозяйственного двора Каменьторга»

(Грязнов и др., 1973, с. 23; Памятники истории и культуры..., 1990, с. 5). При строительстве базы были разрушены подкурганные захоронения, а обнаруженные артефакты, датированные III–II вв. до н.э., были переданы в Каменский краеведческий музей. Однако ни точное местоположение могильника, ни характеристики найденных предметов до сих пор не были выявлены.

Осенью 2024 г. Каменским отрядом археологической экспедиции АлтГПУ были предприняты архивные и музейные изыскания для уточнения сведений о могильнике «Каменьторг».

В архиве Комитета по делам архивов администрации Каменского района обработан фонд, относящийся к деятельности «Каменьторга», и выяснено, что согласно пункту №330 протокола Каменского городского Совета депутатов трудящихся Алтайского края от 23 сентября 1959 г. №22 «Об организации Каменского городского общества потребителей» на территории г. Камень-на-Оби с 15 сентября 1959 г. был ликвидирован Каменский городской торг / Каменьторг и на его материально-технической базе создано Каменское потребительское общество / Каменское горпо, которое существует и в настоящее время (Комитет по делам архивов администрации Каменского района. Ф.Р-58Г. Оп. 10. Д. 284. Л. 182–184).

25 октября 2024 г. мы имели возможность пообщаться с Валерием Евгеньевичем Рудковским, который возглавлял Каменское горпо (правопреемник «Каменьторга») с 1980-х гг. В личной беседе он рассказал, что база, «хозяйственный двор» Каменского горпо, всегда находилась на пересечении улиц Ленина и Северной. По его сведениям, в 30-е гг. XX в. на этом участке располагались птичник и бойня птицы, и некоторые из этих строений сохранились. При этом респондент не упомянул о получении какого-либо археологического материала с данной местности, сославшись на отсутствие информации по этому поводу.

Полученные данные были проверены на местности.

База Каменского горпо, она же «хозяйственный двор Каменьторга», находится на северо-восточной окраине города Камень-на-Оби, на пересечении улиц Ленина и Северная, по адресу: ул. Ленина, 213 (рис. 1, 3). Ее площадь составляет не менее 11 855 м². Поверхность участка занята складскими помещениями из дерева и железобетона, а также покрыта асфальтом (рис. 1; 3.-2). На части территории сохранился дерновый слой, на котором заметны впадины и небольшие возвышенности неизвестного происхождения. В топографическом плане местность представляет собой мысовидное окончание второй надпойменной террасы (рис. 1, 3). Длина мыса достигает 200 м, ширина — 150 м, а высота — до 3 м. С севера и северо-востока терраса относительно круто спускается к реке Каменушке — притоку Оби и к ее заболоченной пойме на севере (рис. 1; 3.-1, 3). С запада она плавно переходит в ложбину, за которой начинается постепенный подъем на следующую террасу, являющуюся частью Каменского Увала.

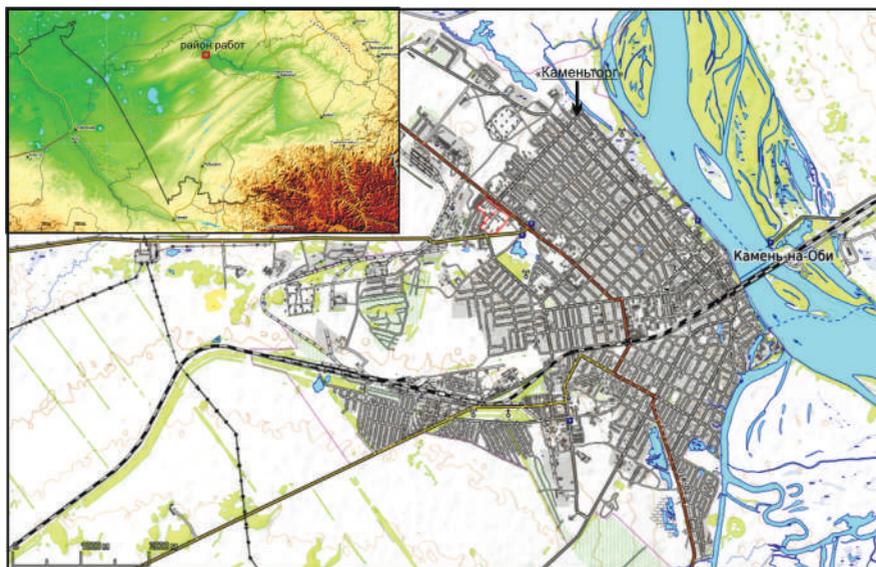

Рис. 1. Фрагмент карты Алтайского края с обозначением района работ и предполагаемого местонахождения курганной группы «Каменьторг» на карте г. Камень-на-Оби
 Fig. 1. Fragment of the map of the Altai Territory with the designation of the area of work, and the intended location of the “Kamentorg” kurgan group on the map of the city of Kamen-na-Ob

Рис. 2. Керамический сосуд. Курганная группа «Каменьторг». Каменский районный краеведческий музей (КП VII 8742/7 А). Фото Р.В. Белоусова, 14.12.2024
 Fig. 2. Ceramic vessel. The “Kamentorg” Kurgan group. The Kamen District Local History Museum (KP VII 8742/7 A). Photo by R. V. Belousov, 14.12.2024

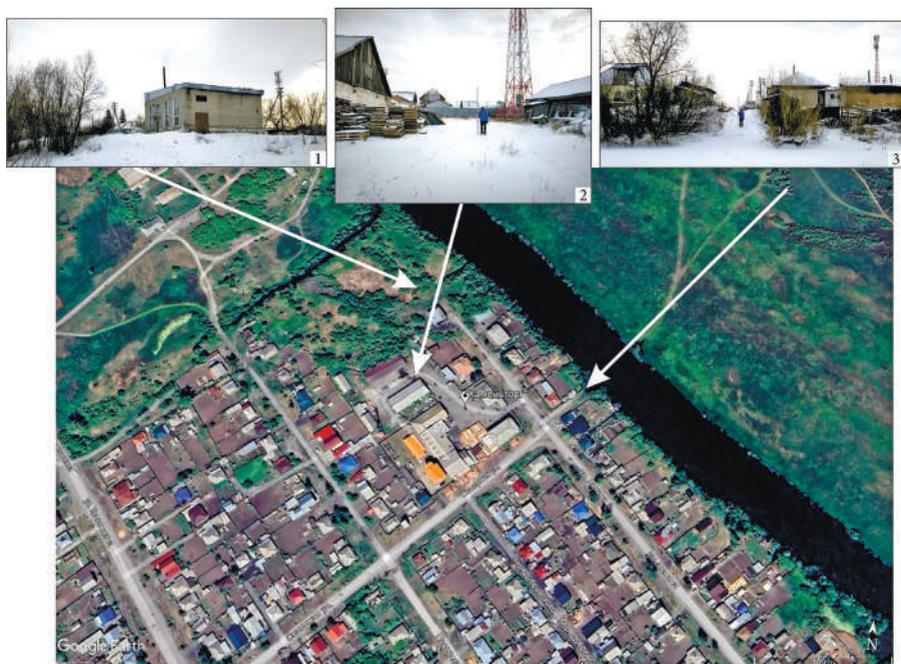

Рис. 3. Фрагмент космоснимка Google местонахождения курганного могильника «Каменьторг»: 1 — вид мыса с северной стороны; 2 — вид базы Каменского горпо (бывший Каменьторг, ул. Ленина, 213), съемка с востока; 3 — вид мыса со стороны обской поймы, на переднем плане протока Каменушка, съемка с востока.

Фото: Р.В.Белоусов, 23.11.2024

Fig. 3. Fragment of a Google satellite image of the location of the Kamenskaya burial mound: 1 — view of the cape from the north side; 2 — view of the base of Kamensky goro (former Kamentorg, ul. Lenin, 213), shooting from the east; 3 — view of the cape from the Ob floodplain, in the foreground of the Kamenushka Channel, shooting from the east.

Photo: R. V. Belousov, 23.11.2024

В настоящее время курганные насыпи визуально не видны, но, учитывая планиграфию исследованных курганов раннего железного века в Каменском Приобье, можно с уверенностью предположить, что могильник занимал значительную часть мыса. Кроме склада (базы) на данном мысовидном выступе располагаются усадьбы, дома и технические строения Каменского водоканала (ул. Ленина).

Для уточнения информации о полученных с «Каменьторга» материалах мы обратились в Каменский краеведческий музей. В его фондах удалось выявить сосуд, происходящий из разрушенных во дворе Каменьторга курганов (рис. 2). О предмете под номером КП VII 8742/7 А в инвентарной книге содержится запись №65 от 20.03.1991 «Акт 5. Двор Каменьторга, погребение,

находка 1960 г.». Сосуд представляет собой плоскодонный кувшин 11,8 см высотой, с короткой шейкой, раздутым туловом, отогнутым наружу венчиком серовато-желтого цвета (рис. 2). Дно немного вдавлено внутрь, его диаметр 6,5 см, диаметр тулова 9,5 см, диаметр венчика 6,5 см, толщина стенок 5–4 мм. По внешней поверхности тулова встречаются небольшие, локальные следы копоти, на дне и внутри сосуда таких следов не выявлено.

Форма и характеристика сосуда является типичной для погребальной керамики курганов раннего железного века Верхней Оби. Схожие типы сосудов выявлены в могильниках: Новотроицк-II, курган №6, могила-3; Новотроицк-II, курган №7, могила-2; Новотроицк-II, курган №17, могила-6 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 60.-14; рис. 62.-2; рис. 82); Камень-II, курган №20, насыпь (Могильников, 1997, рис. 28.-11); Камень-II, курган №6, могила-3 (Керамика эпохи раннего железа..., 2024, с. 38, ил. 16); Ордынское-I, курган №5, заполнение могилы (Завитухина, 1968, с. 30–31, рис. 4.-5; Троицкая, Бородавский, 1994, табл. XIV.-16). В культурном плане он соотносится с каменной культурой и датируется периодом VI–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 31, 108). Близкой формы посуда встречена в сакских материалах долины р. Или, например, в кургане №97 могильника Кызыл-Эспе (Акишев, Кушаев, 1963, табл. VI.-7). По данным Л.М. Мыльниковой, проанализировавшей керамическую серию с Новотроицкого некрополя, в нем «востребованной считалась высота сосуда от 8 до 12 см» (Керамика эпохи раннего железа..., 2024, с. 9). Метрические характеристики рассматриваемой керамики с «Каменьторга» — 11,8 см, схожи и, видимо, являются стандартными для сосудов такой формы из курганов 2-й половины I тыс. до н.э. в Верхнем Приобье.

Идентификация курганов «Каменьторга» на припойменной террасе левобережья Оби как относящихся к раннему железному веку (каменной культуре), представляет исследовательский интерес в контексте взаимосвязи с синхронными по времени курганными группами, расположенными выше на склонах Каменского Увала. Мы предполагаем, что расположение курганных групп, таких как Каменьторг, на низкой приобской террасе, в непосредственной близости от воды, и могильников, таких как Камень-II, Татарские Могилки, Камень-Южный, на склонах Каменского Увала (коренная терраса р. Обь), определяется не только хронологическими и культурными особенностями этих объектов, но и несет в себе определенный социальный контекст.

Список источников

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. 320 с.

Алтайский край: Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.

Археологические работы в г. Камень в 1935 году // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 297–298.

Белоусов Р.В. Поселение раннего железного века — Новоувальский 1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 6–10.

Белоусов Р.В. Некоторые результаты мероприятий по государственному надзору на объектах археологического наследия Алтайского края в 2021 году (Россия) //

Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 13–20.

Белоусов Р.В. Археологические объекты урочища Красный Камень в Каменском районе Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2024 г. Вып. 19. Барнаул, 2024. С. 14–21.

Белоусов Р.В., Запрудский С.С., Кулагина Ю.Н. Новые поступления археологического материала в Каменский краеведческий музей // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2004 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 11–15.

Белоусов Р.В., Кадничанский И.Е. Археологическая разведка в окрестностях г. Камень-на-Оби осенью 2006 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 3. Барнаул, 2007. С. 53–56.

Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001. 256 с.

Бородовский А.П. Неизвестные объекты археологического наследия в обской пойме на территории Шелаболихинского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае, 2022 г. (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул, 2022. Вып. 17. С. 64–70.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 52–57.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. Вып. 85. Новосибирск, 1973. С. 3–45.

Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968. С. 28–34.

Казаков А.А., Тишкин А.А., Рудометов П.Л., Степанова Н.Ф. Кипринский Борок (лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 48–65.

Керамика эпохи раннего железа из собраний Историко-краеведческого музея АлтГПУ // Труды Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета. Вып. 2. Барнаул, 2024. С. 5–10.

Киришин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Поселение эпохи поздней бронзы в окрестностях села Быково // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 34–47.

Комарова М.Н. Неолит верхнего Приобья // Краткие сообщения института материальной культуры. Л., 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–134.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 195 с.

Памятники истории и культуры Северо-западного Алтая (методические материалы к обсуждению макета свода памятников). Барнаул, 1990. 131 с.

Рудометов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 44–47.

Рудометов П.Л., Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А. Поселение елуинской археологической культуры в пойме Оби у с. Киприно (Алтайский край) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXXI. Барнаул, 2023. С. 205–211.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большещеченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 194 с.

Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаул 250 лет. Барнаул, 1980. С. 50–53.

Уманский А.П. Археологические исследования в зоне строительства Кулундинского канала // Комплексное мелиоративное освоение земель в зоне Кулундинского канала. Ч. II. Барнаул, 1982. С. 114–118.

Шамшин А.Б. Очерки древнего прошлого Шелаболихинского района // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 15–43.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Роман Владимирович Белоусов, Алтайский государственный педагогический университет, учебная научно-исследовательская лаборатория «Историческое краеведение», ведущий специалист по научно-методической работе; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, <https://orcid.org/0000-0002-5779-0176>, rombelousov@yandex.ru

Roman V. Belousov, Altai State Pedagogical University, Educational Research Laboratory “Historical Local Lore”, Leading Specialist in Scientific and Methodological Work, 656031, Barnaul, Russia, Molodezhnaya st. 55; <https://orcid.org/0000-0002-5779-0176>, rombelousov@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК 903.226

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.20

EDN: FOPQAM

НОВАЯ НАХОДКА СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО КИНЖАЛА С ЗООМОРФНЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ПРИТОБОЛЬЯ

Андрей Павлович Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья посвящена публикации и интерпретации новой случайной находки сейминско-турбинского кинжала с зооморфным навершием из окрестностей г. Тюмень (Ярковский район). Основной целью исследований являлись не только детальное описание предмета и анализ изображений на нем, но и поиск аналогий и атрибуция этого изделия. Особый интерес представляет навершие кинжала, на котором изображена бинарная композиция из двух крупных парнокопытных одомашненных животных. Особо следует отметить тот факт, что концентрация находок статусных сейминско-турбинских бронз (Пышминская коллекция) в районе окрестностей г. Тюмень явно позволяет выделить еще один район на юге Западной Сибири, где такие находки представлены в достаточно «массовом» порядке.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха развитой бронзы, сейминско-турбинский период, кинжалы, культовые и статусные атрибуты, транскультурный феномен, направления распространения металлических изделий

Для цитирования: Бородовский А.П. Новая находка сейминско-турбинского кинжала с зооморфным декором из Притоболья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 128–142. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.20

A NEW FIND OF THE SEIMINSKO-TURBINSKY DAGGER WITH ZOOMORPHIC DECOR FROM PRITOBOLYE

Andrey P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the publication and interpretation of a new accidental discovery of a Seiminsko-Turbinsky dagger with a zoomorphic pommel from the vicinity of Tyumen (Yarkovsky district). The main purpose of the research was not only a detailed description of the object and the analysis of images on it, but also the search for analogies and attribution of this product. Of particular interest is the pommel of the dagger, which shows a binary composition of two large artiodactyls. Equally significant is the reflection of the domestication of these creatures, as well as the reproduction of a certain type of bull halter of the Developed Bronze Age. Of particular note is the fact that the concentration of finds of status Seiminsko-Turbinsky bronzes (Pyshminskaya collection) in the vicinity of Tyumen is it clearly allows us to identify another area in the south of Western Siberia, where such finds are presented in a fairly "massive" order.

Keywords: Western Siberia, the epoch of developed Bronze, the Seimin-Turbinsky period, daggers, cult and status attributes, transcultural phenomenon, directions of distribution of metal products

For citation: Borodovskiy A.P. A New Find of the Seiminsko-Turbinsky Dagger with Zoomorphic Decor from Pritobolye. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025; XXXI:128–142. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.20

Случайные находки являются особой разновидностью археологических источников (Принципы, термины и понятия..., 2018, с. 87). В настоящее время эта категория археологических находок ежегодно увеличивается в значительных масштабах вследствие незаконной деятельности «черных копателей». В современной отечественной археологии к вопросу о возможности публикаций таких находок есть два противоположных подхода. Согласно одному из них артефакты с таким происхождением категорически нельзя публиковать в научных, академических изданиях. Другой подход предполагает более гибкое отношение в рамках исключений для уникальных предметов. Не обсуждая этическую сторону этой проблемы, заострим свое внимание на чисто познавательных аспектах, как основной мотивации и результатах научной деятельности. В конечном итоге каждый исследователь сам выбирает из двух вариантов. Один из них — делать вид, что таких находок не существует, и это при полном неприятии таких артефактов приведет к утрате существенного объема информации о прошлом. Другим вариантом являются попытки

введения в научный оборот этих предметов в целях фиксации и сохранения хотя бы части данных об их происхождении, атрибуции и культурном значении (Федорова, 2019, с. 5).

В рамках указанного контекста следует особо подчеркнуть, что проблема усугубляется одной из основных характеристик археологических источников — фрагментарностью (Клейн, 1978, с. 61; Подольский, 2014, с. 114). Такое качество априори делает любую выборку археологического материала изначально неполной и не завершенной. Эта особенность в различной степени проявляется в типических и уникальных археологических материалах. Во-первых, нацеленность археологического научного аппарата (терминологии, классификации) на выявление в массиве артефактов типического, как правило, часто игнорирует индивидуальное как информационный шум. Во-вторых, если речь заходит об уникальности артефактов, то это требует особой процедуры обоснования. В-третьих, наличие у артефакта признаков уникальности, по сути, открывает новые, неизвестные информационные возможности о прошлом (Подольский, 2014, с. 114). В свою очередь, индивидуальность образов связана не только с уникальностью объектов, но и неповторимостью многих элементов отражения (Клейн, 1978, с. 28).

При препарировании таким способом археологических источников появляется возможность получения ранее недоступных данных. Яркий пример такого феномена — высокохудожественные сейминско-турбинские бронзы. Количество этих артефактов не так велико и до последнего времени было ограничено достаточно небольшой серией предметов. Однако в начале второго десятилетия XXI в. этот круг находок начинает стремительно пополняться как раз в виде «случайных находок». Речь идет о нескольких коллекциях из Среднего Прииртышья (Молодин, Нескоров, 2010; Бородовский, 2024) и Притоболья (Бородовский, Оборин, 2020). Недавно стала известна находка сейминско-турбинского кинжала с зооморфным ажурным навершием из окрестностей г. Тюмень (Ярковский район) (рис. 1).

В составе предметов сейминско-турбинского металлического комплекса кинжалы занимают особое место (Черных, Кузьминых, 1989, с. 37). Во-первых, их количество не так велико. Во-вторых, их модификации достаточно разнообразны. В-третьих, эти предметы часто являются наиболее уникальными артефактами.

Общая длина кинжала из окрестностей Тюмени (Ярковский район) составляет 42,5 см (рис. 2). Этот размер соответствует длине от кончика среднего пальца до внутреннего сгиба локтя взрослого мужчины (рис. 3), что, возможно, связано с одним из архаических размерных стандартов («локтем»)¹.

Лезвие тюменского клинка обоюдоострое, уплощенное, с широким долом. Гарда у кинжала отсутствует. С одной из сторон внешний уступ лезвия утратил свою первоначальную форму вследствие механических поврежде-

¹ Величина локтя в Древнем Мире колебалась от 53,3 до 38,5 см. Размер кинжала из окрестностей Тюмени наиболее близок к параметрам одного из вариантов «локтя» древних евреев эпохи Второго Храма в 40 см и древних римлян в 44,4 см.

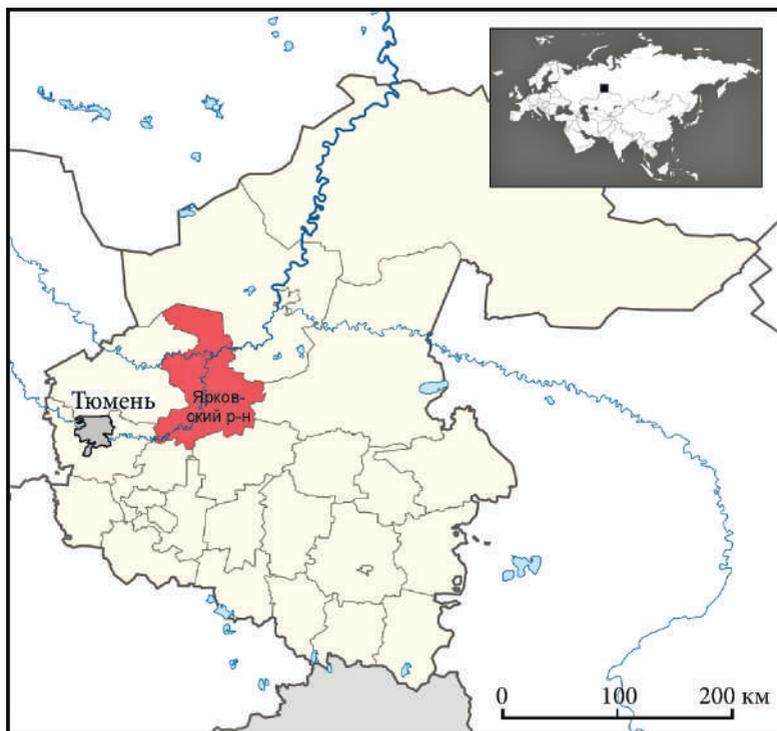

Рис. 1. Расположение находки
 Fig. 1. Location of the find

ний. Повреждения части режущих поверхностей сейминско-турбинских кинжалов с зооморфными навершиями известны в Ростовкинском могильнике (Матющенко, 1970).

Функциональное сравнение формы кинжалов сейминско-турбинского времени с прямым клинком с современными кинжалами «кава» (Молодин, Нескоров, 2010, с. 68) не совсем корректно, поскольку у последних на рукояти гарда все-таки присутствует. Тогда как у кинжалов эпохи развитой бронзы из Омска и Тюмени на рукояти перед лезвием представлены не только рельефные уступы, но определенный зазор между ними и рукоятью. Наличие такого конструктивного элемента допускает существование у кинжалов такого типа гард-перекрестий из органических материалов, утраченных впоследствии. Дол лезвия кинжала декорирован сплошной полосой орнамента, которая вписана в общий контур клинка. В центральной части этого декора воспроизведена полоса из трех волнистых рельефных линий (рис. 4.-2). С внешней стороны ее обрамляют еще две прямых вступающих линии с многочисленными выступами по внешнему краю.

Рис. 2. Кинжал из окрестностей Тюмени (Ярковский район)

Fig. 2. A dagger from the vicinity of Tyumen (Yarkovsky district)

Обоюдоострое лезвие кинжала из окрестной Тюмени с навершием с парными быками характерно для кинжалов КЖ-2 (Черных, Кузьминых, 1989, с. 108, 109, рис. 62). Они имеют пластинчатое лезвие и прилитое зооморфное навершие. На рукоятях этой разновидности сейминского оружия встречаются изображения змей (Черных, Кузьминых, 1989, с. 12). Декор лезвия двулезвийных кинжалов представлен на отдельных образцах типа КЖ-8 — кинжалов из Пермской губернии и Ирбита (Черных, Кузьминых, 1989, с. 112, рис. 64.-5; с. 116, рис. 65.-5). Среди кинжалов этого типа преобладают европейские и уральские аналогии. Хронологическое членение этих предметов затруднено. Можно только предполагать, что уральские экземпляры являются наиболее поздними (Черных, Кузьминых, 1989, с. 117). Лезвие и рукоять кинжала являются двумя разными отливками, что может быть свидетельством раннего изготовления предмета в сравнении с цельнометаллическими (Грушин, 2006, с. 65).

Навершие кинжала (рис. 4.-1) из Тюмени имеет прорезную грибовидную форму с небольшим приострением в центре. Его внешняя часть сформирована объемной дугообразной скобой, расположенной над фигурами двух стоящих напротив друг друга изображений быков. С одной стороны скоба деформирована и просела на фигуру одного из животных. Верхняя часть этой внешней скобы навершия кинжала имеет прорезной ромбовидный орнамент. Под скобой рельефно-объемные фигуры быков стоят друг напротив друга в изобразительном контексте так называемой «геральдической», бинарной композиции. У животных изображены массивные дуговидные рога, выгнутые наружу, которые смыкаются у двух быков в центре навершия. Объемными выступами у основания рогов смоделированы уши. Морда у быков вытянутая, с нечетким изображением миндалевидных глаз и незначительным углублением, воспроизводящим губы животных. От подбородков быков отходят и смыкаются в центре изображения двух витых «шнуров». Этот элемент изображения на-

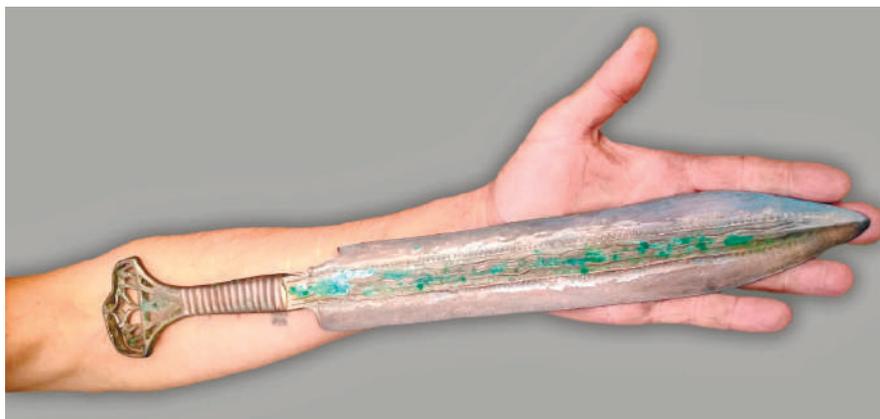

Рис. 3. Традиционные размеры кинжала из Тюмени
Fig. 3. Dimensions of the dagger from Tyumen

Рис. 4. Оформление навершия и клинка кинжала из Тюмени
Fig. 4. Decoration of the pommel and blade of a dagger from Tyumen

рядом со смыкающимися сверху рогами быков создает центральную ось всей анималистической композиции. Тело животных воспроизведено достаточно поджарым, с выделением в рельефе холки и крупа их туловища. Хвосты изображены длинными, отклоненными от туловища животных и достигающими до плоского основания композиции. Все ноги быков представлены вытяну-

тыми и слегка отклоненными назад. Вследствие этого создается впечатление определенной отстраненности животных как друг от друга, так и от центра всей композиции. Это подчеркивается и отклоненными наружу хвостами быков. Основание, на котором изображены животные, представлено плоской площадкой, под которой воспроизведен прорезной объемный орнамент из восьми треугольников. Они изображены вершинами друг к другу в два пояса. При этом вся геометрическая композиция постепенно сужается от верха кинжала к началу его рукояти. Одна из сторон части треугольников (5 шт.) имеет зубчато-рельефный декор. Количество этих «зубцов» составляют от семи до шести выступов. В центре один треугольник, перевернутый вниз, имеет зубцы по всему контуру. Возможно, этот декор был у всех прорезных треугольников, но недостаточно хорошо был пролит при изготовлении на всей площади этой части навершия рукояти. Сама рукоять кинжала декорирована 14 горизонтальными желобками. Рельеф на рукояти кинжала, возможно, является имитацией ее кожаной обмотки¹ (Соловьев, 2003, с. 35, рис. 21; Грушин, 2006, с. 66, рис. 6.-2, 3).

Зооморфный объемный декор кинжала из-под Тюмени имеет определенные аналогии рукояти ножа с р. Джумба с Калбинского хребта на рудном Алтае (Черных, Кузьминых, 1989, с. 119, рис. 67.-3) (рис. 5).

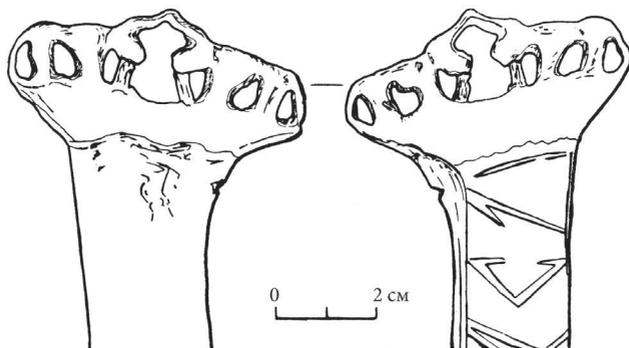

Рис. 5. Прорисовка навершия кинжала из Джумбы (Рудный Алтай)
 Fig. 5. Drawing of the pommel of a dagger made of Jumba (Rudny Altai)

По способам исполнения все литые сейминско-турбинские элементы на бронзовых изделиях разделяются на две основные группы. Для одной из них характерны принципы повтора / удвоения элементов и композиций, без подчеркивания визуальной иерархии пластических образов. Тогда как другим изделиям присущ иной принцип повторения / удвоения элементов — в виде симметричных композиций. Симметрия парных композиций и морфологи-

¹ По мнению некоторых исследователей (И.В. Ковтуна, Ю.И. Михайлова), обмотка рукояти могла иметь самостоятельное символическое значение (Грушин, 2006, с. 66; Ковтун, 2011, с. 126).

ческое тождество их элементов были ориентированы на ассоциативные связи с различной информацией, независимо от ее культурного происхождения (Михайлов, 2025).

Для второго способа, симметричного исполнения литых декоративных элементов, по мнению Ю.И. Михайлова, объемные изображения были лишены технологической атрибутики. Речь идет о перемычках, соединяющих головы животных с опорной площадкой для создания замкнутых ажурных композиций. Например, как это представлено на рукояти ножа с р. Джумба. Однако другие специалисты характеризуют этот же элемент совершенно противоположным технологическим образом. Соприкосновение морд копытных животных внизу на своеобразных «столбиках», скорее всего, обусловлено именно технологической причиной. Вероятно, это следы литейных «жеребеек». Они необходимы для отвода раскаленных газов во время литья, а также хорошего заполнения сложной литейной формы (Черных, Кузьминых, 1989, с. 121, 122). Такая интерпретация может быть вполне приемлема и для более ажурной зооморфной композиции навершия кинжала из окрестностей Тюмени.

Учитывая значительную детализацию объемного зооморфного навершия кинжала из окрестностей Тюмени, «столбики» под мордами быков можно интерпретировать в функциональном контексте. Возможно, такой элемент обозначает «веревки», к которым привязаны эти животные. Они соединены не только с мордой животных, но и с уровнем «земли», на которой расположены парные фигуры быков. Для эпохи бронзы сцены с привязанными животными известны на плите афанасьевского времени из Озерного в Горном Алтае (рис. 6). Считается, что это является отражением одомашнивания крупных копытных животных (Молодин, Погожева, 1990, с. 168, 172). Высокая детализация изображений привязанных за рога крупных копытных животных на плите из Озерного позволяет соотносить их с существующими до сих пор способами фиксации быков за рога у столба (рис. 7).

Однако на изображении навершия кинжала из окрестностей Тюмени, скорее всего, воспроизведено не привязывание, а недоуздок, использующийся для крупного рогатого скота. Основой этого предположения является стыковка привязи с подбородком голов быков. Это достаточно любопытно, поскольку позволяет поставить вопрос о возможной конструкции недоуздка для парнокопытных животных эпохи бронзы. Это приспособление используется при групповом содержании крупных парнокопытных. При этом еще раз подчеркнем, что речь идет о достаточно крупных особях. Основное назначение недоуздка заключается в фиксации животного для ухода за ним. Кроме того, недоуздок позволяет управлять животным во время движения и полностью контролировать поведение домашнего рогатого скота. С помощью такой упряжи быков еще в раннем возрасте приучают к перевозке грузов. Таким образом, на навершии кинжала из окрестностей Тюмени представлены не только реальные признаки одомашнивания парнокопытных животных, но и достаточно развернутая «программа» скотоводческого ухода при помо-

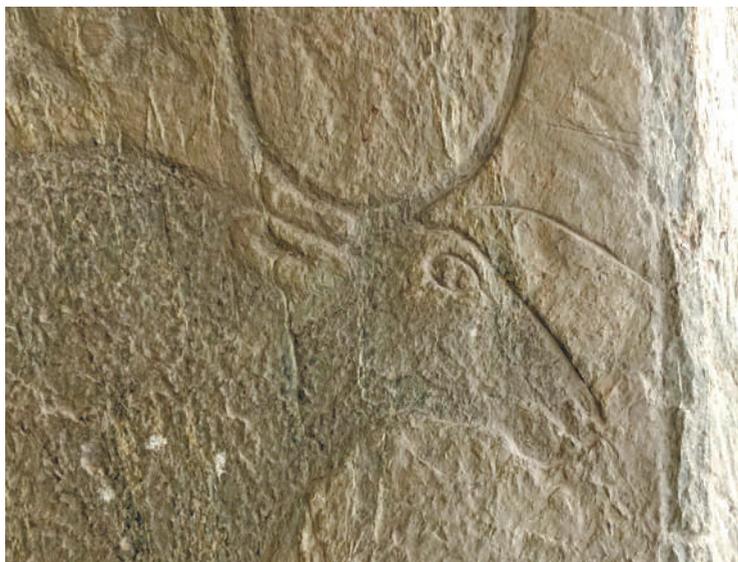

Рис. 6. Фрагмент плиты из Озерного (Горный Алтай)
Fig. 6. Fragment of a plate from Ozernoye (Gorny Altai)

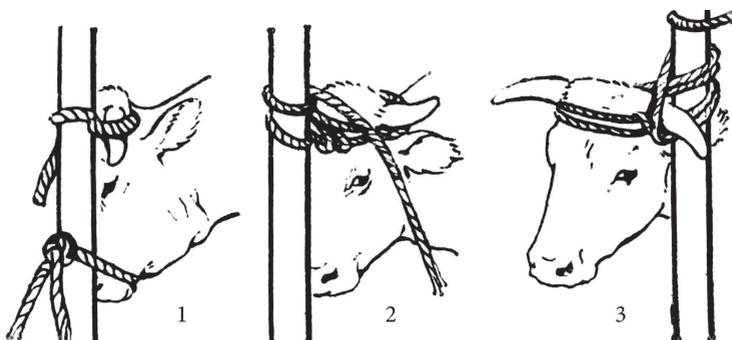

Рис. 7. Современные способы привязывания быков к столбу
Fig. 7. Modern methods of tying bulls to a pole

щи недоузdkов, а также возможного их транспортного использования. Изображения недоузdkов быков эпохи бронзы известны на культовой каменной посуде культуры Джирофт (конец III тыс. до н.э.) на территории Ирака, Ирана, (Динамика коммуникаций..., 2014; Iran National Museum, 2017) (рис. 8).

Не менее любопытны и сами изображения быков. Экстерьер этих животных явно отражает их южное происхождение. Для юга Западной Сибири в настоящее время можно привести только одно более или менее сходное

изображение быков с большими рогами, представленное на плите из с. Озерное (Онгудайский район Республики Алтай) (Молодин, Погожева, 1990, с. 168, рис. 1, с. 169, рис. 2). Все другие аналоги находятся явно еще южнее и западнее. Среди них следует упомянуть быков ватусси, происходящих от вымерших в XVII в. первобытных туров, которые около четырех тысяч лет назад попали в Африку с берегов Нила.

Ближайшей территориальной аналогией экстерьера быков на навершии кинжала из окрестностей Тюмени являются многочисленные плоские и объемные предметы торевтики из Майкопского кургана на северном Кавказе (рис. 9). Такие параллели могут быть далеко не случайными. С одной стороны, это задает вектор юго-западных культурных влияний, а с другой — позволяет затронуть ритуальный смысл изображения быков на кинжале из окрестностей Тюмени.

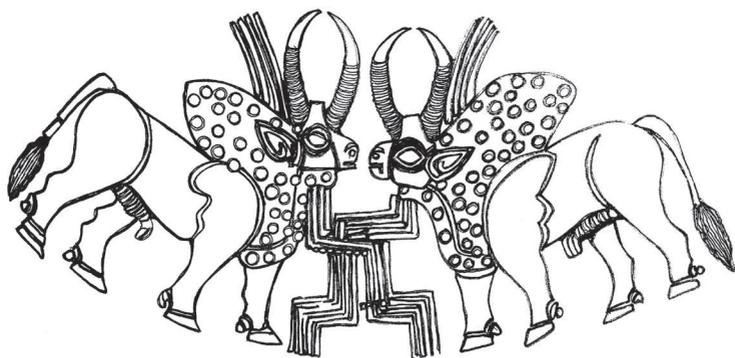

Рис. 8. Прорисовка парных быков на привязи с каменного сосуда культуры Джирофт (Ирак)
Fig. 8. Drawing of paired bulls on a leash from a stone vessel of the Jiroft culture (Iraq)

Рис. 9. Золотая бляшка с изображением быка из Майкопского кургана (Северный Кавказ)
Fig. 9. A golden plaque with the image of a bull from the Maikop mound (North Caucasus)

Прежде всего дело в том, что в соответствии с последней интерпретацией объемных фигурок золотых быков из Майкопского кургана они использовались не как навершия для стержней погребального балдахина (Фармаковский, 1914, с. 51–56, табл. XX–XXII) или стрел жрецов-энареев (Чернопицкий, 1987), а как деталь трубочек для коллективного питья пива (рис. 10) в ритуальных целях (Trifonov, Petrov, Savelieva, 2022). Присутствие быков на этих предметах, возможно, особо подчеркивало сакральный смысл этого действия в формате обряда. В архаических представлениях бык являлся символом сверхчеловеческой мощи, часто связанной с божественной ипостасью (Кубарев, 2010, с. 27).

Не исключено, что сакральное смысловое содержание навершия кинжала из окрестностей Тюмени подчеркивалось бинарностью (зеркальностью) композиции с быками. Такую особенность вполне можно интерпретировать как изображения животных у «мирового древа» (Шер, 1980, 1993). Этот архетип (Березкин, 2014, с. 244) может быть представлен объемной скобой с ритмическим, геометрическим декором над фигурами животных. Он вполне мог символизировать крону этого дерева, под которым стоят быки для принесения в жертву божествам. В древних культовых практиках Евразии привязанная фигура быка символизировала ритуальное жертвоприношение (Чугунов, Роусон, 2019, с. 262). Изображение змеевидного декора на доле клинка кинжала из Тюмени также можно трактовать в семантическом контексте понятия мирового столпа (Есин, 2005) как синонима «мирового древа». Исходя из других косвенных признаков¹ — вертикального пространственного вектора расположения быков, можно предположить подчеркивание изобразительными средствами сакрального предназначения зооморфного декора.

Ритуальное предназначение кинжала из окрестностей Тюмени косвенно можно еще интерпретировать по наличию «змеевидного» орнамента на доле его клинка. В археологической литературе гипотеза о змееборческом предназначении некоторых сейминско-турбинских кинжалов уже представлена (Ковтун, 2019, с. 15). Тем более что в дальнейшем для эпохи палеометалла связь колющего оружия со змеями продолжает отчетливо тиражироваться. Одним из более поздних примеров этого является змеиный декор металлических скифских наконечников стрел (Алексеев, 2014). В этой связи для кинжала из Тюмени декор на его доле вполне может соответствовать окрасу тела ядовитой змеи, ритуально усиливая воздействие клинка при его колющем применении.

¹ Связи изображений с сосудами и возлияниями каменной сакральной утвари культуры Джирофт с Ближнего Востока и объемных фигурок быков в Майкопском кургане Северного Кавказа при ритуальном употреблении жидкости (пива). В частности, перевернутое положение фигурок быков на трубках по отношению к скелету погребенного в Майкопском кургане соответствует «рабочему» положению трубок для питья. Наконечник-фильтр направлен вниз, к погружению в сосуд с пивом с перевернутыми быками, появляющимися прямо перед пьющим (Trifonov, Petrov, Savelieva, 2022). Любопытно, что в некоторых случаях изображение веревок на недоузках парных быков, изображенных на каменных сосудах, трактуются как струи воды (Ассирия и Вавилон..., 2016, с. 46, илл. 46, 47).

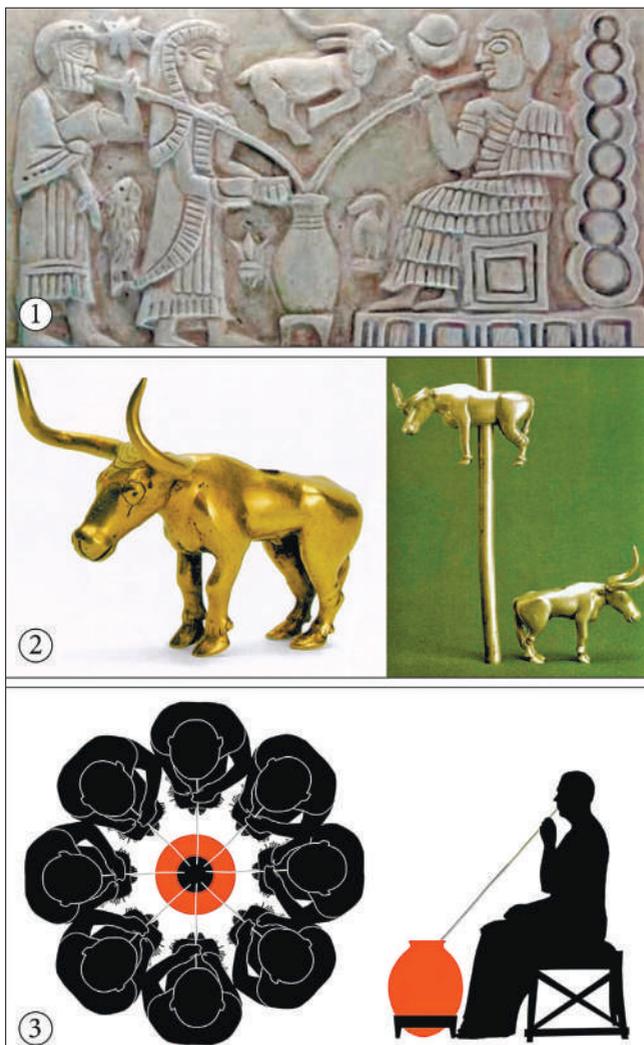

Рис. 10. Древневосточный ритуал вкушения пива через трубочки:
 1 — каменная шумерская плакетка (собрание Британского музея);
 2 — золотые фигурки быков на серебряных трубочках из Майкопского кургана
 (Северный Кавказ); 3 — реконструкция фильтрации пива во время его вкушения
 (по В. Трифонову, Д. Петровой, Л. Савельевой)

Fig. 10. The ancient Eastern ritual of drinking beer through strawberries:
 1 — stone Sumerian plaque (collection of the British Museum); 2 — gold figurines
 of bulls on silver tubes from the Maikop kurgan (North Caucasus); 3 — reconstruction
 of beer filtration during its tasting (according to V. Trifonov, D. Petrova, L. Savel'yeva)

Не следует также забывать, что в рамках отдельных семантических интерпретаций присутствуют смысловые связки сосуда, змеевидная символика, ритуальный напиток, центрообразующая ось и «мировое дерево» (Ковтун, 2019, с. 198). Часть из этих элементов представлена в декоре кинжала с зооморфным навершием из окрестностей Тюмени.

Прежде всего следует отметить, что кинжал из окрестностей Тюмени следует отнести к предметам статусного клинкового оружия сейминско-турбинского времени с объемным навершием. Такая категория кинжалов является не только уникальной, но и достаточно информативной при ее детальной интерпретации (технологической и семантической). Изображение парных животных для самусьско-турбинских кинжалов достаточно типично, однако расположение животных друг против друга представлено в единичных случаях. В качестве таких примеров можно пока привести два изделия — кинжалы с р. Джумба в рудном Алтае и из окрестностей Тюмени в Притоболье. Значительная территориальная удаленность находок этих изделий, возможно, объясняет присутствие зеркальной композиции с быками в качестве наверший на клинках кинжалов различного типа. В свою очередь, сюжетное сходство декора престижного сейминско-турбинского клинкового оружия частично опровергает тезис о подчеркнутой индивидуальности такой категории артефактов эпохи развитой бронзы.

Общий анализ топографии находок сейминско-турбинских бронз на юге Западной Сибири, включая Пышминскую коллекцию (Бородовский, Оборин, 2020), находки копий в Седельниковском районе Омской области (Бородовский, 2024) и кинжала в окрестностях Тюмени позволяет локализовать еще один район концентрации статусных изделий эпохи развитой бронзы. Такие находки явно тяготеют к южно-таежной кромке, задавая тем самым определенный пространственный вектор их распространения. Не менее важно подчеркнуть и то обстоятельство, что уникальность кинжала из-под Тюмени, особенно в контексте попадания его в частную коллекцию, безусловно, требует своего оперативного введения в научный оборот. Это, конечно, касается не только редких предметов, но и более массовых находок из металла, что позволяет хотя бы сохранить информацию об этих изделиях и интерпретировать такие предметы (Бауло, 2022, с. 5, 6, ил. 209). Результатом такого исследования является характеристика кинжала с зооморфным навершием из окрестностей Тюмени как артефакта с явной ритуальной и статусной семантикой, интегрированного в скотоводческую культурную среду эпохи развитой бронзы на юге Западной Сибири. Не менее важным является информационный потенциал этого изделия в рамках работы по реконструкции фрагментов древней мифологии (Девлет Е.Г., Девлет М.А., 2016, с. 105), отраженных изобразительными способами в сейминско-турбинском металле. Ритуальное предназначение кинжала из окрестностей Тюмени подчеркивает не только его декор, но и частичное разрушение части его режущей поверхности.

Список источников

- Алексеев А.Ю. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-н/Д, 2014. С. 5–10.
- Ассирия и Вавилон. История и сокровища античной цивилизации. Астана, 2016. 208 с.
- Бауло А.В. «Изваян от меди...»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы. Новосибирск, 2022. 231 с.
- Березкин Ю.Е. Об универсалиях в мифологии: индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Актуальные проблемы изучения архаики. СПб., 2014. С. 237–252.
- Бородовский А.П. Металлические наконечники копий эпохи бронзы — новые находки с территории Омской области // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. №2 (50). С. 65–73.
- Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с нижней Пышмы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, №5: Археология и этнография. С. 103–118.
- Грушин С.П. О происхождении некоторых элементов орнамента на бронзовых предметах сейминско-турбинского типа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №2 (26). С. 61–67.
- Девлет Е.Г., Девлет М.А. В поисках утраченного смысла // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №4. С. 91–109.
- Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших народов степной Евразии. Алматы, 2014. С. 125–205.
- Есин Ю.Н. Семантика изображений копья в искусстве окуневской культуры // Мир наскального искусства. М., 2005. С. 96–99.
- Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978. 120 с.
- Ковтун И.В. Сюжет сейминской композиции // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. Вып. 25. Кемерово, 2011. С. 121–128.
- Ковтун И.В. Лунарные мифы Северо-Западной Азии (III–II тыс. до н.э.). Кемерово, 2019. 264 с.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск, 2010. 444 с.
- Матющенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка // Краткие сообщения Института археологии. 1970. Вып. 123. С. 103–105.
- Михайлов Ю.И. Творческие приемы и принципы сейминско-турбинского дизайна как способ передачи информации // Теория и практика археологических исследований (в печати).
- Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника — последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №3 (43). С. 58–71.
- Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // Советская археология. 1990. №1. С. 167–172.
- Подольский М.Л. Индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб., 2014. С. 120–132.
- Принципы, термины и понятия в практике современной полевой археологии: словарь-справочник / сост.: Л.В. Лбова, Е.М. Беспрозванный, Т.И. Нохрина. Новосибирск, 2018. 152 с.

- Соловьев А.И. Доспехи и оружие. Новосибирск, 2003. 212 с.
- Фармаковский Б.В. Архаический период в России // Материалы Археологии России. №34. Петроград, 1914. С. 51–56.
- Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность: очерки. Омск, 2019. 150 с.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.
- Шер Я.А. «Господин коней» на берегу Енисея // Петербургский археологический вестник. 1993. №6. С. 17–22.
- Чернопицкий М.П. Майкопский «балдахин» // Краткие сообщения института археологии. 1987. №192. С. 33–40.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.
- Чугунов К.В., Роусон Дж. Жертвенный бык и «господин коней» в Китае // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. №2. С. 262–278.
- Iran National Museum. Tegeran, 2017. 460 p.
- Trifonov V., Petrov D., Savelieva L. Party like a Sumerian: Reinterpreting the 'Sceptres' from the Maikop Kurgan // Antiquity. 2022. Vol. 96. Issue 385. Pp. 67–84.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Павлович Бородовский, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник; 630090, Россия, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева 17, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Andrey P. Borodovskiy, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ak. Lavrentieva Ave., Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 904(571.150):556.537

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.21

EDN: FZWAWC

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ РУСЛОВОЙ ОТМЕЛИ РЕКИ ОБЬ НА ГРАНИЦЕ ПЕРВОМАЙСКОГО И ТАЛЬМЕНСКОГО РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

**Николай Николаевич Головченко, Кирилл Алексеевич Назаров,
Александр Васильевич Бекетов**

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена публикации результатов обследования разрушающейся части поселенческого комплекса одинцовской культуры 2-й половины IV — V в. н.э. Кислянский Рыбак-1 (Тальменский район, Алтайский край), проведенного

сотрудниками и студентами Алтайского государственного педагогического университета осенью 2024 г. В ходе проведенных работ зафиксировано продолжающееся разрушение прибрежной кромки памятника, вызванное активными экзогенными процессами, происходящими под воздействием Федуловской (Повалихинской) протоки р. Оби. На русловой отмели в переотложенном состоянии зафиксированы фрагменты керамической посуды в количестве 84 единиц, 11 из которых представляют собой венчики, орнаментированные рядом ямочных вдавлений и оттиском гребенчатого штампа. Данные находки согласуются с результатами прошлых археологических наблюдений, выполненных на данном памятнике.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Тальменский район, мониторинг, поселение, Кислянский Рыбак-1, одинцовская культура

Для цитирования: Головченко Н.Н., Назаров К.А., Бекетов А.В. Продолжение обследования русловой отмели реки Обь на границе Первомайского и Тальменского районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 142–147. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.21

CONTINUED SURVEY OF THE OB RIVER CHANNEL BANK ON THE BORDER OF PERVOMAISKY AND TALMENSKY DISTRICTS OF ALTAI KRAI

Nikolai N. Golovchenko, Kirill A. Nazarov, Alexander V. Beketov
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the publication of the results of a survey of the crumbling part of the Odintsovo culture settlement complex of the 2nd half of the 4th — 5th century AD “Kislyansky Rybak–1” (Talmensky district, Altai Territory), conducted by the staff and students of Altai State Pedagogical University in the fall of 2024. During the work carried out, the ongoing destruction of the coastal edge of the site was recorded, which results from active exogenous processes occurring under the influence of the Fedulovskaya (Povalikhinskaya) channel of the Ob River. On the riverbed shoal, fragments of ceramic dishes in the number of 84 units were recorded in a redeposited state, 11 of which are rims decorated with a number of pit depressions and an imprint of a comb stamp. These finds are consistent with the results of previous archaeological observations carried out at this site.

Keywords: Upper Ob region, Talmensky district, monitoring, settlement, Kislyansky Rybak-1, Odintsovo culture

For citation: Golovchenko N.N., Nazarov K.A., Beketov A.V. Continued Survey of the Ob River Channel Bank on the Border of Pervomaisky and Talmensky Districts of Altai Krai. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:142–147. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.21

Алтайский край знаменит своим историко-культурным, археологическим наследием. Однако многие памятники археологии подвержены разрушающему антропогенному воздействию в ходе распашки полей, разработки карьеров, строительства дорог, хозяйственных строений и т.п. В отношении таких памятников может быть предпринят ряд мер по обеспечению их сохранности. Но есть памятники, ежегодно разрушающиеся естественным пу-

тем остановить процесс деструкции которых невозможно. К их числу относится поселение Кислянский Рыбак-1.

Памятник был открыт в 2014 г. М.П. Карповым. На площади памятника, занятой территорией санатория «Обские Плесы», им выявлено 15 объектов археологического наследия (жилищные западины, курган и др.). Тогда же М.П. Карпов особо отметил, что на объекте происходит ежегодное осыпание культурного слоя и структурных объектов поселения в протоку Оби (Карпов, 2015, с. 24).

В 2016 г. памятник обследован Тальменским археологическим отрядом Алтайского государственного университета под руководством В.О. Сайберт, в ходе чего произведены сборы подземного материала на краю осыпающейся террасы, представленные фрагментами керамики и одним скребком. Выявленная керамика была определена как характерная для начальных этапов одинцовской культуры, датируемых 2-й половиной IV — V в. н.э. (Сайберт, 2017, с. 44–48).

На протяжении последних лет осмотр данного памятника ежесезонно осуществляет студенческое научное общество института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета (далее АлтГПУ).

Площадка, на которой располагается поселение, находится на оконечности боровой террасы высотой 20–25 м, примыкающей к устью обской протоки, огибающей широкую старичную пойму. Ширина протоки, которая местными жителями именуется Федуловской, а современными географическими интернет-сервисами — Повалихинской, достигает 200–230 м. На самом краю этой террасы ранее нами наблюдалась выраженная в рельефе осыпающаяся жилищная западина диаметром около 5 м. С каждым годом она становилась все меньше и в 2024 г. у осыпалась окончательно.

В осеннюю межень 2019 г. на освободившейся от воды площади русловой отмели, расположенной под данной жилищной западиной, нами было зафиксировано 64 фрагмента керамики, 6 экз. с орнаментом, и один каменный отщеп. Среди орнаментированных фрагментов один был украшен рядом ямочных вдавлений, другой — рядом вдавлений и косым гребенчатым штампом, нанесенным в том числе по венчику (Головченко, Дьяков, Савко, 2020).

В межень 2022 г. в том же месте на дне протоки было обнаружено 11 фрагментов керамики, три из которых имеют орнамент рядами ямочных вдавлений, ямочными вдавлениями и полосами гребенчатого штампа, v-образными вдавлениями гладкого штампа, а также предмет, предположительно относящийся к мелкой глиняной пластике (Головченко и др., 2022).

В октябре 2024 г. осмотр русловой отмели был осуществлен в ходе организованной Историко-краеведческим музеем АлтГПУ автобусно-пешеходной археологической экскурсии для студентов первого курса обучения и членов студенческого научного общества института истории, социальных

коммуникаций и права на комплекс разновременных поселений и городищ Малый Гоньбинский кордон (далее МГК).

Инициатором поездки и экскурсоводом выступил сотрудник лаборатории «Историческое краеведение» АлтГПУ В.Б. Бородаев — один из первооткрывателей осмотренных археологических объектов. Под его руководством студенты педагогического университета работали на памятниках в этих местах в 1993 г. В поездке и проведении экскурсии приняли участие Н.Н. Головченко и Е.Ю. Сластинина, а также 16 студентов.

Участниками поездки была осмотрена надпойменная терраса и кромка бора Кислянского заказника, в которых расположены городища МГК-2/5 и МГК-2/6, предположительно датирующиеся VI–VIII вв. н.э. (одинцовская археологическая культура). В ходе экскурсии были зафиксированы рвы и валы городищ, западины жилищных конструкций, а в искусственных обнажениях культурного слоя (бороздах противопожарной лесозащиты) зафиксированы и отдельные находки керамики, включая орнаментированные фрагменты тулова сосуда.

В ходе экскурсии был обследован и участок, примыкающий к памятнику Кислянский Рыбак-1 (рис. 1). На русловой отмели в переотложенном состоянии среди строительного (битый кирпич, куски бетона) и прочего мусора (пластиковые и стеклянные бутылки) зафиксированы черепки керамических сосудов в количестве 84 штук (рис. 2), 11 из них представляют собой венчики, орнаментированные рядом ямочных вдавлений и оттиском гребчатого штампа. Самые мелкие фрагменты размером 1×2 см, самый крупный — 6×8 см. В целом данные находки согласуются с результатами прошлых археологических наблюдений, выполненных на данном памятнике. Однако несколько отличается от обнаруженных и ранее зафиксированных черепков один фрагмент венчика с орнаментом в виде усеченных волн (рис. 2.-8).

В качественном отношении данный сезон мониторинга оказался самым результативным (обнаружено наибольшее количество орнаментированных фрагментов глиняных сосудов) за всю историю наблюдений за осыпанием памятника. Видимо, это связано с тем, что в осмотре местности участвовало значительное количество участников. Однако нельзя исключать и того, что осыпанию начал подвергаться наиболее насыщенный артефактами участок культурного слоя поселения Кислянский Рыбак-1.

Как известно, археологические наблюдения — один из базовых видов научных исследований на поврежденных участках территорий объектов археологического наследия в целях выявления на них археологических предметов и сохранившихся участков культурного слоя и конструктивных составляющих объектов археологического наследия. Проведенные нами наблюдения указывают на то, что памятник Кислянский Рыбак-1 находится в аварийном состоянии и нуждается в спасательных научно-исследовательских изысканиях.

Вместе с тем необходимо отметить, что долговременный мониторинг разрушающихся объектов археологического наследия на примере поселения

Рис. 1. Вид на пересохший участок Федуловской протоки Оби у поселения Кислянский Рыбак-1

Fig. 1. View of the dried-up section of the Fedulovskaya Channel of the Ob River near the site of Kislyansky Rybak-1

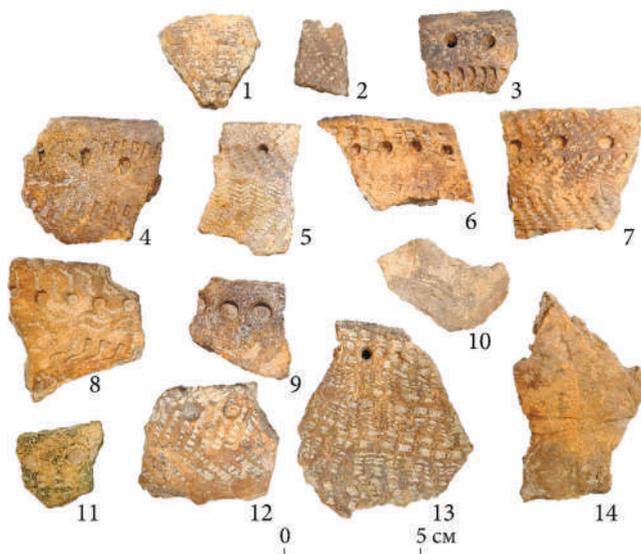

Рис. 2. Фрагменты керамики, выявленные на отмели у памятника Кислянский Рыбак-1

Fig. 2. Fragments of ceramics found in the shallows near the site Kislyansky Rybak-1

Кислянский Рыбак-1 демонстрирует успешность применения данного подхода. В то же время, организованный в рамках учебной деятельности, он оказывает и позитивный педагогический эффект.

Студенты в ходе археологических наблюдений имеют уникальную возможность своими глазами увидеть археологические объекты, получить комментарии специалистов об истории изучения памятников, визуальных критериях поиска археологических объектов, особенностях разных типов археологических памятников, методике археологических разведок и раскопок, принципах первоначальной камеральной обработки и описания находок. Полученный опыт студенты первого курса могут применить как в ходе учебной работы, так и во время полевой археологической практики.

Список источников

Головченко Н.Н., Дьяков Н.Р., Савко И.А. Результаты обследования русловой отдели Федуловской протоки Оби в окрестностях памятника Кислянский Рыбак-1 в 2019 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 27–30.

Головченко Н.Н., Ломов П.К., Назаров Н.Е., Полысаев В.И. Новые находки с известных памятников Барнаульского Приобья в свете педагогической археологии // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 70–76.

Карпов М.П. Археологическое исследование в Бийском и Первомайском районах Алтайского края в 2014 г.: отчет. Барнаул, 2015. 56 с. // Архив УНИЛ «Историческое краеведение» АлтГПУ. №64.

Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул, 2017. С. 44–48.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Senior Researcher; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Кирилл Алексеевич Назаров, Алтайский государственный педагогический университет, магистрант; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, nazarovkiraalex@mail.ru

Kirill A. Nazarov, Altai State Pedagogical University, Master's student; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, nazarovkiraalex@mail.ru

Александр Васильевич Бекетов, Алтайский государственный педагогический университет, студент; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, sasha.beketov.2004@bk.ru

Alexander V. Beketov, Altai State Pedagogical University, student; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, sasha.beketov.2004@bk.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ДЕТАЛЕЙ ПЛАСТИНЧАТО-КЛЕПАНОГО ДОСПЕХА В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ

Вадим Владимирович Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Рассматриваются два предмета, случайно найденные на территории Онгудайского района Республики Алтай, которые входили в состав воинского доспеха. Приводятся сведения о месте их обнаружения. Дается описание конструкции, формы и параметров этих изделий, материала изготовления, сопровождающееся фотографиями и графическими изображениями. Публикуемые вещи атрибутируются как пластина панциря пластинчато-клепаной структуры бронирования с изнанки мягкой основы и декоративная накладка на пластину такого панциря или бармицу шлема. Имеющиеся аналогии позволяют датировать данные находки 2-й половиной XVI — 1-й половиной XVIII в. н.э., т.е. эпохой позднего Средневековья и началом Нового времени. Отмечается, что в горной части Алтая это первые свидетельства использования пластинчато-клепаной брони, появление которой можно связать с влиянием Джунгарского ханства.

Ключевые слова: оборонительное вооружение, панцирная пластина, декоративная накладка, монголы-ойраты

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (госзадание «Тюркское наследие Большого Алтая: история и современность»).

Для цитирования: Горбунов В.В. Случайная находка деталей пластинчато-клепаного доспеха в Центральном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 148–154. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.22

ACCIDENTAL FIND OF PARTS OF PLATE-RIVETED ARMOR IN CENTRAL ALTAI

Vadim V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article considers two objects that were accidentally found on the territory of the Ongudai region of the Altai Republic, which were part of military armor. Information about the location of their discovery is provided. A description of the design, shape and parameters of these products, the material of manufacture is given, accompanied by photographs and graphic images. The published items are attributed as a plate of an armor of a plate-riveted structure with a soft base on the reverse side and a decorative overlay on the plate of such an armor or the aventail of a helmet. The existing analogies allow us to date these finds to the 2nd half of the 16th — 1st half of the 18th centuries AD, i.e. the era of the late Middle Ages and the beginning of Modern times. It is noted that in the mountainous part of Altai this is the first evidence of the use of plate-riveted armor, the appearance of which can be associated with the influence of the Dzungar Khanate.

Keywords: defensive weapons, armor plate, decorative plate, Mongols-Oirats

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (state assignment «Turkic Heritage of the “Greater Altai”: History and modernity»).

For citation: Gorbunov V.V. Accidental Find of Parts of Plate-Riveted Armor in Central Altai. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:148–154. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.22

В 2021 г. во время проведения музейной ночи сотрудникам Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ одним из посетителей была показана серия вещей, случайно обнаруженных во время туристической поездки по Горному Алтаю. Среди них оказалось два предмета, имеющих научное значение. Удалось отрисовать и сфотографировать эти находки, а также выяснить место, где они были найдены. Их публикация представляется актуальной.

Оба предмета обнаружены в центральной части Горного Алтая (Онгудайский район Республики Алтай), недалеко от впадения р. Большой Яломан в р. Катунь. Данный участок хорошо известен археологам, поскольку здесь выявлено много памятников, обозначенных как Яломанский археологический микрорайон (Тишкин, Горбунов, Матренин, 2004, с. 93). Место обнаружения вещей локализуется на третьей надпойменной террасе, обращенной к р. Катунь (левый берег), к западу от Чуйского тракта, слева от места, где на террасу серпантином спускается старая дорога (рис. 1). Непосредственно на этой террасе, но севернее находится памятник Яломан-ХIII, насчитывающий 11 каменно-земляных объектов, которые относятся к разным временным интервалам, от энеолита до раннего Средневековья (Тишкин, Горбунов, Матренин, 2004, с. 95). Еще севернее находится могильник пазырыкской культуры Яломан-ХII, западнее — комплекс Яломан-ХIV (пазырыкская, булан-кобинская и тюркская культуры), а северо-восточнее, за Чуйским трактом, — Яломанская крепость эпохи Средневековья (Тишкин, Горбунов, Матренин, 2004, с. 93–95, рис. 1).

Рассматриваемые предметы изготовлены из железа (или стали) и имеют довольно хорошую сохранность. Их поверхность слабо коррозирована и покрыта лишь тонкой окисной пленкой, что указывает на долгое пребывание на открытом воздухе или залегание в почве на незначительной глубине. Вряд ли они могут быть связаны с объектами памятника Яломан-ХIII, от которых находились на приличном расстоянии, у противоположного края террасы, ограниченного скалой. Можно предположить, что данные предметы были обронены владельцем или припрятаны им в кустах под горой. Одинаковая степень и цветность коррозии подтверждают информацию о том, что обе вещи лежали рядом и, следовательно, составляют единый комплекс.

Одно из изделий уверенно определяется как панцирная пластина от доспеха пластинчато-клепаной структуры бронирования с изнанки мягкой основы. Абрис пластины ассоциируется с такой геометрической фигурой, как трапеция, боковые стороны которой наклонены несимметрично. Ее длина по нижнему краю составляет 8,4 см, по середине — 7,3 см, по верхнему краю —

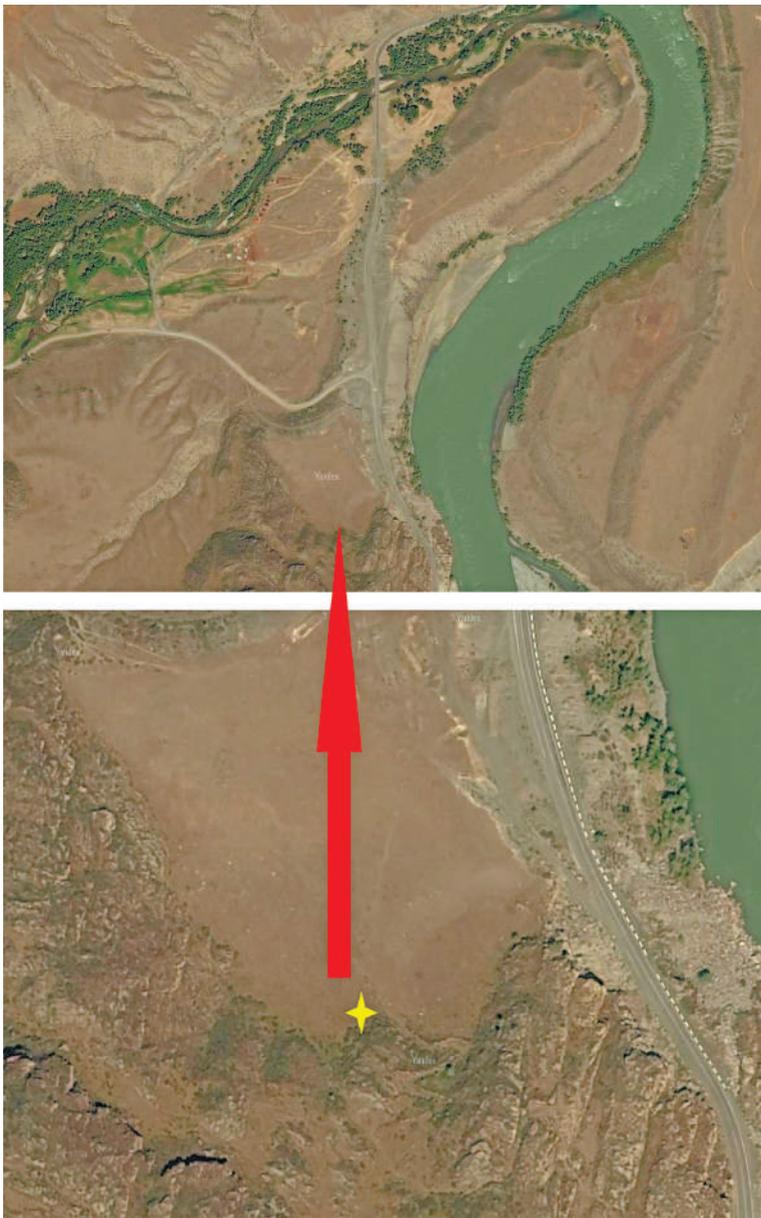

Рис. 1. Место обнаружения деталей доспеха на спутниковой карте
Fig. 1. Location of armor parts found on the satellite map

4 см. Высота пластины по середине 7,3 см. Левый бок наклонен сильнее, его длина 8 см, правый бок наклонен слабее, его длина 7,1 см. Толщина пластины ближе к краям 1 мм, в центральной части — 1,5 мм.

В продольной и поперечной плоскости изделие выпуклое и подвергнуто дополнительной профилировке. С этой целью на его лицевой поверхности были выбиты разметочные линии (глубиной до 0,5 мм), одинарные вдоль краев, одинарные и параллельные (в 1–2 мм друг от друга) в центральной части, трижды повторяющие форму пластины. Местами эти линии пересекаются, накладываются или раздваиваются, что говорит о сбоях при разлиновке поверхности. Первая разметка отстоит от краев пластины на 1–2 мм, вторая — на 0,6–1 см, третья — на 1,2–2,2 см. Ближе к правому верхнему углу пластины есть два коротких параллельных штриха. Возможно, это специальная отметка. С тыльной стороны изделия была осуществлена выколотка, за счет чего края пластины по линиям изогнулись наружу, а в центральной части образовался трапециевидный валик, выпуклый на лицевую сторону. Размеры его сторон по внешним границам 6,5×6,4×5,3×3,6 см, по внутренним — 4×4,4×3,8×2,4 см, ширина 0,5–1 см. Такая сложная профилировка, безусловно, была рассчитана на усиление защитных свойств пластины, но давала и декоративный эффект, впрочем, скрытый при надетом доспехе.

К крепежным элементам панцирной пластины относятся две заклепки. Они расположены в центральной части на расстоянии 2,5 см друг от друга и вставлены в отверстия диаметром 2,5 мм. Заклепки состоят из цилиндрического стержня высотой 8 и 5 мм, толщиной до 2 мм. С лицевой стороны они снабжены уплощенными округлыми шляпками диаметром 0,9–1 см, толщиной 2 мм. С тыльной стороны стержни расплющены в малые овальные шляпки размерами 4×2 и 7×2 мм, которые не позволяют им выпадать из отверстий. С левого бока пластины имеются выбоина и трещина, идущая от нее к заклепке, видимо, свидетельствующие о боевых повреждениях (рис. 2.-1).

Второе изделие можно атрибутировать как декоративную накладку, крепившуюся с лицевой стороны к заклепкам защитной пластины панциря или бармицы шлема. Форма накладки напоминает раскрытый четырехлепестковый бутон цветка. В ее основе лежала почти квадратная пластина-заготовка (размерами 3,7×3,8 см), у которой были оформлены лепестки за счет небольшого срезания сторон и треугольных выемок по их середине. В продольной и поперечной плоскости изделие слегка выпуклое. Толщина по краям 1 мм. В его средней части есть заметное утолщение до 1,5 мм. В накладке пробито пять округлых отверстий: четыре по углам диаметром 2,5 мм и одно по центру диаметром 3 мм. От одной треугольной выемки к центру идет трещина (рис. 2.-2).

Публикуемые предметы находят близкие аналогии среди деталей оборонительного вооружения Центральной Азии и Сибири эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. Так, сложно профилированные пластины с валиками, образующими от двух до четырех вписанных фигур, известны в Причулымье, Минусинской и Кузнецкой котловинах, на Среднем

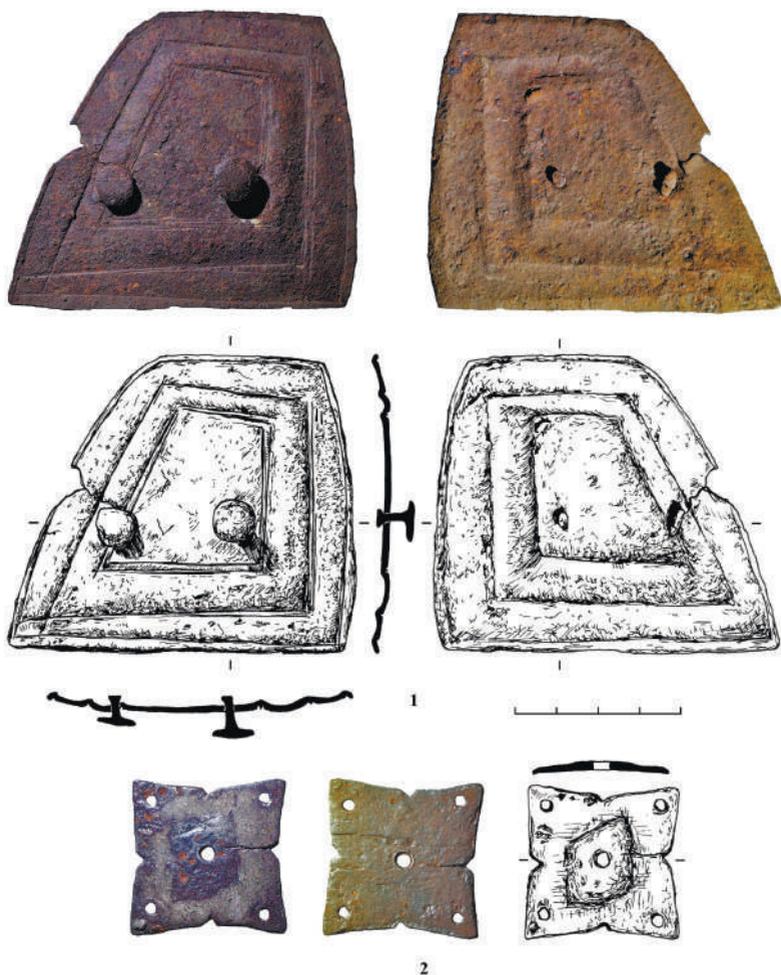

Рис. 2. Железные детали пластинчато-клепанного доспеха:

1 — панцирная пластина, 2 — декоративная накладка

Fig. 2. Iron parts of plate-riveted armor: 1 — armor plate, 2 — decorative plate

Енисее, в Забайкалье, Тибете и Монголии (Худяков, Соловьев, 1987, рис. 7.-1-2, 6; Бобров, Худяков, 2008, рис. 120.-1-6, 121.-1-7, 123.-4, 7; Батсайхан, Ганбаатар, 2020, с. 236). Они входят в состав целого панциря и бармицы шлема из музейных собраний Томска и Тобольска (Бобров, Ожередов, 2021, рис. 17.-8-9, 18.-1-5, 30.-3, 5, 47.-7-9). Все эти пластины снабжены креплением из заклепок, и там, где сохранилась органическая основа, видно их расположение с ее внутренней стороны (Бобров, Ожередов, 2021, рис. 14-15, 65-66).

Пластинчато-клепаная структура бронирования с изнанки мягкой основы была производной от аналогичной пластинчато-нашивной системы, широкое распространение которой начинается с XIII в. и связано с монгольскими завоеваниями (Горелик, 2002, с. 22). Сначала в ней использовались гладкие пластины с отверстиями, но довольно быстро на таких пластинах появились заклепки (Бобров, Ожередов, 2021, с. 27–29, рис. 7–8). Известны они и среди находок в северо-западных предгорьях Алтая (Баркова, Горбунов, Тишкин, 2012, с. 102–103, рис. 2, 4). В середине XIV в. края пластин на ряде монгольских панцирей начинают оформляться бортиками, часто за счет загиба на внешнюю сторону, как у яломанского экземпляра, а с XV в. клепаная структура практически вытесняет нашивную (Бобров, Худяков, 2008, с. 380, рис. 118–119; Бобров, Ожередов, 2021, с. 29). Типологический ряд деталей этого доспеха завершают сложно профилированные изделия, называемые ребристыми и рельефными (Худяков, Соловьев, 1987, с. 148; Бобров, Худяков, 2008, с. 382), к которым и относится пластина из Яломанского микрорайона. Время их бытования специалисты определяют 2-й половиной XVI — XVIII в. (Бобров, Ожередов, 2021, с. 78).

Покрой центральноазиатских пластинчато-клепаных панцирей, судя по целым изделиям, представлял собой халат или его укороченный вариант типа жилета, которые могли дополняться наплечниками, подмышечниками, иногда передником (Батсайхан, Ганбаатар, 2020, с. 224, 226–229; Бобров, Ожередов, 2021, рис. 32–33). Большинство рельефных пластин для таких панцирей имеют прямоугольную форму, реже — квадратную и еще реже — трапециевидную. Последние использовались для бронирования рукавных пройм, подмышечников или были крайними в ряду прямых пластин (Бобров, Ожередов, 2021, с. 48–67). Очевидно, и яломанская находка размещалась аналогичным образом. По форме ей особенно близка трапециевидная пластина из Минусинской котловины, отличающаяся более прямыми сторонами и крупной фигурной накладкой (Бобров, Худяков, 2008, рис. 121.-1).

Декоративная накладка, обнаруженная в Яломанском микрорайоне вместе с панцирной пластиной, также имеет близкие по облику детали среди центральноазиатских доспехов. Это четырехлепестковые накладки на пластины от бармицы ойратского шлема конца XVI — начала XVIII в. из Тобольского музея (Бобров, Худяков, 2008, рис. 120.-10–13, 190.-3). Они более мелкие и крепятся на одну центральную заклепку, тогда как яломанская накладка крепилась на пять заклепок, возможно, расположенных крестом, как это часто встречается у рельефных пластин, хотя нельзя исключать и X-образное расположение. Интересно отметить почти идентичную яломанской по форме накладку, найденную в Саянском остроге, построенном в 1718 г. (Скобелев, 1999, с. 188). Она меньше по размерам и имеет одно центральное отверстие для заклепки, как у бармицы упомянутого выше ойратского шлема. В публикации это изделие названо упором для седельного пробоа, но, вероятно, данная накладка сочетается с найденными там же панцирными пластинами, к сожалению, сохранившимися фрагментарно (Скобелев, 1999, с. 191, рис. 3.-1, 3–4). В целом бытование декоративных накладок, как и рельефных пластин, определяется 2-й половиной XVI — XVIII в. (Бобров, Ожередов, 2021, с. 78).

Пластинчато-клепанные доспехи, включающие рельефные пластины и декоративные накладки, обоснованно трактуются как ойратские (Бобров, Ожередов, 2021, с. 105–109). Они были характерны для западно-монгольского комплекса оборонительного вооружения, который достиг своего расцвета в период Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). После его падения исчезла и эта традиция. Поэтому яломанские находки мы можем датировать 2-й половиной XVI — 1-й половиной XVIII в.

Такие доспехи могли делать и сами ойраты, и их данники в Южной Сибири. Недаром значительное число рельефных пластин с декоративными накладками происходит из Минусинской котловины. Однако в Горном Алтае эти изделия до сих пор были неизвестны, и яломанские находки являются первыми свидетельствами подобного рода. Они могли принадлежать как воину-ойрату, так и местному зайсану или воину из его ближнего окружения.

Список источников

Баркова Л.Л., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые панцирные пластины с территории Алтая из коллекции П.К. Фролова // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012. С. 99–103.

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Доспех воина Джамсарана. Центральноеазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск, 2021. 228 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. 84 с.

Скобелев С.Г. Саянский острог — памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 185–207.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 93–97.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 135–163.

Батсайхан Ц., Ганбаатар Б. Талын нуудэлчин Монгол дайчдын зэр зэвсэг (нэн эртнээс — XIX зуун). Улаанбаатар, 2020. 248 с. (на монг. яз.).

Информация об авторе / Information about the Author

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТЮРКСКИХ ОГРАДОК НА ПАМЯТНИКЕ ХУЖИРТ-I
(Монгольский Алтай)

Вадим Владимирович Горбунов¹, Идэрхангай Тумур-Очир²,
Цэнд Дул^{1,3}, Сергей Юрьевич Бондаренко¹, Эрдэнэпурэв Пурэвдорж¹,
Уянга Хасбаатар³, Энхзул Жаргалсайхан², Ольга Сергеевна Лихачева¹,
Алексей Алексеевич Тишкин¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Монгольский национальный университет, Улаанбаатар, Монголия

³Музей природы и истории Гоби, Даланзадгад, Монголия

Резюме. Осенью 2024 г. совместной российско-монгольской экспедицией были продолжены работы по изучению тюркских оградок, начатые в 2019 г. на памятнике Хужирт-I (другое местное название — Бага Асгат). Их целью стали раскопки поминального комплекса из оградок, изваяний и балбалов, в состав которых входили «оленные» камни. В результате были полностью исследованы две оградки, три стелы-изваяния и 10 балбалов. Все изваяния и один балбал оказались переиспользованными «оленными» камнями. Конструкция оградок состояла из двух типов: многоплитовое и четырехплитовое сооружения, что может свидетельствовать об их возведении в разное время. Помимо этого, оградка №4 содержала захоронение лошади, ранее уже фиксировавшееся на данном памятнике и характерное для раннетюркских объектов. Основной период существования поминального комплекса можно определить кудыргинским этапом тюркской культуры (2-я половина VI — 1-я половина VII в. н.э.), хотя начало и окончание его функционирования, возможно, выходят за эти пределы.

Ключевые слова: Монголия, Ховдский аймак, оградки, изваяния и балбалы, захоронения лошади, тюркская культура

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (госзадание «Тюркское наследие Большого Алтая: история и современность»).

Для цитирования: Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Цэнд Д., Бондаренко С.Ю., Эрдэнэпурэв П., Уянга Х., Энхзул Ж., Лихачева О.С., Тишкин А.А. Продолжение исследований тюркских оградок на памятнике Хужирт-I (Монгольский Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 155–162. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.23

CONTINUATION OF RESEARCH
INTO TURKIC ENCLOSURES AT THE KHUZHIRT-I SITE
(Mongolian Altai)

Vadim V. Gorbunov¹, Tumor-Ochir Iderkhangai², Tsend Dul^{1,3},
Sergey Yu. Bondarenko¹, Erdenepurev Purevdorj¹, Khasbaatar Uyanga³,

Enkhzul Jargalsaikhan², Olga S. Likhacheva¹, Alexey A. Tishkin¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia*

³*Gobi Museum of Nature and History, Dalanzadgad, Mongolia*

Abstract. In the fall of 2024, a joint Russian Mongolian expedition continued work on the study of Turkic enclosures, which begun in 2019, at the Khuzhirt-I site (another local name is — Baga Asgat). Their goal was to excavate a memorial complex of enclosures, sculptures and balbals, which included “deer” stones. As a result, two enclosures, three stele-statues and 10 balbals were fully explored. All the sculptures and one balbal turned out to be reused “deer” stones. The design of the enclosures consisted of two types: multi-slab and four-slab structures, which may indicate their construction at different times. In addition, enclosure No. 4 contained a horse burial, which had previously been recorded at this site and was characteristic of early Turkic objects. The main period of existence of the memorial complex can be determined by the Kudyrgin stage of Turkic culture (2nd half of the 6th — 1st half of the 7th centuries AD), although the beginning and end of its functioning may go beyond these limits.

Keywords: Mongolia, Khovd aimag, enclosure, sculptures and balbals, the horse of burials, Turkic culture

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (state assignment «Turkic Heritage of the “Greater Altai”: History and modernity»).

For citation: Gorbunov V.V., Iderhantai T.-O., Tsend D., Bondarenko S.Yu., Erdenepurev P., Uyanga Kh., Enkhzul J., Likhacheva O.S., Tishkin A.A. Continuation of Research into Turkic Enclosures at the Khuzhirt-I Site (Mongolian Altai). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:155–162. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.23

Археологический комплекс Хужирт-I (Бага Асгат) находится в высокогорной части Монгольского Алтая (высота над у.м. — ок. 2300 м), на левом берегу р. Бодонч, рядом с бывшей одноименной бригадой в Муст сомоне Ховдского аймака Монголии. Его объекты (главным образом, «оленные» камни) были отмечены известным археологом В.В. Волковым (2002), проводившим исследования в указанном районе еще в 1980-х гг. Более детально памятник был осмотрен и описан участниками Буянтской российской монгольской археологической экспедиции под руководством А.А. Тишкина и Д. Эрдэнэбаатара в 2010 г. (Тишкин, Шелепова, 2014).

Летом 2019 г. экспедицией Алтайского государственного университета и Улаанбаатарского университета был снят план памятника и раскопаны две оградки (№5 и 6) тюркского времени. Информация об этом частично опубликована (Тишкин и др., 2019, с. 290–292; Тишкин и др., 2020, с. 191–193).

В сентябре 2024 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета и Монгольского национального университета работы по изучению тюркских оградок были продолжены.

Всего на памятнике Хужирт-I выявлены восемь оградок: №1–4 — рядом стоящие, №5 и 6 — одиночные, №8 и 9 — смежные (Тишкин и др., 2019, рис. 2). В 2024 г. единым раскопом были исследованы два объекта: большая оградка

№4 и малая оградка №3, которые входили в группу из четырех объектов, сопровождаемых стелами-изваяниями и рядами балбалов. Данный комплекс располагался в 126,5 м к юго-западу от ранее исследованной и частично музеефицированной оградки №5.

Оградка №4, самая крайняя в указанной группе, до раскопок представляла собой четырехугольное каменное сооружение, ориентированное углами примерно по сторонам света. С северо-запада возле нее находились две стелы-изваяния, от которых в один ряд отходили 10 балбалов. Раскоп разбивался с учетом максимального охвата всего объекта, в результате чего оказалась захвачена рядом стоящая малая оградка №3 со стелой-изваянием. Он получился Т-образной формы из двух прямоугольников, где более крупный (размерами 7×6 м) включал обе оградки и все стелы-изваяния, а более узкий (размерами 18,5×1,2 м) включал линию из 10 балбалов (рис. 1).

Расчистка оградки №4 выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит. Часть из них стояли относительно ровно, большинство же было наклонено наружу или внутрь оградки, а некоторые лежали практически на материке, завалившись наружу. Размеры оградки по центральным осям составляли 3,5×3,25 м. Видимо, первоначально три стенки оградки насчитывали по пять плит

Рис. 1. Хужирт-1. Раскоп оградок №3–4
Fig. 1. Khuzhirt-1. Excavation of enclosures No. 3–4

каждая, и только северо-восточная стенка изначально имела четыре плиты и была самой короткой, отчего абрис оградки имел немного трапециевидный вид. С внешней стороны стенки были забутованы мелким щебнем, обложены более крупными камнями и плитами. Внутреннее заполнение оградки состояло из крупных камней и плит, уложенных плашмя на пол от двух до четырех слоев. Промежутки между ними были забутованы мелкими камнями. При выборке камней внутри оградки практически по центру (под забутовкой и частично среди нее) расчищен скелет лошади, уложенной на живот с подогнутыми ногами в калачевидной позе. Общую ориентацию скелета можно определить по линии Ю–С, голова и шея были повернуты ближе к крупу, а морда лошади смотрела на юг–юго-запад. В 0,3 м юго-восточнее этого скелета зафиксировано остеологическое скопление от другого коня: кости ног, таза, позвонки, лежавшие среди камней забутовки (рис. 2). Зачистка пола оградки выявила два небольших углубления. Одно из них 8-видной формы — под конскими копытами, а другое (по абрису близкое к кругу) — у юго-западной стенки.

Рис. 2. Хужирт-1. Оградка №4. Скелет лошади и отдельные кости
Fig. 2. Khuzhirt-1. Enclosure No. 4. The skeleton of a horse and individual bones

У оградки №4 находились две каменные стелы-изваяния. Первая из них была вкопана по центру у северо-западной стенки. Она сделана из подработанного камня с более широкой средней частью и зауженным верхом и низом (размерами 1,15×0,3×0,25 м), и представляла собой переиспользованный «оленный» камень размерами 1,2×0,6×0,25 м, который был вертикально установлен в яму овальной формы. Со временем эта стела наклонилась параллельно стенке оградки. Вторая стела была вкопана у северо-западной стенки оградки на расстоянии 0,65 м от предыдущей стелы. Она сделана из подработанного камня с уплощенным верхом и слегка зауженным низом (размерами 1,55×0,25×0,2 м) и тоже представляла собой переиспользованный «оленный» камень, установленный в ту же яму, что и стела №1. Со временем стела №2 наклонилась в сторону оградки.

От этих стел отходил ряд из 10 каменных балбалов. Первый из них располагался на расстоянии 2,2 м от стелы №2, а последний отстоял от нее на 18,7 м. Общие размеры этих камней такие: 0,35–0,8×0,11–0,23×0,04–0,18 м. Большинство балбалов сделаны из стержневидных или уплощенных скальных обломков, подвергшихся местами небольшой подработке. Два балбала (№8 и 10) сделаны из валунообразных камней. Только балбал №4 изготовлен из хорошо обработанного камня. Его верхняя часть более широ-

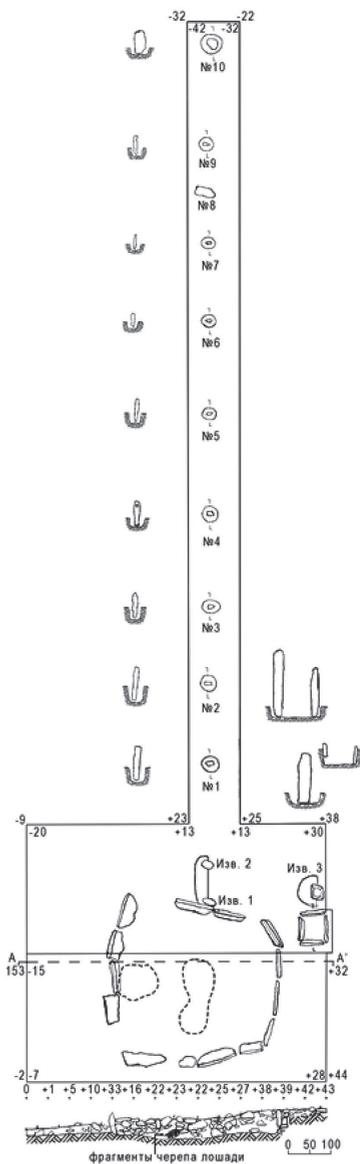

Рис. 3. Хужирт-1. Оградки №3–4. План раскопа после зачистки по материке и разрезы
 Fig. 3. Khuzhirt-I. Enclosures No. 3–4. Excavation plan after clearing across the mainland and sections

кая, с уплощенной макушкой, нижняя часть сужается и имеет прямой торец. Вверху на одной узкой плоскости выбито кольцо, которое можно трактовать как типичную серьгу «оленного» камня. Все балбалы, за исключением одного поваленного (№8), были установлены в небольшие ямки диаметром 0,25–0,5 м, глубиной в материке 0,15–0,35 м (рис. 3).

Оградка №3 находилась в 0,35 м к северо-востоку от оградки №4, ближе к ее северному углу. Она представляла собой четырехугольный каменный объект, ориентированный углами по сторонам света. Рядом находилась стела-изваяние, от которой отходил ряд из шести балбалов. Сама оградка и ее стела исследованы в общем раскопе с оградкой №4 (рис. 1, 3). Расчистка выявила сооружение из четырех вертикально установленных плит, три из которых были слегка наклонены наружу, а одна стояла ровно. Размеры оградки по центральным осям составляли 0,8×0,7 м. С внешней стороны стенки были забутованы мелким щебнем и местами подперты более крупными камнями. Внутреннее заполнение оградки состояло из средних и мелких камней, уложенных в три слоя. При выборке заполнения ничего не найдено. Стела-изваяние была вкопана у северо-западной стенки оградки на расстоянии 0,2 м от ближайшей плиты. Она сделана из обработанного камня со специально зауженной верхней частью и представляет собой переиспользованный «оленный» камень размерами 1,15×0,27×0,25 м, который был вертикально установлен в яму овальной формы размерами 0,8×0,7 м, углубленную в материк на 0,25 м (рис. 3).

Исследованные оградки по своим конструктивным особенностям относятся к двум разным типам. Большая оградка №4 — это многоплитовое сооружение. Объекты с таким конструктивным признаком известны уже в ранний период существования тюркской культуры. В основном они характерны для кудыргинского этапа 2-й половины VI — 1-й половины VII в. н.э. (Горбунов и др., 2015, с. 85). Однако многоплитовые оградки появились раньше и сооружались в более позднее время, сосуществуя с другими типами сооружений. Малая оградка №3 имеет четырехплитовую конструкцию. Существует мнение, что оградки из четырех плит стали сооружаться на тюркских поминальных комплексах в период II Восточно-Тюркского каганата, т.е. во 2-й половине VII — 1-й половине VIII в. н.э. (Войтов, 1996, с. 61, 70).

В то же время обоим оградкам присущ такой признак, как западная ориентация изваяний с балбалами. Данная ориентация известна на памятнике Кара-Коба-I в Горном Алтае, который хорошо датируется находками стремян ранних типов 2-й половиной V — 1-й половиной VI в. н.э. (Могильников, 1994, с. 112–113). Помещение лошади в оградку №4 находит аналогии среди многих поминальных комплексов тюркской культуры, хронология которых укладывается во 2-ю половину V — 1-ю половину VII в. н.э. (Тишкин и др., 2019, с. 296).

В целом большая оградка №4 является, видимо, более ранним объектом (VI — 1-я половина VII в. н.э.), одновременным многоплитовым оградкам №1–2 этой группы, и раскопанным в 2019 г. одиночным оградкам №5 и 6. Тогда как малая оградка №3 могла быть встроена в уже готовую цепочку в более позднее время (2-я половина VII — 1-я половина VIII в. н.э.). Соче-

тание ранних и поздних типов оградок в одном месте уже фиксировалось на территории Монгольского Алтая, например на памятнике Бийрэг (Горбунов и др., 2015, с. 77–81). Хотя полностью нельзя исключать и то, что сооружение оградки №3 из четырех плит могло быть продиктовано ее малыми размерами, а не новой традицией.

Список источников

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 70–86.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–113.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Об использовании «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4 (84). С. 221–229.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Пластеева Н.А., Серегин Н.Н., Горбунов В.В. Захоронение лошади в тюркской оградке №5 памятника Хужирт-I (Монгольский Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. Вып. XXV. С. 290–297.

Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Серегин Н.Н., Оргилбаяр С., Горбунов В.В., Свойский Ю.М., Паршикова Т.С., Цэнд Д., Батчимэг Б. Обзор результатов исследований в Северной и Западной Монголии совместными экспедициями Алтайского и Улаанбаатарского университетов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 187–195.

Информация об авторах / Information about the Authors

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Тумур-Очир Идэрхангай, Монгольский национальный университет, Улаанбаатарский парк науки и технологий, кафедра технологии и инновации, старший преподаватель; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, ул. Лувсанцэвээн, 5-р хороо, Баянзурх район; кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>, iderkhangai2022@gmail.com

Tumur-Ochir Iderkhangai, Mongolian National University, Department of Technology and Innovation, Lecturer; 13343, 5th khoroo, Bayanzurkh District, Luvsantseveen street, Ulaanbaatar, Mongolia; Doctor of Archaeology, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>, iderkhangai2022@gmail.com

Цэнд Дул, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Музей природы и истории Гоби, научный сотрудник; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Tsend Dul, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Gobi Museum of Nature and History, Researcher; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master; <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, Отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат технических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of Support of Research and Development Works, Research Officer; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр истории, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Erdenepurev Purevdorj, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Master of History, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Уянга Хасбаатар, Музей природы и истории Гоби, сотрудник регистрации и базы данных аймака; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый заселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0006-6629-6029>, uyangkhasbaatar2024@gmail.com

Uyanga Khasbaatar, Gobi Museum of Nature and History, Registration and Database Worker of Province; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0006-6629-6029>, uyangkhasbaatar2024@gmail.com

Энхзул Жаргалсайхан, Монгольский национальный университет, Улаанбаатарский парк науки и технологий, кафедра технологии и инновации, магистрант; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, Баянзурх район, ул. Лувсанцэвээнэ; <https://orcid.org/0009-0009-3364-8165>, dukaz0221@gmail.com

Enkhzul Jargalsaikhan, Mongolian National University, Department of Technology and Innovation, Master's Student; 13343, Ulaanbaatar, Mongolia, Bayanzurkh District, street of Luvsantseveen; <https://orcid.org/0009-0009-3364-8165>, dukaz0221@gmail.com

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Lecturer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА АККАИН-2
В ГОРНОМ МАССИВЕ КАЛМАККЫРГАН
(Северо-Восточный Казахстан)**

Сергей Петрович Грушин¹, Илья Викторович Мерц^{1,2}, Виктор Карлович Мерц², Виолетта Олеговна Сайберт¹, Алексей Алексеевич Тишкин¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан*

Резюме. Работа посвящена результатам комплексных археологических исследований многослойного памятника Аккаин-2 расположенного на северо-востоке Сарыарки в горном массиве Калмаккырган, в 2022–2023 гг. В результате работ Международной археологической экспедиции Объединенного археологического научно-исследовательского центра им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета и Алтайского государственного университета были проведены стационарные исследования поминальной ограды в урочище Таскора, а также на трех стоянках в урочище Аккаин. На многослойном поселении Аккаин-2 произведены небольшие разведочные раскопки, которые дали разновременный материал, от энеолита до Нового времени, представленный фрагментами костей животных, керамикой, изделиями из камня, цветного металла и железа.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сарыарка, горы Калмаккырган, Аккаин-2, многослойная стоянка

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (госзадание «Тюркское наследие Большого Алтая: история и современность»).

Для цитирования: Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Сайберт В.О., Тишкин А.А. Археологические исследования памятника Аккаин-2 в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточный Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 163–172. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.24

**ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE AKKAIN-2 SITE
IN THE KALMAKKYRGAN MOUNTAIN RANGE (Northeastern Kazakhstan)**

**Sergey P. Grushin¹, Ilya V. Merts^{1,2}, Viktor K. Merts²,
Violetta O. Seibert¹, Alexey A. Tishkin¹**

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan*

Abstract. The work is devoted to the results of comprehensive archaeological studies of the multilayer Akkain-2 site located in the north-east of Saryarka in the Kalmakkyrgan mountain range in 2022–2023. As a result of the work of the International Archaeological Expedition of the Joint Archaeological Research Center named after A.H. Margulan

Toraigyrov and Altai State University, stationary studies of the memorial fence in the Taskora tract, as well as at three sites in the Akkain tract, were carried out. Small exploratory excavations were carried out at the multilayered Akkain-2 settlement, which yielded diverse material from the Eneolithic to the Modern period, represented by fragments of animal bones, ceramics, stone, non-ferrous metal and iron products.

Keywords: Northeastern Saryarka, Kalmakkyrgan mountains, Akkain-2, multi-layered parking lot

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (state assignment «Turkic Heritage of the “Greater Altai”: History and modernity»).

For citation: Grushin S.P., Merts I.V., Merts V.K., Seibert V.O., Tishkin A.A. Archaeological Investigations of the Akkain-2 Site in the Kalmakkyrgan Mountain Range (North-eastern Kazakhstan). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:163–172. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.24

Одной из актуальных проблем в археологии Северо-Восточного Казахстана является слабая изученность поселенческих комплексов эпохи Средневековья. Данная ситуация не дает возможностей для адекватной реконструкции системы жизнеобеспечения и сферы производства у населения, проживавшего в различных природно-климатических условиях. В связи с этим большую важность приобретают комплексные исследования отдельных микрорайонов, включающие поиск, выявление и изучение поселенческих памятников.

Такие работы были начаты Объединенным археологическим научно-исследовательским центром (ОАНИЦ) им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета под руководством В.К. Мерца в 2019–2020 гг. в горном массиве Калмаккырылган на территории Акшиманского сельского округа Майского района Павлодарской области (рис. 1.-1). Ранее в предварительных публикациях были представлены материалы исследования тюркских оградок с изваяниями на западе горного массива, а также в урочище Таксора и поселения Аккаин-1 (Мерц, 2019; Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова, 2020; Грушин, Мерц И.В., Мерц В.К., 2024). В данной статье будут рассмотрены результаты изучения многослойного поселения Аккаин-2.

Комплекс поселений в урочище Аккаин расположен в 4 км к югу от с. Новый Акшиман, в северо-восточной части горного массива Калмаккырган. Памятники были открыты В.К. Мерцем в 2019 г. Поселение Аккаин-2 занимает небольшую и закрытую с трех сторон скальными выходами территорию площадью около 1500 кв. м. На поверхности визуально фиксируются остатки каменных конструкций (рис. 2; 3). В 2019 г. на этом памятнике были собраны две каменные мотыги (трапециевидная и с боковыми выемками), обрубок меди после отливки из формы, всплеск, медная проволока, обломок бубенчика, перстень и колючка, бусина, жестянка, железные обломки и фрагмент кумгана, а также чугунная ножка (рис. 3.-1–13). Предварительно поселение было датировано ранним железным веком — Новым временем.

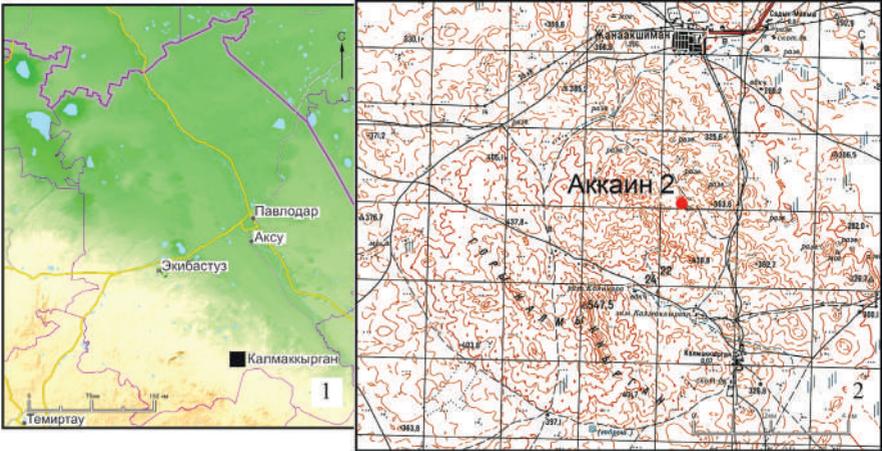

Рис. 1. Расположение горного массива Калмаккырган на карте региона (1).
 Месторасположение памятника Аккаин-2 в горном массиве Калмаккырган (2)
 Fig. 1. The location of the Kalmakkyrgan mountain range on the map of the region (1).
 The location of the Akkain-2 site in the Kalmakkyrgan mountain range (2)

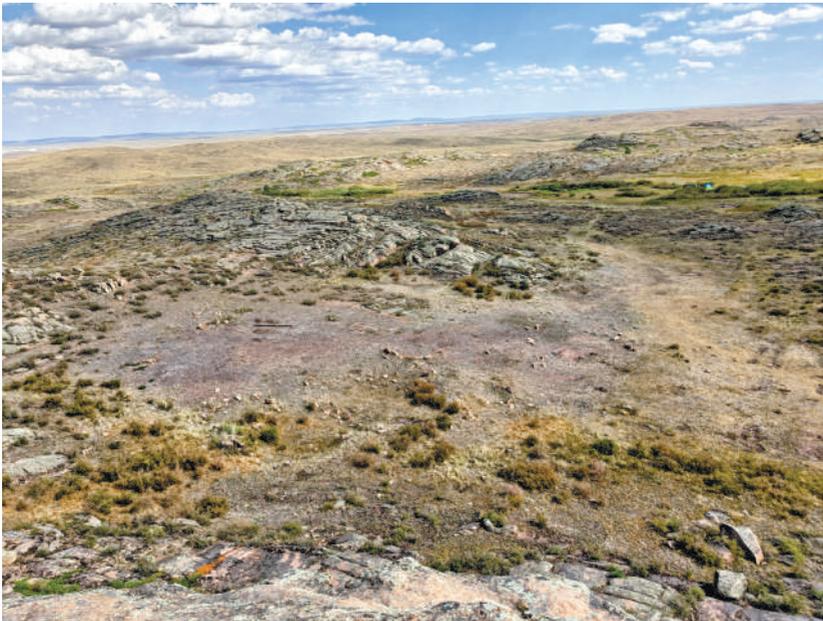

Рис. 2. Вид на памятник Аккаин. Снято с запада (фото С.П. Грушина)
 Fig. 2. View of the Akkain site. Taken from the west (Photo by S. P. Grushin)

Исследования на памятнике были продолжены в 2022–2024 гг. совместной экспедицией ОАНИЦ им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета и Алтайского государственного университета. На поселении Аккаин-2 был произведен сбор подъемного материала, зафиксированы каменные конструкции, составлен топоплан, исследован культурный слой в границах небольшого раскопа площадью 4 кв. м.

Рис. 3. Материалы, собранные на памятнике Аккаин-2 в 2019 г. В.К. Мерцем
Fig. 3. Materials collected at the Akkain-2 site in 2019 by V.K. Merts

В ходе визуального обследования территории были выявлены выложенные из крупных камней округлые и подчетырёхугольные сооружения, в некоторых из них фиксировались западины и дополнительные каменные конструкции. Вероятно, основная часть таких сооружений представляет собой основания жилищ, внутри которых находились каменные очажные устройства. На площади поселения выделяются три группы сооружений (рис. 4).

Северная группа представлена отдельным сооружением №1. Это четырёхугольная ограда размерами 6×4 м, выложенная каменными блоками по периметру. Ограда вытянута по линии 3–В. В центре фиксировались крупные плиты — детали очага (?).

Центральная группа представлена шестью постройками. Сооружение №2 расположено в 30 м к юго-западу от сооружения №1. Оно имеет овальную форму и размеры 8×5 м. С юго-восточной стороны вход оформлен двумя крупными каменными блоками. Высота стенки достигает 1 м. Сооружение

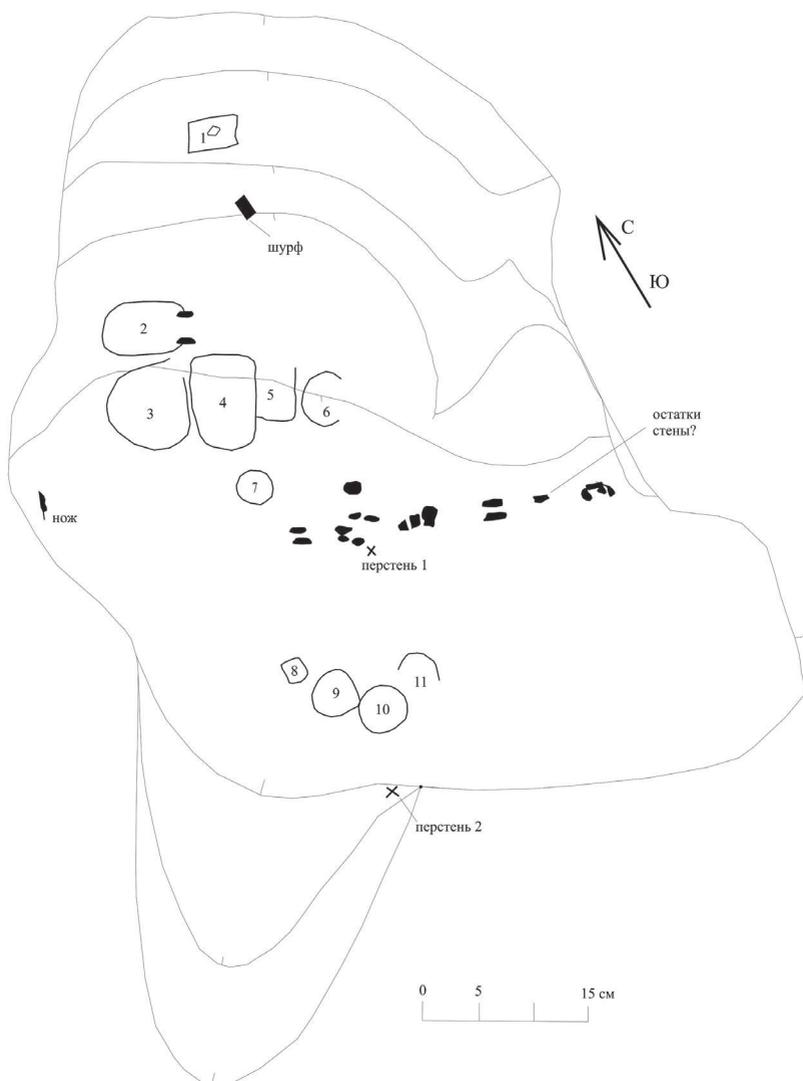

Рис. 4. Топоплан памятника Аккаин-2
 Fig. 4. Topoplane of the Akkain-2 site

№3 примыкает вплотную к предыдущему с юго-западной стороны. Оно представляет собой котлован округлой формы диаметром 9 м и глубиной 1,5 м. По его периметру установлены крупные каменные блоки. Предположительно вход находится с восточной стороны. В центре располагается округлое

скопление камней (очаг?). Сооружение №4, подчетыреугольной формы и размерами 12×5 м, вытянуто по линии ЮЗ–СВ. Оно имеет общую стенку с предыдущим сооружением. Сооружение №5 (размерами 5×5 м) вплотную примыкает вплотную к юго-восточной стенке четырехугольного сооружения №4. Северо-восточная стенка у него не фиксируется. Вероятно, там был вход-выход. Сооружение №6 примыкало вплотную к предыдущей конструкции №5. Оно имело форму круглой ограды диаметром 5 м из крупных каменных блоков. Сохранилась только западная половина данного объекта. Сооружение №7 расположено в 2 м к югу от сооружения №4. Оно представляет собой округлую ограду диаметром 3 м из вертикально поставленных каменных блоков. Южнее сооружения №7 фиксируется ряд вертикально вкопанных крупных блоков, который перерезает жилую площадку пополам с запада на восток. Камни могут быть остатками фундамента стены, в основе которых располагались сдвоенные крупные каменные блоки.

Южная группа представлена четырьмя сооружениями (№8–11). Объекты расположены в 15 м к югу от камней вышеуказанной «стены». Сооружение №8 имеет округлую форму диаметром 3 м. Оно возведено из крупных блоков и мелких камней. Сооружение №9 выложено из небольших камней и имеет округлую форму диаметром 5 м. Внутри него с северной стороны фиксируется западина диаметром 0,2 м (остатки очага?). Сооружение №10 примыкает с юго-востока к предыдущей конструкции. Оно выложено крупными каменными блоками и имеет округлую форму, диаметром 5 м и глубиной 0,2 м.

На памятнике был заложён шурф 4×1 м в 5 м к югу от сооружения №1, который позволил определить стратиграфию поселения и получить относительно представительную коллекцию артефактов. Культурный слой, зафиксированный в раскопе, представлен темно-пепельной супесью мощностью 5–10 см с многочисленными вкраплениями золы и угля. Внизу он ограничен цокольными плитами гранита и желтым гравием — продуктом разрушения гранита.

В раскопе были выявлены артефакты трех хронологических периодов. Наиболее ранние материалы относятся к эпохе камня. Они представлены обломками ретушированных отщепов (рис. 5.-1–2). Предварительно их можно датировать в пределах энеолита — ранней бронзы.

Следующий по времени комплекс предметов относится к раннему железному веку. Это два фрагмента керамики — венчик и стенка с «жемчужиной», обломок втульчатого наконечника стрелы (рис. 5.-3–5). Керамика находит аналогии среди материалов тасмолинских поселений Центрального Казахстана — Шидертинское-2, Сарыбуйрат, Кызылсуир-2 и др. (Бейсенов, Ломан, 2011, с. 411, рис. 1; Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 96.-3, 99.-1, 112.-1). Обломанное основание наконечника стрелы и его археологический контекст затрудняют более точную датировку его. В целом же двухлопастные и втульчатые изделия с выступающей и скрытой втулкой с шипами и без них датируются в пределах раннесакского времени (IX–VII вв. до н.э.) (Иванов, 2018, с. 44; Таиров, 2007, рис. 5.-15–20; и др.). Следовательно, этим же временем можно датировать изделия из поселения Аккаин-2. Судя по результатам осу-

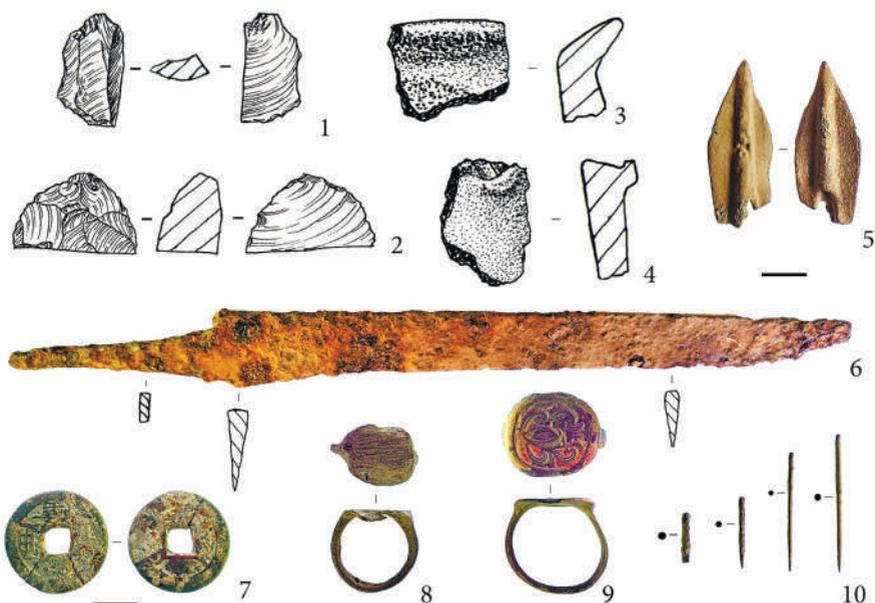

Рис. 5. Находки, обнаруженные на поселении Аккаин-2 в 2024 г.

Fig. 5. Finds discovered at the Akkain-2 settlement in 2024

ществленного рентгенофлуоресцентного анализа находки, освобожденной от поверхностных окислов, наконечник является медным с рудными примесями в виде мышьяка и свинца: Cu (медь) — 98,52%; As (мышьяк) — 1,13%; Pb (свинец) — 0,24%; Fe (железо) — 0,11%. Данная рецептура больше характерна для переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Такие изделия в раннесакское (раннескифское) время уже были в основном медно-оловянными.

Каменные мотыги трапециевидной и восьмерковидной формы (рис. 3-1-2) широко распространены на памятниках раннего железного века Центрального Казахстана. На поселении Шидертинское-2 найдено более 200 целых и обломков подобных изделий. Они, как и весь комплекс памятника сакского времени, датируются в пределах VII-V вв. до н.э. (Бейсенов, Мерц, 2010, с. 44, рис. 6, 7). Учитывая приведенные параллели, рассматриваемые материалы раннего железного века поселения Аккаин-2 можно отнести к раннесакскому времени и связывать их с результатами деятельности носителей тасмолинской археологической культуры.

Наиболее поздние материалы, найденные на исследуемом памятнике, относятся к Новому времени. В шурфе были найдены обломки китайской медной монеты, два перстня, железные иголки и черешковый нож (рис. 5-6-10). Найденная китайская монета определяется как Цяньлун Тунбао тип В

(рис. 5.-7). Монеты данного типа чеканились в 1748–1753 гг. во время правления императора Цяньлуня на монетном дворе в г. Сиань провинции Шэньси¹. Вероятно, этим же временем могут датироваться и находки перстней, обнаруженные в разных местах поселения. На маленьком изделии (рис. 5.-8) изображение было стерто. На более крупном перстне изображен растительный орнамент в виде завитков (рис. 5.-9). В настоящее время типология подобных изделий пока не разработана. Тем не менее данный сюжет находит аналогию среди декоративных украшений чехлов для кос незамужних женщин, которые использовали урянхайцы и захчины (Амгалан, 2008, рис. 19). Возможно, к ойратскому костюму относится и обнаруженный во время сборов 2019 г. обломок колокольчика (рис. 3.-5). Подобные предметы применялись для украшения чехлов для кос западных монголов (Баасанхүү, Батмөнх, 2010, с. 86).

Высказанные предположения о датировке находок из цветного металла в определенной степени подтверждают результаты рентгенофлуоресцентного анализа. Они были получены с помощью портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США)². Перед тем как представить выявленные химические составы использовавшихся сплавов, необходимо указать, что у всех находок из цветного металла имелся слой патины и окислов, который не давал возможности для получения объективных результатов. В связи с этим для проведения тестирования осуществлялось аккуратное механическое снятие поверхностной коррозии на маленьком участке. Исследования прибором дали такие результаты:

Сломанная монета (рис. 5.-7): Cu — 68,55%; Zn (цинк) — 20,55%; Pb — 8,47%; Sn (олово) — 1,91%; Fe — 0,47%; Ni (никель) — 0,05%.

Перстень малый (рис. 5.-8): Cu — 81,48%; Zn — 13,17%; Pb — 2,59%; Sn — 1,75%; Fe — 0,89%; Ni — 0,12%.

Перстень крупный (рис. 5.-9): Cu — 69,82%; Zn — 26,44%; Pb — 3,05%; Fe — 0,61%; Ni — 0,08%.

Все перечисленные находки сделаны из цветного металла, основу которого составляет медь (Cu). Важной легирующей добавкой являлся цинк (Zn). Он выявлен в разном количестве вместе со свинцом (Pb) и оловом (Sn). Это повлияло на характеристику сплавов: 1) медно-цинково-свинцово-оловянный сплав, или сложная латунь (Cu + Zn + Pb + Sn); 2) медно-цинково-свинцовый сплав (Cu + Zn + Pb). Данные рецептуры характерны для эпохи средневековья и Нового времени (Енисова, Митоян, Сарачева, 2001), что не противоречит зафиксированному контексту находок и их происхождению. Несмотря на удаление поверхностных окислов, в представленных элементных рядах остались следы коррозии, проникшей вглубь изделий, о чем

¹ ZENO.RU — Oriental Coins Database <https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=13058>

² Указанный прибор является оборудованием лаборатории цифровой археологии и музеологии Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа «Аналитическая», адаптированная для изучения археологических находок и предусматривающая время каждого измерения 30 с.

свидетельствует довольно заметное количество железа (Fe) и, по-видимому, никеля (Ni). В одном случае отмечено наличие ниобия (Nb), который часто сопровождает цинк и встречается в рассеянной форме в разных рудах.

Остальные железные предметы — нож, ножка и обломок кумгана, хотя и являются морфологически выраженными предметами, их датировка затруднительна, поскольку типология и хронология для подобных изделий для Нового времени не разработана. Эти вещи могут относиться как к XVIII, так и XIX в., то же относится и к остальным, менее выраженным предметам. Учитывая возраст найденной монеты, можно предположить, что площадка поселения Аккаин-2 использовалась в качестве жилой населением в XVIII в. Поскольку часть предметов сопоставляются по изобразительному стилю с ойратскими, данное поселение в XVIII в. использовалось ойратами, а позднее в XIX в. — казахами. Более точно данные выводы удастся уточнить после проведения на нем стационарных работ, изучив выявленные на поселении жилищные конструкции. Вероятно, к позднему времени следует отнести и основную часть зафиксированных каменных конструкций.

Таким образом, в результате проведенных исследований был получен своеобразный комплекс археологических предметов, отражающих материальную и духовную культуру населения северо-восточной Сарыарки от неолита до Нового времени. В целом удалось наметить необходимые направления исследований в выбранном районе, которые будут проводиться Объединенным археологическим научно-исследовательским центром им. А.Х. Маргулана Торайгыров университета совместно с Алтайским государственным университетом.

Список источников

Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улан-Батор, 2008. 212 с.

Баасанхүү А., Батмөнх Б. Монголын ойрадуудын соёл. Улан-Батор, 2010. 385 т.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009. 264 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2 (Центральный Казахстан) // Маргулановские чтения-2011. Астана, 2011. С. 408–418.

Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. №1. С. 40–45.

Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К. Исследование памятников тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточная Сарыарка): предварительное сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 152–160.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России. М., 2001. С. 358–371.

Иванов С.С. Комплекс вооружения раннесакского времени Притяньшанья // Метаморфозы истории: альманах. 2018. Вып. 11. С. 40–54.

Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Археологические исследования в горах Калмаккырган (Майский район Павлодарской области) // Маргулановские чтения — 2020. Т. 2. Алматы, 2020. С. 483–497.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.

Мерц В.К. Қалмаққырған жерінен табылған археологиялық деректер (Прошлое Калмаккыргана по археологическим данным) // Битва у Сериктас шайқасы (Ертістің Сарыарқа өңіріндугі қазақ-қалмақ саяси қатынастары. XVIII ғ.о.): ғылыми басылым. Павлодар, 2019. С. 4–41.

Информация об авторах / Information about the Author

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Илья Викторович Мерц, Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана, Торайгыров университет, старший научный сотрудник; 140008, г. Павлодар, ул. Ломова 64, каб. 102; докторант, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-9066-9629>, barnaulkz@mail.ru

Илья В. Merts, Joint Archaeological Research Center named after A.H. Margulan, Toraigyrov University, Senior Researcher; 140008, Pavlodar, 64 Lomova St., office 102, Doctoral Student, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-9066-9629>, barnaulkz@mail.ru

Виктор Карлович Мерц, Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А.Х. Маргулана, Торайгыров университет, директор; 140008, г. Павлодар, ул. Ломова 64, каб. 102, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3163-1609>, v_merz@mail.ru

Viktor K. Merts, Joint Archaeological Research Center named after A.H. Margulan, Toraigyrov University, Director; 140008, Pavlodar, 64 Lomova St., office 102, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3163-1609>, v_merz@mail.ru

Виолетта Олеговна Сайберт, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-5408-935X>, vita77792@mail.ru

Violetta O. Seibert, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russia, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-5408-935X>, vita77792@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

**ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА №37 ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА МОГИЛЬНИКЕ ХАНХАРИНСКИЙ ДОЛ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

**Петр Константинович Дашковский, Александр Николаевич Ожиганов,
Елена Александровна Шершнева**
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В публикации изложены предварительные результаты раскопок кургана №37 могильника Ханхаринский Дол. Памятник, расположенный в Краснощевковском районе Алтайского края, входит в состав Чинетинского археологического микрорайона (Северо-Западный Алтай). В кургане №37 обнаружено, вероятно, вторичное погребение женщины в возрасте старше 50 лет. Женщина была уложена внутри деревянной рамы и ориентирована головой на восток. В могиле вдоль северной стенки зафиксировано сопроводительное захоронение лошади в традиционной позе на животе с подогнутыми копытами. Данный признак подчеркивал определенное социальное положение умершей женщины. Погребальный инвентарь из кургана №37 включал в себя бронзовое миниатюрное зеркало, железный нож, железную заклепку, а также керамическую посуду. На основе сравнительного анализа погребального обряда и инвентаря курган №37 относится к пазырыкской культуре Алтая и предварительно датирован IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: скифская эпоха, пазырыкская культура, Алтай, курган, погребальный обряд, инвентарь

Для цитирования: Дашковский П.К., Ожиганов А.Н., Шершнева Е.А. Исследование кургана №37 пазырыкской культуры на могильнике Ханхаринский Дол: предварительные результаты // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 173–178. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.25

**INVESTIGATION OF MOUND NO. 37 OF THE PAZYRYK CULTURE
AT THE KHANKHARINSKY DOL BURIAL GROUND:
PRELIMINARY RESULTS**

Peter K. Dashkovskiy, Alexander N. Ozhiganov, Elena A. Shershneva
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The publication presents preliminary results of excavations of burial mound No. 37 of the Khankharinsky Dol burial ground. The site, located in the Krasnoshchyokovsky District of the Altai Territory, is part of the Chinetsinsky Archaeological Microdistrict (Northwestern Altai). A secondary burial of a woman over 50 years old was probably discovered in burial mound No. 37. The woman was laid inside a wooden frame and oriented with her head to the east. An accompanying burial of a horse in the traditional pose on its stomach with

tucked hooves was recorded in the grave along the northern wall. This feature emphasized a certain social status of the deceased woman. The burial inventory from burial mound No. 37 included a miniature bronze mirror, an iron knife, an iron hairpin, and ceramic dishes. Based on a comparative analysis of the burial rite and inventory, burial mound No. 37 belongs to the Pazyryk culture of Altai and is preliminarily dated to the 4th–3rd centuries BC.

Keywords: Scythian era, Pazyryk culture, Altai, burial mound, burial rite, inventory

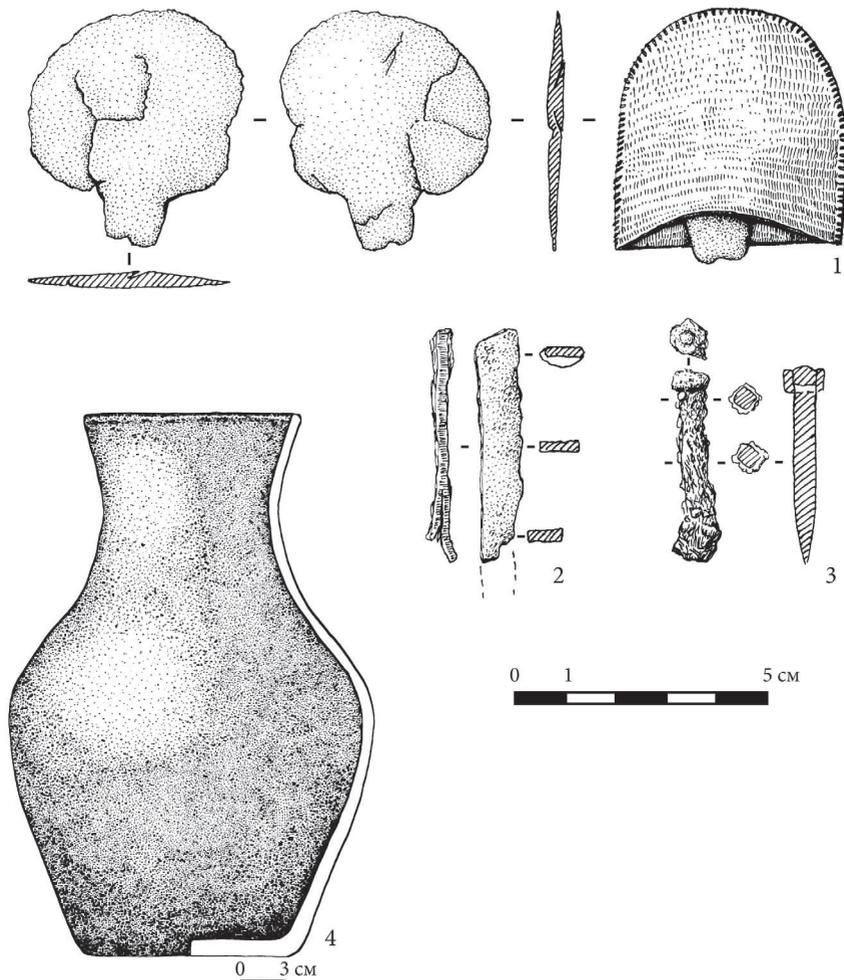
For citations: Dashkovskiy P.K., Ozhiganov A.N., Shershneva E.A. Investigation of Mound No. 37 of the Pazyryk Culture at the Khankharinsky Dol Burial Ground: Preliminary Results. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:173–178. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.25

Изучение памятников Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае (Краснощековский район Алтайского края) проводится Краснощековской археологической экспедицией АлтГУ под руководством П.К. Дашковского уже на протяжении почти 25 лет, начиная с 2001 г. Особое внимание уделяется раскопкам курганного некрополя Ханхаринский Дол. Могильник находится в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к юго-востоку от с. Чинета. На данный момент в пределах некрополя зафиксировано около 50 курганов скифо-сакской эпохи (Дашковский, 2023). Представленная статья посвящена предварительным итогам изучения кургана №37 указанного некрополя.

Курган №37 обнаружен в северной части могильника Ханхаринский Дол. Диаметр каменной насыпи был сложен в два слоя из мелких и средних по размеру камней и составлял с севера на юг 8,25 м, а с запада на восток — 8,75 м. Высота сооружения из камня достигала 0,4 м, а вместе со слоем грунта — 0,5 м. В центре кургана прослежена западина диаметром с севера на юг 2,5 м, а с запада на восток — 3 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка — крепиды из более крупных камней, она достигала диаметра 8,75 м. В центральной части под насыпью кургана обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, которая имела такие размеры: 2,9×2,05×2,15 м. Могила ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Глубина могилы дана с учетом отметки нулевого репера. В могиле зафиксировано деревянное перекрытие внутримогильной конструкции в виде рамы (?). Удалось установить, что оно состояло из девяти плах. Длина плах 0,7–1,17 м ширина — 0,1–0,3 м. От рамы сохранилось фрагменты трех плах вдоль северной и восточной стенок могилы. В могиле обнаружено, вероятно, вторичное погребение женщины в возрасте старше 50 лет¹, которая была уложена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на восток. Большеберцовые и малоберцовые кости были существенно смещены в сторону бедренных костей, которые, в свою очередь, тоже находились выше своего обычного расположения и существенно ближе к плечевым и лучевым костям.

¹ Антропологические определения погребенных из кургана №37 могильника Ханхаринский Дол сделаны к.и.н. С.С. Тур. За это авторы выражают ей благодарность.

В 25 см к северо-востоку от черепа зафиксирована ритуальная пища (кости барана) и железный нож (рис.-2). В 0,4 м к северо-востоку от черепа обнаружен развал керамического сосуда (рис.-4). Под черепом найден фрагмент железной заколки (рис.-3). Возле черепа выявлено пятно черной краски. В районе левой большеберцовой кости, которая оказалась смещена выше берцовой, обнаружено миниатюрное бронзовое зеркало в кожаном футляре (рис.-1).

Инвентарь из кургана №37 могильника Ханхаринский дол: 1 — бронзовое зеркало;
 2 — железный нож; 3 — железная заколка; 4 — керамический сосуд
 Inventory from burial mound No. 37 of the Khankharinsky Dol burial ground:
 1 — bronze mirror; 2 — iron knife; 3 — iron hairpin; 4 — ceramic vessel

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,44–1,68 м зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена в традиционном положении — на живот с подогнутыми копытами и ориентирована головой на восток. Наличие сопроводительного захоронения лошади в женских погребениях пазырыкской культуры Алтая — относительно редкое явление, во всяком случае, намного реже, чем в мужских (Тишкин, Дашковский, 2003), поэтому фиксация такого элемента обряда дополнительно подчеркивает социальный статус погребенного человека.

Особенности погребального обряда и инвентаря, которые отмечены в процессе раскопок кургана №37 на могильнике Ханхаринский Дол, находят определенные аналогии среди других некрополей пазырыкской культуры Алтая (Дашковский, 2023; Суразаков, 1989; Могильников, 1983а, б; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.).

Остановимся подробнее на анализе некоторых предметов сопроводительного инвентаря. В частности, особого внимания заслуживает бронзовое зеркало из кургана №37. Оно представляло собой уменьшенную копию, которая схематично передавала очертания изделия и была изготовлена специально для погребений. Оно имело не совсем правильную округлую форму диаметром 3,75 см. С одной стороны изделия зафиксирована слабо выраженная ручка длиной около 1 см и шириной 1 см. Миниатюрный экземпляр зеркала из кургана №37, вероятно, может быть отнесен к типу 1, варианту 1, который характеризуется подквадратной или подпрямоугольной ручкой, длина которой не превышает диаметр зеркала по классификации (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 78–79). Такой тип зеркал, но большего размера и с более четко выраженной ручкой подпрямоугольной или квадратной формы гораздо чаще встречается в курганах скифского времени Горного Алтая. В частности, такого типа зеркала найдены в процессе раскопок курганов №23 м. Тыткескень-VI, №60 м. Усть-Эдиган, №6 м. Юстыд-I, №21 м. Юстыд-XII, №23 м. Малталу-IV и др. (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 186, рис. 18.-3; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 78; Кубарев, 1991, табл. XI.-4, L.-15–16; Кубарев, 1992, LXVII.-6).

Другая категория вещей представлена женской железной заколкой, которая обнаружена в кургане №37. Длина сохранившейся части изделия 3,3 см. Сверху заколка заканчивалась, вероятно, небольшим грибовидным навершием диаметром 0,9 см. Важно подчеркнуть, что железные, а также бронзовые заколки с различными типами наверший встречаются не часто в погребениях кочевников скифской эпохи Горного Алтая (Сорокин, 1974, с. 69; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2004, с. 183, рис. 15.-6; Кубарев, 1991, с. 111; 1992, с. 93–95, 218, табл. LXX.-15; Дашковский, Мейкшан, 2015; Дашковский, Ожиганов, Шершнева, 2020).

Железный пластинчатый нож и керамический сосуд являются наиболее распространенными категориями погребального инвентаря в памятниках пазырыкской культуры Алтая (Кубарев, 1987; Суразаков, 1989; и др.). В целом с учетом имеющихся аналогий в погребальном обряде и инвентаря, обнаруженного при раскопках кургана №37 могильника Ханхаринский Дол, можно

отнести его к пазырыкской культуре и установить предварительно датировать IV–III вв. до н.э.

Таким образом, результаты исследования кургана №37 могильника Ханхаринский Дол дополняют накопленные сведения о погребальном обряде, инвентаре, социальных отношениях и мировоззрении кочевников Алтая скифо-сакской эпохи. В дальнейшем планируется уделить более пристальное внимание возможностям использования естественно-научных методов в археологии при анализе артефактов, а также рассмотреть особенности практики вторичных погребений, которая зафиксирована в целой серии курганов могильников Ханхаринский Дол.

Список источников

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6).

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2015. С. 72–85.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н., Шершнева Е.А. Предварительные итоги изучения кургана №32 на могильнике Чинета-II в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. №26. С. 36–41.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII — памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983а. С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 40–71.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 165 с. 49 ил.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Петр Константинович Дашковский, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>, dashkovskiy@fnp.asu.ru

Petr K. Dashkovskiy, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Head of the Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>, dashkovskiy@fpn.asu.ru

Александр Николаевич Ожиганов, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, ozhiganov@bk.ru

Alexander N. Ozhiganov, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Senior Lecturer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, ozhiganov@bk.ru

Елена Александровна Шершнева, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>, d2703@yandex.ru

Elena A. Shershneva, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>, d2703@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.22»6377»

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.26

EDN: HZIYTO

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ КОСАРЕЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

Геннадий Егорович Иванов

Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматриваются случайные находки орудий труда периода позднего бронзового века — серпов-косарей и косарей. В степной части Алтайского края их связывают с памятниками существовавшей здесь саргаринско-алексеевской культуры. Находка одного изделия в Новосибирской области, на территории распространения ирменской культуры, может свидетельствовать о связях саргаринцев и ирменцев. Дается подробное описание и типология орудий. Определяется датировка и культурная принадлежность изделий. Публикуемые находки существенно дополняют существующие типологические ряды, характеризуют уровень металлургии и хозяйственного развития населения степного Алтая в период позднего бронзового века.

Ключевые слова: случайная находка, Верхнее Приобье, период поздней бронзы, саргаринско-алексеевская культура, косарь

Благодарности: автор благодарен И.Г. и М.Г. Клюкиным за возможность знакомства с коллекцией.

Для цитирования: Иванов Г.Е. Случайные находки косарей позднего бронзового века в Верхнем Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 178–182. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.26

ACCIDENTAL FINDS OF LATE BRONZE AGE MOWERS IN THE UPPER OB REGION

Gennady E. Ivanov

Independent Researcher, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the accidental finds of tools from the Late Bronze Age period — mower sickles and mowers. In the steppe part of the Altai Territory, they are associated with the sites of the Sargarin-Alekseevsky culture that existed here. The discovery of one product in the Novosibirsk region, in the territory of the Irmen culture, may indicate the connections of the Sargara people and the Irmen people. A detailed description and typology of the tools are given. The dating and cultural affiliation of the products are determined. The published finds significantly complement the existing typological series, characterize the level of metallurgy and economic development of the population of the Altai Steppe during the Late Bronze Age.

Keywords: accidental find, Upper Ob region, Late Bronze Age, Sargara-Alekseevskaya culture, mower.

Acknowledgments: the author is grateful to I.G. and M.G. Klyukin for the opportunity to explore the collection.

For citation: Ivanov G.E. Accidental Finds of Late Bronze Age Mowers in the Upper Ob Region. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025; XXXI:178–182. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.26

Несмотря на снисходительно-пренебрежительное отношение некоторых археологов к так называемым случайным находкам, они имеют определенное значение при наполнении и развитии типологических рядов (некоторые из них пока в основном и состоят), в определении направления культурных связей, оценки уровня развития металлургического производства и хозяйства населения в целом в ту или иную эпоху. Особенно это относится к изделиям, не являющимся массовыми находками.

К этой категории принадлежат косари из цветного металла, датируемые периодом позднего бронзового века. С несколькими разнотипными изделиями из этого ряда мне удалось ознакомиться.

1. Серп-коса. Новосибирская область, точное место находки неизвестно. Изделие имеет типичную для подобных орудий Г-образную форму. Общая длина изделия 28,8 см.

По центру полотна с обеих сторон слабо выраженное утолщение. Режущая кромка отбита и заточена, по всему лезвию идут мелкие зазубрины. Наибольшая ширина полотна (у основания) — 4,0 см, в центре — 3,6 см, у острия — 1,6 см. Толщина его у основания 0,7 см, в середине — 0,6 см, у острия — 0,3 см.

Обух отлит утолщенным, особенно с внутренней стороны (как и у современных кос). Толщина обуха от 0,8 см у основания до 0,4 см у острия.

Втулка для рукояти, как и у всех подобных изделий, отлита в виде прямоугольной пластины и слегка свернута с краев, образуя плоское ложе под рукоять, подпрямоугольное в плане и в профиле. Внешние параметры: ввер-

ху — 4,9 см, внизу — 4,7 см, ширина — 1,7 см. Внутренние размеры втулки — 1,2×4,2 см. Расстояние между краями загибов — 2,1 см.

Находка хорошей сохранности, покрыта ровной темно-зеленой патиной со следами ее чистки по всей поверхности. В потертостях виден металл розовато-красного цвета, позволяющий предположить, что изделие изготовлено, видимо, практически из чистой меди (рис. 1.-1).

Подобные орудия характерны для саргаринско-алексеевских комплексов XIII–IX вв. до н.э., а также кладов и случайных находок с территории распространения культуры в Киргизии, Казахстане и в Алтайском крае и подробно описаны в литературе (Кузьмина, 1966, с. 56–57, табл. XI.-15; Аванесова, 1991, с. 22, рис. 8.-30; 20.-39–48; 21.-63).

В степном Алтае к находке изделия этого типа из Волчихи (Тишкин, Фролов, 2015, с. 174–176, рис. 3, 4) нужно добавить обломки полотен серпов-косарей из с. Половинкино Рубцовского района и из с. Первые Коростели Угловского района.

Сохранившаяся часть изделия из с. Половинкино имеет длину 16,3 см, максимальную ширину 3,6 см (примерно в середине полотна), у острия — 1,8 см. Толщина утолщенного обушка в середине 0,5 см, у острия — 0,35 см. Лезвие заостренное, с зубринами (рис. 2.-1). Видимо, по размерам и пропорциям целое изделие было близко к публикуемому орудью из Новосибирской области.

Обломок серпа-косаря из Первых Коростелей более массивен. Длина сохранившейся части 14 см, максимальная ширина 4,5 см, ширина у острия — 2,7 см, толщина утолщенного обушка — 0,6 см, толщина у острия — 0,35 см. Лезвие проковано, заострено, покрыто многочисленными зубринами (рис. 2.-2).

Оба обломка очищены находчиками от патины, металл золотисто-розового цвета, покрыт пятнами свежих ярко-зеленых окислов.

Следует отметить, что изделия из Алтайского края и Новосибирской области отличаются от западных аналогий более стройными, вытянуто-удлиненными пропорциями, что может указывать на совершенствование типа во времени. Находка серпа в Новосибирской области, видимо, связана с памятниками ирменской культуры и свидетельствует о связях с населением алтайских степей.

2. Серп с крюком. Найден на берегу Гилевского водохранилища недалеко от с. Корболиха Третьяковского района. Рисунок и краткое описание опубликованы Г.А. Клюкиным (1993, с. 139, рис. 1.-5). Публикуя фотографию изделия, добавим к описанию, что толщина полотна 0,6 см в рукояточной части, 0,2 см у острия, ширина полотна в середине — 5,6 см. Изделие слегка изогнуто (рис. 1.-3).

3. Косарь со слегка горбатой, прокованной спинкой, слегка выпуклым лезвием, округлой пяткой с круглым отверстием по центру для подвешивания. Острие обломлено в древности, излом покрыт патиной. Выпахан при противопожарной распахке у лесхоза, на северо-западной окраине села Лаптев Лог Угловского района (рис. 1.-2).

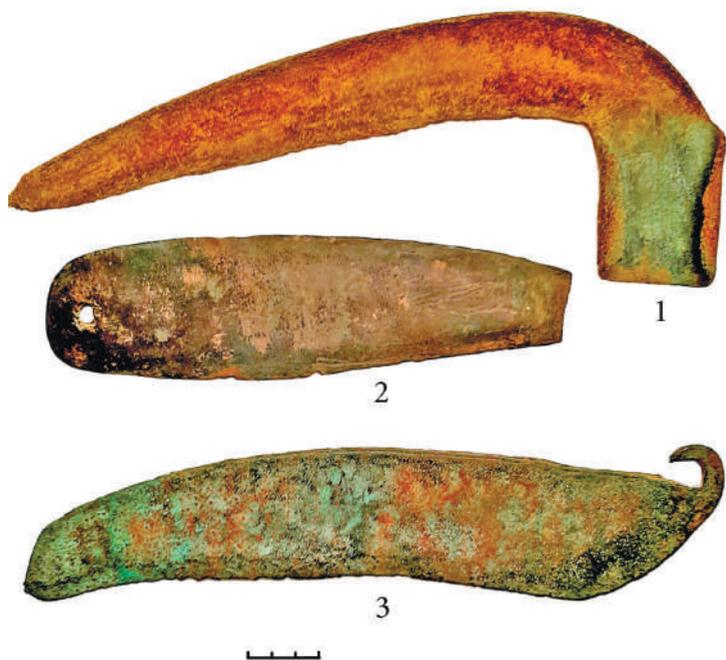

Рис. 1. Косари разных типов из Верхнего Приобья
Fig. 1. Mowers of different types from the Upper Ob Region

Рис. 2. Обломки серпов-косарей из юго-западного Алтая
Fig. 2. Fragments of mowing sickles from southwestern Altai

Длина сохранившейся части изделия 21,9 см, максимальная ширина (около середины полотна) 6 см, максимальная толщина обушка в середине 0,5 см, у обушка и у острия — 0,3 см. С обеих сторон по всей поверхности следы заглаживания абразивом в виде многочисленных продольных параллельных царапин, покрытых патиной. Лезвие остро заточено, зазубрин нет (две крупные зазубрины нанесены в процессе или после находки). В нижней половине лезвия глубокие патинированные крупные царапины, с одной стороны перпендикулярные лезвию, с другой — извилистые параллельные, свидетельствующие вместе с обломанным острием о том, что изделие использовалось не только для срезания травы, но и для рубки и резания более твердых материалов.

Оба изделия типичны для саргаринско-алексеевских древностей и датируются временем существования культуры.

Обломки подобных орудий найдены практически на всех исследованных поселениях культуры, что свидетельствует об их широком использовании в хозяйственной жизни населения алтайских степей в период поздней бронзы (Кирюшин и др., 2007, с. 262–263, рис. 2.-1; Фролов и др., 2020, с. 172–180; Папин, Ситников, 2024; и др.).

Список источников

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Раиткин С.С., Тырышкина Ю.Ю. Новые материалы эпохи бронзы с поселения Калиновка-II в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII, ч. 1. Новосибирск, 2007. С. 260–263.

Клюкин Г.А. Случайные находки из Алейских степей // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 136–140.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966. 150 с. (САИ. Вып. В4-9).

Папин Д.В., Ситников С.М. Новые находки бронзовых серпов периода поздней бронзы из степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXX. Новосибирск, 2024. С. 665–668.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Металлические орудия труда эпохи бронзы из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха, Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 171–180.

Фролов Я.В., Тишкин А.А., Папин Д.В., Удодов В.С. Бронзовые серпы с крюком из Кулундинской степи: комплексная характеристика и рентгенофлуоресцентный анализ // Теория и практика археологических исследований. 2020. №3 (31). С. 172–180.

Информация об авторе / Information about the Author

Геннадий Егорович Иванов, независимый исследователь; Россия, г. Барнаул, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

Gennady E. Ivanov, Independent Researcher; Russia, Barnaul, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article
УДК: 902.3
DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.27
EDN: DQVJXV

РАСКОПКИ 2009 ГОДА НА ТОРОПОВО-7

Андрей Михайлович Илюшин
*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

Резюме. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция занимается исследованием Касьминского археологического микрорайона, где более десяти лет проводятся спасательные и исследовательские раскопки на комплексе археологических памятников Торопово-7. В работе описываются результаты и публикуются ранее неизвестные материалы полевого сезона 2009 г. Дается характеристика публикуемых источников. Они отождествляются с позднеирменской археологической культурой периода поздней бронзы или переходным периодом от поздней бронзы к раннему железному веку, а также с шандинской археологической культурой развитого средневековья. Делается вывод о наличии смешанного культурного слоя на памятнике. Приводятся уникальные данные о скоплении сырья для изготовления шамота. Описываются прокалы от двух кострищ. Дается их относительная хронология по находкам близ этих объектов.

Ключевые слова: Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция, комплекс археологических памятников Торопово-7, позднеирменская археологическая культура, эпоха бронзы, шандинская археологическая культура, развитое средневековье

Для цитирования: Илюшин А.М. Раскопки 2009 года на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 183–189. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.27

EXCAVATIONS AT TOROPOVO-7 IN 2009

Andrey M. Ilyushin
Kuzbass State Technical University named T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

Abstract. The Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic expedition is investigating the Kasminsky archaeological microdistrict, where rescue and research excavations have been conducted at the Toropovo-7 archaeological site complex for more than ten years. The paper describes the results and publishes previously unknown materials from the 2009 field season. A description of the published sources is given. They are identified with the Late Turkmen archaeological culture of the Late Bronze Age or the transition period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age, as well as with the Shandong archaeological culture of the advanced Middle Ages. It is concluded that there is a mixed cultural layer on the monument. Unique data on the accumulation of raw materials for the manufacture of chamotte are presented. Punctures from two fire pits are described. Their relative chronology is given based on finds near these sites.

Keywords: the Kuznetsk complex archaeological and ethnographic expedition, the Toropovo-7 complex of archaeological sites, the Late Ermenian archaeological culture, the Bronze Age, the Shandinsky archaeological culture, the advanced Middle Ages

For citation: Ilyushin A.M. Excavations at Toropovo-7 in 2009. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:183–189. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.27

В 2003 г. Ю.В. Ширин открыл в долине среднего течения р. Касьмы поселение Торопово-7, которое находится в 1,2 км на восток–северо-восток от с. Торопово в Ленинск-Кузнецком муниципальном округе Кемеровской области — Кузбассе (Ширин, 2004). Последующее исследование памятника было проведено Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией (ККАЭЭ) в 2008 г. по программе мониторинга памятников в Касьминском археологическом микрорайоне. В итоге проведенных полевых работ на памятнике были выявлены 82 разнообразных объектов. В их числе были жилищные западины и земляные культовые площадки подчетыреугольной формы разных размеров, которые, как правило, располагались на краю первой надпойменной береговой террасы правого берега р. Касьмы. Разнообразие выявленных объектов и масштабы памятника позволили поставить вопрос об интерпретации объекта археологического наследия как комплекс разновременных и различных по назначению археологических памятников. Северо-западная часть памятника находилась в аварийном состоянии. В этом месте было выявлено разрушение культурного слоя под воздействием паводковых вод, которые подмывали береговую террасу и провоцировали просадку грунта (Илюшин, 2008; 2008а, с. 22–33; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 165–166). Последнее обстоятельство стало причиной раскопок ККАЭЭ в 2009 г. с целью исследовать участок наиболее разрушаемой части террасы и отодвинуть границу культурного слоя вглубь памятника для его сохранения от воздействия реки и грунтовых оползней (Илюшин, 2010, с. 17–26). Частичная информация о результатах раскопок 2009 года была опубликована ранее (Илюшин, 2013, с. 138–140, рис. 1.-1, 2.-1; 3.-1), но большая часть источников не известна широкой научной аудитории. Цель этой статьи — наиболее полно опубликовать результаты наблюдений и исследований, сделанных на основе работы с материалами раскопок 2009 г. Основными методами исследования являются описательный, статистический и сравнительный анализ.

Площадь раскопа составила порядка 75 м². Раскоп был привязан к краю разрушенной береговой террасы и с помощью бровок поделен на квадраты 3×3 м, ориентированные стенками по сторонам света. При проведении раскопок было исследовано три слоя (глубина каждого до 25 см) до уровня материка. После зачистки материка в квадратах фиксировались бровки, после чего разбирались. Ямы и различные углубления в материк исследовались индивидуально, заполнение разбиралось и производилась полная зачистка. По окончании раскопок была проведена рекультивация и дренаж из кусков

дерна с целью закрепления грунта береговой террасы. Такая методика консервации объекта археологического наследия была успешно апробирована при раскопках комплекса поселений Торопово-4 в 2002 г. (Илюшин, 2005, с. 33–37; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 41). Профили бровок и стенок раскопа были однообразными. Сверху дерн на глубину 5–25 см, затем чернозем (культурный слой) 12–43 см и смешанный слой из чернозема и светло-серого суглинка 0,05–0,21 см. Материк представлял собой светло-серый суглинок до уреза воды.

В первом слое раскопа находок не было. Во втором слое были найдены пять фрагментов каменных орудий труда (скребла и каменный пест), восемь изделий из кости (проколки, гарда, наконечник стрелы и игральная кость) и 157 фрагментов керамических сосудов (рис. 1.-1–37), три зуба травоядных животных и 121 фрагмент костей животных. В третьем слое были найдены два скребка из камня, скопление сырья для изготовления шамота (в нем было 58 мелких фрагментов керамических сосудов, 150 камушков кварца, керамзита и песчаника, три миниатюрных кремня молочного цвета и 12 миниатюрных фрагментов костей животных), 31 фрагмент керамической посуды (эпохи бронзы и средневековья), 26 древесных угольков, 81 фрагмент костей лисы и два фрагмента нижней челюсти травоядного животного (рис. 2.-1–9).

Находки археологических предметов из второго и третьего слоев указывают на присутствие в культурном слое артефактов как минимум двух хронологических периодов — поздней бронзы и развитого средневековья. Это указывает на востребованность площадки, на которой был заложен раскоп в 1999 г., для обустройства места для проживания с интервалом порядка двух тысяч лет. Несмотря на смешанный культурный слой, можно отметить, что во втором слое преобладают средневековые артефакты (рис. 1.-1, 3, 7, 8, 10–13, 15–29, 31–37), а в третьем слое, наоборот, преобладают находки, относящиеся к периоду поздней бронзы или переходному от эпохи бронзы к раннему железному веку (рис. 2.-1, 2, 4–8).

При раскопках второго и третьего слоев близ края береговой террасы в центре и южной части раскопа были выявлены два прокала от кострища. Первый, овальной формы (размеры 0,82×0,91 м, вытянут с юга на север), был зафиксирован на глубине 0,40–0,57 м. Близ него во втором и третьем слое были найдены каменный пест, скребла, мелкие фрагменты керамической посуды, обожженный альчик и скопление сырья для шамотной массы (рис. 2.-9). Каменные песты являются частой находкой в жилищах развитого средневековья на Торопово-7 (Борисов, Илюшин, Сулейменов, 2023). Вероятно, все эти находки связаны с изготовлением шамота, керамической посуды и ее украшением. Второй прокал тоже имел овальную форму (размеры 0,74×0,81 м, вытянут с востока на запад), находился на глубине 0,40–0,60 м. Близ него во втором и третьем слое были найдены древесные угольки, единичные и два скопления фрагментов керамических сосудов (рис. 1.-2, 6, 9; 2.-4, 7), которые удалось реконструировать (Илюшин, 2013, рис. 2.-1; 3.-1).

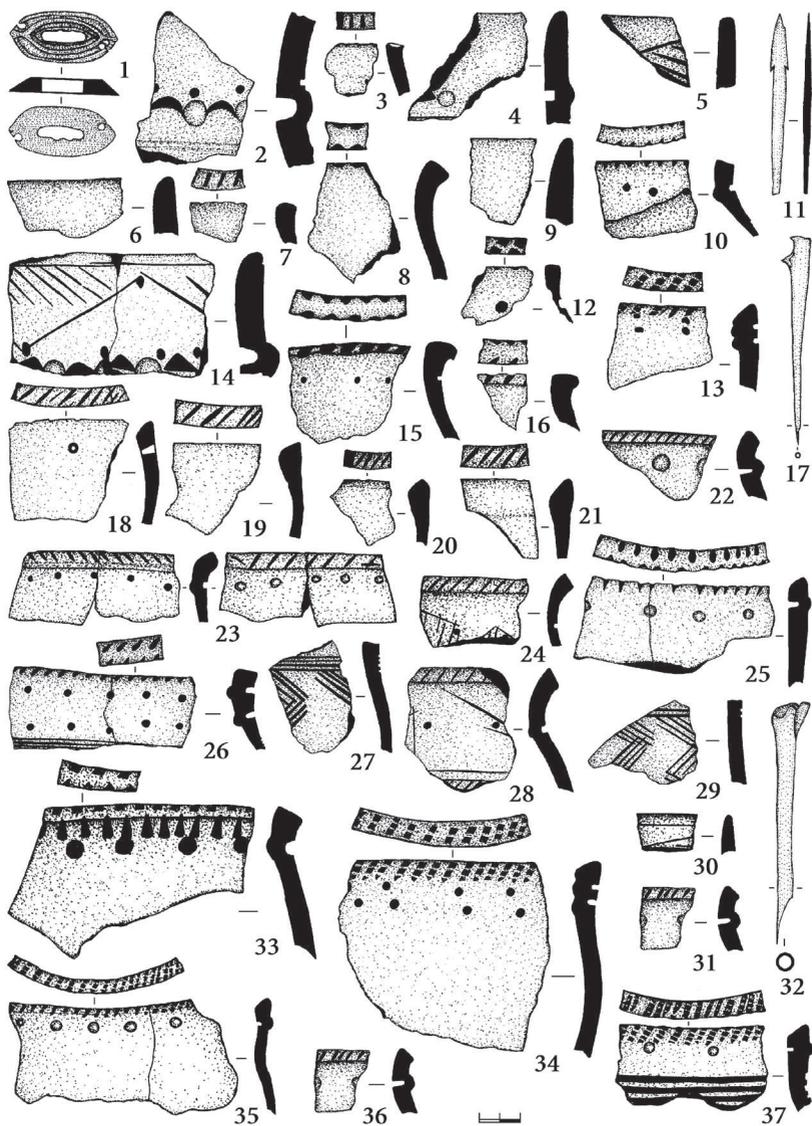

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торпово-7.
 Находки из второго слоя раскопа №1 в 1999 г.: 1, 11, 17, 32 — изделия из кости;
 2-10, 12-16, 18-31, 33-37 — фрагменты керамической посуды
 Fig. 1. The complex of the Torpovo-7 archaeological sites. Finds from the second
 layer of excavation №1 in 1999: 1, 11, 17, 32 — bone products; 2-10, 12-16, 18-31,
 33-37 — fragments of ceramic tableware

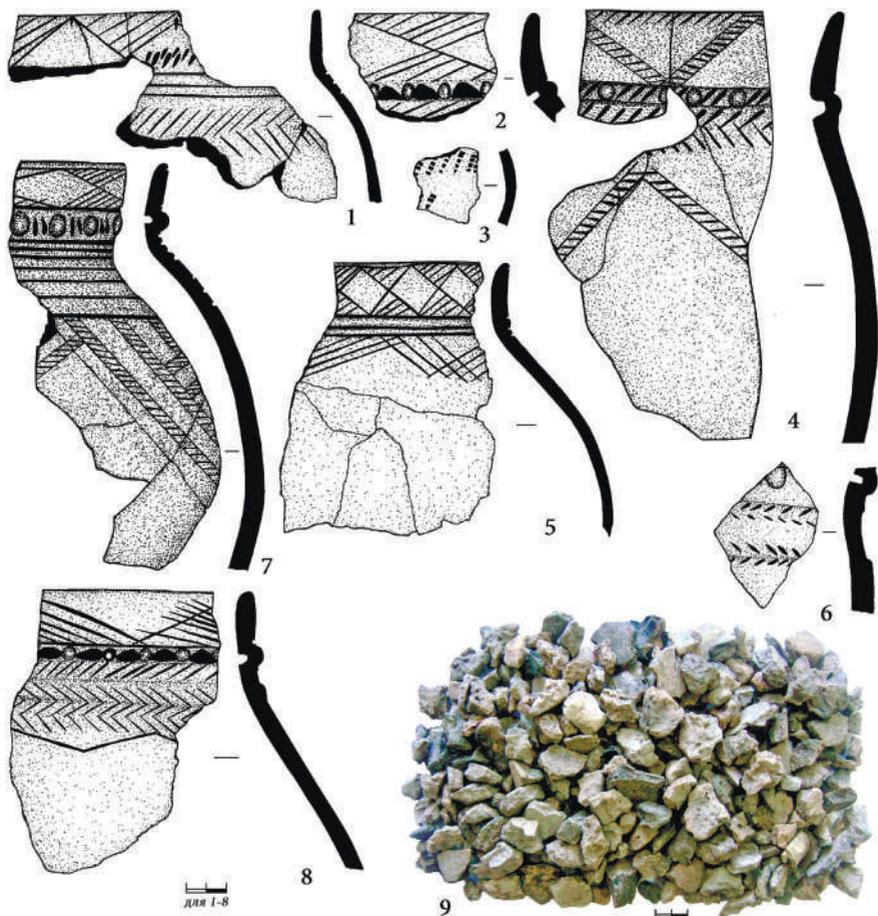

Рис. 2. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Находки из третьего слоя раскопа №1 в 1999 г.: 1-8 — фрагменты керамической посуды; 9 — сырье для шамота

Fig. 2. The complex of the Toropovo-7 archaeological sites. Finds from the third layer of excavation №1 in 1999: 1-8 — fragments of ceramic tableware; 9 — raw materials for chamotte

Судя по находкам близ очагов, первый открытый очаг использовался в период развитого средневековья, а второй — в позднеирменский или переходный период от эпохи бронзы к эпохе железа. Вероятно, они были сооружены внутри жилищ, но из-за разрушения и проседания грунта береговой террасы контуры этих сооружений нам не удалось выявить.

В процессе раскопок и зачистки третьего слоя раскопа в юго-западной части близ края разрушающейся террасы была выявлена и исследована грунтовая яма 1. Внешне, на уровне материка, она напоминала грунтовую могилу.

Она имела овальную форму, была вытянута с юго-востока на северо-запад. Ее размеры 1,83×0,72 м, а глубина 0,25 м. В яме находок не было. Она была заполнена темно-серой супесью.

Подводя итоги описания и характеристики материалов раскопок 2009 г. на Торопово-7, можно отметить, что предварительные выводы по результатам его обследования в 2008 г. подтвердились. Памятник является многокомпонентным по культурно-историческому содержанию и может быть интерпретирован как комплекс археологических памятников. Материалы предварительно были датированы периодами поздней бронзы или переходного от эпохи бронзы к эпохе железа (позднеирменская археологическая культура) и развитого средневековья (шандинская археологическая культура). Время сооружения грунтовой ямы 1 определить не представляется возможным по причине отсутствия находок.

Список источников

Борисов В.А., Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Каменные песты и зернотерки на комплексе археологических памятников Торопово-7 в Кузнецком Присалаирье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 103–109. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.16

Илюшин А.М. Опыт по консервации раскопок поселений на обрывах террас, размываемых реками // Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск, 2005. С. 33–37.

Илюшин А.М. Отчет о мониторинге археологических памятников Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 2008 году. Кемерово, 2008. 165 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008а. 220 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 году. Кемерово, 2010. 156 с.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3 (73). С. 165–179.

Ширин Ю.В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 году. Новокузнецк, 2004 // Архив ИАМ «Кузнецкая крепость». Ф. 3. Оп. 3. Д. 26/27.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Михайлович Илюшин, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, профессор; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, Ilushin1963@mail.ru

Andrey M. Ilushin, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Department of history, Philosophy and Social Sciences, Professor; 650000, Russia, Kemerovo, Vesennaya str., 28, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, Ilushin1963@mail.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2024.28

EDN: EILDTT

АРХАИЧНОЕ КАМЕННОЕ ОРУДИЕ ИЗ С. МАНЖЕРОК (Горный Алтай)

Артур Леонидович Кунгуров

Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена публикации случайной находки крупного каменного орудия архаичного облика в с. Манжерок Майминского района Республики Алтай. Артефакт оказался на месте обнаружения вместе с галечником, привезенным строителями для ремонта дороги из карьера, расположенного в 800 м выше по течению р. Катунь. Каменное орудие, видимо, происходит из древней валунно-галечниковой толщи террасы, на которой разбит карьер. Покровных отложений, более древних, чем голоценовый период, терраса не имеет. Орудие, сколотое с крупного валуна, корродированно в процессе формирования галечной толщи правобережной террасы реки. Анализ формы артефакта позволяет интерпретировать находку как ручной дробящее-колющий инструмент и предварительно датировать его мустьерским временем.

Ключевые слова: Катунь, Манжерок, каменное орудие, местонахождение, стоянка, терраса, мустьерское время

Для цитирования: Кунгуров А.Л. Архаичное каменное орудие из с. Манжерок (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 189–192. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.28

AN ARCHAIC STONE TOOL FROM THE VILLAGE OF MANZHEROK (the Altai Mountains)

Artur L. Kungurov

Independent Researcher, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the publication of the accidental discovery of a large stone tool of an archaic appearance in the village of Manzherok in the Maiminsky district of the Altai Republic. The artifact ended up at the discovery site along with pebbles brought by builders to repair the road from a quarry located 800 m upstream of the Katun River. The stone tool probably originates from the ancient boulder-pebble strata of the terrace on which the quarry is located. The terrace has no cover deposits older than the Holocene period. The

cannon, chipped from a large boulder, corroded during the formation of the pebble strata of the right-bank terrace of the river. The analysis of the artifact's shape makes it possible to interpret the find as a manual crushing and piercing tool and to pre-date it to the Mousterian time.

Keywords: Katun, Manzherok, stone tool, location, parking lot, terrace, Muster time

For citation: Kungurov A.L. An Archaic Stone Tool from the Village of Manzherok (the Altai Mountains). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:189–192. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.28

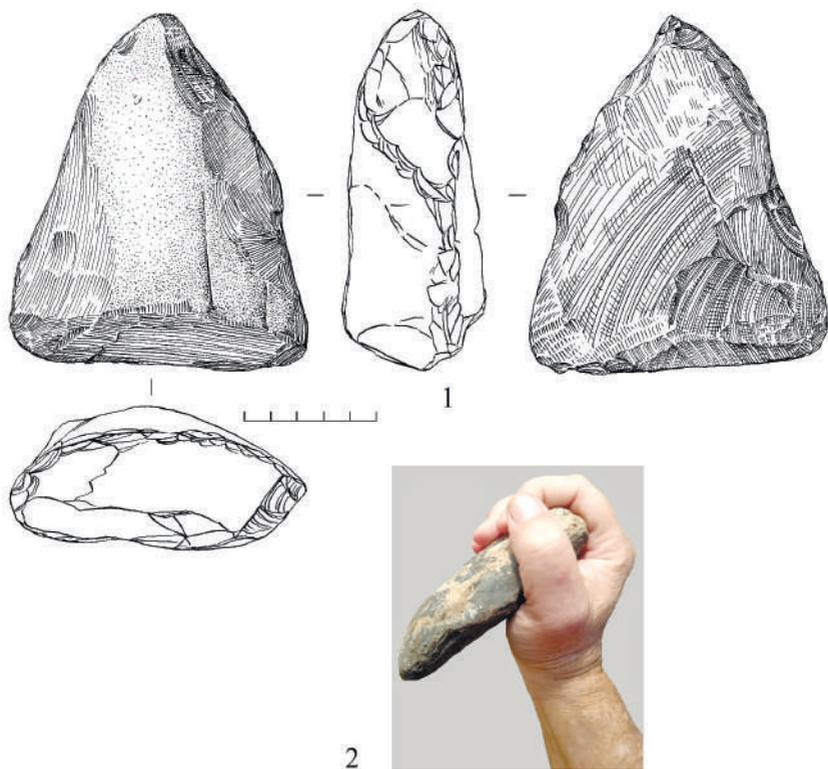
Летом 2024 г. в галечно-валунной подсыпке дороги по адресу: ул. Пионерская, 15, на юго-западной окраине с. Манжерок, случайно было найдено каменное орудие достаточно крупных размеров. Удалось выяснить, что галечник для подсыпки дороги был привезен с карьера, расположенного в 800 м юго-западнее (выше по течению р. Катунь).

Этот участок правобережья Катунской долины находится по физико-географическому районированию в Чергинском районе Северо-Алтайской провинции Алтайской области страны Горы Южной Сибири. Для региона характерен лесной низкогорный эрозионно-денудационный средне- и слабоборасчлененный ландшафт. Распространены холмисто-увалистые, достаточно пологие высокие террасы с уклоном в сторону речных долин (Алтайский край..., 1978). Карьер, откуда происходит каменное орудие, заложен на северо-западной оконечности 100-метровой правобережной террасы р. Катунь, сложенной многометровой песчано-гравийной слоистой толщей, наложенной на галечно-валунный конгломерат, сцементированный известковистым крупнозернистым песком. Именно этот ресурс используется для дорожного строительства и подновления трасс. Терраса покрыта сосновым лесом на маломощных горнолесных серых почвах, подстилаемых полуметровой пачкой серого лессовидного суглинка. Каменное орудие, вне всякого сомнения, происходит из валунно-галечниковой толщи, так как покровных отложений, более древних, чем голоценовый период, терраса не имеет, а орудие явно древнее. Формирование песчано-гравийной толщи происходило в условиях достаточно слабого водотока, не способного перемещать крупные отдельности.

Каменное изделие подтреугольной формы изготовлено из крупного краевого скола валуна. На дорсальной стороне сохранился участок валунной поверхности. Судя по ним, заготовка была сколота сильным ударом с угловой слабо-окатанной глыбы. Общая длина артефакта 13 см, ширина в проксимальной части 11 см, максимальная толщина 5 см. Дорсальная сторона орудия в значительной части сохраняет рельеф с участками изгибов исходной отдельности. Центральная поверхность более-менее ровная, с продольными заглаженными трещинами. К левой кромке идет заovalенный скос, подправленный по краю рядом крутых приостряющих снятий. Правый край тщательно оббит разнофасеточными крутыми сколами. Оба края сходятся на дистальном окончании, образуя выразительное клювообразное окончание. Проксимальное окончание сформировано с дорсальной стороны естественной гранью поверхности со скосом наружу. Кромка скоса с вентральной сто-

роны, угол и часть левого края сглажены рядом сколов, нанесенных с левого угла. Кроме этого, весь вентральный периметр артефакта тщательно оббит небольшими сколами. Таким образом, двусторонняя обработка придала продольным рабочим краям крупнозубчатый профиль. Следует также отметить, что изделие достаточно сильно корродировано в процессе перемещения водным потоком совместно с валунно-галечниковыми отдельностями.

В законченном варианте орудие достаточно удобно ложится в руку, упираясь в ладонь подготовленным проксимальным торцом (рис.-2). Основное предназначение изделия — дробящие и колющие удары. Для рубки и резанья достаточно крутые края не подходят (рис.-1). Датировка подобного ручного дробяще-колющего инструмента может быть достаточно ранней, скорее всего, мустьерская эпоха. Стоянки и местонахождения этого периода времени в окрестностях Манжерока известны: Манжерок-I и Едрала-1 (Кунгуров, 2022; Постнов, Мамадаков, Кунгуров, 2023).

Архаичное каменное орудие из с. Манжерок (1) и его размещение в руке при работе (2)
 An archaic stone tool from the village of Manzherok (1)
 and its placement in the hand during work (2)

Список источников

Алтайский край: атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитическое местонахождение Манжерок I // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (Археология, этнография, устная история, музееведение). 2022 г. Вып. XVII. Барнаул, 2022. С. 113–120.

Постнов А.В., Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л. Исследования стоянки Едрала-1 (Республика Алтай) в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск, 2023. С. 1143–1147.

Информация об авторе / Information about the Author

Артур Леонидович Кунгуров, кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0009000322911729>; artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0009000322911729>; artur.kungurov@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.226:069.02:908

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.29

EDN: EIVUNH

ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ С ДИСКОВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В.В. БИАНКИ

Ольга Сергеевна Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Кинжалы представляют один из наиболее массовых видов оружия в раннем железном веке. При этом достаточно большой их процент составляют случайные находки, культурно-хронологическая атрибуция которых часто вызывает вопросы. Подробная работа с каждым таким экземпляром не только пополняет в целом источниковую базу, но и позволяет максимально полно охарактеризовать каждый предмет, индивидуальные особенности которого теряются в общих схемах. Представленная статья посвящена кинжалу, хранящемуся в фондах Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. Данный образец происходит с г. Пикет и относится к достаточно редкому на рассматриваемой территории типу кинжалов с дисковидным навершием. В работе приводится подробное описание его морфологии и рассматриваются наиболее близкие аналогии как с территории Лесостепного Алтая, так и из других регионов. Подробный типологический анализ позволяет уточнить хронологическую позицию и определить возможную культурную принадлежность изделия.

Ключевые слова: военное дело, оружие ближнего боя, клинковое оружие, кинжал, ранний железный век

Благодарности: автор выражает благодарность Л.И. Чегодаевой за помощь в работе с коллекций и предоставленную информацию. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутрен-

ней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Лихачева О.С. Железный кинжал с дисковидным навершием из Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 192–199. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.29

AN IRON DAGGER WITH A DISC-SHAPED POMMEL FROM THE BIYSK MUSEUM OF LOCAL LORE NAMED AFTER V.V. BIANCHI

Olga S. Likhacheva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Daggers represent one of the most widespread types of weapons in the early Iron Age. At the same time, a fairly large percentage of them are accidental finds, the cultural and chronological attribution of which often raises questions. Detailed work with each such instance not only replenishes the source base as a whole, but also allows us to characterize each subject as fully as possible, the individual features of which are lost in the general schemes. The presented article is devoted to a dagger kept in the collections of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi. This specimen comes from Mount Piket and belongs to a rather rare type of daggers with a disc-shaped pommel. The paper provides a detailed description of its morphology and examines the closest analogies both from the territory of the Forest-Steppe Altai and other regions. A detailed typological analysis makes it possible to clarify the chronological position and determine the possible cultural affiliation of the product.

Keywords: military, melee weapons, bladed weapons, dagger, early iron age

Acknowledgments: the author expresses gratitude to L.I. Chegodaeva for her help in working with the collections and the information provided. The work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Likhacheva O.S. An Iron Dagger with a Disc-Shaped Pommel from the Biysk Museum of Local Lore Named after V.V. Bianchi. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:192–199. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.29

Кинжалы — одна из наиболее важных составляющих комплекса вооружения культур раннего железного века, населявших Лесостепной Алтай. Несмотря на то что с тактической точки зрения они являлись лишь вспомогательным видом оружия, но в ту эпоху выступали наиболее ярким индикатором военных традиций. При этом весьма значительная их часть представлена случайными находками (Лихачева, 2020, с. 74). Отдельная работа с каждым таким экземпляром, с одной стороны, пополняет источниковую базу, с другой — позволяет максимально полно и всесторонне охарактеризовать каждый предмет, сделав акцент на его индивидуальных особенностях, которые зачастую теряются в обобщающих классификационных и типологических схемах.

Представленная работа посвящена рассмотрению железного кинжала, происходящего с г. Пикет и хранящегося на текущий момент в фондах Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (далее БКМ). Ранее данное изделие фигурировало в сводке памятников истории и культуры Бийского района (Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-5). Отдельная статья была посвящена введению в научный оборот этого изделия и еще двух железных кинжалов, происходящих с предгорных территорий Алтая (Скопинцева, 2000, с. 197). Но в обоих случаях информация или крайне скудна, или полностью отсутствует и ограничивается лишь рисунком. В свою очередь, не очень высокое качество иллюстраций в указанных работах не дает полного представления о данном предмете (Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-5; Скопинцева, 2000, рис. 1.-3).

Упоминался данный кинжал также в сводке случайных находок оружия из Лесостепного Алтая, приводимой Г.Е. Ивановым (1993, с. 58, рис. 2.-5). При этом автором был допущен весьма существенный недочет при характеристике морфологии. Так, было указано, что «длинные края рукояти ... загнуты» (Иванов, 1993, с. 58). Таким же образом представлена данная деталь на изображении (Иванов, 1993, рис. 2.-5). Приводимая характеристика не соответствует реальному оформлению. Края черена не загнуты, а окованы отдельной узкой полосой. Расходятся и метрические показатели. Между теми, что приводятся в статье Г.Е. Иванова, и полученными при обмере самого предмета разница составляет 1 см. Нами рассматриваемое изделие привлекалось при характеристике комплекса вооружения населения раннего железного века Лесостепного Алтая (Лихачева, 2013, с. 54, рис. 2).

Неточности в ранних публикациях, а также некоторые нестандартные морфологические особенности этого образца делают его более подробное индивидуальное рассмотрение актуальным.

Как было отмечено выше, кинжал хранится в фондах БКМ. На момент первого нашего ознакомления с ним в 2013 г. он значился как безномерной. Сейчас ему присвоены номера КП 10142/2, инвентарный номер АРХ 294. Предмет зарегистрирован в Государственном каталоге музейного фонда РФ под номером 9597907 (рис. 1). К сожалению, сведений о точном месте и обстоятельствах его обнаружения не сохранилось, кроме того, что он был обнаружен на г. Пикет. Дата находки и поступления в музей ориентировочно 1986 г.

Первоначально остановимся на морфологических особенностях кинжала с г. Пикет. Он изготовлен из железа, сохранность удовлетворительная. Имеется коррозия, обломлено окончание клинка и часть лезвия с одной стороны. Общая сохранившаяся длина 23 см. Клинок треугольного абриса с ромбическим поперечным сечением. Его длина без окончания составляет 12,5 см, реконструируемая — 13 см, максимальная ширина — 3 см, толщина — 0,9 см. Перекрестие узкое, слегка изогнутое, насажено и приковано на основную конструкцию изделия. По общей форме его можно отнести к дуговидным. Имеет следующие параметры: длина — 5,3 см, ширина — 0,8 см,

толщина — 1,6 см. Абрис черена трапецевидный с расширением к перекрестью. Он составляет с клинком монолитную конструкцию, при этом у заготовки даже не было изменено сечение — он на большей части своей длины ромбический в поперечном разрезе. Параметры черена: $7 \times 3 \times 0,3$ см. Навершие дисковидной формы не является отдельной деталью, а представляет собой сильно раскованную верхнюю часть черена. Оно следующих размеров: $3,5 \times 2,2 \times 0,3$ см. Примечательной деталью рассматриваемого кинжала является окантовка черена и частично навершия: с обеих сторон прикованы узкие

Рис. 1. Кинжал из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (фото автора)
 Fig. 1. A dagger from the collections of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi (photo by the author)

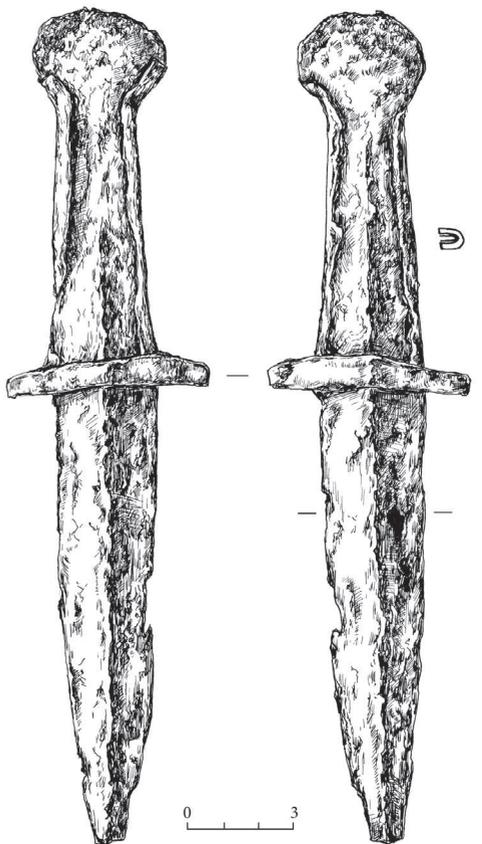

Рис. 2. Прорисовка кинжала с г. Пикет
 Fig. 2. Drawing a dagger from the town of Piket

пластины, охватывающие края этих деталей и образующие планку, предназначенную, по всей вероятности, для крепления накладки (рис. 2).

Рассмотрим аналогии отдельным признакам данного образца.

Железные кинжалы на территории Южной Сибири и Средней Азии появляются с VII в. до н.э. (Чугунов, 2004, с. 16; Толстов, Итина, 1966, с. 152; Суразаков, 1988, рис. 16.-1, 5; Яблонский, 2007, рис. 4.-1-2). В Горном Алтае они известны с VI в. до н.э. (Кочеев, 1999, рис. 5). На территории Лесостепного Алтая первые образцы встречаются с конца VI в. до н.э. (Лихачева, 2020, рис. 45).

Треугольный абрис клинка получает широкое распространение преимущественно с VII в. до н.э. и впоследствии активно применяется кочевым населением Евразийских степей вплоть до V в. н.э. Так, в Средней Азии такая форма встречается у изделий с середины VII — начала V в. до н.э. и впоследствии бытует до первых веков нашей эры (Толстов, Итина, 1966, с. 152; Мандельштам, 1992, табл. 41.-2-5; Итина, Яблонский, 1997, с. 70; Литвинский, 2001, с. 246, табл. 61; Яблонский, 2007, рис. 4.-1, 4). В материалах племен Горного Алтая короткоклинковое оружие с таким признаком встречается со 2-й половины VI в. до н.э. вплоть до 1-й половины IV в. н.э. (Горбунов, 2007, рис. 1-2; Кубарев, Шульга, 2007, с. 34-35, рис. 64.-3; 65.-5). В памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья кинжалы с треугольным клинком появляются с конца V в. до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 3-4; Скрипкин, 2007, рис. 4.-1-6). Впоследствии данная форма клинка широко известна у сарматских образцов до III в. н.э. (Хазанов, 2008, рис. 2; 4.-3, 5-7; Симоненко, 2010, рис. 2.-4; 25; Яблонский, 2010, рис. 41.-9-10). На территории Лесостепного Алтая кинжалы с треугольным клинком встречаются у изделий VI-I вв. до н.э. каменной культуры и VI-III вв. до н.э. быстрианской (Лихачева, 2020, рис. 32.-4, 6; 33.-3-4; 34.-1-3; 35.-2-4; 39.-1; 40.-1-3).

Дуговидное перекрестие является одним из наиболее ярких признаков раннесарматских кинжалов и мечей IV-III вв. до н.э. (Клепиков, 2007, рис. 1.-21, 29). По всей вероятности, оно является производным от бабочковидных перекрестий с узким полотном. Подобная форма встречается и у предметов из Горного Алтая (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 63.-12; 64.-10; 65.-5). Известен этот признак у кинжалов каменной и быстрианской культур (Лихачева, 2020, рис. 32.-2; 33.-2-3; 35.-3; 40.-1).

Перечисленные морфологические особенности универсальны и, как видно из вышеизложенного, имеют широкое распространение, встречаясь у короткоклинкового оружия на обширных территориях Евразии. Наибольший интерес представляет дисковидная форма навершия и окантовка для крепления накладок на черене. Среди скифских изделий такой абрис навершия фиксируется у изделия IV-III вв. до н.э. из кургана 489 у с. Макеевка (Мелюкова, 1964, с. 51, табл. 18.-9). Этим же временем датируются кинжалы из могильника каменной культуры Новотроицкий-2 (Шульга, Уманский Могильников, 2009, рис. 108.-11, 16). К более позднему времени, первым векам нашей эры, относятся изделия из некрополя Тиллятепе, погребение 4 (Сари-

аниды, 1989, рис. 33). Близкие по форме, но не идентичные образцы встречаются в материалах кулайской и саргатской культур. У указанных образцов общий абрис навершия скорее полукруглый, чем дисковидный, поскольку нижний его край прямой, а не округлый. Первые датируются в рамках III–II вв. до н.э. (Троицкая, 1979, с. 12, табл. VIII.-8). Саргатский некрополь, из которого происходит такой кинжал, относится к первым векам нашей эры (Погодин, 1998, рис. 4).

Целая серия предметов, сочетающих в себе такие признаки, как дисковидное навершие и окантовка на черене, происходят из Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова (5 экз., номера в Государственном каталоге музейного фонда РФ: 50245451, 12241540, 14241547, 14241548, 14241555). Еще несколько хранится в Красноярском краевом краеведческом музее (2 экз., номера в Государственном каталоге музейного фонда РФ: 17248608, 14882713) и Хакасском национальном краеведческом музее имени Л.Р. Кызласова (1 экз., номер в Государственном каталоге музейного фонда РФ: 44626362). Приводимые датировки изделий имеют большой хронологический диапазон: от II в. до н.э. до VIII в. н.э. К сожалению, данный материал мало проясняет ситуацию, поскольку все они являются случайными находками, причем даже без указания точного местонахождения, поэтому основания для приводимой датировки остаются не совсем ясными.

Особого внимания заслуживает наиболее близкая территориально аналогия — случайная находка с Семиного перевала в Горном Алтае. При первой публикации данный предмет был датирован авторами III в. до н.э. — II в. н.э. (Горбунов, Тишкин, 2001, с. 165, рис. 2.-4). Впоследствии изделие было отнесено к бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры: II — 1-й половине IV в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-41).

Приведенные аналогии дают достаточно позднюю датировку — начало I тыс. до н.э. В то же время у всех перечисленных выше образцов перекрестие не дуговидное, как у рассматриваемого экземпляра с г. Пикет, а прямое брусковидное (Сарианиды, 1989, рис. 33; Погодин, 1998, рис. 4; Тишкин, Горбунов, 2020, рис. 1.-41). В свою очередь, сочетание дисковидного навершия и дуговидного перекрестия у кинжала с г. Пикет в большей степени сближает его с более ранним образцом из Новотроицкого-2 некрополя (Шульга, Уманский Могильников, 2009, рис. 108.-11). Что касается планок на боковых сторонах черена, несмотря на распространенность такого элемента, на настоящий момент нет ни одного изделия с подобным оформлением, которое происходило бы из закрытого комплекса. Следовательно, такая деталь пока не может выступать в качестве датирующего признака.

Таким образом точная датировка рассмотренного кинжала пока остается открытой, поскольку на настоящий момент не известно полных ему аналогий, происходящих из закрытых комплексов. Общий набор признаков и типологический анализ изделия дают очень большой диапазон: от III в. до н.э. до IV в. н.э. В то же время, на наш взгляд, наличие не прямого, а дуговидного перекрестия указывает на то, что кинжал с г. Пикет может датироваться

самым началом этого периода, т.е. III–II вв. до н.э. Местонахождение, нижняя дата, а также форма перекрестия позволяют предварительно соотнести его с материалами быстрянкой археологической культуры.

Список источников

Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. — V в. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 157–163.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 160–165.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Клепиков В.М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 51–57.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 79–82.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. 528 с.

Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // КСИА. Вып. 231. М., 2013. С. 49–59.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 107–115.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. 64 с.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998. 84 с.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. 240 с.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. 328 с.

Скопинцева Г.В. Кинжалы эпохи раннего железа из разрушенных памятников в Предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 196–197.

Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 38–50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. №101. М., 1961. 168 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2020. №2. С. 33–45.

Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи. (По материалам Тагискена) // СА. 1966. №2. С. 151–175.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.

Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. 294 с.

Чугунов К.В. Аржан. Источник в долине царей // Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–37.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Яблонский Л.Т. Оружие ранних саков Приаралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 134–156.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. 384 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Lecturer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(574)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.30

EDN: EOZMBU

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ ТЮРОК (по материалам археологии Семиречья и Южного Казахстана)

Кристина Юрьевна Маркова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Резюме. В статье представлена выборка археологических материалов с территории Семиречья и Южного Казахстана, атрибутированных исследователями как предметы различных религиозных культов или артефакты, несущие соответствующую символику. Выборка носит в большей степени иллюстративный характер. В качестве доказательства сосуществования в Семиречье и Южном Казахстане в период раннего средневековья различных религий и культов приводятся памятники бытового и сакрального назначения, связанные с зороастризмом, буддизмом, христианством, исламом, реликтами древних культов. Показаны примеры трансформации изобразительной традиции в регионе под влиянием приходящих религиозных адептов. Под-

тверждается особая веротерпимость тюрков и поздних тюркоязычных племен, участвовавших в формировании казахского и киргизского народов.

Ключевые слова: религии, тюрки, археологические памятники, Семиречье, Южный Казахстан

Для цитирования: Маркова К.Ю. Религиозная терпимость тюрков (по материалам археологии Семиречья и Южного Казахстана) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 199–206. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.30

RELIGIOUS TOLERANCE OF THE TURKS (Based on Archaeological Materials from Semirechye and Southern Kazakhstan)

Kristina Yu. Markova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. This article looks at some archaeological finds from Semirechye and Southern Kazakhstan that researchers have identified as items related to different religious practices or artifacts with specific symbols. The selection mainly serves as an illustration. To show that various religions and cults coexisted in Semirechye and Southern Kazakhstan during the early medieval period, the article discusses domestic and sacred monuments linked to Zoroastrianism, Buddhism, Christianity, Islam, and remnants of ancient cults. It also highlights how the artistic traditions in the region changed due to the influence of incoming religious followers. The article confirms the notable religious tolerance of the Turks and later Turkic-speaking tribes that played a role in forming the Kazakh and Kyrgyz peoples.

Keywords: religions, Turks, archaeological monuments, Semirechye, Southern Kazakhstan

For citation: Markova K.Yu. Religious Tolerance of the Turks (Based on Archaeological Materials from Semirechye and Southern Kazakhstan). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:199–206. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.30.

Семиречье и Южный Казахстан в период с VI по XII в. представляют особый интерес в рамках изучения среднеазиатского номадизма. Это время господства в регионе сначала Первого, Западного, затем Второго Тюркских каганатов (Бартольд, 1943, с. 16; Бернштам, 1941, с. 25). Позднее эта область входила в состав Тюркешского, Карлукского каганатов и государства Караканидов тюркских династий. Несмотря на политическую гегемонию кочевников в регионе, с VI в. здесь начинается процесс формирования и расцвета городов, который связывают с согдийской миграцией (Бернштам, 1941, с. 18, 27). Вопрос о том, какую роль тюрки сыграли в развитии городской культуры Семиречья и Южного Казахстана, долгое время оставался спорным (Бернштам, 1941, с. 41, 47; Бретаницкий, 1988, с. 23; Ремпель, 1978, с. 42–45, 88). Племена Ашина могли выступать заказчиками архитектурных сооружений (дворцов, крепостей), строившихся осевшими согдийцами. Тюрки контактировали с иноэтничными мигрантами, перенимали некоторые черты их творчества, создавая особую синкретичную культуру, в большей степени проявившуюся в материальных памятниках. Археологические исследования в Семиречье (область, расположенная между озерами Балхаш, Сасыкколь, Алаколь и хребтами Северного Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау) начались

еще в 1867 г., что позволило накопить внушительный материал для изучения материальной и духовной культуры народов, населявших эту область. Удивление вызывает особая терпимость тюрок, интерес к религиям и традициям пришлых и соседних народов.

Исследованием духовной культуры населения Семиречья и Южного Казахстана занимались казахстанские и русские ученые (Байпаков, 1974, 1986, 1994; Байпаков, Терновая, 2005; Горячева, 1986; Михеева, 2023; Сенигова, 1968).

Под влиянием согдийцев, основавших колонии, построивших города в Семиречье и Южном Казахстане, в узловых точках торгового пути, складывается особая материальная культура. Архитектурные постройки имели согдийский облик и устройство, но изделия гончаров, металлургов и погребальные обряды отличались. При этом распространенными были согдийское письмо, язык и культы (Горячева, 1986, с. 30–31). О наличии тюрко-согдийского синтеза «говорят» изделия согдийских мастеров, обнаруженные при раскопках семиреченских городищ. Это фигурки зороастрийских благих духов фравашей, терракотовый образок VI–VII вв. из Жуантобе, воспроизводящий, возможно, божество Сраошу (Байпаков, Терновая, 2005, с. 91, 96).

С согдийскими переселенцами, а также благодаря торговым связям региона с соседними Хорезмом, Согдом, Бактрией в Семиречье и Южный Казахстан проникали античные мотивы. В этой связи интересны находки с городища Куйрыктобе (средневековый г. Кедер) — ручка сосуда в виде двурогого существа и трехрогая антропоморфная маска. Оба экземпляра датированы исследователями X–XI вв. и отнесены к ритуальным предметам дионисийского культа (Байпаков, Терновая, 2005, с. 97, 209, 211). Возможно, с представлениями о Дионисе, древнегреческом боге виноделия и растительности, связано лепное изображение человека, ведущего козла среди побегов виноградной лозы, на терракотовой крышке IX–X вв. из Южного Казахстана (Маркова, 2019). Образ Диониса — мужчины, окруженного виноградом и/или с виноградной лозой в руке, с козлом для жертвенного костра, имел широкое распространение у народов Востока и, судя по всему, был известен в Южном Казахстане в качестве культа слившегося с ним близкого по функциям местного божества.

Рис. 1. Терракотовая фигурка фравашаи с перекрестно сложенными на груди руками, VIII–IX вв. Городище Куйрыктобе (г. Кедер) (по: Байпаков и др., 2018, с. 488)
Fig. 1. A terracotta figurine of a fravashi with arms crossed on its chest, from the 8th–9th centuries, found at the Kuiryktobe settlement (Keder city) (source: Baipakov et al., 2018, p. 488)

С появлением мировых религий связано распространение в Семиречье и Южном Казахстане буддизма, христианства и ислама. Религии попадали сюда благодаря Шелковому пути, проходившему через крупные торговые города, а также миграции иноэтничного населения.

На присутствие буддизма в раннесредневековом Семиречье указывают остатки буддийских храмов и монастырей с городищ Ак-Бешим, Красная Речка, Антоновка, а также фигурки буддийских монахов (Кызласов, 1958; Зяблин, 1961, с. 38; Кожемяко, 1989; Горячева, Перегудова, 1996, с. 167–189; Байпаков и др., 2018, с. 210–218, 220, рис. 146). К примеру, серебряная «уховертка» VII–VIII вв. с некрополя на городище Костобе, по мнению К.М. Байпакова, воспроизводила буддийского монаха (?) (Байпаков и др., 2018, с. 208), или вырезанная из кости фигурка из Талгара передавала сидящего Будду (Байпаков, 1998, с. 29; Байпаков и др., 2018, с. 218).

С VII–VIII вв. в регионе появляются христианские адепты, оставившие соответствующие памятники (Железняков, 2002, с. 299–302). К материалам, атрибутированным исследователями как предметы христианского культа или артефакты, несущие соответствующую символику, относятся: церкви из семиреченских городов Тараз, Мирки, Каялык (Байпаков, 1994, с. 97), нательные кресты VIII–IX вв., найденные в некрополях на городищах Костобе (Байпаков и др., 2018, с. 293, 526, рис. 220) и Актобе Степнинского (Байпаков, 2007, с. 47; Байпаков и др., 2018, с. 303), подсвечники-цилиндры с крестами (Мадалиева, 2014, с. 66), сосуды с христианскими надписями и рисунками; терракотовая плитка V–VI вв. из Тараза, определяемая исследователями как небольшая христианская икона (Сенигова, 1968, с. 62–64; Железняков, 2003, с. 49).

О взаимовлиянии культур местных племен и пришлого населения свидетельствует, к примеру, фрагмент керамического кувшина XI–XII вв. из Каялыка с изображением равноконечных крестов и мотива степного искусства вихревой розетки (Железняков, 2003, с. 51; Байпаков и др., 2018, с. 527).

Интересны в этом плане и оссуарии в форме юрты с изображением крестов, найденные в Средней Азии (Дильмухамедова, 2010).

К более поздним христианским памятникам, XIII–XIV вв., и, пожалуй, самым многочисленным в Семиречье, относятся надгробные каменные плиты с изображением крестов и посмертными записями (кайраки) (Хвольсон, 1887; Пантусов, 1887; Коковцев, 1909).

С появлением и распространением в IX в. ислама в Семиречье и Южном Казахстане наблюдается трансформация в монументальной, художественной и духовной культурах. Ислам не запрещает другие религии, происходит симбиоз культур как в идеологическом, так и в художественном аспектах. В условиях запрета на изображение людей и животных появляется тенденция упрощения, схематизации образов, превращение их в завуалированные, но узнаваемые мотивы растительного орнамента. Распространенным становится включение эпиграфики (надписей на арабском языке) и спиралевидного закрученного мотива «ислими» (соединение вьюнка и спирали) в декоративное оформление построек.

Рис. 2. Осуарий с барельефом антропоморфной фигуры с перекрестно сложенными руками, VI–VIII вв. Тараза (по: Байпаков и др., 2018, с. 485)
Fig. 2. An ossuary featuring a bas-relief of an anthropomorphic figure with crossed arms, from the 6th–8th centuries, found in Taraz (source: Baipakov et al., 2018, p. 485)

Рис. 3. Фрагмент сосуда с крестами и мотивом вихревой розетки, XI–XII вв. Городище Антоновка (г. Каялык) (по: Байпаков и др., 2018, с. 527)
Fig. 3. A fragment of a vessel with crosses and a swirling rosette design, from the 11th–12th centuries, found at the Antonovka settlement (Kayalyk city) (source: Baipakov et al., 2018, p. 527)

Выделяется в городской материальной культуре и тюркский субстрат. При раскопках городища Лугового, соотносимого со средневековым городом Куланом, расположенным к востоку от Тараза, был обнаружен дворцовый комплекс IX–X вв., внутреннее убранство которого украшал резной штук (архитектурный декор в виде резной глины на стенах) (Байпаков, 1986, 1998). В одном из помещений из фрагментов штука археологи реконструировали сцену охоты хищника (волка?) на пасущуюся лань и скульптурное изображение всадника на коне (Байпаков, Терновая, 2004, с. 25, 30, рис. 14). Отражение «степных мотивов» кочевой среды (скачущего всадника, охоты хищников) в монументальном искусстве средневековых городов Семиречья подтверждает политическое господство тюркоязычных племен в среднеазиатском регионе, а светский характер сюжетов указывает на то, что главными заказчиками крупных сооружений были тюрки. В предметах бытового назначения, найденных археологами при раскопках городищ Семиречья и Южного Казахстана, среди зооморфной керамики больше всего встречается экземпляров, воспроизводящих барана (22 экз. из 91) (Байпаков, Алдабергенов, 2005, с. 114, 116, 132–133, 185; Байпаков, Терновая, 2005, с. 94, 131) и коня (14 экз.). Баран был популярен у тюрков как жертвенное животное и как более всего удовлетворявшее хозяйственные нужды кочевников, устойчивое к массовому мору, дающее пищу и одежду. При этом изделия более раннего времени (VI–VII вв.) с изображением протом баранов (в основном это навершия крышек от сосудов) исследователи связывают с зороастрийским божеством фарном, воплощением огня, света, тепла и блага у согдийцев (Байпаков, 1980, с. 43–44; Байпаков, Алдабергенов, 2005, с. 115, 128; Байпаков, Терновая, 2005, с. 93–94; Байпаков и др., 2018, с. 162; Литвинский, 1968, с. 59–69, 90, 109–110). Из 14 изображений коня два передают образ оседланного животного и восемь — без седока (Байпаков, Алдабергенов, 2005, с. 185; Сокровища древнего..., 2011, с. 314–315). Конь без седока, без узды, с распущенным хвостом считается диким и присущ кочевой культуре (Похлебкин, 2001, с. 201).

В целом вряд ли можно утверждать о распространении среди кочевников-тюрков таких религий, как зороастризм, буддизм, или христианство. Скорее вследствие того, что среди тюркского населения жили представители разных культур и религий, тюркам были известны соответствующие традиции. Но с уверенностью можно сказать, что «встреча» мировых религий и пережитков архаичных культов на территории Семиречья и Южного Казахстана, их длительное взаимодействие оставили особый отпечаток в материальном и духовном мире кочевников и земледельцев региона.

В результате на стыке религий и архаичных культов в Казахстане сформировалась особая религиозная совместимость и терпимость кочевников древнетюркской эпохи.

Список источников

Байпаков К.М. Антропоморфный сосуд из Талгара // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 466.

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 32–45.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алматы, 1986. 255 с.

Байпаков К.М. Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культур Средней Азии : Христианство. Ташкент, 1994. 117 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. 216 с.

Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Памятники археологии, искусства и художественных ремесел. Алматы, 2005. 256 с.

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А. История религий в Казахстане (древность и средневековье). Алматы, 2018. 551 с., 567 илл.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. Алматы, 2004. 164 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005. 236 с.

Байпаков К.М. Древние города Казахстана. Алматы, 2007. 384 с.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943. 104 с.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины: историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941. 66 с.

Бретаницкий Л.С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988. 256 с.

Горячева В.Д. Этнокультурные связи Семиречья с Согдом и Тохаристаном в раннее средневековье (по материалам Краснореченского городища) // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.). Ташкент, 1986. С. 30–31.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // Вестник древней истории. 1996. №2. С. 167–195.

Дильмухамедова Э.Е. Христианское наследие в Центральной Азии (о символике «иссыкской» бляшки и асуарии с крестами): доклад руководителя миссионерского отдела СПГК ОО «Союз Православных Граждан Казахстана», кинорежиссера научного и документального кино и телевидения, заслуженного деятеля РК Дильмухамедовой Эльзы Ельтоковны на третьем Российском культурологическом конгрессе. СПб., 2010.

Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в средние века // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 2002. №1. С. 296–307.

Железняков Б.А. Находки предметов с иконографическими изображениями из Жетысу (несторианство, манихейство) // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 2003. №1. С. 48–55.

Зяблин Л.П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961. 74 с.

Кожемьяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище. Раскоп II // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 8–68.

Кокцов П.К. К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья. (Доложено в заседании Ист.-филол. отд-ния 28 янв. 1909 г.) // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1909. С. 773–796.

Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М., 1958. С. 155–242.

Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968. 126 с.

Мадалиева Ж.К. Изобразительное искусство на Шелковом пути // Художественное образование и эстетическое воспитание в евразийском образовательном пространстве. Астана, 2014. С. 63–68.

Маркова К.Ю. Дионисийские мотивы в изобразительном искусстве средневековых городов Южного Казахстана // Археологические вести. Вып. 25. СПб., 2019. С. 129–136.

Михеева А.А. Христианство на территории Средней Азии по археологическим источникам (IV в. — нач. XIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. 25 с.

Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том первый. 1886. СПб., 1887. С. 74–83.

Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001. 560 с.

Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока: избранные труды по истории и теории искусств. М., 1978. 286 с.

Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // Советская археология. 1968. №1. С. 208–225.

Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области / К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, Г.А. Капекова, А.Н. Марьяшев. Тараз, 2011. 620 с.

Хвольсон Д.А. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том первый. 1886. СПб., 1887. С. 84–110.

Информация об авторе / Information about the Author

Кристина Юрьевна Маркова, Кемеровский государственный университет, кафедра теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, старший преподаватель; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <https://orcid.org/0000-0002-1323-9155>, korobkova9@mail.ru

Kristina Yu. Markova, Kemerovo State University, Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities, Senior Lecturer; 650000, Russia, Kemerovo, Krasnaya St., 6, <https://orcid.org/0000-0002-1323-9155>, korobkova9@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.01(571.15):069.02:7

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.31

EDN: AJMXGY

ИСТОРИЯ КАМЕННОГО ИЗВАЯНИЯ ИЗ ДЖУМАЛЫ НА АЛТАЕ, ХРАНЯЩЕГОСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ (по материалам С.С. Сорокина)

Леонид Сергеевич Марсадолов¹, Николай Николаевич Серегин²

¹*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

Резюме. В статье рассматривается раннесредневековое изваяние, найденное С.С. Сорокиным в ходе работ Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1964 г. Впервые представлена история перемещения этого изваяния с Южного Алтая в отделы и здания Эрмитажа, а также публикуются его

цветные фотографии и план комплекса, в составе которого оно было обнаружено. Представлен краткий историографический обзор публикаций, в которых рассмотрены различные аспекты изучения и интерпретации скульптуры. С учетом реалий, изображенных на изваянии, а также принимая во внимание конструктивные характеристики памятника и возможный исторический контекст его появления, скульптура датирована в рамках последней четверти VII — 1-й половины VIII в. н.э.

Ключевые слова: Алтай, Джумалы, С.С. Сорокин, Эрмитаж, экспедиция, музей, изваяние, оградка, датировка

Благодарности: исследование проведено в рамках реализации проекта РФФ №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование».

Для цитирования: Марсадолов Л.С., Серегин Н.Н. История каменного изваяния из Джумалы на Алтае, хранящегося в Государственном Эрмитаже (по материалам С.С. Сорокина) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 206–214. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.31

HISTORY OF THE STONE STATUE OF JUMALY IN ALTAI, STORED IN THE STATE HERMITAGE MUSEUM (Based on Materials of S.S. Sorokin)

Leonid S. Marsadolov¹, Nikolai N. Seregin²

¹The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

²Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article concerns an early medieval sculpture found by S.S. Sorokin during the work of the South Altai archaeological expedition of The State Hermitage Museum in 1964. For the first time, the history of the movement of this sculpture from South Altai to the departments and buildings of the Hermitage is presented, and its color photographs and a plan of the complex in which it was found are published. A brief historiographical review of publications examining various aspects of the study and interpretation of the sculpture is presented. Taking into account the realities depicted on the sculpture, as well as the structural characteristics of the site and the possible historical context of its appearance, the sculpture is dated to the last quarter of the 7th — first half of the 8th centuries AD.

Keywords: Altai, Jumaly, S.S. Sorokin, Hermitage, expedition, museum, statue, enclosure, dating

Acknowledgments: the study was conducted within the framework of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10037 “Early Turks of Central Asia: an Interdisciplinary Historical and Archaeological Study”.

For citations: Marsadolov L.S., Seregin N.N. History of the Stone Statue of Jumaly in Altai, Stored in The State Hermitage Museum (Based on Materials of S.S. Sorokin). *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:206–214. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.31

Археологам хорошо известно, что многие древние памятники имеют свою многогранную историю. Это прослежено на примерах от многослойных стоянок и поселений эпох камня и бронзы до многометровых средневековых слоев улиц Великого Новгорода. Но не только местонахождения, но и разные

по размерам и функции древние объекты, предметы, изваяния и петроглифы также имеют свою сложную историю. Ныне в большинстве таких случаев можно лишь приблизительно реконструировать, догадываться и проследить истории ряда археологических находок. Например, кратко прослежена история крупного вертикального камня-мегалита №83, установленного на Вратах Большого Салбыкского кургана в Хакасии — с эпохи бронзы через тагарскую культуру, а затем с начала XX в. и до современности (Марсадалов, 2010, с. 11; ил. 2, 5, 8; рис. 10, 12, 21, 24).

О ранних пластах истории каменного изваяния из Джумалы ничего не известно, поэтому можно лишь кратко наметить основные этапы от идеи его создания и до установки на Алтае. В древности в связи с необходимостью соблюдения культовых традиций возникла идея заказа на установку изваяния и приглашения мастеров для его изготовления. Вероятно, далее было оговорено оформление скульптуры, подобрана подходящая каменная плита, изготовлена статуя, выбрано место в ландшафте для ее установки и сооружения сложного комплекса, совершены необходимые обряды. Позднее разные этносы находили это изваяние и по-разному относились к нему и к соседним объектам. Известно, что установленная у соседней оградки скульптура была повреждена (Сорокин, 1968, рис. 2.-2; 1969, рис. 8.-2). Ряд из этих этапов разные специалисты еще восстановят — найдут район или каменоломню, где брали камень для этого и других изваяний, изучат технику его изготовления, проанализируют окружающий ландшафт, маршруты передвижений кочевников и мастеров, а также многие другие аспекты.

Летом 1964 г. Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Сергея Сергеевича Сорокина (1913–1984) проводила исследования в районе рек Джумалы и Джазатор, к юго-западу от поселка Кош-Агач Республики Алтай (Сорокин, 1968, 1969). В ходе экспедиционных работ было обнаружено пять изваяний, но только одно из них было привезено в Эрмитаж и принято на хранение в Отдел Востока (ОВ). Вероятно, нелегкой была транспортировка скульптуры из экспедиции до музея, с Алтая до Ленинграда и Эрмитажа. С.С. Сорокин (1968, рис. 2; 1969, рис. 7; 8.-1, 2) опубликовал рисунок изваяния из Джумалы и уменьшенный план оградки. Он сделал ряд снимков этого камня и смонтировал из трех разных по контрастности фотографий общий вид изваяния (рис. 1.-1). Вероятно, находки этой экспедиции через 1–2 года были представлены на временной выставке новых поступлений в разные отделы Государственного Эрмитажа.

Скульптура из Джумалы более 20 лет стояла в углу одного их хранилищ ОВ и нигде не экспонировалась. После кончины С.С. Сорокина его экспедиционные коллекции по Алтаю из ОВ были в 1986 г. переданы в Отдел истории первобытной культуры (ОИПК) хранителю Л.С. Марсадалову (по акту №336 от 20 июня 1986 г.). Каменное изваяние в ОВ имело номер СК 979, а после передачи в ОИПК (ОАВЕС с 1988 г.) ныне хранится в музее под инв. №2812-2.

Эта скульптура участвовала в ряде музейных переездов по Санкт-Петербургу. «Переезд» — емкое слово, но за ним стоит реальная работа по согласо-

ванию, оформлению служебных записок и актов, переноски, погрузки, охраны, транспортировки, экспонирования и пр. Большую помощь хранителю Л.С. Марсадолову оказали администрация, отдел учета и рабочие музея, а также научные сотрудники ОАВЕС — А.Н. Мазуркевич, Н.Н. Николаев, С.В. Панкова и др.

Из хранилища в Зимнем Дворце изваяние было перевезено в эрмитажный новый Реставрационно-хранительский центр «Старая деревня» (РХЦ), на открытие нового экспозиционного зала и хранилищ ОАВЕС в РХЦ (акт №356а от 19 июля 2007 г.). Через полтора года изваяние было возвращено из РХЦ в Зимний Дворец (акт №590 от 29 декабря 2008 г.) на новую постоянную экспозицию ОАВЕС в зале №32, где и экспонируется в настоящее время. Во время монтажа новой экспозиции в первой половине 2009 г. эрмитажные фотографии Л.Г. Хейфец и А.М. Кокшаров (которые работали вдвоем, поэтому их съемки подписываются двумя фамилиями) детально сфотографировали это изваяние с разных сторон в новой витрине (рис. 1.-3; 2).

Каменное изваяние мужчины-воина было изготовлено древними мастерами почти в полный рост и сочетает в себе признаки круглой скульптуры и рельефа на лицевой стороне и частично на боках с почти не затронутой обработкой оборотной стороной (рис. 1, 2). Размеры скульптуры из серого камня с белыми прожилками: высота — 150 см, ширина — 30 см и толщина в средней части — ок. 15 см.

Голова изваяния непропорционально широкая, прическа с короткими волосами, лицо плоское с округлыми щеками, с длинным расширяющимся книзу носом, маленьким ртом, со слегка закрученными вверх тонкими усами и небольшой заостренной бородкой (рис. 2.-1). Глаза выпуклые, со зрачками, посаженными близко к носу, брови тонкие, слегка изогнутые. В ушах — серьги в виде небольших колечек с подвесками (рис. 2.-2-3).

Каменный воин изображен одетым в кафтан с двусторонними отворотами в верхней части. В правой руке, согнутой в локте, он держит небольшой кувшинчик с выделенным поддоном, а кисть левой руки с проработанными четырьмя пальцами расположена на рукояти кинжала. Слегка изогнутый кинжал находится в ножнах с двумя большими полукруглыми петлями-скобами и выбит ниже наборного пояса с прямоугольными бляхами, застегнутого на пряжку с «язычком». Ниже кинжала расположена «кривая» сабля в ножнах с одной верхней петлей. С правой стороны к поясу подвешены небольшая округлая сумочка и два вытянутых предмета (вероятно, оселок и нож). Ноги не показаны, так как нижняя часть скульптуры не обработана и имеет неправильную форму (рис. 1.-1-2).

С.С. Сорокин (1968, с. 262) правильно отметил, что изваяние из Джумалы расположено в пограничье разных регионов — Горного Алтая, Тувы, Монголии, Северо-Восточного Казахстана и северо-западных районов Синьцзяна (Китай). В будущем предстоит более подробно проанализировать влияние стилистических изобразительных традиций разных регионов на оформление этой скульптуры. Особо стоит обратить внимание на кафтан, серьги, сосуд, оружие и другие детали, представленные на изваянии из Джумалы. Глаза на

Рис. 1. Общий вид каменного изваяния из Джумалы (Южный Алтай), хранящегося в Государственном Эрмитаже: 1-2 — фотография и прорисовка С.С. Сорокина, 1960-е гг.; 3 — фотография Л.Г. Хейфеца и А.М. Кокшарова, 2009 г.

Fig. 1. General view of a stone statue from Jumaly (Southern Altai), stored in The State Hermitage Museum: 1-2 — photography and drawing by S.S. Sorokin, 1960s; 3 — photo by L.G. Kheifets and A.M. Koksharov, 2009

этой скульптуре имеют выпуклую / объемную «каплевидную» форму (горизонтально расположенную) и отличаются этим от большинства глаз на многих других близких по времени изваяниях. Тщательное сопоставление отдельных элементов каменных изваяний должно быть произведено в основном не по опубликованным прорисовкам, а по фотографиям и реальным изваяниям. Реалистичные скульптуры очень индивидуальны, что зависело и от мастера, и от материала, и от изображаемого образа человека, и от канонических традиций. В будущем такие детальные сопоставления скульптур,

Рис. 2. Фотографии деталей на каменном изваянии из Джумалы: 1 — верхняя часть; 2–3 — уши с серьгами; 4–5 — средняя часть; 6 — вид сбоку средней части, с округлой сумочкой.
 Фотографии Л.Г. Хейфеца и А.М. Кокшарова, 2009 г., составлено Л.С. Марсадоловым
 Fig. 2. Photos of details on a stone statue from Jumaly: 1— upper part; 2–3 — ears with earrings; 4–5 — middle part; 6 — is a side view of the middle portion, with a circular handbag.
 Photographs by L.G. Kheifets and A.M. Koksharov, 2009, compiled by L.S. Marsadolov

вероятно, помогут выявить маршруты передвижения артелей древних мастеров по камню, как это было предварительно намечено для более ранних по времени «оленных» камней Центральной Азии (Марсадолов, 2004).

Существенным моментом, определяющим значимость работ С.С. Сорокина, является то, что это были первые документированные и опубликованные сведения об оградках Алтая со сложными конструкциями в виде вала и рва, напоминавшими элементы мемориальных «каганских» комплексов в Монголии. Изваяние из Джумалы было ориентировано лицевой частью

на восток и вкопано у восточной стенки северной каменной оградки (размерами ок. 4×4 м), сооруженной из вертикально поставленных плит и внутри заложеной камнями (рис. 3). Не случайно в последующие годы сведения об этом комплексе неоднократно использовались в исследованиях, посвященных различным аспектам истории тюрок раннего средневековья.

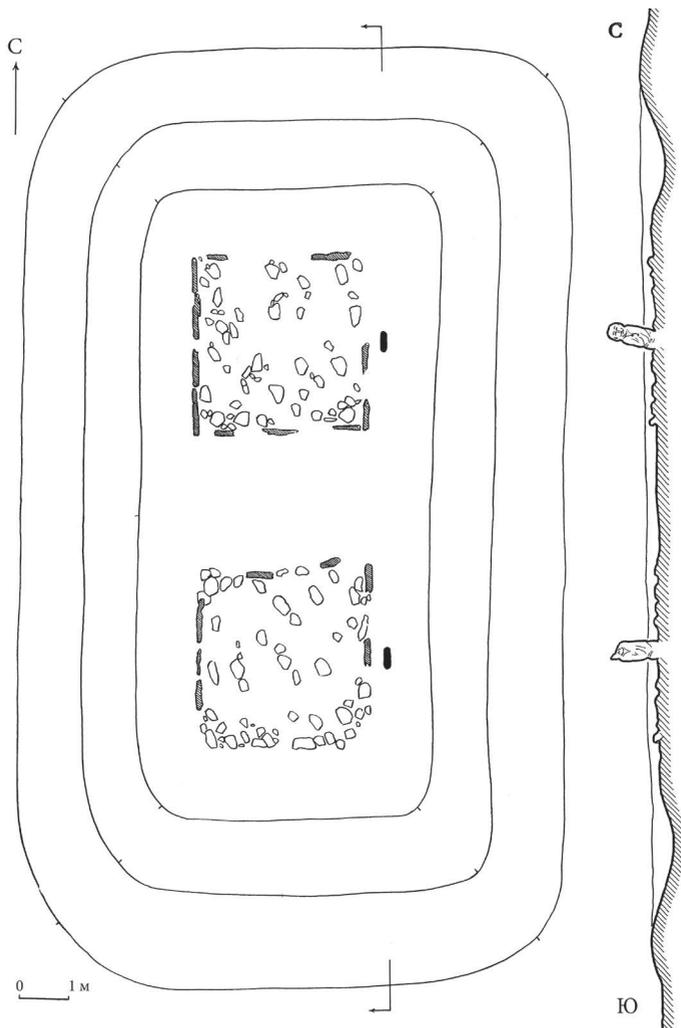

Рис. 3. Джумалы, Южный Алтай. План и разрез археологического комплекса объектов. Рисунок С.С. Сорокина
 Fig. 3. Jumaly, South Altai. Plan and section of the archaeological complex of objects. Drawing by S.S. Sorokin

Спустя несколько лет после разведочных работ С.С. Сорокина полевые исследования в этом же районе Алтая проводил В.Д. Кубарев. Он скорректировал название реки, использованное С.С. Сорокиным, и обозначил местность, в которой расположен рассматриваемый комплекс, как плато Кыпчыл, отделявшее долину р. Джазатер от поймы устья р. Аюты (Кубарев, 1979, с. 150)¹. По наблюдениям исследователя, расположенный там памятник включает несколько десятков тюркских оградок с изваяниями, курганы и ритуальные каменные выкладки (Кубарев, 1984, с. 16–17, 157). С учетом материалов, полученных в последующие годы, В.Д. Кубаревым (1979, с. 150–153; 1984, с. 51–55) был выделен аютинский тип оградок с валом и рвом, локализованных в юго-восточных районах Алтая. Рассматриваемое изваяние из публикации С.С. Сорокина (1968, рис. 2.-1), привлекалось учеными при характеристике различных элементов костюма, вооружения, украшений и других предметов, изображенных на тюркских скульптурах.

Д.Г. Савинов (2005, с. 239–240) отметил, что оградки, окруженные рвом и валом, подобные открытому С.С. Сорокиным комплексу, были возведены в честь представителей элиты Второго Восточно-Тюркского каганата. В разной степени близкие комплексы известны на Алтае, в Туве и один в Хакасии, но наиболее значительная серия более крупных «каганских» комплексов объектов находится в Монголии. Очевидно, им и «подражали» в тюркское время на окраинах каганата, создавая меньшие по размеру и более простые по конструкции объекты.

Таким образом, с учетом исторического контекста рассматриваемое изваяние из Джумалы с наибольшей долей вероятности было изготовлено в последней четверти VII — 1-й половине VIII в. н.э., о чем свидетельствуют прежде всего прямоугольные бляхи наборного пояса и серьги с подвеской.

В заключение обратим внимание на перспективы дальнейшего детального изучения раннесредневековых каменных изваяний из центральных и региональных музейных учреждений, а также привлечения полученных ранее сведений о тюркских поминальных комплексах на Алтае и сопредельных территориях, значительная часть которых остается не исследованной.

Список источников

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Марсадоллов Л.С. Артели мастеров по камню как одни из основных хранителей и носителей стилистических традиций в Центральной Азии (к постановке проблемы) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. С. 283–289.

Марсадоллов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010. 128 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 180–343.

¹ В отдельных случаях это привело к «дублированию» памятников (Савинов, 1984, с. 70).

Сорокин С.С. Древние каменные изваяния Южного Алтая // Советская археология. 1968. №1. С. 260–262.

Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 71–88.

Информация об авторах / Information about the Authors

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 197000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; доктор культурологии, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Researcher; 197000, St. Petersburg, Russia, Dvortsovaya nab., 34; Doctor of Culturology, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associated Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 903.02(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.32

EDN: APVGAR

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ С РУЧКАМИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Юрий Михайлович Мороз

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена результатам изучения керамических сосудов с ручками из погребальных памятников афанасьевской культуры Горного Алтая. Актуальность исследования в том, что до сих пор не было представлено отдельного исследования данной категории сосудов. Рассматриваются функциональность и специфические черты ручек. Различия в технике и технологии изготовления сосудов позволяют говорить о разном уровне мастерства гончаров и территориальной специфике в гончарном производстве. Проводится сравнительный анализ форм сосудов, орнамента, особенностей погребального обряда. Выявлены основные различия между сосудами из памятников Горного Алтая и Енисея как в формах сосудов и оформлении дна, так и в орнаментации, погребальном обряде. Сравнение этой категории керамических форм говорит о вероятном более раннем их появлении на территории Енисея, тогда как для Горного Алтая характерны традиции более поздние.

Ключевые слова: Горный Алтай, энеолит, керамика, сосуды с ручками, афанасьевская культура

Для цитирования: Мороз Ю.М. Керамические сосуды с ручками из памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 214–221. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.32

CERAMIC VESSELS WITH HANDLES FROM THE SITES OF THE AFANASYEVO CULTURE IN THE ALTAI MOUNTAINS

Yuri M. Moroz

Altay State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the results of the study of ceramic vessels with handles from the funerary sites of the Afanasyevo culture in the Altai Mountains. The relevance of the study lies in the fact that so far no separate study of this category of vessels has been presented. A comparative analysis of vessel forms, ornaments, and funeral rite features is carried out. The main differences between the vessels from the sites of the Altai Mountains and the Yenisei were revealed, both in the forms of the vessels and the design of the bottom, as well as in the ornamentation and funeral rite. The functionality and specific features of the handles are considered. Differences in the technique and technology of making vessels allow us to speak about the different skill levels of potters and the territorial specifics of pottery production. A comparison of this category of ceramic forms has shown that they probably appeared earlier on the territory of the Yenisei, whereas the AltaiMountains are characterized by later traditions.

Keywords: Mountain Altai, eneolithic, ceramics, vessels with handles, Afanasyevo culture

For citation: Moroz Yu.M. Ceramic Vessels with Handles from the Sites of the Afanasyevo Culture in the Altai Mountains. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:214–221. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.32

Сосуды с ручками относятся к особой, специфической категории керамических форм афанасьевской культуры, редко встречающейся в памятниках. В настоящее время не представлено полноценного исследования подобной категории посуды у афанасьевского населения. Целью работы является общая характеристика категории сосудов с ручками из памятников афанасьевской культуры Горного Алтая. В научной литературе используются термины «сосуды с ушками» и «ручками» (Фрибус, 2006, с. 478–480; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 101). Поскольку основная функция ручек — перенос сосудов, эти детали использовались именно как ручки, поэтому в данной работе используется этот термин. В ходе исследования были выявлены характерные особенности данной категории сосудов. Проанализированы и обобщены все имеющиеся данные об афанасьевских сосудах с ручками. По результатам проведенного исследования они были выделены в отдельную категорию керамической посуды, представлены ее отличительные особенности и общая характеристика. Были рассмотрены отличительные черты в погребальном обряде, проведено сравнение посуды из территории Горного Алтая с енисейским вариантом. В настоящий момент известно семь сосудов с ручками. В эту выборку не вошли курильницы с ручками, так как это особая категория посуды. Исследователи обращают внимание на форму, орнамента-

цию подобной посуды. Существуют работы, посвященные курильницам, их типологии (Степанова, 2023, с. 147–158). Отдельных работ, рассматривающих сосуды с ручками, в настоящее время не найдено. В данной работе представлены материалы из памятников Берсюкта-I, Ело-Баши, Нижний Тюмечин-5, Усть-Куюм, Сальдяр-I, Узнезя-1, Малый Дуган, Подсинюшка.

Сосуды с ручками в памятниках афанасьевской культуры известны на территориях Горного Алтая, Енисея и минусинских памятников, но представлены немногочисленными находками. В технологическом плане ручки представляют собой глиняные налепные валики уплощенной либо выпуклой формы, функциональность которых определяется необходимостью переноса сосудов или, что наиболее характерно для территории Енисея, где представленные сосуды в большинстве случаев обладают отверстиями для пронизывания веревочки, — подвешивания. Характерно для алтайского варианта их расположение в средней части сосуда, однако наблюдаются ручки в зоне под венчиком. Встречаются сосуды как с одной, так и с двумя ручками. Так, на памятнике Сальдяр-I был обнаружен сосуд баночной формы с плоским дном и одной налепной ручкой, расположенной в центральной части сосуда (Ларин, 2005, с. 22). Необычным является сосуд с памятника Нижний Тюмечин-5, где на одной стороне представлены две разные ручки-налепа (Степанова, 2012а, с. 179). Одна из них, расположенная в верхней части сосуда, имеет отверстие, другая — в нижней половине — представлена традиционно: налепной валик уплощенной формы.

Сосуды с памятника Усть-Куюм выделяются из общего числа. Они представляют собой сосуды яйцевидной формы с острым и плоским дном (Погожева и др., 2006, с. 129–137). По характеру расположения ручек-налепов они также отличаются от других сосудов — расположены прямо под венчиком и орнаментированы, что более схоже с енисейским вариантом посуды с ручками. Возможно, они использовались для ритуальных целей или связаны с этнографической группой населения афанасьевской культуры. находка с памятника Ело-Баши представляет собой укороченный сосуд баночной формы с плоским дном и одной ручкой-налепом в верхней части (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 10). Сосуды с ручками происходят и с поселенческих памятников, в основном представлены развалами либо фрагментами — Малый Дуган, Подсинюшка, Узнезя-1 (Владимиров, Степанова, 1994, с. 6–7; Грушин, Степанова, 2010, с. 46–53; Степанова, 2012б, с. 278–282). Дополнительных деталей на ручках не представлено.

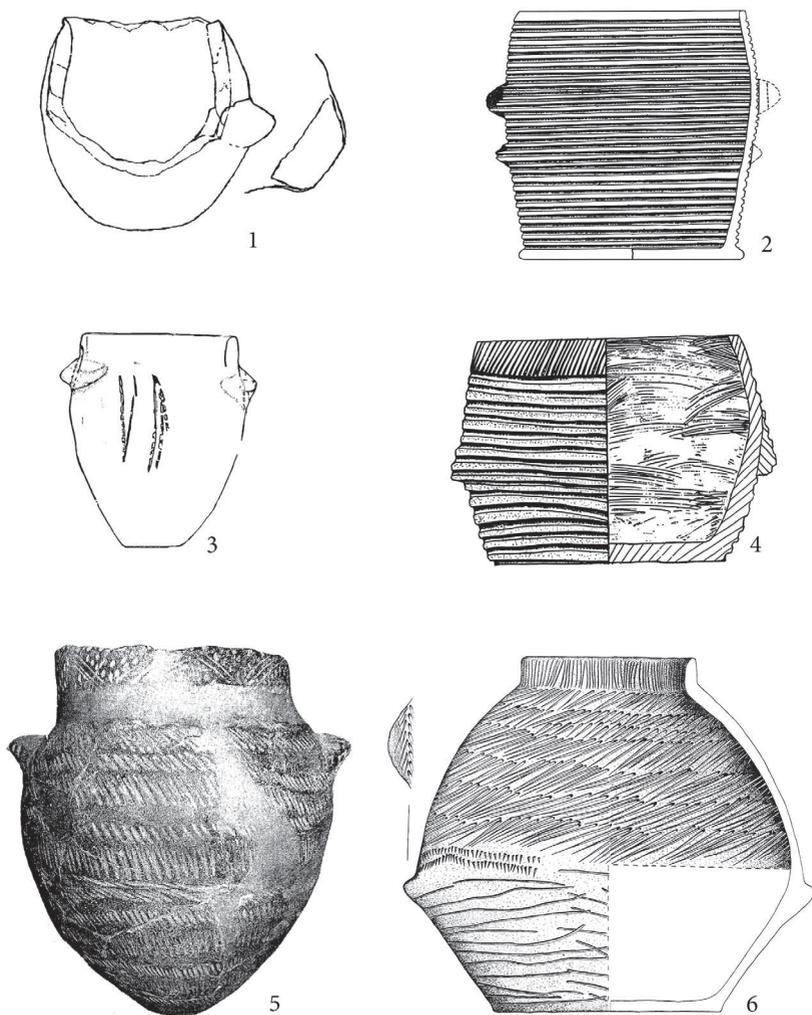
Таким образом, в настоящее время на территории Горного Алтая известно семь сосудов с ручками, найденных в погребальных и поселенческих комплексах афанасьевской культуры.

По форме сосуды с ручками распределяются на несколько типов:

Тип 1. Плоскодонная банка со слегка расширенным туловом, прямым венчиком — пять сосудов (Берсюкта-I, Ело-Баши, Нижний Тюмечин-5, Сальдяр-I, Подсинюшка).

Тип 2. Плоскодонный горшковидный — один сосуд (Усть-Куюм).

Тип 3. Яйцевидный остродонный — один сосуд (Усть-Куюм).

Керамические сосуды с ручками афанасьевской культуры из памятников Горного Алтая: 1-2, 4, 6 — Тип 1. Плоскодонная банка со слегка расширенным туловом, прямым венчиком; 3 — Тип 2. Плоскодонный горшковидный; 5 — Тип 3. Яйцевидный остродонный. По: Кирюшин и др., 2010 (4); Степанова, 2012a (2); Ларин, 2005 (1); Погожева и др., 2006 (3, 5)

Ceramic vessels with handles from sites of the Afanasyevo culture in the Altai Mountains: 1-2, 4, 6 — Type 1. Jar-shaped vessels with a flat bottom, slightly expanded body, straight rim; 3 — Type 2. Pot-shaped flat-bottomed; 5 — Type 3. Egg-shaped vessel with a sharp bottom. By: Kiryushin et al., 2010 (4); Stepanova, 2012a (2); Larin, 2005 (1); Chalcolithic and Bronze Age, 2006 (3, 5)

Несмотря на малочисленность материала, можно сделать вывод о том, что наиболее характерным у алтайских сосудов с ручками является именно плоское дно — шесть из семи сосудов (типы 1 и 2). Появление у населения афанасьевской культуры плоскодонных сосудов — вопрос дискуссионный. Ряд исследователей считает данное явление поздним признаком (Владимиров, Степанова, 1994, с. 6). Рассматривая эту категорию сосудов с ручками и плоским дном, стоит сказать о, вероятно, более раннем ее появлении на территории Енисея, чем в Горном Алтае. В пользу данного утверждения говорят приведенные в данной работе особенности оформления этой категории сосудов, отличия в погребальном обряде и функциональности ручек, а также присутствие поздних признаков в изготовлении сосудов — плоского дна и баночной формы. Плоскодонные сосуды с ручками на территории Горного Алтая представлены значительным большинством.

Сосуды с ручками с территории Горного Алтая демонстрируют преобладание специфических черт в орнаментальной традиции. Наиболее необычные для афанасьевской керамики традиции в орнаменте прослеживаются на плоскодонных сосудах, тогда как остродонные представлены более классическим вариантом. Плоскодонный сосуд баночной формы с памятника Нижний Тюмечин-5 подчеркивает данное утверждение: орнамент нанесен не от протаскивания острого конца инструмента, а в результате выемки глины предметом с острым рабочим краем в виде дуги и представляет собой горизонтальные ряды из широких и глубоких линий по всей площади сосуда (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 325). Для сосуда с памятника Берсюкта-I отмечается орнаментация по тулову параллельными горизонтальными отпечатками палочки в технике протаскивания (глубокое прочерчивание, как на памятнике Нижний Тюмечин-5), что является более типичным для минусинских могильников и не представлено на территории Горного Алтая (Кирюшин и др., 2010, с. 49). Яйцевидные сосуды с памятника Усть-Куюм также выделяются рядом специфических черт в орнаментации, как по способам нанесения, так и по расположению отпечатков относительно друг друга. Присутствуют и сосуды без орнамента, как на памятниках Ело-Баши и Сальдяр-I. В целом необходимо отметить явное преобладание нехарактерных для культуры черт в орнаментации сосудов с ручками.

Следует отметить специфические и нехарактерные для афанасьевской культуры аспекты, связанные с погребальным обрядом на тех памятниках, где фиксируются сосуды с ручками. Для данной группы сосудов из погребений афанасьевской культуры характерна неустойчивость в ориентации погребенных. Так, на памятнике Сальдяр-1 умерший располагается черепом на запад. На памятнике Берсюкта-I фиксируется ориентация костяка черепом на восток-северо-восток, а на Нижнем Тюмечине-5 — на восток.

Отличается положение сосудов внутри погребений. Данная категория сосудов укладывалась возле головы либо плеча (исключение — Берсюкта-I, сосуд расположен возле локтя правой руки) погребенного. Тогда как для традиционного алтайского варианта размещения сосудов внутри погребения

характерно более разнообразное их расположение: в ногах, что не прослеживается в погребениях, содержащих сосуды с ручками.

Отмечается отличие в надмогильных конструкциях. Важно отметить, что курганы некрополей, где присутствуют могилы с рассматриваемыми сосудами, не имеют в качестве большинства надмогильные сооружения в виде вертикально вкопанных плит (среди всех раскопанных афанасьевских объектов Горного Алтая данный тип ограды представлен более чем в 60% случаев) (Степанова, 2010, с. 177). Для погребений, в которых присутствуют сосуды с ручками, характерны насыпи с крепидой из горизонтально уложенных плит примерно одинакового размера, кольца из гальки и плитняка (Кирюшин и др., 2010, с. 18). В оградах из вертикально поставленных плит, представленных на территории Горного Алтая большинством афанасьевских объектов, сосудов с ручками практически не обнаружено.

Положение погребенного внутри могильной ямы является традиционным. Отличительно наличие сосудов с ручками исключительно в одиночных захоронениях.

Сравнивая сосуды с ручками из Горного Алтая с енисейскими, можно сделать следующие выводы. Памятники Енисея представляют собой более раннюю традицию изготовления керамики — классическая яйцевидная форма, которая прослеживается на большей части найденных сосудов с ручками, тогда как для алтайского варианта более характерно наличие ручек именно на плоскодонной посуде. Сами ручки расположены в зоне венчика либо под ним и представляют собой наlepные валики уплощенной формы с характерной для Енисея особенностью — отверстиями в ручках. Вероятно, они использовались для пронизывания через них веревочки и дальнейшего их подвешивания. Существуют и определенные различия, связанные с погребальным обрядом: для енисейских погребений прослеживается наличие сосудов как в одиночных, так и парных (групповых) захоронениях, а надмогильные конструкции представлены в основном классически для Енисея — ограды-стенки и вертикально поставленные плиты (Степанова, 2008, с. 89–92). Фиксируются сосуды с ручками в погребениях совместно с различным другим инвентарем. Орнамент на сосудах с ручками в большинстве случаев покрывает весь сосуд и выполнен традиционными техниками и характерными для культуры орнаментальными мотивами, особо не демонстрируя какой-либо отличительной от других сосудов особенности.

На основании данного сравнения возможно сделать вывод о появлении на территории Енисея сосудов с ручками раньше, чем в Горном Алтае. Особенности, связанные с погребальным обрядом, могут свидетельствовать о наличии связей и перенимании традиций между различными культурами рассматриваемой эпохи, а оформление самих сосудов демонстрирует для афанасьевской керамики признак поздний — баночные формы и плоское дно, тогда как на территории Енисея характерно более классическое оформление данной категории сосудов, так же как погребальный обряд и другие особенности, приведенные в исследовании.

Необходимо отметить, что происхождение афанасьевских сосудов с ручками по-прежнему остается не установленным. Наличие подобной категории сосудов в разных территориальных границах отражает сложные процессы взаимодействия различных групп населения в эпоху энеолита — ранней бронзы. В ходе исследования были выявлены характерные особенности, связанные с данной категорией сосудов на территории Горного Алтая, и проведено их сравнение с аналогичным материалом территории Енисея. Приведенные заметные различия между двумя группами сосудов позволяют утверждать о хронологическом различии во времени их появления: енисейские сосуды хронологически более ранние, чем алтайские.

Данная работа является лишь началом исследований, связанных с различными особенностями использования населением афанасьевской культуры сосудов с ручками, а их дальнейшее изучение представляется перспективным и предполагает использование разнообразных методов.

Список источников

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.: ил.

Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 3–8.

Грушин С.П., Степанова Н.Ф. Особенности технологии изготовления керамики с афанасьевского поселения Подсинюшка // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 46–53.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катунь (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.: ил.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.: ил.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Часть 1. Барнаул, 2006. 234 с.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура: особенности погребального обряда памятников Горного Алтая и Среднего Енисея // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 89–92.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012а. С. 173–182.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Узнезя-1 в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск, 2012б. С. 278–282.

Степанова Н.Ф. Курильницы с афанасьевских поселений из Горного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №4. С. 147–158.

Фрибус А.В. К дискуссии о происхождении афанасьевской культуры // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. С. 478–480.

Информация об авторе / Information about the Author

Юрий Михайлович Мороз, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0009-0008-6902-4197>, yuramorozvuz@mail.ru

Yuri M. Moroz, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave., <https://orcid.org/0009-0008-6902-4197>, yuramorozvuz@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(516)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.33

EDN: APYMDK

ОБ «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ МОНГОЛО-ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТИПА В СИНЬЦЗЯНЕ

Му Цилэ

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Классификация «оленных» камней может совершенствоваться по мере новых открытий древних изваяний и изучения выявленных характеристик. Наиболее распространенным остается предложенное В.В. Волковым деление на три типа: общеевразийский, саяно-алтайский и монголо-забайкальский. В данной статье особое внимание уделено выявлению и изучению «оленных» камней монгольско-забайкальского типа, обнаруженных в Синьцзяне. К настоящему времени известно 14 таких изваяний. Из них 13 расположены на территории округа Алтай: семь — в уезде Фуюнь, два — в уезде Фухай, четыре — в уезде Цинхэ. Одно изваяние не имеет известного происхождения. Рассмотрение указанных данных и особенностей изваяний открывают перспективы для дальнейшего изучения и интерпретации их значения.

Ключевые слова: Синьцзян, культурное наследие, «оленные» камни, классификация, монголо-забайкальский тип

Для цитирования: Му Цилэ. Об «оленных» камнях монголо-забайкальского типа в Синьцзяне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 221–227. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.33

ABOUT “DEER” STONES MONGOL-TRANSBAIKAL TYPE IN XINJIANG

Mu Qile

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The classification of ‘deer’ stones can be improved with new discoveries of ancient sculptures and study of the revealed characteristics. The most widespread remains the division proposed by V.V. Volkov into three types: Eurasian, Sayan-Altai and Mongol-

Transbaikal. In this article, special attention is paid to the identification and study of 'deer' stones of the mongol-transbaikal type found in Xinjiang. To date, 14 such statues are known. Of these, 13 are located in Altai district: seven in Fuyun county, two in Fuhai county, and four in Qinghe county. One sculpture has no known origin. Consideration of the above data and the peculiarities of the sculptures open prospects for further study and interpretation of their meaning.

Keywords: Xinjiang, cultural heritage, "deer" stones, classification, Mongolian-Transbaikal type

For citation: Mu Qile. About "Deer" Stones Mongol-Transbaikal Type in Xinjiang. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:221–227. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.33

Изучение «оленных» камней ведется уже более 150 лет. За это время многие исследователи осуществляли классификацию этих древних изваяний (Потанин, 1881, с. 64–76; Диков, 1958, с. 43–46; Членова, 1962, с. 22–35; Маннай-Оол, 1968, с. 139–146; Кубарев, 1979, с. 42–83; Волков, 1981, с. 102; Худяков, 1987, с. 136–162; Новгородова, 1989, с. 179, 185; Савинов, 1994, с. 71–83; 2007, с. 105–107; Килуновская, Семенов, 1998; Баярсайхан, 2017, с. 71–74). Она основывалась на форме и содержании изображений: на видах животных и их стилистическом оформлении, а также на наличии оружия, украшений и других реалий. Учитывались места расположения изваяний. Среди имеющихся классификаций наиболее признанной является разработка В.В. Волкова. Во 2-й половине XX в. он осуществлял свои исследования и выделил три типа «оленных» камней, каждому из которых было присвоено свое название: монголо-забайкальский, саяно-алтайский и общеевразийский. В соответствии с классификацией В.В. Волкова (2002, с. 19), монголо-забайкальский тип отличается орнаментально стилизованными изображениями оленей с сильно вытянутыми мордами.

На основе указанной формулировки «оленные» камни монголо-забайкальского типа выделяются в Синьцзяне. Автором зафиксировано 14 таких изваяний. Большинство их (13) обнаружены в округе Алтай: семь — в уезде Фуюнь, два — в уезде Фухай, четыре — в уезде Цинхэ. Происхождение одного изваяния неизвестно. К настоящему времени в Синьцзяне насчитывается около 140 «оленных» камней (Му, 2024, с. 79). Именно монголо-забайкальский тип составляет 10% от общего числа. Выявленные «оленные» камни происходят из разных мест (рис. 1).

В 1996 г. в Алтайский краевой музей поступили «оленные» камни из памятника Шэньбаэркулэ-1, находящегося в уезде Цинхэ (рис. 1). Их первоначальное местоположение находилось на юго-западной стороне херексуров. Среди них был интересующий нас «оленный» камень высотой 3 м (рис. 2.-1). С одной стороны его в верхней части выбита серьга с подвеской, а ниже — пять стилизованных оленей, верхний из которых обращен головой вниз, а остальные — головой вверх. На другой стороне изображены шесть стилизованных оленей, четыре верхних с головами, обращенными вниз, и два

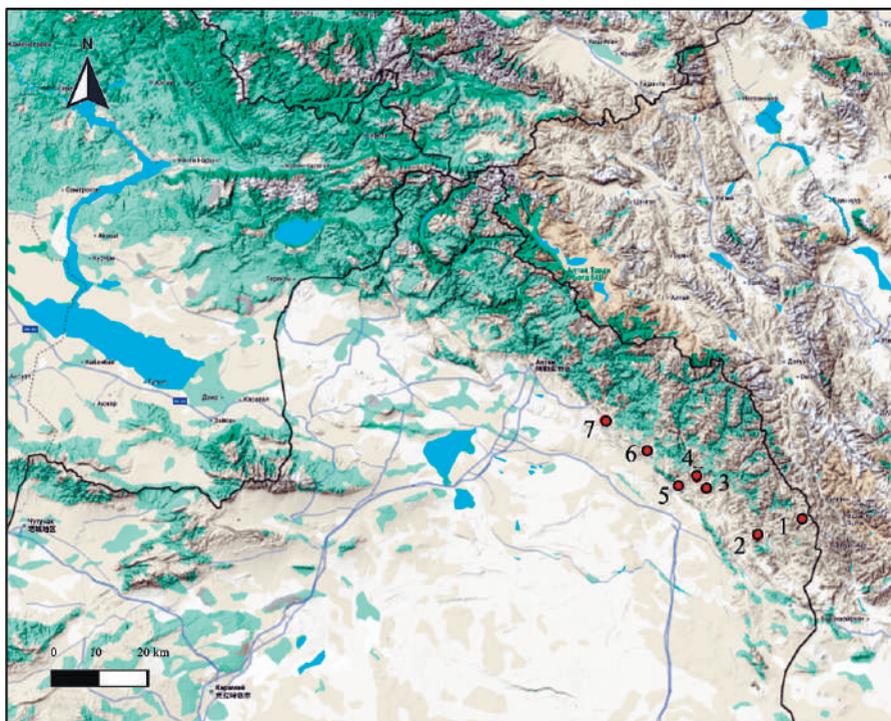

Рис. 1. Расположение памятников с «олениными» камнями монголо-забайкальского типа в Синьцзяе

Fig. 1. Location of sites with 'deer' stones of Mongol-Transbaikalian type in Xinjiang

других с головами, обращенными вверх. На двух других сторонах имеются изображения кинжала и щита (Синьцзян цаюань..., 2011, с. 160).

Памятник Тоулэсаи-5 находится в месте Тоулэсаи уезда Цинхэ (рис. 1). Там были найдены пять изваяний. «Олений» камень монголо-забайкальского типа имеет высоту 2,1 м и ширину 0,41 м (рис. 2.-2). Под серьгой в виде кольца и ожерельем выбиты три стилизованных оленя, в центре изображен колчан, в нижней части находится чекан. На другой стороне под кольцом и ожерельем изображены четыре стилизованных оленя (рис. 2.-2). На лицевой стороне есть три косые линии и ожерелье, ниже которого изображен длинный меч (Синьцзян цаюань..., 2011, с. 164).

Памятник Цюээрбаликулэ-2 с «олениными» камнями располагается в уезде Цинхэ, на юго-востоке оз. Шэньбаэркулэ (рис. 1). Древнее изваяние монголо-забайкальского типа имеет высоту 3,55 м и ширину 0,7 м. На одной из боковых сторон под кольцом и ожерельем изображены девять стилизованных оленей (некоторые с головами вверх, другие — с головами вниз) и лук

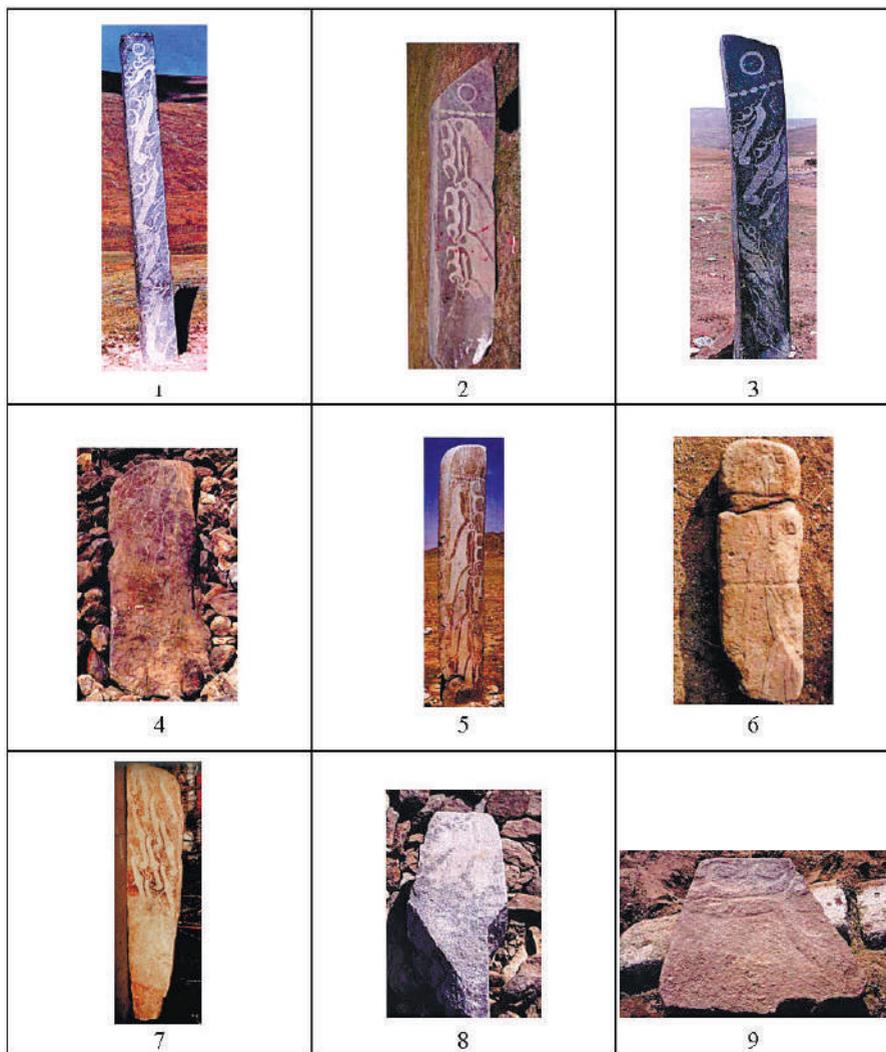

Рис. 2. «Оленные» камни монголо-забайкальского типа:
 1 — Шибаяркулэ-1; 2 — Туюсаи-5; 3 — Цюээрбаликүл; 4 — Вулукэндабатэ;
 5 — Цялэлэгэр; 6 — Вуцякоу; 7 — Байгэтобе; 8-9 — Кэкэбулакэ
 Fig. 2. 'Deer' stones of the Mongol-Transbaikal type:
 1 — Shibaerkule-1; 2 — Tousesai-5; 3 — Tsueerbalikule; 4 — Wulukendabate;
 5 — Tsialeger; 6 — Wutsyakou; 7 — Baigetobe; 8-9 — Kakebulake

в горите (рис. 2.-3). Кроме этого, на лицевой стороне отмечено наличие длинного меча (Синьцзян цаюань..., 2011, с. 166). В настоящее время изваяние находится в музее города Цинхэ.

Памятник Вулукэндыбатэ с «оленными» камнями располагается в уезде Цинхэ (рис. 1). Древнее изваяние монголо-забайкальского типа имеет высоту 2,2 м и ширину 0,8 м (рис. 2.-4). В качестве сырья была выбрана большая каменная плита, дальнейшей обработки не было. Только одна сторона имеет изображение: маленькое кольцо и пять оленей (Синьцзян цаюань..., 2011, с. 170).

Памятник Цялэгэр находится в уезде Фуюнь, в межгорной долине (рис. 1). «Оленный» камень №1 монголо-забайкальского типа стоял. Его длина 3,17 м, ширина 0,4 м. Под кольцом и ожерельем изображены пять стилизованных оленей (рис. 2.-5). Всего на всех четырех сторонах камня выбиты 19 стилизованных оленей. Также присутствует изображение лука в горите. В настоящее время изваяние установлено в экспозиции нового музея в г. Алтай, где имеются другие «оленные» камни монголо-забайкальского типа или части от них. «Оленный» камень №2 из памятника Цялэгэр был поврежден, его высота 2,03 м, ширина 0,25 м. На лицевой стороне выбиты четыре стилизованных оленя, а также изображены пояс и лук в горите. «Оленный» камень №3 также был поврежден, его высота составляет 0,8 м, ширина — 0,32 м. На лицевой стороне имеются три стилизованных оленя (Синьцзян цаюань..., 2011, с. 178).

Памятник Цзялэаши находится в 7,7 км к северо-западу от села Куэрт в уезде Фуюнь (рис. 1). Он состоит из более чем 23 курганов. Диаметр каждой насыпи около 10 м, высота 1 м. Рядом с крупнейшим курганом был найден «оленный» камень, на одной из сторон которого изображен стилизованный олень (Дун Аэртаи..., 2011, с. 22).

«Оленные» камни были обнаружены на территории западных предгорий Алтая, в том числе в местности Вуцякоу. Древнее изваяние было переоформлено в период раннего средневековья в антропоморфную скульптуру, на которой осталась часть изображения крупного стилизованного оленя (рис. 2.-6). Также в 1995 г. в записи Ван Бо упоминается изваяние (Музейные коллекции) с изображением стилизованного оленя.

Еще один большой «оленный» камень монголо-забайкальского типа был обнаружен во дворе жителя деревни Байгэтобе в уезде Фуюнь в 2012 г. Как выяснилось, его привезли из окрестностей села (Ван Бо, Ци Сяошань, 2016, с. 312). Сейчас это изваяние экспонируется в музее уезда Фуюнь (рис. 2.-7). «Оленный» камень имеет желтоватый цвет. На боковой стороне изображены 10 стилизованных оленей. Ноги животных согнуты, их головы подняты вверх. У трех оленей головы выступают за кольцо и ожерелье. На противоположной стороне также изображены 10 оленей, но без кольца и ожерелья (рис. 2.-7).

«Оленный» камень Хунтуэр-2 находится в уезде Фуюнь, но точное местоположение его неизвестно. Это изваяние было повреждено, сохранилась лишь центральная часть, на которой изображены три стилизованных оленя (Синьцзян цаюань..., 2011, с. 180).

Следующие части «оленных» камней (рис. 2.-8, 9) обнаружены в 2009 г. в месте Карамэгий уезда Фухай, на пастбище, которое имеет название Кэкэбулак (рис. 1). Изваяние №1 находилось рядом с тюркской оградкой. Оно повреждено, но можно ясно увидеть часть стилизованной фигуры оленя. Изваяние №2 — этот камень лежал на насыпи кургана. Он имеет неправильную форму, и на нем можно увидеть изображения оленей (Синьцзян цаоюань..., 2011, с. 183).

В заключение важно отметить, что не все «оленные» камни монголо-забайкальского типа в Синьцзяне хорошо сохранились. Некоторые были разбиты и остались только узнаваемые части, а отдельные оказались переделанными в тюркские изваяния. Согласно сделанной карте-схеме распространение «оленных» камней монголо-забайкальского типа в Синьцзяне в основном сосредоточено в округе Алтай, особенно в предгорьях Алтайских гор (рис. 1). Данная ситуация отражает западную границу их распространения. При этом изваяния монголо-забайкальского типа в Синьцзяне имеют свои особенности. Стиль не такой выраженный и отличается от изображений в основном ареале их распространения. Например, стилизованные ноги оленя можно четко увидеть только на изваянии из Шэньбаэркулэ (рис. 2.-1). На других они вообще отсутствуют. Оружие редко изображается подвешенным к поясу, нет «карасукских» кинжалов с зооморфными навершиями (Комиссаров, Астрелина, 2005, с. 25–34). Мало других распространенных реалий. Качество изготовления тоже отличается. Тем не менее выявленная группа заслуживает дальнейшего изучения и детального анализа.

Список источников

- Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хөшөөд. УБ., 2017. 323 с. (на монг. яз.).
Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 255 с.
Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 140 с.
Килуновская М.Е., Семенов В.А. Оленные камни Тувы. Ч. 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности // Археологические вести. Вып. 5. СПб., 1998. С. 143–154.
Комиссаров С.А., Астрелина И.В. Оленные камни Восточного Туркестана (Синьцзяна) как свидетельство культурных контактов древних кочевников Евразии // Общество и государство в Китае. М., 2005. С. 25–34.
Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.
Маннай-Оол М.Х. Оленные камни Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968. С. 139–146.
Му Цилэ. История изучения «оленных» камней в Синьцзяне китайскими исследователями // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №5 (139). С. 79–84.
Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.
Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб., 1881. 308 с.
Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.
Савинов Д.Г. Об оленных камнях «смешанного» типа // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 105–108.
Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 22–35.

Ван Бо [王博], Ци Яошань[祁小山]. Сычоу чжи лу Синьцзян гудай вэнхуа [Древние культуры Синьцзяна на Шелковом пути = 丝绸之路新疆古代文化]. Урумчи, 2016. 312 с. (на кит. яз.).

Дун Аэртай шань дэ гудай вэнхуа ицунь [Памятники древних культур восточного Алтая = 东阿尔泰山的古代文化遗存] // Сяньцзян вэнью [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2011. №1. С. 21–59 (на кит. яз.).

Синьцзян цаоюань шижэнь юй луши [Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна = 新疆草原石人与鹿石]. Пекин, 2011. 201 с. (на кит. яз.).

Информация об авторе / Information about the Author

Му Циля, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр истории; <https://orcid.org/0009-0009-3003-9890>, muxel123@163.com

Mu Qile, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Master of History; <https://orcid.org/0009-0009-3003-9890>, muxel123@163.com

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.224(571.15)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.34

EDN: CCMNXQ

НАХОДКА КОСТЯНОГО НАКОНЕЧНИКА ГАРПУНА В СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Даниил Романович Плотников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В работе рассматриваются первые результаты изучения костяного наконечника гарпуна, случайно обнаруженного в 1970-х гг. местным жителем в русле реки Каменки близ села Советское (Советский район, Алтайский край). Высокая сохранность предмета позволила произвести реконструкцию технологических операций, применявшихся при изготовлении изделия, а также осуществить сравнение предмета с наконечниками гарпунов различных эпох, известных из стратифицированных и подъемных комплексов Алтая. Ближайшие аналоги изделия были выявлены в местонахождениях Причумышья (село Победа) и Барнаульского Приобья (Бураново-Остров). Вместе с наконечниками из указанных регионов находка из с. Советское была отнесена к широкому хронологическому интервалу конца плейстоцена — начала голоцена.

Ключевые слова: Алтай, костяные орудия, гарпун, ранний голоцен, финальный палеолит, мезолит

Для цитирования: Плотников Д.Р. Находка костяного наконечника гарпуна в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 227–233. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.34

THE DISCOVERY OF A BONE HARPOON TIP IN THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI

Daniil R. Plotnikov

Altay State University, Barnaul, Russia

Abstract. The paper considers the first results of studying a bone harpoon tip, accidentally discovered in the 1970s by a local resident in the Kamenka riverbed near the village of Sovetskoye (the Sovetsky district, Altai Krai). The high preservation of the object made it possible to reconstruct the technological operations used in the manufacture of the product, as well as to compare the object with harpoon tips from various eras known from stratified and lifting complexes in Altai. The closest analogues of the product were identified in the settlements of Prichumyshye (the Pobeda village) and Barnaul Ob region (Buranovo-Ostrov). Together with the arrowheads from these regions, the find from the village of Sovetskoye was attributed to a wide chronological interval of the end of the Pleistocene — the beginning of the Holocene.

Keywords: bone tools, harpoon, Early Holocene, Final Paleolithic, Epipaleolithic, Mesolithic, Altai

For citation: Plotnikov D.R. The Discovery of a Bone Harpoon Tip in the Northern Foothills of Altai. *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:227–233. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.34

На территории Алтая древнейшие наконечники для метательного вооружения, изготовленные из органических материалов, известны в материалах комплексов начального и раннего верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (Белоусова, Федорченко, Рыбин, 2018) и Денисовой пещеры (Шуныков, Федорченко, Козликин, 2019). Начиная с эпох неолита и бронзы происходит дифференциация типов наконечников, в т.ч. с формированием устойчивой категории гарпунов — наконечников с бородчатыми зубцами. С начала 2000-х гг. в литературе периодически появлялись публикации о случайных находках костяных и роговых наконечников гарпунов из местонахождений с открытым залеганием артефактов, например, находки в Причумышье (Кунгуров, Горбунов, 2001) и Верхнем Приобье (Кирюшин, 2024), сохранность и морфология которых отличалась от материалов из стратифицированных комплексов неолита (Кунгурова, 2005, с. 104, рис. 24.) и бронзы (Грушин, 2008). Высокая степень фоссилизации и «архаичное» строение (крупные размеры, массивный центральный стержень, многочисленные частые зубцы, присутствие боковой крепежной выемки у насада) позволили рассматривать данные находки в качестве свидетельств изготовления наконечников гарпунов у донеолитического населения, вероятно, культур финального плейстоцена — раннего голоцена (Кунгуров, Горбунов, 2001).

В 2024 г. в Институт археологии и этнографии СО РАН С.А. Васильевым (ИИМК РАН) был передан костяной наконечник гарпуна, обнаруженный в ходе ревизии материалов случайных находок. Предмет был найден близ с. Советское (Советский район Алтайского края) в 1970-х гг. местным жителем С.И. Грушен-

ко. Согласно тексту сопроводительной записки, предмет был обнаружен в русле р. Каменки, в 2 км выше по течению от границы села. В данной работе вводятся в научный оборот первые результаты изучения этого предмета.

Материалы

Наконечник (рис. 1) целый, хорошей сохранности, слабо окатан. Кость частично фоссилезована. В качестве заготовки для изготовления гарпуна использовался фрагмент стенки диафиза трубчатой кости крупного млекопита-

Рис. 1. Костяной наконечник гарпуна из местонахождения у с. Советское
Fig. 1. A bone harpoon tip from a location near the village of Sovetskoye

ющего. На момент смерти животное было взрослым, о чем свидетельствует полное окостенение компактного вещества.

В отличие от гарпунов Причумышья и Бураново-Острова, у рассматриваемого изделия зубцы расположены в один ряд. Зубцов восемь, каждый подтреугольный в плане и сечении, два дистальных с выраженными жальцами, три проксимальных — со скругленными концами; четыре дистальных зубца слегка отклонены от длинной оси орудия в сторону внешней поверхности кортикального слоя заготовки из-за ее изгиба. Зубцы отходят от центрального стержня, имеющего в поперечном сечении вид асимметричного овоида с выемкой на одной из широких сторон, образованной естественным строением заготовки и представляющей собой остатки стенки костномозговой полости. Насад подтреугольный в поперечном сечении; между насадом и первым зубцом находится крепежная выемка, на дне которой оставлен клиновидный участок невыбранной кости.

При изготовлении наконечника мастер производил ряд технологических операций, часть из которых фиксируется по различным остаточным следам обработки. Общая последовательность операций изготовления близка к технологии производства наконечников гарпунов из Верхнего Причумышья (Кунгуров, 2005):

- получение заготовки путем продольного разделения диафизарной трубки (способ разделения стенки диафиза остается неустановленным из-за интенсивной последующей модификации преформы);
- придание заготовке общей формы наконечника;
- профилировка ряда зубцов и насада путем вырезания и, вероятно, абразивной обработки шлифовкой.

Слабая окатанность и отсутствие интенсивной шлифовки и/или полировки поверхности изделия после изготовления способствовали сохранению ряда выраженных следов различных технологических операций.

По всей видимости, до начала профилирования насада и зубцов заготовке была придана желаемая форма путем продольного и диагонального скобления или абразии, что проявляется в остатках протяженных линейных следов на стержне и боковых поверхностях зубцов (рис. 2.-2).

Характер сохранившихся следов обработки зубцов указывает на двухэтапную систему их профилирования, сходную с таковой у наконечников с территории Причумышья: сначала со стороны латерали заготовки вырезались/выскабливались общие очертания зубца (рис. 2.-1), затем производилось его профилирование путем углубления его основания при помощи диагональных пропилов (рис. 2.-2).

Дополнительной модификации подвергся и насад: на всем его протяжении с обеих плоскостей и на латералих фиксируются многочисленные короткие диагональные и поперечные желобки и насечки (рис. 3.-3–5), нанесенные, скорее всего, для повышения прочности крепления наконечника на древке. В отличие от наконечников, собранных у с. Победа (рис. 3.-1-3), прорезание рядов зубчатых выемок в основании не производилось.

Рис. 2. Следы технологических операций на поверхности наконечника гарпуна:

- 1 — следы скобления/вырезания на передней грани зубца;
- 2 — следы абразивной обработки заготовки и профилировки основания зубца диагональным пропилом; 3-5 — следы абразивной обработки насада

Fig. 2. Traces of technological operations on the surface of the harpoon tip:
 1 — scraping/carving marks on the front face of the tooth; 2 — traces of abrasive treatment of the workpiece and profiling of the tooth base with a diagonal cut;
 3-5 — traces of abrasive treatment of the basal part of tip

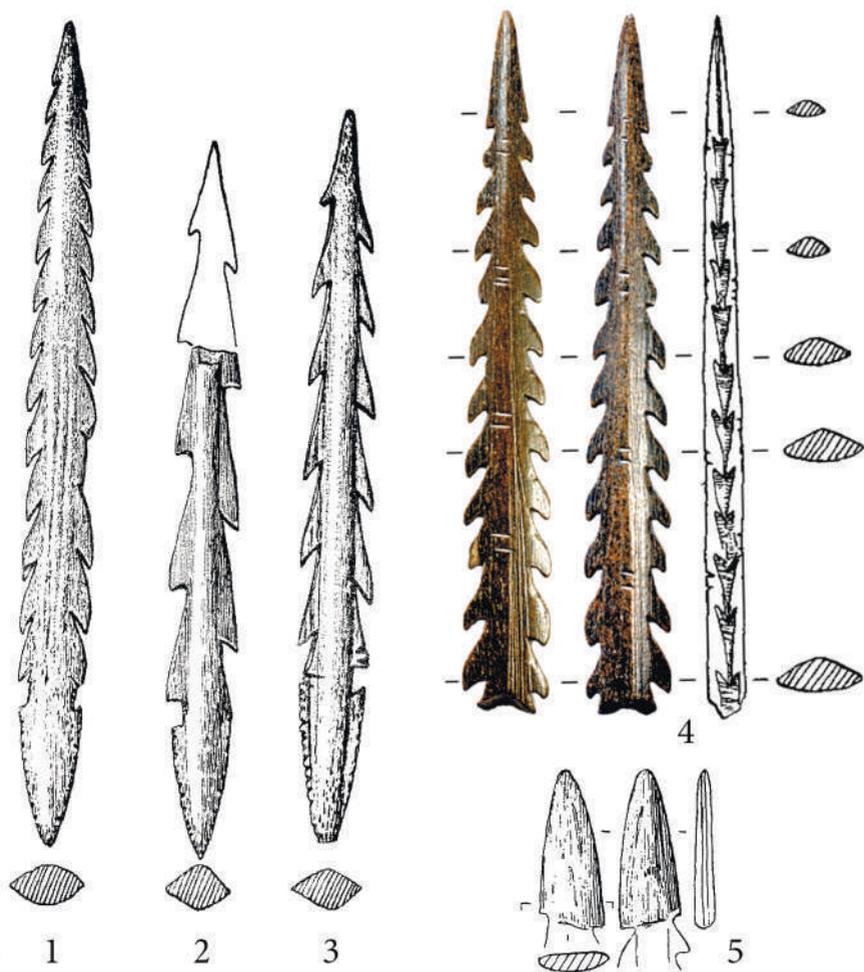

Рис. 3. Костяные и роговые наконечники гарпунов из Причумышья и Верхнего Приобья:

1–3 — Победа (по: Кунгуров, Горбунов, 2001);

4–5 — Бураново-Остров (по: Кирюшин, 2024)

Fig. 3. Bone and horn harpoon tips from the Chumysh region and the Upper Ob region:

1–3 — Pobeda (according to: Kungurov, Gorbunov, 2001);

4–5 — Buranovo-Ostrov (according to: Kiryushin, 2024)

Обнаружение гарпуна в Советском районе Алтайского края позволяет значительно расширить географию распространения зубчатых наконечников на территории Алтая, а также дополнить представления об их морфологической вариабельности новым типом — наконечником с односторонним

расположением зубцов. Морфологическое сходство гарпуна из Советского с находками, сделанными в Причумышье и Барнаульском Приобье, позволяет объединить их в одну группу.

Однако обнаружение всех упомянутых артефактов в экспонированном состоянии и отсутствие прямых аналогов в стратифицированных комплексах региона затрудняет относительную датировку находок. До проведения прямого абсолютного датирования артефакта он, по аналогии с прочими многозубчатыми гарпунами из экспонированных комплексов Алтая, может быть предварительно отнесен к широкому культурно-хронологическому диапазону от верхнего палеолита до неолита (финал плейстоцена — голоцен); выраженная минерализация кости может косвенно свидетельствовать о вероятности более древней датировки, а легкая степень окатанности и высокая сохранность — о кратковременном пребывании в водотоке и, следовательно, незначительных расстояниях транспортировки гарпуна от места изначального залегания в слое.

Список источников

Белосова Н.Е., Федорченко А.Ю., Рыбин Е.П. Костяная индустрия начала верхнего палеолита стоянки Кара-Бом: новые данные // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск, 2018. С. 116–125.

Грушин С.П. Поселение эпохи бронзы Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4-2 (60). С. 22–35.

Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологическая атрибуция находок с местонахождения Бураново-Острова (Барнаульское Приобье) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2024. Т. 11, №3 (43). С. 124–130.

Кунгуров А.Л. Костяные изделия палеолитического времени из стоянок и местонахождений северных предгорий Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 60–69.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 111–126.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. С. 306–312.

Информация об авторе / Information about the Author

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altai State University, Department of Archeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article
УДК: 903.2 + 903.32
DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.35
EDN: CFQTJT

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ГОЛОЦЕНОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Даниил Романович Плотников^{1,2}, Максим Борисович Козликин¹

¹*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

Резюме. В статье рассматриваются костяные изделия, выявленные в ходе ревизии материалов, полученных при раскопках голоценовой пачки отложений на трех основных участках Денисовой пещеры — в центральном зале, южной и восточной галереях. Обнаруженные изделия включают как типичные (шилья, проколки), так и ранее не отмеченные вариации (тупик) костяных орудий и других предметов, связанных с их производством. Рассмотренная коллекция отражает основные аспекты утилизации органических материалов обитателями пещеры в интервале от раннего бронзового века до средневековья и расширяют представление об использовании крупных карстовых полостей в различные культурно-хронологические периоды голоценовой эпохи на северо-западе Алтая.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, костяные орудия, бронзовый век, ранний железный век, средневековье

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-78-10006.

Для цитирования: Плотников Д.Р., Козликин М.Б. Костяные орудия из голоценовых комплексов Денисовой пещеры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 234–240. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.35

BONE TOOLS FROM THE HOLOCENE COMPLEXES OF THE DENISOVA CAVE

Daniil R. Plotnikov^{1,2}, Maxim B. Kozlikin¹

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

²*Altay State University, Barnaul, Russia*

Abstract. We consider bone artifacts discovered after the revision of materials obtained during excavations of the Holocene sedimentary sequence in three areas of Denisova Cave — the Main, South and East Chambers. The discovered artifacts include both typical (awls, perforators) and previously unremarked variations (tools for processing hides and weaving) of bone tools and other items related to their production. The examined collection reflects the main aspects of the utilization of organic materials by cave inhabitants in the interval from the Early Bronze Age to the Middle Ages and expands the understanding of the use of large karst cavities in various cultural and chronological periods of the Holocene epoch in northwestern Altai.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, bone tools, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-78-10006.

For citation: Plotnikov D.R., Kozlikin M.B. Bone Tools from the Holocene Complexes of the Denisova Cave. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:234–240. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.35

Денисова пещера является самой древней из обитаемых пещер на территории Сибири и одним из наиболее информативных объектов для изучения древнейшей культуры человека. Ее культурно-хронологическая колонка охватывает интервал от среднего палеолита до этнографического времени. На первых этапах исследования в 1980-х гг. раскапывались голоценовые отложения предвходовой площадки, главной галереи и центрального зала. В результате был обнаружен многочисленный и разнообразный археологический материал — от эпохи неолита до палеоэтнографического времени (Деревянко, Молодин, 1994). Позже были изучены голоценовые слои в восточной и южной галереях (Деревянко и др., 2007; Шуньков и др., 2018). Коллекции на всех участках пещеры включали изделия из кости и рога, в основном наконечники стрел. В результате ревизии фаунистических материалов из голоценовой толщи были идентифицированы слабомодифицированные костяные орудия, которые раньше не являлись предметом специального изучения и в данной работе рассматриваются впервые.

Всего в ходе пересмотра палеонтологических материалов было выявлено 13 костяных изделий, происходящих из литологических слоев 5, 4, 3 и 2 в центральном зале, восточной и южной галереях Денисовой пещеры.

Наиболее представительной формой костяных орудий оказались проколки: выявлено пять целых и два фрагментированных изделия этого типа. В качестве заготовок использовались фрагменты стенок диафизов трубчатых костей крупных млекопитающих (4 экз.) (рис. 1.-1, 4, 5) и продольно расщепленные кости конечностей с сохранением эпифиза в проксимальной части (3 экз.) (рис. 1.-3, рис. 3.-6, 7). Для одного предмета (рис. 3.-2) — дистальной части с острием — тип заготовки остается неопределимым из-за фрагментарности изделия. Для всех орудий реконструирован один способ изготовления заготовок, заключавшийся в продольно-поперечной фрагментации диафизарных трубок с образованием удлиненных осколков стенок с естественным острием. В дальнейшем острие, вероятно, использовалось без дополнительной обработки, о чем свидетельствует сохранение общей конфигурации поверхностей слома. Или с незначительным остругиванием кончика в случае с орудиями, рабочая часть которых обладает выраженным округлым поперечным сечением, отличным от формы изначального слома. На двух орудиях (рис. 1.-4, рис. 3.-2) зафиксирована формообразующая модификация в виде абразивной обработки — шлифовки. Большинство предметов (материалы из слоев 5 и 4, а также, вероятно, близкое по морфологии к проколкам с сохранившимися эпифизами из слоя 4 орудие, обнаруженное вне стратиграфического контекста) происходят из комплексов афанасьевской культуры ранней бронзы. Остальные относятся к вышележащим горизонтам раннего железного века.

Близкое по морфологии к проколам орудие из слоя 3 в южной галерее лишено выраженного острия (рис.1.-2). В качестве основы был использован крупный удлиненный фрагмент стенки диафиза трубчатой кости крупного млекопитающего, дугообразный в сечении, а рабочей частью служил узкий закругленный поперечный конец предмета. Следы утилизации проявляются в виде сконцентрированной на рабочей зоне интенсивной заполировки, захватывающей преимущественно выступающие участки рельефа и в осо-

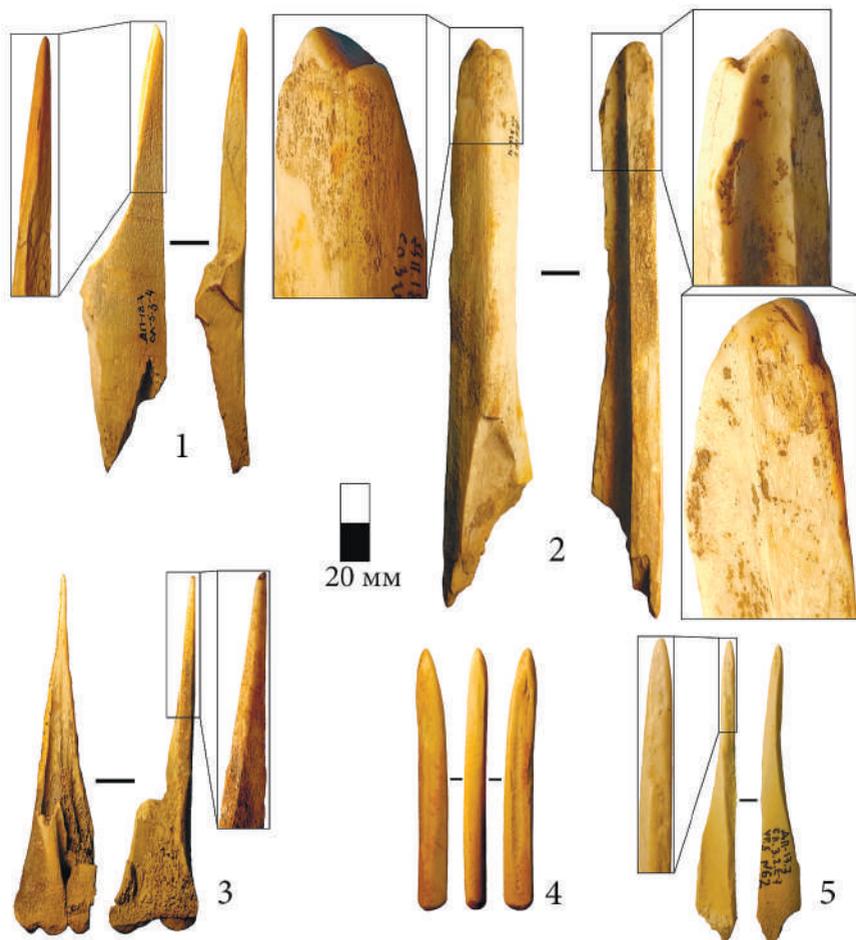

Рис. 1. Костяные проколки (1, 3-5) и изделие неясного назначения (2) из слоя 3 (1, 2, 5) и без стратиграфического контекста (3, 4). Южная галерея Денисовой пещеры
 Fig. 1. Bone awls (1, 3-5) and an item of unclear purpose (2) from layer 3 (1, 2, 5) and without stratigraphic context (3, 4). South Chamber of Denisova Cave

бенности кончик орудия. Следов предварительной формообразующей обработки или пищевой утилизации преформы на изделии не фиксируются. Его функциональное назначение остается не установленным. С учетом характера материалов из слоя 3 (Шуньков и др., 2018), предмет, вероятнее всего, относится к комплексу раннего железного века.

Впервые в коллекциях Денисовой пещеры был выявлен тупик (рис. 2). Орудие найдено в слое 3 южной галереи и датируется поздним бронзовым или ранним железным веком. Оно представлено проксимальным фрагмен-

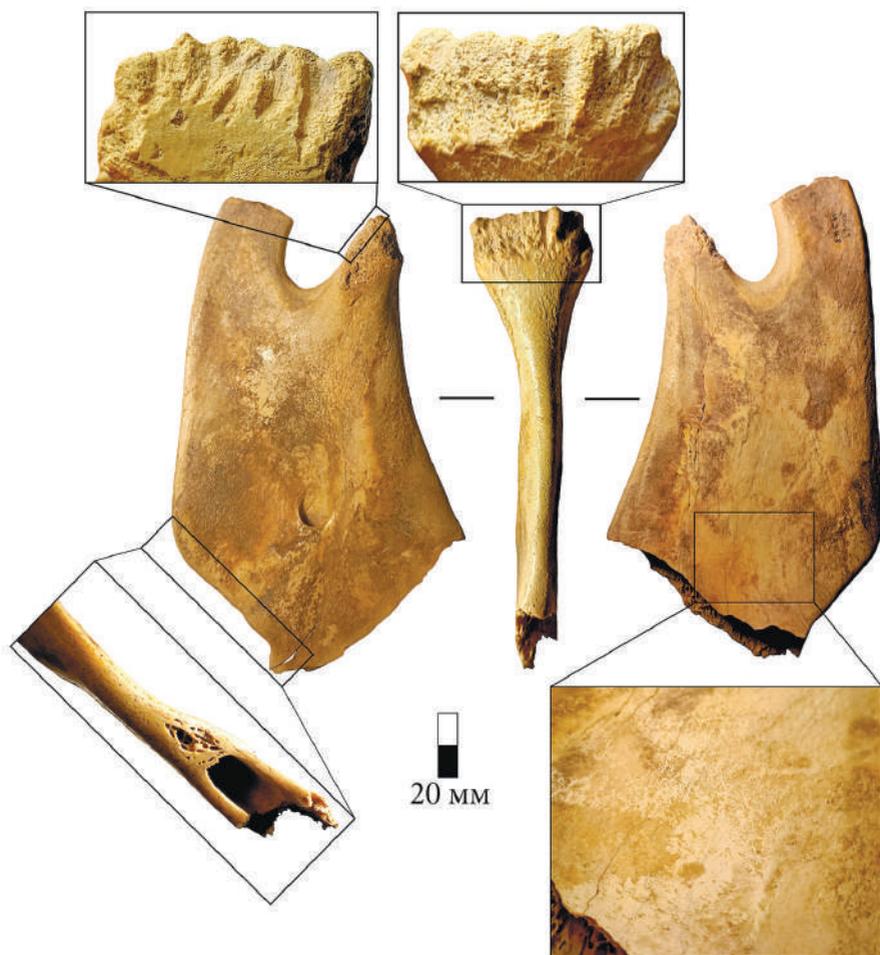

Рис. 2. Фрагмент тупика из слоя 3 в южной галерее Денисовой пещеры
Fig. 2. Fragment of a bone polisher from layer 3 of the Denisova Cave South Chamber

том правой ветви челюсти крупного копытного со следами модификации и утилизационного износа. Формальная модификация основы заключалась в удалении дистально-медиальной части венечного отростка путем круговой поперечной обрезки, а также срезания большого объема кости с головки мышечного отростка при помощи инструмента с узким поперечным V- или U-образным сечением лезвия, следы которого фиксируются с обеих сторон отростка. Кроме того, у челюсти была удалена альвеолярная часть тела с помощью диагонального среза или спила. Такая форма является типичной для тупиков поздней бронзы Алтая (Вальков, Папин, Федорук, 2020). Плоскость среза в дальнейшем активно утилизировалась, приобретая интенсивную заполировку и сглаживание рельефа, включая плоскости иссеченных трабекул губчатого вещества и ребра между плоскостью среза и боковыми сторонами челюсти. Угол челюсти и нижняя часть ее тела отсутствуют из-за слома. Распространение заполировки указывает на активную эксплуатацию поверхности среза тела челюсти, ребра ветви до точки удаления венечного отростка и плоскости кости с лингвальной стороны.

Возможно, фрагментом тупика является также обломок изделия неустановленного назначения со следами интенсивной заполировки (рис. 3.-1),

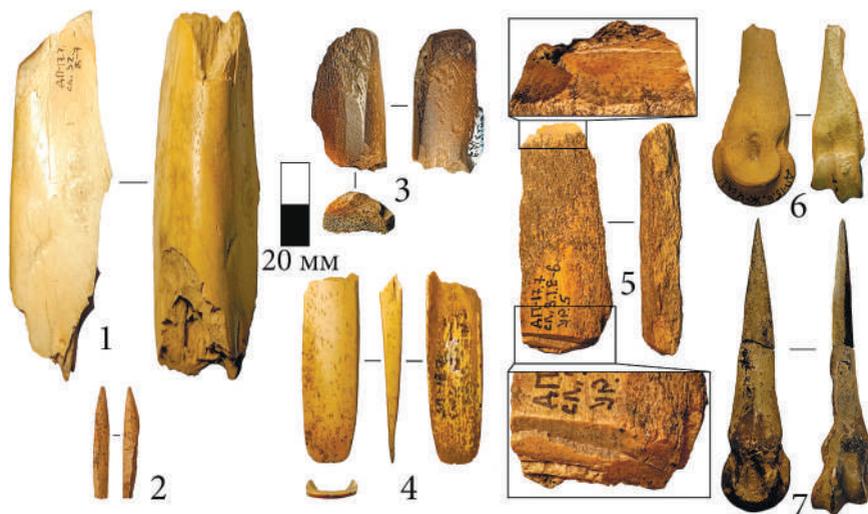

Рис. 3. Костяные орудия и отходы косторезного дела из слоев 2 (4) и 3 (1, 3, 5) в южной галерее, слоя 5 (2) в восточной галерее и слоя 4 (6, 7) в центральном зале Денисовой пещеры: 1 — лошцило; 2 — фрагмент проколки; 3 — кость со следами строгания; 4 — неопрелелмй фрагмент орудия; 5 — рог со следами рубки; 6, 7 — проколки
 Fig. 3. Bone tools and bone carving waste from layers 2 (4) and 3 (1, 3, 5) in the South Chamber, layer 5 (2) in the East Chamber, and layer 4 (6, 7) in the Main Chamber of Denisova Cave. 1 — polisher; 2 — fragment of an awl; 3 — bone with traces of planing; 4 — unidentifiable fragment of a tool; 5 — horn with traces of chopping; 6, 7 — awls

изготовленного из части тела нижней челюсти крупного копытного, также из слоя в 3 южной галерее.

Помимо идентифицируемых изделий, в ходе ревизии был выявлен фрагмент орудия с неясным функциональным назначением (рис. 3.-4), происходящий из слоя 2 в южной галерее. Предмет обломан, сохранился проксимальный (насад?) или дистальный (рабочая часть?) фрагмент. Изделие клиновидное в продольном сечении, в поперечном — широкое, U-образное. Имеет выделенную узкую центральную плоскость, сужающуюся и уплощающуюся к округло-прямоугольному поперечному краю, и отходящие от ее краев под прямым углом «бортики».

Кроме серии костяных орудий, в ходе ревизии в материалах из слоя 3 были выявлены отходы косторезного производства в виде фрагмента обожженной кости со следами продольного строгания (рис. 3.-3) и обрезок рога оленя (рис. 3.-5), несущего следы поперечной двусторонней рубки и продольного выравнивающего строгания на внешней поверхности.

Рассмотренные орудия являются одними из первых примеров неформальных или слабомодифицированных костяных изделий, выявленных в ходе изучения пещерных комплексов голоценового времени на северо-западе Алтая. Впервые идентифицированы узкоспециализированные инструменты для выделки кож — тупики и ложила. Обнаруженные отходы косторезного промысла свидетельствуют в том числе о производстве костяных и роговых изделий непосредственно внутри карстовой полости. Этот комплекс позволяет существенно расширить представления об утилизации костного сырья и хозяйственной деятельности населения эпохи ранней бронзы — начала железного века в горах Алтая.

Список источников

Вальков И.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Костяной тупик с поселения поздней бронзы Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 21–26.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. 1. 262 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007. С. 228–233.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Бочарова Е.Н., Федорченко А.Ю., Чеха А.Н. Изучение голоценовой толщи Денисовой пещеры в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. Новосибирск, 2018. С. 380–384.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, лаборант; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.

Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Laboratory Assistant; 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Academician Lavrentyev Ave.

Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Максим Борисович Козликин, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>, kmb777@yandex.ru

Maxim B. Kozlikin, Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Academician Lavrentyev Ave., <https://orcid.org/0000-0001-5082-3345>, kmb777@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.36

EDN: EXPQAQ

ВКЛАД С.И. РУДЕНКО И С.В. КИСЕЛЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Святослав Сергеевич Радовский¹, Елена Александровна Радовская^{1,2}

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия*

Резюме. Статья посвящена обобщению сведений об изучении археологических памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени С.И. Руденко и С.В. Киселевым. Авторами отмечено, что С.В. Киселев относил комплексы данной территории к объектам рядового населения «пазырыкской эпохи» Алтая («гунно-сарматское время»). С.И. Руденко рассматривал материалы предгорий совместно с горно-алтайскими находками скифского времени, учитывая их хронологическую (V–IV вв. до н.э.) и культурную близость. Оба исследователя в своих работах, вероятно, подразумевали сходство или однокультурность населения, оставившего археологические памятники в Горном Алтае и его северных предгорьях, однако расходились в датировке рассматриваемых материалов.

Ключевые слова: Алтай, скифо-сакское время, С.И. Руденко, С.В. Киселев, быстринская культура

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирования: Радовский С.С., Радовская Е.А. Вклад С.И. Руденко и С.В. Киселева в изучение памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 240–247. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.36

CONTRIBUTION OF S.I. RUDENKO AND S.V. KISELEV TO THE STUDY OF THE SITES IN THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI OF THE SCYTHIAN-SAKA PERIOD

Svyatoslav S. Radovsky¹, Elena A. Radovskaya^{1,2}

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Altai State Museum of Local History, Barnaul, Russia*

Abstract. The article is devoted to the generalization of information on the study of the complexes of the northern foothills of Altai of the Scythian-Saka period by S.I. Rudenko and S.V. Kiselev. The authors noted that S.V. Kiselev attributed the complexes of this territory to the objects of the ordinary population of the Pazyryk era of Altai (Hunno-Sarmatian time). S.I. Rudenko considered the materials of the foothills together with the Gorno-Altai finds of the Scythian period due to their chronological (5th–4th centuries BC) and, apparently, cultural proximity. Both researchers in their works probably implied the proximity or monoculturalism of the population that left archaeological monuments in Gorny Altai and its northern foothills, but they differed in the dating of the materials under consideration.

Keywords: Altai, Scythian-Saka period, S.I. Rudenko, S.V. Kiselev, Bystryanskaya culture

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary Study of Ancient and Medieval Societies of Altai” (No. FZMW-2023-0009) of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Radovsky S.S., Radovskaya E.A. Contribution of S.I. Rudenko and S.V. Kiselev to the Study of the Sites in the Northern Foothills of Altai of the Scythian-Saka Period. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:240–247. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.36

2025 год отмечен юбилейными датами двух выдающихся советских археологов: 140 лет со дня рождения Сергея Ивановича Руденко и 120 лет со дня рождения Сергея Васильевича Киселева. Именно они, вместе с Михаилом Петровичем Грязновым, по праву считаются исследователями, заложившими основу научного подхода в изучении археологических памятников Алтая. Комплексам северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в культурно-хронологических схемах М.П. Грязнова посвящена отдельная статья в сборнике, подготовленном к 120-летию ученого (Радовский, 2022, с. 28–30). В данной работе нами обобщен вклад С.И. Руденко и С.В. Киселева в изучение памятников скифской эпохи рассматриваемой территории.

Научные изыскания С.И. Руденко и С.В. Киселева, касающиеся культуры населения скифской эпохи Горного Алтая, неоднократно рассматривались в литературе (Марсадоллов, 1996, с. 24–31; Кирюшин, Тишкин, 1999, с. 71–72; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 18–28; и др.). При этом практически не уделялось внимания взглядам археологов на материалы северных предгорий указанного региона. Следует подчеркнуть особую роль исследований ученых для Алтая в целом, так как именно их деятельность заложила основу планомерного изучения памятников обозначенной территории. Археологические работы под руководством С.И. Руденко начались в регионе с организации науч-

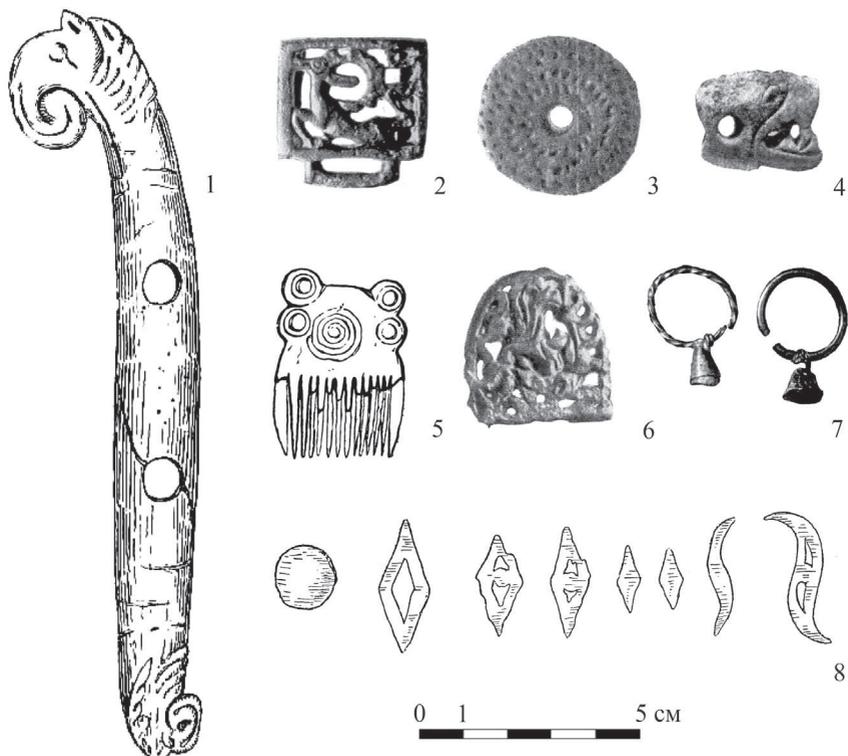
ной экспедиции Этнографического отдела Русского музея в 1924 г. (Руденко, 1952, с. 5–6; Завитухина, 1961, с. 89–90; 1966, с. 51). В это время обследования проводились только на территории Горного Алтая, однако уже в следующем году они затронули и его северные предгорья. Так, в 1925 г. одним из отрядов Алтайской экспедиции (раскопки осуществлял М.П. Грязнов) были вскрыты 13 курганов могильника Бийск-I и два объекта погребального комплекса Бийск-II (Грязнов, 1930, с. 7–8; Завитухина, 1961, с. 89–90; 1962, с. 28–30). В то же время М.Н. Комарова исследовала шесть захоронений памятника Сростки-II (Грязнов, 1930, с. 7–8; Завитухина, 1966, с. 51–53). В 1929 г. М.П. Грязнов раскопал еще два кургана первого Бийского некрополя.

В 1930-е гг. в связи со строительством Чуйского тракта была организована Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Исторического музея под руководством С.В. Киселева. В составе второго отряда работали местные исследователи С.М. Сергеев (директор Ойротского музея) и А.П. Марков (директор Бийского музея). В 1935 г. в рамках запланированных изысканий они произвели раскопки 15 курганов могильника Быстрянка (Быстрянский) (Киселев, 1936, с. 282).

После некоторого перерыва масштабные исследования в лесостепной (работы М.П. Грязнова) и горной (экспедиции С.И. Руденко) частях Алтая были возобновлены во 2-й половине 1940-х гг. (Руденко, 1952, с. 8; Грязнов, 1956, с. 6–7). Однако раскопки комплексов северных предгорий в данный период археологами не осуществлялись. В связи с этим ученые при включении памятников рассматриваемой территории в культурно-хронологические схемы опирались на материалы работ 1920–1930-х гг. Исследователям были известны находки из других памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени (Красный Яр, Быстрянка (раскопки 1930 г.), Березовка-I, ЦРК), которые использовались ими в качестве аналогий.

Первые попытки интерпретации полученного материала С.В. Киселев предпринял уже через несколько лет после исследований памятника Быстрянка (Быстрянский). Краткая характеристика раскопанных объектов и инвентаря из них приведена в двух статьях (Киселев, 1936, с. 282; 1941, с. 299–302). Более развернутое описание и анализ материалов представлены в совместной работе Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева (1941, с. 90–92). Исследователи, опираясь на отчеты С.М. Сергеева и А.П. Маркова (1935), при публикации раскопок могильника Быстрянка (Быстрянского) разделили изученные объекты на два типа: «большие курганы, обложенные камнем, с отдельной второй камерой для лошадей, и земляные однокамерные курганчики» (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 92). Различия в конструкциях сооружений комплекса объяснялись принадлежностью того или иного типа объектов умершим из разных слоев древнего общества (погребения знати и рядового населения). При этом захоронения не были разграничены по времени. В целом некрополь отнесен к концу I тыс. до н.э. Кроме того, ученые отметили близость материалов находкам Горного Алтая и Минусинской котловины (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 90–92). Характеристика погребального обряда,

зафиксированного на памятнике Быстрянка, отражена также в двух таблицах данной работы. Кроме того, была опубликована часть рисунков предметов, найденных в кургане №6 (Там же, рис. 12)¹ (рис.-8).

Предметы из погребальных комплексов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в работах С.И. Руденко и С.В. Киселева: 1 — Каменка (Красный Яр) (по: Руденко, 1960, рис. 159); 2-5 — Бийск-1 (по: Руденко, 1953, рис. 77.-6, табл. XXVII.-5, LXXIII.-3, LXXVIII.-4); 6 — ЦРК (по: Руденко, 1953, LXXVIII.-2); 7 — Быстрянка (раскопки 1930 г.) (по: Руденко, 1962, рис. 19); 8 — Быстрянка (раскопки 1935 г.) (по: Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 12)

Objects from the burial complexes of the northern foothills in Altai of the Scythian-Saka period in the works of S.I. Rudenko and S.V. Kiselev: 1 — 'Kamenka' ('Krasny Yar') (after: Rudenko, 1960, fig. 159); 2-5 — 'Biysk-1' (after: Rudenko, 1953, fig. 77.-b, pl. XXVII.-5, LXXIII.-3, LXXVIII.-4); 6 — TsRK (after: Rudenko, 1953, LXXVIII.-2); 7 — 'Bystryanka' (excavations of 1930) (after: Rudenko, 1962, fig. 19); 8 — 'Bystryanka' (excavations of 1935) (according to: Evtyukhova L.A., Kiselev S.V., 1941, Fig. 12)

¹ В публикации вещи, вероятно, ошибочно подписаны как происходящие из могильника «Туяхта», хотя в описании украшений из погребений Быстрянского некрополя дается ссылка именно на этот рисунок.

Наиболее полная публикация сведений о комплексе Быстрянка и других памятниках северных предгорий Алтая осуществлена в работе С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (1949, 1951). В ней частично представлены результаты раскопок второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции в предгорьях Алтая (1935 г.), а также дана характеристика другим памятникам данной территории. В монографии более подробно рассмотрен могильник Быстрянка (Быстрянский) (Киселев, 1949, с. 179–181; 1951, с. 330–334). Исследователем описан погребальный обряд данного некрополя и проведен анализ сопроводительного инвентаря. Изучение вещей, найденных в быстрянских земляных курганах, позволило С.В. Киселеву отметить: а) идентичность золотых проволочных серег с подобными изделиями, обнаруженными в захоронениях Горного Алтая, Минусинской котловины и Забайкалья конца I тыс. до н.э.; б) аналогии с бусами из позднетагарских курганов; в) своеобразии глиняной посуды (преобладают кринки с украшением в виде вертикальных налипных валиков с нарезками). Также исследователем отмечено сходство материалов некрополей северных предгорий Алтая (Бийск, Березовка, ЦРК и Быстрянка). Все они были отнесены к рядовым погребениям «пазырыкской эпохи». С.В. Киселев также сделал вывод, что могильники Алтая рассматриваемого периода близки хуннским памятникам Северной Монголии, и в целом датировал комплексы предгорий «гунно-сарматским» временем (Киселев, 1949, с. 179–181; 1951, с. 330–334). При этом сопроводительный инвентарь некоторых погребений, по мнению археолога, демонстрирует сходство с комплексами предыдущего периода («майэмирского времени») (Киселев, 1951, с. 332–333).

Несколько иная точка зрения на материалы комплексов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени представлена в работах С.И. Руденко. В более ранних трудах археолог, по всей видимости, предполагал существование одной культуры на территории Горного Алтая и его северных предгорий. В одной из первых монографий ученого памятники данных районов перечислены в разделе, посвященном «алтайским скифам» (Руденко С.И., Руденко Н.М., 1949, с. 5). Находки из комплексов северных предгорий Алтая скифского времени рассматривались вместе с предметами из Пазырыкских курганов. В другой работе ученый привлек материалы из некрополей предгорий (Бийск-I, ЦРК, Красный Яр) в качестве аналогий, а также для иллюстрации особенностей быта и искусства племен, оставивших синхронные комплексы в урочище Пазырык (Руденко, 1953, с. 131, 241, 286–288, рис. 77.-6, табл. XXVII.-5, LXXIII.-3, LXXVIII.-2, 4). Примечательно, что данные памятники приведены наряду с Катандинским, Арагольским, Туэктинским и другими некрополями Горного Алтая (Руденко, 1953, с. 132, 160, 286; и др.). Возможно, это косвенно свидетельствует о том, что С.И. Руденко подразумевал тождественность культуры Горного Алтая и его северных предгорий. Следует подчеркнуть, что Сергей Иванович в своих работах не использовал термин «пазырыкская культура», предпочитая обозначение «древние горно-алтайцы» (Руденко, 1952, с. 20).

Отметим, что в монографии 1960 г. С.И. Руденко, рассматривая особенности предметов искусства, противопоставлял «приалтайские племена», под

которыми, судя по примечаниям, подразумевалось и население северных предгорий, скифской культуре Горного Алтая (Руденко, 1960, с. 288, 291). Возможно, разделение рассматриваемых общностей в работе ученого появилось вследствие публикации М.П. Грязнова (1956, с. 97), в которой памятники предгорий в основном были отнесены к березовскому этапу (II–I вв. до н.э.) оседлой большереченской культуры. При этом С.И. Руденко отмечал хронологическую близость комплексов Горного Алтая и его северных предгорий (Руденко, 1953, с. 241; 1960, с. 288). В широких рамках все находки на данной территории исследователь определял VII–IV вв. до н.э. (Руденко, 1960, с. 164). Пазырыкские курганы археологом датируются в пределах V–IV вв. до н.э. (Руденко, 1953, с. 360).

Следует подчеркнуть, что Сергеем Ивановичем Руденко были впервые опубликованы многие предметы из погребальных комплексов северных предгорий Алтая (Бийск, ЦРК, Быстрянка¹) в качестве примеров вещевого комплекса скифского времени рассматриваемого региона (рис.-1-7) (Руденко, 1953, рис. 77.-б, табл. XXVII.-5, LXXIII.-3, LXXVIII.-2, 4; 1960, рис. 159; 1962, рис. 19). Не исключено, что некоторые косвенные указания в работах С.И. Руденко на возможную однокультурность населения Горного Алтая и его предгорий объясняются позицией ученого о «единстве» культуры племен степного пояса Евразии (Руденко, 1948, с. 3; 1952, с. 248–249). При этом археолог не исключал выделения местных вариантов культур скифского времени и в пределах Горного Алтая, однако отметил, что для этого необходимы дальнейшие исследования (Руденко, 1960, с. 340).

Таким образом, в отличие от М.П. Грязнова, рассматривавшего комплексы северных предгорий Алтая скифской эпохи в рамках березовского этапа (II–I вв. до н.э.) большереченской культуры Верхнего Приобья, С.В. Киселев относил комплексы данной территории к объектам рядового населения «пазырыкской эпохи» Алтая («гунно-сарматское время»). С.И. Руденко также рассматривал материалы предгорий совместно с горно-алтайскими находками скифского времени, принимая во внимание их хронологическую (V–IV вв. до н.э.) и, по-видимому, культурную близость. Позднее ученый допускал существование местных вариантов культур и в рамках Горного Алтая. Оба исследователя в своих работах прямо не называют рассматриваемую общность «пазырыкской», однако, с учетом общего контекста публикации материалов, вероятно, они подразумевали близость или однокультурность населения, оставившего археологические памятники в Горном Алтае и его северных предгорьях.

Последующее введение в научный оборот материалов раскопок новых памятников дало возможность выдвижения концепций, в которых археологи отмечали своеобразие комплексов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. В настоящее время преобладает позиция С.М. Киреева (1992, с. 56), согласно которой на обозначенной территории существовала быстрянская культура VI–III(II) вв. до н.э.

¹ Серьги в публикации 1962 г. ошибочно определены как происходящие из Сrostкинскогo могильника.

Список источников

- Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930. 11 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (МИА; №48)
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. Вып 16. М., 1941. С. 75–117.
- Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. №3. Л., 1961. С. 89–108.
- Завитухина М.П. Второй Бийский курган // СГЭ. Вып. XXII. Л., 1962. С. 28–30.
- Завитухина М.П. Курганный могильник Сростки-II на Алтае // СГЭ. Вып. XXVII. Л.; М., 1966. С. 51–53.
- Киселев С.В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // Советская археология. 1936. №1. С. 282–284.
- Киселев С.В. Курайская степь и Старо-Бардинский район // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 297–303.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 644 с.
- Киреев С.М. Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 54–58.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 70–75.
- Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Радовский С.С. Археологические комплексы северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в культурно-хронологических схемах М.П. Грязнова // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 28–30.
- Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л., 1948. 64 с.
- Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962. 52 с. (САИ Д3-9)
- Руденко С.И., Руденко Н.М. Искусство скифов Алтая. М., 1949. 91 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, младший научный сотрудник Лаборатории древней и средневековой археологии Евразии; хранитель фондов Музея археологии и этнографии Алтая; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University, Junior Researcher, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia; Curator of the Funds of the Museum of Ar-

chaeology and Ethnography of Altai; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

Елена Александровна Радовская, Алтайский государственный университет, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный краеведческий музей, старший научный сотрудник отдела фондов; г. Барнаул, ул. Ползунова, 46а; <https://orcid.org/0000-0003-3512-7899>, narudtseva@mail.ru

Elena A. Radovskaya, Altai State University, Postgraduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Altai State Museum of Local History, Senior Researcher of the Collections Department; Barnaul, Polzunov St., 46a; <https://orcid.org/0000-0003-3512-7899>, narudtseva@mail.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 903.4

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.37

EDN: DUFEDF

К ЮБИЛЕЮ ОТКРЫТИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КРАСНАЯ ГОРКА В КАСЬМИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

**Вадим Семенович Роговских¹, Андрей Михайлович Илюшин¹,
Сергей Алексеевич Ковалевский^{2,3}**

*¹Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

²Российский государственный институт сценических искусств, Кемерово, Россия

*³Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецова,
Кемерово, Россия*

Резюме. В 1994 г. сотрудниками Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в ходе полевых разведок вблизи курганного могильника Сапогово-1 было открыто поселение Красная Горка. В статье публикуются ранее неизвестные материалы археологической разведки в долине нижнего течения р. Касьмы и истории открытия и исследования поселения Красная Горка. Публикуемые материалы отождествляются с поздним периодом ирменской археологической культуры и переходным периодом от поздней бронзы к раннему железному веку. Открытие стационарного поселения эпохи бронзы стимулировало начало раскопок памятника в 1995–1997 гг., что стало первым опытом исследований подобного рода, который пригодился в процессе изучения поселений различных эпох, расположенных в Касьминском археологическом микрорайоне. Важно отметить, что комплексное исследование объектов эпохи бронзы с 1990-х гг. стало неотъемлемой частью работы сотрудников Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции — и начало этому подходу было положено с открытием поселения Красная Горка.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция, Касьминский археологический микрорайон, поселение Красная Горка, ирменская археологическая культура, эпоха бронзы

Для цитирования: Роговских В.С., Илюшин А.М., Ковалевский С.А. К юбилею открытия поселения Красная Горка в Касминском археологическом микрорайоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 247–254. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.37

ON THE ANNIVERSARY OF THE OPENING OF THE KRASNAYA GORKA SETTLEMENT IN THE KASMINSKY ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT

Vadim S. Rogovskikh¹, Andrey M. Ilyushin¹, Sergey A. Kovalevsky^{2,3}

¹*T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia*

²*Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo, Russia*

³*V.N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University, Kemerovo, Russia*

Abstract. In 1994, the Krasnaya Gorka settlement was discovered by the staff of the Kuznetsk complex Archaeological and Ethnographic expedition during field reconnaissance near the Sapogovo-I burial mound. The article publishes previously unknown materials of archaeological exploration in the valley of the lower reaches of the Kasma River and the history of the discovery and exploration of the settlement of Krasnaya Gorka. The published materials are identified with the late period of the Irmen archaeological culture and the transition period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age. The discovery of the stationary settlement of the Bronze Age stimulated the beginning of excavations of the site in 1995–1997 and became the first research experience of this kind, which was useful in the process of studying settlements of various eras located in the Kasminsky archaeological microdistrict. It is important to note that since the 1990s, a comprehensive study of objects from the Bronze Age has become an integral part of the work of the Kuznetsk complex archaeological and ethnographic expedition staff, and the beginning of this approach was laid with the opening of the Krasnaya Gorka settlement.

Keywords: Kuznetsk basin, Kuznetsk complex archaeological and ethnographic expedition, Kasminsky archaeological microdistrict, Krasnaya Gorka settlement, Irmen archaeological culture, the Bronze Age

For citation: Rogovskikh V.S., Ilyushin A.M., Kovalevsky S.A. To the Anniversary of the Opening of the Krasnaya Gorka Settlement in the Kasminsky Archaeological Microdistrict. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:247–254. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.37

В 2024 г. исполнилось 30 лет с момента открытия сотрудниками Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) яркого объекта археологического наследия Кузбасса — поселения Красная Горка. Этот многослойный памятник, где имеются материалы от ранней бронзы до позднего средневековья, был открыт в 1994 г., раскапывался в 1995–1997 гг. и исследовался визуально по программе мониторинга археологических объектов в 2001, 2008, 2019 и 2023 гг. (Илюшин, 1994, с. 20–21; 1995, с. 62–63; 2008, с. 55–56; Илюшин и др., 1996, с. 331; Илюшин и др., 1999, с. 278–279; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 165–166; Илюшин, Сулейменов, Ковалевский, 1995, с. 12–13; 2001; Илюшин, Онищенко, 2023; и др.). Поселение располагается на левобережной мысовидной террасе вблизи слияния ручья Чесноковка и реки Касма, в 1,2 км к северо-вос-

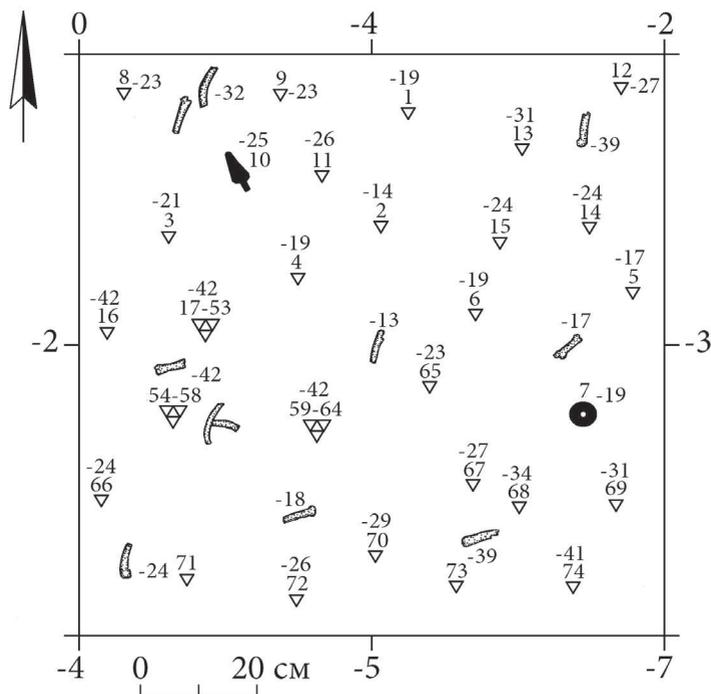
току от пос. Красная Горка Ленинск-Кузнецкого муниципального округа Кемеровской области — Кузбасса. Площадь раскопа в 1995–1997 гг. составила 512 м². Материалы раскопок проходят камеральную обработку до настоящего времени и лишь частично были опубликованы (Илюшин, 2003, с. 226–231; 2010, с. 55–60; Илюшин, Ковалевский, 1998, с. 110–112). Цель настоящей работы состоит в том, чтобы ввести в научный оборот материалы из шурфа, сделанного на памятнике в 1994 г., что наряду с визуальными исследованиями позволило обосновать открытие ранее неизвестного археологического многослойного поселения Красная Горка и исследовать его в дальнейшем.

Открытие памятника было связано с поисковыми археологическими исследованиями ККАЭЭ в долине р. Касьмы и раскопками курганного могильника Сапогово-І в 1993–1995 гг., который располагался на той же террасе в 1–1,5 км ниже по течению (Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996). Материалы раскопок курганного могильника ирменской археологической культуры периода поздней бронзы наводили на мысль о присутствии поблизости места проживания населения, которое воздвигло такой большой погребальный памятник. Это стимулировало поисковые разведывательные работы, в результате которых группе под руководством В.С. Роговских удалось открыть поселение Красная Горка. Были выявлены следы четырех значительных по масштабу сильно заросших травяным покровом жилищных западин подчетыреугольной формы. Западины разных размеров располагались цепочкой вдоль кромки южной береговой террасы.

Шурф площадью 1 м² был заложен в юго-западной части поселения вблизи визуально фиксируемой сильно задернованной западины №1 размерами 5×5 м и глубиной 0,25 м. Раскопки проводились по слоям на глубину штыка лопаты порядка 0,21–0,22 м. До уровня материка было снято два слоя грунта. Глубина раскопа составила 0,43–0,44 м. По стенкам раскопа после их зачистки прослежена следующая стратификация: дерновый слой 0,14–0,16 м, чернозем 0,18–0,22 м и смешанный предматериковый слой из чернозема и светло-желтого суглинка 0,04–0,06 м. Материк представляет собой светло-желтый суглинок. Каждый слой изобилует находками. В первом слое (на глубине 0–21 см) были найдены шесть фрагментов керамической посуды, костяное прясло и три фрагмента костей животных. Во втором слое (на глубине 22–42 см) были найдены 66 фрагментов керамической посуды, бронзовый кинжал (дротик?) и шесть фрагментов костей животных (рис. 1); 18 фрагментов керамической посуды из 72 найденных в шурфе, в единичных случаях и скоплениях, представлены семью венчиками и 17 были украшены орнаментом (рис. 2.-3–20). К числу редких находок можно отнести бронзовый кинжал (дротик?) и украшенное орнаментом костяное прясло (рис. 2.-1, 2).

Судя по расположению находок, фиксируемых на глубине 14–42 см, культурный слой памятника подвергался многократной распашке и располагается в нижнем слое дерна, черноземе и предматериковом смешанном слое грунта из чернозема и светло-желтого суглинка. Плотность находок на 1 м² составляет 83 артефакта, что свидетельствует о наличии насыщенного культурного слоя.

Материалы раскопок представлены фрагментами керамической посуды, бронзовым кинжалом (дротиком?) и костяным орнаментированным пряслом (рис. 2.-1-20). Двухлезвийный миниатюрный кинжал (дротик?) без напершия и перекрестия (рис. 2.-1). Имеет выраженные плечики при перехо-

Условные обозначения:

- - скопление фрагментов керамической посуды
- - фрагмент керамической посуды
- - изделия из бронзы и кости
- - кости животных

Находки:

1-6, 8, 9, 11-74 - фрагменты керамической посуды, 7 - костяное прясло, 10 - бронзовый кинжал (дротик ?)

Рис. 1. Поселение Красная Горка. План раскопа шурфа №1
Fig. 1. Krasnaya Gorka settlement. Excavation plan of pit №1

де от черена к клинку. Черен прямоугольный. Клинок овально-прямоугольный, с сильно закругленным окончанием. Вероятно, был обломлен и отремонтирован. Боевая часть в сечении ромбическая. Аналогии известны в древностях позднекротовской (чернозерской) культуры Барабы, а также в андроновском погребении могильника ЕК-II/2, исследованном на территории Томско-Нарымского Приобья (Молодин, 1985, рис. 30.-1, 3, 4; 2014, с. 53, рис. 1.-12; Матющенко, 2004, с. 25, рис. 18.-5). В настоящее время хронология позднекротовских и андроновских древностей на территории юга Западной Сибири ограничивается 1-й половиной — серединой II тыс. до н.э. Можно предположить, что подобные изделия использовались и в период поздней бронзы. Так, в частности, миниатюрный нож был обнаружен в расположен-

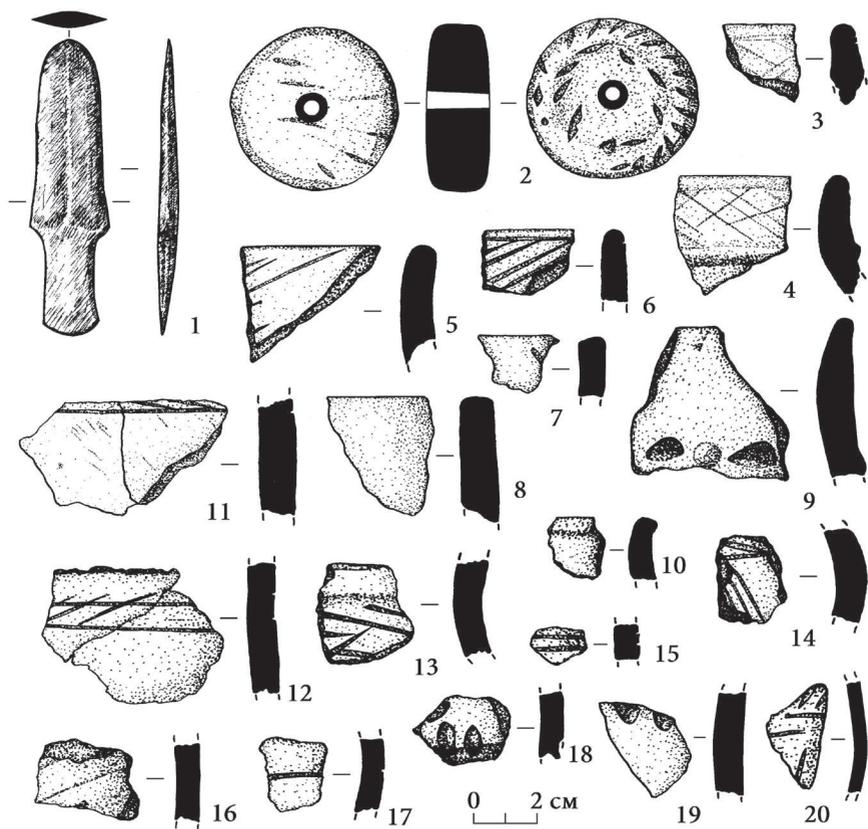

Рис. 2. Поселение Красная Горка. Находки из шурфа №1: 1 — бронзовый кинжал (дротик?); 2 — костяное прясло, 3-20 — фрагменты керамической посуды
 Fig. 2. Krasnaya Gorka settlement. Finds from pit №1: 1 — a bronze dagger (dart?); 2 — a bone spinning wheel; 3-20 — fragments of ceramic dishes

ном неподалеку могильнике Сапогово-I, оставленном, по всей видимости, населением данного поселения (Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, с. 146, рис. 27.-11). В ирменских древностях юга Западной Сибири кинжалы нам не известны, за исключением экземпляра из могильника Преображенка-III, который был идентифицирован автором как наконечник дротика (Молодин, 1985, рис. 63.-5). Следовательно, подтвердить или опровергнуть атрибуцию кинжала из Красной Горки в качестве изделия, оставленного ирменским населением, помогут только дальнейшие исследования.

Другая находка, а именно костяное прясло (рис. 2.-2), имеет близкие аналогии на ирменских поселениях Новосибирского Приобья Ирмень-I и Быстровка-IV (Матвеев, 1993, табл. 5.-21; 17.-10). Однако на новосибирских экземплярах, в отличие от прясла из Красной Горки, отсутствует орнамент. Орнаментированные прясла, но уже изготовленные из глины получают распространение в культурах раннего железного века (Фролов, 2008, с. 344, рис. 113). Соответственно принадлежность костяного прясла к ирменским древностям также пока рассматривается нами лишь в качестве предположения. Находки керамической посуды из шурфа (рис. 2.-3-20) имеют аналогии в материалах переходного от бронзы к железу периоду, или позднеирменской культуры, на памятниках Касьминского археологического микрорайона (Илюшин, 2013, с. 137-142; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 74-82; и др.).

Таким образом, материалы, полученные в ходе разведки 1994 г. на поселении Красная Горка в долине нижнего течения р. Касьмы, позволяют констатировать следующее.

Во-первых, проведенная разведка позволила выявить стационарное поселение, вероятно, синхронное и однокультурное с курганным могильником Сапогово-1.

Во-вторых, неординарные находки и богатый культурный слой привели к пониманию перспективности дальнейших исследований на памятнике и принятию решения о первом в истории ККАЭЭ полевого исследования ирменского поселения, осуществленного в 1995-1997 гг.

В-третьих, открытие поселения Красная Горка и исследование в 1994 г. стимулировали начало комплексных исследований ККАЭЭ объектов эпохи бронзы в касьминском археологическом микрорайоне.

Список источников

Илюшин А.М. Отчет о полевых исследованиях Кузнецкой археологической экспедиции в 1994 году. Кемерово, 1994. 311 с.

Илюшин А.М. Отчет о полевых исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1995. 363 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008. 220 с.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII-XIX. Барнаул, 2013. С. 137-142.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Роговских В.С., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 278–280.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. Кемерово, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3 (73). С. 165–179.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово, 1995. 59 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А. Реестр памятников археологии на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 2000 году и вопросы их охраны и использования. Кемерово, 2001. 125 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Борисов В.А., Ковалевский С.А., Роговских В.С., Маркова Е.В. Кузнецкая археолого-этнографическая экспедиция // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 329–331.

Илюшин А.М. Позднесредневековые древности в долине нижнего течения р. Касьмы // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003. С. 226–231.

Илюшин А.М. Позднесредневековая керамика Кузнецкой котловины как показатель этнокультурных процессов // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XVI. Томск, 2010. С. 55–60.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Жилище поздней бронзы на поселении Красная Горка-1 (предварительное сообщение) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 110–112.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Исследование археологических объектов в Касминском археологическом микрорайоне // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г. Вып. 18. Барнаул, 2023. С. 144–148. DOI: 10.37386/2687-0584-2023-144-148

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник: доирменские комплексы. Омск, 2004. 467 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (чернозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1. С. 49–54.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по материалам грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Вадим Семенович Роговских, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, гуманитарный научный центр, научный сотрудник; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; rogovski.64@mail.ru

Vadim S. Rogovskikh, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Humanities Research Center, Research Associate; 650000, Kemerovo, Russia, Vesennaya str., 28, rogovski.64@mail.ru

Андрей Михайлович Илюшин, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, профессор; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, Ilushin1963@mail.ru

Andrey M. Pyushin, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Professor; 650000, Russia, Kemerovo, Vesennaya str., 28; Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, Ilushin1963@mail.ru

Сергей Алексеевич Ковалевский, Российский государственный институт сценических искусств, кафедра продюсерства и общенаучных дисциплин, профессор; 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 15; Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецовка, кафедра аграрной политики и муниципального управления, профессор; 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Марковцева, 5; доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

Sergey A. Kovalevsky, Russian State Institute of Performing Arts, Department of Production and General Scientific Disciplines, Professor; 650056, Russia, Kemerovo, Voroshilova str., 15; V.N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University, Department of Agrarian Policy and Municipal Management, 650056, Russia, Kemerovo, Markovtseva str., 5; Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.57(571.15)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.38

EDN: DVBJUJ

МОЛОТОК-НАПИЛЬНИК ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ ГОРНЫЙ-10 (северные предгорья Алтая)

**Николай Николаевич Серегин¹, Сергей Сергеевич Матренин²,
Надежда Федоровна Степанова³**

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия*

³*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот уникальной для Лесостепного Алтая находки — железного молотка-напильника, обнаруженного в ходе раскопок одного из объектов раннесредневекового некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском районе Алтайского края, исследовался археологической экспедицией Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002 гг. Общая длина публикуемого изделия составляет 21 см, из

которых 13 см приходится на опиловочное полотно с приостренным окончанием, а остальная часть — на рукоять с ударным бойком, расположенным почти под прямым углом относительно продольной оси предмета. Установлен круг немногочисленных аналогий молотку-напильнику, ближайшие из которых зафиксированы на территории Кузнецкой котловины. Рассматриваемая находка свидетельствует о развитии инструментарии металлообработки у населения северных предгорий Алтая в начале раннего средневековья.

Ключевые слова: раннее средневековье, Алтай, молоток-напильник, орудия труда, погребение, некрополь

Благодарности: изучение орудий труда населения северных предгорий Алтая начала раннего средневековья осуществлено в рамках реализации проекта РФФ №20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена при поддержке проекта FWZG-2025-0012.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Молоток-напильник из раннесредневекового некрополя Горный-10 (северные предгорья Алтая) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 254–260. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.38

HAMMER-FILE FROM THE EARLY MEDIEVAL NECROPOLIS OF GORNY-10 (Northern Foothills of Altai)

Nikolai N. Seregin¹, Sergey S. Matrenin², Nadezhda F. Stepanova^{1,3}

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Barnaul, Russia

³Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article presents the unique find for the Forest-Steppe Altai — an iron hammer-file, discovered during the excavations of one of the objects of the early medieval necropolis of Gorny-10. This site, located in the Krasnogorsk district of the Altai Territory, was studied by the archaeological expedition of the Altai State University and the Scientific and Practical Center “Heritage” in 2000–2002. The total length of the published product is 21 cm, of which 13 cm is the filing blade with a pointed end, and the rest is the handle with a striking striker located almost at a right angle to the longitudinal axis of the object. A circle of few analogies to the hammer-file has been established, the closest of which are recorded in the territory of the Kuznetsk Basin. The find in question indicates a developed set of metalworking tools among the population of the northern foothills of Altai at the beginning of the early Middle Ages.

Keywords: early middle ages, Altai, hammer-file, tools, burial, necropolis

Acknowledgments: the study of tools of labor of the population of the northern foothills of Altai at the beginning of the early Middle Ages was carried out within the framework of the Russian Science Foundation Project No. 20-78-10037. The processing of materials from the excavations of the Gorny-10 necropolis was carried out with the support of the project FWZG-2025-0012.

For citation: Seregin N.N., Matrenin S.S., Stepanova N.F. Hammer-file from the Early Medieval Necropolis of Gorny-10 (Northern Foothills of Altai). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:254–260. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.38

Важной частью материальной культуры, демонстрирующей особенности развития системы жизнеобеспечения древних и средневековых социумов, являются орудия труда. Значительная часть таких изделий, обнаруживаемых при раскопках археологических памятников, выступает достаточно консервативным элементом в сравнении с другими категориями предметных комплексов. В настоящее время отдельные аспекты изучения орудий труда народов юга Западной Сибири раннего средневековья представлены преимущественно обзорами в обобщающих научных трудах, подготовленных на основе материалов Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины (Чиндина, 1977, с. 25–27; Беликова, Плетнева, 1983, с. 11–13, 71–73; Троицкая, Новиков, 1998, с. 25–27; Илюшин, 1999, с. 39–40; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 94–97, 100), а также по результатам раскопок памятников тюрок Алтае-Саянского региона (Нестеров, 1981; Овчинникова, 1990, с. 54–61; Кубарев, 2005, с. 72–74, 77–80).

Приходится констатировать, что плохая сохранность орудий труда, изготовленных из железа, а также весьма ограниченный круг качественно опубликованных артефактов из закрытых комплексов создают существенную проблему для определения датировки, функциональной атрибуции и технологии производства многих изделий. Опираясь на имеющийся опыт исследований, необходимо отметить, что реальный видовой состав орудийных наборов не в полной мере отражен в погребальном обряде, что затрудняет понимание специфики хозяйственных занятий носителей отдельных археологических культур, даже несмотря на массовый характер других вещественных находок. В частности, в памятниках кочевников крайне редко встречаются захоронения, содержащие узкоспециализированные инструменты, которые позволяют рассматривать их владельцев в качестве профессиональных мастеров («ремесленников»).

Представленные наблюдения определяют актуальность введения в научный оборот уникального предмета, связанного с производственной деятельностью раннесредневекового населения северных предгорий Алтая, который был зафиксирован в неординарном по обряду и составу инвентаря захоронении на некрополе Горный-10.

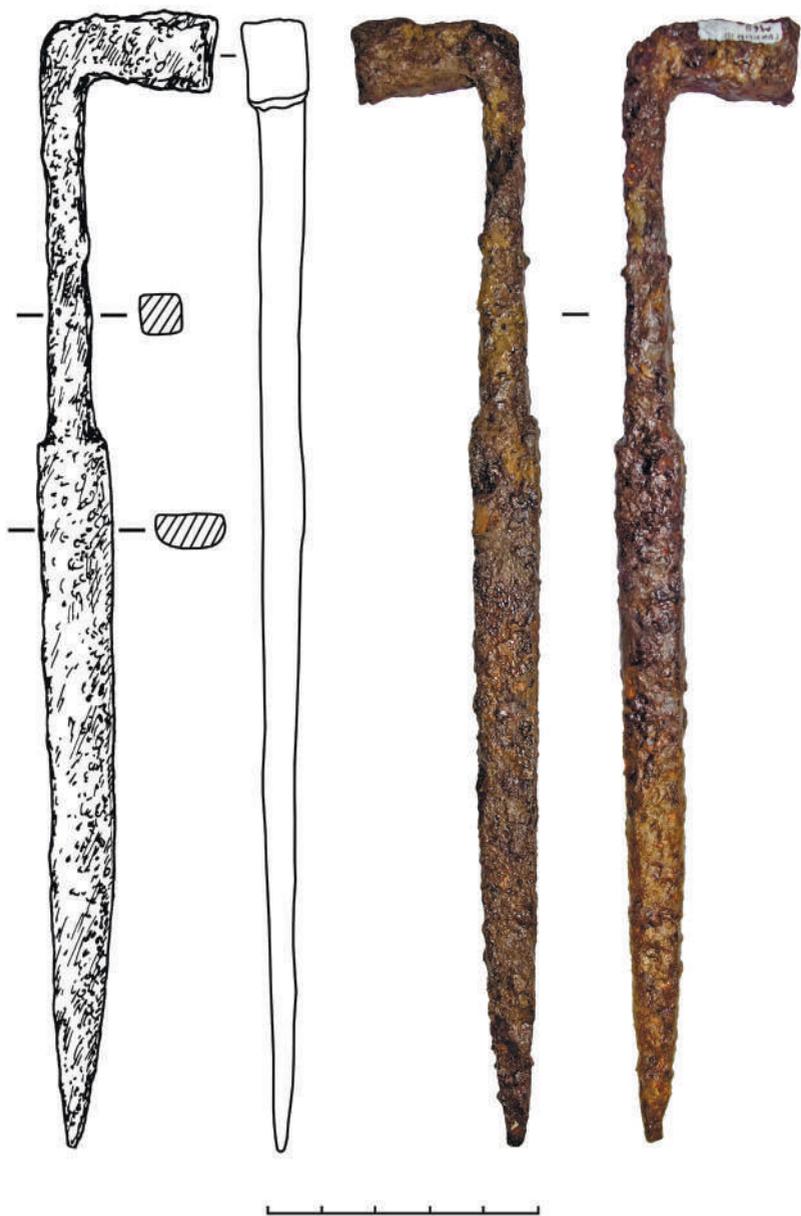
Обозначенный погребальный комплекс расположен в Красногорском районе Алтайского края, в 0,6 км к северо-западу от поселка Горный, на правом берегу р. Иша. В 2000–2002-х гг. на данном памятнике экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой раскопаны 75 грунтовых погребений, значительная часть которых отличалась представительным сопроводительным инвентарем. Результаты анализа части полученных материалов свидетельствуют о периоде функционирования некрополя в рамках 2-й половины VI — начала VIII в. н.э. (СерEGIN, Абдулганеев, Степанова, 2019; СерEGIN, Степанова, 2021; SerEGIN, Tishin, Stepanova, 2022; и мн. др.). При этом вопрос о культурной принадлежности комплекса остается дискуссионным (Горбунов, 2003, с. 40; Зубова, Кубарев, 2015, с. 86; Казаков, Казакова, 2016, с. 241; и др.).

В обширной серии погребений, раскопанных на некрополе Горный-10, значительный интерес представляет вскрытая в завершение полевого сезона 2002 г. могила 69, в которой был зафиксирован «нестандартный» обряд и разнообразные категории изделий. Обозначенный объект выявлен на северо-восточном участке рассматриваемого археологического комплекса. Могила подпрямоугольной в плане формы с расширением в средней части была ориентирована продольной осью по линии север–северо-запад — юг–юго-восток. Установлена ее длина в пределах 2,2 м, ширина в средней части — 0,6 м, у краев — 0,5 м. Глубина могилы от современной поверхности составляла 0,64 м, а в материке — около 5 см. На дне, почти в центре ямы, был расчищен раздавленный череп мужчины 35–40 лет, без нижней челюсти (определения С.С. Тур).

Рядом с черепом *in situ* лежали многочисленные артефакты, среди которых наибольший интерес представляет железный молоток-напильник, являющийся на сегодняшний день единственной подобной находкой на территории Алтая (рис.). Общая длина изделия составляет 21 см, из которых 13 см приходится на опилочное полотно с приостренным окончанием, а остальная часть — на рукоять с ударным бойком, расположенным почти под прямым углом относительно продольной оси. Этот комбинированный инструмент относится к модификациям Г-образной формы, выделенным новосибирскими исследователями в группу III предметов из Южной Сибири, использовавшихся для мелких специальных операций при обработке металлических изделий (Давыдов, 2018, с. 77, 86; Митько, Давыдов, 2018, с. 73, рис. 2, 3). Подобные находки рассматриваются как атрибуты мастеров-ювелиров (Кызласов, 1985, с. 114; Давыдов, 2018, с. 86).

В известных на сегодняшний день археологических материалах с территории Южной Сибири V–XIV вв. н.э. аналогичные орудия представлены единичными целыми и фрагментированными образцами. Среди них наиболее важными в контексте хронологической атрибуции публикуемого молотка-напильника являются два экземпляра из Кузнецкой котловины, найденные в культурно близком некрополю Горный-10 могильнике Саратовка, в объектах, датирующихся концом VI — началом VIII в. н.э. и 2-й половиной VIII — IX в. н.э. (Илюшин, 1999, с. 55–56, рис. 27.-7, 31.-1). Четыре похожих изделия представлены случайными находками с территории Среднего Енисея, хранящимися в Минусинском краеведческом музее и в частной коллекции (Митько, Давыдов, 2018, с. 73).

Рассматриваемая находка молотка-напильника из северных предгорий Алтая свидетельствует о достаточно высоком уровне развития технологий изготовления разнообразных декоративных изделий у локальной группы населения, оставившей некрополь Горный-10, а также отражает ее контакты с племенами, знакомыми с передовым инструментарием для обработки металла в раннем средневековье. Следует отметить, что вместе с данным предметом в могиле 69 обнаружен также железный напильник в виде четырехгранного бруска, относящийся к довольно типичным для опилочных

Железный молоток-напильник из могилы 69 некрополя Горный-10
Iron hammer-file from grave 69 of the Gorny-10 necropolis

операций орудиям (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 4.-8; 5-17; Чиндина, 1991, рис. 25.-11; Соенов, Константинова, 2015, рис. 8).

Судя по качественно-количественному составу сопроводительного инвентаря, умерший человек, череп которого находился в могиле 69 некрополя Горный-10, при жизни имел довольно высокий социальный статус. Аргументом для такого заключения является присутствие колчана с большим (20 экз.) количеством стрел, оснащенных железными наконечниками, двух боевых ножей, пояса с железной пряжкой, а также весьма редко встречающихся в погребениях Лесостепного Алтая начала раннего средневековья орудий труда (тесло, напильник) и украшений (золотая нашивная бляха, бронзовые подвески от обуви). Достаточно необычным выглядит отсутствие в данном объекте лука с костяными накладками — типичного элемента сопроводительного инвентаря для мужских погребений рассматриваемого памятника.

Наиболее проблематичным является вопрос о возможном профессиональном статусе данного индивида. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемом захоронении, как и в других археологических памятниках Сибири, в которых были найдены молотки-напильники, отсутствуют какие-либо другие материалы, однозначно маркирующие их как погребения ювелиров (Давыдов, 2018, с. 87–88). При этом сам факт нахождения такого предмета, безусловно, указывает на незаурядность могилы 69 некрополя Горный-10, требующей отдельного рассмотрения и развернутой интерпретации.

Список источников

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском Плато. Барнаул, 2022. 320 с.

Давыдов Р.В. Морфолого-технологический и функциональный анализ комбинированных инструментов с территории Южной Сибири (I тыс. н.э. — первая половина II тыс. н.э.) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. №1. С. 71–93.

Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4. С. 80–87.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999. 160 с.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии нашей эры // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: История, археология. 2016. №4. С. 238–242.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кызласов И.Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // Советская археология. 1985. №1. С. 107–121.

Митько О.А., Давыдов Р.В. Морфолого-технологический анализ молотков-напильников с территории Южной Сибири (I тыс. н.э. — первая половина II тыс. н.э.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ, 2018. С. 71–76.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168–172.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2. С. 15–34.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. 2021. №5. С. 335–344.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья (релкинская культура). Томск, 1991. 184 с.

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gornyy-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. №50/3. P. 103–112.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Docenta; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Сергей Сергеевич Матренин, Барнаульский юридический институт МВД РФ, кафедра истории и философии, доцент; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Sergei S. Matrenin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of History and Philosophy, Associate Professor; 656038, Russia, Barnaul, st. Chkalova, 49, Candidate of History; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Надежда Федоровна Степанова, Институт археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, nstepanova10@mail.ru

Nadezhda F. Stepanova, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Academician Lavrentiev Ave., 17, Candidate of History; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, nstepanova10@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

РАННЕЕ СТРЕМЯ ИЗ ЮЖНО-ГОБИЙСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ

Николай Николаевич Серегин¹, Цэнд Дул^{1,2}, Уянга Хасбаатар²,
Отгонтуяа Цэрэндорж², Болормаа Лавхуу², Отгонжаргал Энх-Амгалан²,
Жаргал Баатаржав², Даваадорж Галсандорж²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Музей природы и истории Гоби, Даланзадгад, Южно-Гобийский аймак, Монголия

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации стремени, обнаруженного в местности Заваг-Шаваг (Гобийский район Южно-Гобийского аймака Монголии). В настоящее время оно находится в собрании Музея природы и истории Гоби. Изделие относится к группе плоских пластинчатых стремлян с Т-образной подножкой и представляет собой самую южную находку подобных элементов конского снаряжения в Монголии. С учетом основных направлений эволюции таких предметов публикуемое стремя может быть датировано в рамках V — 1-й половины VI в. н.э. Наиболее полные аналогии изделию из Заваг-Шаваг происходят из археологических комплексов Алтая, Минусинской котловины и Забайкалья. Случайная находка в очередной раз демонстрирует перспективы проведения археологических исследований, направленных на выявление и раскопки комплексов эпохи Великого переселения народов и раннетюркского времени на территории Монголии.

Ключевые слова: стремя, музей, Монголия, Южно-Гобийский аймак, хронология, Жужанский каганат, конское снаряжение

Благодарности: анализ стремени осуществлен в рамках проекта «Тюркское наследие Большого Алтая: история и современность».

Для цитирования: Серегин Н.Н., Цэнд Д., Уянга Х., Отгонтуяа Ц., Болормаа Л., Отгонжаргал Э.-А., Жаргал Б., Даваадорж Г. Раннее стремя из Южно-Гобийского аймака Монголии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 261–268. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.39

EARLY STIRRUP FROM THE SOUTH GOBI AIMAK OF MONGOLIA

Nikolai N. Seregin¹, Tsend Dul^{1,2}, Uyanga Khasbaatar²,
Otgontuya Tserendorj², Bolormaa Lavkhuu², Otgonjargal Enkh-Amgалан²,
Jargal Baatarjav², Davaadorj Galsandorj²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Gobi Museum of Nature and History, Dalanzadgad, South Gobi province, Mongolia

Abstract. The article concerns the cultural-chronological interpretation of the stirrup discovered in the Zavag-Shavag area (Gobi district of the South Gobi aimag of Mongolia). Currently, it is in the collection of the Gobi Museum of Nature and History. The item belongs to the group of flat plate stirrups with a T-shaped footrest and is the southernmost find of

such elements of horse equipment in Mongolia. Taking into account the main directions of the evolution of such items, the published stirrup can be dated within the second half of the 5th — first half of the 6th centuries AD. The most complete analogies to the Zavag-Shavag item come from archaeological complexes of Altai, the Minusinsk Basin and Transbaikalia. This find once again demonstrates the prospects for conducting archaeological research aimed at identifying and excavating complexes of the Great Migration and the Early Turkic periods in Mongolia.

Keywords: stirrup, museum, Mongolia, South Gobi aimag, chronology, Rouran Khaganate, horse equipment

Acknowledgments: the analysis of the stirrup was carried out within the framework of the project «Turkic Heritage of the “Greater Altai”: History and modernity».

For citation: Seregin N.N., Tsend D., Uyanga Kh., Otgontuya Ts., Bolormaa L., Otgonjargal E.-A., Jargal B., Davaadorj G. Early Stirrup from the South Gobi Aimak of Mongolia. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:261–268. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.39

Пристальное внимание специалистов к различным аспектам изучения плоских стремян с Т-образной подножкой из памятников Центральной и Северной Азии, в том числе в контексте более широкой проблематики происхождения и начальных этапов распространения таких изделий, уже позволило в последние десятилетия сформировать отдельный довольно представительный историографический блок, который включает как работы публикационного характера, так и обобщающие исследования (Шульга, Горбунов, 1998; Гричан, Плотников, 1999; Дашибалов, 2006; Азбелев, 2014; Тетерин, 2016; Тишкин, Семибратов, Ситников, 2018; Кудинова, Комиссаров, 2023; и др.). При этом каждый год количество известных находок увеличивается. Так, недавний свод таких стремян (Серегин, Фокин, Ключников, 2020, с. 37–40, рис. 5) уже требует обновления, главным образом, в связи с появлением новых материалов, которые связаны, к сожалению, не только с научными, но и с грабительскими раскопками (Ковычев, 2019; Серегин, Филиппович, 2020). Другим фактором увеличения имеющейся источниковой базы является изучение коллекций музеев, в том числе небольших учреждений из отдаленных населенных пунктов. В настоящей статье представлено ранее не публиковавшееся стремя из Монголии, значительно расширяющее сложившиеся представления об ареале распространения рассматриваемой группы стремян в этом регионе.

Публикуемое изделие происходит из собрания Музея природы и истории Гоби Южно-Гобийского аймака Монголии. Стремя было случайно найдено в 1950-е гг. в местности под названием Заваг-Шаваг, расположенной в 66 км к северо-западу от города Даланзадгад и в 41 км к юго-востоку от центра Булган сомона обозначенного аймака (рис. 1). Обстоятельства обнаружения рассматриваемого элемента конского снаряжения практически не известны. Имеется лишь информация о том, что стремя нашел житель Булган сомона Л. Бандихуу, который передал находку в музей в 1958 г. Изделие было получено директором данного учреждения Я. Мангалжавом. Стремя числится в собрании музея под номером Y.58–18. Далее приведено описание данного предмета.

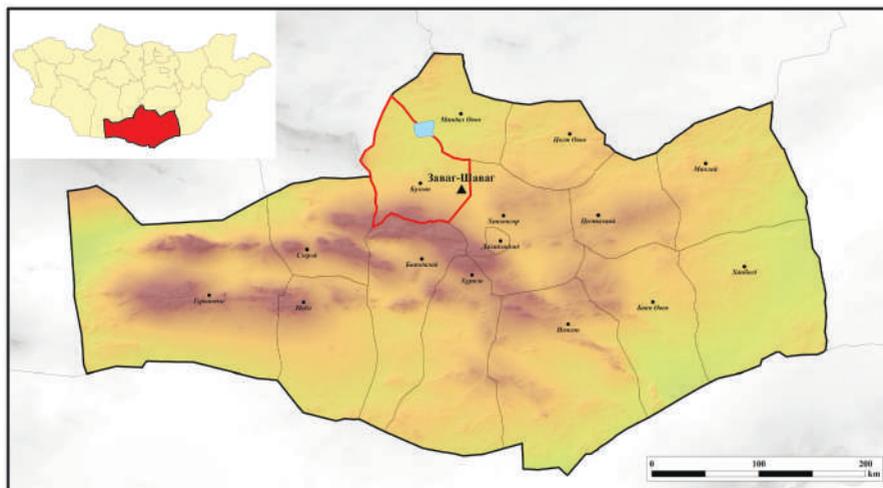

Рис. 1. Местность Заваг-Шаваг на карте Монголии
 Fig. 1. Zawag-Shawag area on the map of Mongolia

Рассматриваемая находка представляет собой плоское пластинчатое стремя с Т-образной подножкой (рис. 2, 3). На изделии фиксируется незначительная коррозия, однако в целом предмет находится в удовлетворительной сохранности. Важной характеристикой стремени является орнамент в виде рядов из вдавленных или выбитых треугольников, который покрывает практически полностью его лицевую сторону. Не заполненными остались лишь верхняя часть ушка-пластины и нервюра. Также не орнаментирована обратная сторона изделия.

Размеры публикуемого стремени близки к параметрам аналогичных находок. Высота предмета составляет 21 см, наибольшая ширина — 16,1 см, толщина — от 0,3 см до 0,5 см. Ушко стремени пластинчатое, довольно длинное: высота — 6,4 см, ширина — от 2,2 см до 3,3 см. «Головка» предмета практически не выделена, сужается в верхней части и имеет обломанное окончание. Отверстие для стремennого ремня имеет ширину 1,5 см и высоту 0,8 см. Ширина дужек — 1,5–1,7 см. Стремя имеет плоскую прямую подножку, которая оформлена по всей длине нервюры. Длина подножки — 9,3 см, ширина — от 1,1 см до 1,7 см, толщина — до 0,3 см. Нервюра высотой до 1,2 см представляет собой продолжение дужек. Дужки образуют общую округлую форму стремени. Размеры проема: высота — 10,6 см, ширина — 12,8 см.

Для уточнения контекста обнаружения стремени авторами статьи проведено небольшое полевое обследование в Булган сомоне. Удалось установить, что изделие было обнаружено на открытой степной равнине. При этом Заваг и Шаваг представляют собой разные части террасы, расположенные неподалеку друг от друга (рис. 4). По словам местных жителей преклонного возраста Г. Хуушина

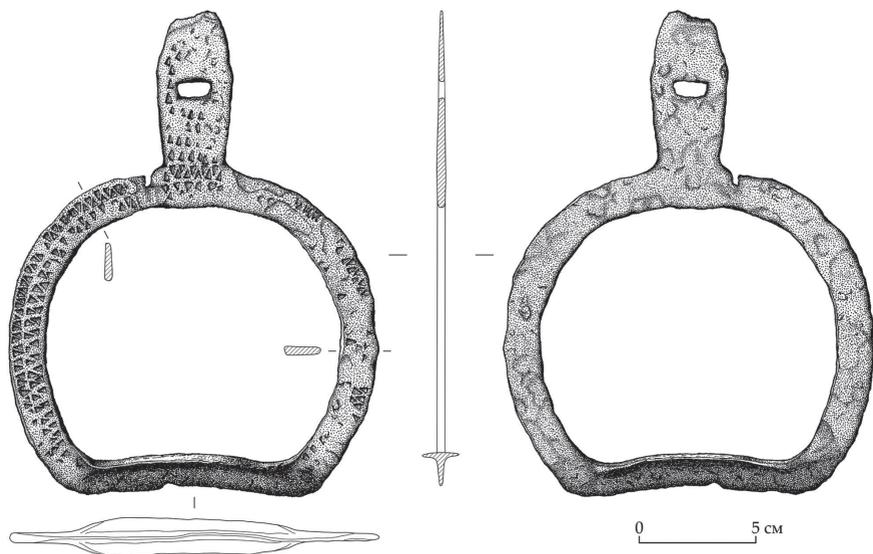

Рис. 2. Железное стремя из собрания Музея природы и истории Гоби
(рисунок выполнен Д. Цэндом)

Fig. 2. Iron stirrup from the collection of the Gobi Museum of Nature and History. Figure by D. Tsend

Рис. 3. Железное стремя из собрания Музея природы и истории Гоби (фото Д. Цэнда)

Fig. 3. Iron stirrup from the collection of the Gobi Museum of Nature and History. Photo by D. Tsend

и Г. Цэрэнхуу, в 1950-е гг. глава администрации населенного пункта Дал Л. Бандихуу вел целенаправленную работу по сбору различных артефактов для создания небольшого музея в Культурном центре сомона. Тогда в ходе этих изысканий именно в местности Заваг-Шаваг было сделано большое количество находок, в том числе обнаружены наконечники стрел и бронзовые монеты. В настоящее время какие-либо археологические объекты здесь не фиксируются.

Рис. 4. Вид с юго-востока на местность Заваг-Шаваг
Fig. 4. View from the southeast to the Zavag-Shavag area

Стремя из местности Заваг-Шаваг на сегодняшний день представляет собой самую южную известную находку изделий такого типа на территории Монголии. С учетом имеющихся материалов время использования подобных изделий у населения Центральной и Северной Азии определяется в рамках V — начала VII в. н.э. (Серегин, Фокин, Ключников, 2020, с. 37–38). Анализ находок, происходящих из разных частей обозначенного обширного региона, предоставляет основания для обозначения основных направлений эволюции стремян. Судя по всему, у наиболее ранних стремян шейка не выделена. У предметов, относящихся к более позднему времени, она уже довольно четко оформлена. Существенной характеристикой, определяющей верхнюю хронологическую границу бытования рассматриваемых предметов, является практика изготовления дужек пластинчатых стремян из прута округлого сечения. При этом в ряде случаев данная черта сочетается с Т-образной подножкой, представляющей собой архаичный признак (Спришевский, 1951, рис. 3-2; Табалдиев, 1996, рис. 13; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 66).

Относительным хронологическим признаком можно считать количество стремян в одном комплексе. В большинстве случаев ранние изделия яв-

ляются одиночными, что, очевидно, отражает особенности их первоначального использования как приспособления для посадки на лошадь (подножки). Редкие примеры обнаружения парных предметов демонстрируют эволюцию традиции применения стремян. С учетом этих наблюдений публикуемая находка может быть отнесена к изделиям, датирующимся в рамках V — 1-й половины VI в. н.э. Наиболее полные аналогии стремени из Заваг-Шаваг происходят из археологических комплексов Алтая, Минусинской котловины и Забайкалья (Серегин, Фокин, Ключников, 2020, рис. 3; 4; 6.-3; 7.-4).

Принадлежность публикуемого стремени из Южно-Гобийского аймака к определенной группе населения пока установить довольно проблематично — в отсутствие в этой части Монголии известных памятников обозначенного периода. С учетом общего исторического контекста данный элемент конского снаряжения мог использоваться кочевниками, входившими в состав Жужанского каганата. При этом нельзя исключать также связи с позднесяньбийскими группами населения. В целом стремя из местности Заваг-Шаваг в очередной раз демонстрирует перспективы проведения археологических исследований, направленных на выявление и раскопки комплексов эпохи Великого переселения народов и раннетюркского времени на территории Монголии.

Список источников

Азбелев П.П. Еще раз о ранних стремянах // Российский археологический ежегодник. 2014. №4. С. 297–322.

Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 76–77.

Дашибалов Б.Б. Ранние стремяна из Забайкалья: к вопросу о связях хори-монголов (сяньби) и корейцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–140.

Ковычев Е.В. Погребения Дарасунской культуры из могильников Лукия и Бутуй // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья. Чита, 2019. С. 53–56.

Кудинова М.А., Комиссаров С.А. Очередная стремени (новые данные о появлении стремян) // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2023. С. 86–91.

Серегин Н.Н., Филиппович Ю.А. Новая находка раннего пластинчатого стремени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 149–155.

Серегин Н.Н., Фокин С.М., Ключников Т.А. Ранние пластинчатые стремяна из памятников Центральной и Северной Азии: новые находки и возможности культурно-хронологической интерпретации изделий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №1 (48). С. 34–42.

Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951. С. 33–42.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. 256 с.

Тетерин Ю.В. Миниатюрные стремяна таштыкской культуры Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, №7: Археология и этнография. С. 83–89.

Тишкин А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М. Вторая находка раннего железного стремени в Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2. С. 138–145.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 293 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 99–101.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61; Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Цэнд Дул, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Музей природы и истории Гоби, научный сотрудник; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Tsend Dul, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Gobi Museum of Nature and History, Researcher; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master's Student, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Уянга Хасбаатар, Музей природы и истории Гоби, сотрудник регистрации и базы данных аймака; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0006-6629-6029>, uyangakhasbaatar2024@gmail.com

Uyanga Khasbaatar, Gobi Museum of Nature and History, Registration and Database Worker of the Province; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0006-6629-6029>, uyangakhasbaatar2024@gmail.com

Отгонтуя Цэрэндорж, Музей природы и истории Гоби, директор музея; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0005-4848-2701>, ts.otgontuya71@gmail.com

Otgontuya Tserendorj, Gobi Museum of Nature and History, Director of the Museum; 453, Mongolia, South Gobi province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0005-4848-2701>, ts.otgontuya71@gmail.com

Болормаа Лавхуу, Музей природы и истории Гоби, научный сотрудник; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0002-7488-6070>, bolormaalavkhuu@gmail.com

Bolormaa Lavkhuu, Gobi Museum of Nature and History, Researcher; 453, Mongolia, South Gobi province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master's Student, <https://orcid.org/0009-0002-7488-6070>, bolormaalavkhuu@gmail.com

Отгонжаргал Энх-Амгалан, Музей природы и истории Гоби, сотрудник регистрации и базы данных музея; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, <https://orcid.org/0009-0000-1099-1870>, eotgonjargal0608@gmail.com

Otgonjargal Enkh-Amgalan, Gobi Museum of Nature and History, Registration and Database Worker of the Museum; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, <https://orcid.org/0009-0000-1099-1870>, eotgonjargal0608@gmail.com

Жаргал Баатаржав, Музей природы и истории Гоби, хранитель фондов; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0007-5252-1253>, jargalmuseum@gmail.com

Jargal Baatarjav, Gobi Museum of Nature and History, Collection Worker; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0007-5252-1253>, jargalmuseum@gmail.com

Даваадорж Галсандорж, Музей природы и истории Гоби, реставратор; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, <https://orcid.org/0009-0007-7933-3607>, galsandorjdavaadorj@gmail.com

Davaadorj Galsandorj, Gobi Museum of Nature and History, Restorer; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, <https://orcid.org/0009-0007-7933-3607>, galsandorjdavaadorj@gmail.com

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.53

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.40

EDN: WGPDTV

ПЛАНИГРАФИЯ КУРГАННЫХ ГРУПП СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ ПРИОБСКОГО ПЛАТО (по материалам 2024 г.)

Андрей Николаевич Телегин, Александр Васильевич Бекетов
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме: В статье рассматриваются топографические и планиграфические особенности расположения курганных групп раннего железного века Приобского плато. Выдвигается предположение о возможной ориентации курганных групп скифо-сакского времени цепочками, параллельными направлению простирания крупных рельефных и гидрологических объектов Баевского и Тюменцевского районов Алтайского края, как территорий с ярко выраженными рельефными и гидрологическими признаками Приобского плато. Приводятся результаты археологической разведки, проведенной степным отрядом АлтГПУ на территории Баевского и Тюменцевского районов Алтайского края летом 2024 г. Рассматриваются топографические и планиграфические особенности новоявленных курганных групп Кулундинский-2 и Паклино-3.

Ключевые слова: археология, курган, степь, лесостепь, Баевский район, Тюменцевский район, Алтайский край

Для цитирования: Телегин А.Н., Бекетов А.В. Планиграфия курганных групп скифо-сакского времени Приобского плато (по материалам 2024 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 268–274. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.40

**THE PLANIGRAPHY OF THE BURIAL GROUND GROUPS
OF THE SCYTHIAN-SAKA PERIOD OF THE PRIOBRSKOE PLATEAU
(Based on the Materials of 2024)**

Andrey N. Telegin, Alexander V. Beketov
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the topographic and planographic features of the location of the burial groups of the Early Iron Age of the Priobrskoe plateau. It is suggested that the burial groups of the Scythian-Saka period may be oriented in chains parallel to the direction of the large relief and hydrological objects of the Bayevsky and Tyumentsevsky districts of the Altai Territory, as territories with pronounced relief and hydrological features of the Priobrskoe plateau. The results of the archaeological survey conducted by the steppe detachment of AltSPU in the territory of the Bayevsky and Tyumentsevsky districts of the Altai Territory in the summer of 2024 are presented. The topographic and planographic features of the newly discovered burial groups Kulundinsky-2 and Paklino-3 are considered.

Keywords: archeology, burial ground, steppe, forest-steppe, Bayevsky district, Tyumentsevsky district, Altai Territory

For citation: Telegin A.N., Beketov A.V. The Planigraphy of the Burial Ground Groups of the Scythian-Saka Period of the Priobrskoe Plateau (Based on the Materials of 2024). *Sohrane-nie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:268–274. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.40

На территории Баевского и Тюменцевского районов Алтайского края находятся, по общедоступным данным из публикаций археологов и краеведов, а также «Перечня объектов археологического наследия...», 71 памятник археологии. Из их числа лишь 52 (73,2%) объекта состоят на официальном учете как памятники федерального значения. Остальные 19 (26,8%) памятников не состоят на официальном учете и информация о них отражена лишь в публикациях археологов и краеведов, проводивших в разное время археологические работы на территории района (Бекетов, 2022, с. 61–63; 2023, с. 96–102; Брусник, 2010, с. 6–20; Кирышин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–122; Телегин, 2014, с. 110–111; 2018, с. 34–36). Вместе с тем тот факт, что подавляющее большинство памятников (43 из 71) располагаются в условиях доступности (рядом с дорогами общего пользования или поблизости от населенных пунктов), позволяет предположить, что большая часть территории районов на данный момент не обследована на предмет наличия объектов археологического наследия.

Всего 19 (26,8%) памятников из 71 были датированы. На основании данных о датировке объектов археологического наследия указанных районов можно сказать, что они представлены памятниками периода от раннего бронзового века до эпохи средневековья (VIII–X вв. н.э.). К сожалению, датировка остальных 52 (86%) памятников пока не ясна (Кирышин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–121; Телегин, 2014, с. 110–111; 2018, с. 34–36). По своему типу памятники указанных районов представлены шестью поселениями (8,4%), 63 курганными могильниками (88,7%) и двумя местами обнаружения случайных находок (2,9%). Из 63 курганных погребений указанных районов

53 памятника подлежат планомерному разрушению путем их ежегодного распахивания или раскатывания проселочными дорогами.

С точки зрения геоморфологических характеристик можно сказать, что территория Тюменцевского и Баевского районов представляет собой лесостепную равнину, изрезанную многочисленными аллювиальными ложбинами и расположенными между ними крупными рельефными гривами. В понижениях некоторых ложбин располагаются многочисленные объекты гидрографии (озера, реки, озерно-болотные комплексы).

Преобладающим направлением простираения рельефных западин и грив для территории Приобского плато является линия СВ–ЮЗ.

В расположении археологических памятников относительно рельефа и гидрографии района можно проследить типичную для древних археологических культур близость поселенческих комплексов к пресноводным водоемам (Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–121).

Для курганных могильников территории Баевского и Тюменцевского районов характерно расположение на естественных возвышенностях, коими являются низкие слабовыраженные гривы, линии водоразделов и прибрежные возвышенности. А для курганных погребений раннего железного века (четыре курганные группы) характерно простираение курганных цепочек параллельно линиям простираения крупных объектов гидрографии (реки Кулунда, Черемшанка, Солоновка, озера Мостовое, Горькосолоеное и т.п.) и крупных рельефных грив (Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100–121; Телегин, 2018, с. 34–36). Для территории Приобского плато для вышеперечисленных рельефных и гидрографических объектов характерно простираение по линии СВ–ЮЗ.

Такая ориентация погребальных комплексов, на наш взгляд, может являться одним из определяющих признаков принадлежности данных памятников к определенной археологической культуре скифо-сакского времени Алтайского края. Вероятно, данный планиграфический признак может быть применим для предварительной датировки курганных групп Приобского плато, в планиграфии которых прослеживается ориентация вдоль линии крупных рельефных и гидрологических объектов. Не исключено, что более тщательное рассмотрение данных планиграфических особенностей курганных групп, как индикатора их культурно-хронологической принадлежности, может стать задачей дополнительных исследований.

Неисследованность большей части территорий Приобского плато на предмет наличия археологических памятников делает актуальным проведение их археологического обследования. Проведение такого обследования являлось одной из задач археологической разведки, осуществленной Степным отрядом АлтГПУ в июне-августе 2024 г. на территории Баевского и Тюменцевского районов, в окрестностях с. Паклино и пос. Кулундинский (Бекетов, 2024, с. 8–14).

Визуальный осмотр местности в совокупности с данными дистанционного зондирования земли (космоснимки) позволил выявить наличие ранее не известных объектов археологического наследия.

Одним из таких объектов являлось курганное погребение Кулундинский-2 (рис. 1). Данный памятник был обнаружен в ходе изучения космоснимков местности в окрестностях пос. Кулундинский Тюменцевского района Алтайского края. Памятник располагается в 7,8 км к юго-востоку от п. Кулундинский на поле, занятом под пашню. На момент обследования он представлял собой группу из семи курганных насыпей диаметром от 10 до 21 м, расположенных относительно друг друга последовательной цепочкой, простирающейся по линии СВ-ЮЗ (Бекетов, 2024, с. 8–12).

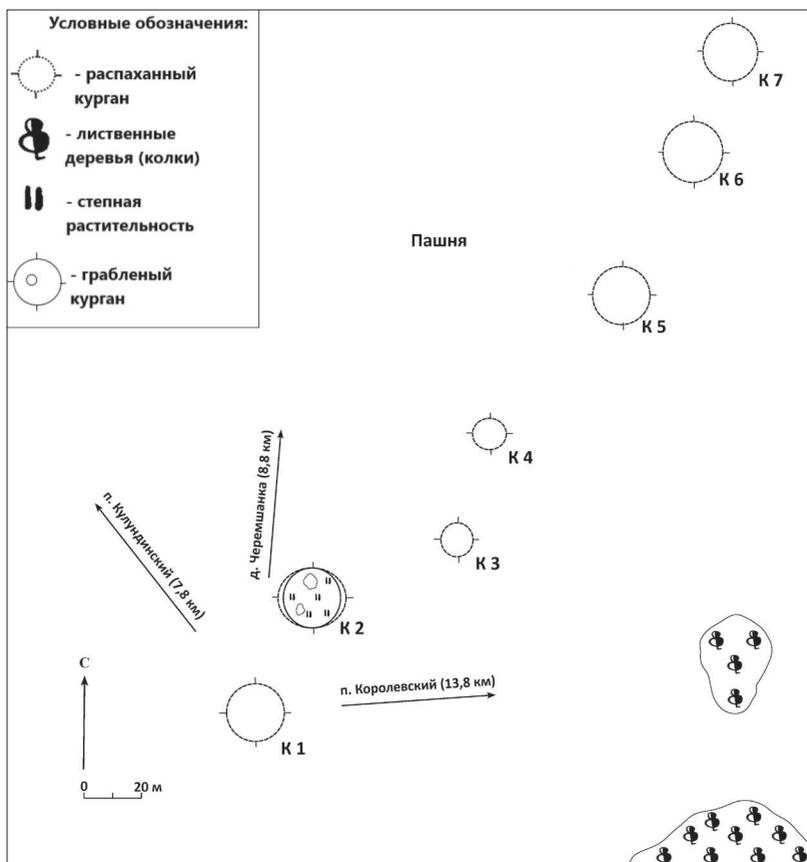

Рис. 1. Схема расположения насыпей курганной группы Кулундинский-2
 Fig. 1. The layout of the mounds of the Kulundinsky-2 burial ground group

На основании того, что данная курганная цепочка, как и курганные цепочки раннего железного века Баевского и Тюменцевского районов, простирается по линии СВ-ЮЗ, можно предположительно датировать ее ранним

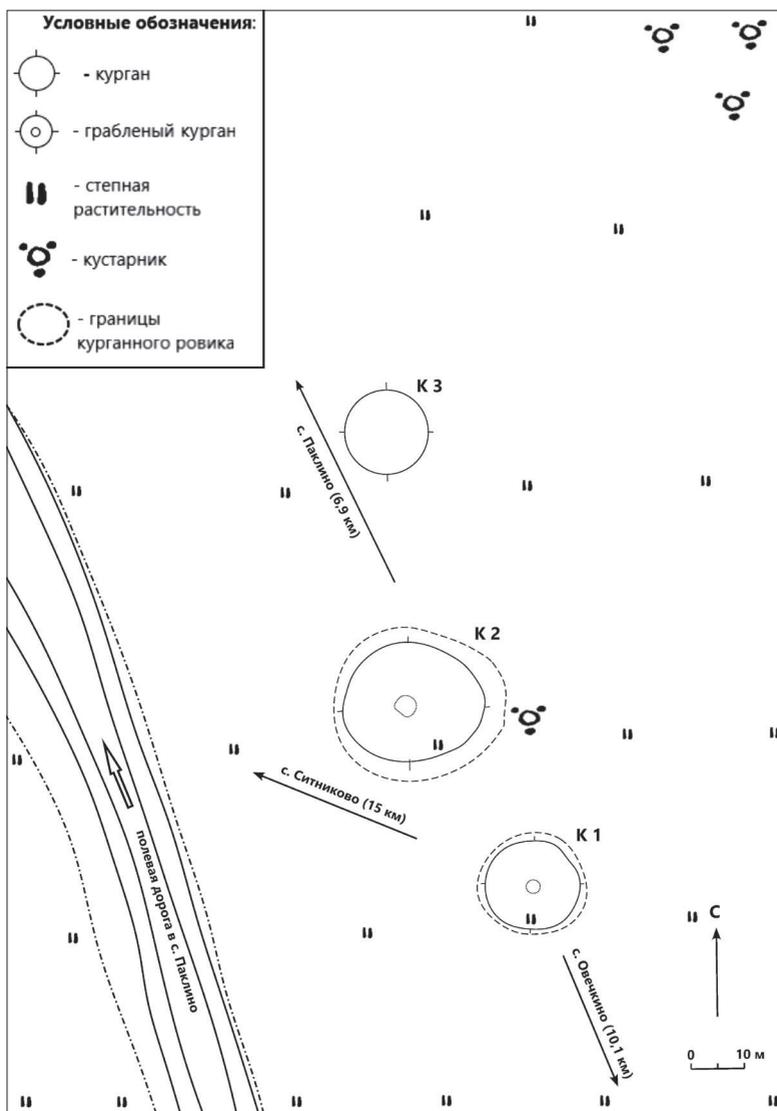

Рис. 2. Схема расположения насыпей курганной группы Паблино-3
 Fig. 2. The layout of the mounds of the Paklino-3 burial ground group

железным веком (около VI–III вв. до н.э.) (Бекетов, 2022, с. 61–63; Брусник, 2010, с. 90–94; Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 99–121; Телегин, 2014, с. 110–111; 2018, с. 34–36).

Вторым нововыявленным объектом археологии была курганная группа Паклино-3 (рис. 2). Памятник был выявлен в ходе археологического обследования правого берега реки Кулунды на расстоянии 7 км к юго-востоку от села Паклино Баевского района. В составе памятника — цепочка из трех курганных насыпей диаметром 13 до 27 м, расположенных на остепненном участке местности последовательно по линии СЗ–ЮВ (Бекетов, 2024, с. 12–14).

На первый взгляд, линия ориентации курганной цепочки Паклино-3 отлична от ориентации курганной цепочки Кулундинский-2 простиранием цепочки по линии СЗ–ЮВ, а не по линии СВ–ЮЗ.

При этом в планиграфии курганной группы Паклино-3 явно просматривается простирание цепочки параллельно бассейну реки Кулунды, а точнее одному из ее русел, изгиб которого на ближайшем к памятнику отрезке протекает в направлении северо-запад–юго-восток. Таким образом, можно сделать вывод о простирании курганной цепочки Паклино-3 параллельно крупным объектам гидрографии и рельефа местности, как и в случае с курганными группами раннего железного века Приобского плато. На основании данного факта можно предположительно датировать его ранним железным веком (около VI–III вв. до н.э.). В пользу данного предположения говорят также конструктивные особенности двух курганных насыпей, а именно наличие вокруг курганных насыпей ровика глубиной от 0,1 до 0,3 м.

На основании всего вышесказанного напрашивается вывод о вероятной принадлежности курганных групп Паклино-3 и Кулундинский-2 к скифо-сакскому периоду Приобского плато (около VI–III вв. до н.э.). Косвенным подтверждением факта сооружения указанных памятников в период раннего железного века является сходство их с остальными курганными группами раннего железного века данных районов по конструктивным, топографическим и другим особенностям. Так, например, распахиваемые курганные насыпи памятника Кулундинский-2 ярко демонстрируют наличие глиняной линзы, характерной для курганных насыпей скифо-сакского времени. Насыпи курганной группы Паклино-3, в свою очередь, демонстрируют наличие прикурганного ровика, также характерного для курганных погребений скифо-сакского времени Приобского плато.

Можно предположить, что основополагающим фактором, обуславливающим расположение курганных цепочек раннего железного века с определенной ориентацией на территории Приобского плато, являлась ориентация по линии простирания крупных объектов рельефа и гидрографии местности. К сожалению, данное предположение может быть подтверждено или опровергнуто только материалами археологических раскопок.

Список источников

Бекетов А.В. Итоги археологической разведки в Баевском районе Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 г. Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 61–63.

Бекетов А.В. Итоги археологической разведки в Баевском районе Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г. Вып. 18. Барнаул, 2023. С. 96–102.

Бекетов А.В. Археологическая разведка на берегах р. Кулунды в 2024 г. (по материалам Баевского и Тюменцевского районов Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2024 г. Вып. 19. Барнаул, 2024. С. 8–14.

Брусник Н.Д. Неизвестные страницы истории. Барнаул, 2010. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.

Телегин А.Н. Курганная группа Паклино-1 — новый объект на археологической карте Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 109–111.

Телегин А.Н. К археологической карте Баевского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул, 2018. С. 34–36.

Информация об авторах / Information about the Authors

Андрей Николаевич Телегин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, старший преподаватель; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, <https://orcid.org/0009-0003-8430-7148>, varvar100@yandex.ru

Andrey N. Telegin, Altai State Pedagogical University, Department of National History, Senior Lecturer; 656031, Russia, Barnaul, 55 Molodezhnaya str., <https://orcid.org/0009-0003-8430-7148>, varvar100@yandex.ru

Александр Васильевич Бекетов, Музей истории образования им П.П. Костенкова АлтГПУ, лаборант; 656015, Россия, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 126, <https://orcid.org/0009-0007-3720-1868>, sasha.beketov.2004@bk.ru

Alexander V. Beketov, Museum of the History of Education named after P.P. Kostenkov AltGPU, laboratory assistant; 656015, Barnaul, Russia, Socialist avenue, 126, <https://orcid.org/0009-0007-3720-1868>, sasha.beketov.2004@bk.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.41

EDN: WMONTR

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ СОТРУДНИКОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ЗА 2020–2024 ГГ.

Андрей Николаевич Телегин, Николай Николаевич Головченко
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена обобщению опыта работ Степного отряда археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета по определению границ объектов археологического наследия. Представлены новые статистические сведения об исследованиях 2020–2024 гг. проведенных на территории Усть-Калманского, Локтевского, Шипуновского, Курьинского, Кулундинского и Табунского районов. Отмечено, что в заданиях Управления государственной охраны

объектов культурного наследия Алтайского края на определение границ объектов археологического наследия наметилась тенденция к снижению количества обследуемых памятников. Кроме того, аварийное состояние объектов археологического наследия, видимо, не является приоритетным критерием для первоочередного включения их в задание по определению границ.

Ключевые слова: определение границ, объекты археологического наследия, курганы

Для цитирования: Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Результаты работ сотрудников Алтайского государственного педагогического университета по определению границ объектов археологического наследия Алтайского края за 2020–2024 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 274–279. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.41

THE RESULTS OF THE WORK OF THE STAFF OF ALTAI STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY TO DETERMINE THE BOUNDARIES OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES OF THE ALTAI TERRITORY IN 2020–2024

Andrei N. Telegin, Nikolai N. Golovchenko
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to summarizing the experience of the Steppe detachment of the archaeological expedition of Altai State Pedagogical University in determining the boundaries of archaeological heritage sites. New statistical data on the 2020–2024 studies conducted on the territory of Ust'-Kalmansky, Loktevsky, Shipunovsky, Kuryinsky, Kulundinsky and Tabunsky districts are presented. It is noted that in the buildings of the Department of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Altai Territory, there has been a tendency to reduce the number of sites surveyed to determine the boundaries of archaeological heritage sites. In addition, the state of disrepair of archaeological heritage sites is probably not a priority criterion for their priority inclusion in the boundary assignment.

Keywords: delineation of boundaries, objects of archaeological heritage, mounds

For citations: Telegin A.N., Golovchenko N.N. The Results of the Work of the Staff of Altai State Pedagogical University to Determine the Boundaries of the Archaeological Heritage Sites of the Altai Territory in 2020–2024. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:274–279. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.41

В 2020–2024 гг. Степной отряд археологической экспедиции АлтГПУ (рук. Н.Н. Головченко и А.Н. Телегин) осуществлял полевые исследования для определения границ курганных некрополей Алтайского края. В 2020 г. они проводились в Усть-Калманском, в 2021 г. — в Локтевском, в 2022 г. — в Шипуновском, в 2023 г. — в Курьинском, в 2024 г. — в Кулундинском и Табунском районах (Телегин, Головченко, 2021, 2022, 2023; Головченко, Телегин, 2022, 2023). Накопленная за пять лет работ статистика позволяет подвести некоторые промежуточные итоги проделанного и оценить дальнейшие перспективы.

Предварительно, однако, вновь стоит обратить внимание на выбор заказчиком — Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края объектов археологического наследия, включаемых в задание, с точки зрения их сохранности и количества.

Относительно количественного анализа обследованных объектов складывается следующая ситуация. В задании заказчика на 2020 г. фигурировало всего 39 курганных некрополей, а в 2021 г. — почти в два раза больше (70 некрополей). Однако наметившаяся было тенденция к ежегодному увеличению количества памятников для определения их границ резко изменилась уже в следующем 2022 г., когда в задании оказалось всего 48 некрополей. Новый тренд сохранился в 2023 и 2024 гг. — 20 и 15 объектов соответственно (табл.).

**Показатели сохранности и количества курганных захоронений
в различных районах Алтайского края, включенных в задания
для определения их границ**

**Indicators of the safety and number of burial mounds in various districts
of the Altai Territory included in the tasks for determining their boundaries**

Год и район работ	Объекты археологического наследия		Сохранность курганов	
	курганные группы (всего)	курганы (всего)	не подвержено антропогенному воздействию (кол-во/процент)	подвержено антропогенному воздействию (кол-во/процент)
2020 г. Усть-Калманский	39	46	10/21,7	36/78,3
2021 г. Локтевский	70	244	151/61,9	93/38,1
2022 г. Шипуновский	48	101	14/13,9	87/86,1
2023 г. Курынский	20	30	16/53,3	14/46,7
2024 г. Кулундинский Табунский	15	38	21/55,3	17/44,7
Всего	192	459	212/46,2	247/53,8

Всего за пять лет полевых исследований по определению границ курганных некрополей Алтайского края было обследовано 192 объекта археологического наследия. Если текущие темпы проведения указанных работ в отношении объектов археологического наследия, расположенных на просторах региона, сохранятся, то отработка только 2000 памятников, включенных в единый реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, будет растянута как минимум на 50 лет, а если, как и в последние три года, продолжится ежегодное сокращение количества обследуемых объектов — то и на существенно более длительный срок.

Не менее показательно и то, какие именно курганы, с точки зрения их сохранности, были включены заказчиком в задание по определению их границ.

В первые 4 года работ соотношение курганов (насыпей), подверженных активному антропогенному воздействию и не подверженных таковому, сильно варьировалось.

Рис. 1. Курганный могильник Озерное-III. Курган 1, вид с севера
Fig. 1. Ozernoye-III burial mound. Kurgan 1, view from the north

Рис. 2. Курганный могильник Константиновка-II. Mound 1, вид с севера
Fig. 2. Konstantinovka-II burial mound. Mound 1, view from the north

Так, если в 2020 г. процент аварийных курганов, фигурирующих в задании заказчика, составил внушительные 78,3% (36 курганов из 46), то в 2021 г. их доля резко уменьшилась до 38,1%, (93 кургана из 244). В последующие два года картина повторилась: в 2022 г. доля активно разрушаемых курганов составила 86,1% (87 курганов из 101), а в 2023 г. она резко упала до 46,7% (14 курганов из 30). Практически аналогичный процент аварийных курганов наличествовал и в задании 2024 г. — 44,7% (17 курганов из 38) (см. табл.).

Всего за пять лет работ было обследовано 459 курганов (рис. 1), 247 из которых, относятся к категории активно разрушаемых (рис. 2), что составляет 53,8%, из чего можно сделать вывод, что аварийное состояние объектов археологического наследия не является приоритетным критерием для первоочередного включения их в задание по определению границ. Принимая во внимание неспешные темпы работ, которые, как было показано выше, вероятно, растянутся на несколько десятков лет, можно с уверенностью предположить, что если эта ситуация не изменится к лучшему, то добрая половина объектов археологического наследия Алтайского края будет обречена на многие годы активного руинирования.

Список источников

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Состояние курганных захоронений в Усть-Калманском, Локтевском и Шипуновском районах Алтайского края (итоги мониторинга) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). №17. Барнаул, 2022. С. 84–88.

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Определение границ объектов археологического наследия в Усть-Калманском, Локтевском и Шипуновском районах Алтайского края: организация работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIX. Барнаул, 2023. С. 22–25.

Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Состояние курганных могильников в Усть-Калманском и Локтевском районах Алтайского края (итоги мониторинга) // Полевые исследования в Верхнем Приобье Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). №16. Барнаул, 2021. С. 159–162.

Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Работы по определению границ объектов археологического наследия в Усть-Калманском и Локтевском районах Алтайского края: итоги, размышления, предложения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 130–133.

Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Определение границ объектов археологического наследия Алтайского края в 2020–2023 гг.: истинные приоритеты и реальность // Полевые исследования в Верхнем Приобье Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). №18. Барнаул, 2023. С. 194–197.

Информация об авторах / Information about the Authors

Андрей Николаевич Телегин, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение»; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, старший преподаватель кафедры отечественной истории; varvar100@yandex.ru

Andrei N. Telegin, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Senior Lecturer, Department of National History; varvar100@yandex.ru

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Senior Researcher; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

Научная статья / Article

УДК: 903.224(571.151):069(1-4)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.42

EDN: TJDORM

ДВА ДРЕВНИХ БРОНЗОВЫХ КОПЬЯ ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Сергей Михайлович Киреев²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
Горно-Алтайск, Россия*

Резюме. В статье подробно рассматриваются два древних копья, которые хранятся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия). Одно из них уже неоднократно публиковалось, но недостаточно полно и с разной интерпретацией. Этому уделено отдельное внимание. Второе копьё впервые вводится научный оборот. По всей видимости, оно происходит из коллекции известного дореволюционного барнаульского краеведа Н.С. Гуляева. Кроме подробного описания древних предметов вооружения из цветного металла и их иллюстраций впервые приводятся данные рентгенофлуоресцентного анализа, которые расширяют информационное поле и дополняют заключения культурно-хронологического характера.

Ключевые слова: Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, копьё, археологическая коллекция Н.С. Гуляева, период поздней бронзы, раннескифское время, рентгенофлуоресцентный анализ

Для цитирования: Тишкин А.А., Киреев С.М. Два древних копья из фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина: комплексный анализ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 279–288. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.42

TWO ANCIENT SPEARS FROM THE FUNDS OF THE A.V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC: A COMPREHENSIVE ANALYSIS

Alexey A. Tishkin¹, Sergey M. Kireev²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Anokhin National Museum of the Republic of Altai, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article discusses in detail two ancient spears, which are kept in the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Gorno-Altaysk, Russia). One of them has already been repeatedly published, but not fully enough and with different interpretations. It requires special attention. The second spear is introduced into the scientific turnover for the first time. Apparently, it comes from the collection of the famous pre-revolutionary Barnaul local historian N.S. Gulyaev. In addition to a detailed description of the ancient items of armour made of non-ferrous metal and their illustrations, the data of X-ray fluorescence analysis are presented for the first time, which expand the information field and supplement the conclusions of cultural and chronological character.

Keywords: A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, spear, archaeological collection of N.S. Gulyaev, Late Bronze Age, Early Scythian period, X-ray fluorescence analysis

For citation: Tishkin A.A., Kireev S.M. Two Ancient Spears from the Funds of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic: a Comprehensive Analysis. *Sohrannenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:279–288. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.42

В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина имеется большой фонд археологических предметов. При этом древних наконечников копий всего два (рис. 1–4). Один из них (рис. 1 и 2) впервые в виде фотографии опубликовал Ю.С. Гришин (1971, с. 19, табл. 9.-10), который отнес находку к втульчатым изделиям с прорезным пером и датировал ее концом II — началом I тыс. до н.э. Следующее упоминание и графические зарисовки рассматриваемого копья нашли отражение в статье, которая была посвящена введению в научный оборот материалов эпохи бронзы, найденных на территории горной зоны Алтая (Абдулганеев, Кирышин, Кадиков, 1982, с. 60, рис. 6.-12). Ранее указанная Ю.С. Гришиным датировка подтверждалась, а происхождение и место хранения изделия не указывалось. В своде археологических памятников Чемальского района Республики Алтай, изданном в виде монографии, также приведен рисунок рассматриваемого копья и дана такая информация: «Чепош (случайная находка). В с. Чепош при строительстве моста в 1929 г. найдено бронзовое копье эпохи поздней бронзы» (Степанова, Соенов, 2009, с. 12, рис. 7.-10). В коллективном монографическом издании «Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века» данный экземпляр обозначен в качестве наконечника дротика и отнесен к типу 2: «Втульчатые, с широким листовидным пером и большими подовальными вырезами на лопастях, окаймленными выступающими валиками. Втулка короткая, круглая в сечении, с двумя противоположащими отверстиями

для крепления к древку» (Грушин и др., 2009, с. 95–96, рис. 11.-3). Для демонстрации копья использовались опубликованные рисунки из вышеуказанной статьи (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, рис. 6.-12) и подтверждена ранее предложенная датировка. Кроме этого, приведен расширенный круг аналогий (Грушин и др., 2009, с. 96–97).

В перечисленных сведениях не отражена информация, имеющаяся в Книге поступлений музея, которая датирована 1953 г., где указаны следующие сведения: «Наконечник копья из бронзы, листовидной формы, с симметричными полукруглыми вырезками. №КП 225, инв. №1311. Дата записи в КП 22.10.1953 г. Материал: бронза. Размеры: длина 16 см, наибольшая ширина 4,7 см. Сохранность: хорошая. Происхождение: найден в Элекмонарском аймаке в селе Чепош при строительстве моста через реку Барангол». Кроме этого, данное описание может быть дополнено информацией в «Инвентарной книге по археологии» 1944 г. (составитель Г.П. Сергеев): «Найден около с. Чепош при земляных работах для постройки моста через р. Баран***ол (***)неразборчиво: ж, нс) 14/VIII-29. Максименко». Однако реки Барангол вблизи с. Чепош нет. На карте Республики Алтай такие обозначения имеются на разном расстоянии от указанного населенного пункта. Одна река Барангол находится примерно в 20 км к юго-востоку и является левым притоком р. Куюм, которая впадает в Катунь. Существенное расстояние не позволяет рассматривать ее в качестве потенциального места находки. Более перспективным является еще одна река Барангол, которая впадает в Катунь возле юго-западной окраины одноименного села Майминского района Республики Алтай. Она располагается к северу–северо-западу от с. Чепош. По прямой до ближайшего берега получается около 6,5 км. Предполагаемые названия «Баранжол» или «Барансол» в списках ближайших рек и ручьев отсутствуют. Тем не менее представленный обзор позволяет считать Северный Алтай той территорией, на которой наконечник копья был найден. Это важный момент, так как памятников периода поздней бронзы в этой зоне пока мало известно.

Для продолжения исследований и осуществления культурно-хронологической идентификации необходимо дать подробное описание, представить фотоиллюстрации (рис. 1) и детальные графические зарисовки (рис. 2), а также осуществить рентгенофлюоресцентный анализ.

Копье с «прорезным» пером и номером 225, по всей видимости, реставрировалось. Его поверхность имеет в основном темно-коричневый цвет и отдельные более светлые участки, где удалены поверхностные окислы (рис. 1). Длина изделия 16,3 см (все приводимые в статье измерения выполнены механическим штангенциркулем). На перо приходится 12,8 см, остальное — на втулку. Ширина пера в центре составляет 4,3 см, но ниже этот параметр увеличивается до 4,6 см. Форма боевой части листовидная. В нижней половине пера с двух сторон имеются сегментовидные отверстия («прорезы»). Они практически одинаковые и ограничены по контуру полукружия выделенным ребром-валиком. С учетом такого оформления установлены следующие размеры «прорезей»: 4,8×0,9 см и 4,9×0,95 см. Перо усилено выделяющимися утолщениями

Рис. 1. Копье с «прорезным» пером (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)
Fig. 1. Spear with a 'slotted' feather (photos by А.А. Tishkin)

разной конфигурации (0,3–0,5–0,7 см). Заточка лезвий хорошо видна в верхней (боевой) половине (рис. 1.-2, 4; 2.-1–4, 5), а ниже к основанию она практически отсутствует (рис. 1.-1, 3). Внешняя часть втулки переходит в нервюру, укрепляющую центр наконечника примерно от середины «прорезей» (рис. 1; 2.-5–8). С одной стороны на нервюре (ближе к острию) есть насечки разного размера и наклона (рис. 1.-4; 2.-1) Просматривается восемь таких отметин. Обе заточенные части лезвий пера имеют мелкие зазубрины (рис. 1.-2, 4). Возможно, это свидетельствует о том, что края перед заточкой сначала отбивались. Тол-

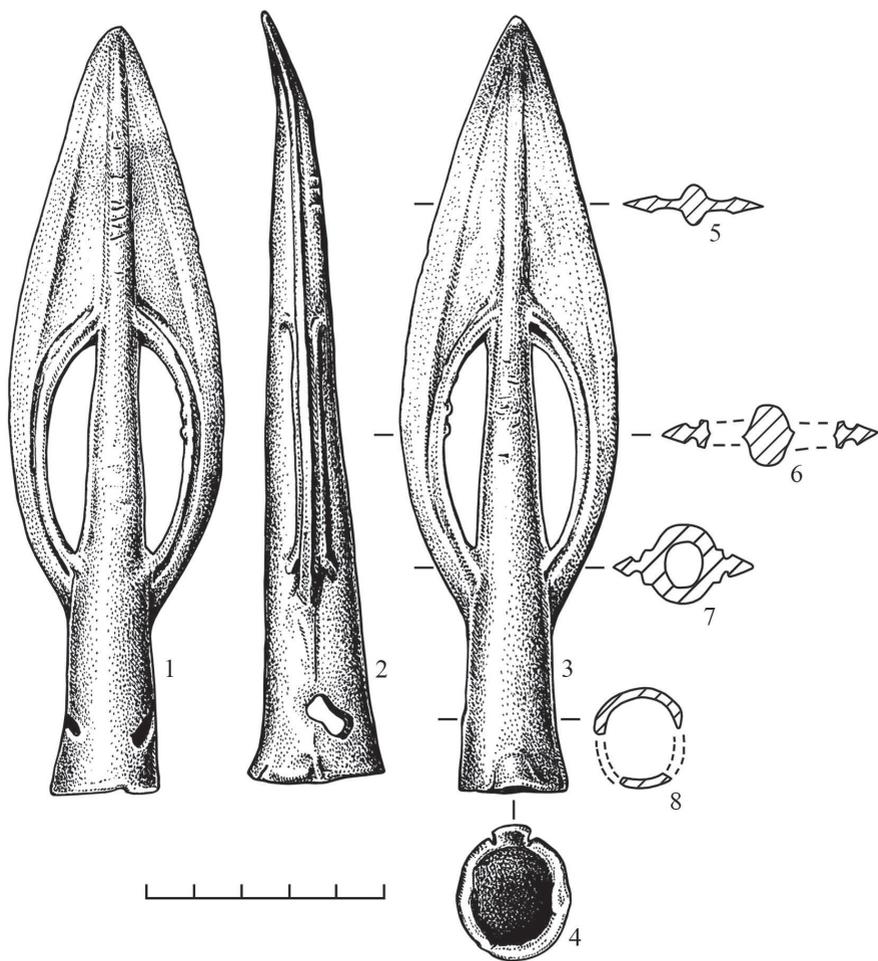

Рис. 2. Копье с «прорезным» пером (рисунки выполнены И.А. Чудилиным)
 Fig. 2. Spear with a 'slotted' feather (drawings by I.А. Chudilin)

щина пера без нервюры в центре составляет 0,4 см, а с ней — 1,3 см. Острие расковано, заovalено и заточено. Оно, вероятно, было согнуто еще в древности (рис. 1.-1, 3; 2.-2). На втулке имеются два отверстия (рис. 1.-1, 3, 4), которые могли образоваться от недолива при необходимом формировании двух отверстий, расположенных на одной линии для закрепления металлического наконечника копья на древке. Важно отметить, что внутренние контуры этих отверстий практически совпадают (рис. 2.-2), а внешние — имеют такие размеры: 1×0,45 см; 1,4×0,45 см. Вероятный диаметр округлых отверстий мог быть около

0,4 см. Основание втулки деформировано (рис. 1; 2.-1, 2). В одном месте выделяется слом с двумя разрывами (рис. 1; 2.-3, 4). Возможно, что по краю втулки били, когда наконечник снимали с окончания сломавшегося древка или при других обстоятельствах. Внешний диаметр втулки имеет размеры 2,6×2,4 см (без учета отгиба при деформации). Толщина основания составляет около 0,3 см. Внутренняя длина поллой части втулки — 7,2 см. Внешний диаметр втулки у основания пера оказался 1,95 см.

Изделие отливало в двусторонней форме. Литейный шов просматривается внутри «прорезей» (рис. 1.-2, 4) и с обеих сторон втулки (рис. 1.-1, 3), несмотря на то что они были обработаны и зашлифованы.

Рентгенофлуоресцентный анализ осуществлялся с применением портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000), который многократно использовался одним из авторов статьи при работе с археологическими материалами, в том числе в составе музейных коллекций. Полученные результаты публикуются впервые. Сначала тестировался участок втулки с нанесенным ингибитором, который должен подавлять и задерживать процессы разрушения музейного экспоната из цветного металла. Выявленные показатели указывают на то, что перед покрытием осуществлялось удаление поверхностных окислов: Cu (медь) — 98,76%; As (мышьяк) — 0,91%; Pb (свинец) — 0,2%; Ni (никель) — 0,09%; Fe (железо) — 0,04%. Затем дважды в разных местах исследовался участок на другой стороне втулки, который механическим путем освобождался от реставрационного покрытия и оставшихся поверхностных окислов. Получены следующие схожие поэлементные ряды:

— Cu — 98,88%; As — 0,83%; Pb — 0,19%; Ni — 0,1%; Fe — 0,05%; Co (кобальт) — 0,03%;

— Cu — 98,63%; As — 1,04%; Pb — 0,13%; Fe — 0,09%; Ni — 0,07%; Co — 0,03%.

Представленные данные указывают на осуществленную реставрацию и использование мышьяковой меди (Cu+As) с другой рудной примесью в виде свинца (Pb) для отливки наконечника копья. Выявленная рецептура сплава в определенной мере подтверждает ранее опубликованную информацию об отнесении артефакта к периоду поздней бронзы. Появление втульчатого копья с «прорезным» пером на территории гор Северного Алтая можно связать с проникновением степного населения (саргаринско-алексеевской культуры) с территории юга Западной Сибири, где встречаются такие изделия и формы для их отливки (Грушин и др., 2009, с. 95–97; Дегтярева и др., 2019; Епимахов, 2020; Чукунова, 2020; и др.). Стоит отметить относительно широкое распространение аналогичных изделий по Северной Евразии (см. обзор: Бочкарев, Тутаява, 2018). Данная ситуация также повторяется в другой статье В.С. Бочкарева и И.Ж. Тутаяевой (2019), в которой так называемые прорезные наконечники копий периода поздней бронзы интерпретируются как «...своего рода военные знаки или штандарты, имеющие статусное значение».

Следующий музейный экспонат, исходя из записей в «Инвентарной книге по археологии» 1944 г. (составитель Г.П. Сергеев), имеет порядковый номер 208 и относится к неопубликованной части коллекции Н.С. Гуляева, хранящейся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина.

Там указано, что наконечник копья «...из золотистой бронзы, двухлопастной с конической втулкой, обломленной с краю. Дл. — 16 см, шир. — 2,2 см». В Книгах поступлений 1953–1954 гг. записей о нем нет. Поскольку это древнее изделие впервые вводится в научный оборот, важно дать его подробное описание, а также представить необходимые иллюстрации (рис. 3 и 4).

Судя по всему, втулка копья была обломана в древности. Длина всего сохранившегося изделия составляет 16,1 см. Ширина пера в центральной части 2,9 см. Поверхность находки из-за реставрационного покрытия имеет темно-зеленый и даже черный цвет. Местами (там, где есть потертости) просматриваются оттенки бронзового сплава (рис. 3.-1, 2). Длина узкого пера листовидной формы оказалась 13,6 см. У его основания с одной стороны хорошо виден плавный уступ, как будто втулку присоединили к перу (рис. 3.-2). Внутри имеется такой же сдвиг, что, вероятно, могло возникнуть в ходе литья по утрачиваемой модели. Слом втулки косой, наклонный, он произошел из-за хрупкости металла и тонкости стенок (0,2–0,3 мм). Возможно, это случилось при сильном наклонном ударе. Внутри втулки с одной стороны есть неровные наплывы, особенно в месте, где отмечено наибольшее утолщение (рис. 3.-3). Внутреннее ее отверстие заходит в перо и далее продолжается в виде мощной нервюры, хорошо укреплявшей боевую часть и доходящей до острия, которое, как и лезвия пера, имеет следы заточки. Ширина нервюры у его основания — 1,6 см, в центре — 0,95 см. У основания пера внешний диаметр втулки составляет 1,8 см, максимально фиксируемый диаметр сохранившейся втулки — 2 см. Фиксируемая длина внутренней полости — до 5,2 см.

Поверхность наконечника копья хорошо обработана. Изделие, по всей видимости, использовалось по назначению: по поверхности есть следы (полосы по длине), лезвия заточены, но имеют зазубрины (в основном мелкие, но есть и покрупнее).

С помощью указанного выше рентгенофлуоресцентного спектрометра получены результаты о химическом составе сплава, из которого была отлита важная часть наступательного оружия. Сначала тестировалась поверхность, имеющая покрытие, под которым остался или уже сформировался слой окислов, что сказалось на выявленном количестве каждого элемента:

Cu — 38,76%; Sn — 58,59%; Pb — 0,91%; Bi (висмут) — 0,73%; Fe — 0,51%; As — 0,33%; Mn (марганец) — 0,17%.

Затем дважды в разных местах на втулке исследовался участок, на котором были удалены поверхностные окислы и патина. Получены схожие показатели, свидетельствующие о медно-оловянном (бронзовом) сплаве с существенным содержанием свинца и висмута:

— Cu — 64,59%; Sn — 34,05%; Pb — 0,96%; Bi — 0,4%;

— Cu — 71,69%; Sn — 27,11%; Pb — 0,8%; Bi — 0,4%.

По всей видимости, излишнее количество олова повлияло на хрупкость стенок втулки, что способствовало частичному разрушению насадной части.

Немногочисленные аналогии представленного двухлопастного втульчатого наконечника копья из Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина имеются в материалах переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, а также среди находок раннескифского

Рис. 3. Бронзовое копье из коллекции Н.С. Гуляева (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)
Fig. 3. Bronze spear from the collection of N.S. Gulyaev (photos by A.A. Tishkin)

периода. Ближайшее изделие хранится в Бийском краеведческом музее. Оно опубликовано (Тишкин, Папин, 1998, с. 180, рис.-3) и отнесено к комплексу вооружения большереченской культуры (Лихачева, 2013, с. 178, рис. 1.-14) наряду с другими находками копий. По выявленному составу металла наконечника копья из коллекции Н.С. Гуляева он ближе к изделиям аржано-май-эмирского круга, у которых фиксируется существенное использование олова в качестве легирующей добавки (Хаврин, 2008).

В заключение стоит указать, что детально опубликованные копья будут способствовать дальнейшему изучению военного дела населения Алтая и юга Западной Сибири в конце II — 1-й трети I тыс. до н.э. Кроме этого, в ходе подготовки статьи выяснились обстоятельства реставрации указанных древних

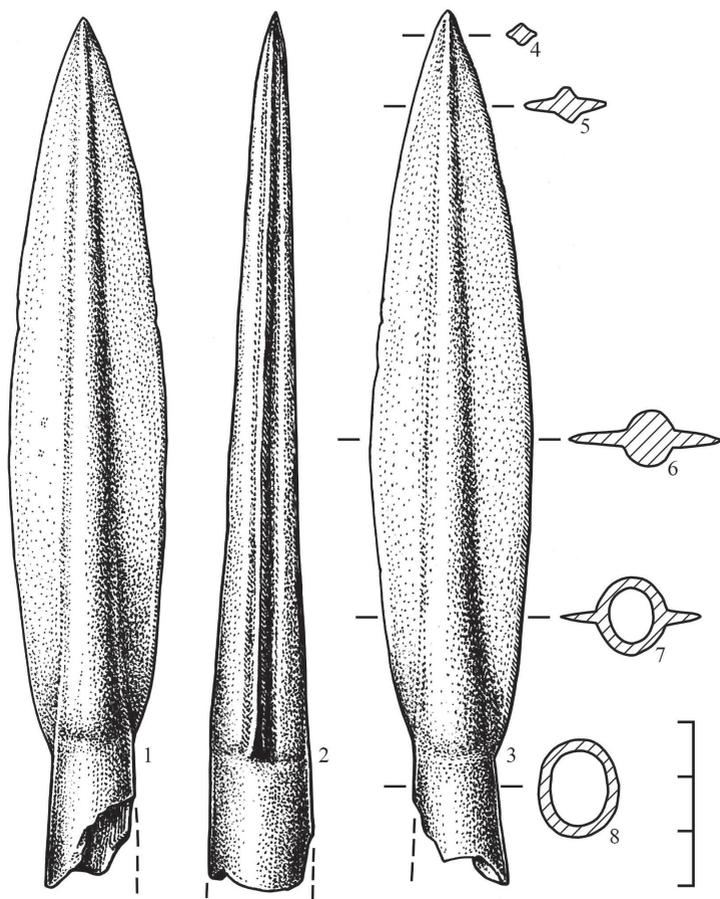

Рис. 4. Бронзовое копье из коллекции Н.С. Гуляева (рисунки выполнены И.А. Чудилиным)
 Fig. 4. Bronze spear from the collection of N.S. Gulyaev (drawings by I.A. Chudilin)

предметов. В музее имеются соответствующие паспорта, где детально отражены этапы выполненной работы и указаны результаты проведенных мероприятий. Поверхность каждого предмета расчищалась «...от рыхлых продуктов коррозии, светло-серых наслоений», восстанавливался целостный облик «...путем мастиковки шпура», а также наносилось консервационное покрытие, которое «...обеспечивает дальнейшее сохранение памятника для его научного исследования и экспонирования». Даны рекомендации по условиям хранения отреставрированных экспонатов. Программу реставрационных работ, согласованную с фондово-закупочной комиссией, выполнил в 2020 г. А.У. Урбушев (ныне с.н.с. отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан).

Список источников

- Абдуганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.
- Бочкарев В.С., Тутаява И.Ж. Об одной группе металлических наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 14. Саратов, 2018. С. 40–77.
- Бочкарев В.С., Тутаява И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. №2. С. 167–224.
- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971. 110 с.: табл. (САИ. Вып. В3-12).
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.+ цв. вкл.
- Дегтярева А.Д., Виноградов Н.Б., Кузьминых С.В., Рассомахин М.А. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Притобоя // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. №4. С. 28–44. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-3
- Епимахов А.В. Прорезной наконечник копья из Южного Зауралья // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. (30 Мб). Челябинск, 2020. С. 28–31.
- Лихачева О.С. Комплекс вооружения большереченской культуры // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4-1. С. 175–180.
- Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.
- Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 179–182.
- Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008. С. 173–178.
- Чикунова И.Ю. Случайная находка литевой формы эпохи поздней бронзы на р. Пышме // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №2. С. 29–37. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-49-2-3

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Сергей Михайлович Киреев, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, старший научный сотрудник; 659000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Г.И. Чорос-Гуркина, 46; <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>, kireevsm2013@yandex.ru

Sergey Mikhailovich Kireev, National Museum of Altai Republic A.V. Anokhin, research associate; 649000, Gorno-Altai, Altai Republic, Russia, Choros-Gurkin street, 46; <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>, kireevsm2013@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ИЗ УГЛОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

**Алексей Алексеевич Тишкин¹, Евгений Васильевич Симонов²,
Ольга Григорьевна Филиппова³**

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Угловский многофункциональный культурный центр, Угловское, Россия*

³*Барнаульская классическая школа, АНО «Многоликий Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. Алтайский край обладает значительным числом археологических памятников. При этом отсутствует какая-либо программа проведения плановых обследований неохваченных территорий, что создает условия для разрушений и даже уничтожения потенциальных объектов историко-культурного наследия. Сотрудники ранее существовавших городских, районных и даже школьных музеев в определенной мере способствовали выявлению древних и средневековых комплексов. Но в последние десятилетия такая деятельность, по сути, прекратилась. Пополнение фондов муниципальных музеев Алтайского края, которые стали частью многофункциональных культурных центров, археологическими предметами осуществляется редко и за счет случайных находок. В данной статье публикуются древние предметы из цветного металла, обнаруженные на территории Угловского района и исследованные с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра.

Ключевые слова: Угловский район, оз. Большое (Бальшиха), музей, случайные находки, поздняя бронза, рентгенофлуоресцентный анализ

Для цитирования: Тишкин А.А., Симонов Е.В., Филиппова О.Г. Случайные находки из Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 289–296. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.43

RANDOM FINDS FROM THE UGLOVSKY DISTRICT OF ALTAI KRAI

Alexey A. Tishkin¹, Evgeny V. Simonov², Olga G. Filippova³

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Uglovskiy Multifunctional Cultural Centre, Uglovskoye, Russia*

³*Barnaul Classical School, Autonomous Non-Profit Organization
'Many Faces of Altai', Barnaul, Russia*

Abstract. Altai Krai possesses a significant number of archaeological sites. However, there is no programme of planned surveys of uncovered territories, which creates conditions for the destruction and even annihilation of potential objects of historical and cultural heritage. The staff of the earlier city, district and even school museums contributed to some extent to the identification of ancient and medieval complexes. However, in recent decades such activities have essentially ceased. The replenishment of the funds of municipal museums of the Altai Krai, which have become part of multifunctional cultural centres, with archaeological objects is carried out rarely and at the expense of accidental finds. This article publishes ancient items of non-ferrous metal found on the territory of Uglovsky district and examined with the help of X-ray fluorescence spectrometer.

Key words: Uglovsky district, Bolshoye (Balyshikha) Lake, museum, random finds, Late Bronze Age, X-ray fluorescence analysis

For citation: Tishkin A.A., Simonov E.V., Filippova O.G. Random Finds from the Uglovsky District of Altai Krai. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* = *Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:289–296. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.43

Территория Угловского района Алтайского края является частью Кулундинской степи и находится на границе с Казахстаном. В истории археологического изучения ее можно выделить несколько коротких этапов. Начальные страницы кратко отражены в обобщающей сводке памятников, известных к началу 1990-х гг. (Кирюшин, Казаков, 1996). Кроме барнаульских специалистов из Алтайского государственного университета, свой вклад в открытие и исследование древних объектов внес известный рубцовский краевед Г.А. Клюкин (Кирюшин, Клюкин, 1985; Клюкин, 1991; и др.). Одной из наиболее ярких находок, переданных в середине 1980-х гг. в Угловский музей, является каменный сосуд с изображением сцены охоты (Кирюшин, Симонов, 1997). Особенностью данного экспоната является наличие свинцовой заплатки на месте скола, образовавшего отверстие. Одним из авторов статьи с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000) исследовался этот использованный в древности металл. Сначала тестировалась патинированная поверхность в центре заплатки. Были получены следующие показатели химического состава: Pb (свинец) — 97,33%; Fe (железо) — 2,45%; Ni (никель) — 0,12%; Cu (медь) — 0,1%. Затем дважды в двух разных местах исследовался участок, где ранее срезом был взят образец на спектральный анализ. Прибором выявлены такие схожие результаты: 1) Pb — 99,16%; Fe — 0,76%; Cu — 0,08%; 2) Pb — 99,17%; Fe — 0,72%; Cu — 0,11%. Эти данные подтверждают использование свинца при попытке починить каменный сосуд, который, по всей видимости, имел ритуальное значение. В период ранней бронзы свинец, как доступный и легкоплавкий металл, довольно широко использовался на территории Средней Азии, а также обнаружен в памятниках елунинской археологической культуры (Кирюшин, Тишкин, 2000).

Следующий короткий этап в археологическом изучении Угловского района связан с работами, проведенными в 1997 и 1998 гг. молодыми исследователями из Алтайского госуниверситета С.П. Грушиным и П.К. Дашковским совместно с сотрудником Угловского музея Е.В. Симоновым. Полученные многочисленные результаты оперативно вводились в научный оборот (Грушин, 1998, 1999; Грушин, Дашковский, 1998; Дашковский, Грушин, Симонов, 1998; и др.). Они продемонстрировали перспективность обнаружения разновременных археологических объектов. Однако в последующие годы систематические обследования перестали проводиться. Фонды музея пополнялись в основном за счет случайных находок (Грушин, Кунгуров, Шейда, 2016; Грушин, Симонов, Сайберт, 2016; и др.). Такая ситуация свидетельствует о необходимости проведения регулярного мониторинга всех выявленных памятников, особенно тех, которые находятся в аварийном состоянии. Кроме этого, Алтайскому краю нужна программа ежегодных плановых обследований еще не охваченных территорий для учета объектов историко-культурного наследия.

В данной публикации также представлены новые случайные находки. Древние артефакты обнаружил житель с. Озерно-Кузнецово Угловского района Андрей Иванович Левшенков. Он нашел их весной 2023 г. во время рыбалки прямо на дороге у юго-восточного берега оз. Большого (Балышиха), неподалеку от пристани (рис. 1). В конце лета находки были доставлены в местный краеведческий музей и будут оформлены на временное хранение после их атрибуции и запланированного изучения.

Первая находка из Угловского района представляет собой две части от одного кинжала (рис. 2; 3.-1). Изделие оказалось сильно подвержено коррозии. Вся поверхность вспучена окислами и, возможно, определенным воздействием пожара. С одной стороны кинжал еще дополнительно покрыт въевшимся грунтом. Края клинка неровные, острие заовалено. Черен сохранился не очень хорошо. Он с двух сторон отделен от клинка просматривающимся дуговидным валиком. По клинку кинжала (от валика к острию) видна нервюра, которая укрепляла поражающую часть колюще-режущего назначения. Общая длина соединенных частей достигает 19,8 см, ширина клинка — до 4,45 см, толщина — 0,4 см. Черен имеет длину 3,7 см, ширину у основания — 1,8 см, в центре — 1,1 см, на краю — 0,9 см. Толщина его в центре составляет 0,52 см. Место перехода клинка в черен с двух сторон укреплено дуговидным выступом, который также выполнял роль безопасного упора. Он начинается от ширины клинка 3,8 см и далее увеличивается, достигая толщины 1,2 см (с учетом валиков, выступающих с двух сторон, и следов коррозии). Нижний фрагмент клинка (длинной до 7 см) наискось обломан. Но он стыкуется с крупной частью, позволяя

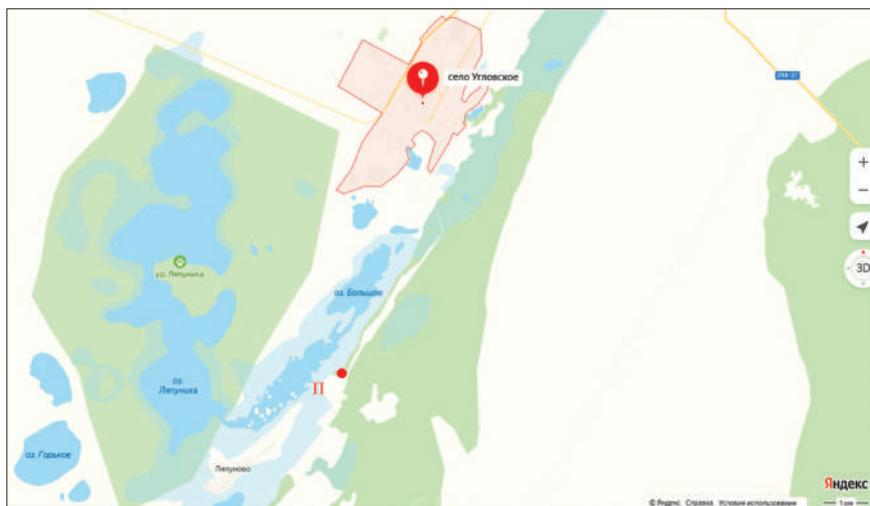

Рис. 1. Угловский район Алтайского края. Место обнаружения древних артефактов на берегу озера, у пристани (карта-схема)

Fig. 1. The Uglovsky District of Altai Krai. The place of ancient artefacts discovery on the lake shore, near the wharf (map-scheme)

восстановить полный вид. Ширина обломка — до 3 см, толщина — до 0,3 см. Форма сечения клинка хорошо видна по слому. Она ближе к вытянуто-линзовидной, в отличие от вытянуто-ромбической в центре изделия (рис. 2).

Для определения состав сплава, из которого был изготовлен кинжал, использовался вышеуказанный рентгенофлуоресцентный спектрометр.

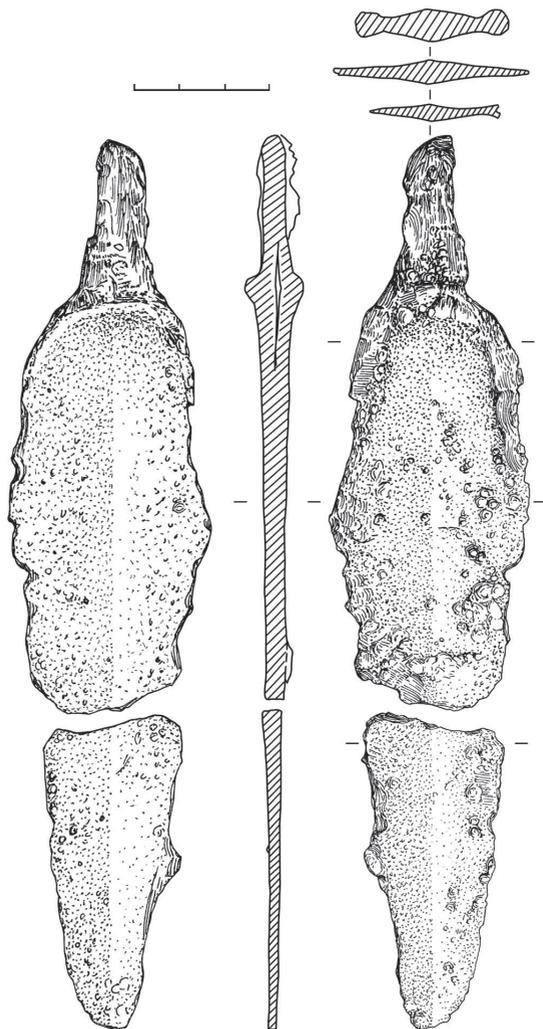

Рис. 2. Бронзовый кинжал из двух фрагментов с разрезами
(рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Fig. 2. Bronze dagger from two fragments with cuts (drawings by A. L. Kungurov)

Сначала тестировалась поверхность клинка, покрытого окислами. Выявлены следующие химические элементы: Cu (медь) — 69,09%; Sn (олово) — 26,53%; Fe (железо) — 4,11%; Mn (марганец) — 0,15%; Pb (свинец) — 0,12%. Затем дважды в разных местах исследовался участок у слома клинка, механически освобожденный от коррозии. Получены такие показатели: 1) Cu — 84,01%;

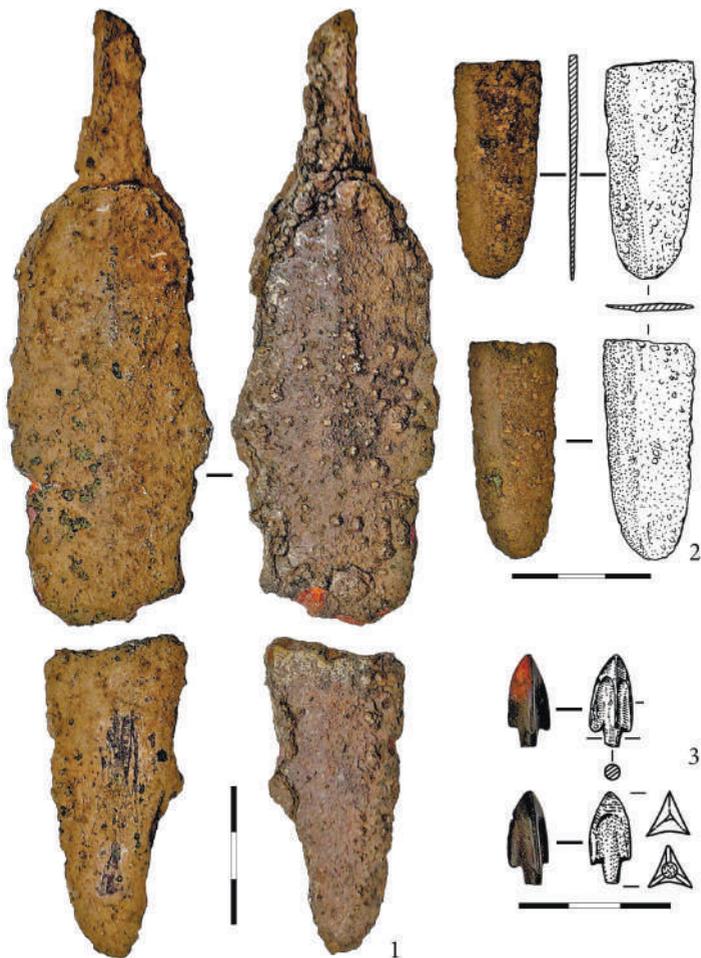

Рис. 3. Случайные находки из Угловского района: 1 — сломанный кинжал; 2 — обломок изделия (бритвы?); 3 — миниатюрный наконечник стрелы (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым; фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Fig. 3. Random finds from the Uglovsky district: 1 — broken dagger; 2 — fragment of an article (razor?); 3 — miniature arrowhead (drawings made by A.L. Kungurov; photographs made by A.A. Tishkin)

Sn — 15,92%; Pb — 0,07%; 2) Cu — 83,41%; Sn — 16,5%; Pb — 0,09%. Они свидетельствуют о медно-оловянном (бронзовом) сплаве.

Для дополнительного подтверждения соединяющихся частей клинка прибором также изучался малый фрагмент. Сначала тестировалась его поверхность также же цвета, где имелись свежие царапины (рис. 3.-1) на покрытии окислами. Зафиксирован схожий поэлементный ряд: Cu — 73,90%; Sn — 21,25%; Fe — 4,52%; Mn — 0,23%; Pb — 0,11. Затем также дважды у сломе на другой стороне исследовался зачищенный участок. Выявлен такой набор химических элементов: 1) Cu — 82,31%; Sn — 17,52%; Pb — 0,16%; 2) Cu — 82,69%; Sn — 17,21%; Pb — 0,1%. Эти данные обнаруживают практическое сходство с предыдущими результатами.

Еще одна находка (рис. 3.-2) — обломок изделия. Возможно, он от бритвы, так как все рабочие края очень тонкие и острые, окончание овальное и достаточно ровное. Не стоит исключать другое назначение первоначального инструмента. Размеры предмета, обнаруженного вместе с кинжалом, такие: длина — 4,75 см, ширина — до 1,92 см, толщина на сломе — 0,2 см. Форма сечения — сильно вытянуто-линзовидная. Цвет поверхности находки — светло-зеленый с въевшимся грунтом. Судя по просматриваемым следам, отлитое изделие дополнительно проковывалось и затем шлифовалось. Стоит отметить, что все-таки одна сторона лезвия больше выделена заточкой. Находка исследовалась рентгенофлуоресцентным спектрометром по отработанной схеме. Сначала тестировалась окисленная поверхность. Получен следующий набор показателей: Cu — 80,18%; Sn — 9,86%; Fe — 8,35%; Pb — 1,22%; Ti (титан) — 0,34%; Mn — 0,05%. Затем дважды в разных местах исследовался участок, механически очищенный от загрязнения и результатов коррозии: 1) Cu — 94,42%; Sn — 4%; Fe — 1,31%; Pb — 0,27%; 3) Cu — 94,16%; Sn — 4,07%; Fe — 1,4%; Pb — 0,37%. Эти результаты указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав, в котором выявлено существенное присутствие железа. Данное обстоятельство объясняется тем, что окислы проникли в весь тонкий слой металла. Наличие свинца отражает вероятное присутствие в меди рудной примеси.

Аналогии рассмотренным находкам можно найти среди археологических материалов периода поздней бронзы, в том числе происходящих с территории Алтайского края. Так, «... черешковые кинжалы с клинками пламевидной формы и так называемым уступом с выкружками при переходе черешка в клинок», отнесенные к типу 4, обнаружены на поселении XII–VIII вв. до н.э. Рублево-VI (на границе Угловского и Михайловского районов), а также в с. Островное (Мамонтовский район) и на памятниках Центрального Казахстана, датируемых XIII–IX вв. до н.э. (Грушин и др., 2009, с. 101, рис. 16). В этой же указанной обобщающей монографии упоминается находка бритвы, а также публикуется серия ножей поздней бронзы (Грушин и др., 2009, с. 119, рис. 2, 3), с окончаниями которых можно было бы связать обломок с берега оз. Бальшиха.

Представленные музейные предметы могут маркировать археологический памятник, за которым есть смысл предварительно закрепить наименование Бальшиха-I. Возможно, что поблизости находится поселение или стоянка периода поздней бронзы. Данное обстоятельство может прояснить плановое обследование с привлечением специалистов.

Следующая случайная находка представляет собой миниатюрный наконечник стрелы (рис. 3.-3). Он происходит с территории ранее обозначенного поселения Озерно-Кузнецово-III, которое находится в 0,5 км к юго-западу от одноименного села в Угловском районе Алтайского края (Грушин, Кунгуров, Шейда, 2016). Изделие с обломанным черешком было обнаружено летом 2015 г. учителем истории средней образовательной школы с. Озерно-Кузнецово Н.А. Шалда на песчаном выдуве. Наконечник стрелы — трехлопастной, с выделенной и хорошо заостренной трехгранной поражающей частью длиной 0,5 см. Лезвия у перьев тоже заточены, что свидетельствует о систематическом использовании изделия, пока не отломился черешок, что, по всей вероятности, и стало причиной утраты. Такие изделия могли использоваться для охоты на водоплавающую дичь, которая обитала на многочисленных озерах у боровой кромки. Длина наконечника — до 1,67 см, ширина его — 0,82 см. Оставшаяся часть черешка имеет такие размеры: длина — 0,22 см, диаметр — около 0,3 см. Рентгенофлюоресцентным спектрометром установлено, что наконечник стрелы был изготовлен из меди (Cu — 100%). Такие изделия могли применяться в раннем железном веке, когда на рассматриваемой территории господствовали племена каменной культуры.

В заключение стоит указать, что новые находки, поступившие в музей, дополняют историю материальной культуры древнего населения юго-западной части Кулундинской равнины.

Список источников

Грушин С.П. Эколого-географическая среда и месторасположения поселений в Угловском районе Алтайского края // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 41–44.

Грушин С.П. Результаты исследования памятников археологии в Угловском районе Алтайского края в 1997–1998 г. // Древности Алтая. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 17–26.

Грушин С.П., Дашковский П.К. Новые материалы к археологической карте Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 133–137.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Шейда Н.А. Новый памятник Озерно-Кузнецово-III в Угловском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. Вып. XXII. С. 68–71.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с. + цв. вкл.

Грушин С.П., Симонов Е.В., Сайберт В.О. Новые случайные находки наконечников стрел из Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. Вып. XXII. С. 78–81.

Дашковский П.К., Грушин С.П., Симонов Е.В. Новые могильники Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 137–141.

Киришин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Киришин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии Угловского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 215–224.

Киришин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучения культурного наследия Алтая. Барнаул, 1997. С. 167–171.

Кирушин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000. С. 8–12.

Клюкин Г.А. К археологической карте Угловского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 23–26.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Евгений Васильевич Симонов, Угловский многофункциональный культурный центр, директор; 658270, Россия, Алтайский край, Угловский район, село Угловское, ул. Ленина, 34; evg.simonov-6119@mail.ru

Evgeny V. Simonov, Uglovsky Multifunctional Cultural Centre, Director; 658270, Russia, Altai Territory, Uglovsky District, Uglovskoye village, Lenina str. 34; evg.simonov-6119@mail.ru

Ольга Григорьевна Филиппова, Барнаульская классическая школа, заместитель директора; 656045, Россия, г. Барнаул, Змеиногорский тракт, 45а; кандидат исторических наук; АНО «Многоликий Алтай», директор; <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Olga G. Filippova, Barnaul Classical School, Deputy Director; 656045, Russia, Barnaul, Zmeinogorskiy trakt, 45a; PhD in History; Autonomous Non-Profit Organization 'Many Faces of Altai', Director; <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.222(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.44

EDN: TFXMEY

НАХОДКА НАКОНЕЧНИКА СТРЕЛЫ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСТОКЕ КУЛУНДЫ

Ярослав Владимирович Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В 2020 г. в степной зоне Алтайского края найден бронзовый наконечник стрелы кулайского типа. Данный тип наконечника является наиболее распространенным. Выделяет этот предмет из большой серии подобных изделий орнамент, нанесенный на лопасти. Наконечник стрелы датируется достаточно широко: в пределах II в. до н.э. — III в. н.э. Наиболее вероятная дата — первые века I тысячелетия н.э. Это самая юго-западная находка предметов кулайской культуры в лесостепном Алтае. Обнаружение кулайского наконечника в окрестностях с. Клепечиха, на границе Восточной Кулунды, является еще одним подтверждением того, что население, оста-

вившее памятники кулайской культуры, достаточно далеко проникало на юго-запад от долины р. Оби и продвигалось не только вдоль ленточных боров, но выходило на близлежащие степные участки.

Ключевые слова: кулайская культура, наконечник стрелы, лесостепной Алтай, ранний железный век, Кулунда

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (FZMW-2023-0009) государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирований: Фролов Я.В. Находка наконечника стрелы кулайской культуры на востоке Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 296–302. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.44

FINDING OF AN ARROWHEAD OF THE KULAI CULTURE IN THE EAST OF KULUNDA

Yaroslav V. Frolov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. In 2020, a bronze arrowhead of the Kulai type was found in the steppe zone of the Altai Territory. This type of arrowhead is the most common. The ornament on the tip distinguishes it from similar objects. The arrowhead dates back to the 2nd century BC — 3rd century AD. The most likely date of the item's existence is the first centuries of the 1st millennium AD. This arrowhead is the most southwestern find of Kulai culture items in the forest-steppe Altai. The item was discovered in the vicinity of the village of Klepechikha on the eastern border of Kulunda. This find confirms that the population of the Kulai culture penetrated quite far to the southwest from the Ob River valley and moved not only along forest areas, but also went out into the steppe areas.

Keywords: Kulai culture, arrowhead, forest-steppe Altai, early Iron Age, Kulunda

Acknowledgments: this work was financially supported by the project “Interdisciplinary Study of Ancient and Medieval Societies of Altai” (FZMW-2023-0009) of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Frolov Ya.V. Finding of an Arrowhead of the Kulai Culture in the East of Kulunda. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:296–302. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.44

Случайные находки предметов редко дают новую информацию для изучения изменения этнокультурной картины в древности, но некоторые предметы помогают расширить данные об ареале той или иной культуры. В этом отношении интересен бронзовый кулайский наконечник стрелы, обнаруженный в окрестностях с. Клепечиха в Поспелихинском районе Алтайского края. Он найден в 2020 г., в 3,5 км к запад–юго-западу от села на месте исчезнувшей русской деревни (вероятнее всего, бывшей окраины с. Клепечиха). Изделие обнаружено на юго-западном склоне балки у истока р. Клепечиха. Ее южный борт покрыт осиновым и березовым лесом. Балка располагается посередине водораздела между Барнаульской долиной древнего стока, покрытой ленточным бором, и долиной р. Алей. В «Алейской степи» — в переходной зоне между южной лесостепью и степью (рис. 1).

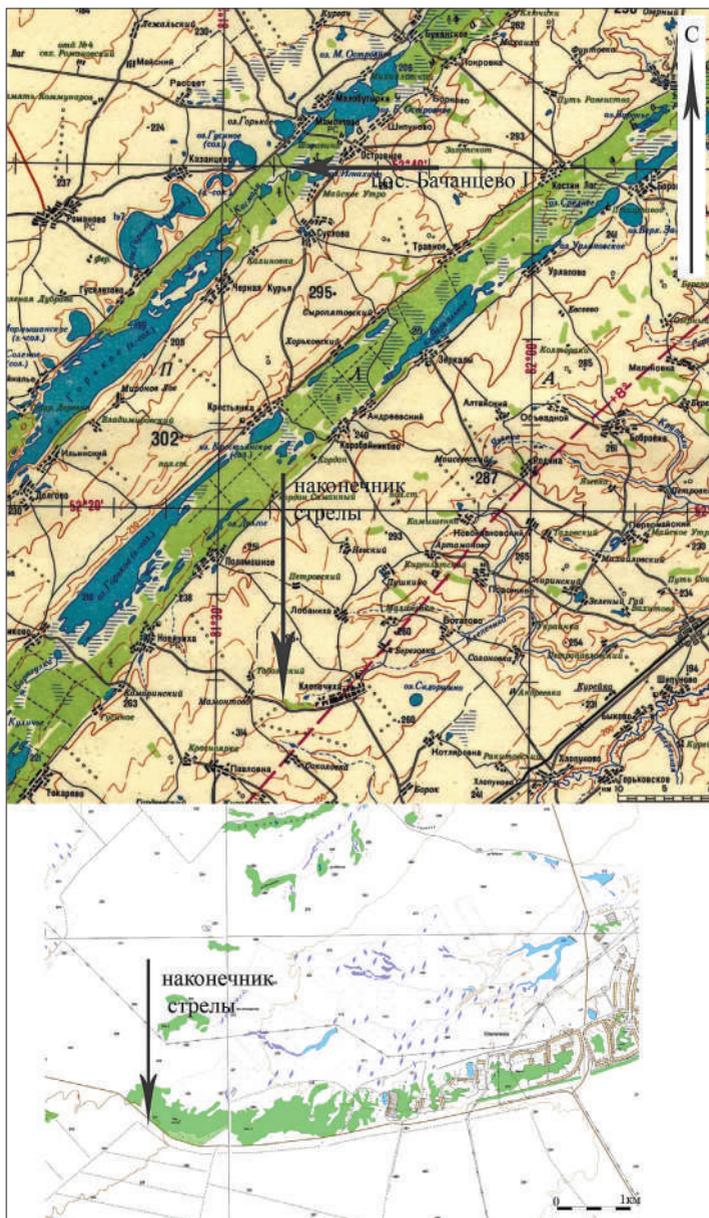

Рис. 1. Фрагменты карт с обозначением места обнаружения наконечника стрелы
 Fig. 1. Fragments of maps indicating the location of the arrowhead discovery

Бронзовый наконечник стрелы имеет «классическую» кулайскую форму. Это трехлопастное втульчатое изделие с массивной удлиненной головкой характерных ярусных (ракетовидных) очертаний. Втулка короткая, скрытая. Края лопастей идут параллельно вдоль втулки и затем в месте ее окончания резко сужаются к острию. Концы лопастей у основания образуют длинные шипы, спускающиеся ниже края втулки. Сечение шипов ромбическое. Выше втулки по основанию лопастей имеется орнамент — рифление в виде рядов небольших бугорков. Размеры изделия: длина 9,7 см; максимальная ширина 1,6 см; длина втулки 2–2,2 см; ее ширина — 0,6 см; длина шипов — 2–2,1 см. Наконечник хорошо сохранился. Он покрыт благородной патиной зеленовато-коричневого цвета. На одной из сторон втулки имеется продолговатое отверстие — следы литейного брака. Головка наконечника слегка изогнута. Повреждение получено, вероятно, в результате удара стрелы по твердому объекту. У наконечника согнуты и соединены концами шипы ниже втулки. Предмет был найден уже с согнутыми шипами. Данное повреждение сделано явно намеренно, так как шипы согнуты симметрично. Это произошло, возможно, в результате процесса археологизации (рис. 2).

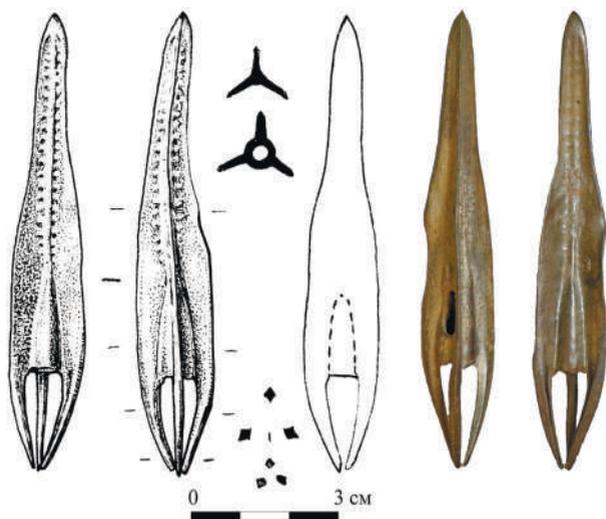

Рис. 2. Бронзовый наконечник стрелы из окрестностей с. Клепечиха
 Fig. 2. Bronze arrowhead from the vicinity of the village of Klepechikha

В целом кулайские наконечники датируются в очень широких пределах: V в. до н.э. — III в. н.э. (Горбунов, 2017, с. 100; Ширин, 2004, с. 56). Датировка в диапазоне 800 лет нуждается в серьезной корректировке, так как достаточно специфическая форма кулайских наконечников без серьезных изменений вряд ли могла существовать такой длительный период. К сожалению, большая часть наконечников данного типа найдена в культовых комплексах и на

поселениях, чаще всего наконечники входили в состав набора металлических изделий из культовых мест или кладов: Новобинцевского, Мурлинского, на горе Кулайка, в Степановском культовом месте, Березовый Остров и др. (Бородаев, 1987, с. 106–108; рис. 4.-1–14, Чиндина, 1984, рис. 12; Ширин, 2014, с. 101, 103, 109, ил. 1; Бородовский, 2015, с. 91).

Наиболее ранние находки кулайских наконечников из закрытых комплексов происходят из нескольких памятников — некрополей Каменный Мыс-1, Быстровка-2 и Новочекино-2 (Троицкая, 1979, с. 11, 19, табл. IX.-1–10; Полосьмак, 1987, с. 71, рис. 60.-7; Бородовский, 2015, с. 91, рис. 4.-1). В могильнике Каменный Мыс они датируются III — концом II в. до н.э., Новочекино-2 — IV в. до н.э. (Полосьмак, 1987, с. 71, 91; Троицкая, 1979, с. 19). А.П. Бородовский, ссылаясь на материалы Каменного Мыса, верхнюю границу бытования кулайского наконечника из Быстровки-2 относит к периоду до III в. до н.э. (Бородовский, 2015, с. 91, рис. 4.-1). Совместное нахождение кулайских наконечников стрел и предметов, датирующихся скифо-сакским временем, зафиксировано на культовом месте Березовый Остров-1 (Бородовский, 2015, с. 91, рис. 4.-1). Достаточно ранним временем: концом IV — III в. до н.э. — датировал Новобинцевское культовое место В.Б. Бородаев (1987, с. 111). Ю.В. Ширин отнес памятник к более позднему периоду (Ширин, 2004, с. 56–57).

Другая группа закрытых комплексов дает, наоборот, достаточно поздние даты. Авторами раскопок датируются I–III вв. н.э. погребения с кулайскими наконечниками из могильников Барсовский-III, Агрнъеган-1 и Нивагальское-34 (Борзунов, Зыков, 2003, с. 105–106, рис. 6.-2–3; Борзунов, 2023, с. 38, рис. 2.-3–9, 5.-4; Карачаров, 2017, с. 95, 98, 102; рис. 6.-1–3; 7.-1–4).

Для выделения разновидностей кулайских наконечников стрел с целью выявления изменений их формы во времени исследователи разработали несколько вариантов типологии и классификации (Троицкая, 1979, с. 11; Чиндина, 1984). Т.Н. Троицкая предложила разделить наконечники по размерам боевой головки и шипов (Троицкая, 1979, с. 11). Л.А. Чиндина за основу выделения типов взяла форму втулки, боевой головки и шипов у наконечников (Чиндина, 1984, с. 32). К первой группе в ее типологии принадлежат наконечники с выступающей втулкой и короткой боевой головкой (1а). Она сравнивает их с наконечниками культур скифо-сакского круга (Чиндина, 1984, с. 35). К варианту 1б отнесены наконечники с выступающей втулкой и ярусно сужающимися к острию лопастями (Чиндина, 1984, с. 34). К группе 2в отнесена основная масса наконечников кулайской культуры со скрытой втулкой (Чиндина, 1984, с. 34). Наконечники групп Б и В Л.А. Чиндина датирует IV–II вв. до н.э. Зауженные пропорции наконечников варианта 2в, по ее мнению, относятся к концу васюганского этапа (III–II вв. до н.э.) Как считает Л.А. Чиндина, более поздние кулайские наконечники со скрытой втулкой имеют отличительную особенность в виде длинных граненых шипов. Они, по ее мнению, уже относятся к саровскому времени (II в. до н.э. — рубеж эр) (Чиндина, 1984, с. 35–36; рис. 12.-15–17; Троицкая, 1979, с. 71–73, рис. 9.-б). К типу кулайских наконечников с гранеными шипами причисляются и предметы из Мурлинского клада, который, по мнению Ю.В. Ширина, датируется

II–III вв. н.э. (Ширин, 2014, с. 101, 103, 109, ил. 1). Граненые шипы имеют и наконечники из позднекулайского (I–IV вв. н.э.) могильника Нивагальское-34 (Карачаров, 2017, с. 95, 98; рис. 6.-1–3; 7.-1–4).

Наконечник стрелы из окрестностей с. Клепечиха по своей форме наиболее близок к поздней группе наконечников, датирующейся I–III вв. н.э. Сближает его с изделиями из Мурлинского клада и могильника Нивагальское-34 орнамент в виде рифления по основанию лопастей, фиксирующийся на отдельных наконечниках из двух последних комплексов (Карачаров, 2017, с. 95, рис. 6.-1; Ширин, 2014, ил. 1.-4, 8, 9). Следует подчеркнуть, что рифление по втулке и основанию лопастей не является хронологическим признаком, так как похожим образом декорирована втулка одного из наконечников Новообинцевского культового места (Бородаев, 1987, с. 108; рис. 5.-4).

Наконечник, обнаруженный в с. Клепиково, является самой юго-западной находкой предметов кулайской культуры на территории юга Обь-Иртышского междуречья. Ближайший раскопанный памятник, на котором присутствуют кулайские материалы, — поселение Бочанцево-1, оно расположено в 60 км севернее места обнаружения наконечника стрелы (Иванов, 2000, с. 64–66). По кромкам Касмалинского и Барнаульского ленточных боров вблизи от поселения Бачанцево-1, в сборах на развеванных поселениях, встречаются единичные фрагменты керамики, которые Г.И. Иванов и А.А. Казаков связывают с кулайской культурой (Иванов, 1991, с. 121; Демин, Казаков, 2024, с. 32, рис. 2). Поселение Бочанцево-1 находится в центре лесного массива — Касмалинского ленточного бора, вклинивающегося узкой полосой в степную зону, а место обнаружения наконечника из окрестностей с. Клепечиха — это уже зона колковой степи, переходящей в открытые степные пространства. Находка кулайского наконечника из с. Клепечиха — еще одно подтверждение того, что группы, имевшие контакты с кулайцами, достаточно далеко проникли на юг и юго-запад от долины р. Оби и продвигались не только вдоль ленточных боров, но и выходили в близлежащие степные участки.

Список источников

Борзунов В.А. Элитные погребения начала эпохи железа Сургутского и Нижнего Приобья // *Российская археология*. 2023. №2. С. 34–51.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург, 2003. С. 103–112.

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // *Антропоморфные изображения. Первобытное искусство*. Новосибирск, 1987. С. 96–114.

Бородовский А.П. Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) // *Археология, антропология и этнография Евразии*. 2015 Т. 43, №2. С. 87–96.

Горбунов В.В. Особенности военного дела племен кулайской культуры на юге Западной Сибири (I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 99–105.

Демин М.А., Казаков А.А. Материалы алтайского варианта кулайской культуры с поселений Урлапово-1а и Урлапово-2 // *Полевые исследования в Верхнем Приобье*,

Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2024 г. Вып. 19. Барнаул, 2024. С. 29–34.

Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-1 — памятник кулайской культуры в Степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 117–122.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.: ил.

Карачаров К.Г. Погребение 1 могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Вып. VI. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. С. 88–102.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.: ил.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.: ил.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 255 с.: ил.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. №2. С. 51–60.

Ширин Ю.В. Мурлинский «клад» — состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 95–110.

Информация об авторе / Information about the Author

Ярослав Владимирович Фролов, Алтайский государственный университет, Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, директор музея; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>, frolov_jar@mail.ru

Yaroslav V. Frolov, Altai State University, Museum of Archaeology and Ethnography of Altai of Altai State University, Director of the Museum; 656049, Barnaul, Russia, Dimitrova St. 66, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>, frolov_jar@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.15)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.45

EDN: QEDRXN

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ НА АЛТАЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Юй Лян

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Памятники булан-кобинской археологической культуры в настоящее время датируются со II в. до н.э. до 1-й половины V в. н.э. Начало накопления материалов указанного периода связана с деятельностью В.В. Радлова, который в 1865 г. организовал экспедицию на Алтай, где были раскопаны курганы на крупных комплексах Катанда и Берель. В данной статье будут представлены результаты его работ и полученные находки, которые уже рассматривались в разное время такими исследователями,

как А.А. Захаров, С.С. Сорокин, А.А. Гаврилова и др. Однако они приобретают новое значение в рамках наполнения содержания указанной культуры и для истории ее изучения. Для обозначенной темы актуализированы труды В.В. Радлова, которые важны при дальнейшем соотношении с современными исследованиями и разработками.

Ключевые слова: Алтай, В.В. Радлов, Катанда-I, Берель, курганы, раскопки, булан-кобинская культура, история изучения

Для цитирования: Юй Лян. Начало изучения на Алтае археологических памятников булан-кобинской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 302–306. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.45

BEGINNING OF THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE BULAN-KOBY CULTURE IN ALTAI

Yu Liang

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The sites of the Bulan-Koby archaeological culture are currently dated from the 2nd century BC to the first half of the 5th century AD. The beginning of accumulation of materials of the mentioned period is connected with the activity of V.V. Radlov. Radlov, who in 1865 organised an expedition to Altai, where kurgans were excavated at the large complexes of Katanda and Berel. This article presents the results of his work and the findings obtained, which have already been considered at different times by such researchers as A.A. Zakharov, S.S. Sorokin, A.A. Gavrilova and others. However, they acquire a new meaning within the framework of filling the content of the specified culture and for the history of its study. For the designated topic, the works of V.V. Radlov have been updated, which is important in further correlation with modern research and development.

Keywords: Altai, V.V. Radlov, Katanda-I, Berel, kurgans, excavations, Bulan-Koby culture, history of study

For citation: Yu Liang. Beginning of the Study of Archaeological Sites of the Bulan-Koby Culture in Altai *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:302–306. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.45

Летом 1865 г. В.В. Радлов проводил исследования в юго-западной части Алтая. Под его руководством раскапывались курганы в Уймонской долине и на Бухтарме, недалеко от р. Берель (Радлов, 1989, с. 449–450). Полученные находки были отнесены к древнейшему железному периоду.

Археологический комплекс, за которым закрепилось название Катанда-I, ныне расположен неподалеку от с. Катанда в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Там В.В. Радлов (1989, с. 442–445) 19 и 20 июня 1865 г. раскопал восемь небольших курганов, четыре из которых ранее были ограблены. Полученные материалы частично опубликовал А.А. Захаров (1926). Опираясь на его статью, попробуем отразить наиболее важные моменты, требующие дальнейшего более детального исследования. В женском погребении кургана №5 обнаружены серьги из цветного металла со щитком из двойной 8-видной спирали (одна серьга оказалась сломана пополам). Найдены другие украшения (в том числе головного убора), а также каменное пряслице в виде

плоского кружка с отверстием посередине и оселок, представлявший собой брусок неправильной формы с явными следами использования в центральной части и с повреждением на одном конце. Кроме этих материалов были обнаружены остатки одежды «с нашитыми бронзовыми бляшками», железное тесло, серебряное пластинчатое кольцо и др. По ряду причин А.А. Захарову (1926, с. 78–79) полностью или в достаточной мере не удалось восстановить результаты раскопок и представить полученные находки в необходимом контексте. По всей видимости, стоит еще раз предпринять такую же работу по отношению ко всем раскопанным В.В. Радловым археологическим объектам на памятнике Катанда-I, которые в настоящее время относятся к булан-кобинской культуре (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161). К сожалению, часть находок отсутствует в Государственном историческом музее, куда они были переданы в 1921 г. из бывшего Румянцевского музея. В мужском погребении, которое исследовалось в кургане №6, найдены костяной и железные наконечники стрел, свистунка, нож («прямой с рукояткой»), втульчатый наконечник копья, обломок костяной накладки от лука и некоторые другие предметы (Захаров, 1926, с. 79–80). В кургане №8 под захоронением лошади найдена одежда (завернутые в шубу штаны и чулки). Эти вещи относительно хорошо сохранились. Форму шубы трудно было определить, так как кожа полностью разложилась. В меху шубы оказались отдельные куски от штанов, которые были сделаны из довольно грубой ткани. Сохранился нижний край одной штанины. Он был очень узким. Это дало возможность А.А. Захарову (1926, с. 80) предположить, что эти штаны носились с сапогами. Указанные находки отметил В.В. Радлов (1989, с. 442–445). Обобщенные и неточные сведения о результатах раскопок на памятнике Катанда-I затрудняли культурно-хронологическую атрибуцию указанных погребений, а об отдельных курганах какая-либо информация отсутствовала. В данной ситуации есть смысл продолжить раскопки, в ходе которых имеется шанс обнаружить объекты, раскопки на которых предпринимал В.В. Радлов. В них могут сохраниться находки, которые можно будет сопоставить с уже известными артефактами. Это, конечно, трудная задача, но реализация ее поможет разобраться с фактически разрозненными материалами. Несмотря на изложенные проблемы, перечисленные и уже опубликованные находки можно соотнести с другими, хорошо датированными материалами булан-кобинской культуры (Серегин и др., 2023; Тишкин, Горбунов, 2024).

Крупный археологический комплекс Берель расположен на территории Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области Казахстана, в 7 км к юго-западу от с. Берель, на третьей надпойменной террасе правого берега реки Бухтармы, в 6 км ниже впадения р. Берель (Серегин, Матренин, 2022, с. 84, 122). Там В.В. Радлов раскопал всего семь курганов, два из которых могут быть отнесены к булан-кобинской культуре (Серегин, Матренин, 2022, с. 122). Насыпи их состояли из мелких обломков камня без примеси земли, диаметром 6–10 м, высотой 1,5 м. Посередине кургана находилась прямоугольная могильная яма, которая была заполнена смесью глины и крупных

камней. Западная стена ямы длиннее, чем восточная. На длинной стене находились одна или три лежавшие на боку лошади, обращенные головами на восток. Направление голов людей совпадает с направлением голов лошадей (Радлов, 1989, с. 443–445).

В кургане №2 (втором маленьком кургане к востоку от большого кургана Берель) были обнаружены железные удила. Между рук найдена костяная пряжка от пояса. С правой стороны от человеческого скелета находился железный нож, четыре железных наконечника стрел и семь фрагментов костяных накладок от лука. У костей левой стопы обнаружены следы полностью разрушенных железных инструментов. Из перечисленных предметов удила, нож и три наконечника стрел были утрачены и мало описаны в отчете (Zakharov, 1928, с.137–138).

В кургане №3 (третьем малом кургане к востоку от крупного кургана Берель) была обнаружена богатая уздечка, украшенная «серебряными» деталями, а также костяными треугольными пластинками с отверстиями. Найдена деревянная палка (может быть, рукоятка для кнута), инкрустированная серебром, с украшением в виде бусины на конце (возможно, бусина завезена из Китая), а также костяная пряжка (с тремя обособленными отверстиями для разных концов ремня и оси подвижного язычка). Кроме того, в отчете также было написано, что В.В. Радлов нашел серебряные кольца, два ножа в ножнах, большой железный меч и другие предметы. Однако все эти вещи не сохранились. Были найдены фрагменты доспеха с сильным коррозионным повреждением, серебряные украшения, использовавшиеся для украшения сапог, и другие предметы, которые подверглись значительной коррозии, оставив лишь небольшие фрагменты (Zakharov, 1928, с. 139; Тишкин, Горбунов, 2024, с. 35).

В 1926 и 1928 г. А.А. Захаров в своих статьях представил предметы из курганов Катанды-I и Берели, которые В.В. Радлов раскопал в 1865 г. Для этого использовались «Рапорт доктора философии Радлова в Императорскую Археологическую Комиссию» и список древностей, найденных на Алтае при раскопках летом 1865 г., отраженный в отчете. После того как предметы из Берели и Катанды-I были опубликованы, многие советские ученые обратили внимание на них и стали использовать их в своих научных трудах.

Из-за необходимости составить полное представление о курганах памятника Берель, которые В.В. Радлов раскопал в 1865, С.С. Сорокин в 1959 г. организовал экспедиции, чтобы раскопать их еще раз. Результаты были опубликованы (Сорокин, 1969, с. 233–234).

В 1965 г. А.А. Гаврилова тоже использовала предметы, которые нашел В.В. Радлов, в своей монографии. Во введении она представила основную информацию о Катанде-I и Берели (Гаврилова, 1965, с. 5–6) и указала номера курганов на памятниках (Гаврилова, 1965, с. 54–55). В данной работе самым важным аспектом была ее точка зрения о хронологическом периоде сооружения памятников Алтая. А.А. Гаврилова (1965, с. 54–55) считала, что курганы №5–8 памятника Катанда-I и №1–3 памятника Берель относятся к берельскому типу могил IV–V вв. н.э.

Дальнейшая интерпретация перечисленных материалов из раскопок В.В. Радлова нашла отражение в публикациях многих исследователей (Тишкин, 2007; Серегин, Матренин, 2022). В настоящее время на основе культурно-хронологического анализа они относятся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры и датируются 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; 2024).

Список источников

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965. 146 с.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1865 г.) // Труды Государственного исторического музея. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. 749 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. История изучения археологических памятников Алтая эпохи кочевых империй хунну, сяньби и жужаней. Барнаул, 2022. 154 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в пред-тюрокское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул, 2023. 432 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 7).

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Т. X. Л., 1969. С. 208–236.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.+ вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в жужанское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. №4. С. 25–47.

Zakharov A.A. Materials on the Archaeology of Siberia (Dr. V.V. Radloff's Excavations in Berel Steppe) // Eurasia septentrionalis antiqua. 1928. Vol. III. P. 132–140.

Информация об авторе / Information about the Author

Юй Лян, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр музеологии; <https://orcid.org/0009-0007-0359-7809>, yul388329@mail.ru.

Yu Liang, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61; Master of Museology; <https://orcid.org/0009-0007-0359-7809>, yul388329@mail.ru.

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

РАЗДЕЛ 3

МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Научная статья / Article

УДК: 069:377

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.46

EDN: RFUOXXK

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Назгул Кабылбековна Адышева

*Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова,
Ош, Киргизия*

Резюме. Музеи играют важную роль в образовательной деятельности, выступая центрами знаний, где научные, исторические и культурные ценности становятся доступными широкой аудитории. Они способствуют развитию критического мышления, визуального восприятия информации и формированию исторического сознания. В современных условиях музеи внедряют интерактивные технологии, организуют лекции, мастер-классы, образовательные квесты и виртуальные экскурсии. Особое значение имеет сотрудничество музеев с учебными заведениями, создающее условия для углубленного изучения различных дисциплин. Таким образом, музеи не только сохраняют культурное наследие, но и становятся важными образовательными площадками, развивая познавательный интерес и мотивацию к обучению.

Ключевые слова: музей, образование, интерактивные технологии, культурное наследие, историческое сознание, виртуальные экскурсии, познавательный интерес, учебные заведения

Для цитирования: Адышева Н.К. Роль музеев в образовательной деятельности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 307–312. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.46

THE ROLE OF MUSEUMS IN EDUCATIONAL ACTIVITIES

Nazgul K. Adysheva

Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Osh, Kyrgyzstan

Abstract. Museums play an important role in educational activities, acting as knowledge centers where scientific, historical and cultural values become available to a wide audience. They contribute to the development of critical thinking, visual perception of information and the formation of historical consciousness. In modern conditions, museums introduce interactive technologies, organize lectures, master classes, educational quests and virtual excursions. Of particular importance is the cooperation of museums with educational institutions, creating conditions for in-depth study of various disciplines. Thus, museums not only preserve cultural heritage, but also become important educational platforms, developing cognitive interest and motivation for learning.

Keywords: Museum, education, interactive technologies, cultural heritage, historical consciousness, virtual excursions, cognitive interest, educational institutions

For citations: Adysheva N.K. The Role of Museums in Educational Activities. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025; XXXI:307–312. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.46

Музеи играют важную роль в образовательной деятельности, выступая не только хранилищами историко-культурного наследия, но и современными образовательными платформами. В условиях цифровизации и развития информационных технологий музеи становятся доступными и интерактивными, привлекая различные категории посетителей: от школьников и студентов до взрослых, интересующихся наукой и культурой.

Одной из ключевых функций музеев является формирование и развитие исторического сознания и культурной идентичности. Экспозиции позволяют наглядно изучать прошлое, осмысливать культурные процессы и понимать значение сохранения наследия. Музейные программы способствуют развитию критического мышления и аналитических способностей, сочетая теоретические знания с практическим опытом (Алексеев, 2019).

Современные музеи активно используют инновационные технологии: виртуальная и дополненная реальность делают экскурсии более увлекательными и доступными для широкой аудитории. Онлайн-экспозиции и цифровые архивы позволяют расширить образовательное пространство, предоставляя возможность изучать коллекции из любой точки мира. Это особенно важно в условиях дистанционного обучения и расширения цифрового доступа к культурным ресурсам. Современные музеи активно внедряют цифровые технологии, делая культурные ценности доступными для широкой аудитории. Выставки, посвященные национальным традициям, искусству и ремеслам, помогают формировать у посетителей чувство идентичности и уважения к своему наследию. В условиях глобализации музеи становятся важными площадками для диалога культур, укрепляя международное сотрудничество и национальную самоидентификацию.

Особую роль музеи играют в образовательных проектах, сотрудничая с учебными заведениями. Организация тематических экскурсий, мастер-классов, интерактивных занятий и научно-популярных лекций помогает углубить знания по различным дисциплинам — истории, искусству, естественным наукам. Кроме того, музеи предлагают программы для инклюзивного образования, адаптируя материалы для людей с ограниченными возможностями (Иванова, 2020).

Таким образом, современные музеи не только выполняют функцию сохранения культурного наследия, но и становятся важными образовательными центрами, способствующими расширению кругозора, развитию познавательного интереса и формированию активной гражданской позиции. Интеграция инновационных технологий и сотрудничество с образовательными учреждениями позволяют музеям эффективно выполнять образовательную миссию в условиях современного общества.

Современные музеи выполняют не только функцию хранения и экспонирования культурных ценностей, но и играют важную роль в образовательном процессе. Они становятся интерактивными площадками, способствующими формированию у посетителей, особенно у учащихся, комплексного представления о мире. Музейная педагогика, как особая область методики обучения, развивается с целью повышения эффективности восприятия информации через экспонаты, мультимедийные технологии и тематические экскурсии (Соколова, 2021).

Музеи создают прежде всего уникальные условия для интерактивного обучения. В отличие от традиционного школьного обучения, где знания передаются в основном через книги и лекции, в музеях информация представлена в форме экспозиций, интерактивных установок и мультимедийных презентаций. Это вовлекает учащихся в процесс обучения, делая его более увлекательным и запоминающимся. Например, археологические музеи с воссозданными древними поселениями или исторические музеи с реконструкциями важнейших сражений позволяют учащимся «окунуться» в прошлое, что способствует более глубокому пониманию и запоминанию материала (Мальцев, 2012).

Музеи способствуют развитию критического мышления и аналитических навыков. Исследуя экспонаты, посетители учатся рассуждать и формулировать вопросы, делать выводы и проверять информацию из различных источников. Это формирует умение мыслить аналитически и критически относиться к получаемой информации, что является необходимым навыком в современном мире.

Музеи также способствуют воспитанию культурной и исторической грамотности. Они помогают учащимся понять культурное многообразие и ценность различных традиций и обычаев. Посещение этнографических и антропологических музеев, знакомство с произведениями искусства и предметами культа разных народов способствует формированию у учащихся толерантности, уважения к другим культурам и осознания собственной культурной идентичности.

Не менее важной является роль музеев в поддержании межпоколенческих связей. Музеи, хранящие предметы истории и культуры, помогают молодежи установить связь с предыдущими поколениями, понять их мышление и ценности. Это способствует формированию чувства преемственности и уважения к истории своей страны и мира в целом. Музеи являются хранителями национального достояния. Они собирают, исследуют и демонстрируют артефакты, которые отражают историю, искусство и обычаи народов. Благодаря музейным коллекциям можно проследить развитие культуры на разных этапах ее формирования, понять взаимосвязи между прошлым и настоящим. Национальные музеи часто представляют экспонаты, связанные с важными историческими событиями, выдающимися личностями и традиционными ремеслами (Рыбаков, 2018).

Современные музеи представляют собой образовательные учреждения, способствующие популяризации науки, культуры и истории. В них проводятся лекции, семинары, мастер-классы и интерактивные экскурсии, кото-

рые способствуют более глубокому освоению учебного материала. В отличие от традиционных методов преподавания, музеи предоставляют возможность непосредственного взаимодействия с объектами изучения, что повышает интерес к познанию.

Особо стоит подчеркнуть роль музеев в непрерывном образовании. Взрослым людям музеи предоставляют возможность для самообразования и профессионального развития. Тематические лекции, мастер-классы и семинары, организуемые музеями, помогают расширить кругозор и углубить знания в различных областях.

Музеи имеют существенное значение в процессе образовательной деятельности, выступая в качестве центров обучения, сохранения культурного наследия и формирования исторического сознания. Они обладают огромным образовательным и воспитательным потенциалом, способствуя повышению интеллектуального, культурного и эстетического уровня.

Музеи обеспечивают живой и наглядный доступ к историческим, культурным, научным и художественным материалам. Их значение можно рассмотреть в нескольких аспектах.

1. Музеи как инструмент познания:

- предоставляют уникальные артефакты и экспонаты, которые позволяют студентам и школьникам глубже понять исторические процессы, научные открытия и культурные традиции;
- способствуют развитию визуального и критического мышления.

2. Интерактивное и практическое обучение:

- современные музеи активно используют цифровые технологии (VR, AR, мультимедийные экспозиции), что делает обучение более увлекательным и доступным;
- организуют мастер-классы, лекции, экскурсии и практикумы, что повышает уровень вовлеченности учащихся.

3. Развитие исследовательских навыков:

- работа с музейными экспонатами побуждает студентов к самостоятельному изучению истории, археологии, этнографии и других дисциплин;
- позволяет применить методы научного исследования, анализируя первоисточники и артефакты.

4. Формирование культурной идентичности:

- посещение музеев способствует пониманию национальной и мировой культуры, сохранению исторической памяти;
- помогает формировать уважение к культурному наследию своего народа и других цивилизаций.

5. Связь с академическим образованием:

- музеи сотрудничают с университетами и школами, разрабатывая образовательные программы и проводя совместные мероприятия;
- студенты могут использовать музейные коллекции для написания курсовых и дипломных работ.

6. Воспитательная функция:

- музеи формируют у посетителей чувство ответственности за сохранение культурного и природного наследия;
- воспитывают эстетический вкус, патриотизм и толерантность.

Таким образом, музеи являются важной частью образовательной среды, дополняя традиционные методы обучения и делая процесс познания более наглядным, практическим и вдохновляющим.

Музейная педагогика использует подлинные памятники материальной и духовной культуры, что придает знаниям особую убедительность. Музейные уроки делают процесс обучения активным и содержательным, превращая его в фактор развития личности. Взаимодействие вузов и музеев способствует повышению информированности студентов о различных событиях, вовлекая их в историю и реализуя воспитательный потенциал музея (Баранов, 2010).

Музеи играют важную роль в образовательной деятельности, дополняя традиционные формы обучения и делая процесс познания более наглядным и интерактивным. Рассмотрим несколько конкретных примеров успешных музейных практик.

1. Интерактивные экскурсии и музейные уроки

Пример: Государственный Эрмитаж (Россия). Эрмитаж проводит специальные занятия для школьников, где они могут не просто слушать экскурсовода, а активно взаимодействовать с экспонатами через мультимедийные технологии и реконструкции исторических событий.

2. Образовательные программы для студентов

Пример: Национальный музей Республики Казахстан. Этот музей предлагает специальные курсы для студентов-историков, включая практические занятия по археологии, изучение древних артефактов и участие в реконструкции исторических событий.

3. Онлайн-ресурсы и виртуальные туры

Пример: Лувр (Франция). Лувр разработал виртуальные туры, которые позволяют учащимся изучать коллекции музея дистанционно. Учителя используют эти ресурсы для подготовки уроков по истории искусств.

4. Практические мастер-классы

Пример: Музей Жусупа Баласагына (Кыргызстан). В этом музее проводятся мастер-классы по древним ремеслам, каллиграфии и тюркской письменности, что помогает школьникам лучше понять культурное наследие региона.

5. Специальные программы для детей

Пример: Британский музей (Великобритания). Программа “Young Explorers” включает квесты, интерактивные задания и тематические образовательные игры, что делает процесс обучения увлекательным для детей.

В результате музеи играют ключевую роль в образовательном процессе, способствуя не только передаче знаний, но и развитию личности в целом. Они обогащают учебные программы, развивают аналитические и кри-

тические навыки, способствуют культурной и исторической грамотности и поддерживают непрерывное образование на протяжении всей жизни. Их значение в современном мире трудно переоценить, и важно продолжать интеграцию музеев в образовательный процесс для формирования всесторонне развитых и культурно грамотных личностей.

Список источников

- Алексеев В.П. Музеи и образование: история и перспективы. М., 2019. 133 с.
Баранов А.А. Этнокультурный аспект музейного дела Алтая. Горно-Алтайск, 2010. 48 с.
Иванова Т.Н. Музейная педагогика: теоретические и практические аспекты. М., 2020. 58 с.
Мальцев В.М. Архитектура музейных зданий Алтая. Барнаул, 2012. 87 с.
Рыбаков В.В. Краеведческие музеи Алтая: история, современность, перспективы развития. Барнаул, 2018. 93 с.
Соколова Е.В. Современные тенденции в музейной деятельности. Казань, 2021. 108 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Назгул Кабылбековна Адышева, Кыргызско-Узбекский Международный университет им. Б. Сыдыкова, старший преподаватель; 723500, Киргизия, г. Ош, ул. Петрова, 7-24; n_adysheva@mail.ru

Nazgul K. Adysheva, Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov, Senior Lecturer; 723500, Kyrgyzstan, Osh, st. Petrova, 7-24; n_adysheva@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.5(571.1):572

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.47

EDN: RKCWYN

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

Валерия Евгеньевна Алексеева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматривается предварительная половозрастная характеристика раннесредневековой антропологической коллекции из могильника Чумыш-Перекаат, расположенного в Верхнем Приобье. Археологические исследования на могильнике проводились в 2014–2019 гг. под руководством к.и.н. А.В. Фрибуса и д.и.н. С.П. Грушина. За этот период было исследовано 36 погребений, из которых 17 относятся к раннесредневековому периоду. В результате раскопок получено значительное количество остеологического материала, включающего костные останки 20 индиви-

дов разной степени сохранности, из них семь мужских, шесть женских и шесть детских скелетов и один скелет без определения половозрастных признаков из-за плохой сохранности. Полученные антропологические материалы хранятся в собрании Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета.

Ключевые слова: антропологическая коллекция, археологические исследования, погребальный комплекс, раннее средневековье, Лесостепной Алтай, одинцовская культура

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации Программы развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект «Средневековые народы юга Западной Сибири в зеркале антропологии».

Для цитирования: Алексеева В.Е. Антропологическая коллекция периода раннего средневековья из могильника Чумыш-Пережат в Верхнем Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 312–318. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.47

ANTHROPOLOGICAL COLLECTION OF THE EARLY MIEVEAL PERIOD FROM THE CHUMYSH-PEREKAT CEMETERY IN THE UPPER OB REGION

Valeria E. Alekseeva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the preliminary sex and age characteristics of an Early Medieval anthropological collection from the Chumysh-Perekat cemetery, located in the Upper Ob region. Archaeological research at the cemetery was conducted between 2014 and 2019 under the leadership of PhD A.V. Fribus and DSc S.P. Grushin. During this period, 36 burials were investigated, 17 of which belong to the Early Medieval period. As a result of the excavations, a significant amount of osteological material was obtained, including bone remains from 20 individuals of varying degrees of preservation — seven males, six females, and six child skeletons, as well as one skeleton with undetermined sex and age characteristics due to poor preservation. The collected anthropological materials are stored in the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai at Altai State University.

Key words: anthropological collection, archaeological research, burial complex, Early Middle Ages, Forest-Steppe Altai, Odintsovo culture

Acknowledgments: the study was conducted as part of the University Development Program for 2021–2030 within the framework of the Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”, under the project “Medieval Peoples of Southern Western Siberia through the Lens of Anthropology”.

For citation: Alekseeva V.E. Anthropological Collection of the Early Medieval Period from the Chumysh-Perekat Cemetery in the Upper Ob Region. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025; XXXI:312–318. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.47

В начале I тыс. н.э. территорию юга Западной Сибири уже активно осваивало самодийское население кулайской археологической культуры, пришедшее из таежных районов Западной Сибири. Именно самодийские группы на протяжении 1-й половины I тыс. н.э. стали основными жителями данного

региона. Затем к V в. н.э. начали происходить миграции населения из Средней Азии и Горного Алтая на территорию Лесостепного Алтая. Группы, носители традиций кенкольской и булан-кобинской культур, проникали на юг Западной Сибири, где сталкивались с местными самодийскими племенами. В результате этого взаимодействия сформировалась новая общность, которая позднее была названа одинцовской археологической культурой (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 42–43).

Отмеченные этнокультурные изменения нашли отражение в антропологических материалах могильника Чумыш-Перекаат. В ходе археологических работ на памятнике был получен значительный остеологический материал раннесредневекового периода, который в настоящее время не введен в научный оборот. Поэтому основная цель данной работы — инвентаризация и первичный анализ остеологических материалов, происходящих из раннесредневековых погребений могильника с позиции половозрастных показателей.

Грунтовый могильник Чумыш-Перекаат находится в северо-восточной части Алтайского края, в Западном Присалаирье, на стыке лесостепной и таежной природных зон, на правом берегу реки Чумыш, которая является правым притоком Оби. Этот разновременный памятник включает захоронения, относящиеся к неолиту, средней и поздней бронзе, скифскому периоду и раннему средневековью (Фрибус, Грушин, 2015, с. 196). В данной работе речь пойдет только об антропологических материалах раннесредневекового периода.

Могильник был обнаружен в 2012 г. в ходе разведочной экспедиции АлтГУ под руководством С.П. Грушина, когда в результате осмотра крутого обрыва были зафиксированы следы разрушенного погребения. В 2014 г. исследования памятника продолжила совместная Салаирская археологическая экспедиция Кемеровского и Алтайского государственных университетов под руководством А.В. Фрибуса и С.П. Грушина. В рамках этих работ было заложено несколько разведочных траншей и раскопов, направленных на определение границ памятника, выявлены погребения эпохи неолита и скифского времени (Фрибус, Грушин, 2015, с. 196; 2017, с. 188; Фрибус, Грушин, Фролов, 2018, с. 195).

Определение пола и возраста антропологического материала средневекового периода из могильника Чумыш-Перекаат было проведено автором исследования. Для установления половозрастных характеристик применялись общепринятые антропологические методики (Алексеев, Дебеч, 1964; Зубов, 1968, 2006).

В ходе археологических работ, проведенных в 2015 г. было исследовано восемь погребений, из которых могила №15 была датирована периодом раннего средневековья. В ней был погребен мужчина 35–45 лет. Сохранность костяка хорошая, все кости скелета сохранились в анатомическом порядке (Фрибус, 2016, с. 33–34). В 2016 г. работы на памятнике продолжились, в общей сложности было изучено 11 погребений, восемь из которых были датированы периодом раннего средневековья (№18, №20–26). В погребении №18

обнаружены останки ребенка в возрасте до трех лет. Сохранность костяка оказалась неудовлетворительной: хотя большая часть скелета находилась *in situ*, некоторые мелкие кости были смещены или утрачены. Погребение №20 содержало два захоронения: основное (скелет 2) и впускное (скелет 1). Скелет 1 принадлежал мужчине 30–40 лет. Сохранность костей средняя, все элементы скелета были обнаружены в разрозненном состоянии. Скелет 2, интерпретируемый как основное захоронение, принадлежал мужчине 25–35 лет. Кости находились в анатомическом порядке, их сохранность оценивается как хорошая. В погребении №21 найдены останки женщины 20–25 лет с хорошей сохранностью костей. Погребение №22 содержало останки ребенка до трех лет. Сохранность костей низкая, скелет частично разрознен. Погребение №23 представляет собой парное ярусное погребение двух женщин. Скелет 1 (верхний) принадлежал женщине 15–19 лет, сохранность костей средняя. Скелет 2 (нижний) находился под первым скелетом, принадлежал женщине примерного того же возраста (15–20 лет). В могиле-24 были найдены останки ребенка, примерный возраст установить сложно, поскольку сохранность костей очень плохая. Кости скелета были зафиксированы в разрозненном состоянии (Фрибус, 2016, с. 24–42). Погребение №25 содержало останки мужчины 30–40 лет и скелет лошади. Скелет человека сохранился в анатомическом порядке, состояние костей оценивается как хорошее (Фрибус, 2017, с. 37–40; Фрибус, Грушин, 2021, с. 341). Из могилы-26 были получены костные останки ребенка в возрасте до трех лет. Скелет был найден в разрозненном состоянии, сохранность костей плохая (Фрибус, 2017, с. 24–42).

В 2017 г., в ходе следующего полевого сезона, на памятнике была зафиксирована могила-28, которая относится к раннесредневековому периоду. В погребении были найдены останки мужчины 45–50 лет и скелет коня в разрозненном состоянии. Кости человека были расположены *in situ*, сохранность костяка оценивается как хорошая (Фрибус, Грушин, 2021, с. 342).

В 2018 г. археологические работы на памятнике продолжились. Было зафиксировано семь могил, шесть из них были датированы раннесредневековым периодом (№29–34). Могила-29 содержала погребения двух человек. Были найдены останки молодой женщины 15–20 лет (скелет 1), кости которой сохранились в хорошем состоянии, и останки ребенка в возрасте до трех лет (скелет 2) — это, по мнению исследователей, является основным погребением. Сохранность скелета ребенка оценивается как плохая. В захоронении №30 были найдены останки пожилой женщины (50–60 лет). Верхняя часть скелета находилась *in situ*, однако кости ног были смещены в результате позднейшего проникновения в могилу. Кости хорошо сохранились. На черепе имеются следы искусственной деформации (Фрибус, Грушин, 2025, с. 82–83). Могила-31 была сильно разрушена, зафиксированы лишь отдельные фрагменты человеческого скелета (ребра, отдельные фаланги пальцев, череп был сильно разрушен), из-за чего установление пола и возраста погребенного затруднено. В погребении №32 зафиксированы останки молодого мужчины, предварительно в возрасте 15–20 лет. Сохранность костей плохая, из-за чего

установление более точного возраста усложняется. Захоронение №33 содержало останки женщины 40–50 лет. Кости находились в разрозненном состоянии, их сохранность оценивается как плохая. На черепе также имеются следы искусственной деформации. В захоронении №34 были обнаружены останки мужчины 35–45 лет и скелет лошади в разрозненном состоянии. Человеческие кости сохранились в анатомическом порядке, их состояние среднее (Фрибус, 2019, с. 36–47; Фрибус, Грушин, 2021, с. 342).

В 2019 г. были проведены завершающие археологические работы на памятнике. В ходе полевого сезона обнаружена только одна могила-36. Погребение было совершено по обряду кремации и представляло собой скопление мелких кальцинированных костей. Сохранность костей очень плохая, из-за чего определение пола и возраста погребенного затруднено. По сохранившимся фрагментам черепа можно предположить, что кости принадлежат ребенку (Фрибус, 2020, с. 31; Грушин, 2021, с. 75).

Таким образом, за шесть лет работ на памятнике Чумыш-Пережат (2014–2019 гг.) было зафиксировано 36 могил, 17 из них датированы ранне-средневековым периодом (могила-15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36). В общей сложности из средневековых погребений были получены костные останки 20 индивидов разной сохранности.

Среди 20 погребенных были найдены останки семи мужчин, возраст которых варьируется от 15 до 50 лет. Самый молодой из них (могила-32) имел возраст 15–20 лет, тогда как самый пожилой (могила-28) достиг возраста 45–50 лет. В остальных мужских погребениях зафиксированы останки взрослых мужчин в возрасте 25–45 лет.

Женские захоронения представлены шестью погребенными, среди которых преобладают молодые женщины в возрасте 15–25 лет (могилы-21, 23, 29). В одной могиле (30) зафиксированы останки женщины престарелого возраста (50–60 лет), в могиле-33 найдены останки женщины 40–50 лет, в обоих случаях зафиксирована искусственная деформация черепа. Еще два женских погребения в могиле-23 представляли собой двухъярусное захоронение, где одна женщина была погребена над другой.

Детские захоронения составляют значительную долю от общей массы раннесредневековых могил — шесть погребений. Возраст большинства погребенных детей не превышал трех лет (могилы-18, 22, 24, 26, 29). В могиле-36 найдены кальцинированные фрагменты, предположительно принадлежащие ребенку, однако точный возраст установить на данный момент не удалось. В одном случае (могила-31) обнаружены фрагменты костей, не позволяющие определить ни пол, ни возраст погребенного из-за плохой сохранности.

Все полученные антропологические материалы в ходе археологических работ на памятнике Чумыш-Пережат были переданы в фонды Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Раннесредневековый комплекс некрополя Чумыш-Пережат датируется авторами раскопок серединой VII — рубежом VII–VIII вв. н.э. (Фрибус, Грушин, 2020, с. 103; 2021, с. 352).

**Антропологические материалы из средневекового комплекса
могильника Чумыш-Перекаат (2015–2019 гг.)
Anthropological materials from the medieval complex
of the Chumysh-Perekat burial ground (2015–2019)**

Год	№ могилы	Пол	Возраст	Сохранность	Примечания
2015	15	Муж.	35–45 лет	Хорошая	Индивидуальное погребение
2016	18	Дет.	До 3 лет	Плохая	Индивидуальное погребение
	20 (скелет 1)	Муж.	30–40 лет	Средняя	Впускное захоронение
	20 (скелет 2)	Муж.	25–35 лет	Хорошая	Основное захоронение
	21	Жен.	20–25 лет	Хорошая	Индивидуальное погребение
	22	Дет.	До 3 лет	Плохая	Индивидуальное погребение
	23 (скелет 1)	Жен.	15–19 лет	Средняя	Парное ярусное погребение
	23 (скелет 2)	Жен.	15–20 лет	Средняя	Парное ярусное погребение
	24	Дет.	Не установлен	Очень плохая	Индивидуальное погребение
	25	Муж.	30–40 лет	Хорошая	Погребение с конем
26	Дет.	До 3 лет	Плохая	Индивидуальное погребение	
2017	28	Муж.	45–50 лет	Хорошая	Погребение с конем
2018	29 (скелет 1)	Жен.	15–20 лет	Хорошая	Парное погребение с ребенком
	29 (скелет 2)	Дет.	До 3 лет	Плохая	Парное погребение с женщиной
	30	Жен.	50–60 лет	Хорошая	Искусственная деформация черепа
	31	Не установлен	Не установлен	Очень плохая	Индивидуальное погребение
	32	Муж.	15–20 лет	Плохая	Индивидуальное погребение
	33	Жен.	40–50 лет	Плохая	Искусственная деформация черепа
2019	34	Муж.	35–45 лет	Средняя	Погребение с конем
	36	Дет.	Не установлен	Плохая	Кремация

Материалы Чумыша-Перекаата позволили выявить важные особенности погребального обряда, социального устройства и этнокультурных процессов, происходивших на юге Западной Сибири в раннесредневековый период. Введение в научный оборот антропологических материалов из данного некрополя позволит более точно реконструировать процессы этногенеза и межкультурных взаимодействий в регионе.

Список источников

Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия (Методика антропологических исследований). М., 1964. 128 с.: ил.

Грушин С.П. Планиграфия раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Перекаат в контексте изучения процесса ранней тюркизации юга Западной Сибири // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность. Барнаул, 2021. С. 74–77.

Зубов А.А. Одонтология (Методика антропологических исследований). М., 1968. 199 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006. 72 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учеб. пособие для вузов. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Фрибус А.В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Чумыш-Перека́т в Залесовском районе Алтайского края в 2015 году. Барнаул, 2016. 69 с. // Архив Музея археологии и этнографии АлтГУ. №307.

Фрибус А.В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Чумыш-Перека́т в Залесовском районе Алтайского края в 2016 году. Барнаул, 2017. 120 с. // Архив Музея археологии и этнографии АлтГУ. №314.

Фрибус А.В. Отчет о проведении археологических раскопок на могильнике Чумыш-Перека́т в Залесовском районе Алтайского края в 2018 году. СПб., 2019. Т. 1. 84 с. // Архив СПб ГБУК «Музей-институт семьи Рерихов».

Фрибус А.В. Отчет о проведении археологических раскопок на могильнике Чумыш-Перека́т в Залесовском районе Алтайского края в 2019 году. СПб., Т. 1. 142 с. // Архив СПб ГБУК «Музей-институт семьи Рерихов».

Фрибус А.В., Грушин С.П. Культурно-хронологические комплексы могильника Чумыш-Перека́т: (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Вып. III. Тюмень, 2015. С. 196–199.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перека́т // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 188–192.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Фролов Я.В. Могильник Чумыш-Перека́т — новый памятник скифского времени на границе Барнаульского Приобья и Присалаирья // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2 (100). С. 194–202.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Серия радиоуглеродных дат с одновременного могильника Чумыш-Перека́т в Западном Присалаирье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2020. С. 103–104.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перека́т) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб., 2021. С. 339–354.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе» из Верхнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. №1 (68). С. 81–95.

Информация об авторе / Information about the Author

Валерия Евгеньевна Алексеева, Алтайский государственный университет, Колледж, преподаватель СПО; 656011, Россия, г. Барнаул, пр-т Калинина, 15в, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии, Институт истории и международных отношений АлтГУ, alekseeva_2001_182@mail.ru

Valeria E. Alekseeva, Altai State University, College, Teacher of Vocational Education; 656011, Russia, Barnaul, 15b Kalinina Ave., Postgraduate Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of History and International Relations, AltSU, alekseeva_2001_182@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.4.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОНИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В МУЗЕЯХ Г. БАРНАУЛА

Юлия Валентиновна Егорова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В представленной работе рассмотрены особенности форм репрезентации предметов историко-культурного наследия, относящихся к духовной культуре, в частности к религиозным практикам и обрядам календарного и жизненного циклов. Указанные феномены культуры в совокупности являются основой этнической идентичности личности, что делает их изучение и презентацию особенно актуальной в современных условиях глобализации. В статье проанализирована экспозиционно-выставочная деятельность музеев города Барнаула, имеющих исторический, художественный либо комплексный профиль. Также выявлены особенности интерпретации экспонатов в зависимости от их принадлежности к музейному комплексу. В ходе исследования было определено, что памятники духовной культуры содержатся в экспозициях, представляющих различные области научного знания, в числе которых — этнография, археология, история, религиоведение и искусствоведение.

Ключевые слова: духовная культура, религия, музеи города Барнаула, обрядовые практики, экспозиции

Для цитирования: Егорова Ю.В. Особенности экспонирования предметов духовной культуры в музеях г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 319–324. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.48

THE PECULIARITIES OF DISPLAYING THE OBJECTS OF SPIRITUAL CULTURE IN THE MUSEUMS OF BARNAU

Yuliya V. Egorova

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The presented work considers the peculiarities of the forms of representation of objects of historical and cultural heritage related to spiritual culture, in particular to religious practices and rituals of the calendar and life cycles. These cultural phenomena together form the basis of a person's ethnic identity, which makes their study and presentation especially relevant in modern conditions of globalization. The article analyzes the exposition and exhibition activities of the museums of Barnaul, which have a historical, artistic or complex profile. The peculiarities of interpretation of exhibits depending on their belonging to the museum complex are also revealed. During the research, it was determined that the objects of spiritual culture are contained in expositions representing various fields of scientific knowledge, including ethnography, archeology, history, religious studies and art history.

Keywords: spiritual culture, religion, museums of Barnaul (Russia), ritual practices, exposition

For citation: Egorova Yu.V. The Peculiarities of Displaying the Objects of Spiritual Culture in the Museums of Barnaul. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:319–324. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.48

Современные культурологические, социологические, философские и иные исследования не позволяют выявить единого определения для понятия «духовная культура», но согласно философским воззрениям немецкой литературы XIX в., прочно закрепившимся в отечественной философии, к данному понятию относятся те явления, которые имеют отношение к сознанию, интеллектуальным, а также эмоционально-психологическим процессам. Таким образом, к духовной культуре относятся язык, обычаи и нравы, верования и религии, знания, различные виды искусства и т.д. (Скворцов, 2009, с. 49).

Духовная культура относится к сфере нематериального наследия, охрана которого была закреплена соответствующей международной конвенцией ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. Согласно определению, изложенному в документе, к нематериальному наследию, помимо обычаев, форм представления и выражения, а также знаний и навыков, относятся инструменты, предметы и артефакты, связанные с ними (Конвенция об охране...). Таким образом, к духовной культуре относятся музейные предметы и коллекции, представляющие и документирующие различные аспекты данной области жизнедеятельности общества.

В ходе исследования внимание было уделено экспонированию данных предметов, связанных с ритуальными практиками — религией, календарной обрядностью, а также с обрядами жизненного цикла: рождением, свадьбой и похоронами. В России образцовыми в отношении отображения духовной культуры являются такие музеи, как Государственный музей истории религии (г. Санкт-Петербург), где в рамках постоянной экспозиции широко представлены самые разные мировые конфессии, а временные выставки рассказывают об обрядах жизненного цикла и праздниках (Государственный музей...); также Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург), во многих разделах постоянной экспозиции которого отражена обрядность различных этносов (Постоянные экспозиции...). Стоит также в числе образцовых упомянуть Музей мировой погребальной культуры (г. Новосибирск), специализирующийся на представлении поминально-погребальной обрядности преимущественно XIX — начала XX в. и являющийся единственным в стране музеем данной направленности.

В г. Барнауле предметы духовной культуры представлены в музеях различного профиля: исторического, художественного и комплексного. В ходе данного исследования были проанализированы экспозиции музеев исторического профиля, в частности: Музей истории Православия на Алтае, Музей археологии и этнографии Алтая (далее — МАЭА), Музей «Город», а также Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (далее — ГМИЛИКА). Музей художественного профиля — Государственный

художественный музей Алтайского края (далее ГХМАК), а также комплексный Алтайский государственный краеведческий музей (далее — АГКМ).

Среди исторических музеев в отдельную группу выделяют музеи истории религии. В г. Барнауле это Музей истории Православия на Алтае. В его экспозиции представлены иконы различных иконописных школ, книги, облачение, предметы утвари, используемые в ходе богослужения, фотографии храмов, входящих в Барнаульскую епархию, и влиятельных служителей РПЦ, а также деревянная и металлическая мелкая пластика. Особенностью и вместе с тем существенным недостатком экспозиции является почти полное отсутствие этикетажа и другого научно-вспомогательного материала. Несмотря на это экспонаты располагаются преимущественно по тематическим разделам, за исключением некоторых икон, размещенных несколько хаотично. Экспозиция в основном состоит из предметов XX–XXI вв.

В отдельную группу также следует отнести МАЭА как археологический вид исторических музеев. Его экспозиция в отношении представления духовной культуры направлена преимущественно на отражение обрядов, связанных с конечной точкой жизненного цикла — смертью. Это реконструкции погребений различных археологических культур, а также множество предметов, обнаруженных в погребениях, и возможно, связанных с ритуальным церемониалом древности.

Музей «Город» является общеисторическим, и его постоянная экспозиция представляет историю развития г. Барнаула с древнейших времен до начала XXI в. Предметы, связанные с религиозными и другими обрядовыми практиками, в большинстве своем располагаются в этнографических разделах. Среди них стоит выделить два типа, в зависимости от метода построения музейной экспозиции, — ансамблевый и тематический. Ансамблевый метод представлен реконструкцией быта крестьянской избы конца XVIII — XX в., в которой к духовной культуре относится красный угол со стоящей в нем иконой. Тематический метод используется в витринных экспозициях, представляющих культуру в определенные промежутки времени. Такой метод экспонирования использован в религиозном разделе зала, представляющего историю г. Барнаула до XVIII в., в котором содержится различная атрибутика, относящаяся к православному христианству: предметы XVII–XVIII вв. В свадебном разделе в зале, освещающем историю города в XX — начале XXI в., также использован тематический метод. В отличие от религиозного раздела, последний не содержит какого-либо этикетажа, что значительно осложняет знакомство посетителей с этим обрядом.

Кроме того, в Музее «Город» духовная культура репрезентируется отдельными экспонатами в мемориальной экспозиции — присутствуют предметы, связанные как с религией, так и с обрядами жизненного цикла. Археологическая часть экспозиции музея содержит предметы, связанные с древними обрядовыми практиками. Историческая экспозиция, представленная фотографиями городских архитектурных объектов, включает фото культовых сооружений, связанных с различными направлениями христиан-

ства. Следует также упомянуть раздел, выделенный тематически и пространственно в самостоятельную экспозицию, он представляет религию — православие — в качестве автономной части культуры: содержит иконы, книги, инструменты для письма и богослужебную утварь.

В отношении представления духовной культуры особое место принадлежит такому музею, как ГМИЛИКА. В своих экспозициях он наиболее обширно демонстрирует предметы, связанные с ритуальными практиками. Как и в ранее рассмотренном Музее «Город», большинство экспонатов по исследуемой теме в ГМИЛИКА содержатся в этнографических разделах постоянной экспозиции. Ансамблевый метод, как и в предыдущем музее, представлен реконструкцией крестьянской избы с красным углом. Тематический метод используется в экспозиции, предметы которой являются атрибутами южно-алтайского шаманизма, — современные экспонаты, созданные не ранее 1990-х гг., а также в экспозиции, демонстрирующей тряпичные куклы, имеющие обережное значение для славянских народов. Витрина с куклами особенна тем, что экспонаты в ней связаны с календарной обрядностью, не отраженной более ни в одном из исследованных музеев. Кроме того, часть кукол связана с христианскими праздниками, а также с обрядами жизненного цикла — рождением и свадьбой. Как и в предыдущем музее, репрезентация духовной культуры имеет место в мемориальной экспозиции. Здесь это религиозные предметы преимущественно XIX в., относящиеся к христианству и буддизму. Стоит упомянуть печатное издание 1941 г. — «Заупокойный акафист», связанное как с религией, так и с поминальной обрядностью, не отраженной более в других музеях. Археологическая экспозиция в контексте отображения духовной культуры здесь близка к МАЭА, и содержит реконструкцию погребально-поминального комплекса скифского населения Алтая.

Как и Музей «Город», ГМИЛИКА содержит экспозицию, представляющую религию в качестве автономной области культуры. Это зал, посвященный истории православия на Алтае в XVII–XX вв., который по обширности представленных материалов близок к Музею истории Православия на Алтае. В экспозиции содержится множество икон, книг, реконструкции рукописных средневековых изданий, современное облачение и церковная утварь.

ГХМАК, являющийся художественным по профилю, имеет свои особенности экспонирования духовной культуры. Художественный профиль предполагает отражение какой-либо области жизнедеятельности общества в контексте искусства. На данный момент, в связи с реконструкцией главного здания и малой площадью для экспозиций, музей работает в формате временных выставок. Так, 15 января 2025 г. открылась выставка православного искусства XIX — начала XX в. «Небесные всадники», работающая до 11 января 2026 г. Экспозиция содержит 12 предметов — 11 икон, как писаных, так и меднолитых, и одну богато иллюстрированную книгу «Лицевой толковый Апокалипсис». Существенной особенностью этой экспозиции в сравнении с проанализированными ранее является то, что она использует и интерпретирует культовые предметы как источники отражения определенной темы, как выразители идеи, но не как памятники религии. Кроме того, в му-

зее действует выставка «Искусство прикосновений» (08.09.2023–31.12.2025), содержащая тактильные копии живописных произведений отечественного и православного искусства XIX–XX вв. Копии икон в экспозиции выполнены в технике деревянной резьбы.

Комплексный по профилю АГКМ отличается крайне малым отражением в своей постоянной экспозиции предметов, так или иначе связанных с ритуальными практиками, что, как и в случае с ГХМАК, связано с реконструкцией основного здания. В частности, только в археологической экспозиции удалось выявить единичные экспонаты — это бронзовый идол (VI–V вв. до н.э.), имеющий отношение к древним обрядовым практикам, и макет кургана скифской эпохи, связанный с погребальными обрядами древности.

Таким образом, духовная культура, связанная с обрядовыми практиками, являясь неотъемлемой частью культуры общества и представляя собой важный социокультурный и аксиологический феномен, широко представлена в музейных экспозициях г. Барнаула. В зависимости от профильной принадлежности музея меняются подходы к ее экспонированию. Разнообразие подходов наблюдается в исторических музеях, где предметы, связанные с какими-либо ритуалами, располагаются в этнографических: ансамблевых и тематических, археологических, исторических — посвященных истории как города, так и отдельной личности, и религиоведческих экспозициях. Практика экспонирования в художественном музее позволяет выявить еще один подход — рассмотрение и интерпретацию памятников с искусствоведческой точки зрения. В музеях комплексного профиля памятники духовной культуры, как правило, экспонируются так же, как и в исторических музеях.

В ходе проведенного анализа удалось также выявить, что наиболее ярко из всех сфер духовной культуры в экспозициях музеев г. Барнаула представлена именно религия. Она всегда была и остается важнейшим фактором, формирующим мировоззрение и, как следствие, поведение как отдельной личности, так и всего общества в целом (Скатын, Антонова, Зайцева, 2016, с. 872). В связи с этим логичным является ее практически повсеместное представление в различных музеях. Но в то же время календарная обрядность различных этносов, как и обряды жизненного цикла, представлены скорее единичными экспонатами, что позволяет предположить меньшую изученность либо недооценивание этих тем для отражения в экспозиции в сравнении с религией.

Вместе с тем духовная культура в совокупности своих элементов является первоисточником этнической идентичности (Зайдалов, Зарипов, 2015, с. 18), поэтому ее изучение и презентация выступают важнейшими задачами в контексте сохранения этносов. Это особенно актуально в условиях глобализации настоящего времени, когда стираются всякие границы между этническими сообществами.

Список источников

Государственный музей истории религии. URL: <https://gmir.ru>

Зайдалов И.И., Зарипов А.Я. Духовная культура этноса и этничность: аксиологическая интерпретация идентичности субъекта // Проблемы востоковедения. 2015. №3. С. 18–21.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml

Музей мировой погребальной культуры. URL: <https://musei-smerti.ru/>

Постоянные экспозиции // Российский этнографический музей. URL: <https://ethnomuseum.ru/exposition/permanent>

Скатын М.А., Антонова И.В., Зайцева А.А. Роль религии в современном обществе // Форум молодых ученых. 2016. №4. С. 872–874.

Скворцов В.Н. К вопросу об определении понятия «духовная культура» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 1. №3. С. 48–55.

Информация об авторе / Information about the Author

Юлия Валентиновна Егорова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; pro100chelovek17@mail.ru

Yuliya V. Egorova, Altai State University, Chair of Archaeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin ave., 61; pro100chelovek17@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.15)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.49

EDN: RXKPRN

О СОХРАНЕНИИ ДРЕВНЕГО «САДА КАМНЕЙ» В СЕМИСАРТЕ НА АЛТАЕ

Леонид Сергеевич Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. Древний «Сад камней» на Алтае в Семисарте относится к VIII–VII вв. до н.э., а в Китае и Японии такие сады стали сооружать позднее почти на 1,5 тыс. лет. В Семисарте зафиксированы разные по цвету (темные и светлые), размерам (крупные, средние, небольшие) и форме (округлые, подпрямоугольные, подтреугольные) камни и разнообразные выкладки. Среди них особо выделяются камни из белого кварцита, принесенные в это урочище. Путем геометрической разметки камни были связаны с пунктами для астрономических наблюдений, расположенными на горных склонах и в центре курганов. Древние объекты в Семисарте объединены в сложную сакрально-культурную систему, связанную с Небом, Землей, Горами, Водой и Огнем (через очаги). «Сад камней» и другие археологические объекты в Семисарте нуждаются в музеефикации, охране и создании там заповедной зоны.

Ключевые слова: Алтай, Семисарт, Япония, сад камней, разметка, астрономия

Для цитирования: Марсадолов Л.С. О сохранении древнего «Сада камней» в Семисарте на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 324–331. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.49

ON THE PRESERVATION OF THE ANCIENT “STONE GARDEN” IN SEMISART IN ALTAI

Leonid S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Abstract. The ancient “Stone Garden” in Altai in Semisart dates back to the 8th–7th centuries BC, and in China and Japan such gardens began to be built almost 1.5 thousand years later. In Semisart, stones of different colors (dark and light), sizes (large, medium, small) and shapes (rounded, sub-rectangular, sub-triangular) and various calculations were recorded. Among them, white quartzite stones brought to this site stand out. By geometric marking, the stones were connected to points for astronomical observations located on the mountain slopes and in the center of the mounds. Ancient objects in Semisart are united into a single complex sacred-cultural system associated with Heaven, Earth, Mountains, Water and Fire (through foci). The “Stone Garden” and other archaeological sites in Semisart need museumification, protection and the creation of a protected area there.

Keywords: Altai, Semisart, Japan, stone garden, marking, astronomy

For citation: Marsadolov L.S. On the Preservation of the Ancient “Stone Garden” in Semisart in Altai. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:324–331. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.49

*«Камни учили меня молчанию.
Камни учили меня терпению
Камни учили меня спокойствию
Камни учили меня созерцанию.
Камни учили меня бесконечности
мироздания».
(Настоятель дзенского монастыря)*

В ходе исследований Саяно-Алтайской экспедиции Эрмитажа в 1980–2000-е гг. автор в течение нескольких летних сезонов старался вжиться в окружающую ландшафтную обстановку в урочище Семисарт, открывая для себя все более глубокие закономерности находящегося там древнего «Сада камней», о местонахождении которого на Алтае ранее никто и не предполагал.

Комплекс разновременных археологических объектов Семисарт-I / Кара Бом находится в 4 км к юго-западу от пос. Ело, у скалы Кара-Бом (Онгудайский район Республики Алтай). В этом небольшом межгорном урочище расположены разнообразные по форме и назначению отдельно лежащие, разные по цвету камни, выкладки, наскальные изображения, курганы, астрономические пункты наблюдений (Марсадолов, 2001, 2004). Комплекс объектов в Семисарте составляет изолированную, замкнутую систему, связанную через «вход — переходы — выход» с окружающим миром, также как и в более поздних по времени «садах камней» в Китае, Корее и Японии (рис. 1).

Понимание и любование естественной структурой камня, при необходимости иногда слегка подправленного, хорошо прослеживается в Семи-

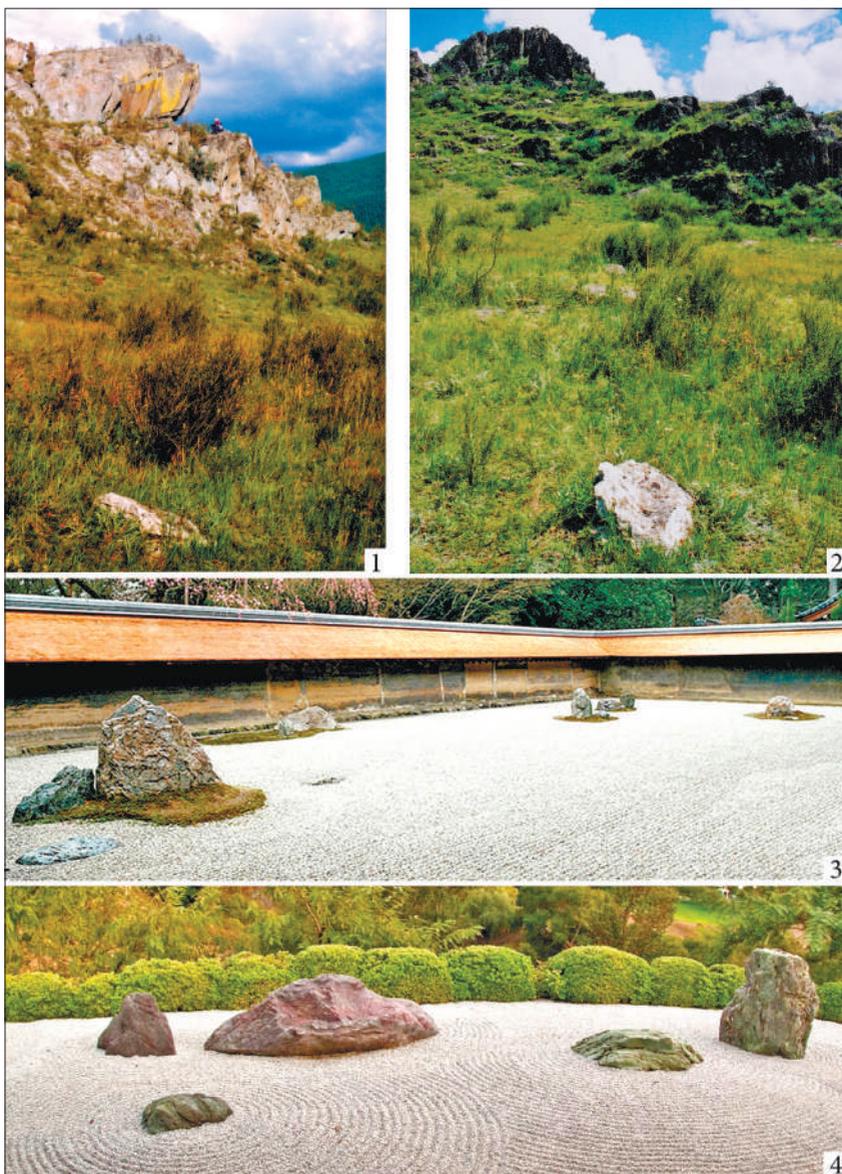

Рис. 1. Древние (1–2) и современные (3–4) «Сады камней»:
1–2 — Алтай, Семисарт; 3–4 — Япония
Fig. 1. Ancient (1–2) and modern (3–4) “Stone Gardens”:
1–2 — Altai, Semisart; 3–4 — Japan

сарте, как и в вышеуказанных странах, где взаимодействуют такие четыре стихии, или первоэлемента: Небо — *Воздух*, *Земля* — Камень — Гора, *Вода* — Источник и *Огонь* — Алтарь. Стены в монастырях часто имели разную высоту, наклон, цвет и кладку, а в Семисарте горы расположены с трех сторон и напоминают стены — ограды в монастырях. Окружающие горы на Алтае и стены монастырей в Японии близки семантически и сакрально.

На севере урочища в Семисарте находятся отдельные остроконечные вершины гор и разной высоты скальные выходы, а на западе — относительно высокий длинный пологий горный склон. На востоке мы видим низкие легкодоступные скальные выходы, а на юге — обширный неглубокий овраг, речки-ручьи и далее — одну из самых красивых южных гор. На юго-западе течет небольшой священный источник — Аржан. Доминирующая на местности «двойная» гора на северо-востоке многократно обыгрывалась как от курганов, так и из центров выкладок, а также от отдельных крупных камней и плит. Своеобразие каждого из уголков урочища, несомненно, неоднократно учитывалось во время ритуальных действий и при сооружении объектов.

В Семисарте в древности расположили специально ориентированные вертикально установленные камни и горизонтально уложенные плиты, а также большое число разнообразных по форме выкладок. Отдельные камни имеют разный цвет, округлую, подтреугольную, подпрямоугольную и подквадратную форму (рис. 2). Их размеры колеблются от нескольких сантиметров до 1,5 м, а лежащие каменные плиты достигают и более крупных величин. Основные направления на наиболее примечательные горные вершины и на ритуально важные объекты часто обозначались кусками красивого белого кварцита (рис. 2.-2). Следует отметить, что на горах в урочище Семисарт пока не найдены скальные выходы белого кварцита, куски которого, иногда большого размера, вероятно, специально были доставлены в это святилище из других месторождений этого камня.

Ныне в окрестностях пос. Ело известно несколько святилищ, относящихся к этнографическому времени. На ряде этих святилищ на алтарях и стенках из камня разложены *куски белого кварца/кварцита*, который местные жители называют «*Отык-таш*» = *Огненный камень* (Гаврилов, 2013), что свидетельствует о сохранении традиций на Алтае, неоднократно выявленных на древнем святилище в Семисарте в 1980–1990-е гг. (Марсадолов, 2001).

Одной из важных составных частей многих храмовых комплексов всегда является алтарь, на котором через огонь и молитвы происходит общение с божествами и духами. В урочище Семисарт на юге находится священный источник Аржан, а на севере — алтарный комплекс с наскальными рисунками на вершине горы.

В ходе научных исследований экспедицией Эрмитажа в Семисарте был изучен ряд значимых объектов (Марсадолов, 2001). В центральной части урочища расположен «Белый камень №11», один из наиболее крупных камней белого цвета в Семисарте (рис. 3). До раскопок в густой траве был виден

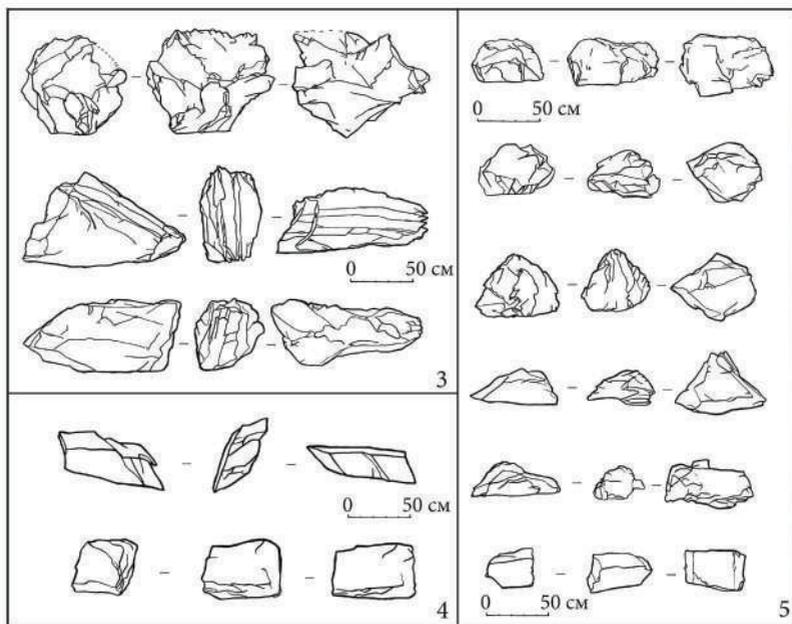

Рис. 2. Семисарт. Цвет, размеры и форма камней древнего святилища: 1-2 — камни, разные по цвету, — темный и светлый (2 — белый кварцит, принесенный в это урочище); 3-5 — камни, разные по размерам (3 — крупные; 4 — средние; 5 — средние и небольшие) и форме (округлые; подпрямоугольные; подтреугольные и др.).

По материалам экспедиции Л.С. Марсадолова

Fig. 2. Semisart. The color, size and shape of the stones of the ancient sanctuary: 1-2 — stones different in color — dark and light (2 — white quartzite brought to this tract); 3-5 — different stones by size (3 — large; 4 — medium; 5 — medium and small) and shape (rounded; sub-rectangular; subtriangular, etc.). By materials from the expedition of L.S. Marsadolov

лишь верхний край большого куска кварцита. Вокруг этого камня был заложен небольшой раскоп, размерами 1,5×1,1 м, глубиной 0,3 м. В центре раскопа находился камень размерами 0,75×0,5 м, толщиной до 0,3 м (рис. 3.-1). Этот камень со всех сторон окружали значительно меньшие по размерам плитки и камни, длиной от 10 до 40 см, толщиной до 5 см (рис. 3.-2). Проходящая через «широкую» грань камня №11 линия ориентирована по направлению ЮЗ–СВ (рис. 3.-3). Один конец этой линии направлен на СВ, на горные склоны с пунктами для астрономических наблюдений (где летом восходит солнце).

На вертикальном скальном выходе южного склона северо-восточной горы были выбиты два схематичных изображения копытных животных (рис. 3.-4). Каждый рисунок имеет небольшие размеры: высота — до 8 см, ширина нижнего — 6,5 см, а верхнего — 8 см. Верхний образ довольно легко отождествляется с изображением козла, у которого тулово и две ноги переданы прямыми линиями, голова опущена вниз, два рога высоко подняты вверх, а довольно большой хвостик загнут вперед. Нижнее изображение близко по стилю к верхнему, но животное имеет более короткий хвостик, два сильно разветвленных рога и округлую забитость над головой. Не исключено, что на этом рисунке изображен олень или лось с кругом-солнцем в рогах. Над рисунками и под ними выбиты скопления точек-ямок. Как показали последующие астрономические расчеты, эти два изображения находятся на северо-восточном краю прямой, проходящей через середину далекой «двойной» горы, — эти рисунки — Белый камень №11 и лунку на юго-западном склоне близкой горы (рис. 3). Эти два рисунка животных маркируют одну из точек на линии зимнего и летнего солнцестояний (ЮЗ–СВ), которую можно наблюдать от белого камня №11, и поэтому, вероятно, не случайно изображены вверху козел = зима, а внизу — олень = солнце. Семантическое преобладание зимнего направления выражено в изображении большего по размерам рисунка козла, чем оленя, хотя в реальности олень или лось обладает более массивным туловом, чем козел. Оппозиции типа *верх — восход солнца — олень* и *низ — заход солнца — козел — зимнее созвездие Козерога* были довольно широко распространены у кочевников Евразии в VIII–VII вв. до н.э. Наиболее ярко этот семантический ряд отражен на бронзовом зеркале-календаре из Усть-Бухтармы на Западном Алтае.

Урочище Семисарт, как и другие святилища Алтая, обладает уникально-феноменальным свойством, объединяющим в сакрально-культурную систему отдельные значимые древние объекты с Небом, Землей и Горами. В древности, вероятно, в эту же сложную информационную систему входили еще и такие важные компоненты, как Огонь и Вода, от которых ныне сохранился священный источник Аржан при входе в это урочище и следы использования огня в виде древних очагов.

Своеобразный «Сад камней» свидетельствует о том, что «семисартцы» осознали красоту и цветность необработанного камня, мощное влияние горных вершин, а также имели наблюдательные астрономические пункты и знали геометрическую разметку. Если на Алтае в Семисарте древний «Сад кам-

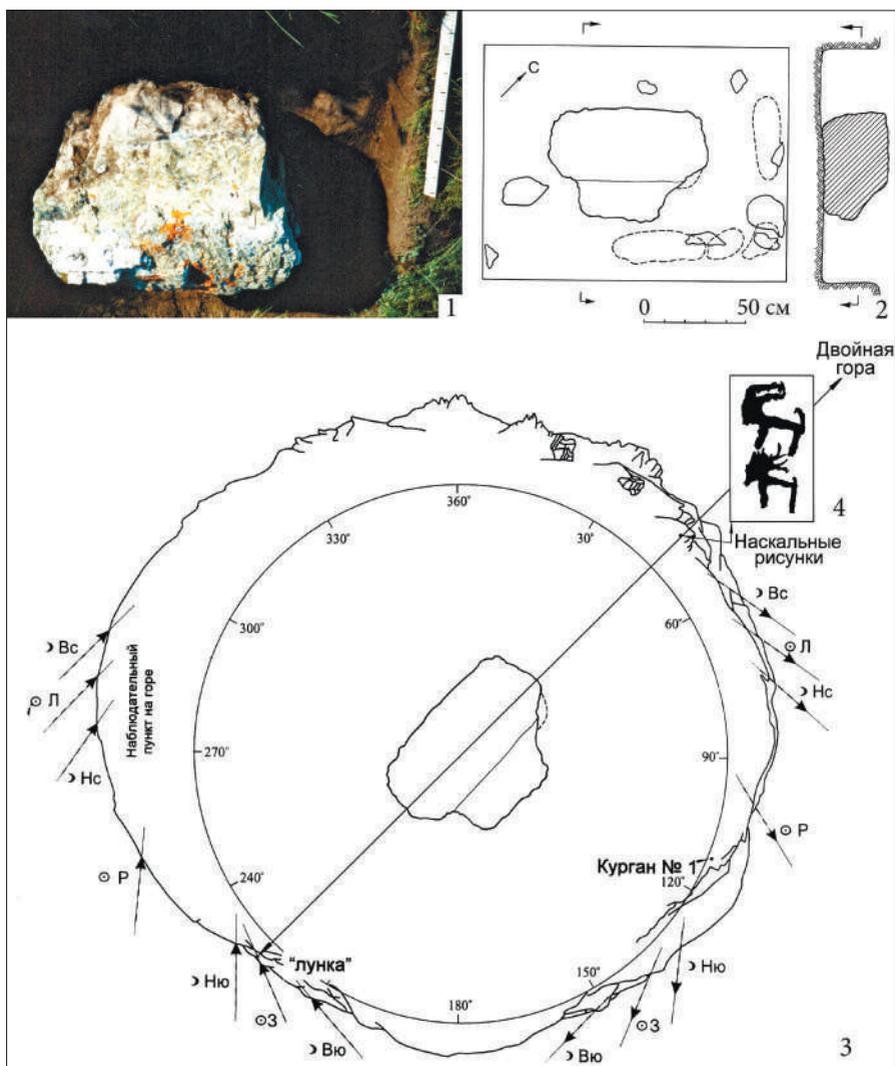

Рис. 3. Семисарт. Белый камень №11: 1 — фотография раскопа с этим камнем; 2 — план и разрез раскопа около камня; 3 — круговая развертка ландшафтной панорамы вокруг камня №11 с наложенными значимыми астрономическими направлениями; 4 — наскальные рисунки. По материалам экспедиции Л.С. Марсадолова
 Fig. 3. Semisart. White stone No. 11: 1 — a photograph of the excavation with this stone; 2 — plan and section of the excavation near the stone; 3 — circular scan of the landscape panorama around stone No. 11 with superimposed significant astronomical directions; 4 — petroglyphs. By materials from the expedition of L.S. Marsadolov

ней» был сооружен в VIII–VII вв. до н.э., то в Китае и Японии такие объекты появились почти на 1,5 тыс. лет позднее и относятся к VI–VII вв.

Урочище Семисарт — это доступный комплекс значимых древних объектов под открытым небом, который нуждается в музеефикации, охране и создании там заповедной зоны. Изучение наиболее ценных достижений Прошлого всегда будет важным для осознания значимых путей в Настоящем и в Будущем. Следует отметить, что музейные и охранные зоны после исследований археологов уже созданы вокруг древних объектов в Салбыкской долине в Хакасии и в Ак-Бауре на Западном Алтае.

Список источников

Гаврилов Е. Ело. 2013 г. URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/priroda/13-altaj/kultura/507-s-elo> (дата обращения — 20.02.2025).

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб., 2001. 49 с. + 118 рис.

Марсадолов Л.С. «Сад камней» и святилище в Семисарте // Наследие. «Алтай — сокровище культуры». Духовный ландшафт. Вып. 4. СПб., 2004. С. 71–73.

Информация об авторе / Information about the Author

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 197000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; доктор культурологии, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Researcher; 197000, St. Petersburg, Russia, Dvortsovaya nab., 34; Doctor of Culturology, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.2(517.3):069.02:5

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.50

EDN: STEKZP

ОБ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ ГОБИ (Южно-Гобийский аймак, Монголия)

**Отгонтуя Цэрэндорж, Цэнд Дул, Уянга Хасбаатар, Болормаа Лавхуу,
Отгонжаргал Энх-Амгалан, Жаргал Баатаржав, Даваадорж Галсандорж**
Музей природы и истории Гоби, Даланзадгад, Монголия

Резюме. Работа по созданию музея в Южно-Гобийском аймаке Монголии для организации публичного показа местного исторического и культурного наследия и их особенностей началась в 1948 г. Музей Южно-Гобийского аймака изначально насчи-

тывал всего около 50 экспонатов. В настоящее время коллекции музея составляют более 3500 экспонатов, и он функционирует под названием «Музей природы и истории Гоби» в новом пятиэтажном здании с девятью основными залами площадью 7800 м². В статье кратко представлена информация об истории и деятельности рассматриваемого музея. Указаны некоторые экспонаты, а также перечислены материалы археологических коллекций. Рассматриваются перспективы сотрудничества.

Ключевые слова: Монголия, Южно-Гобийский аймак, музей, история музея, музейная деятельность, основные залы музея

Для цитирования: Отгонтуйа Ц., Цэнд Д., Уянга Х., Болормаа Л., Отгонжаргал Э., Жаргал Б., Даваадорж Г. Об истории и современной деятельности музея природы и истории Гоби (Южно-Гобийский аймак, Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 331–338. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.50

THE HISTORY AND CURRENT ACTIVITIES OF THE GOBI MUSEUM OF NATURE AND HISTORY (South Gobi Aimag, Mongolia)

Otgontuya Tserendorj, Tsend Dul, Uyanga Khasbaatar, Bolormaa Lavkhuu, Otgonjargal Enkh-Amgalan, Jargal Baatarjav, Davaadorj Galsandorj
Gobi Museum of Nature and History, South Gobi, Mongolia

Abstract. Work on the establishment of a museum in the South Gobi aimag of Mongolia to organise the public display of local historical and cultural heritage and their features began in 1948. The South Gobi aimag museum originally had only about 50 exhibits. Currently, the museum's collections comprise more than 3,500 exhibits and it operates under the name 'Gobi Museum of Nature and History' in a new five-stored building with nine main halls covering an area of 7,800 m². The article summarises the history and activities of the museum in question. Some of the exhibits are mentioned, and the archaeological collections are listed. Prospects for co-operation are discussed.

Keywords: Mongolia, South Gobi aimag, museum, museum history, museum activities, main museum halls

For citation: Otgontuya Ts., Tsend D., Uyanga Kh., Bolormaa L., Otgonjargal E., Jargal B., Davaadorj G. The History and Current Activities of the Gobi Museum of Nature and History (South Gobi aimag, Mongolia). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:331–338. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.50

Постановлением №18 от 25 мая 1945 г. Комитета Монгольской народно-революционной партии Южно-Гобийского аймака была назначена комиссия по созданию кабинета краеведения с целью популяризации древних исторических и культурных памятников. В результате в 1948 г. при отделе образования аймака был создан первый музей Южно-Гобийского аймака с более чем 50 природными экспонатами. Музей расширялся с точки зрения структуры и организации, став Кабинетом краеведения в 1958 г. и Краеведческим музеем в 1970 г. В 1991 г. он стал Музеем аймака и разнообразил свои выставочные залы, располагая уже более чем 2500 экспонатами. В нем работали девять сотрудников.

Что касается помещения, то музей располагался в одноэтажном здании, которое изначально было построено как первая гостиница аймака в 1964 г. (рис. 1.-1). Затем здание было расширено до двух этажей в результате общественного субботника в 1969 г. (рис. 1.-2) (Музейн хугжил..., 2018, с. 10–14). Музей функционировал в этом здании до 2022 г. За это время Главное управление профессионального контроля и отдел по предупреждению стихийных бедствий Главного управления по чрезвычайным ситуациям неоднократно в 1998, 2009 и 2014 гг. выносили заключения о несоответствии здания музея эксплуатационным требованиям, об устарелости осветительного и электротехнического оборудования, об утере температурно-влажностного режима и об отрицательном влиянии на сохранность и защиту экспонатов.

Рис. 1. Здания музея Южно-Гобийского аймака:

- 1 — первое здание музея;
- 2 — расширенное здание музея (располагался здесь до 2022 г.)

Fig. 1. Museum buildings of South Gobi aimag:

- 1 — the first museum building,
- 2 — expansion of the museum building (located here until 2022)

На основании заключений указанных организаций в 2009 г. при поддержке Министерства образования, культуры и науки Монголии было принято решение об архитектурном проектировании и финансировании строительства нового здания музея. Таким образом, новое здание музея Южно-Гобийского аймака было введено в эксплуатацию в 2022 г. и торжественно открыто 18 мая того же года по случаю Международного дня музеев. Так он начал функционировать под названием «Музей природы и истории Гоби».

Новый музей представляет собой пятиэтажное здание общей площадью 7800 м² (рис. 2), устанавливая эталон для Гобийского района. Он обслуживает более 50 тыс. чел. ежегодно и реализует образовательные и просветительские программы для более чем 4500 детей (Монголын музейн..., 2024, с. 364–366).

Рис. 2. Новое здание Музея природы и истории Гоби
Fig. 2. The new building of the Gobi Museum of Nature and History

Целью Музея природы и истории Гоби является сохранение, изучение, сбор, запись и документирование традиционных обычаев народов Гоби, а также историко-культурного наследия, созданного изобретательностью и упорным трудом людей. Кроме этого, осуществляется популяризация и представление наследия общественности, передача будущим поколениям, воспитание патриотических чувств, повышение уровня образования, а также оказание влияния на социально-экономическое развитие территории и превращение в образцовый музей страны в области музейной деятельности (Говийн байгаль, туухийн музей ...).

Основные направления деятельности музея: изучение, открытие и приобретение культурных ценностей; создание регистрационной базы данных в соответствии с Законом об охране культурного наследия Монголии; демонстрация и реставрация экспонатов; организация образовательных и просветительских мероприятий; организация обучения; проведение научных исследований, публикация результатов и распространение их среди общественности; развитие зарубежного сотрудничества; участие в отечественных и международных выставках; установление сотрудничества между музеями; создание комфортной рабочей среды для посетителей и сотрудников, подготовка и распространение музейных презентаций и путеводителей (Говийн байгаль, туухийн музей ...).

В настоящее время в Музее природы и истории Гоби хранятся коллекции из более чем 3500 экспонатов и артефактов. Функционируют девять залов: «Древняя флора и фауна» (рис. 3.-1), «Минералы и шахты», «Искусство», «Древняя история» (рис. 3.-2), «Религия и монастыри», «История и знаменитые люди аймака», «Традиционное наследие и культура», «Культура верблюдов» и «Музейное образование и общественный зал». У музея также есть филиал «Музей природы», расположенный в Гурвансайханских горах, на южной окраине Алтая. В настоящее время в музее работают в общей сложности 30 сотрудников. В 2022 и 2023 гг. музей был выбран лучшим музеем из 23 музеев в 21 аймаке Монголии по результатам общенациональной оценки финансирования (Говийн байгаль, туухийн музей ...).

Палеонтологические и археологические коллекции Музея природы и истории Гоби содержат множество важных экспонатов, имеющих историческую ценность и научное значение. Палеонтологическая коллекция музея богата окаменелостями динозавров, найденными в пустыне Гоби Монголии. Ископаемые останки динозавров, которые обитали в пустыне Гоби в Монголии около 70 млн лет назад, были впервые раскопаны исследователями Монгольской палеонтологической экспедиции Академии наук СССР в период с 1946 по 1949 г., в ходе раскопок было обнаружено множество важных ископаемых (Барсболд, 1983, с. 58). В частности, в формации Нэмэгт Южно-Гобийского аймака обнаружено множество удивительных окаменелостей динозавров, таких как гигантский хищный динозавр тарбозавр батаар (Малеев, 1955) и растительноядный динозавр завролоф (рис. 4.-1) (Рождественский, 1951).

Археологические фонды содержат множество артефактов, имеющих научное значение, которые были случайно обнаружены в Южно-Гобийском аймаке и датируются периодом от каменного века до Монгольской империи. В отделе бронзового века имеется коллекция клинкового оружия, которая демонстрируется в зале древней истории музея. Помимо однолезвийных ножей с кольцевым навершием, важными материалами для археологических исследований бронзового века в коллекции музея являются бронзовый нож с навершием в виде головы козла (Волков, 1967, с. 15, рис. 2-11; Мацумото, Амгалантугс, Ишцэрэн, 2022) и бронзовый кинжал (рис. 4.-2).

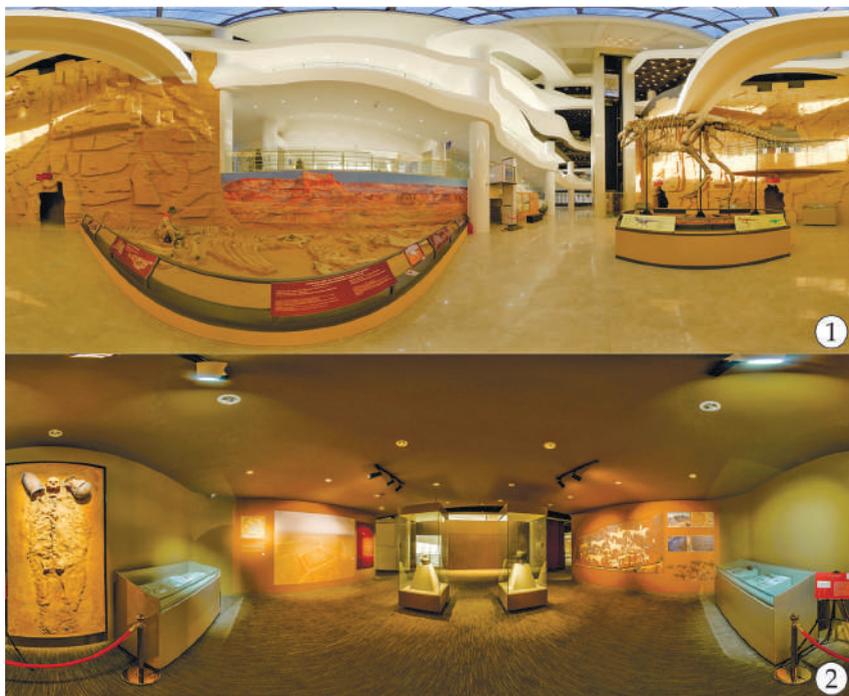

Рис. 3. Залы Музея природы и истории Гоби:
 1 — зал древней флоры и фауны; 2 — зал древней истории
 Fig. 3. Halls of the Gobi Museum of Nature and History:
 1 — hall of ancient flora and fauna; 2 — hall of ancient history

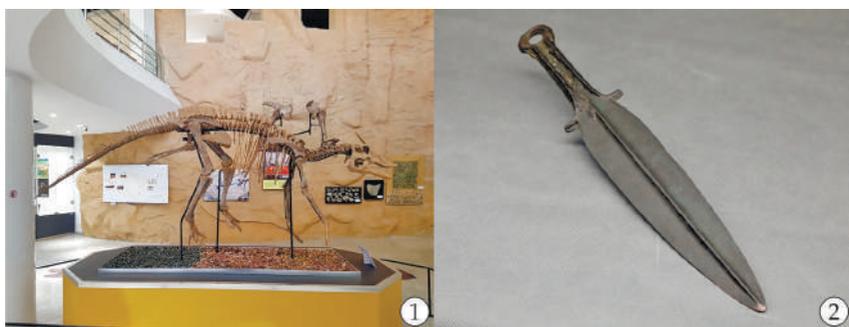

Рис. 4. Из палеонтологических и археологических коллекций музея:
 1 — утконосый динозавр зауролоф; 2 — бронзовый кинжал
 Fig. 4. From paleontological and archaeological collections of the museum:
 1 — duck-billed dinosaur *Zaurolophus*; 2 — bronze dagger

Недавно в музее были созданы такие отделы, как научно-исследовательская служба и отдел по связям с общественностью. В рамках деятельности этих служб особое внимание уделяется расширению и совершенствованию музейных исследований. Планируется в дальнейшем проводить интенсивные исторические и археологические полевые исследования в Гобийском районе. Музей всегда будет готов к сотрудничеству с профессиональными организациями России в деле сохранения и изучения историко-культурного наследия древних кочевников Центральной Азии. Наконец, мы рады пригласить всех наших дружелюбных российских коллег приехать в Гоби и посетить Музей природы и истории Гоби.

Список источников

- Барсболд Р. Хищные динозавры мела Монголии. М., 1983. 120 с.
- Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улаанбаатар, 1967. 148 с. (Studia Archaeologica. Vol. V. Fasc. 1).
- Говийн байгаль, туухийн музей: основной сайт музея. URL: <https://museum.om.gov.mn/>
- Малеев Е.А. Гигантские хищные динозавры Монголии // Доклады Академии наук СССР. 1955. Т. 104. №4. С. 634–637.
- Мацумото К., Амгалантугс Ц., Ишцэрэн Л. Дундговь, Умнуговь аймгийн музейд хадгалагдаж буй хурэл хутганы судалгаа // Studia Archaeologica. Vol. XLI. Fasc. 3. Улаанбаатар, 2022. С. 20–32. <https://doi.org/10.5564/sa.v41i1.2480>
- Монголын музейн нэгэн зууны туух: Архивын баримт, гэрэл зургийн цомог (1924–2024) / авт.-сост. Ч. Батдорж; отв. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар, 2024. 396 с.
- Музейн хугжил 70 жил. / авт.-сост. Ц. Отгонтуяа; отв. ред. Л. Мажая. Улаанбаатар, 2018. 200 с. URL: <https://museum.om.gov.mn/files/books/muzei-2018.pdf>
- Рожественский А.К. Утконосый динозавр-зауролоф из верхнего мела Монголии // Vertebrata Palasiatica. 1951. Vol. 1. №2. P. 129–149.

Информация об авторах / Information about the Authors

Отгонтуяа Цэрэндорж, Музей природы и истории Гоби, директор музея; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0005-4848-2701>, ts.otgontuya71@gmail.com

Otgontuya Tserendorj, Gobi Museum of Nature and History, Director of the Museum; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master Student, <https://orcid.org/0009-0005-4848-2701>, ts.otgontuya71@gmail.com

Цэнд Дул, Музей природы и истории Гоби, научный сотрудник; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Tsend Dul, Gobi Museum of Nature and History, Researcher; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Уянга Хасбаатар, Музей природы и истории Гоби, сотрудник регистрации и базы данных аймака; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0006-6629-6029>, uyangakhasbaatar2024@gmail.com

Uyanga Khasbaatar, Gobi Museum of Nature and History, Registration and Database Worker of Province; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0006-6629-6029>, uyangakhasbaatar2024@gmail.com

Болормаа Лавхуу, Музей природы и истории Гоби, научный сотрудник; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0002-7488-6070>, bolormaalavkhuu@gmail.com

Bolormaa Lavkhuu, Gobi Museum of Nature and History, Researcher; 453, Mongolia, South Gobi province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0002-7488-6070>, bolormaalavkhuu@gmail.com

Отгонжаргал Энх-Амгалан, Музей природы и истории Гоби, сотрудник регистрации и базы данных музея; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, <https://orcid.org/0009-0000-1099-1870>, eotgonjargal0608@gmail.com

Otgonjargal Enkh-Amgalan, Gobi Museum of Nature and History, Registration and Database Worker of the Museum; 453, Mongolia, South Gobi province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, <https://orcid.org/0009-0000-1099-1870>, eotgonjargal0608@gmail.com

Жаргал Баатаржав, Музей природы и истории Гоби, хранитель фондов; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, магистр, <https://orcid.org/0009-0007-5252-1253>, jargalmuseum@gmail.com

Jargal Baatarjav, Gobi Museum of Nature and History, Collection Worker; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, Master, <https://orcid.org/0009-0007-5252-1253>, jargalmuseum@gmail.com

Даваадорж Галсандорж, Музей природы и истории Гоби, реставратор; 453, Монголия, Южно-Гобийский аймак, г. Даланзадгад, VI баг, Новый поселенный район, <https://orcid.org/0009-0007-7933-3607>, galsandorjdavaadorj@gmail.com

Davaadorj Galsandorj, Gobi Museum of Nature and History, Restorer; 453, Mongolia, South Gobi Province, Dalanzadgad, VI bag, New Settlement Area, <https://orcid.org/0009-0007-7933-3607>, galsandorjdavaadorj@gmail.com

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.2:069.02:908

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.51

EDN: SYLHND

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ХУЖИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМ. Н.М. РЕВЯКИНА

Сергей Алексеевич Пилипенко¹, Юлия Степановна Мушинская²

¹*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

²*Хужирский краеведческий музей им. Н.М. Ревякина, п. Хужир, Россия*

Резюме. Район озера Байкал является контактной и сакральной зоной Восточной Сибири. Археологические исследования на его берегах и острове Ольхон позволили получить многие образцы древних артефактов, от каменного века до этнографической современности. Ольхон не перестает радовать ученых и в наши дни. Этой

работой мы продолжаем знакомить коллег и краеведов с богатыми собраниями главного музея о. Ольхон. В этот раз мы вводим в научный оборот информацию о двух артефактах, относящихся к категории «случайных находок»: меч и бронзовом котле скифского времени. Информация об этих находках значительно дополнит наши представления об истории и культуре аборигенного населения Прибайкалья.

Ключевые слова: меч, бронзовый котел, Ольхон, Хужир, Байкал

Для цитирования: Пилипенко С.А., Мушинская Ю.С. Новые поступления в Хужирский краеведческий музей им. Н.М. Ревякина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 338–3443. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.51

NEW ARRIVALS TO THE N.M. REVYAKIN KHUZHIR MUSEUM OF LOCAL LORE

Sergey A. Pilipenko¹, Yulia S. Mushinskaya²

¹*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia*

²*Khuzhir Museum of Local Lore named after N.M. Revyakin, Khuzhir village, Russia*

Abstract. The area of Lake Baikal is a contact and sacred zone of Eastern Siberia. Archaeological research on its shores and the island of Olkhon has made it possible to obtain many samples of ancient artifacts from the Stone Age to the ethnographic modernity. Olkhon continues to delight scientists today. With this work, we continue to acquaint colleagues and local historians with the rich collections of the main museum of the island of Olkhon. This time we are introducing into scientific circulation information about two artifacts belonging to the category of “accidental finds” — a sword and a bronze cauldron of the Scythian period. Information about these finds will significantly complement our understanding of the history and culture of the indigenous population of the Baikal region.

Keywords: sword, bronze cauldron, Olkhon, Khuzhir, Baikal

For citation: Pilipenko S.A., Mushinskaya Yu.S. New Arrivals to the N.M. Revyakin Khuzhir Museum of Local Lore. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:338–343. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.51

Региональные музеи выполняют важную просветительскую функцию как для местного контингента, так и для туристов. Значительное влияние на работу учреждения имеет его месторасположение. В этом плане краеведческому музею им Н.М. Ревякина очень повезло. Музей расположен в одном из красивейших мест не только нашей Родины, но и мира, на острое Ольхон, посреди всемирно знаменитого озера Байкал. Это место имеет поистине богатую историю. Поэтому и в музее мы можем увидеть весьма интересные артефакты, которые, к счастью для туристов и местных жителей, не попали в центральные музеи региона и страны.

Работа с фондами этого небольшого, но богатого коллекциями музея еще удивит многих специалистов.

В данной работе мы рассмотрим всего два экспоната, выявленных случайным образом в разных местах острова в 2024 г.

Рис. 2. Железный меч, и его детали, найденные в пункте №1:
 1 — общий вид, 2 — обмотка рукояти, 3 — клепки на перекрестье
 Fig. 2. The iron sword, and its details found in item No. 1:
 1 — general view, 2 — handle winding, 3 — rivets on the crosshair

Рис. 3. Бронзовый котел найден в пункте №2:
 1 — вид до расчистки, 2 — вид донной части, 3 — кости тюленя
 Fig. 3. The bronze cauldron was found in point No. 2:
 1 — view before clearing, 2 — view of the bottom, 3 — seal bones

к мечу. Концы пластин с обоих краев склепывались одиночными заклепками (рис. 2.-4). При пересечении перекрестья с рукоятью меча было применено две заклепки (рис. 2.-3).

Рукоять меча имеет обмотку из волокнистой веревки, возможно, крапивной, явно позднего происхождения. На вид возраст нити около 100 лет. Так же «свежими» выглядят детали перекрестья с заклепками. Хотя сам меч вполне можно отнести к археологической эпохе. Исходя из этого, мы выдвигаем следующее предположение.

Возможно, сам меч был создан в более ранние периоды. Аналогичные мечи без перекрестья с овальным навершием бытовали на территории Восточной и юге Западной Сибири в III–V вв. н.э. (Горбунов, 2006, с. 208, рис. 62). Хотя, возможно, наш меч несколько более поздний. В более поздний период, на рубеже XIX–XX вв., меч был найден жителями острова Ольхон и вторично переиспользован для шаманских практик. Переделке подверглись рукоять, получившая клепаное перекрестье, и обмотка из крапивной веревки. После чего меч был вновь утрачен до момента более позднего обнаружения.

Второй экспонат поступил в музей весной 2024 г. с рядом других предметов. Это бронзовый котел. Котел был найден в южной части острова Ольхон, между улусом Хадай и падью Идеба (рис. 1.-2).

Это бронзовый котел с ручками, без поддона (рис. 3.-1). Осмотр предмета показал, что он был отлит в двусторонней форме, через два литника, расположенных со стороны плоского дна (рис. 3.-2). Высота котла превышает 45 см. Более точных размеров мы намеренно не представляем в связи с предстоящим исследованием этого предмета. Котел не имеет традиционного поддона. Выступающие на 5–10 см ручки немного отходят в сторону от тулова котла. Котел имеет орнаментацию, занимающую верхнюю треть его высоты. Внутри котла было заполнение из земли и костей тюленя (рис. 3.-3). Заполнение котлов костными остатками животных известны от скифского Причерноморья до Тувы. Анализ специальной литературы не дал результата в плане аналогий. Форма котла сильно напоминает глиняную посуду этого региона рубежа эр. Уникальность находки предварительно подтверждается д.и.н. А.Л. Хоринским. Предварительно котел датируется рубежом эр и относится к елгинской эпохе. Ответ был получен из переписки с одним из авторов этой работы.

Елгинская культура бытовала в III в. до н.э. — IV в. н.э. на территории двух смежных культурно-исторических областей: Байкальской и Ангаро-Ленской.

Таким образом, 2024 г. стал знаковым для Хужирского краеведческого музея им. Н.М. Ревякина как по обретению давно считавшихся утраченными ранее находок из фондов, так и поступивших новых. Изучение меча демонстрирует возможную трансформацию и перемещения более древнего артефакта из категории боевого в сакральный, но с явно более поздним, европейским влиянием на изделие.

Находка бронзового котла периода раннего железного века позволит выгодно дополнить и визуализировать раздел экспозиции этого периода, а также даст возможность дальнейшего комплексного изучения предмета.

Список источников

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Алексеевич Пилипенко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, кафедра философии и гуманитарных наук юридического факультета; 630007, Россия, г. Новосибирск, ул. Плехотного, 56, педагог высшей категории сектора СПО, <http://orcid.org/0000-0002-7769-236X>, Pilipenkosergej@mail.ru

Sergey A. Pilipenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Department of Philosophy and Humanities, Faculty of Law; 56 Plakhotny str., Novosibirsk, 630007, Russia, Teacher of the Highest Category of the Vocational Education Sector, <http://orcid.org/0000-0002-7769-236X>, Pilipenkosergej@mail.ru

Юлия Степановна Мушинская, Хужирский краеведческий музей им. Н.М. Ревякина; 666137, Россия, п. Хужир, ул. Первомайская, 2а, директор музея, <http://orcid.org/0000-0003-7567-136X>, museu666137@mail.ru

Yulia S. Mushinskaya, N.M. Revyakin Khuzhir Museum of Local Lore; 2a Pervomayskaya str., Khuzhir, 666137, Russia, Director of the Museum, <http://orcid.org/0000-0003-7567-136X>, museu666137@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 05.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.27

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.52

EDN: IOIYAU

ГРАВИРОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПОСТРОЙКИ С РЕКИ КЫРЛЫК

Даниил Романович Плотников¹, Елена Леонидовна Краснова²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

Резюме. В работе рассматривается хронологическая и культурная принадлежность петроглифа (гравированного изображения) с редкой композицией в виде одиночной постройки, выявленного в ходе ревизии в археологическом фонде Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. Фрагмент скалы с изображением был привезен из долины р. Кырлык (ныне — Усть-Канский р-н, Республика Алтай) сотрудником музея Б.Х. Кадиковым в 1962 г. Выгравированное строение конструктивно представляет собой бревенчатое или дощатое сооружение с плоской крышей с парными скосами по краям. Ближайшие аналоги рассматриваемого предмета обнаруживаются в многофигурных композициях со сценами камлания, найденными в долине р. Елангаш и отнесенными В.Д. Кубаревым к искусству алтайцев этнографического периода.

Ключевые слова: Алтай, гравировка, петроглифы, постройки

Благодарности: авторы выражают благодарность директору Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки С.А. Бартышевой и заведующей фондами археологии Л.И. Чегодаевой за доступ к коллекциям и содействие в работе с ними.

Для цитирований: Плотников Д.Р., Краснова Е.Л. Гравированное изображение постройки с реки Кырлык // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 343–348. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.52

AN ENGRAVED IMAGE OF A BUILDING FROM THE KIRLYK RIVER

Daniil R. Plotnikov¹, Elena L. Krasnova²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The paper examines the chronological and cultural affiliation of the petroglyph (engraved image) with a rare composition in the form of a single building, identified during an audit in the archaeological fund of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianchi. The fragment of the rock with the image was brought from the valley of the Kirlyk river (now Ust-Kansky district, Altai Republic) by an employee of the museum B.H. Kadikov in 1962. The engraved structure is structurally a log or plank structure with a flat roof with paired bevels along the edges. The closest analogues of the subject under consideration are found in multi-figure compositions with scenes of the shaman's ritual, found in the valley of the Elangash River and attributed by V.D. Kubarev to the art of the Altaians of the ethnographic period.a

Keywords: Altai, engraving, petroglyphs, buildings

Acknowledgments: the authors would like to thank Svetlana A. Bartyшева, Director of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Bianki, and Ludmila I. Chegodaeva, head of the Archaeology funds, for access and assistance in working with the collections.

For citation: Plotnikov D.R., Krasnova E.L. An Engraved Image of a Building from the Kirlyk River. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:343–348. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.52

В настоящее время вопрос выявления и интерпретации изображений жилищ и иных построек в наскальном искусстве российского Алтая остается относительно малоизученным. В отличие от областей юга Восточной Сибири и монгольской части Алтайской горной страны, откуда известны представительные серии разнокультурных петроглифических изображений в хронологическом интервале от бронзового века до этнографической современности, с территории Алтайского края и Республики Алтай достаточно подробно изучены лишь комплексы изображений юрт эпохи Средневековья (местонахождение Дялбак, Центральный Алтай; Урбушев, Константинов, 2021) и схематичные изображения построек со скал долины р. Елангаш (Окладников и др., 1980, с. 21, 80–81). Тем не менее существует крупный корпус петроглифов, не введенных в научный оборот, но содержащих в себе одиночные или интегрированные в композиции изображения различных строений, позволяющих пролить свет на некоторые аспекты быта и хозяйственного уклада населения региона в прошлом. Одним из таких источников является гравированное изображение постройки с реки Кырлык.

Фрагмент скалы с рассматриваемым изображением был выявлен в 2023 г. в ходе ревизии фондов археологии Бийского краеведческого му-

зя им. В.В. Бианки. Предмет, принятый на хранение под номером 159, был привезен сотрудником музея Б.Х. Кадиковым из окрестностей реки Кырлык близ ее устья (ныне территория Усть-Канского района Республики Алтай). Исходя из сообщения коллектора и геоморфологических особенностей региона, вероятным местом сбора был крупный сланцевый останец, расположенный в 7 км выше по течению р. Кырлык от места ее впадения в реку Ябоган. Останец, имеющий подтреугольную в плане форму, вытянут в направлении ЮЗ–СВ, имеет размеры 0,5×0,35 км, сложен зеленовато-серыми сланцами с вертикальной и субвертикальной ориентацией слоистости, образующей протяженные вертикальные и субвертикальные плоскости, пригодные для нанесения изображений.

Рассматриваемый предмет представляет собой фрагмент сланцевой скалы, до отделения находившийся, вероятно, в вертикальном или субвертикальном положении (рис. 1). Сланец зеленовато-серый, плотный, слоистость выражена слабо, разделение породы по слоям не выражено, следы интенсивного химического или физического выветривания самого камня и нанесенной гравировки не прослеживаются. По всей видимости, после отделения фрагмента от скалы он сам подвергся дополнительному разделению в продольном направлении с образованием двух брусковидных частей (как целый предмет, так и его части имеют форму, близкую к параллелепипеду). Линия разлома при этом прошла поперек гравировки, разделив изображение надвое; петроглиф при разделении получил незначительные повреждения в виде отделения поверхностных слоев сланца с частью линий в нижней и средней зонах изображения.

Само изображение (рис. 2) представляет собой гравировку. Гравирование производилось путем протягивания по поверхности камня инструмента с узким рабочим краем — ширина линий не превышает 0,5 мм. Изображение представляет собой схематичную плоскостную боковую проекцию стены постройки и, по всей видимости, прилегающих к ней конструкций и/или элементов ландшафта. Основная часть здания изображена в виде трех широких полос (бревна или доски?), перемежающихся двумя узкими линиями (конопачение?); еще одна узкая полоска отделяет верхнее «бревно» от крыши. Крыша двускатная, с широкой площадкой сверху, изображена в виде трапеции. Пространство внутри контура крыши заполнено группами из 3–4 диагональных косых линий (ориентация наклона групп линий чередуется), вероятно, изображающих кровлю. В правой части гравировки между верхним «бревном» и скосом нижней зоны ската крыши расположено неполное изображение неизвестного объекта (сохранившаяся часть имеет вид наклонной F-образной композиций из одиночных линий), остальная часть которого была утрачена в ходе отделения блока породы. От нижнего правого угла постройки отходит пара из горизонтальной и диагональной линий, возможно, изображающих плоскость земли, на которой установлен объект.

Конструктивно изображенная постройка может представлять собой небольшой сруб или дощатое строение. Обращает на себя внимание отсут-

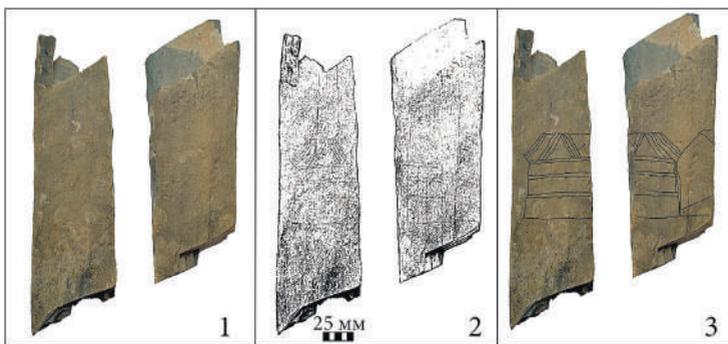

Рис. 1. Фрагмент скалы с гравированным изображением постройки:
 1 — общий вид двух апплицирующих фрагментов плиты;
 2 — изображение высокой контрастности; 3 — прорисовка гравировки
 Fig. 1. A fragment of a rock with an engraved image of a building: 1 — a general view of two overlapping fragments of the plate; 2 — a high contrast image; 3 — an engraving drawing

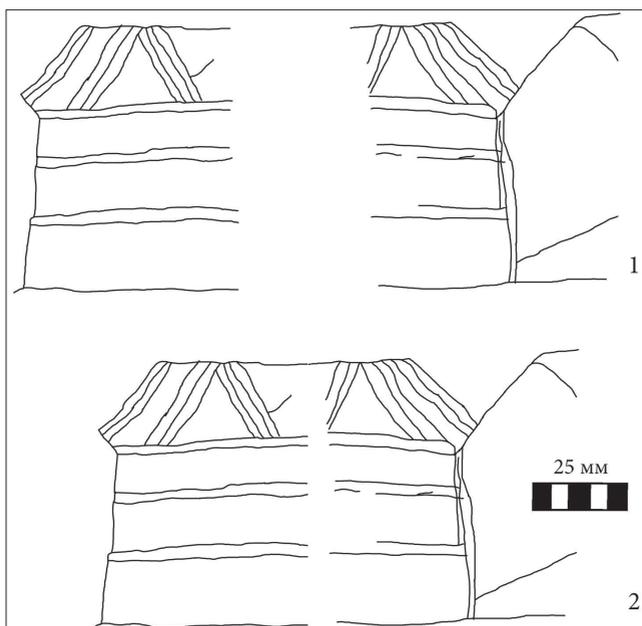

Рис. 2. Прорисовка изображения на разделенных (1) и апплицированных
 фрагментах плиты (2). Областью разрыва линий гравировки
 отмечен участок повреждения верхних слоев камня
 Fig. 2. Drawing the image on the divided (1) and applied fragments of the slab (2). The area of the rupture of the engraving lines marks the area of damage to the upper layers of the stone

ствие на фасаде окон и дверей, а также признаков трубы или иного дымоотвода на крыше. Эти признаки могут указывать на то, что изображенный объект являлся хозяйственным строением или временным жилищем.

Ближайшими аналогами гравировки с Кырлыка служат изображения предполагаемых сооружений, выгравированные вместе со сценами камлания на обеих сторонах плитки из Елангаша (рис. 3), датированной В.Д. Кубаревым этнографическим временем (Кубарев, 2001). Объекты на обеих сторонах предмета перекрыты контурами тел людей, однако в них прослеживается сходство с кырлыкской гравировкой, заключающееся в наличии трапециевидной или подтрапециевидной крыши с парными скосами по краям и основной части здания, разделенной узкими поперечными полосами. Окна и дымоотводы у этих конструкций также отсутствуют, а дверной проем изображен только на одном из трех объектов.

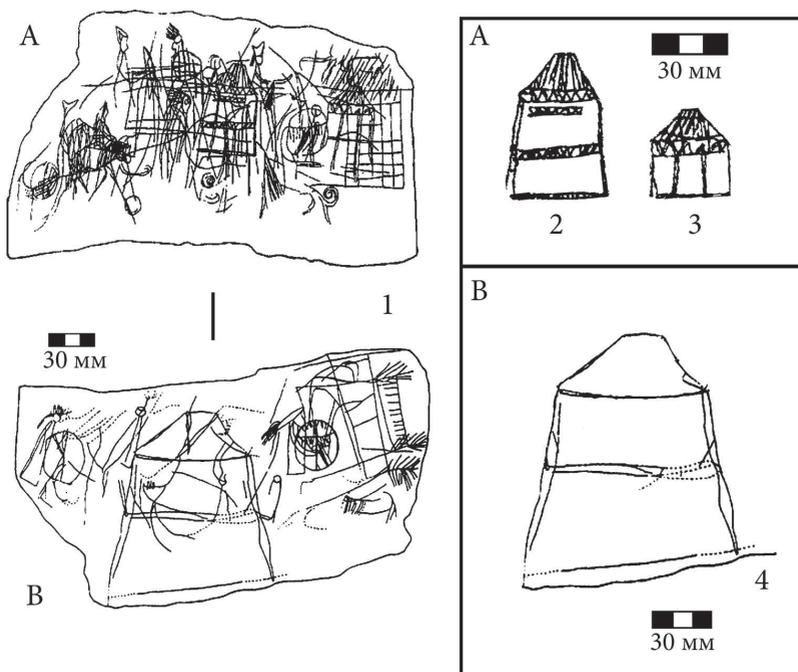

Рис. 3. Плитка из Елангаша (по: Кубарев, 2001). Общий вид гравировок (1), стороны А и В. Увеличенные изолированные изображения построек со сторон А (2, 3) и В (4)
 Fig. 3. Tiles from Elangash (by Kubarev, 2001). General view of the engravings (1), sides А and В. Enlarged isolated images of buildings from sides А (2, 3) and В (4)

Таким образом, по аналогии с материалами из Елангаша гравировка с Кырлыка может быть предварительно отнесена к алтайскому искусству этнографического времени.

Список источников

Кубарев В.Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Т. 6. Горно-Алтайск, 2001. С. 89–107.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980. 140 с.: ил.

Урбушев А.У., Константинов Н.А. Изображения средневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 243–248.

Информация об авторах / Information about the Authors

Даниил Романович Плотников, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, студент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Daniil R. Plotnikov, Altay State University, Department of Archeology, Ethnography and Museology, Student; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave, <https://orcid.org/0000-0002-6855-7011>, plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

Елена Леонидовна Краснова, Новосибирский государственный университет, гуманитарный институт, студент; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2; <https://orcid.org/0009-0003-7867-5374>, e.krasnova@g.nsu.ru

Elena L. Krasnova, Novosibirsk State University, Humanitarian Institute, student; 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogova str., 2; <https://orcid.org/0009-0003-7867-5374>, e.krasnova@g.nsu.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 394:379.85(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.53

EDN: LTQDTY

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ АЛТАЙЦЕВ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

(на примере парка «Хранитель Большого Алтая» на курорте «Манжерок»)

Надежда Алексеевна Тадина, Тенгис Степанович Ябыштаев
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. В статье на основе анализа собранного материала по Республике Алтай освещается вопрос о способах актуализации этнокультурного наследия алтайцев. На примере тематического парка «Хранитель Большого Алтая», представляющего собой арт-объект и достопримечательность курорта «Манжерок», описаны способы презентации эпических героев, сохранившихся в этнической памяти алтайцев. Обращается внимание на тенденцию появления мнимых «алтайских» образов. Отмечено, что для развития туризма Республики Алтай, как центра Большого Алтая, характерно распространение культурных кодов алтайцев как способа поиска имиджа трансграничного региона в мировом экотуризме.

Ключевые слова: этнокультурное наследие, алтайцы, республика, туризм, Большой Алтай

Для цитирования: Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Об этнокультурном наследии алтайцев в развитии туризма Республики Алтай (на примере парка «Хранитель Большого Алтая» на курорте «Манжерок») // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 348–352. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.53

THE ETHNOCULTURAL HERITAGE OF THE ALTAI PEOPLE IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE ALTAI REPUBLIC (Based on the Park “Keeper of the Great Altai” at the Resort “Manzherok”)

Nadezhda A. Tadina, Tengis S. Yabyshtayev
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Abstract. Based on the analysis of the collected material on the Altai Republic, the article highlights the issue of ways to actualize the Altai people’ ethnocultural heritage. Using the example of the theme park “Keeper of the Greater Altai”, which represents an art object and attraction of the resort “Manzherok”, the methods of presenting epic heroes preserved in the ethnic memory of the Altai people are described. Attention is drawn to the tendency of the imaginary “Altai” images emergence. It is noted that the development of tourism in the Altai Republic, as the center of the Greater Altai, is characterized by the spread of Altai people’ cultural codes as a way of searching for the image of a transboundary region in world ecotourism.

Keywords: ethnocultural heritage, Altai people, republic, tourism, Greater Altai

For citation: Tadina N.A., Yabyshtayev T.S. The Ethnocultural Heritage of the Altai People in the Development of Tourism in the Altai Republic (based on the park “Keeper of the Greater Altai” at the Ski Resort “Manzherok”). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:348–352. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.53

В современном глобальном мире воздействие на общественность осуществляется через конструирование властью нужных представлений о прошлом и настоящем времени. Горный Алтай соединяет четыре государства — Россию, Казахстан, Китай и Монголию. На их приграничных территориях продолжают Алтайские горы: в Монгольском и Гобийском Алтае в Монголии, в верховье р. Иртыша, северной части Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Казахстанский Алтай в юго-западной части Алтайской горной системы занимает почти половину Восточно-Казахстанской области. Все четыре Алтая — российский, казахстанский, монгольский и китайский, формируя истоки рек Обь и Иртыш, составляют единый большой регион, получивший наименование «Большой Алтай».

Проект трансграничного регионального сотрудничества «Большой Алтай» был разработан по аналогии с «еврорегионами», объединениями соседних областей внутри Европейского союза. Участники, четыре государства на стыке Алтая, ставят вопрос об укреплении международной безопасности и экономической стабильности. Перспективы развития Большого Алтая обусловлены разнообразием природных ресурсов и особенностями географиче-

ского положения в центре континента Евразия (Tadina, Tzib, Yabyshtaev, 2023). В этом отношении показательна Республика Алтай, значимые природные объекты которой были включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1998 г. под номинацией «Золотые горы Алтая». К ним относятся Алтайский заповедник с зоной Телецкого озера, Катунский заповедник с природным парком Белуха, природный парк «Зона покоя Укок» и плато Укок (Золотые горы Алтая...). Это первый шаг на пути включения в список всемирного наследия других природных объектов сопредельных стран.

В развитии проекта «Большой Алтай» заложены два направления — экологическое и экономическое. Согласно первому направлению необходимо дать Алтайской горной системе, расположенной в сопредельных регионах четырех соседних стран, статус «зоны покоя», что означает прекращение на ее территории крупномасштабной хозяйственной деятельности и открытие трансграничной сети заповедников. Второе направление проекта «Большой Алтай» связано с развитием туризма, ведь туризм начала XXI в. — это глобальное экономическое и социокультурное явление мира. Охрана природных территорий формирует имидж трансграничного Алтая как центра мирового экотуризма. Развитие международного туризма является приоритетной задачей сотрудничества, о чем свидетельствует цикл научно-практических конференций по трансграничной интеграции на Алтае.

Проблемы реализации проекта «Большой Алтай» вызывают активный исследовательский интерес. В статье О.Н. Барабанова обращено внимание на тот факт, что «отношения экологического и экономического направлений интеграции в “Большом Алтае” носят резко конфликтный характер, т.е. в связи с ростом интереса к проекту увеличилось и открытое противодействие ему». В 2000-х гг. проект «Большой Алтай» стал причиной раскола региональной власти: «противниками строительства дороги из Китая выступили в первую очередь экологи и ряд национальных движений Республики Алтай, поскольку пограничное горное плато Укок, через которое намечено проложить трассу, было объявлено “зоной покоя” (как в природном, так и в культурно-религиозном для алтайцев смысле)» (Барабанов). А.Н. Дунец в статье «Туризм в трансграничном сотрудничестве: возможности и ограничения в Алтайском горном регионе» рассматривает развитие международного туризма во взаимосвязи с проблемами сохранения природы и культурно-исторического наследия Алтая. Приведены результаты анализа мнений экспертов в отношении возможностей и угроз от активизации трансграничного туристского сотрудничества в Алтайском горном регионе. А.Н. Дунец предлагает через распространение этнокультурного туризма способствовать «установлению культурных связей, участию в национальных и культурных праздниках, знакомству с культурными объектами и организациями (музеи, творческие коллективы и др.)» (Дунец, 2018).

Развитие Республики Алтай как части общего региона Большого Алтая по направлению туризма показывает, как с помощью усилий столичных инвесторов идет активное строительство курорта «Манжерок», аэропорта

«Горно-Алтайск» и скоростных автотрасс. С другой стороны, туризм способствует повсеместному распространению этнических образов алтайцев, о чем свидетельствует создание тематического парка «Хранитель Большого Алтая» на курорте «Манжерок». По сути, происходит появление мнимых «алтайских» образов. Так, на вершине горы Синюха установлен объект «Золотая баба», названная алтайским именем Алтынай: «Золотую бабу и легенду о ней придумал художник-самоучка, самопровозглашенный “шаман”... Фигура выполнена на основе древних скульптур, символизирующих плодородие, — широкие бедра, большая грудь, именно так выглядели древние “Венеры”» (Золотая Баба Алтая...). Общественная организация «Курултай алтайского народа» обратилась в региональное правительство о нарушении традиций алтайцев и потребовала убрать с горы скульптуру обнаженной «Золотой бабы» (Кыдыева, 2024, с. 4).

Г.О. Греф, глава Сбербанка, главного инвестора в Республике Алтай, в июне 2023 г. провел экскурсию на одной из экотроп в тематическом парке «Хранитель Большого Алтая». Он подчеркивал, что под его руководством строят крупный курорт «Манжерок», «воссоздавая природу Алтая». Тематический парк «Хранитель Большого Алтая» расположен на вершине Малой Синюхи, на высоте 1240 метров, у подножья которой расположен курорт «Манжерок». Созданный парк посвящен истории древнего Алтая, которая показана через образ эпического богатыря Когудей-Мергена, главного героя алтайского эпоса «Маадай-Кара» (Тематический парк...). Автор созданного парка, художник Аржан Ютеев установил изваяние, называемое алтайцами «*кезер таиш*». Оно высокое, свыше двух метров, в отличие от древних изваяний. Изображает Когудей-Мергена, одетого в воинские доспехи и шлем, со щитом, вооруженного луком со стрелами. Его взор направлен на восток, что неслучайно, ведь в традиционном мировоззрении алтайцев с востоком, где встает солнце, связана земная жизнь, надежда на мир и счастье человека и его семьи, оттого считается благоприятной стороной света. На востоке, вдоль горного хребта *Кок Кайа* (Синяя Скала, в смысле Синие скальные горы), остались боевые подвиги Когудей-Мергена.

Парк дополняют боевые доспехи эпического богатыря в виде скульптурных композиций «Щит», «Лук», «Шлем», «Меч», «Топшур». Каждая оснащена табличкой с информацией на алтайском и русском языках, с поэтическим описанием доспехов из эпоса «Маадай-Кара». К примеру, «*топишуур*» представляет собой струнный музыкальный инструмент алтайцев, воспетый в эпосе. Издавна в сопровождении игры на нем исполнялось эпическое произведение о подвигах древних богатырей, охранявших свою родину Алтай. Тематический парк «Хранитель Большого Алтая» представляет собой арт-объект и достопримечательность курорта «Манжерок». Он создан для ознакомления гостей с историей региона и этнической культурой алтайцев. Погружение в древние загадки происходит на экотропе, где установлены большие каменные шары с нанесенными на них знаменитыми петроглифами и рунами Алтая.

Потенциал развития отрасли туризма в Республике Алтай связан с широтой туристских предложений на основе имеющихся уникальных природных и этнокультурных ресурсов региона. Находясь в центре Большого Алтая, изучаемый регион становится объектом геополитических интересов, неслучайно на его территории разрабатывается проект семи туристско-рекреационных кластеров. Планируемые туркластеры будут построены в высокогорье, в нетронутых уголках дикой природы, священных местах алтайцев. Туризм усилил актуальность проблемы сохранения природного и этнокультурного наследия региона.

Список источников

Барабанов О.Н. Большой Алтай: проект трансграничного регионального сотрудничества на стыке Центральной Азии и Сибири // СА&С Press АВ Издательский Дом (Швеция). URL: https://ca-c.org.ru/journal/2002/journal_rus/cac-05/08.barrus.shtml (дата обращения: 25.02.2025).

Дунец А.Н. Туризм в трансграничном сотрудничестве: возможности и ограничения в Алтайском горном регионе // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2018. №1. С. 24–32.

Золотая Баба Алтая: почему так популярна? // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YjiRGDtOlkzPl-e7> (дата обращения: 25.02.2025).

Золотые горы Алтая // ЮНЕСКО в России. URL: <https://unesco.ru/unescorussia/sites/s768/> (дата обращения: 25.02.2025).

Кыдыева В.Я. О «Золотой бабе» Всесезонного курорта «Манжерок» // Улалу. 2024. 29 декабря. С. 4.

Тематический парк «Хранитель Большого Алтая» // Русское географическое общество. URL: <https://rgo.ru/activity/travel-list/places-and-events/tematicheskii-park-khranitel-bolshogo-altaya/> (дата обращения: 25.02.2025).

Tadina N.A., Tzib A.V., Yabyshtaev T.S. Main Trends in the Policy of Regionalism Formation in the Republic of Altai // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. 2023. Pp. 294–308. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_26

Информация об авторах / Information about the Authors

Надежда Алексеевна Тадина, Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, доцент; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>, ntadina@yandex.ru

Nadezhda A. Tadina, Gorno-Altai State University, Department of History and Archeology, Associate Professor; 649000, Gorno-Altai, st. Lenkina, 1, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>, ntadina@yandex.ru

Тенгис Степанович Ябыштаев, Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, ассистент; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-9200-5954>, teng7891@mail.ru

Tengis S. Yabyshtaev, Gorno-Altai State University, Department of History and Archeology, Assistant; 649000, Gorno-Altai, st. Lenkina, 1, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-9200-5954>, teng7891@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ АРХЕОЛОГИИ

Сергей Семенович Тихонов

*Омская лаборатория Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Россия*

Резюме. Автор рассматривает литейную форму и два вислообушных топора, хранящихся в коллекции Омского историко-краеведческого музея. Попавшие в разное время и разными путями в его археологические фонды, они никогда не были предметом исследования специалистов. Введение неизученных артефактов в научный оборот может способствовать более полному изучению источников по рубящим орудиям эпохи поздней бронзы, способам их изготовления и территории распространения. Однако имеется и другая проблема, связанная с вводом в научный оборот археологических коллекций, хранящихся в музеях, информация о происхождении которых частично или полностью утрачена в связи с событиями Гражданской и Великой Отечественной войн, а также с административными процессами при реорганизации музеев или при перемещении их фондов.

Ключевые слова: вислообушные топоры, литейные формы, музей, археологические коллекции

Благодарности: благодарю сотрудников ОГИК музея за помощь в изучении и фотографировании материалов.

Для цитирования: Тихонов С.С. Музейные коллекции и изучение современных проблем археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 353–357. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.54

MUSEUM COLLECTIONS AND STUDY OF CONTEMPORARY PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Sergey S. Tikhonov

*Omsk Laboratory of Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch, Omsk, Russia*

Abstract. The author examines a casting mold and two shaft-butted axes stored in the collection of the Omsk Museum of History and Local Lore. Having found its way into its archaeological collections at different times and in different ways, its have never been the subject of research by specialists. The introduction of unstudied artifacts into scientific circulation can contribute to a more complete study of sources on chopping tools of the Late Bronze Age, their manufacturing methods and distribution areas. However, there is another problem associated with the introduction into scientific circulation of archaeological collections stored in museums, information on the origin of which was partially or completely lost due to the events of the Civil and Great Patriotic Wars, as well as with administrative processes during the reorganization of museums or the transfer of their collections.

Keywords: shaft-butted axes, casting molds, museum, archaeological collections

Acknowledgments: I want to express my gratitude to the staff of the OGIK Museum for their assistance in studying and photographing the materials.

For citation: Tikhonov S.S. Museum Collections and Study of Contemporary Problems of Archaeology. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:353–357. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.54

В последние несколько лет учеными Барнаула, Кемерово, Новосибирска была опубликована серия работ, касающихся вислообушных топоров периода поздней бронзы, найденных в Сибири (Бородовский, 2022, с. 41–48; Ковтун, 2021, с. 157–164; Тишкин, Фролов, 2016, с. 124–128; 2017, с. 87–96). Статьи несколько отличающиеся друг от друга по проблематике, показывают интерес исследователей к такого рода предметам и свидетельствуют об актуальности их изучения. В Омском государственном историко-краеведческом музее (ОГИК музее) хранятся предметы, которые могут пригодиться коллегам при подготовке статей о вислообушных топорах (рис.).

Каменная форма для изготовления вислообушного топора (рис.-1) длиной 29,6 и шириной 10,5 см для отливки длиной 23,1 см, с лезвием 3 см, и проухом 4,4 см. Инвентарный номер ОМК-4533. Форма сделана тщательно и великолепно сохранилась, если не считать незначительного скола на одной из створок. На створках формы имеются риски для их правильной стыковки и отверстия для заливки металла. Неизвестно, где форма была изготовлена и найдена, так как предмет происходит из коллекций Музея Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, сведения о которой частично утрачены (Археологическая коллекция..., 2022, с. 142, рис. 250, с. 142).

Бронзовый проушной топор (рис.-2) длиной 22,6 см, ширина лезвия 4,5 см, диаметр проуха 3,5 см. Инвентарный номер ОМК-11249. Особенность изделия — относительно неширокое лезвие и массивный обух. В ОГИК музее поступил в 1988 г. от А.Ф. Козлова, который нашел его барже с песком, предназначавшимся для жилищного строительства (Археологическая коллекция..., 2022, с. 92, рис. 134, с. 92; Путеводитель по фондам..., 2020, с. 60). Поиски находчика не увенчались успехом, так как он вышел на пенсию и в Иртышском речном пароходстве давно не работает. Кроме того, он несколько раз менял место жительства. Однако удалось установить, что песок в том году возили из Казахстана.

Бронзовый топор в составе клада (рис.-3) (Омский клад, иначе — находки у мыловаренного завода им. Юргенсона). Длина изделия 15,5 см, ширина лезвия 4,5 см, диаметр проуха 2,3 см. Инвентарный номер ОМК-4489/6. Предмет найден омским краеведом и археологом любителем С.А. Ковлером примерно в 1918–1921 г. в «яме» (Путеводитель по фондам ..., 2020, с. 61–62; Археология Омска ..., 2016, с. 172). Сейчас на месте находок находится торгово-выставочный центр «Каскад» (Омск, проспект К. Маркса, 24). Казалось бы, налицо закрытый комплекс. Однако кроме топора А.С. Ковлер передал одновременно в музей бронзовое ожерелье, бронзовый нож, бронзовый амулет в виде колеса, бронзовый и железный наконечники стрел, ножевид-

Литейная форма и топоры из ОГИК музея: 1 — каменная литейная форма; 2-3 — топоры
Foundry mold and axes from the OGIK museum: 1 — stone casting mold; 2-3 — axes

ные пластины, каменные скребки, которые, судя по имеющимся сведениям, он нашел в этом же месте (Археологическая коллекция ..., 2022, с. 93–94; Археология Омска ..., 2016, с. 172; Путеводитель по фондам ..., 2020, с. 61–61). Несомненно только его расположение на первой надпойменной правобережной террасе Иртыша в районе ТВЦ «Каскад».

Все предметы в настоящее время находятся в постоянной экспозиции, смонтированы на планшетах и помещены в застекленные витрины. Сотрудники музея любезно вынули планшеты с витрин, но размонтировать их не стали, поэтому вещи не получилось сфотографировать со всех сторон. Сохранность предметов хорошая.

Конечно, источниковая база после публикации литейной формы и двух топоров увеличится незначительно, но накопление материалов, хотя бы для статистики, всегда является фактором положительным. Нельзя сказать, что публикуемые мной предметы совсем не опубликованы. Наоборот, дирекция музея регулярно публикует каталоги, в которых о них есть краткая информация (Археологическая коллекция ..., 2022; Археология Омска ..., 2016; Путеводитель по фондам ..., 2020). Один из предметов размещен в Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации — Госкаталоге (<https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=7390485>).

Но так уж случилось, что археологи не всегда внимательно рассматривают издания музеев или официальный сайт Госкаталога. Поэтому существует проблема исчерпывающего и быстрого информирования специалистов об имеющихся в музеях коллекциях и об организации к ним удобного доступа. В разное

время мне довелось знакомиться с археологическими коллекциями, хранящимися в сибирских университетах или в краеведческих музеях сибирских городов. Ситуация с изучением коллекций иногородними учеными примерно одинакова. Но я буду говорить о Музее археологии и этнографии Омского университета.

Самое печальное то, что нет опубликованных всех без исключения коллекций, хранящихся в музеях, с иллюстрациями хорошего качества. Конечно, есть электронный каталог коллекций и полевых отчетов. Но это не всегда означает, что исследователь может сразу же ознакомиться с нужными ему материалами, поскольку сейчас в музее только один сотрудник. Кроме того, из-за частой сменяемости музейных кадров некоторые коллекции не разобраны. Казалось бы, это не страшно, но могут возникнуть разные ситуации. Например, керамика Еловского поселения из раскопок В.И. Матющенко разобрана только наполовину, а материалы раскопок могильников долгое время не были опубликованы. И о посуде Еловского комплекса только по краткой публикации (Матющенко, Тихонов, 1991, с. 73–78). Может быть, отсутствие возможности детально изучить этот комплекс явилось одним из факторов, на мой взгляд, некорректного выделения танайской культуры (Ковтун, 2020, с. 20–42; Тихонов, 2021, с. 7–18).

Не опубликованы полностью коллекции поселения Новотроицкое-I переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (раскопки А.Я. Труфанова), алакульского могильника Ермак-IV (раскопки С.В. Сотниковой), Мурлинского городища эпохи средневековья (раскопки В.И. Матющенко). Много трудов предстоит, чтобы разобраться с материалами раскопок Л.И. Погодиным саргатских могильников на правом берегу Иртыша и в урочище Батаково (на левом берегу реки).

К сожалению, с течением времени коллекции музеев депаспортизируются. Например, неизвестны места происхождения предметов из музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Примеров можно привести массу. Но получается, что археологи привозят в музей материалов больше, чем их успевают обрабатывать музейные работники. Полагаю, это плохая тенденция, и со временем неразобранные коллекции будут похоронены под слоями новых находок и не будут востребованы. И возникает риторический вопрос: а действительно ли археологический памятник спасен в результате раскопок или это отложенная форма его деструкции?

Список источников

- Археологическая коллекция ОГИК музея: Каталог. Омск; СПб., 2022. 167 с.
- Археология Омска: иллюстрированная энциклопедия / сост. Б.А. Конинов. Омск, 2016. 408 с.
- Бородовский А.П. Вислобушной топор эпохи бронзы с северо-запада Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. №2. С. 41–48.
- Ковтун И.В. Вислобушной топор с гребнем в Нижнетомском очаге наскального искусства // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 157–164.
- Ковтун И.В. Танайская культура и переходное время от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2020. №4 (32). С. 20–42. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)4\(32\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)4(32).-02).

Матющенко В.И., Тихонов С.С. Еловская керамика юга Томской области // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 73–78.

Путеводитель по фондам Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2020. 335 с.: ил.

Тихонов С.С. Андронидные культуры Верхнего Приобья: новый виток дискуссий? // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №1. С. 7–18. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-01

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменения форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №4 (42). С. 124–128.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Топоры эпохи бронзы с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. №2. С. 87–96.

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Семенович Тихонов, Омская лаборатория Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр. К. Маркса, 15/1, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

Sergey S. Tikhonov, Omsk Laboratory of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; 644024, Omsk, Russia, K. Marks pr. 15/1; PhD in Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.01(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.55

EDN: MСIAZE

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА НАЧАЛА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА ИЗ БУРЛИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

**Алексей Алексеевич Тишкин¹, Ярослав Аполлонович Климук²,
Сергей Юрьевич Бондаренко¹, Ольга Григорьевна Филиппова³**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Многофункциональный культурный центр Бурлинского района
Алтайского края, Бурла, Россия

³Барнаульская классическая школа, Автономная некоммерческая
организация «Многоликий Алтай», Барнаул, Россия

Резюме. В конце мая 2024 г. в Отдел «Бурлинский районный краеведческий музей» Многофункционального культурного центра Бурлинского района Алтайского края поступили археологические предметы. Они были случайно обнаружены на берегу оз. Травяное, неподалеку от впадения р. Бурлы. Находки представляли собой два ранее использовавшихся орудия труда, сделанные из камней. Лучше сохранился так

называемый утюжок. На нем хорошо видны следы изготовления и использования. Пест оказался разбитым, что, по всей видимости, и послужило причиной его утилизации. Аналогии находкам обнаруживаются в памятниках начала эпохи палеометалла на территории юга Западной Сибири. Для детальной демонстрации этих важных для науки изделий использовались цифровые технологии, позволяющие публиковать качественные цветные иллюстрации и графические прорисовки.

Ключевые слова: Кулунда, оз. Травное, музей, случайные находки, эпоха палеометалла, каменные орудия труда

Для цитирования: Тишкин А.А., Климук Я.А., Бондаренко С.Ю., Филиппова О.Г. Каменные орудия труда начала эпохи палеометалла из Бурлинского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 357–365. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.55

STONE TOOLS OF LABOUR OF THE BEGINNING OF THE PALEOMETALLIC EPOCH FROM THE BURLINSKY DISTRICT OF ALTAI KRAI

Alexey A. Tishkin¹, Yaroslav A. Klimuk²,
Sergey Yu. Bondarenko¹, Olga G. Filippova³

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Multifunctional Cultural Centre of Burlinsky District, Altai Krai, Burla, Russia

³Barnaul Classical School, Autonomous Non-Profit Organization
'Many Faces of Altai', Barnaul, Russia

Abstract. At the end of May 2024, the Department 'The Burlinsky District Museum of Local Lore' of the Multifunctional Cultural Centre of the Burlinsky District of Altai Krai received archeological items. They were accidentally discovered on the shore of Lake Travnoe, near the confluence of the Burla River. The finds were two previously used tools made of stones. The best preserved was the so-called 'iron-like object'. Traces of manufacture and use are clearly visible on it. The pestle was broken, which is probably the reason for its disposal. Analogues to the finds are found at the sites of the early Palaeometallic period in the south of Western Siberia. Digital technology has been used to demonstrate these scientifically important products in detail, allowing the publication of high quality colour illustrations and graphic drawings.

Keywords: Kulunda, Lake Travnoe, museum, accidental finds, palaeometallic age, stone tools

For citation: Tishkin A.A., Klimuk Ya.A., Bondarenko S.Yu., Filippova O.G. Stone Tools of Labour of the Beginning of the Paleometallic Epoch from the Burlinsky District of Altai Krai. *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:357–365. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.55

Территория Кулундинской степи на западе Алтайского края по-прежнему остается в археологическом отношении слабо изученной, хотя имеет хорошие перспективы для системных исследований. Это подтверждают очередные случайные находки, поступившие в Отдел «Бурлинский районный краеведческий музей» Многофункционального культурного центра Бурлинского района Алтайского края. Артефакты были случайно обнаружены жителем с. Бурла Геннадием Михайловичем Самохиным в южной части

оз. Травное, недалеко от впадения р. Бурлы (рис. 1). Географические координаты местонахождения: N — 53°26'12.7»; E — 78°22'05.1». Обстоятельства сложились следующим образом. В мае 2024 г. уровень воды в озере после весеннего паводка снизился, обнажив участки пойменного берега. В данной ситуации на поверхности стали видны археологические предметы. Пест оказался расколотым на части, которые лежали в непосредственной близости друг с другом. Находчику удалось их склеить. «Утюжок» располагался неподалеку. Какие-либо другие древние артефакты или кости животных на осмотренной тогда поверхности отсутствовали. 29 мая 2024 г. артефакты были переданы в Бурлинский районный краеведческий музей, где они поставлены на временный учет и получили следующее обозначение — БРКМ ВХ 595/1–2. Сотрудники музея используют указанные и другие древние находки для проведения программы «Каменная летопись района».

В августе 2024 г. новые музейные экспонаты были доставлены главным хранителем в Барнаул для изучения и культурно-хронологической атрибуции. Для решения этой задачи сначала осуществлялась фотограмметрия, а затем на основе полученной цифровой копии производилась компьютерная прорисовка древних орудий труда (рис. 2–5). Основной целью данной публикации является введение в научный оборот важных исторических источников для привлечения внимания не только археологов и музейных работников, но и специалистов-трассологов. Необходимо проведение целенаправленного обследования зоны находок и ближайшей перспективной территории (в долине р. Бурлы, а также по берегам озера).

Рис. 1. Место каменных находок на берегу оз. Травное
Fig. 1. The site of stone finds on the shore of Lake Travnnoye

Первым рассмотрим «утюжок», или «гладилку», крупных параметров (рис. 2 и 3). Так, высота изделия составляет 20,3 см (все размеры, публикуемые в статье, сделаны механическим штангенциркулем). Общая форма орудия — L-образная (в виде сапога) или Г-образная (как обычно указывается в научной литературе). Рукоять длинная, что позволяло выполнять работу двумя руками. Поверхность ее заполирована, но сверху видна небольшая утрата в виде скола, который частично заглажен. Если смотреть на изделие спереди, то видна небольшая изогнутость (рис. 2.-6), т.е. одна сторона менее выпуклая, чем противоположная. Предмет не совсем симметричен, начиная с рукояти (рис. 2.-1, 3-6), которая расширяется от верха вниз, переходя в «лапу». Диаметр рукояти в самом верхе 2,9×2,6 см, в центре 4,3×4, см, в месте перехода в другую часть 5,4×5,3 см. Высота «лапы» составляет 5,5 см. На изгибе имеются «свежие» царапины. Верхний край рукояти по периметру обработан (рис. 2.-1). Рукоять слегка отогнута назад (рис. 2.-3, 5), т.е. она не перпендикулярна подошве «лапы». В то же время небольшой верхний участок ее, наоборот, наклонен вперед, чтобы стопорить руки при нагрузке. Задняя сторона рукояти более-менее ровная (рис. 2.-4), а передняя имеет загиб внутрь в центре и выгиб к «лапе» (рис. 2.-1, 3, 5, 6). Это, возможно, было сделано специально, исходя из опыта выполняемой работы: так эффективнее и удобнее работать орудием. Нижняя часть «утюжка» (подошва) имеет овальную форму контура. Размеры этой площадки — 13,2×7,4 см. На интенсивно использованной поверхности хорошо видны продольные линии, а также два жирных (?) пятна (рис. 2.-2): одно более крупное (размерами примерно 3×3 см) — под рукоятью, а другое малое (размерами 1,5×0,75см) — почти в центре. При этом рассматриваемая площадка выпуклая, а по краям местами видны выбоины (рис. 2.-2-6), которые могли остаться от первоначальной подготовки изделия или, вероятно, в ходе его эксплуатации.

Аналогичное изделие, но меньших размеров и несколько иной конфигурации находится в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск) и входит в состав коллекции известного дореволюционного барнаульского краеведа Н.С. Гуляева. Рисунок его с всесторонней иллюстрацией опубликован (Кирюшин, 2002, рис. 126.-5). Там же представлен еще один характерный экземпляр, происходящий из с. Зеркалы Шипуновского района Алтайского края (Кирюшин, 2002, с. 55, рис. 126.-4). Скорее всего, это грубо сделанная заготовка для дальнейшей обработки и использования. Обе эти находки были отнесены Ю.Ф. Кирюшиным (2002, с. 82, 88) к елунинской культуре, которая им датирована в рамках последней четверти III — 1-й трети II тыс. до н.э. Бурлинская находка также может соответствовать данному культурно-хронологическому определению. Она дополняет информацию о производственной деятельности населения Лесостепного Алтая в период ранней бронзы. Стоит отметить, что аналогичные предметы имеются в более ранних памятниках рассматриваемой территории и сопредельных регионов (Есин, Ожередов, 2008, с. 101–102, рис. 1–5).

Серия изделий, которые обозначены как «Г-образные предметы», «утюжки», «гладилки», «лощила», «зернотерки в форме сапога», «сапожковидные терочки», «каменные песты в форме башмачной колодки» и др.,

Рис. 2. Рендер цифровой копии каменного «утюжка»
 Fig 2. Render of the digital copy of the stone 'iron'

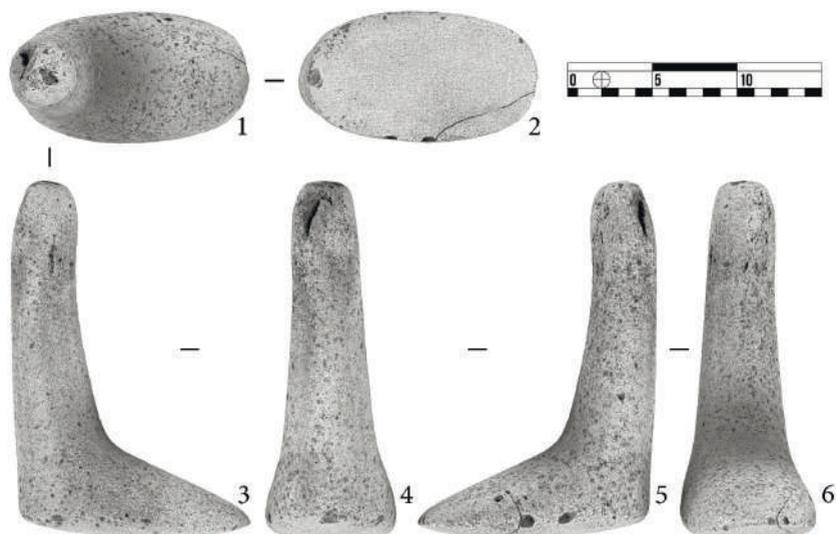

Рис. 3. Графическая иллюстрация каменного «утюжка», выполненная на основе цифровой копии с помощью компьютерной программы
 Fig. 3. Graphic illustration of the stone 'iron' made on the basis of a digital copy with the help of a computer programme

известна в разных местах, от Урала до Дальнего Востока (Есин, 2006; Есин, Ожередов, 2008; Яншина, Алексашенко, 2009, рис. 1; 3; 4; и др.). Их детальному рассмотрению посвящена статья Ю.Н. Есина и Ю.И. Ожередова (2008), где приведена не только общая датировка бытования орудий (IV — 1-я половина II тыс. до н.э.), но и анализируются разные гипотезы их функционального использования, а также предложены варианты семантики имеющегося оформления. Авторы больше склоняются к тому, что Г-образными предметами осуществлялось растирание «растительных продуктов» (Есин, Ожередов, 2008, с. 106). Подтвердить или опровергнуть данное заключение помогут трасологические исследования, включая экспериментальную верификацию.

Следующая находка представляет собой крупный пест (рис. 4 и 5). Длина изделия 18,9 см. Диаметр основания (рабочей части) — 6,4–6,6 см, оно меньше, так как максимальный диаметр орудия труда немного выше составляет 7,3–7,5 см (рис. 4.-2). Для изготовления песта, по всей видимости, использовалась крупная гранитная галька вытянутой формы (рис. 4.-3-6).

Рис. 4. Рендер цифровой копии каменного песта
 Fig. 4. Render of a digital copy of a stone pestle

У нее с боков имелись длинные западины, которые сохранили первоначальный рыжеватый оттенок поверхности (рис. 4.-3-5). Указанная особенность (сужение формы) удобна для упора при эффективной работе орудием. Диаметры песта в центре — 6,5×5,6 см. Выше этот параметр уменьшается до 4 см. Верхушка изделия имеет характерное оформление (рис. 4.-1, 3-6): выделена выемка вокруг центрального выступа. Диаметр выемки в центре составляет 3,3 см, а ширина ее — 1,2-1,5 см. Диаметр основания выступа 3-3,1 см, по краю верхнего окончания около 1,3 см (рис. 5.-1). Высота выступа от края основания всего 0,4 см. Судя по трещинам, нижняя часть песта раскололась на две части (рис. 5.-2-6). Это могло произойти при интенсивной эксплуатации. Поверхность орудия на большей части изделия заполирована (рис. 4), но местами есть разные повреждения. Рабочая часть имеет характерные следы ударного использования (рис. 5.-2).

Рис. 5. Графическая иллюстрация каменного песта, выполненная на основе цифровой копии с помощью компьютерной программы

Fig. 5. Graphic illustration of a stone pestle made on the basis of a digital copy with the help of a computer programme

Каменные песты при всей условности такого обозначения были широко распространены в древности, поэтому исследователи часто рассматривают их в качестве полифункциональных орудий труда, применявшихся в хозяйственно-производственной деятельности. Выделяется группа аналогичных изделий, участвовавших в горно-металлургическом производстве при наличии соответствующих доказательств (Яншина, Алексащенко, 2009, с. 192; Ержанова и др., 2024; и др.). При этом в каждом конкретном случае требуется комплексное изучение, учитывающее археологический контекст находки. Судя по обстоятельствам одновременного обнаружения песта и «утюжка», на данном этапе можно предположить их использование носителями елунинской культуры. Косвенным аргументом данного заключения является место их нахождения в затопляемой зоне озера, что также характеризует топографические особенности расположения поселений периода ранней бронзы (Кирюшин, Тишкин, 1998).

В заключение стоит отметить, что в данной статье мы не затрагиваем многие вопросы интерпретации обеих находок. Их еще предстоит рассмотреть, в том числе с привлечением разных специалистов и после тщательного археологического обследования обозначенного местонахождения, за которым стоит закрепить обозначение «Бурла-Травное». На данном этапе важнее опубликовать музейные экспонаты, в том числе с использованием для демонстрации цифровых технологий. В результате иллюстрации (рис. 2 и 4) были сделаны на основе 3D-модели, полученной способом фотограмметрии объекта с помощью рейтресного рендера с алгоритмом прорисовки глобального освещения, позволяющего получать изображения высокого разрешения и качества, что является ценным при визуальном изучении. Преимуществом данного подхода по сравнению с фотоснимками является отсутствие оптического искажения объектива и возможность работы непосредственно с геометрией находки, независимо от цветовых характеристик.

Список источников

Ержанова А.Е., Горячев А.А., Фрачетти М.Д., Чернов М.А. Об изготовлении и функциональном назначении каменных пестов из поселений эпохи бронзы и случайных находок на территории Жетысу (Юго-Восточный Казахстан) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. №17. С. 37–55. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.81.43.002

Есин Ю.Н. Проблемы изучения Г-образных предметов Северной Азии // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006. С. 291–294.

Есин Ю.Н., Ожередов Ю.И. Проблемы изучения Г-образных предметов с Урала, из Западной и Южной Сибири, Казахстана и Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №2 (34). С. 100–111.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности эпохи ранней бронзы в Лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 75–80.

Яншина О.В., Алексащенко Н.А. Каменные песты из собрания МАЭ РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. СПб., 2009. С. 186–194.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Ярослав Аполлонович Климуk, Многофункциональный культурный центр Бурлинского района Алтайского края, Отдел «Бурлинский районный краеведческий музей», главный хранитель музейных предметов; 658810, Алтайский край, Бурлинский район, с. Бурла, ул. Ленина, 12; кандидат исторических наук, yar-klimuk@yandex.ru

Yaroslav A. Klimuk, Multifunctional Cultural Centre of the Burlinsky District, Altai Territory, Department 'The Burlinsky District Local Lore Museum', Chief Keeper of Museum Objects; 658810, Altai Krai, Burlinsky District, Burla village, Lenina str. 12; Ph.D. in History, yar-klimuk@yandex.ru

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, Отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат технических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of Support of Research and Development Work, Research Officer; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Ольга Григорьевна Филиппова, Барнаульская классическая школа, заместитель директора; 656045, Россия, г. Барнаул, Змеиногорский тракт, 45а; кандидат исторических наук; Автономная некоммерческая организация «Многоликий Алтай», директор; <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Olga G. Filippova, Private Educational Institution Barnaul Classical School, Deputy Director; 656045, Russia, Barnaul, Zmeinogorskiy trakt, 45a; PhD in History; Autonomous Non-Profit Organization 'Many Faces of Altai', Director; <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025.
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 725.945.2

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.56

EDN: MNEWCW

МОНУМЕНТ НА МОГИЛЕ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

Татьяна Владимировна Тишкина, Алексей Алексеевич Тишкин (мл.)

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Известный публицист, исследователь и общественный деятель Н.М. Ядринцев (1842–1894) получил предложение возглавить статистический отдел Главного управления Алтайского округа. 7 июня 1894 г. он скоропостижно скончался

и был похоронен в Барнауле на Нагорном кладбище. Открытие памятника на могиле Н.М. Ядринцева состоялось 7 июня 1900 г. Значительную роль в этом мероприятии сыграли члены Общества любителей исследования Алтая. К настоящему времени утрачены металлические элементы памятника, часть надписей находится в полустертом виде. Могила Н.М. Ядринцева, как объект культурного наследия, имеет статус «Памятник федерального значения». Памятник исследователю — единственный в России. Благодаря фотоснимкам начала XX в. возможно реконструировать его облик в первоначальном виде.

Ключевые слова: Общество любителей исследования Алтая, Н.М. Ядринцев, памятник, объект культурного наследия, Нагорное кладбище

Для цитирования: Тишкина Т.В., Тишкин А.А. (мл.) Монумент на могиле Н.М. Ядринцева // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 365–370. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.56

THE MONUMENT AT THE GRAVE OF N.M. YADRINTSEV

Tatyana V. Tishkina, Aleksei A. Tishkin (jr.)

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. N.M. Yadrintsev (1842–1894), a well-known publicist, researcher and public figure, was offered to head the statistical department of the Main Administration of the Altai District. On 7 June 1894 he passed away suddenly and was buried in Barnaul at the Nagorny cemetery. The opening of the monument on the grave of N.M. Yadrintsev took place on 7 June 1900. A significant role in this event was carried out by members of the Society of Amateurs of Altai Research. By now the metal elements of the monument have been lost, some of the inscriptions are half-erased. The grave of N.M. Yadrintsev as an object of cultural heritage has the status of ‘Monument of federal importance’. It is the only monument to the researcher in Russia. Thanks to photographs of the early 20th century, it is possible to reconstruct its appearance in its original form.

Keywords: Society of Altai Research Amateurs, N.M. Yadrintsev, monument, cultural heritage site, Nagornoe Cemetery

For citation: Tishkina T.V., Tishkin A.A. (jr.) The Monument at the Grave of N.M. Yadrintsev. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:365–370. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.56

Исследовательская деятельность Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) тесно связана с Алтаем. В 1878 г. по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества он предпринял комплексную экспедицию на Алтай для изучения ресурсного потенциала района. Начальным пунктом стал Омск, маршрут экспедиции проходил через Барабинскую степь, Барнаул, Бийск, Улалу (современный Горно-Алтайск), Алтайскую, Катунскую, Смоленскую волости, Зырянский рудник, п. Колывань, затем через Кузнецк в Томск. В 1880 г. состоялась вторая экспедиция Н.М. Ядринцева на Алтай, во время которой были осуществлены антропологические исследования, выполнены карты Телецкого озера и р. Чуи (Санкина, 2000, с. 254). Экспедиционные материалы были опубли-

кованы в издании Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. На основе полученной информации Николай Михайлович подготовил монографию «Сибирь как колония», а также разнообразные по тематике статьи для периодических изданий: «Отечественные записки», «Русское богатство», «Вестник Европы» и др. В 1881 г. за исследовательскую деятельность Н.М. Ядринцев был удостоен Малой золотой медали Русского географического общества (Перечень награжденных ...). В 1886, 1889 и 1891 гг. Николай Михайлович совершил экспедиции на территории Минусинского края и Северной Монголии, обнаружил развалины средневековых городов Хара-Балгаса и Каракорума, орхоно-енисейские надписи.

В 1894 г. Николай Михайлович получил предложение возглавить статистический отдел Главного управления Алтайского округа и осуществить статистико-экономические исследования крестьянского и инородческого населения. Он прибыл в Барнаул 2 июня 1894 г., а 7 июня скоропостижно скончался, был похоронен на Нагорном кладбище.

Первоначально могильная насыпь, расположенная рядом с церковью Иоанна Предтечи, была укрыта дерном, установлен простой деревянный крест. Устройством надмогильного памятника Н.М. Ядринцеву занимались члены Общества любителей исследования Алтая (ОЛИА). Данный вопрос обсуждался на общем собрании сотрудников общества 2 января 1895 г. В совет организации В.А. Горохов передал 25 руб. (Отчет Совета..., 1896, с. 36). Сбор средств осуществлялся в редакциях газет в Петербурге, Москве, Омске и других городах. Барнаульские распорядители по сбору пожертвований (Я.А. Сулин, П.Т. Селиванов, И.К. Платонов, Н.С. Гуляев, П.Р. Чайгин) собрали 575 руб. 6 коп., в том числе от устройства мероприятия в саду школьного общества, а также по подписным листам, распространенным в гг. Березове, Бийске, на заводе И.К. Платонова. В Петербурге сборы, осуществлявшиеся под руководством Г.Н. Потанина, Я.А. Маковой, Д.М. Головачева, А.В. Евреинова, составили 2500 руб. В 1897 г. в Барнаул был доставлен бронзовый бюст Н.М. Ядринцева, выполненный скульптором К.М. Сибиряковым в Санкт-Петербурге, в мастерской Гаврилова. А.М. Сибирякова передала в Общество любителей исследования Алтая поясной портрет Н.М. Ядринцева. Ранее поступившие в совет организации 25 руб. были потрачены на приобретение багетной рамы. Купец М.В. Вершинин пожертвовал стекло. Поскольку ОЛИА не располагало собственным помещением, оформленный в раму портрет временно разместили в зале городской общественной читальни.

В 14 ч. 7 июня 1900 г. состоялось открытие памятника на могиле Н.М. Ядринцева. Он был выполнен из полированных плит темно-серого гранита на Кольванской шлифовальной фабрике по проекту Н. Шулева (Мансков, Должиков, Головинов, 2023, с. 374). Памятник включал саркофаг размером 1,8×1,2×0,7 м, увенчанный золоченой пальмовой ветвью, и трехметровую стелу, установленную в восточной части саркофага. На задней стороне стелы был размещен рельефный гранитный крест, внизу высечены строки:

Желал бы я, чтоб в недра дорогие
Мой прах ты приняла, родимая земля!
Лежать в чужой земле,
Где люди все чужие,
Где чуждые кругом раскинуты поля,
Я не могу...

Омулевский

Вверху западной стороны стелы была размещена надпись «Николай Михайлович Ядринцев». Чуть ниже на небольшом постаменте установлен его бюст (выполненный К.М. Сибиряковым), под ним на пьедестале на золотом фоне было высечено: «Сибиряки — писателю-публицисту Сибири» и годы жизни: 1842–1894 (Барнаул..., 1900, с. 1). На южной стороне пьедестала стелы был размещен золоченый венок, ниже упомянуты названия труда Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» и издаваемой им газеты «Восточное обозрение 1882–1888», а также указание «Колыван. Шлиф. Фабрика 1900». На северной стороне пьедестала был укреплен золоченый венок и размещены названия работ исследователя: «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирские инородцы». Вокруг могилы и памятника было установлено ограждение.

После завершения панихиды секретарь ОЛИА А.А. Лесневский зачитал присутствующим лицам тексты телеграмм, направленных из Петербурга, Москвы, Иркутска, Томска, Сочи и других мест. В своей телеграмме Г.Н. Потанин и П.М. Головачев отметили: «Шлем глубокую благодарность лицам, доведшим до конца грустный долг по отношению к незабвенному писателю, — славе нашей окраине...» (цит. по: Скромное торжество, 1990, с. 2). В телеграмме от совета Общества попечения о начальном образовании в Томске сообщалось об устройстве в день открытия памятника литературно-музыкального мероприятия.

В 19 ч. того же дня в зале Алтайского собрания состоялось экстренное заседание, на котором присутствовали, помимо членов ОЛИА, лица, пожелавшие почтить память Н.М. Ядринцева. Почетный председатель Общества любителей исследования Алтая, начальник Алтайского округа А.Ф. Кублицкий-Пиоттух представил слово представителю редакции газеты «Восточное обозрение» Г.Б. Байтову. После его доклада «Несколько слов памяти Н.М. Ядринцева» А.А. Лесневский кратко рассказал об истории создания памятника, М.Г. Васильева продекламировала сочиненное ею стихотворение. Затем вновь были зачитаны тексты телеграмм, перечень присланных венков и надписей на них (Отчет Совета..., 1901, с. 18–19).

В 1919 г. было принято решение организовать в музее Барнаула отдел, который отражал бы деятельность Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. В 1920-е гг. сотрудники Комиссии по охране памятников природы, старины и искусства Алтайского отдела Русского географического общества предприняли фотографирование памятников на Нагорном кладбище.

В 1931 г. Нагорное кладбище было закрыто для преобразования территории в парк отдыха (Тишкина, 2004, с. 158–159). Металлические элементы памятника и окружающая его ограда оказались утраченными.

В 1956 г. памятник Н.М. Ядринцеву реставрировали по фотографиям, сохранившимся в Алтайском краевом краеведческом музее. Была установлена металлическая ограда. Бюст исследователя выполнен из алюминия и покрашен «под бронзу». На западной стороне стелы, а также на северной и южной сторонах пьедестала размещены лавровые венки. Позднее с восточной стороны памятника была установлена чугунная мемориальная доска с надписью: «Если на заре своей истории Сибирь не видела радостных дней,

*Памятник на могиле Н.М. Ядринцева. Современный вид.
Фото А.А. Тишкина (мл.)
The Monument on the grave of N.M. Yadrintsev. Modern view.
Photo by Tishkin A.A. (jr.)*

то ее лучшую будущность вера в счастье и благоденствие, доступное всем народам, должны воодушевить и подкрепить тех, кто отдает свои силы и труд на ее обновление. Ядринцев» (цит. По: Уманский, 1983, с. 77).

В 1990-е гг. металлические части памятника выломали вандалы. В 2000 г. скульптор Л.В. Рублева выполнила из бетона бюст Н.М. Ядринцева (Рублева..., 2006, с. 221). Однако он был похищен в 2004 г. В настоящее время на постаменте установлена четвертая версия бюста, часть надписей находится в полустертом виде, другие — утрачены, в стелу вмонтирован деревянный крест.

Могила Н.М. Ядринцева, как объект культурного наследия, имеет статус «Памятник федерального значения». Памятник исследователю — единственный в России. Благодаря фотоснимкам, выполненным в начале XX в., возможно реконструировать монумент в первоначальном виде.

Список источников

- Барнаул. (Памятник Ядринцеву) // Сибирская жизнь. 1900. №60. С. 1.
- Мансков С.А., Должиков В.А., Головинов А.В. Николай Ядринцев: патриот и исследователь Сибири. Барнаул; Новосибирск, 2023. 416 с.
- Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1895 г. Томск, 1896. 44 с.
- Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1900 г. Барнаул, 1901. 36 с.
- Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012) [Электронный ресурс]. URL: <https://rgo.ru/about/awards/> (дата обращения 1.02.2025 г.)
- Рублева Людмила Викторовна // Художники Алтайского края: биобиблиогр. словарь: в 2 т. Т. 2. Барнаул, 2006. С. 220–226.
- Санкина Л.В. Ядринцев Николай Михайлович // Исследователи Алтайского края. XVIII — начало XX века: биобиблиогр. словарь. Барнаул, 2000. С. 254–257.
- Скромное торжество // Сибирская жизнь. 1990. №142. С. 2.
- Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.
- Уманский А.П. Памятник на могиле Н.М. Ядринцева // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–77.

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьяна Владимировна Тишкина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, tvtishkina@mail.ru

Tatyana V. Tishkina, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave. 61, PhD (historical sciences), Docent, tvtishkina@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин (мл.), Алтайский государственный университет, Институт истории и международных отношений, магистрант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, mattcraft@mail.ru

Aleksei A. Tishkin (Jr.), Altai State University, Institute of History and International Relations, Master's Degree Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave, 61, mattcraft@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ В КУЛЬТУРНОМ ТУРИЗМЕ КЫРГЫЗСТАНА

Рахима Тохтоназаровна Умарова

*Кыргызско-Узбекский университет имени Б. Сыдыкова,
Ош, Республика Кыргызстан*

Резюме. Развитие культурного туризма в Кыргызстане основывается на богатом историко-культурном и природном наследии, что способствует его интеграции в туристскую индустрию. Основные направления использования наследия в культурном туризме включают сохранение и популяризацию историко-архитектурных памятников (например, комплекса Сулайман-Тоо, башни Бурана, Караван-сарая Таш-Рабат), поддержку нематериального культурного наследия (фольклор, традиционные ремесла, эпос «Манас»), а также развитие этнотуризма через фестивали, мастер-классы и проживание в юрточных лагерях. Важным аспектом является гармоничное сочетание культурных и природных компонентов туризма, таких как туры по Великому шелковому пути, походы по живописным ущельям с посещением сакральных мест и археологических памятников. Современные инициативы направлены на устойчивое развитие, привлечение инвестиций и цифровизацию культурного туризма.

Ключевые слова: культурный туризм, наследие, историко-архитектурные памятники, нематериальное наследие, сакральные места, традиционные ремесла, устойчивое развитие

Для цитирования: Умарова Р.Т. Основные направления использования наследия в культурном туризме Кыргызстана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 371–377. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.57

MAIN DIRECTIONS OF USING HERITAGE IN CULTURAL TOURISM IN KYRGYZSTAN

Rakhima T. Umarova

*Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov,
Osh city Republic of Kyrgyzstan*

Abstract. The development of cultural tourism in Kyrgyzstan is based on the rich historical, cultural and natural heritage, which contributes to its integration into the tourism industry. The main directions of using heritage in cultural tourism include the preservation and popularization of historical and architectural monuments (for example, the Sulaiman-Too complex, the Burana Tower, the Tash-Rabat Caravanserai), the support of intangible cultural heritage (folklore, traditional crafts, the Manas epic), as well as the development of ethnotourism through festivals, master classes and accommodation in yurt camps. An important aspect is the harmonious combination of cultural and natural components of tourism, such as tours along the Great Silk Road, hikes through picturesque gorges with

visits to sacred places and archaeological sites. Modern initiatives are aimed at sustainable development, attracting investment and digitalization of cultural tourism.

Keywords: cultural tourism, heritage, historical and architectural monuments, intangible heritage, sacred places, traditional crafts, sustainable development

For citations: Umarova R.T. Main Directions of Using Heritage in Cultural Tourism in Kyrgyzstan. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:371–377. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.57

Культурный туризм в Кыргызстане представляет собой перспективное направление, основанное на богатом историко-культурном наследии страны. Использование этого наследия в туристической отрасли способствует сохранению и популяризации национальной культуры, а также обеспечивает устойчивое развитие регионов. Рассмотрены основные направления использования наследия в культурном туризме Кыргызстана (Исабеков, 2018, с. 320).

Кыргызстан обладает множеством исторических объектов, представляющих интерес для туристов.

Гора Сулайман-Тоо: объект Всемирного наследия ЮНЕСКО в г. Ош. Ее склоны и вершины украшены древними петроглифами, свидетельствующими о многовековой истории сакрального значения этого места. На вершине Сулайман-Тоо находится мечеть «Тахты Сулайман», возведенная во времена правления Бабура. Хотя оригинальное здание было разрушено в 1963 г., в 1991 г. мечеть была восстановлена по сохранившимся материалам. У подножия горы расположены архитектурные памятники XVI в. — мечеть «Рават-Абдуллахана» и мавзолей Асафа ибн Бурхия XVIII в.

Сулайман-Тоо не только отражает богатую историю и культурное наследие Кыргызстана, но и продолжает быть важным центром духовной жизни, привлекая паломников и туристов со всего мира.

Башня Бурана: Минарет XI в., расположенный на месте древнего города Баласагун, являвшегося важным узлом Великого шелкового пути. Башня Бурана — древний минарет, расположенный в Чуйской долине на севере Кыргызстана, в 80 км от Бишкека и в 12 км к юго-западу от города Токмак. Построенный в IX–XI вв., он является одним из старейших минаретов из обожженного кирпича в Средней Азии. Башня служила минаретом при мечети в древнем городе Баласагун — столице государства Караханидов. Вокруг башни расположен «сад камней» — музей под открытым небом, где собраны древние надгробные памятники (балбалы), жернова и камни с петроглифами, датируемые VI–X вв. Башня Бурана является важным памятником культурно-исторического наследия Кыргызстана и охраняется государством. Она привлекает внимание как исследователей, так и туристов, интересующихся историей и архитектурой региона.

Комплекс Узген: Узгенский архитектурно-археологический комплекс, расположенный в городе Узген на юге Кыргызстана, представляет собой выдающийся памятник средневековой архитектуры эпохи Караханидов (XI–XII вв.).

Комплекс включает три мавзолея и минарет, являясь ярким примером исламского зодчества Средней Азии. Три мавзолея, известные как Северный, Средний и Южный, выстроены в одну линию и пристроены друг к другу порталами, создавая впечатление единого сооружения. Северный мавзолей, возведенный в 1152 г., предназначался для захоронения Тогрул-карахан Хусейна ибн Хасана ибн Али, удельного правителя Ферганы. Южный мавзолей, построенный в 1187 г., служил усыпальницей для Тогрул-хакана Насра ибн Хусейна, правителя Касана и сына Хусейна. Мавзолеи украшены богатым орнаментальным декором, характерным для караханидской архитектуры. Их фасады оформлены сложными геометрическими узорами и эпиграфикой, выполненной резьбой по терракоте. Внутренние помещения мавзолеев представляют собой квадратные залы, перекрытые куполами на тромпах, что подчеркивает мастерство средневековых зодчих. Рядом с мавзолеями возвышается минарет, построенный в XI в. Он выполнен из обожженного кирпича и украшен орнаментальными поясами, отражая высокое искусство каменщиков того времени.

Узгенский комплекс является не только архитектурным памятником, но и важным историко-культурным объектом, свидетельствующим о богатом наследии Караханидского государства в регионе. В настоящее время ведется работа по включению комплекса в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, что подчеркнет его значимость на международном уровне. Посещение Узгенского архитектурного комплекса позволяет окунуться в атмосферу средневекового Востока и оценить величие и изящество исламской архитектуры того периода.

Эти памятники активно включаются в туристические маршруты, что способствует их сохранению и привлечению внимания к историческому наследию страны.

Кыргызстан обладает богатым нематериальным культурным наследием, отражающим его историю, традиции и образ жизни. Многие элементы этого наследия признаны на международном уровне и включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО (Джалилов, 2020, с. 280).

К таким элементам относятся:

Искусство акынов: традиция устной импровизации и исполнения эпических произведений, передаваемая из поколения в поколение.

Искусство акынов представляет собой уникальное явление в культурном наследии тюркоязычных народов Средней Азии, особенно казахов и кыргызов. Акын — это поэт-импровизатор и певец, создающий и исполняющий собственные произведения, часто сопровождая их игрой на традиционных струнных инструментах, таких как домбра у казахов и комуз у кыргызов. Одним из ключевых элементов искусства акынов является айтыс — импровизированное поэтическое состязание между двумя акынами. В ходе айтыса участники обмениваются остроумными репликами, демонстрируя мастерство импровизации, глубокие знания традиций и обычаев, а также способ-

ность быстро реагировать на слова соперника. Искусство акынов играет важную роль в сохранении и передаче культурных ценностей, исторических событий и социальных норм. Оно способствует укреплению национальной идентичности и служит средством общения между поколениями, отражая дух и мировоззрение народа. Айтыс и другие формы творчества акынов являются неотъемлемой частью культурных мероприятий и праздников, способствуя популяризации и сохранению этого уникального феномена.

Ала-кийиз и шырдак: искусство изготовления традиционных войлочных ковров, отличающихся яркими орнаментами и символикой.

Ала-кийиз и шырдак — традиционные кыргызские войлочные ковры, являющиеся неотъемлемой частью культурного наследия Кыргызстана. Искусство их изготовления отражает богатые традиции и художественное мастерство кыргызского народа. Ала-кийиз изготавливается путем наложения цветных узоров из окрашенной шерсти на основу из необработанного войлока, после чего они сваливаются вместе, образуя цельное полотно. Этот процесс позволяет создавать ковры с плавными переходами цветов и мягкими контурами узоров.

Шырдак создается с использованием аппликационной техники: из цветного войлока вырезаются узоры, которые затем сшиваются между собой и пришиваются к основе. Характерной особенностью шырдака являются четкие геометрические орнаменты и контрастные цветовые сочетания. В 2012 г. искусство изготовления ала-кийиз и шырдака было включено в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, нуждающегося в срочной охране (Сохранение и продвижение ..., 2012). Это признание подчеркивает важность сохранения и передачи этих традиций будущим поколениям.

Эпическая трилогия «Манас, Семетей, Сейтек»: героический эпос, рассказывающий о подвигах богатыря Манаса и его потомков, являющийся важной частью кыргызской культурной идентичности.

Эпическая трилогия «Манас, Семетей, Сейтек» — величайший памятник кыргызского устного народного творчества, отражающий богатую историю, культуру и мировоззрение кыргызского народа. Состоящая из трех частей: «Манас», «Семетей» и «Сейтек», эта эпопея насчитывает около полумиллиона стихотворных строк, что делает ее одним из самых объемных эпических произведений в мире. Первая часть, «Манас», повествует о легендарном богатыре Манасе, который объединяет разрозненные кыргызские племена в борьбе за независимость и справедливость. Его подвиги и лидерство стали символом национального единства и стойкости. Вторая часть, «Семетей», рассказывает о сыне Манаса — Семетее. Выросший вдали от родины и не знавший о своем происхождении, Семетей возвращается к своему народу, чтобы продолжить дело отца, сражаясь с внешними и внутренними врагами. Третья часть, «Сейтек», посвящена внуку Манаса — Сейтеку. Как и его предшественники, Сейтек стремится защитить свой народ и сохранить его единство, сталкиваясь с многочисленными испытаниями и проявляя героизм.

Эпос «Манас» признан неотъемлемой частью мирового культурного наследия и включен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Он продолжает вдохновлять поколения кыргызов, являясь источником национальной гордости и идентичности.

Традиционные знания и навыки изготовления кыргызских юрт: мастерство создания переносных жилищ, отражающее кочевой образ жизни и глубокое знания природы.

Традиционные знания и навыки изготовления кыргызских юрт представляют собой уникальное культурное наследие, отражающее образ жизни и мировоззрение кочевых народов Центральной Азии. Юрта, известная как «боз үй» на кыргызском языке, является традиционным переносным жилищем, идеально приспособленным для кочевого образа жизни. Конструкция юрты состоит из деревянного каркаса, покрытого войлочными покрытиями, что обеспечивает ее мобильность и устойчивость к различным климатическим условиям. Основные элементы каркаса включают решетчатые стены (кереге), купольные опоры (уук) и верхнее кольцо (тундук), которое служит одновременно окном и дымоходом. Процесс изготовления юрты требует глубоких знаний и навыков, передаваемых из поколения в поколение. Мастера тщательно отбирают материалы, обрабатывают дерево, кожу и войлок, используя традиционные методы и инструменты. Каждый этап — от подготовки древесины до создания декоративных элементов — выполняется с большим вниманием к деталям и уважением к культурным традициям. В 2014 г. традиционные знания и навыки изготовления кыргызских и казахских юрт были включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, что подчеркивает их значимость и необходимость сохранения. Сегодня юрта остается символом кыргызской культуры, олицетворяя гармонию человека с природой и богатое наследие предков (Бектурганов, Турсунова, 2014, с. 320).

Игры кочевников: комплекс традиционных спортивных и культурных мероприятий, возрождающих наследие и культурное разнообразие кочевых народов.

Всемирные игры кочевников — международные спортивные соревнования, направленные на сохранение и популяризацию традиционных видов спорта и культуры кочевых народов. Инициированные в 2014 г. в Кыргызстане, эти игры стремятся возродить и представить миру богатое наследие кочевых цивилизаций. Основная цель игр — развитие этноспортивного и этнокультурного движения как неотъемлемой части человеческой цивилизации. В программу входят народные игры и состязания, исторически присущие кочевым народам, такие как борьба на поясах, стрельба из традиционного лука и конные игры.

Проведение Всемирных игр кочевников способствует сохранению культурного наследия, популяризации национальных видов спорта и укреплению международного сотрудничества. Эти мероприятия помогают привлечь внимание к уникальным традициям кочевых народов и обеспечить их передачу

будущим поколениям. Уникальность Всемирных игр кочевников заключается в их миссии, принципе интернациональности формирования этноспортивной программы и единстве этноспортивной и этнокультурной составляющих. Игры объединяют участников и зрителей со всего мира, демонстрируя богатство и разнообразие культурного наследия кочевых народов. Всемирные игры кочевников играют ключевую роль в сохранении и продвижении культурных и спортивных традиций кочевых сообществ, способствуя их интеграции в современное мировое культурное пространство.

Эти элементы нематериального культурного наследия не только сохраняются, но и активно популяризируются через фестивали, мастер-классы и образовательные программы, способствуя укреплению национальной идентичности и привлечению интереса туристов.

Поддержка и популяризация этих элементов через фестивали, мастер-классы и сувенирную продукцию обогащают туристический опыт и способствуют сохранению культурных традиций.

Этнотуризм предоставляет возможность туристам погрузиться в жизнь и быт кыргызского народа. Этнотуризм в Кыргызстане предоставляет уникальную возможность для путешественников глубже понять и почувствовать богатую культуру и традиции кыргызского народа. Погружение в повседневную жизнь местных жителей позволяет не только увидеть, но и непосредственно участвовать в их обычаях и обрядах.

Кыргызская культура, сформированная кочевым образом жизни, богата уникальными традициями и обычаями. Семья занимает центральное место в обществе, и многие обычаи связаны с семейными событиями, такими как свадьбы и рождение детей. Гостеприимство является одной из ключевых черт кыргызского народа; каждому гостю оказываются почести, и уважение к старшим является неотъемлемой частью культуры. В последние годы в Кыргызстане наблюдается рост интереса к этнотуризму, направленному на популяризацию национальных ценностей. Увеличивается количество этнокомплексов, где туристы могут ознакомиться с культурой и традициями кыргызского народа. Эти комплексы предлагают уникальный опыт проживания в традиционных юртах, участие в национальных праздниках и фестивалях, а также знакомство с традиционными ремеслами и кухней (Турсунова, Молдокулов, 2017, с. 250).

Путешествуя по Кыргызстану, туристы могут не только насладиться великолепными пейзажами, но и стать частью древних традиций, передаваемых из поколения в поколение. Этнотуризм способствует сохранению культурного наследия и укрепляет связь между народами, позволяя лучше понять и ценить разнообразие мировых культур.

Таким образом, использование наследия в культурном туризме Кыргызстана охватывает широкий спектр направлений, от сохранения материальных памятников до поддержки нематериальных традиций и внедрения современных технологий. Комплексный подход к развитию этой отрасли способствует укреплению национальной идентичности, экономическому росту и международному признанию культурного богатства страны.

Список источников

Бектурганов И.А., Турсунова К.Н. Традиционные знания и навыки изготовления кыргызских юрт. Бишкек, 2014.

Джалилов Р.К. Нематериальное культурное наследие Кыргызстана: традиции и современные подходы в туризме. Бишкек, 2020.

Исабеков С.А. Культурный туризм в Кыргызстане: наследие и перспективы развития. Бишкек, 2018.

Сохранение и продвижение кыргызских традиционных войлочных ковров «Ала-кийиз» и «Шырдак». ЮНЕСКО, 2012.

Турсунова К.Н., Молдокулов А. Использование историко-культурного наследия в развитии туризма Кыргызстана. Алматы, 2017.

Информация об авторе / Information about the Author

Рахима Тохтоназаровна Умарова, Кыргызско-Узбекский международный университет имени Б. Сыдыкова, Ош, Республика Кыргызстан, старший преподаватель; 723500, Кыргызстан, г. Ош, ул. Насирдина Исанова, 79, корп. 2, umarova45@mail.ru

Rakhima T. Umarova, Kyrgyz-Uzbek International University Named after B. Sydykov, Osh, Republic of Kyrgyzstan, Senior Teacher; 723500, Kyrgyzstan, Osh, Nasirdin Isanov str. 79, building 2, umarova45@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 903.226»637»:069.02:908

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.58

EDN: PPTPHI

КИНЖАЛ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ТАБУНСКОГО РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

**Александр Сергеевич Федорук^{1,2}, Алексей Алексеевич Тишкин²,
Николай Владимирович Чайка³**

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

³*Табунский районный краеведческий музей, с. Табуны, Россия*

Резюме. Осенью 2024 г. в Табунский районный краеведческий музей поступил новый экспонат — бронзовый кинжал, обнаруженный на территории ныне не существующего с. Славянка в Табунском районе Алтайского края. В ходе изучения предмета авторами установлено, что полные аналогии изделию в регионе находки не известны. Наиболее близкие имеются в комплексах поселений периода развитой и поздней бронзы Зауралья. Анализ особенностей оформления изделия позволил отнести его к кругу предметов переходного времени от развитой к поздней бронзе. Рентгенофлуоресцентный анализ кинжала показал медно-оловянный сплав, что демонстрирует качественно развитую технологию производства металлических изделий и подтверждает предложенную датировку. Сам факт обнаружения кинжала

на западной окраине Алтайского края уникален и лишний раз указывает на низкую степень археологической изученности этой территории, имеющей несомненный научный потенциал.

Ключевые слова: Кулундинская степь, Табунский район, урочище Славянка, период развитой и поздней бронзы, бронзовый кинжал

Благодарности: работа выполнена по проекту «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» (FWZG-2025-0012).

Для цитирования: Федорук А.С., Тишкин А.А., Чайка Н.В. Кинжал эпохи бронзы из Табунского районного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 377–385. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.58

A BRONZE AGE DAGGER FROM THE TABUNSKY REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE

Alexander S. Fedoruk^{1,2}, Alexey A. Tishkin², Nikolai V. Tschaika³

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia*

²*Altai State University, Barnaul, Russia*

³*Tabunsky Regional Museum of Local Lore, Tabuny, Russia*

Abstract. In the fall of 2024, the Tabunsky Regional Museum of Local Lore received a new artefact — a bronze dagger discovered on the territory of the now defunct village Slavyanka in the Tabunsky district of Altai Krai. During the study of the item, the authors found that complete analogies to the item in the region of discovery are not known. The closest ones are found in the settlement complexes of the developed and late bronze periods of the Trans-Urals. Analysis of the design features of the product made it possible to classify it as an object of the transitional period from the developed to the late bronze. The performed X-ray fluorescence analysis showed a copper-tin alloy, which demonstrates a qualitatively developed technology for the production of metal products and confirms the proposed dating. The fact of the discovery of a dagger on the western outskirts of the Altai Territory is unique and once again indicates the low degree of archaeological knowledge of this territory, which has undoubted scientific potential.

Keywords: Kulundinskaya steppe, Tabunsky district, Slavyanka tract, Developed and Late Bronze Age, bronze dagger

Acknowledgments: the work was carried out under the project “Patterns of Distribution and Source Study aspects of the Conservation of Archaeological Heritage objects in the Conditions of Man-Made changes in the Landscapes of Eurasia” (FWZG-2025-0012)

For citation: Fedoruk A.S., Tishkin A.A., Tschaika N.V. A Bronze Age Dagger from the Tabunsky Regional Museum of Local Lore. *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:377–385. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.58

Начало XX в. стало переломным моментом в истории Кулундинской степи. В тот период началось ее активное заселение и хозяйственное освоение переселенцами из западных районов страны. К настоящему моменту основная часть основанных тогда населенных пунктов уже не существует. На картах остались лишь названия урочищ. Фактически эти объекты оказались

без внимания археологов и органов охраны памятников, хотя формально их возраст превышает 100 лет с момента возникновения. Данный факт соответствует законодательно определенному для культурного слоя минимальному периоду существования, что отражено в ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» («Под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы»). В итоге сотни таких урочищ ежегодно страдают как от хозяйственной деятельности (распашка), так и от неконтролируемых действий любителей приборного поиска. Вместе с тем они имеют определенный научный потенциал и, как показывают отдельные работы (Телегин, 2015; Федорук и др., 2020; Федорук О.А., Федорук А.С., 2021, 2022), способны дать информацию, отсутствующую в письменных источниках. Культурный слой уже не существующих деревень может содержать важные для профессиональных археологов находки.

В ноябре 2024 г. в Табунский районный краеведческий музей поступил металлический кинжал, обнаруженный в урочище Славянка (рис. 1), которое расположено к северу от оз. Большие Табуны (Новокиевское) и получило свое наименование по названию существовавшего там с 1909 по 1959 г. села (Федорук О.А., Федорук А.С., 2021, с. 333).

Изделие имеет относительно хорошую сохранность, оно полностью покрыто зеленой патиной с небольшими участками коррозии (рис. 2, 3). Общая длина кинжала составляет 14,7 см, вес — 54,6 г. Клинок пламевидной (подтреугольной) формы в разрезе имеет ромбическое сечение. Длина его — 11,3 см, ширина — до 2,9 см, максимальная толщина — 0,4 см. На плечиках пятки клинка четко фиксируются следы послелитейной доработки (проковка). Черен — короткий, подпрямоугольный в сечении, сужающийся к пятке. На его основании фиксируется утолщение (намечавшийся валик). Длина черена — 3,3 см, максимальная ширина (по утолщению) — 1,4 см, толщина по валику — 0,5 см, а на участке у перекрестья — 0,4 см.

Полных аналогий рассматриваемому музейному предмету среди опубликованных изделий, найденных на юге Западной Сибири и в Казахстане, авторам не известно. Наибольшее сходство наблюдается с кинжалами из зуральских поселений эпохи бронзы Волосниково и Высокая Грива (Потемкина, 1985, с. 130, рис. 52.-1; Аванесова, 1991, рис. 23.-20, 30). Основу керамических комплексов этих памятников составляет алакульская посуда. Однако отмечается присутствие федоровской и черкаскульской (Волосниково) или федоровской, алексеевской (саргаринско-алексеевской. — *Авт.*) и межовской (Высокая Грива) керамики (Потемкина, 1985, с. 128, 130). Исходя из вышеизложенных фактов, предварительно кинжал из Славянки можно отнести к развитой и поздней бронзе.

Для установления более точной хронологии значение имеют отдельные и характерные особенности оформления рассматриваемой находки. Издели-

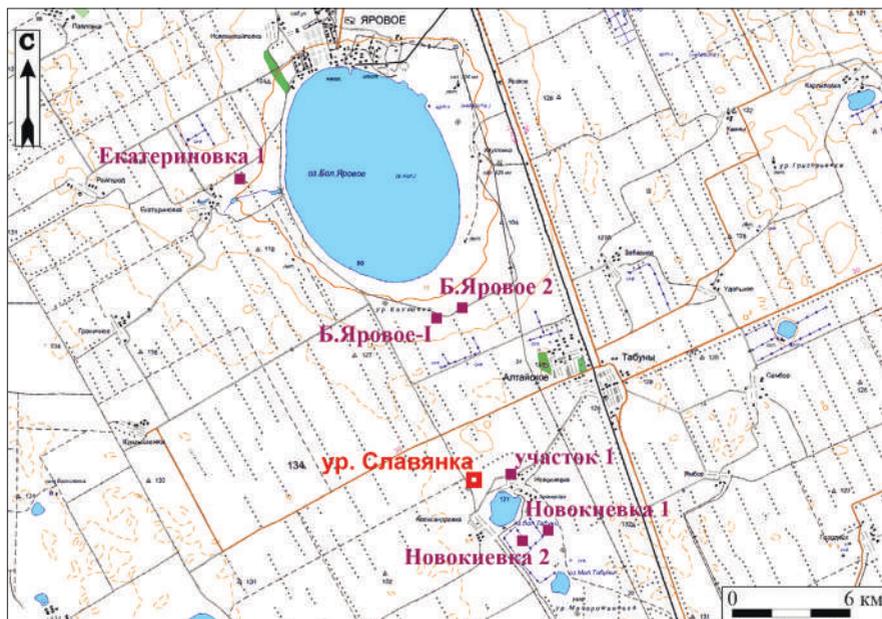

Рис. 1. Место находки кинжала на карте и ближайшие памятники археологии
 Fig. 1. The location where the dagger was found on the map and the nearest archaeological sites

ям периода развитой бронзы нашего региона свойственно наличие так называемого перехвата на клинке в области «пятки» и отсутствие валика на черене (Аванесова, 1991, с. 24; Грушин, Леонтьева, 2013; Молодин, 2014, рис. 1.-14, 2.-14, 15, 18, 19; Кунгуров, Грушин, 2019; и др.). Валики-упоры на основании черена типичны для кинжалов «киммерийского типа», широко распространенных на памятниках периода поздней бронзы степной полосы от Причерноморья до Алтая, в том числе на юге Западной Сибири и в Казахстане, где они соотносятся с комплексами саргаринско-алексеевской археологической культуры (Аванесова, 1991, с. 25; Грушин и др., 2009, с. 100–104; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2009; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012; Ситников, 2015, с. 35–38; и др.). Близки кинжалу из Славянки формы саргаринско-алексеевских кинжалов, пропорции клинка и черена. Однако на кинжалах «киммерийского типа» валик значительно крупнее и четко выражен в рельефе, в отличие от исследуемого экземпляра, на котором он лишь обозначен. Это не позволяет однозначно отнести его к серии аналогичных изделий «киммерийского типа». Тем не менее типологически предмет из Славянки наиболее близок именно кинжалам периода поздней бронзы. Слабая выраженность валика, вероятно, позволяет отнести его к начальному этапу этого времени.

Сделанные заключения не противоречат результатам рентгенофлюоресцентного анализа, выполненного в Алтайском государственном универ-

Рис. 2. Фото бронзового кинжала из урочища Славянка
Fig. 2. Photo of a bronze dagger from the Slavyanka tract

ситете. Исследование металла осуществлялось с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом) в стационарных условиях. Публикуемые количественные результаты получены с помощью компьютерной программы «Аналитическая», адаптированной для изучения археологических находок из цветного металла и предусматривающей время каждого измерения 30 с. Сначала тестировалась поверхность изделия, покрытая патиной. Такая процедура позволяет получить «фоновый» набор показателей для дальнейшего сравнительного анализа с данными, зафиксированными на участке, который механическим путем освобождался от мощных поверхностных окислов. На первом этапе прибором выявлен такой элементный ряд: Cu (медь) — 51,57%; Sn (олово) — 47,6%; Fe (железо) — 0,68%; Pb (свинец) — 0,15%; Ag (серебро) — следы. Затем дважды в разных местах изучался уча-

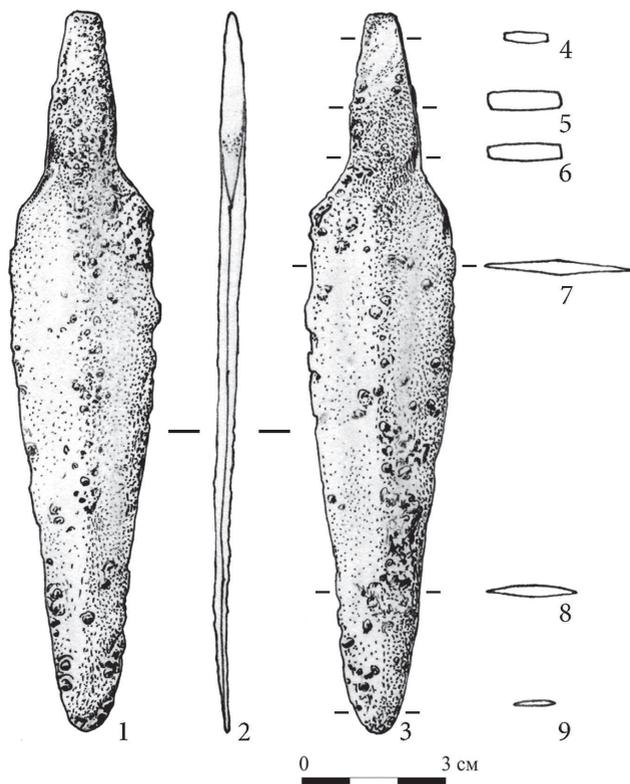

Рис. 3. Рисунок бронзового кинжала из урочища Славянка
 Fig. 3. Drawing of a bronze dagger from the Slavyanka tract

сток на торце черена, где была удалена патина. Получены схожие показатели, свидетельствующие о медно-оловянном (бронзовом) сплаве: 1) Cu — 87,56%; Sn — 12,44%; 2) Cu — 87,96%; Sn — 12,04%. Эти результаты демонстрируют вполне качественную технологию производства металлических изделий. Аналогичный состав характерен для изделий федоровской (андроновской) и саргаринско-алексеевской культур лесостепного Алтая (Грушин и др., 2009, с. 73; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 49–50; Дегтярева, Нескоров, 2015, с. 36, 38; и др.). Судя по всему, рудной базой были месторождения Западного Алтая (Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012). Имеющиеся данные позволяют предполагать, что кинжал был сделан местными мастерами.

Таким образом, находка из Славянки, непосредственно демонстрируя традиции андроновского бронзолитейного производства, все же несет выраженные черты, которые характерны для изделий следующего периода эпохи бронзы. Это позволяет отнести найденный кинжал к переходному типу изде-

лий и датировать временем сосуществования в лесостепном и степном Алтае позднеандроновского и саргаринско-алексеевского населения.

Следует отметить, что факт обнаружения древнего кинжала на самой западной окраине Алтайского края — это достаточно важное событие для археологии региона. Планомерного и целенаправленного научного изучения данной территории фактически не проводилось. Имеющиеся данные отрывочны и связаны преимущественно с работами по обследованию участков для мелиорации в 1980-е гг. В окрестностях урочища Славянка пока не известны археологические памятники, с которыми можно было бы с определенной долей уверенности связать найденный кинжал. Керамика эпохи бронзы в регионе обнаружена на поселениях Каутовка-1 (на расстоянии около 11 км, на южном берегу оз. Большое Яровое) и Сазанды-1 (около 37 км, на южном берегу оз. Сазанды) (Мельников, Яшин, 2004; Гельмель, 2007б, 2009). Ближайшие объекты — одиночные курганы Новокиевка-1 и 2, расположенные в 3,6–3,9 км от урочища Славянка. Датировка этих объектов не установлена. В настоящее время они интенсивно распахиваются, следов ограбления не отмечено.

Отдельные сведения содержатся в учетных карточках, хранящихся в Алтайском государственном педагогическом университете. На обороте одной из них указано, что по информации, полученной в 1990 г. от жителя ст. Кулунда М.С. Макарова (1909 г.р.), в 1950-х гг. в Табунском районе было раскопано несколько курганных насыпей. Первая находилась приблизительно в полукилометре севернее деревни Новокиевка, возле дороги, а вторая — по дороге из Новокиевки на Яровое, примерно в 20 км, третья — приблизительно в 1 км от бывшей деревни Каутовка в сторону Табунов, возле грунтовой дороги (Учетные карточки ...). К сожалению, о находках в указанных объектах не упомянуто. Сопоставление приведенных сведений с современными данными позволяет локализовать раскопанные в 1950-е гг. курганы и сопоставить их с известными к настоящему моменту памятниками. Первый из указанных объектов мог находиться на расстоянии примерно 1–1,5 км от урочища Славянка (участок 1 на рис. 1). На сегодняшний день там или в ближайшей округе не известны памятники археологии, с которыми можно было бы соотнести информацию из учетной карточки. Второй определяемый участок можно сопоставить с объектом археологического наследия «Екатериновка 1, курганный могильник» (рис. 1), находящимся к юго-востоку от г. Яровое, в окрестностях с. Екатериновка Славгородского района Алтайского края (Гельмель, 2007а). Третий объект может соответствовать памятникам «Большое Яровое-1, курганный группа» или «Большое Яровое-2, курганный могильник» (рис. 1), расположенным на южном берегу оз. Большое Яровое, на границе Табунского и Славгородского районов Алтайского края (Демин, Шамшин, 1991). Датировка всех перечисленных археологических комплексов на сегодняшний день точно не установлена. Выраженные в рельефе курганные насыпи имеют следы ограбления в прошлом.

В качестве итога отметим, что представленный музейный предмет указывает на возможность наличия в слое исчезнувшего поселка археологических

находок, имеющих несомненную научную ценность. Кроме этого, вновь остро обозначается проблема недостаточной изученности ряда западных районов Алтайского края. Основная часть памятников, выявленных в ходе предшествующих работ, — визуально фиксируемые на местности курганы. Целенаправленные работы по поиску древних поселений и грунтовых могильников не проводились. Как следствие, в настоящее время памятников таких типов на территории Табунского, Славгородского и Кулундинского районов практически не известно, хотя они имеют такой потенциал. Об этом, в частности, свидетельствует множество разных озер, по берегам которых могут располагаться неизвестные на сегодняшний день объекты археологического наследия.

Список источников

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.

Гельмелъ Ю.И. Отчет об археологической разведке в Славгородском районе Алтайского края летом 2006 года. Славгород, 2007а // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №31025.

Гельмелъ Ю.И. Новые материалы из Славгородского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография и устная история. Вып. 3. Барнаул, 2007б. С. 44–47.

Гельмелъ Ю.И. Новые археологические материалы из Славгородского района // Первая городская историко-краеведческая конференция, посвященная выдающемуся писателю и общественному деятелю Казахстана Сакену Сейфулину. Славгород, 2009. С. 13–15.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 121–128.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Дегтярева А.Д., Нескоров А.В. Ростовкинский клад бронзовых орудий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №3 (30). С. 32–40.

Демин М.А., Шамшин А.Б. Археологическая разведка в Кулундинской степи // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 14–16.

Кунгуров А.Л., Грушин С.П. Находка бронзового кинжала из Целинного района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 135–139.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. Древности и предания озера Ярового. Яровое, 2004. 52 с.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (чернозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57). С. 49–54.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. №1–2 (13–14). Горно-Алтайск, 2009. С. 3–16.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 376 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Федорук О.А., Федорук А.С., Головченко Н.Н., Назаров К.А. Техничко-технологический анализ керамики русского периода с территории Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. Вып. 15. Барнаул, 2020. С. 107–112.

Федорук О.А., Федорук А.С. Техничко-технологическое изучение керамики 1-й половины XX в. с территории Табунского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII. Барнаул, 2021. С. 331–336.

Федорук О.А., Федорук А.С. Изучение керамики первой половины XX века с территории Табунского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 377–382.

Телегин А.Н. Некоторые итоги полевых исследований Степного отряда археологической экспедиции АлтГПУ в 2014 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2015. С. 96–99.

Учетные карточки археологических памятников / Архив Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Сергеевич Федорук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, научный сотрудник; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>, fedorukas@mail.ru

Alexander S. Fedoruk, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Researcher; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Senior Researcher; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61; Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>, fedorukas@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Николай Владимирович Чайка, Табунский районный краеведческий музей, заведующий, 658860, Алтайский край, Табунский район, с. Табуны, ул. Ленина, 13, tschaika.62@mail.ru

Nikolai V. Tschaika, Tabunsky Regional Museum of Local Lore, Head of Museum, 658860, Altai Region, Tabunsky District, Tabunyy Village, Russia, Lenin Ave., 13, tschaika.62@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

**«СЕВЕРНЫЙ ГАМБИТ» — МУЗЕЙНАЯ ВЫСТАВКА
ОБ ИСТОРИИ РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ШАХМАТ
(по мотивам археологических коллекций)**

Василий Александрович Филипенко¹, Александр Викторович Шмидт²

¹*Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры,
Ханты-Мансийск, Россия*

²*Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия*

Резюме. Выставка «Северный gambit» экспонировалась в Музее Природы и Человека (Ханты-Мансийск) и была посвящена истории шахмат на Русском Севере. Ее основу составили материалы из раскопок трех средневековых городов: Великого Новгорода (XII–XV вв.), Березовского городища (XVI–XVII вв.), Мангазеи (XVII в.). Прежде всего, это шахматные фигуры. В основном деревянные, но наиболее ценные комплекты сделаны из кости, камня, янтаря, «рыбьего зуба», бивня мамонта. Шахматные доски обнаружены только в Мангазее. Тем неожиданной стала находка самодельного шахматного поля на поселении народа ханты — Войкарском городке (XVII в.). Видимо уже в это время аборигенное население перенимает эту игру у русских поселенцев. Кроме шахмат на выставке были представлены и другие настольные игры, а также предметы быта и украшения.

Ключевые слова: выставка, шахматы, средневековье, Русский Север, настольные игры

Для цитирования: Филипенко В.А., Шмидт А.В. «Северный gambit» — музейная выставка об истории русских средневековых шахмат (по мотивам археологических коллекций) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 386–393. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.59

**“NORTH GAMBIT” — MUSEUM EXHIBITION
ABOUT THE HISTORY OF RUSSIAN MEDIEVAL CHESS
(Based on Archaeological Collections)**

Vasilii A. Filipenko¹, Alexander V. Schmidt²

¹*Duma of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra,
Khanty-Mansiysk, Russia*

²*Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russia*

Abstract. The exhibition “North Gambit” was exhibited in the Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk) and was devoted to the history of chess in the Russian North. It was based on materials from the excavations of three medieval towns: Veliky Novgorod (the 12th–15th centuries), Beryozovsky ancient settlement (the 14th–17th centuries), Mangazeya (17th century). Firstly, these are chessmen. Mostly wooden, but the most valuable sets are made of bone, stone, amber, ‘fish tooth’, mammoth tusk. Chessboards were found only in Mangazeya. The more unexpected was the finding of a homemade chessboard at the settlement of Khanty people — Voykarsky town (the 17th century). Apparently, already at this time the aboriginal

population adopted this game from Russian settlers. In addition to chess, the exhibition presented other board games, as well as household items and jewelry.

Keywords: exhibition, chess, the Middle Ages, the Russian North, board games

For citation: Filipenko V.A., Schmidt A.V. "North gambit" — Museum Exhibition about the History of Russian Medieval Chess (Based on Archaeological Collections). *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:386–393. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.59

Всемирная шахматная олимпиада — командное соревнование по шахматам среди стран, являющихся членами ФИДЕ. Состязание проводится с 1927 г., и по 1939-й оно именовалось «Турнир наций». Вторая Мировая война и послевоенная разруха прервала соревнования на 10 лет. Возобновился турнир в 1950 г. уже как «Всемирная шахматная олимпиада», с периодичностью проведения 1 раз в 2 года. Советский Союз дебютировал в 1952 г., а в 1956-м впервые стал хозяином проведения чемпионата. Всего в СССР/России команды шахматистов состязались четыре раза: в Москве (1956, 1994), в Элисте (1998), в Ханты-Мансийске (2010).

Спустя 10 лет, в 2020 г., Ханты-Мансийск готовился принять 44-ю Всемирную шахматную олимпиаду. Решение об этом было принято в сентябре 2016 г., на 87-м Конгрессе ФИДЕ в Баку. Одним из культурных мероприятий, приуроченных к открытию турнира, должна была стать масштабная партнерская выставка «Северный gambit», организованная в стенах Музея Природы и Человека. Ее идейный замысел: на примере нескольких археологических коллекций наглядно продемонстрировать, какое значение имели шахматы в культуре средневековой Руси.

Партнерами проекта выступили: Федерация шахмат Ханты-Мансийского автономного округа — Югры; Югорская шахматная академия; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, где хранятся материалы раскопок средневековых культурных горизонтов Великого Новгорода; Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского — обладатель уникальной археологической коллекции, найденной в купеческом городе Мангазея. «Хозяева» выставки, Музей Природы и Человека, готовились представить находки с Березовского городища.

Однако, эпидемия COVID-19 внесла свои коррективы. Соревнования сначала решили перенести на год, а затем вообще отложили на неопределенный срок. В связи с этим возник вопрос о финансировании выставки и времени ее экспонирования. Планы так бы и остались только планами, но на помощь пришел президент Федерации шахмат Югры, депутат Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры В.А. Филипенко. В качестве поддержки Василий Александрович привлек средства резервного фонда правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на финансирование наказов избирателей. Торжественное открытие выставочного проекта состоялось 15 сентября 2021 г. (рис. 1.-1).

Выставка состояла из трех археологических блоков (по количеству коллекций, представленных на ней); познавательной интерактивной зоны; «галереи достижений» (4-й блок) и фотозоны, предоставленных Федерацией шахмат Югры.

Блок 1 — «Появление шахмат на Руси» — открывал выставку. Информационная часть подготавливала посетителя к началу просмотра, рассказывая о возникновении и развитии игры.

На Руси шахматы появились примерно в VIII–IX вв., видимо, благодаря торговле по Волжско-Каспийскому пути со странами Востока. В пользу этого говорят лингвистические данные, согласно которым часть терминов и названия фигур имеют персидское происхождение: «слон», «ферзь», «шахматы» (в этом принципиальное отличие русских шахмат от европейских, где другие причины и пути их появления). Буквально за два века игра распространилась по всей Древней Руси. Это подтверждают археологические находки в Белой Веже, Бресте, Волковыске, Гродно, Киеве, Минске и других средневековых городах (Линдер, 1975).

Великий Новгород в XIII–XV вв. становится одним из крупнейших центров шахматной игры. В ходе археологического изучения средневековых горизонтов города выявлено более 150 фигур. Они найдены почти в каждом раскопанном доме или усадьбе, принадлежавших представителям самых различных слоев городского населения. На выставке было представлено 37 фигур всех видов (рис. 2.-2–6, 10–14). Изделия отличаются большим внешним разнообразием. Мастеров-частников было великое множество (на Руси их называли «шахматники») и все они делали что во что горазд. Определенных стандартов еще не существовало. Сырьем для изготовления шахматных фигур чаще всего служило дерево. Кость использовалась значительно реже и стоили такие комплекты гораздо дороже. Особым шиком считались фигурки из камня, янтаря или «рыбьего зуба» (клык моржа).

Белые шахматы оставляли бесцветными, а «черные» выкрашивали в красный цвет (рис. 2.-2). Фигура ладьи, которую сейчас под влиянием европейских традиций изображают как крепостную башню, в средневековой Руси соответствовала своему названию (рис. 2.-2, 4, 6). Раскопки в Новгороде осуществляются регулярно с 1932 г, но до сих пор нет ни одной целой «шахматницы» (шахматной доски).

На выставке были представлены и другие, не менее азартные настольные игры, в которые резались новгородцы: игра-гонка с прямым боем и «мельница», расцвет которых приходится на X — 1-ю половину XIII в., а также кости. В гонках на специальной доске необходимо было быстрее добраться до финиша. Догоняя фишку соперника, ее снимали с поля или возвращали на старт. Количество ходов определяли броском кубика-бруска (рис. 2.-15).

На доске для игры в «мельницу» чертили три вписанных друг в друга квадрата, соединенных короткими поперечными линиями. В качестве фишек, возможно, использовались костяные диски с нанесенными на них концентрическими кругами или любые мелкие предметы, например камушки. Игра напоминает крестики-нолики или три в ряд. Выстроив ряд, игрок имел право снять с поля фишку соперника.

Кости — еще одна популярная забава среди новгородцев, одна из древнейших настольных игр. Была известна в Древней Греции и Риме, а впослед-

Рис. 1. 1 — выставка «Северный гамбит»; 2–12 — Мангазея; 13–22 — Березово
 Fig. 1. 1 — The exhibition «North Gambit»; 2–12 — Mangazeya; 13–22 — Beryozovo

ствии распространилась по всей средневековой Европе. Археологические находки игральных костей-кубиков подтверждают ее существование на Руси (рис. 2.-7-9). Скорее всего кубики с нанесенными на грани числовыми значе-

ниями применяли и в других настольных играх. Кроме того, они использовались для гадания: выпавшая комбинация чисел соответствовала определенному предсказанию.

В конце XVI в. началось освоение сибирских земель. Вместе с русскими казаками и служивыми людьми шахматы начинают свой путь за Уральские горы. Археологические раскопки на севере Западной Сибири демонстрируют невероятную популярность этой настольной игры.

Блок 2 — «Град Березов». Березов (сейчас: п.г.т. Березово) — первый город на территории Югры, основанный в 1593 г. На рубеже XVI–XVII вв. он представлял собой крепость с рублеными стенами и четырьмя башнями. Сюда к крепости (кремлю) примыкал пятибашенный острог. В ходе археологических исследований в исторической части городища на площади примерно 1500 м² обнаружено более 40 шахматных фигур (рис. 1.-13–22), что свидетельствует о большой популярности этой игры среди поселенцев. Кроме кости и дерева, березовские шахматники использовали бивень мамонта (Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022).

Вероятно, очень скоро коренное население переняло игру в шахматы. В пользу этого предположения свидетельствует находка, сделанная экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А.В. Новикова на Войкарском городке (Новиков и др., 2012).

Памятник расположен в устье реки Войкар. От него до Березова по Оби примерно 200 км. Нет сомнений, что в крепостях знали друг о друге и, возможно, поддерживали контакты. В 2014 г. в ходе археологических раскопок жилища, выстроенного по архитектурным традициям народа ханты и датированного 1-й третью — серединой XVII в., была обнаружена сломанная лыжа. На одной из сторон предмета оказалось вырезанное шахматное поле (рис. 2.-1). Самих «классических» фигур для игры пока не найдено. Однако с памятника происходит большое количество миниатюрных изображений разных животных, сделанных из дерева. По установившейся традиции их рассматривают в качестве детских игрушек. Но вполне вероятно, что так местное население изображало «диковинные» шахматные фигуры.

Помимо шахмат (40 шт.), выставку украсили предметы быта. Березов известен как место ссылки опальных чиновников. Представители дворянства часто становились жителями приполярного города. Одним из них стал любимец Петра I — Александр Меньшиков. Представленные экспонаты соответствовали уровню проживавших здесь горожан: кожаный чехол от компаса — свидетельство знакомства жителей с морской навигацией; оружейный кремль в большом количестве; берестяная табакерка; украшения (перстни из бронзы и серебра); детали одежды и обуви; письменные приборы (перо и чернильница); лекало для изготовления перчаток; берестяная грамота (видимо, какое-то соглашение/договор между поселянами). Хорошая сохранность вещей в культурном слое обеспечена повышенной влажностью грунта, а также наличием мерзлотных линз. Сохранилась даже такая деталь гардероба, как шерстяной вязанный чулок.

Рис. 2. 1 — Войкарский городок; 2–15 — Великий Новгород;
 2, 4, 6 — ладья; 3 — король или ферзь; 10 — конь; 11–14 — пешка
 Fig. 2. 1 — Voykarsky town; 2–15 — Veliky Novgorod;
 2, 4, 6 — rook; 3 — king/queen; 10 — knight; 11–14 — pawn

Блок 3 — «Покинутый город Мангазея». Представительная коллекция средневековых шахмат происходит с Мангазеи — первого русского города в Заполярье, который располагался на реке Таз, в 180 км к югу от Северного Ледовитого океана. Просуществовал город недолго, с 1601 по 1672 гг., как опорный пункт и крепость для дальнейшего освоения Сибири и сбора ясака с местного коренного населения. В период своего расцвета, а это 1-я треть XVII в., будучи крупным торговым центром, Мангазея состояла из кремля-детинца с внутренними постройками и посада, делившегося на торговую и ремесленную половины. Улиц было четыре и свыше 200 жилых домов. В сезон сюда приезжало до 2 тыс. купцов и промышленников.

Археологические находки в Мангазее впечатляют: обнаружено 261 шахматная фигурка, что значительно превосходит новгородскую коллекцию XIII–XV вв. Большинство из них самодельные. Высококачественных ремесленных фигур немного — 44 из кости и примерно 30 из дерева. Изделия из бивня мамонта представлены единичными экземплярами (Визгалов, Пархимович, 2008). Кроме фигур, археологи обнаружили восемь «шахматниц», в то время как в Великом Новгороде и на Березовском городище — ни одной.

Всего экспозицию выставки «Северный gambit» с «покинутого города» украсили 54 шахматные фигуры из дерева, кости и бивня мамонта (рис. 1.-2, 3, 5–12) и одна шахматница. Кроме этого, в витринах были выставлены фишки и фрагмент доски для игры в алькерк (напоминает современные шашки), а также игральные кубики, получившие название «зернь» (рис. 1.-4). Это разновидность игры в кости, распространившаяся на Руси в XVI и XVII столетиях.

Если сравнить шахматные фигуры Мангазеи и Березовского городища, можно увидеть много общих черт, а вот с новгородскими различия очень большие. Это объясняется тем, что Березово и Мангазея, в отличие от Великого Новгорода, близки друг другу и территориально, и хронологически. А кроме этого, имеют схожие пути исторического развития.

Блок 4 — «Шахматы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» рассказывал о современных достижениях отдельных спортсменов округа, Югорской шахматной академии, открывшейся в 2010 г., и Федерации шахмат Югры, образованной в 2005 г. под эгидой ФИДЕ. Кроме завоеванных наград всероссийского и международного уровня, обе организации, действуя в тандеме, предоставили для выставки памятные подарки. Прежде всего, это авторские шахматные наборы, изготовленные современными мастерами по индивидуальному эскизу из металла, дерева, кости, войлока, фарфора.

Дополнила выставку внушительная интерактивная зона: большой ковер, выполненный как шахматное поле, с расставленными на нем крупными, почти в человеческий рост, деревянными фигурами; стилизованный трон, украшенный в соответствующем антураже, на котором посетители могли сфотографироваться на память; интеллектуальная викторина, где правильный ответ нужно было соотнести с соответствующим экспонатом.

В 2021 г. авторы выставки «Северный gambit» рассматривали ее как своеобразную репетицию предстоящего события. С абсолютным желанием повто-

ритель проект в период открытия и проведения 44-й Всемирной шахматной олимпиады в Ханты-Мансийске. Однако из-за мировой политической обстановки ФИДЕ приняло решение провести турнир в 2022 г. в городе Ченнаи (Индия).

Список источников

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. 158 с.

Линдер И.М. Шахматы на Руси. М., 1975. 208 с.

Новиков А.В., Шлюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 262–266.

Информация об авторах / Information about the Authors

Василий Александрович Филипенко, Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, депутат Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры седьмого созыва; 628006, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 5; FilipenkoVA@dumahmao.ru

Vasilii A. Filipenko, Duma of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, Parliamentarian of the Duma of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra; 628006, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira st., 5; FilipenkoVA@dumahmao.ru

Александр Викторович Шмидт, Музей Природы и Человека, заведующий отделом археологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11; кандидат исторических наук; tison172@mail.ru

Alexandr V. Schmidt, Museum of Nature and Human, Department of Archaeology, Head of the Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira st., 11; Candidate of Sciences (History); tison172@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 73.027.1(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.60

EDN: OZLGWS

БЮСТ С.И. ГУЛЯЕВА В БАРНАУЛЕ — ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. В связи с предполагаемым строительством нового корпуса Алтайского государственного университета в центре г. Барнаула на пл. Сахарова автор в 2023 г. приняла участие в работе коллектива по выполнению проекта реставрации и перемещения объекта культурного наследия регионального значения «Бюст С.И. Гуляева».

ва», находящегося в сквере университета и попадающего в зону строительства нового здания. В статье приводятся данные об авторах — архитекторах памятника, месте изготовления и материале, о современном состоянии бюста. Перечисляются приказы Управления государственной охраны Алтайского края об утверждении зоны охраны, границах территории и режиме использования территории объекта культурного наследия, об утверждении предмета охраны.

Ключевые слова: памятник-бюст, С.И. Гуляев, исследователь Алтая, памятник искусства, объект культурного наследия

Для цитирования: Целищева М.А. Бюст С.И. Гуляева в Барнауле — объект культурного наследия регионального значения Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 393–397. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.60

THE BUST OF STEPAN IVANOVICH GULYAEV IN BARNAUL — AN OBJECT OF CULTURAL HERITAGE OF REGIONAL SIGNIFICANCE OF THE ALTAI KRAI

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”,
Barnaul, Russia*

Abstract. In 2023, in the context of the proposed construction of a new building of Altai State University in the center of Barnaul on Sakharov Square, the author participated in the workgroup to carry out a project for the restoration and relocation of a cultural heritage site of regional significance of Stepan Gulyaev’ bust, which is located in the university square and situated in the construction zone of a new building. The article provides data on the monument’s architects, the place of manufacture, the bust’s materials, and the object’s current state. The author also listed the orders of the Department of State Protection of the Altai Krai on the approval of the protection zone, boundaries of the territory, and the mode of use of the territory of the cultural heritage site, and on the approval of the subject of protection.

Keywords: bust, Stepan I. Gulyaev, Altai researcher, art monument, cultural heritage site

For citation: Tselishcheva M.A. The Bust of Stepan Ivanovich Gulyaev in Barnaul — an Object of Cultural Heritage of Regional Significance of the Altai Krai. *Sokhranenie i izuchenie kul’turnogo naslediya Altajskogo kraya = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:393–397. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.60

В городе много памятников искусства, многие из них были созданы в ознаменование каких-либо исторических дат развития г. Барнаула и Алтайского края, а также в честь знаменитых людей, внесших свой вклад в развитие города и края. К таким памятникам относится и бюст С.И. Гуляева, расположенный в историческом центре города, в сквере Алтайского государственного университета. Степан Иванович Гуляев, будущий исследователь Алтая, родился в с. Алейском Кольвано-Воскресенского горного округа в 1806 г, умер в Барнауле в мае 1888 г. и был похоронен на Нагорном кладбище, памятник не сохранился. В Государственном архиве Алтайского края хранится фамильный фонд (Ф. 163), посвященный отцу и сыну — Гуляеву Степану Ивановичу и Гуляеву Николаю Степановичу. Именем С.И. Гуляева была названа одна из улиц г. Барнаула.

Благодарные жители города не оставили без внимания ученых-краеведов, историков и этнографов. Постановлением бюро Барнаульского горкома КПСС и горисполкома от 25 января 1978 г. был разработан и принят документ о подготовке к 250-летию Барнаула (1980 г.), в него вошел и план по изготовлению и установке памятных знаков в городе. В 1986 г. около одного из корпусов Алтайского государственного университета были установлены памятники-бюсты С.И. Гуляеву и П.Т. Семенову-Тянь-Шанскому. Архитекторы — К.И. Пентешин, А.Л. Богомолец, С.А. Боженко, В.А. Кашин. Выполняли бюсты на Ленинградском экспериментально-скульптурном предприятии. Материал бюста С.И. Гуляева — светло-серый гранит, голова бюста П.Т. Семенова-Тянь-Шанского была выполнена из серо-розового гранита.

В 1994 г. бюст С.И. Гуляева был поставлен на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет он находился на балансе городского Управления благоустройства. Объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №127365-р, регистрационный номер 221711082150005. В 2019 г. был выполнен Акт государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в г. Барнауле и Алтайском крае, где в том числе указан и объект культурного наследия «Бюст С.И. Гуляева». В 2020 г. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 4 августа 2020 г. №647 было утверждено охрannое обязательство собственника объекта культурного наследия (ОКН). Приказом Управления Алтайохранкультуры от 10 декабря 2020 г. №1432 установлены зоны охраны, режим использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территории данной зоны ОКН. В 2021 г. Приказом Управления Алтайохранкультуры от 4 марта 2021 г. №164 утверждены границы территории и режим использования территории ОКН. Приказом Алтайохранкультуры от 28 апреля 2023 г. №237 утвержден предмет охраны ОКН.

В связи с предполагаемым строительством нового корпуса АлтГУ на пл. Сахарова в 2023 г. Творческая мастерская архитектора А.Ф. Деринга «Классика»» (ООО «Классика») разработала научно-проектную документацию на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения «Бюст С.И. Гуляева», расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, сквер АГУ, с наименованием «Проект реставрации и перемещения объекта культурного наследия регионального значения “Бюст С.И. Гуляева”». Автор приняла участие в работе данного коллектива, проведя архивно-библиографические изыскания с выполнением исторической записки. В феврале 2023 г. бюст Гуляева был обследован, и специалисты отметили, что объект культурного наследия представляет собой архитектурное сооружение, состоящее из вертикальных объемных элементов — постамента высотой 2,2 м и установленного на нем бюста высотой 1,1 м, установленных на едином горизонтальном подиуме прямоугольной формы в плане размером 0,8×1,20 м,

*Объект культурного наследия «Бюст С.И. Гуляева», 1986 г., расположенный по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, сквер АГУ. Обищий вид. Фото 2024 г.
Cultural Heritage Site Bust of Stepan I. Gulyaev, 1986, at: Altai State University garden square, Barnaul, Altai Krai. General view. Photo by 2024*

высотой 0,4 м, все элементы выполнены из гранита на цементно-песчаном растворе. Памятник установлен на подготовленную бетонную площадку, по периметру обрамленную бордюрным камнем, в плане размером 2,06×2,0 м, площадь застройки — 4 м², высота памятника — 3,65 м, строительный объем — 2,2 м³, масса — 5,72 т. При визуальном осмотре были выявлены отклонения бордюрного камня по вертикали и горизонтали, расхождение бордюрных камней составляет 3 см. В основании столба памятника имеются сколы и трещины. Зафиксированы неравномерные осадки основания, предположительно последствия морозного пучения насыпного грунта. Имеются трещины и перепады асфальтового покрытия тротуаров сквера. В заключении специалисты отметили, что художественный облик скульптурного бюста сохранен в первоначальном виде, сохранность элементов несущей конструкции объекта «Бюст

С.И. Гуляева» находится под угрозой нарушения. По результатам технического заключения, выполненного ООО «АрхиГрупп» в 2023 г., для безопасной эксплуатации объекта рекомендовалось перемещение обследуемого объекта культурного наследия в границах сквера на предварительно подготовленную территорию с обязательной заменой грунта основания на непучинистый. Проектом ООО «Классика» предлагалось объект культурного наследия регионального значения «Бюст С.И. Гуляева», расположить рядом с объектом культурного наследия регионального значения «Бюст П.П. Семенова-Тян-Шанского» через аллею, ведущую в сторону пр. Ленина. Тем самым формируя гармоничный визуальный ряд из памятников, выполненных в одном стиле и материале. В целом историческая среда была бы сохранена, связь между памятниками искусства не потерялась. После перемещения памятника было рекомендовано уточнить и разработать вновь проект границ территории и зоны охраны объекта культурного наследия регионального значения «Бюст С.И. Гуляева». Но в дальнейшем перенос в другое место бюста С.И. Гуляева пока отклонили.

Объект культурного наследия регионального значения «Бюст С.И. Гуляева», 1986 г., расположен по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, сквер АГУ, Постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169 поставлен на государственную охрану. Историк, этнограф, фольклорист, изобретатель, подлинный подвижник по своей натуре Степан Иванович Гуляев — одна из самых ярких фигур среди алтайских краеведов.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул), историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage” (Barnaul), Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025*

Научная статья / Article

УДК: 902.2:069(517.3)

DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.61

EDN: OLRSEK

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ В МУЗЕЯХ И ПАРКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. «Оленные» камни являются важными источниками для изучения культуры кочевников Евразии поздней бронзы и раннего железного века. Хангайские горы расположены на территории современной Центральной Монголии и представ-

ляют собой крупный горный хребет, богатый древними историческими и культурными памятниками. Древние изваяния там имеют свои уникальные особенности, обусловленные целым рядом обстоятельств. Исследования показывают, что Монголия, по-видимому, не уделяет особого внимания размещению древних изваяний (особенно «оленных» камней) в специализированных музеях или для их популяризации среди общественности. В статье приводится информация о десяти «оленных» камнях, находящихся в краеведческих музеях и парках Центральной Монголии. Их привезли из разных мест поблизости, и о большинстве изваяний почти нет информации (например, их первое состояние, место нахождения, название его, кто и когда привез). Это затрудняет определение и изучение связи таких изваяний с какими-либо погребальными или мемориальными комплексами. Однако их присутствие в поселении является преимуществом, позволяющим получить информацию об их оформлении и подробно изучить все изображения. Кроме того, перенимая передовой опыт других стран по размещению изваяний в соответствии со стандартами в небольших музеях, можно улучшить сохранность «оленных» камней, а также появятся перспективные возможности использования их по назначению и представления публике.

Ключевые слова: Центральная Монголия, «оленный» камень, музей, парк, аймак, сомон, сохранение, перспектива

Для цитирования: Эрдэнэпүрэв П. «Оленные» камни в музеях и парках Центральной Монголии: проблемы сохранения и перспективы использования // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 397–405. DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.61

“DEER” STONES IN MUSEUMS AND PARKS OF CENTRAL MONGOLIA: PROBLEMS OF PRESERVATION AND PROSPECTS OF USE

Erdenepurev Purevdorj

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. “Deer” stones are important sources for studying the nomadic culture of Eurasia in the Late Bronze Age and Early Iron Age. The Khangai Mountains are located in what is now Central Mongolia and are a large mountain range rich in ancient historical and cultural monuments. The ancient sculptures here have their own unique features due to a number of circumstances. Research shows that Mongolia apparently does not pay much attention to placing ancient sculptures, especially “deer” stones, in specialized museums or popularizing them among the public. This article provides information on ten “deer” stones located in local history museums and parks in Central Mongolia. They were brought from different places nearby, and almost no information has been preserved about most of the sculptures, such as their first condition, location, name of the place, who brought them and in what year. This makes it difficult to determine and study the connection of such sculptures with any burial or memorial complexes. However, their presence in the settlement is an advantage, allowing us to obtain information from them on the design and study all the images in detail. In addition, by adopting the best practices of other countries in placing the sculpture in accordance with the standards in small museums, it is possible to improve the preservation of the “deer” stones, and there will be a possibility of using them for their intended purpose and presenting them to the public.

Keywords: Central Mongolia, “deer” stone, museum, park, aimag, somon, conservation, perspective

For citation: Erdenepurev P. “Deer” Stones in Museums and Parks of Central Mongolia: Problems of Preservation and Prospects of Use. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025;XXXI:397–405. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2025.31.61

Различные сведения об «оленных» камнях Центральной Монголии уже нашли отражение в ряде научных трудов (Позднеев, 1896, с. 217–232; Волков, 2002; Турбат и др., 2011; Гантулга, Ерөөл-Эрдэнэ, Магай, 2016; Монгол ба бүс ..., 2021; Идэрхангай и др., 2024, с. 215–313; и др.). Обобщение опубликованных сведений и рассмотрение обнаруженных архивных материалов позволили установить, что в горах Хангая насчитывается более 500 древних изваяний (Эрдэнэпурэв, 2023, с. 81).

В данной статье отражена основная идея о необходимости регистрации и изучения «оленных» камней, установленных в музеях и парках, а также приведены ссылки на опыт и методы исследователей других стран по документированию древних изваяний с использованием современных технологий, которые приносят свои плоды. Важно систематически использовать это в монгольских краеведческих музеях. Опыт также показывает, что археологические памятники являются ключевыми продуктами туризма и вызывают большой интерес у путешественников. В настоящее время исследования показывают, что одним из важнейших способов включения археологического наследия в туристическую деятельность является музеефикация (Паршикова, 2017, с. 214).

С 1921 г. в Монголии осуществляется организованная государственная политика по охране памятников истории и культуры, а первый музей был создан в 1924 г. С тех пор краеведческие музеи были созданы и продолжают работать в каждом аймаке и в сомоном центре. В этих музеях собираются и экспонируются местные особенности, исторические и археологические артефакты. Задача данной статьи — демонстрация «оленных» камней в музеях и парках на территории Центральной Монголии для анализа и использования в экскурсионно-туристической практике.

Первый рассматриваемый «оленный» камень (рис. 1) стоит перед краеведческим музеем в центре сомона Тэлмэн Завханского аймака, в парке у здания администрации. Рядом нет никакой информации (опознавательных знаков или таблички) о том, кто, когда и откуда привез это изваяние. В работах монгольских исследователей, изучавших этот объект, вообще не упоминаются какие-либо подробности (Анхсанаа, Энхбат, 2017, с. 88; Баярхуу, Энхбаяр, 2021, с. 471). Однако в монографии В.В. Волкова (2002, с. 66–67, табл. 56.-1) этот «оленный» камень был идентифицирован как пятое изваяние с жертвенного места Шургахын ам близ пос. Угуумур, где оно находилось среди 18 статуй. Там же опубликована иллюстрация. Судя по всему, «оленный» камень был перемещен со своего места на большом жертвенном комплексе. Для изваяния использовался крупный каменный блок подквадратной формы в разрезе. В результате был изготовлен классический «оленный» камень (размера-

ми 222×32×29 см) со стилизованными фигурами оленей и с изображениями разных реалий (серьга, ожерелье, пояс, щит, кинжал, двойной крючок и др.). Стоит отметить сохранившиеся следы краски, а также наличие утрат, связанных, по всей видимости, с процессом транспортировки. Пока состояние изваяния хорошее, лучше его переместить в здание музея.

*Рис. 1. «Олений» камень в парке центра сомона Тэлмэн и состав совместной монголо-русской исследовательской команды, 2023 г.
Fig. 1. “Deer” stone in the park of Telmen sum, Composition of the joint Mongolian-Russian research team, 2023*

Второй «оленьный» камень (рис. 2.-1) находится под открытым небом на центральной площадке краеведческого музея в г. Цэцэрлэг — столице Архангайского аймака (Энхбат, Анхсанаа, Даваацэрэн, 2013, с. 112; Гантулга, Ерөөл-Эрдэнэ, Магай, 2016, с. 109; Гантулга, Идэрхангай, 2021, с. 66). Эта статуя была доставлена из места под названием Баянцагааны хундий в 1960-х гг. Рисунки на камне глубокие и четкие. На изваянии изображены фигуры стилизованных оленей, свисающее ожерелье и серьги (одна выполнена оригинально и с подвеской). Этот «оленьный» камень сделан из базальта. Вверху на передней части отсутствуют изображения, этот участок просто гладкий. Возможно, лицо было нарисовано краской или вообще отсутствовало (рис. 2.-1). По всей видимости, использовался крупный и длинный каменный блок. Поскольку он врыт в землю довольно глубоко, нижняя часть изваяния не видна. Доступ-

Рис. 2. «Оленные» камни в музеях и парках: 1 — город Цэцэрлэг; 2 — сомон Их-Тамир; 3 — сомон Батцэнгэл; 4 — Музей Хархорина
 Fig. 2. "Deer" stones in the museums and parks: 1 — the city of Tsetserleg; 2 — somon Их-Тамир; 3 — сомон Батцэнгэл; 4 — Kharkhorin Museum

ные размеры такие — 155×45×35 см. Степень сохранности средняя. Статуя размещена в специализированном музее, однако никакой опознавательной таблички с информацией или пояснениями о ней нет.

Третий «оленный» камень расположен во дворе парка перед административным зданием в центре сомона Их-Тамир аймака Архангай (рис. 2.-2). Его привезли из места под названием Баянцагааны хундий и установили в яму (Волков, 2002, с. 32, табл. 3.-1; Гантулга, Ерөөл-Эрдэнэ, Магай, 2016, с. 119; Гантулга, Идэрхангай, 2021, с. 80). Изваяние изготовлено из светло-серого гранита. На нем изображены стилизованные фигуры оленей, серьга, щит, лошадка, пояс, зеркало, топор, лук и, видимо, колчан. В настоящее время нижняя часть «оленного» камня не видна и находится под землей. Видимые размеры такие — 143×60×27 см. Сохранность средняя. Изваяние находится на открытом воздухе, поэтому постоянно подвергается природному воздействию.

Четвертый «оленный» камень находится во дворе средней школы в сомоне Батцэнгэл Архангайского аймака, его основание залито бетоном (Волков, 2002, с. 26–27; Гантулга, Ерөөл-Эрдэнэ, Магай, 2016, с. 123; Идэрхангай и др., 2024, с. 268–269, табл. 1.–2). Это нижняя часть древнего изваяния (рис. 2.-3). Для его изготовления использовался серый гранит. Неизвестно, из какого места, кем и когда он был привезен и установлен. Помимо оленей, изображения которых покрывают все стороны, на одной из широких его сторон выбит великолепный кинжал с кольчатым навершием и украшенной рукоятью. Сохранность изваяния плохая. Видимые размеры — 117×22×71 см.

Пятый «оленный» камень хранится в краеведческом музее центра сомона Улзийт Архангайского аймака. Он сделан из мелкозернистого песчаника с красноватой поверхностью. Сохранилась только верхняя часть древнего изваяния, которая была обнаружена в 2009 г. при строительстве общежития школы. В результате верхняя часть «оленного» камня поступила в музей (Эрдэнэпурэв, 2023, с. 260–261). Размеры находки 62×39×12 см. Имеется стилизованное изображение оленя, серьги с подвеской и без нее. Найденный обломок демонстрирует характерную скошенность (Эрдэнэпурэв, Идэрхангай, Тишкин, 2024, с. 58–59).

Шестой «оленный» камень свободно лежит на земле во дворе парка в центре сомона Хотонт Архангайского аймака. Он изготовлен из светло-серого гранита и представляет собой фрагмент нижней части изваяния (Энхбат, Анхсанаа, Даваацэрэн, 2013, с. 89; Гантулга, Идэрхангай, 2021, с. 165). Информации о происхождении этой статуи нет, ее размеры составляют 206×75×36 см. Сохранность изображений средняя, присутствуют стилизованные изображения оленей, а также пояса, щита и боевых топоров.

Седьмой «оленный» камень находится во дворе краеведческого музея Хонгор столице Баянхонгорского аймака. Это остатки верхней части статуи, которая была сделана из коричневого сланца. Сведений о том, когда, кем и откуда была привезена часть изваяния, нет. На нем отчетливо видны стилизованные изображения оленя, а также пятиугольный щит, козерог, боевой топор, нож и три маленькие лошадки (Төрбат, Батболд, Баярхүү, 2021, с. 282).

Восьмой «оленный» камень находится в центре сомона Галуут Баянхонгорского аймака, во дворе парка. Статуя разделена на две части, которые свободно лежат на земле. Общие размеры ее составляют 235×18×43 см. На изваянии изображены серьги, стилизованные фигуры оленей, ожерелье, пояс и пятиугольный щит. Памятник сделан из серовато-белого гранита и плохо сохранился. По мнению В.В. Волкова (2002, с. 50), первоначально данный «оленный» камень стоял там же, на территории сомоного центра, возле четырехугольной оградки, с ее восточной стороны.

Девятый «оленный» камень расположен в центре маленькой четырехугольной оградки, стоит в центре сомона Зуунбаян-Улаан Увурхангайского аймака. Вероятно, эта статуя находится в ее первоначальном положении. Ее размеры над уровнем земли составляют 145×55×32 см. Изваяние сделано из светло-серого гранита. Рисунки сохранились лишь на одной из широких сторон камня, осталась только серьга и три крупные стилизованные фигуры оленя (Волков, 2002, с. 76–77; Энхбат, Даваацэрэн, Пүрэвхам, 2011, с. 80; Төрбат, Гантулга, Энхбаяр, 2021, с. 27).

Десятый «оленный» камень находится в выставочном зале музея в центре сомона Хархорин Увурхангайского аймака. Эту статую привезли из сомона Бат-Улзий, где она использовалась в плиточной могиле комплекса Тэмээн чулууны ам. Изображения на этой статуе сильно выцвели и обветшали, видны только стилизованные фигурки оленя и изображение пояса (рис. 2.-4). Размеры изваяния, изготовленного из серого гранита, составляют 199×50×22 см (Төрбат, Гантулга, Энхбаяр, 2021, с. 33). Рядом находится информационная табличка.

Представленная информация основана на опубликованных сведениях. Информация о некоторых изваяниях отсутствует или является неполной. Хотя эти «оленные» камни расположены в центральных поселениях, очевидно, что местная власть не уделяет внимания их охране и восстановлению. Очевидно также, что исследователи изучают каждый такой памятник лишь в рамках собственной работы и уезжают. Похоже, что они не прилагают особых усилий для информирования местных властей и общественности о ценности изваяний. В Центральной Монголии в выставочном зале музея находится только один упомянутый выше «оленный» камень (рис. 2.-4). Что касается других аналогичных изваяний, то мы видим, что такому культурному наследию не уделяется особого внимания, хотя их ценность этих камней высока.

Хангайские горы богаты древними историческими и культурными памятниками. Они имеют множество красивых природных объектов, что делает этот регион Монголии относительно хорошо развитым для туризма по сравнению с другими. Поэтому важно сделать известными общественности вышеупомянутые «оленные» камни, поэтапно их реставрировать и включить в туристические маршруты.

С использованием современных цифровых технологий эффективно ведется работа по документированию и комплексному изучению «оленных» камней, хранящихся в российских музеях (Свойский и др., 2021, с. 131–136).

Применение подобных передовых методов к памятникам Центральной Монголии — это новая методология, которая поможет защитить «оленные» камни, получить полную информацию о них и передать ее будущим поколениям.

Российский археолог А.А. Тишкин на основе обследования Чуйского «оленного» камня в Горном Алтае выдвинул 12 предложений, основанных на собственном опыте их сохранения и музеефикации (Тишкин, 2024, с. 347). Было бы эффективно перенять эти рекомендации и исследовательские методики, выдвинутые учеными, основанные на их передовом опыте, что окажет положительное влияние на сохранность монгольского наследия, особенно древних скульптур.

Наконец, из вышеизложенной информации следует, что необходимо постепенно внедрять опыт других стран, проводящих важные работы на археологических объектах, в том числе по охране и музеефикации древних изваяний, для «оленных» камней Центральной Монголии.

Список источников

Анхсанаа Г., Энхбат Г. Монгол нутаг дахь түүх соёлын, үл хөдлөх дурсгал. Дэтэр XI. Завхан аймаг. Улаанбаатар, 2017. 120 н. (на монг. яз.).

Баярхүү Н., Энхбаяр Г. Завхан аймгийн буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I. Улаанбаатар, 2021. С. 428–495 (на монг. яз.).

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж. Хойд тамирын буган хөшөө. Хойд тамирын хөндий дэх археологийн судалгаа-I. Улаанбаатар, 2016. 187 с. (на монг. яз.).

Гантулга Ж., Идэрхангай Т. Архангай аймгийн буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I. Улаанбаатар, 2021. С. 24–193 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Мөнхжин М., Намсрайжамц А., Уянга Х., Хүслэн Л., Цэнд Д., Энхзул Ж., Эрдэнэпүрэв П. Тулгар төрийн голомт нутаг тунгалаг тамирын хөндий, Батцэнгэл сумын түүхэн товчоон-I (Чулуун зэвсгийн үеэс XIV зуун). Улаанбаатар, 2024. 560 с. (на монг. яз.).

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I-III. Улаанбаатар, 2021. 496 т.; 424 т.; 448 т.; (на монг. яз.).

Паршикова Т.С. Опыт музеефикации археологических памятников Алтайского края: проблемы и перспективы // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2017. №5. С. 213–217.

Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. I: Дневник и маршрут 1892 года. СПб., 1896. 696 с.

Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Тишкин А.А. Использование современных цифровых технологий для документирования и всестороннего изучения «оленных» камней, хранящихся в музеях России // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 131–136.

Тишкин А.А. Чуйский «оленный» камень: история изучения и необходимость сохранения уникального изваяния // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2024. Вып. XXX. С. 341–348.

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд. Улаанбаатар, 2011. 192 с. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Батболд Н., Баярхүү Н. Баянхонгор аймгийн буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I. Улаанбаатар, 2021. С. 264–341. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Энхбаяр Г. Өвөрхангай аймгийн буган хөшөөд, Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть II. Улаанбаатар, 2021. С. 6–49. (на монг. яз.).

Энхбат Г., Анхсанаа Г., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. Дэвтэр Х. Архангай аймаг. Улаанбаатар, 2013. 117 н. (на монг. яз.).

Энхбат Г., Даваацэрэн Б., Пүрэвлхам Л. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. Дэвтэр Ү. Өвөрхангай аймаг. Улаанбаатар, 2011. 129 н. (на монг. яз.).

Эрдэнэпурэв П. «Оленный» камень в краеведческом музее Улзийт сомона Архангайского аймака (Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIX. Барнаул, 2023. С. 259–262.

Эрдэнэпурэв П. История изучения «оленных» камней в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2023. №3. С. 81–85.

Эрдэнэпурэв П., Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А. «Оленные» камни в центре сомона Улзийт (Архангайский аймак, Монголия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, №3. С. 50–63.

Информация об авторе / Information about the Author

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр истории, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Erdenepurev Purevdorj, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Master of History, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Статья принята к публикации 15.04.2025
The article approved after reviewing 15.04.2025

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей.
АККПБ — Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Ю.К. Эрдмана.
АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет.
АлтГУ — Алтайский государственный университет.
АНО — Автономная некоммерческая организация.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БТИ — Бюро технической инвентаризации.
БУ — Бюджетное учреждение.
ВК — Всесезонный курорт.
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
ГААК — Государственный архив Алтайского края.
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАНО — Государственный архив Новгородской области.
ГАТО — Государственный архив Томской области.
ГБУ — Государственное бюджетное учреждение.
ГБУК — Государственное бюджетное учреждение культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМИЛИКА — Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая.
ГХМАК — Государственный художественный музей Алтайского края.
ГЭС — гидроэлектростанция.
ЗСОРГО — Западно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического общества.
ИА — Институт археологии.
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии.
ИЭЭ — Историко-этнографическая экспедиция.
КГБУЗ — Краевое государственное бюджетное учреждение здравоохранения.
ККАЭЭ — Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
КНР — Китайская Народная Республика.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого.
МАЭА — Музей археологии и этнографии Алтая.
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКУК — Муниципальное казенное учреждение культуры.
НАН РК — Национальная академия наук Республики Казахстан.

НГУ — Новосибирский государственный университет.
НИОКР — Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.
НИР — Научно-исследовательская работа.
НПЦ — Научно-производственный центр.
НСО — Новосибирская область.
ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
ОАНИЦ — Объединенный археологический научно-исследовательский центр.
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры.
ПФКИ — Президентский фонд культурных инициатив.
РА — Российская археология.
РАН — Российская академия наук.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РГО — Русское географическое общество.
РИНЦ — Российский индекс научного цитирования.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РНФ — Российский научный фонд.
РОО — Региональная общественная организация.
РПЦ — Русская Православная Церковь.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РХЦ — Реставрационно-хранительский центр.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
СО — Сибирское отделение.
СОШ — Средняя общеобразовательная школа.
СПГК — Союз Православных Граждан Казахстана.
СПО — среднее профессиональное образование.
ОО «Союз Православных Граждан Казахстана» — Общественное Объединение «Союз Православных Граждан Казахстана».
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ — Томский государственный университет.
ТНИИЯЛИ — Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.
УНИЛ — учебно-научно-исследовательская лаборатория.
ФГБУК — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры.
ФИДЕ — Международная шахматная федерация.
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
ЦУИиЭ — Центр устной истории и этнографии.
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Выпуск XXXI

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская
Дизайн-обложки: А.А. Тишкин

*Для оформления обложки использован фотоснимок А.А. Тишкина:
курганы на памятнике Ханхаринский дол
(исследования экспедицией под руководством П.К. Дашковского
около с. Чинета Краснощековского района Алтайского края)*

Подписано в печать 17.04.2025. Выход в свет 23.04.2025.
Бумага офсетная. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 23,72. Тираж 100 экз. Заказ №263.

Издательство Алтайского государственного университета:
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66